H. lit. P. 619 g

H. lit. P. 619 ⁹⁄₇

ЖУРНАЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

УЧЕНАГО КОМИТЕТА

ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ УЧИЛИЩЪ

ПО

ПРОЕКТУ ОБЩАГО УСТАВА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ

РОССІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1862.

87

Печатано по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fgt 179/6186

Н. ш. Р. 619 9

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
№ 1. Журналъ засѣданій 27 іюня, 20 іюля и 14 августа 1862 года	1— 5
Приложеніе: О значеніи университетовъ въ государственномъ, ученомъ и учебномъ отношеніяхъ, Андреевскаго	1— 16
№ 2. Журналъ засѣданія 28 августа	1— 8
Приложеніе: Сводъ мнѣній: 1) о совѣтѣ, 2) о власти попечителя и его помощника въ отношеніи университета и 3) о факультетскихъ собраніяхъ, Ведрова	17— 38
№ 3. Журналъ засѣданія 4 сентября	1— 8
Приложенія: I. Сводъ замѣчаній на главу проекта общаго устава университетовъ «объ ученыхъ степеняхъ», Воронова	39— 57
II. Сводъ замѣчаній о составѣ физико-математическаго факультета въ университетахъ и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ онаго, Савича	57— 67
№ 4. Журналъ засѣданія 11 сентября	1— 7
Приложенія: I. Сводъ замѣчаній, относящихся ко второй главѣ и особенно къ ст. 12 проекта общаго устава Россійскихъ университетовъ, Люгебиля	68— 78
II. Сводъ замѣчаній о лекціяхъ, задачахъ и испытаніяхъ, Бауера	79— 91
№ 5. Журналъ засѣданія 14 сентября	1— 10
Приложеніе: Объ университетскихъ преподавателяхъ, Георгіевскаго	92—140
№ 6. Журналъ засѣданія 18 сентября	1— 10
Приложенія: I. Объ обязанностяхъ учащихся, Спасовича	141—163
II. О чиновникахъ по административной и хозяйственной частямъ, Березина	164—179
№ 7. Журналъ засѣданія 21 сентября	1— 8
Приложенія: I. О правленіи университета, Калиновскаго	180—191
II. О факультетѣ восточныхъ языковъ, Березина	192—196
III. О составѣ и порядкѣ преподаванія въ физико-математическомъ факультетѣ, Бекетова	197—204
№ 8. Журналъ засѣданія 25 сентября	1— 6

СТРАН.

Приложенія: I. О пріемѣ въ университетъ, Благовѣщенскаго 205—241
II. О платѣ за слушаніе лекцій, Калиновскаго. 242—261
III. О почетныхъ университетскихъ званіяхъ и ученыхъ обществахъ, Костомарова 262—263
№ 9. Журналъ засѣданія 28 сентября 1— 15
Приложенія: I. О порядкѣ опредѣленія и увольненія университетскихъ преподавателей, Ивановскаго . . 264—288
II. О составѣ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ медицинскаго факультета, Иллинскаго 289—299
III. О штатахъ университетовъ, Чебышева 300—316
IV. Объ обязанностяхъ университетскихъ преподавателей, Георгіевскаго 317—323
№ 10. Журналъ засѣданія 29 сентября 1— 10
Приложенія: I. О ректорѣ и деканахъ, Барановскаго 324—334
II. О стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, Андреевскаго 335—343
III. О преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ, Поповицкаго 344—364
№ 11. Журналъ засѣданія 2 октября 1— 15
Приложенія: I. О составѣ юридическаго факультета, Панова. 365—388
II. О продолжительности университетскаго курса, Бауера 389—394
III. О правахъ и преимуществахъ университетовъ, Сахарова 394—416
№ 12. Журналъ засѣданій 9, 16, 23, 28 и 31 октября 1— 2
Приложенія: I. О значеніи каѳедры всеобщей литературы, Благовѣщенскаго 417—420
II. О необходимости преподаванія статистики, какъ особой науки, Георгіевскаго 421—424
III. О преподаваніи статистики въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, Бушена 425—428
IV. Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Пеликана 429—435
V. Нѣкоторыя замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Дубовицкаго 436—449
VI. О составѣ юридическаго факультета, Шнейдера 450—465
VII. О значеніи каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ для Русскихъ университетовъ, Утина 466—480

ЖУРНАЛЪ

засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ I.

Засѣданія 27 іюня, 20 іюля и 14 августа 1862 года.

Въ засѣданіи ученаго комитета главнаго правленія училищъ 27 іюня, слушано было состоявшееся 21 іюня, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

«Государю Императору угодно, чтобы, по полученіи ожидаемыхъ замѣчаній на проектъ университетскаго устава, ученый комитетъ разсмотрѣлъ эти замѣчанія, передѣлалъ проектъ и составилъ штаты университетовъ, приглашая въ свои засѣданія и другихъ способныхъ лицъ, кромѣ членовъ ученаго комитета».

Въ концѣ іюня мѣсяца печаталась еще только первая часть поступившихъ до того времени въ министерство «Замѣчаній» на проектъ университетскаго устава, а между тѣмъ ожидались еще замѣчанія отъ многихъ мѣстъ и лицъ: посему опредѣлено было приступить къ исполненію Высочайшей воли немедленно по отпечатаніи всѣхъ замѣчаній. Затѣмъ, отъ 9 іюля за № 5192, г. управляющій министерствомъ, имѣя въ виду, что замѣчанія уже отовсюду поступили въ министерство и что приводится къ окончанію печатаніе ихъ, предложилъ г. пред-

сѣдателю немедленно сдѣлать всѣ нужныя распоряженія для безотлагательнаго исполненія вышеизложенной Высочайшей воли, а отъ 18 іюля препроводилъ списокъ преподавателей С.-Петербургскаго университета, которые могли-бы быть приглашены къ участію въ занятіяхъ ученаго комитета по разсмотрѣнію замѣчаній и передѣлкѣ устава. Вслѣдствіе сего, предположено было предложить такое участіе гг. профессорамъ и преподавателямъ: Ивановскому, Савичу, Горлову, Костомарову, Березину, Сухомлинову, Андреевскому, Спасовичу, Совѣтову, Утину, Пыпину, Бекетову, Калиновскому, Люгебилю и Панову, и въ назначенное, вслѣдъ за тѣмъ, засѣданіе ученаго комитета 20 іюля приглашены были находившіеся въ то время въ С.-Петербургѣ гг. Ивановскій, Савичъ, Андреевскій, Люгебиль и Пановъ, а изъ гг. членовъ комитета присутствовали въ этомъ засѣданіи гг. Чебышевъ и Благовѣщенскій.

По объявленіи гг. присутствовавшимъ цѣли засѣданія и предстоящихъ ученому комитету Высочайше возложенныхъ на него занятій, г. предсѣдатель предложилъ обсудить порядокъ, которому надлежитъ слѣдовать при разсмотрѣніи замѣчаній и передѣлкѣ проекта устава университетовъ. По соображеніи сущности предстоящихъ занятій, постановлено было слѣдующее:

1) Каждому изъ гг. членовъ ученаго комитета и приглашенныхъ къ занятіямъ по проекту университетскаго устава избрать извѣстный отдѣлъ, а болѣе обширные отдѣлы распредѣлить между нѣсколькими членами.

2) По избраннымъ такимъ образомъ отдѣламъ составить сводъ мнѣній, высказанныхъ въ замѣчаніяхъ, и

3) По каждому отдѣлу составлять и вносить въ ученый комитетъ отдѣльныя записки, составъ которыхъ долженъ быть слѣдующій:

а) Изложеніе статей по проекту общаго устава университетовъ.

б) Сводъ мнѣній, высказанныхъ по этимъ статьямъ въ замѣчаніяхъ.

в) Общій выводъ изъ сихъ замѣчаній съ заключеніемъ, и

г) Проектъ новой редакціи соотвѣтствующихъ статей.

При этомъ признано неизлишнимъ, въ случаѣ надобности, вводить въ записки историческіе обзоры по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касающимся устройства университетовъ.

Затѣмъ гг. присутствовавшіе приняли на себя разсмотрѣніе и обработку слѣдующихъ вопросовъ:

1) Г. Предсѣдатель — объ ученыхъ степеняхъ.

2) Г. Андреевскій — о значеніи университетовъ въ государственномъ, ученомъ и учебномъ отношеніяхъ.

3) Г. Ивановскій — о преподавателяхъ университетовъ (ихъ степени, приготовленіе, избраніе, опредѣленіе, увольненіе; вопросъ о приватъ-доцентахъ и гонораріи).

4) Г. Савичъ — объ устройствѣ физико-математическаго факультета и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ онаго.

5) Г. Чебышевъ — о штатахъ университетовъ.

6) Г. Благовѣщенскій — о пріемѣ въ университетъ, о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

7) Г. Пановъ — о составѣ юридическаго факультета.

8) Г. Люгебиль — о составѣ историко-филологическаго факультета.

При семъ гг. присутствовавшимъ розданы были экземпляры отпечатанной 1-й части «Замѣчаній на проектъ общаго устава университетовъ».

— Въ засѣданіи 14 августа г. Андреевскій читалъ записку по избранному имъ вопросу о значеніи университетовъ въ государственномъ, ученомъ и учебномъ отношеніяхъ.

Основная мысль мнѣнія г. Андреевскаго та, что университетъ не можетъ достигнуть своей цѣли — хранить и развивать науку, если онъ не будетъ представлять собою совокупности разныхъ факультетовъ, составляющихъ одно органическое цѣлое. Мнѣніе свое г. Андреевскій основалъ на лучшихъ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей и преимущественно Германскихъ философовъ, и затѣмъ представилъ критическую оцѣнку мнѣній, собранныхъ въ замѣчаніяхъ на проектъ и относящихся къ этому вопросу,—преимущественно же мнѣнія преосвященнаго Антонія, епископа Смоленскаго, высказавшаго же-

ланіе точнѣе опредѣлить цѣль университетовъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, г. Андреевскій предложилъ замѣнить въ § 1 проекта, заключающемъ въ себѣ опредѣленіе разсмотрѣннаго имъ вопроса, слово *учрежденіе—установленіемъ*, такъ какъ подъ учрежденіемъ разумѣется совокупность законовъ о составѣ, предметахъ вѣдомства и власти какого-либо установленія, и потому *учрежденіе* означаетъ то же, что законъ. Гг. присутствовавшіе, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Андреевскаго, съ своей стороны, вслѣдствіе замѣчанія меньшинства членовъ совѣта Московскаго университета (ч. 1, стр. 243), признали нужнымъ въ началѣ § 1 прибавить слово *ученое*, которое характеризуетъ дѣятельность университета въ отношеніи права его возводить въ ученыя степени, издавать ученыя сочиненія, учреждать ученыя общества и тѣмъ отличаетъ университетъ отъ прочихъ существующихъ у насъ, такъ-называемыхъ, высшихъ учебныхъ заведеній. Посему постановлено изложить § 1 проекта устава университетовъ слѣдующимъ образомъ:

§ 1. *Университетъ есть ученое и высшее учебное установленіе, состоящее изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, какъ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго.*

Г. Люгебиль не находилъ необходимости прибавлять слово: «высшее». Такъ какъ, по его мнѣнію, цѣль общеобразовательныхъ училищъ—развитіе умственныхъ способностей отроковъ, а назначеніе университета—преподаваніе науки и пріученіе молодыхъ людей къ ученымъ занятіямъ, и поэтому эти два рода училищъ принадлежатъ къ совершенно различнымъ категоріямъ: то университетъ нельзя и не должно называть «высшимъ» учебнымъ установленіемъ, въ сравненіи съ гимназіями или народными училищами, которыя, преслѣдуя другую цѣль, имѣютъ не менѣе важное значеніе въ государствѣ, чѣмъ университеты. Остальные члены, однако, принимая во вниманіе, что понятіе объ университетѣ, какъ высшемъ учебномъ установленіи, вкоренилось уже въ языкѣ всѣхъ народовъ, и что различеніе въ этомъ отношеніи нисколько не означаетъ іерархіи занятій, а только постепенность развитія, положили удержать въ § 1-мъ слово: «высшее».

За тѣмъ изъ вновь гг. присутствовавшихъ въ этомъ засѣданіи приняли на себя разсмотрѣніе и обработку слѣдующихъ статей:

1) Г. Сахаровъ—о правахъ университетовъ и служащихъ въ нихъ, включая сюда и вопросъ о пенсіяхъ.

2) Г. Березинъ — о чиновникахъ университета по административной и хозяйственной частямъ, объ обязанностяхъ учащихся и объ отношеніи ихъ къ университетскому начальству.

3) Г. Ведровъ—объ отношеніи попечителей къ университетамъ, совѣтѣ и факультетскихъ собраніяхъ.

4) Г. Бауеръ — о лекціяхъ, задачахъ и испытаніяхъ.

При семъ гг. присутствовавшимъ розданы были экземпля- 2-й и послѣдней части «Замѣчаній на проектъ устава».

Въ заключеніе г. предсѣдатель выразилъ желаніе, чтобы обращено было преимущественно вниманіе на составленіе по каждому вопросу возможно полныхъ сводовъ изъ представленныхъ замѣчаній, такъ какъ только этимъ путемъ ученый комитетъ, опираясь на положительныхъ данныхъ, можетъ стать на вѣрную точку зрѣнія при дальнѣйшей обработкѣ проекта Устава. Такая работа не исключаетъ, однако, возможности представлять и отдѣльныя самостоятельныя мнѣнія по такимъ вопросамъ, которые, по мнѣнію докладчиковъ, ускользнули отъ вниманія составителей проекта и не были разсмотрѣны и критиками проекта.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ*.

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ*.

ЖУРНАЛЪ
засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 2.

Засѣданіе 28-го августа.

Бывшій профессоръ Казанскаго университета Ведровъ представилъ записку со сводомъ мнѣній касательно совѣта, правъ попечителя и его помощника и факультетскихъ собраній. Результаты, выведенные имъ изъ тщательнаго разбора всѣхъ мнѣній и преимущественно мнѣнія попечителя Харьковскаго учебнаго округа Левшина, состоятъ: въ настоятельной необходимости дать полную автономію совѣту, съ возложеніемъ на него и отвѣтственности за порядокъ въ университетѣ; въ удержаніи за попечителемъ только контроля и права veto, въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ совѣта, безъ всякаго вмѣшательства въ дѣла университета; въ уничтоженіи должности помощника попечителя, какъ лишней и легко замѣнимой, и въ распространеніи правъ факультетовъ, на которыхъ лежитъ, по бо̀льшей части, инціатива дѣлъ совѣта.

Вслѣдствіе сего §§ проекта устава должны, по мнѣнію г. Ведро̀ва, подвергнуться слѣдующимъ измѣненіямъ:

А) §§, относящіеся къ совѣту:

§ 4. Непосредственное управленіе университетомъ принадлежитъ *совѣту*. *)

* Напечатанное курсивомъ измѣняетъ или дополняетъ проектъ.

§ 7. Въ совѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры, *адъюнкты и доценты, занимающіе самостоятельныя каѳедры.*

§ 27. Обыкновенныя собранія совѣта должны происходить *непремѣнно однажды въ мѣсяцъ*, а чрезвычайныя—по мѣрѣ надобности или по желанію, заявленному не менѣе какъ пятью членами. *Ректоръ приглашаетъ членовъ повѣстками по крайней мѣрѣ за три дня, съ обозначеніемъ въ повѣсткахъ, кратко, содержанія назначенныхъ къ слушанію дѣлъ.*

§ 29. Неявившійся изъ наличныхъ членовъ въ засѣданіе *имѣетъ право подать свое мнѣніе въ опредѣленный совѣтомъ срокъ* по дѣламъ, рѣшеннымъ въ этомъ засѣданіи, а не явившійся къ баллотированію можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ о таковой передачѣ ректора предъ началомъ баллотированія, *съ тѣмъ, однакожь, чтобы уполномоченный могъ располагать по довѣренности не болѣе какъ однимъ шаромъ.*

§ 30. Совѣтъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится, по крайней мѣрѣ, двухъ третей наличныхъ членовъ. Во время вакацій совѣтъ можетъ имѣть чрезвычайныя собранія по дѣламъ, нетерпящимъ отстрочки, *если на это послѣдуетъ согласіе большинства наличныхъ членовъ. Баллотировки на должности во время вакацій не могутъ быть производимы.*

§ 31. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ, подача которыхъ можетъ быть и закрытая, *если большинство членовъ признаетъ это нужнымъ.* Въ случаѣ равенствѣ членовъ при *открытой подачѣ* перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя.

Примѣчаніе. Въ дѣлахъ совѣта, восходящихъ на разсмотрѣніе *начальства*, прилагается мнѣніе меньшинства, т. е. *каждаго члена меньшинства*, если они того пожелаютъ.

§ 32. Баллотированіе употребляется: 1) при избраніи *всѣхъ лицъ, которыхъ выборъ предоставленъ совѣту;* 2) при оставленіи преподавателей въ университетѣ по выслугѣ *опредѣленныхъ* сроковъ; 3) *при отправленіи молодыхъ людей за границу*

для занятія каѳедръ; 4) при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненій, назначаемыхъ къ печатанію съ одобренія и иждивеніемъ университета; 5) при всѣхъ тѣхъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ *баллотировкою опредѣлено большинствомъ* $^2/_3$ голосовъ.

§ 33. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ засѣданія *и наблюдаетъ за сохраненіемъ ихъ порядка;* онъ же, *по надлежащемъ обсужденіи дѣла*, собираетъ голоса, начиная съ младшаго изъ членовъ.

§ 35. Предметы занятій совѣта суть:

1) Избраніе ректора, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ.

Примѣчаніе. Деканы избираются факультетами въ присутствіи совѣта; въ случаѣ, если выборъ не состоится, они баллотируются совѣтомъ.

6) Изслѣдованіе упущеній *служащихъ въ университетѣ* лицъ при исправленіи ими должностей и *разсмотрѣніе вопросовъ, возникающихъ между преподавателями и студентами.*

7) Главное распоряженіе учебными и вспомогательными при университетѣ пособіями и заведеніями, а *также изданіями, принадлежащими университету.*

8) Разрѣшеніе пріема студентовъ въ университетъ и увольненіе изъ онаго *въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ*, переходъ изъ одного факультета въ другой.

9) Разсужденія *по предложеніямъ начальства.*

10) *Разсмотрѣніе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ, срочныхъ вѣдомостей о состояніи университетскихъ суммъ и другихъ представленій правленія по хозяйственнымъ вопросамъ.*

11) *Разрѣшеніе сверхштатныхъ расходовъ не свыше 300 руб. въ годъ на одинъ предметъ.*

12) *Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки по штатнымъ и другимъ опредѣленнымъ расходамъ, суммою до пяти тысячъ руб. сер. На суммы свыше сего требуется утвержденіе министра.*

13) *Разрѣшеніе чтеній публичныхъ лекцій и учено-литературныхъ бесѣдъ въ зданіяхъ университета.*

§ 36. Совѣтъ *обязанъ печатать* протоколы своихъ засѣданій и *сообщать ихъ немедленно начальству.*

§ 37. *Совѣтъ имѣетъ право дѣлать представленія министру народнаго просвѣщенія, доводя о томъ до свѣдѣнія попечителя.*

§ 39. Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія университета. Въ собраніи этомъ читается отчетъ, произносятся рѣчи, *раздаются медали и похвальные отзывы студентамъ и слушателямъ за представленныя разсужденія.*

Б) §§, касающіеся отношенія попечителя къ университету:

§ 3. Каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется особенному контролю попечителя.

§§ 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60 отмѣняются, какъ несогласные съ автономіею совѣта и болѣе необходимые при отношеніи попечителя къ учебному округу, а не къ университету.

§ 51. Попечитель, не вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь университета, имѣетъ обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій ввѣреннымъ его контролю университетомъ, произноситъ запрещенія въ нужныхъ случаяхъ рѣшеніямъ совѣта и доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра.

В) §§, относящіеся къ факультетскимъ собраніямъ:

§ 23. Ординарные и экстраординарные профессоры факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ декана, составляютъ факультетскія собранія, въ которыхъ участвуютъ и доценты на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: доценты, занимающіе отдѣльныя каѳедры, имѣютъ право присутствовать въ факультетѣ и подавать голосъ во всѣхъ факультетскихъ дѣлахъ; доценты же, коимъ факультетъ поручаетъ только чтеніе какихъ-либо частей науки, присутствуя въ факультетѣ, вмѣстѣ съ прочими членами, имѣютъ право голоса лишь въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: а) при рѣшеніи вопросовъ, касающихся частей преподаваемой ими науки, и б) при испытаніи студентовъ изъ части предмета, прочитанной ими по порученію факультета. Одинъ изъ доцентовъ, а за недостаткомъ ихъ—младшій членъ факуль-

тета, и на медицинскомъ факультетѣ — одинъ изъ доцентовъ или ассистентовъ, исправляютъ должность секретаря въ факультетскомъ собраніи.

§ 24. Въ отсутствіе декана предсѣдательствуетъ въ собраніи старшій въ профессорскомъ званіи изъ *наличныхъ въ собраніи* членовъ факультета.

Новый параграфъ между §§ 25 и 26.

§ — *Факультетъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится, по крайней мѣрѣ, двухъ третей наличныхъ членовъ.*

§ 26. Предметы занятій въ факультетскихъ собраніяхъ суть:

1) *Избраніе декана и секретарей факультета.*

2) Распредѣленіе факультетскихъ наукъ и порядка ихъ преподаванія.

3) *Принятіе мѣръ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по факультету профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій.*

4) Назначеніе къ слушанію предметовъ, относящихся къ другимъ факультетамъ.

5) *Разсмотрѣніе* программъ преподаванія.

6) Испытанія на ученыя званія и степени и *удостоеніе оныхъ.*

7) Разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ.

8) Цензура *всѣхъ* сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ преподавателями университета и *недоступныхъ, по своему содержанію, для обыкновенной цензуры.*

9) Избраніе ежегодныхъ задачъ и сужденія о представляемыхъ на оныя рѣшеніяхъ.

10) Разсужденія *по дѣламъ, которыя отсылаются совѣтомъ для предварительнаго обсужденія въ факультетахъ*, а также о томъ, что предлагается деканами и членами.

11) Удостоеніе студентовъ стипендій, пособій, премій и медалей.

12) *Распредѣленіе суммъ на учебныя пособія, къ факультету относящіяся.*

За § 26 новый параграфъ.

§ — *Факультету принадлежитъ, вмѣстѣ съ деканомъ, ближайшее наблюденіе за успѣшнымъ преподаваніемъ факультетскихъ предметовъ.*

По выслушаніи записки г. Ведрова, гг. присутствовавшіе, соглашаясь съ основаніями, имъ предложенными, замѣтили: г. Бауеръ, что теперь прибавка въ § 4 проекта «непосредственное» лишняя, вслѣдствіе признанія автономіи совѣта. Г. Савичъ желалъ право присутствія въ совѣтѣ распространить на всѣхъ преподавателей въ университетѣ, какъ онъ и прежде заявлялъ о томъ письменно; но большинство представившихъ замѣчанія было лишь за право присутствія въ совѣтѣ лицъ, имѣющихъ самостоятельныя каѳедры; сообразно съ этимъ и была оставлена редакція § 7, сдѣланная г. Ведровымъ. Г. Благовѣщенскій возразилъ на примѣчаніе къ § 31, гдѣ говорится о правѣ каждаго члена меньшинства прилагать къ дѣламъ совѣта свое мнѣніе, что такое право не сообразно съ автономіею совѣта, что мнѣніе меньшинства можетъ быть утверждено начальствомъ и тѣмъ нарушится автономія совѣта. На это было замѣчено, что автономія совѣта и здѣсь сохранится въ томъ уваженіи, которое совѣтъ и начальство будутъ имѣть къ каждому изъ членовъ совѣта; кромѣ того, при изложеніи статьи о факультетскихъ собраніяхъ, г. Благовѣщенскій выразилъ желаніе ясно обозначить право факультетовъ на выборъ молодыхъ людей для посылки за границу. Г. Савичъ просилъ о болѣе точномъ выраженіи права факультетовъ на представленіе лицъ для занятія каѳедръ. Г. Предсѣдатель замѣтилъ, что пунктъ 4-й § 26-го слѣдуетъ выразить такъ: «Цензура всѣхъ сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ иждивеніемъ университета»: потому что приведенная г. Ведровымъ редакція этого пункта, по неопредѣленности своей, могла бы подавать часто поводы къ недоразумѣніямъ между университетами и общимъ цензурнымъ вѣдомствомъ.

Въ заключеніе всего

Гг. присутствовавшіе, принимая въ соображеніе столь единодушно высказанное мнѣніе о необходимости предоставленія совѣтамъ университетовъ автономіи, подъ правительственнымъ надзоромъ со стороны попечителя учебнаго округа, постановили принять это начало при обработкѣ проекта устава университетовъ; но имѣя въ виду, что предложенная новая редакція статей проекта потребуетъ, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, строгаго соображенія и соглашенія со всѣми частями проекта, опредѣлили: не входя въ дальнѣйшую обработку редакціи, имѣть ее въ виду вмѣстѣ съ запиской г. Ведрова, какъ матеріалъ для слѣдующихъ за симъ работъ ученаго комитета.

— Изъ вновь приглашенныхъ къ участію въ занятіяхъ ученаго комитета по проекту устава университетовъ, приняли на себя обработку слѣдующихъ статей:

1) Г. Барановскій — о ректорѣ и деканахъ.

2) Г. Георгіевскій — о преподавателяхъ, вмѣстѣ съ г. Ивановскимъ.

3) Гг. Спасовичъ и Калиновскій — о чиновникахъ университета по административной и хозяйственной частямъ (тутъ же о проректорѣ и правленіи) и объ обязанностяхъ учащихся, вмѣстѣ съ г. Березинымъ, съ тѣмъ чтобы раздѣлить принятый ими на себя трудъ по взаимному между собою соглашенію. Г. Березинъ, сверхъ того, взялъ на себя обработку вопроса о составѣ факультета восточныхъ языковъ.

4) Г. Сухомлиновъ — о составѣ историко-филологическаго факультета, вмѣстѣ съ г. Люгебилемъ.

5) Г. Шнейдеръ — объ устройствѣ юридическаго факультета, вмѣстѣ съ г. Пановымъ.

— За симъ г. предсѣдатель объявилъ гг. присутствующимъ, что г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ видахъ настоятельной необходимости привести къ окончанію передѣлку проекта устава университетовъ, по возможности, въ самомъ непродолжительномъ времени, признаетъ нужнымъ:

1) Чтобы разсмотрѣніе замѣчаній на проектъ устава и со-

ставленіе сводовъ сихъ замѣчаній по отдѣльнымъ статьямъ, съ выводами докладчиковъ и съ новою редакціею соотвѣтствующихъ статей, окончены были къ 1-му октября.

2) Чтобы въ теченіе октября окончательно утверждены были основанія устройства университетовъ и окончена редакція статей проекта съ надлежащимъ мотивированіемъ ихъ; и

3) Чтобы въ теченіе ноября трудъ этотъ обработанъ былъ окончательно, сравнительно съ нынѣ дѣйствующими уставами и законоположеніями объ университетахъ, и приготовленъ въ формѣ, требуемой для внесенія въ государственный совѣтъ.

Опредѣлено: принять къ исполненію.

—Наконецъ, для доставленія возможности каждому изъ принимающихъ участіе въ занятіяхъ ученаго комитета по проекту устава университетовъ соображать и соглашать свои занятія съ занятіями всѣхъ прочихъ, признано необходимымъ журналъ каждаго засѣданія немедленно печатать въ нужномъ количествѣ экземпляровъ, внося въ такой журналъ:

1) Предметъ записокъ, читанныхъ въ засѣданіи.

2) Выводъ докладчика въ формѣ параграфовъ, съ краткимъ мотивированіемъ.

3) Замѣчанія членовъ засѣданія вкратцѣ и

4) Заключеніе ученаго комитета.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ*.

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ*.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 3.

Засѣданіе 4-го сентября.

I. Г. Предсѣдатель представилъ записку, заключающую въ себѣ сводъ мнѣній, высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» на шестую главу проекта устава университетовъ: *объ ученыхъ степеняхъ*. Въ этой запискѣ, на основаніи замѣчаній, предположены слѣдующія измѣненія и дополненія проекта:

а) Предоставлено факультетамъ не только испытаніе на ученыя степени, но и удостоеніе оныхъ.

б) Званіе дѣйствительнаго студента вовсе уничтожено.

в) Внесено въ текстъ устава опредѣленіе числа степеней и по медицинскому факультету, съ распространеніемъ на этотъ факультетъ начала постепенности въ пріобрѣтеніи степеней, принятаго для другихъ факультетовъ.

г) Безусловно отмѣнено требованіе испытанія на степень доктора наукъ и предоставлено университетамъ — извѣстныхъ ученыхъ возводить въ степень доктора прямо, безъ всякаго испытанія.

д) Положено производить испытанія не въ концѣ года, а въ теченіе цѣлаго года, въ опредѣленные сроки, и не въ полномъ факультетскомъ собраніи, а въ коммиссіяхъ, при депутатѣ отъ совѣта, и съ допущеніемъ къ присутствію при этомъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, или извѣстныхъ своими учеными трудами.

е) Предположено лицъ, имѣющихъ докторскіе дипломы иностранныхъ университетовъ, допускать къ испытанію прямо на степень магистра и доктора медицины.

ж) Внесена въ проектъ устава статья о порядкѣ испытанія на ученыя степени постороннихъ слушателей университета.

з) Отмѣнено присвоеніе ученымъ степенямъ правъ на чины, и

и) Составлена особая глава объ ученыхъ званіяхъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій и дополненій, предложена слѣдующая редакція соотвѣтствующихъ §§ проекта устава:

Глава

Объ ученыхъ степеняхъ.

§ 1. (128 § проекта). Совѣты университетовъ, по представленіямъ факультетовъ и на основаніи ихъ удостоенія, имѣютъ право утверждать въ ученыхъ степеняхъ. Степени сіи суть: въ медицинскомъ факультетѣ — лекарь и докторъ медицины, а въ прочихъ факультетахъ — кандидатъ, магистръ и докторъ.

Сообразно съ этою редакціею, во 2-й главѣ проекта, въ отдѣленіи о факультетскихъ собраніяхъ, 4-й пунктъ 26 § нужно выразить такъ:

4) «Испытанія на ученыя степени и званія и удостоеніе оныхъ».

Пунктъ же 5-й § 35 третьей главы, о совѣтѣ, можетъ быть оставленъ въ настоящемъ видѣ.

§ 119, гдѣ говорится о званіи дѣйствительнаго студента, сокращается и измѣняется въ слѣдующемъ видѣ:

§ 119. «Студенты, окончившіе удовлетворительно полное испытаніе, получаютъ, по представленіи ими диссертаціи и по одобреніи оной факультетомъ, степени кандидата и лекаря».

Примѣчаніе. Студенты, удостоенные медали или почетнаго отзыва, получаютъ эти степени безъ представленія диссертаціи.

§ 2. (129 § проекта). Степени кандидата и лекаря пріобрѣтаются по испытанію и по диссертаціи, одобренной факультетомъ. Отъ ищущаго степени магистра и доктора медицины требуется, сверхъ новаго устнаго испытанія, публичное защищеніе диссертаціи. Магистры удостоиваются степени доктора только по представленію и публичному защищенію ими диссертаціи.

§ 3. (132 § проекта). Ученыя степени пріобрѣтаются по порядку и въ установленные сроки: кандидатъ черезъ годъ можетъ искать степени магистра и магистръ — черезъ годъ степени доктора. Равнымъ образомъ и лекарь не ранѣе, какъ черезъ годъ, можетъ быть допущенъ къ испытанію на степень доктора медицины.

Примѣчаніе. Университетамъ предоставляется однако право: а) знаменитыхъ ученыхъ и спеціалистовъ, пріобрѣвшихъ всеобщую извѣстность своими учеными трудами, прямо и безъ испытанія, возводить въ высшую ученую степень, и б) ученыхъ, имѣющихъ степень доктора отъ иностранныхъ университетовъ, допускать къ испытанію прямо на степень магистра.

§ 4. (130 § проекта). Ученыя степени могутъ пріобрѣтать какъ Русскіе подданные, такъ и иностранцы, *обучавшіеся какъ въ Русскихъ, такъ и въ заграничныхъ университетахъ.*

§ 5. (новый §). Посторонніе слушатели университетскихъ лекцій допускаются къ испытанію на ученыя степени кандидата и лекаря, по представленіи свидѣтельства о выдержанномъ ими испытаніи изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса.

§ 6. (131 § пр.). Испытанія на ученыя степени производятся въ теченіе цѣлаго года, въ опредѣленные каждымъ факультетомъ сроки, въ коммиссіяхъ, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ декановъ, по назначенію факультета, изъ членовъ онаго, и въ присутствіи депутата отъ другихъ факультетовъ, избираемаго по жребію совѣтомъ.

Сообразно съ этою редакціею, слѣдуетъ:

1) Въ 35 § проекта къ предметамъ занятій совѣта прибавить еще одинъ пунктъ:

«Назначеніе по жребію изъ профессоровъ и преподавателей депутатовъ совѣта для присутствія въ каждомъ факультетѣ при испытаніяхъ на ученыя степени и званія.»

Примѣчаніе. Къ присутствію при испытаніяхъ допускаются, сверхъ того, всѣ лица, имѣющія ученыя степени, или вообще извѣстныя своими учеными трудами.

2) Въ § 26 проекта. Къ предметамъ занятій въ факультетскихъ собраніяхъ присоединить:

«Назначеніе членовъ въ испытательную коммиссію на ученыя степени и званія и опредѣленіе сроковъ для этихъ испытаній въ теченіе учебнаго года.»

§ 7. (133 § проекта). Подробныя правила испытаній на ученыя степени опредѣляются особымъ положеніемъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Глава

Объ ученыхъ званіяхъ.

§ 1. Учеными званіями считаются: званіе учителя всѣхъ разрядовъ учебныхъ заведеній и по медицинскому факультету — званія провизора, аптекарскаго помощника, ветеринара, ветеринарнаго помощника, дантиста и повивальной бабки.

§ 2. Испытанія на ученыя званія производятся въ испытательныхъ коммиссіяхъ, состоящихъ при факультетахъ, въ теченіи цѣлаго года, въ опрздѣленные сроки.

§ 3. Утвержденіе въ ученыхъ званіяхъ, по представленіямъ факультетовъ по принадлежности и на основаніи ихъ удостоенія, предоставляется совѣту.

Сообразно съ редакціею этой главы, въ 26-мъ § проекта, пунктъ 4-ый слѣдуетъ выразить такъ:

«Испытанія на ученыя степени и званія». (Вмѣсто испытанія на ученыя званія и степени).

Пунктъ 5, § 35, можетъ остаться въ настоящемъ видѣ.

Въ главѣ девятой: «О правахъ и преимуществахъ университета» §§ 158 и 159, вслѣдствіе отмѣны присвоенія классовъ ученымъ степенямъ, должны быть выражены такъ:

Глава

О правахъ и преимуществахъ университета.

§. (158 § проекта). Удостоенные ученыхъ степеней имѣютъ право, безъ различія происхожденія, вступать во всякаго рода государственную службу.

§. (159 § проекта). Происходящія изъ податнаго состоянія лица, пріобрѣвшія ученыя степени, пользуются правами личнаго почетнаго гражданства, еслибы они и оставались внѣ государственной службы.

По выслушаніи записки г. Предсѣдателя, гг. присутствовавшіе сдѣлали возраженія: а) противъ приглашенія депутатовъ изъ другихъ факультетовъ для присутствованія при испытаніяхъ на ученыя степени, б) противъ производства испытаній въ коммиссіяхъ, в) относительно числа ученыхъ степеней и г) противъ возбужденія въ уставѣ вопроса о присвоеніи ученымъ степенямъ классовъ по чинопроизводству.

Гг. Ивановскій, Савичъ, Горловъ и Спасовичъ замѣтили, что присутствіе на испытаніяхъ членовъ постороннихъ факультетовъ, какъ не спеціалистовъ въ предметахъ испытанія, совершенно безполезно и есть только соблюденіе формальности; съ этимъ согласились всѣ присутствовавшіе, кромѣ гг. Березина, Георгіевскаго и Сахарова, изъ коихъ первый признавалъ нужными депутатовъ потому, что они могутъ быть защитниками испытуемаго въ случаѣ протеста его, а г. Георгіевскій—потому, что депутаты могутъ свидѣтельствовать, были ли соблюдены при испытаніи всѣ необходимыя формальности. На это г. Ивановскій замѣтилъ, что присутствіе на испытаніяхъ декана факультета можетъ служить вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ въ исполненіи всѣхъ установленныхъ для испытанія формальностей, а если словесныя испытанія будутъ сдѣланы публичными, то нельзя будетъ предположить, чтобы экзаменаторъ дозволилъ себѣ какую-либо несправедливость.

Гг. Ивановскій, Спасовичъ и Ведровъ полагали производить экзамены на ученыя степени не въ коммиссіяхъ, а въ полномъ составѣ факультетовъ, а гг. Горловъ, Георгіевскій и

Савичъ — признавали достаточнымъ производить ихъ въ отдѣленіяхъ факультетовъ.

Г. Благовѣщенскій предложилъ сохранить званіе дѣйствительнаго студента, чтобы не понижать требованій экзамена на степень кандидата, но г. Георгіевскій выразилъ мысль, что слѣдуетъ уничтожить и степень магистра, а г. Горловъ призналъ достаточнымъ только двѣ степени: кандидата — для вступленія въ службу, и доктора—для полученія права на профессуру.

Вопросъ объ отмѣнѣ правъ на чины, присвоенныхъ ученымъ степенямъ, собственно не возбудилъ возраженія; только г. Спасовичъ признавалъ неудобнымъ касаться въ уставѣ этого вопроса, такъ какъ онъ имѣетъ тѣсную связь съ уставомъ о службѣ гражданской; но гг. Благовѣщенскій и Савичъ полагали, что ученому комитету можетъ принадлежать право заявить свое мнѣніе по этому предмету, а г. Люгебиль замѣтилъ, что вопросъ можетъ быть поставленъ такимъ образомъ: признается ли полезнымъ сохранить за учеными степенями право на чины, или нѣтъ.

Затѣмъ сдѣланы были еще замѣчанія о порядкѣ испытаній на ученыя степени въ медицинскомъ факультетѣ и объ удостоеніи учеными степенями иностранцевъ и вообще ученыхъ, пріобрѣвшихъ авторитетъ въ наукѣ.

Опредѣлено: Всѣ вышеизложенныя замѣчанія гг. присутствующихъ внести въ журналъ засѣданія и подвергнуть подробному обсужденію при окончательной обработкѣ редакціи проекта устава.

II. Г. профессоръ и академикъ Савичъ представилъ сводъ замѣчаній о составѣ физико-математическаго факультета и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ онаго. Въ свою записку онъ между прочимъ внесъ сравнительную таблицу предметовъ упомянутаго факультета, составленную на основаніи замѣчаній, сдѣланныхъ совѣтами четырехъ университетовъ. Сообразно съ сею таблицею и замѣчаніями, г. Савичъ полагаетъ, что

А) Въ Физико-математическій факультетъ должны входить слѣдующія каѳедры:

1 и 2 — каѳедры по предмету чистой математики.

3. Механика (аналитическая).

4. Физика и физическая географія.
5. Астрономія и геодезія.
6 и 7—каѳедры по предмету химіи.
8. Зоологія и палеонтологія животнаго царства.
9. Сравнительная анатомія и физіологія животныхъ.
10. Ботаника и палеонтологія растительнаго царства.
11. Минералогія и геогнозія.

Примѣчаніе 1. Новыми языками студенты занимаются у лекторовъ этихъ языковъ.

Примѣчаніе 2. Если признано будетъ нужнымъ и представятся къ тому средства, то опредѣляются еще профессоры или преподаватели предметовъ, не принадлежащихъ къ числу обязательныхъ факультетскихъ наукъ; эти предметы суть:

а) Строительное искусство и архитектура.
б) Практическая механика.
в) Техническая и агрономическая химія, или, вмѣсто этихъ послѣднихъ, технологія и сельское хозяйство.

Примѣчаніе 3. Испытаніе въ одномъ изъ языковъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ или Англійскомъ считается для ищущихъ степени кандидата обязательнымъ.

Б) Учебными пособіями при преподаваніи должны служить:

1) Общая университетская библіотека.

2) Астрономическая обсерваторія, въ которой, кромѣ инструментовъ, должны находиться собранія астрономическихъ таблицъ, эфемеридъ или мѣсяцеслововъ, каталоговъ звѣздъ, небесныхъ атласовъ или картъ, и т. п.

3) Физическій кабинетъ.

4) Химическая лабораторія.

5) Лабораторія для технологіи и технологическій кабинетъ, если технологія будетъ преподаваться.

6) Зоологическій кабинетъ.

7) Физіологическій кабинетъ и лабораторія.

8) Ботаническій садъ и кабинетъ.

9) Минералогическій кабинетъ, съ особенною при немъ лабораторіею.

11) Кабинетъ строительнаго искусства и практической механики, если эти предметы будутъ преподаваемы.

12) Сельско-хозяйственный кабинетъ, если сельское хозяйство будетъ преподаваться.

В) § 139 проекта слѣдуетъ выразить такъ:

Вслѣдствіе того § 139 проекта слѣдуетъ выразить такъ:

«Библіотека состоитъ въ завѣдываніи библіотекаря и его помощниковъ. Прочія учрежденія находятся въ вѣдѣніи профессоровъ, къ каѳедрамъ которыхъ они принадлежатъ. При этихъ учрежденіяхъ состоятъ: астрономы-наблюдатели и ихъ помощники, лаборанты, механики, садовники; всѣ они пользуются правами службы по учебной части».

Опредѣлено: Вышеозначенное соображеніе г. Савича внести въ журналъ засѣданія и подвергнуть подробному обсужденію, при составленіи окончательной редакціи проекта устава, а между тѣмъ вопросъ о составѣ физико-математическаго факультета поручить еще обсужденію спеціалиста по части естественныхъ наукъ.

— Вновь присутствовавшій г. Костомаровъ принялъ на себя разсмотрѣніе замѣчаній и обработку 7-ой главы проекта устава: *о почетныхъ университетскихъ званіяхъ и ученыхъ обществахъ*, а г. Калиновскій, сверхъ принятыхъ уже на себя вопросовъ, — еще о платѣ за слушаніе лекцій.

Въ заключеніе г. Предсѣдатель просилъ гг. присутствующихъ заявить о ходѣ ихъ работъ, при чемъ гг. Спасовичъ, Березинъ, Бауеръ, Калиновскій, Георгіевскій и Люгебиль объявили, что они представятъ въ слѣдующее засѣданіе ученаго комитета записки по взятымъ ими на себя вопросамъ, и г. Благовѣщенскій—что онъ оканчиваетъ записку со сводомъ замѣчаній о пріемѣ въ университетъ, которую представитъ также въ слѣдующее засѣданіе.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ.*

Скрѣпилъ: Производитель *И. Галанинъ.*

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 4.

Засѣданіе 11 сентября.

1. Г. Люгебиль представилъ записку, заключающую въ себѣ сводъ мнѣній, высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» ***о составѣ историко-филологическаго факультета*** (§ 12 пр. Уст.).

При разсмотрѣніи этого вопроса, онъ обратилъ въ самомъ началѣ вниманіе на мнѣнія гг. Пирогова и Делянова относительно точнаго опредѣленія въ проектѣ устава числа каѳедръ по факультетамъ вообще. Г. Пироговъ доказываетъ, что нѣтъ надобности опредѣлять въ Уставѣ штатное число каѳедръ, съ одной стороны потому, что развитіе наукъ можетъ потребовать открытіе новыхъ каѳедръ и замѣны однѣхъ другими, а съ другой стороны — замѣщеніе всѣхъ штатныхъ каѳедръ преподавателями можетъ представлять затрудненія и неудобства. Г. же Деляновъ развиваетъ ту мысль, что слѣдуетъ опредѣлить штатное число только такихъ каѳедръ, которыя необходимы для правительственныхъ цѣлей и составляютъ общую практическую необходимость, а введеніе преподаванія другихъ наукъ нужно предоставить совѣтамъ и факультетамъ университетовъ, подъ контролемъ министерства и общественнаго мнѣнія. Согласно съ этими замѣчаніями, г. Люгебиль предлагаетъ не перечислять въ уставѣ такія каѳедры, замѣщеніе которыхъ можетъ быть особен-

но затруднительно, какъ напр. каѳедры исторіи всеобщей литературы и каѳедры сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка, изъ которыхъ послѣднюю, по его мнѣнію, правильнѣе было бы переименовать въ каѳедру сравнительной грамматики Индо-Европейскихъ языковъ. За тѣмъ г. Люгебиль обращается къ замѣчаніямъ, относящимся къ перечню каѳедръ по историко-филологическому факультету, и, на основаніи сихъ замѣчаній, представляетъ слѣдующіе главные выводы и перечень каѳедръ:

1) Факультетъ восточныхъ языковъ въ Санктпетербургѣ соединяется съ историко-филологическимъ факультетомъ.

2) Каѳедра сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка раздѣляется на двѣ.

3) Отъ каѳедры Русской словесности отдѣляется особенная каѳедра исторіи всеобщей литературы.

4) Для всеобщей исторіи назначается двѣ каѳедры.

5) Политическая экономія исключается изъ числа наукъ историко-филологическаго факультата.

Перечень каѳедръ:

А.	Философія (логика, психологія и исторія философіи).	1	каѳ.
Б.	Греческая словесность (Греческій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія Греческой литературы и Греческія древности) .	1	»
В.	Римская словесность (Римскій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія Римской литературы, Римскія древности) .	1	»
Г.	Сравнительная грамматика Индо-Европейскихъ языковъ .	1	»
Д.	Санскритскій языкъ	1	»
Е.	Исторія Русскаго языка и Русской литературы . .	1	»
Ж.	Исторія всеобщей литературы	1	»
З.	Славянская филологія (Славянскія нарѣчія, исторія Славянскихъ литературъ, Славянскія древности) . .	1	»
И.	Всеобщая исторія .	2	»
І.	Русская исторія .	1	»
К.	Географія и статистика	1	»
Л.	Теорія и исторія искусствъ	1	»
	Всего	13	каѳ.

Если же принять мнѣніе г. Делянова, что *въ общемъ уставѣ Русскихъ университетовъ слѣдуетъ опредѣлить только штатное число каѳедръ, признаваемыхъ необходимыми по цѣлямъ правительства,* то представленный выше списокъ придется значительно сократить, а именно исключить изъ него слѣдующіе предметы:

1) Сравнительную грамматику Индо-Европейскихъ языковъ.

2) Санскритскій языкъ,

3) Исторію всеобщей литературы, и

4) Теорію и исторію искусствъ.

По поводу записки г. Люгебиля сдѣланы были слѣдующія возраженія и замѣчанія:

Г. Андреевскій замѣтилъ, что вопросъ о томъ, какія именно каѳедры должны быть поименованы въ проектѣ Устава, есть вопросъ существенной важности для всѣхъ вообще факультетовъ, и потому онъ долженъ быть подвергнутъ тщательному обсужденію; равнымъ образомъ необходимо обратить вниманіе на то, что въ проектѣ Устава не отдѣлены въ перечняхъ предметы *существенные* отъ такъ-называемыхъ *подготовительныхъ*, — что слѣдовало бы развить въ объяснительной запискѣ. Г. Благовѣщенскій присовокупилъ къ этому замѣчаніе о необходимости раздѣленія историко-филологическаго факультетана нѣсколько отдѣленій.

Г. Березинъ заявилъ, что, по поводу предлагаемаго присоединенія Восточнаго факультета С. Петербургскаго университета къ историко-филологическому факультету, онъ внесетъ особую о семъ записку. Затѣмъ онъ замѣтилъ, что едва ли будетъ правильно каѳедру сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка назвать *каѳедрою сравнительной грамматики Индо-Европейскихъ языковъ,* потому что такое наименованіе исключаетъ сравнительное изученіе языковъ семитическихъ и арійскихъ, безъ котораго не можетъ обойтись преподаватель. Въ доказательство онъ указалъ на первый вышедшій томъ сочиненія Ренана.

Противъ доводовъ г. Люгебиля объ исключеніи изъ перечня каѳедръ — каѳедры всеобщей литературы возразили гг.

Барановскій, Ведровъ, Спасовичъ, Ивановскій и Благовѣщенскій. Г. Барановскій указалъ на существованіе такой каѳедры въ Александровскомъ Гельсингфорскомъ университетѣ, обязательной для всѣхъ студентовъ, цѣль которой состоитъ въ основательномъ и самостоятельномъ ознакомленіи съ литературою одного изъ трехъ первенствующихъ народовъ Европы: Французскою, Нѣмецкою или Англійскою. Г. Ведровъ замѣтилъ, что высказанное г. Люгебилемъ лингвистическое пониманіе каѳедры всеобщей литературы не характеризуетъ важности и спеціальности этой каѳедры. Основательное практическое знаніе одной изъ Европейскихъ литературъ можно и должно пріобрѣсть у лекторовъ новѣйшихъ языковъ, а при преподаваніи всеобщей исторіи литературы нужно имѣть въ виду проявленіе духовнаго развитія человѣка, выразившагося въ литературѣ разныхъ народовъ. При этомъ нельзя смѣшивать исторію собственно литературы съ исторіей цивилизаціи. Г. Спасовичъ и Ивановскій присовокупили къ этому, что въ дѣлѣ преподаванія всеобщей исторіи литературы весьма важное значеніе имѣетъ сравнительный методъ, прилагаемый при ознакомленіи съ литературами тѣхъ или другихъ народовъ по отдѣльнымъ отраслямъ знаній, что, хотя весьма важно знаніе исторіи литературы народа и вмѣстѣ съ тѣмъ основательное знаніе языка его, тѣмъ не менѣе однакожь знакомство съ литературою и безъ послѣдняго условія имѣетъ огромное значеніе для большинства университетскихъ слушателей. Г. Благовѣщенскій принялъ на себя внести особую записку по вопросу о каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы.

По поводу отнесенія каѳедры политической экономіи къ юридическому факультету г. Георгіевскій выразилъ мысль, чтобы вмѣстѣ съ нею перенесена была въ этотъ факультетъ и статистика, а не соединялась съ географіею, такъ какъ статистика служитъ основаніемъ для политической экономіи. На это гг. Ивановскій, Андреевскій, Спасовичъ и Калиновскій замѣтили, что статистика — собственно не есть наука въ строгомъ смыслѣ, а только методъ, научающій пользоваться матеріаломъ, одинаково нужнымъ для наукъ юридическихъ и поли-

тическихъ, и потому нѣтъ повода присоединять статистику непремѣнно къ юридическому факультету.

Г. Благовѣщенскій, допуская важность знанія археологіи, какъ исторіи древняго искусства, возразилъ противъ переименованія этой науки въ исторію искусствъ.

Опредѣлено: Всѣ вышеизложенныя замѣчанія гг. присутствующихъ внести въ журналъ засѣданія и подвергнуть подробному обсужденію при окончательной обработкѣ редакціи устава.

II. Г. Бауеръ представилъ записку со сводомъ высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» мнѣній *о лекціяхъ*, *задачахъ и испытаніяхъ* (Гл. V, отд. IV пр. уст.).

Мнѣнія эти раздѣляются на двѣ категоріи:

Нѣкоторые, признавая возможность возвышенія научнаго и серьезнаго направленія въ нашихъ университетахъ только при самостоятельныхъ занятіяхъ молодыхъ людей, безъ вмѣшательства въ ихъ дѣятельность, безъ опеки надъ ними, — считаютъ совершенно излишнимъ помѣщать въ проектѣ устава такія постановленія, которыя, при стѣсненіи самодѣятельности студентовъ, вводятъ въ университетъ систему принудительнаго труда.

Другіе, полагая, что молодые люди даже и въ студентскомъ возрастѣ никогда не будутъ учиться добровольно, что, съ уничтоженіемъ обязательности, аудиторіи останутся пустыми, что безъ принудительныхъ мѣръ студенты могутъ предаться праздности и подвергнуться неразлучнымъ съ нею послѣдствіямъ, требуютъ строгаго опредѣленія срока пребыванія въ университетѣ, правилъ пріема и испытаній, если не годичныхъ, то, по-крайней мѣрѣ, послѣ двухлѣтняго посѣщенія лекцій.

По соображеніи оцѣнкѣ сихъ разнородныхъ мнѣній, г. Бауеръ представилъ въ запискѣ слѣдующую новую редакцію соотвѣтствующихъ параграфовъ проекта устава:

§ 1 (§ 115). *Опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе курса не полагается.*

§ 2. *Недостаточные студенты могутъ получать стипендіи въ теченіе четырехъ лѣтъ. Во вниманіе особенныхъ обстоятельствъ, совѣтъ университета имѣетъ право продолжить срокъ стипендіи.*

§ 3 (§ 111) *«Для поощренія студентовъ къ ученымъ занятіямъ, ежегодно предлагаются факультетами задачи, съ назначеніемъ за удовлетворительныя по онымъ сочиненія, смотря по достоинству ихъ, медали золотой или серебряной, или почетнаго отзыва.»*

«Примѣчаніе. «Число задачъ и медалей зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта.»

§ 4 (§ 117). *Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть, по усмотрѣнію совѣта, напечатаны на счетъ университета.*

§ 5 (§ 118). *Студенты и постороннія лица, для пріобрѣтенія ученой степени и соединенныхъ съ нею правъ, подвергаются испытаніямъ.*

§ 6. *Стипендіаты, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, должны представить въ факультетъ ученое разсужденіе, по признаніи удовлетворительности котораго, совѣтъ разрѣшаетъ имъ выдачу вспомоществованія на слѣдующіе два года.*

§ 7 (§ 120). *Студенты и вольные слушатели, оставляющіе университетъ до выдержанія ими окончательнаго испытанія на ученую степень, могутъ подвергаться экзамену изъ отдѣльныхъ предметовъ и получаютъ тогда свидѣтельство объ оказанныхъ успѣхахъ.*

§ 8. *Не желающимъ экзаменоваться выдаются изъ правленія свидѣтельства въ томъ, что они въ продолженіе такого-то времени слушали такіе-то предметы.*

Въ заключеніе г. Бауеръ предъявилъ высказанное нѣкоторыми мнѣніе, по поводу двухгодичныхъ испытаній, о необходимости раздѣленія университетскаго курса на общій, или приготовительный, и спеціальный, о чемъ въ проектѣ устава не упоминается.

По выслушаніи записки г. Бауера, сдѣланы были слѣдующія замѣчанія и возраженія:

Г. Барановскій возражалъ противъ требованія отъ стипендіатовъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, ученыхъ разсужденій и указалъ на Гельсингфорскій университетъ, въ которомъ ежегодно, предъ началомъ новаго курса, профессора, въ общемъ собраніи, совѣщаются, кто изъ студентовъ заслуживаетъ впредь полученія стипендіи; и въ

этомъ случаѣ рекомендація одного или двухъ профессоровъ о занятіяхъ стипендіатовъ принимается во вниманіе. Г. Березинъ допускалъ ту или другую мѣру, но требовалъ, чтобы удостовѣреніе въ правѣ на стипендію было ежегодное. Г. Спасовичъ полагалъ допустить въ каждомъ университетѣ тотъ способъ контроля надъ занятіями стипендіатовъ, который совѣтами и факультетами признанъ будетъ болѣе удобнымъ и дѣйствительнымъ. Г. Андреевскій призналъ нужнымъ точнѣе выразить уважительность выдачи стипендіи долѣе пяти лѣтъ въ медицинскомъ факультетѣ и долѣе четырехъ лѣтъ — въ прочихъ факультетахъ.

Касательно выдачи свидѣтельствъ только о пребываніи въ университетѣ положено, по предложенію г. Предсѣдателя, не вносить объ этомъ въ проектъ устава: такъ какъ ни для поступившихъ въ университетъ со знаніемъ гимназическаго курса, ни для вольнослушателей такія свидѣтельства не имѣютъ существеннаго значенія.

Г. Благовѣщенскій просилъ увеличить число темъ для соисканія медалей на каждое отдѣленіе факультета, дабы дать бо̀льшую возможность вознагражденія за спеціальныя занятія и вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ непремѣнно печатать сочиненія, удостоенныя медалей.

Г. Георгіевскій предлагалъ для контроля въ общихъ предметахъ — репетиціи, а въ спеціальныхъ — сочиненія.

Опредѣлено: Всѣ вышеизложенныя замѣчанія гг. присутствующихъ внести въ журналъ засѣданія и подвергнуть обсужденію при окончательной обработкѣ журнала.

Г. Андреевскій принялъ на себя часть труда, порученнаго прежде г. Благовѣщенскому, именно составленіе записки о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, и вновь присутствовавшій г. профессоръ Бекетовъ взялъ на себя составленіе записки о составѣ физико-математическаго факультета, преимущественно въ отношеніи разряда естественныхъ наукъ.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ*.

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ*.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 5.

Засѣданіе 14 сентября.

Исправляющій должность адъюнкта Ришельевскаго лицея Георгіевскій представилъ, на основаніи замѣчаній на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ и дѣла департамента народнаго просвѣщенія о приготовленіи профессоровъ, записку: 1) объ особыхъ мѣрахъ приготовленія университетскихъ преподавателей, 2) о разрядахъ этихъ преподавателей, 3) объ условіяхъ для достиженія преподавательскихъ званій въ университетахъ и 4) объ условіяхъ, необходимыхъ для развитія учрежденія приватъ-доцентовъ. Основныя идеи этой записки заключаются въ слѣдующемъ:

Признавъ необходимость Европейской науки для матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія Россіи, правительство наше, естественно, обратилось на первыхъ порахъ къ вызову съ этою цѣлью иностранныхъ ученыхъ и къ отправленію за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ Россіи. Оба эти способа къ водворенію у насъ науки, въ настоящее время, оказались недостаточными, и наилучшимъ къ тому средствомъ всѣми теперь почи-

тается, вмѣстѣ съ улучшеніемъ матеріальнаго быта профессоровъ и предоставленіемъ студентамъ возможности болѣе спеціальныхъ научныхъ занятій, возможно бо̀льшее развитіе званія приватъ-доцентовъ. Этотъ разрядъ преподавателей представитъ вѣрнѣйшее средство къ пополненію ученаго университетскаго сословія лицами, представившими ручательство за свое научное и нравственное достоинство; онъ оживитъ наши университеты притокомъ новыхъ и свѣжихъ силъ, дастъ возможность къ введенію спеціальныхъ курсовъ, своею конкурренціею поддержитъ въ штатныхъ профессорахъ рвеніе къ наукѣ и ея преподаванію, устранитъ поводы къ неудовольствію университетскихъ слушателей доставленіемъ возможности выбора между преподавателями, или же, убѣдивши ихъ, что недостатокъ преподавателей не зависитъ ни отъ воли университета, ни отъ воли правительства, и, наконецъ, въ будущемъ, чрезъ введеніе системы гонораріи, дастъ возможность сократить государственные расходы на содержаніе университетовъ. Для того, чтобы осуществить всѣ эти надежды, необходимо: а) устраненіемъ штатныхъ доцентовъ (старшихъ и младшихъ) открыть приватъ-доцентамъ болѣе близкій путь къ занятію собственно-профессорскихъ каѳедръ; б) упрочить ихъ положеніе устраненіемъ перебаллотировокъ; в) штатную сумму, предназначавшуюся на означенныхъ доцентовъ, пока употреблять на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, и г) съ тѣмъ вмѣстѣ, предоставить имъ гонораріи отъ слушателей и различныя права и преимущества, которыя сдѣлали бы ихъ способными конкуррировать со штатными профессорами; д) съ достойнѣйшими изъ нихъ предоставить факультетамъ заключать условія относительно ихъ вознагражденія, на основаніи добровольнаго соглашенія. Въ продолженіе нѣкотораго времени необходимы еще искусственныя мѣры для подготовленія лучшихъ изъ университетскихъ кандидатовъ къ званію приватъ-доцентовъ и лучшихъ изъ приватъ-доцентовъ — къ званію профессоровъ, именно оставленіемъ первыхъ при университетѣ и отправленіемъ послѣднихъ, для усовершенствованія въ наукахъ, за границу.

Основываясь на сихъ соображеніяхъ, г. Георгіевскій

предложилъ нижеслѣдующую редакцію соотвѣтствующихъ статей проекта устава.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О преподавателяхъ.

§ 70. Преподаватели университета раздѣляются на профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и на приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ. Число профессоровъ опредѣляется штатомъ; число же приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ не ограничивается, *и на ихъ вознагражденіе отпускается штатная сумма, которая, по опредѣленію совѣта, можетъ быть увеличиваема и изъ другихъ свободныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи университета.*

§ 71. Никто не можетъ быть ординарнымъ *или экстраординарнымъ* профессоромъ, не имѣя степени доктора, *или не оказавши напередъ своими учеными трудами несомнѣнныхъ услугъ наукѣ;* приватъ-доцентами же могутъ быть не только лица, имѣющія высшую ученую степень, но и *всѣ тѣ*, которыя представятъ диссертацію (pro venia legendi) и защитятъ ее *публично въ присутствіи факультета, по усмотрѣнію коего имъ можетъ быть предложено еще нѣсколько вопросовъ по ихъ наукѣ или также и по другой, ближайше ей родственной.*

Примѣчаніе 1. Состоящіе нынѣ при университетахъ адъюнкты и лекторы сохраняютъ свое званіе и пользуются опредѣленнымъ въ штатѣ содержаніемъ до выслуги срока на пенсію, или до возведенія въ высшее преподавательское званіе.

Примѣчаніе 2. Если докторъ, по ученой степени своей, принадлежитъ не къ тому факультету, въ которомъ желаетъ занять профессорскую каѳедру, *или, если, и принадлежа къ нему, не подвергался испытанію по наукѣ той каѳедры, то для избранія на оную онъ долженъ представить по ней сочиненіе на одобреніе факультета.*

§ 72. *Ищущіе званія профессора, буде не состояли прежде приватъ-доцентами или преподавателями въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, и ищущіе званія приватъ-доцента, *буде также не извѣстны факультету своими преподавательскими способностями*, кромѣ условій, изъясненныхъ въ § 71, должны

прочесть *публично*, *въ присутствіи факультета*, двѣ пробныя лекціи, одну — на тему по собственному избранію, а другую — по назначенію факультетскаго собранія *и не позже, какъ чрезъ три дня по ея назначеніи.*

Примѣчаніе 1. При переходѣ изъ одного университета въ другой, а также и при желаніи возобновить въ томъ же университетѣ преподаваніе той же науки, прерванное не болѣе какъ на два года, приватъ-доценты подвергаются только простому баллотированію.

Примѣчаніе 2. Приватъ-доцентами могутъ быть и лица, состоящія въ другихъ должностяхъ, *буде университетъ или ихъ начальства не встрѣтятъ къ тому какихъ-либо уважительныхъ препятствій.*

§ 73. Суммы, *опредѣленныя, согласно съ § 70, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ*, раздѣляются совѣтомъ между факультетами. Часть назначенной для этой цѣли штатной суммы можетъ быть, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, отдѣляема на увеличеніе штатнаго числа профессоровъ.

§ 74. Каждому изъ приватъ-доцентовъ въ отдѣльности не полагается *опредѣленнаго штатомъ* содержанія; *но, сверхъ получаемаго ими отъ слушателей опредѣленнаго начальствомъ гонорарія, факультетамъ вмѣняется въ обязанность назначать имъ, съ утвержденія совѣта, изъ означенныхъ выше суммъ, вознагражденіе, соразмѣрное числу ихъ слушателей и пользѣ, приносимой ими университету.*

Примѣчаніе 1. Съ приватъ-доцентами, имѣющими платящихъ слушателей болѣе половины того числа, какое посѣщаетъ лекціи штатнаго профессора по той же каѳедрѣ, и признаваемыми факультетомъ особенно-полезными, а также и съ тѣми, которымъ факультетъ поручаетъ преподаваніе какого-либо предмета или части его, онъ вступаетъ въ добровольное соглашеніе на счетъ мѣры ихъ вознагражденія, которое и получаетъ силу на срокъ, утвержденный совѣтомъ. Приватъ-доцентъ, имѣющій около половины означеннаго числа слушателей, получаетъ не менѣе $^1/_4$ производимаго штатному профессору по той же каѳедрѣ содержанія, буде такой размѣръ вознагражденія возможенъ по числу означенныхъ приватъ-доцентовъ и состоянію ассигнованныхъ на то суммъ, иначе же — по соразмѣрному разсчету. О вознагражденіи же приватъ-доцентовъ, имѣющихъ менѣе означеннаго числа слушателей, факультетъ ходатайствуетъ по своему усмотрѣнію.

Примѣчаніе 2. Для вѣрнѣйшаго опредѣленія мѣры вознагражденія приватъ-доцентовъ, деканамъ и профессорамъ вмѣняется въ обязан-

ность посѣщать по временамъ ихъ лекціи, особенно въ первый годъ ихъ дѣятельности.

§ 75 проекта опускается, а вмѣсто предлагается новый §: *Приватъ-доцентамъ предоставляется:* a) *право выбора предметовъ для ихъ чтеній;* b) *право равномѣрнаго съ профессорами пользованія кабинетами, лабораторіями, клиниками и другими учебными пособіями;* c) *право равномѣрнаго съ профессорами участія въ испытаніяхъ ищущихъ званія кандидата или свидѣтельства по отдѣльнымъ наукамъ и право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ по вопросамъ о присужденіи университетскимъ слушателямъ какъ означенныхъ званія и свидѣтельства, такъ и всякаго рода стипендій и наградъ, и* d) *право на зачисленіе времени преподавательской ихъ должности, въ случаѣ поступленія ихъ на дѣйствительную службу и одобрительнаго засвидѣтельствованія университета, въ выслугу срока на пенсію. Право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ по означеннымъ предметамъ имѣютъ только тѣ приватъ-доценты, къ наукѣ которыхъ относятся имѣющія быть совѣщанія.*

Въ § 76 послѣднее предложеніе дополняется слѣдующимъ образомъ:

Кандидаты вносятся въ особую книгу, и не ранѣе, какъ чрезъ семь дней, баллотируются порознь, *равно какъ и всѣ приватъ-доценты, состоящіе при университетѣ по той же каѳедрѣ, хотя бы они и не были особо предложены факультетомъ.*

Между §§ 85 и 86 — новый:

§ — *Штатные профессоры имѣютъ право, по собственному желанію, сверхъ преподаванія, возложеннаго на нихъ совѣтомъ, читать курсы и другихъ предметовъ. За это преподаваніе гонораріи обращается въ пользу штатнаго профессора: весь — въ томъ случаѣ, когда онъ читаетъ предметъ, не принадлежащій къ его каѳедрѣ, и часть, соотвѣтствующая числу лекцій свыше опредѣленнаго уставомъ, — когда онъ читаетъ предметъ, принадлежащій къ его каѳедрѣ.*

Къ отдѣленію *о преподавателяхъ* присоединяется еще слѣдующій новый отдѣлъ:

О мѣрахъ для приготовленія университетскихъ преподавателей.

§ — Для приготовленія преподавателей, способныхъ занять университетскія каѳедры, отпускается достаточная, означенная въ штатѣ, сумма, которая, по усмотрѣнію совѣта, можетъ быть увеличиваема изъ той части суммы сбора за слушаніе лекцій, которая обращается въ пользу университета, и изъ другихъ университетскихъ суммъ.

§ — Она расходуется:

а) На учрежденіе спеціальныхъ курсовъ и на устройство практическихъ занятій со студентами.

в) На пріобрѣтеніе необходимыхъ научныхъ пособій, которыя, находясь въ пользованіи студентовъ, подъ наблюденіемъ профессоровъ, составляютъ собственность университета.

с) На изданіе факультетами, съ разрѣшенія совѣта, ученыхъ сборниковъ, въ составъ которыхъ могутъ входить диссертаціи на ученыя степени, статьи преподавателей и лицъ, прикомандированныхъ къ университету, и лучшіе труды студентовъ, съ выдачею имъ вознагражденія.

d) На оставленіе молодыхъ людей, наиболѣе даровитыхъ и съ отличіемъ окончившихъ курсъ наукъ, на годъ или на два при университетѣ, для подготовленія ихъ къ университетскому преподаванію въ качествѣ приватъ-доцентовъ, съ выдачею имъ стипендій и съ возложеніемъ на нихъ, по усмотрѣнію факультета, нѣкоторыхъ педагогическихъ или и другихъ обязанностей по университету, не препятствующихъ достиженію главной ихъ цѣли.

е) На командированіе въ другіе университеты Русскіе, а также и за-границу тѣхъ приватъ-доцентовъ, которые обратили на себя вниманіе факультета даромъ преподаванія и выдержали экзаменъ на высшую ученую степень.

Примѣчаніе 1. При значительномъ числѣ лицъ, имѣющихъ право на оставленіе при университетѣ, или приватъ-доцентовъ, имѣющихъ почти равныя права на вниманіе факультета, послѣдній обращается или къ баллотированію ихъ, или же къ публичному конкурсу.

Примѣчаніе 2. При неуспѣшности мѣръ, предварительно принятыхъ къ замѣщенію какой-либо каѳедры, продолжительное время остающейся вакантною, и за неимѣніемъ по ней вполнѣ способныхъ приватъ-доцентовъ, факультетъ объявляетъ конкурсъ для избранія лица, которое командировкою въ другіе университеты и за границу могло бы быть приготовлено къ занятію каѳедры. Конкурсъ учреждается на основаніяхъ, постановленныхъ для допущенія приватъ-доцентовъ къ преподаванію.

Въ другихъ главахъ и отдѣленіяхъ проекта устава слѣдующіе §§ подлежатъ измѣненіямъ:

§ 7 (по редакціи, установленной ученымъ комитетомъ въ засѣданіи 28-го августа): Въсовѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры, адъюнкты, и *тѣ изъ приватъ-доцентовъ, которые, за неимѣніемъ въ университетѣ профессоровъ по ихъ каѳедрѣ, временно избраны факультетами въ члены совѣта.*

§ 23 (по той же редакціи): Ординарные и экстраординарные профессоры факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ декана, составляютъ факультетскія собранія, въ которыхъ участвуютъ *и приватъ-доценты, избранные факультетомъ въ члены университетскаго совѣта, на основаніи* § 7, *а также читающіе свой предметъ по порученію факультета, за исключеніемъ случаевъ, обозначенныхъ въ* § 75 *и примѣчаніи къ нему, когда и другіе приватъ-доценты получаютъ право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ.* Одинъ изъ *приватъ-доцентовъ*, или же младшій членъ факультета, а на медицинскомъ факультетѣ—одинъ изъ *приватъ-доцентовъ* или ассистентовъ, исправляютъ должность секретаря въ факультетскомъ собраніи.

§ 104 (о платѣ за слушаніе лекцій): Каждый студентъ, избравъ въ началѣ семестра, по собственному своему усмотрѣнію, для слушанія лекцій тѣхъ или другихъ преподавателей своего факультетскаго отдѣленія, вноситъ за полугодичный курсъ предмета, преподаваемаго: отъ 1 до 2 часовъ въ недѣлю — 1 р. 50 к., отъ 3 до 4 часовъ — 3 р., отъ 5 и болѣе — 4 р. Изъ этой суммы часть, согласно §§ 74 и новому между 85 и 86, выдается преподавателямъ, остальная же поступаетъ въ пользу университета.

Примѣчаніе. Размѣръ платы можетъ быть измѣненъ по соглашенію университетскихъ совѣтовъ между собою и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, но такъ, чтобы она осталась одинаковою для всѣхъ университетовъ и для всѣхъ наукъ. Исключенія могутъ быть допущены совѣтомъ, по ходатайству самихъ преподавателей, для курсовъ, основанныхъ на новыхъ изслѣдованіяхъ, особенно же, если они стоили большаго труда и даже издержекъ.

§ 135. Университетамъ предоставляется учреждать ученыя общества, для усовершенствованія совокупными изысканіями какой-либо опредѣленной части наукъ, *а также и публичные ученые съѣзды по различнымъ отраслямъ наукъ, для установленія общаго плана какъ въ предпринимаемыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ педагогической дѣятельности.*

§ 144. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій, *программъ лекцій* и иныхъ, ученаго содержанія сочиненій и *сборниковъ*, ими или ихъ преподавателями издаваемыхъ. Цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

По выслушаніи записки г. Георгіевскаго, гг. присутствующіе сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

Г. Бауеръ предлагалъ допускать въ засѣданія совѣта и факультета всѣхъ вообще приватъ-доцентовъ: къ мнѣнію этому присоединился и г. Савичъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы правомъ этимъ пользовались только имѣющіе ученую степень, и чтобы за тѣмъ не было требуемо отъ приватъ-доцентовъ разсужденія pro venia legendi и пробныхъ лекцій. Г. Ведровъ поддерживалъ мнѣніе, высказанное имъ въ сводѣ замѣчаній о совѣтѣ: чтобы въ засѣданія совѣта и факультета допускаемы были только приватъ-доценты, занимающіе самостоятельную каѳедру, и чтобы читающіе только части предмета каѳедры приглашаемы были въ засѣданія факультета во время испытаній изъ читанныхъ ими предметовъ и при относящихся къ нимъ разсужденіямъ. По мнѣнію г. Андреевскаго, право участія въ засѣданіяхъ совѣта должно быть предоставлено только приватъ-доцентамъ, имѣющимъ степень доктора и избраннымъ самимъ совѣтомъ. Гг. Спасовичъ и Штейнманъ желали обусловить участіе приватъ-доцентовъ въ собраніяхъ совѣтовъ избраніемъ сими по-

слѣдними, а гг. Горловъ и Калиновскій—занятіемъ отдѣльной каѳедры. Г. Чебышевъ предложилъ назвать приватъ-доцентовъ, имѣющихъ право присутствовать въ совѣтѣ и факультетѣ, *сверхштатными профессорами*, для отличія отъ другихъ доцентовъ, принявшихъ на себя чтеніе особыхъ предметовъ или частей ихъ.

Затѣмъ гг. присутствовавшие высказали много замѣчаній относительно установленія системы гонораріа—предмета въ нашихъ университетахъ совершенно новаго и весьма важнаго для поддержки и развитія дѣятельности приватъ-доцентовъ. Г. Бекетовъ находилъ необходимымъ, чтобы назначеніе гонорарія предоставлено было свободному соглашенію между преподавателями и слушателями. Г. Спасовичъ полагалъ отложить сужденіе о гонораріѣ до опредѣленія платы за слушаніе лекцій. Г. Благовѣщенскій вообще возражалъ противъ введенія системы гонорарія, доказывая, что она — не въ нашихъ нравахъ и можетъ унизить преподавателей въ глазахъ ихъ слушателей. Большинство членовъ, хотя находило дѣйствительныя затрудненія въ установленіи системы гонораріевъ, но признавало ихъ необходимыми, а чтобы основательнѣе обсудить этотъ важный вопросъ, опредѣлило, по предложенію г. Предсѣдателя, постановить окончательное по этому предмету рѣшеніе при разсужденіяхъ о платѣ за слушаніе лекцій. Г. Предсѣдатель выразилъ при этомъ свое мнѣніе, что, даже въ случаѣ принятія системы гонораріевъ, нѣтъ надобности вводить въ уставъ подробности этой системы, чтобы облегчить возможность дѣлать тѣ измѣненія, которыя будутъ указаны опытомъ, предоставивъ утвержденіе порядка взиманія гонораріевъ власти министра. Г. Бекетовъ считалъ не нужнымъ посѣщеніе профессорами лекцій приватъ-доцентовъ, видя въ этомъ только лишнее стѣсненіе, и мнѣніе его поддержано было рѣшительнымъ большинствомъ. Гг. Чебышевъ и Савичъ находили затруднительнымъ предоставить приватъ-доцентамъ право наравнѣ съ профессорамъ пользоваться кабинетами и другими учебно-вспомогательными учрежденіями факультетовъ, потому что съ этимъ соединяется денежная отвѣтственность,

которая падаетъ на завѣдующихъ ими. Гг. Предсѣдатель и Горловъ возразили на это, что, для отвращенія могущихъ произойти безпорядковъ, приватъ-доцентамъ необходимо входить въ соглашеніе съ завѣдывающими кабинетами, лабораторіями и другими учрежденіями, и что по предмету занятій въ нихъ приватъ-доцентовъ могутъ быть составлены особыя правила.

Г. Горловъ возразилъ противъ пользы періодическихъ изданій при университетахъ, потому что опытъ указалъ на ихъ безполезность, и предложилъ употреблять необходимую на такія изданія сумму на что-нибудь болѣе нужное. Но большинство не желало изъ-за бывшихъ неудачъ стѣснять возможность полезныхъ изданій въ будущемъ и признало полезнымъ предоставить совѣту право разрѣшать изданіе сборниковъ, если для того найдутся желающіе.

Опредѣлено: Всѣ вышеприведенныя замѣчанія внести въ журналъ и принять въ соображеніе при окончательной обработкѣ редакціи проекта устава.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ*.

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ*.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 6.

Засѣданіе 18 сентября.

I. Исправляющій должность экстраординарнаго профессора С. Петербургскаго университета Спасовичъ представилъ записку *по вопросу объ обязанностяхъ учащихся въ университетахъ* (Гл. V, отд. V, §§ 121 — 127 пр. Уст.). Записка эта заключаетъ въ себѣ: а) сводъ законоположеній объ означенномъ предметѣ Уставовъ университетовъ 1804 и 1835 гг. и б) сводъ мнѣній, высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» на проектъ Устава, составленнаго особою коммиссіею въ 1862 г. Въ первой части своей записки г. Спасовичъ доказываетъ необходимость устройства въ университетахъ особаго управленія учащимися. «Управленіе студентами, говоритъ онъ, какъ всякое вообще управленіе, состоитъ изъ двухъ функцій: полиціи, предупреждающей и прекращающей безпорядки, и суда, взыскивающаго за нарушеніе предписаннаго закономъ благочинія. Необходимость строгаго отдѣленія обѣихъ этихъ функцій, такъ, чтобы онѣ не соединялись въ однихъ и тѣхъ же органахъ, признана и наукою и всѣми положительными законодательствами образованныхъ народовъ.»

Затѣмъ г. Спасовичъ переходитъ къ вопросу объ устрой-

ствѣ университетскаго суда, который обойденъ молчаніемъ въ проектѣ коммиссіи, и представляетъ сводъ мнѣній объ устройствѣ суда, о подсудности и о видахъ дисциплинарныхъ взысканій. Наконецъ, на основаніи высказанныхъ мнѣній, г. Спасовичъ излагаетъ свои соображенія и общіе выводы относительно обязанностей учащихся и управленія ими, а также объ устройствѣ университетскаго суда, и вслѣдствіе всего этого предлагаетъ нижеслѣдующее измѣненіе и дополненіе §§ проекта Устава:

Примѣчаніе къ § 7 слѣдовало бы измѣнить такимъ образомъ: «Прочіе преподаватели могутъ быть приглашаемы совѣтомъ въ его засѣданія, когда совѣтъ признаетъ нужнымъ потребовать отъ нихъ объясненій или мнѣній по какимъ-нибудь отдѣльнымъ вопросамъ.»

Въ главѣ I, заключающей въ себѣ общія положенія, между §§ 8 и 9 вставить новый, слѣдующаго содержанія:

«Судъ университетскій состоитъ изъ трехъ судей, избираемыхъ совѣтомъ изъ числа членовъ ученаго университетскаго сословія».

Главу III, имѣющую титулъ: *О совѣтѣ и правленіи*, надлежало бы озаглавить: *О совѣтѣ, правленіи и судѣ*.

Эта глава дѣлится теперь на 3 отдѣленія, посвященныя совѣту, правленію и канцеляріи. Къ этимъ тремъ отдѣленіямъ слѣдовало бы прибавить новое: о судѣ, которое поставить третьимъ въ ряду между отдѣленіемъ 2-мъ *О правленіи*, и отдѣленіемъ *о канцеляріи*; послѣднее изъ 3-го должно быть переименовано въ 4-е. Этой новой вставкѣ надлежало бы дать слѣдующую редакцію:

Отдѣленіе 3. О судѣ.

§ 1 (новый). Совѣтъ избираетъ ежегодно изъ профессоровъ и штатныхъ доцентовъ трехъ судей и одного кандидата на судейскую должность, на случай болѣзни или отсутствія когонибудь изъ судей. Избранные утверждаются въ званіи министромъ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ судей долженъ принадлежать къ юридическому факультету.

§ 2 (новый). Въ судѣ предсѣдательствуетъ тотъ изъ членовъ его, который принадлежитъ къ юридическому факультету. Если въ числѣ судей не одинъ, а болѣе принадлежатъ къ юридическому факультету, то мѣсто предсѣдателя занимаетъ тотъ, кто получилъ при баллотированіи въ совѣтѣ болѣе голосовъ. Изъ остальныхъ судей одинъ, по предложенію предсѣдателя, исправляетъ обязанности секретаря.

§ 3 (новый). Вѣдѣнію университетскаго суда подлежатъ:

1) Дѣла о нарушеніи студентами въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, установленнаго особыми правилами каждаго университета.

2) Всѣ столкновенія между студентами, съ одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университетскими съ другой стороны, хотя бы они произошли и внѣ зданій и учрежденій университета. — (См. § 127 проекта Устава).

3) Споры и иски между студентами, обвиненія противу студентовъ со стороны ихъ товарищей въ поступкахъ, недостойныхъ студентскаго званія, а также частныя обвиненія и иски, когда истцы сами обратятся къ университетскому начальству со своими притязаніями.

4) Дѣла о маловажныхъ проступкахъ студентовъ, совершаемыхъ внѣ университета, когда виновные, для взысканія съ нихъ, отосланы будутъ къ университетскому начальству посторонними полицейскими, или иными властями и начальствами.

§ 4 (новый). Судъ самъ собою не вчинаетъ дѣлъ о проступкахъ студентовъ; онъ входитъ въ разбирательство ихъ не иначе, какъ по предъявленному со стороны обвиненію, или иску. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ, нарушающихъ порядокъ университетскій или общественный, должность обличителя исправляетъ проректоръ или лицо, къ тому уполномоченное проректоромъ.

§ 5 (новый). Каждый изъ судей имѣетъ власть примирительнаго разбирательства въ дѣлахъ, подсудныхъ университетскому суду, предварительно разсмотрѣнія этихъ дѣлъ судомъ.

§ 6 (новый). Дѣлопроизводство въ университетскомъ судѣ бываетъ устное, съ запискою въ книгу приговоровъ лишь краткаго изложенія дѣла и рѣшенія.

§ 7 (новый). Рѣшеніе составляется по большинству голосовъ. Состоявшійся приговоръ утверждается совѣтомъ, при чемъ въ засѣданіи совѣта судьи изъ профессоровъ могутъ присутствовать и давать объясненія, но воздерживаются отъ подачи голосовъ.

Въ отдѣленіи 2-мъ главы IV, «о *ректорѣ и деканахъ*», надлежало бы между §§ 67 и 68 вставить слѣдующее положеніе:

§ (новый). Въ чрезвычайныхъ случаяхъ ректору принадлежитъ право требовать помощи отъ военнаго или гражданскаго начальства. Въ первомъ за тѣмъ засѣданіи совѣта ректоръ обязанъ изложить причины, побудившія его къ предпринятію этой мѣры.

Главы V отдѣленіе 5 *объ обязанностяхъ учащихся* §§ 121—127 должно быть слѣдующимъ образомъ передѣлано:

§ 121. Студенты обязаны повиноваться университетскому начальству, соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный особыми правилами для лицъ учащихся. Каждому университету предоставляется составлять и представлять на утвержденіе министра такія правила, съ обозначеніемъ въ нихъ какъ дѣйствій запрещаемыхъ, такъ и соотвѣтствующихъ этимъ дѣйствіямъ взысканій.

§ 122. Въ случаѣ какихъ-нибудь общихъ предположеній, до устройства студентскаго быта касающихся, студенты обращаются къ проректору, который или самъ имъ разрѣшаетъ просимое, или представляетъ на усмотрѣніе совѣта.

§ 123 пропустить.

§ 124. Постороннимъ лицамъ за нарушеніе университетскихъ правилъ можетъ быть воспрещенъ, по распоряженію проректора, дальнѣйшій входъ въ университетъ. Недовольные распоряженіемъ проректора могутъ жаловаться совѣту. Въ случаѣ важныхъ причиненныхъ въ университетѣ кѣмъ-нибудь изъ постороннихъ безпорядковъ, распоряженіе о воспрещеніи ему входа въ университетъ можетъ быть опубликовано въ вѣдомостяхъ.

§ (Новый). Если нарушеніе университетскихъ правилъ студентомъ сопровождалось инымъ какимъ-либо тяжкимъ уголов-

нымъ преступленіемъ, то по исключеніи виновнаго университетскимъ судомъ изъ числа студентовъ, онъ отсылается при копіи съ университетскаго приговора къ обыкновенному уголовному суду, для поступленія съ нимъ по законамъ.

§ (новый). Если лицо, которому входъ въ университетъ воспрещенъ, будетъ, не смотря на то, тамъ являться, то университетское начальство можетъ, по заарестованіи его, препроводить его въ полицію, а также сноситься съ полицейскими властями объ обязаніи его подпискою неходить въ университетъ, о взятіи съ него въ томъ поручительства или денежнаго залога и даже, если онъ иногородный, о высылкѣ его на мѣсто его постояннаго жительства, съ поставленіемъ его подъ надзоръ мѣстной полиціи.

§ 125. Внѣ зданій и учрежденій университета студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи.

§ 126. Въ случаѣ задержанія студентовъ внѣ университета за преступленія и проступки, подлежащіе уголовному суду, полиція немедленно увѣдомляетъ о томъ университетское начальство, для командированія къ слѣдствію депутата. Должность депутата исправляетъ или проректоръ, или кто-либо изъ служащихъ въ университетѣ лицъ по назначенію проректора.

§ 127. Пропустить.

По выслушаніи записки г. Спасовича, гг. присутствующіе сдѣлали слѣдующія возраженія:

Г. Барановскій замѣтилъ, что происходившіе на студентскихъ сходкахъ безпорядки были не вслѣдствіе допущенія сходокъ, а отъ того, что сходки не имѣли правильнаго устройства, и при этомъ онъ въ общихъ чертахъ обрисовалъ устройство сходокъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ, которыя существуютъ тамъ на прочныхъ основаніяхъ, поощряются профессорами и начальствомъ, пользуются сочувствіемъ общества, служатъ для студентовъ полезнымъ препровожденіемъ времени, а въ иныхъ случаяхъ на сходкахъ совершенно правильно разсматриваются и рѣшаются вопросы, которые безъ нихъ должны были бы подлежать рѣшенію университетскаго суда. Г. Георгіевскій присовокупилъ, что и въ Ришельевскомъ лицеѣ суще-

ствовали сходки при особой устроенной студентами библіотекѣ, которою завѣдываетъ одинъ изъ профессоровъ, и что сходки эти, посѣщаемыя иногда попечителемъ учебнаго округа, спокойно происходили даже въ то время, когда въ столицахъ онѣ сопровождались безпорядками. По поводу представленнаго г. Барановскимъ объясненія о сходкахъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ, г. Спасовичъ замѣтилъ, что, если будетъ признано полезнымъ допущеніе ихъ, то онѣ могли бы организоваться сообразно мѣстнымъ условіямъ и желаніямъ, безъ примѣненія однихъ и тѣхъ же правилъ къ устройству ихъ во всѣхъ университетахъ. Г. Предсѣдатель по вопросу о сходкахъ заявилъ свое мнѣніе, что, хотя сходки, въ извѣстномъ отношеніи, могутъ приносить несомнѣнную пользу, поддерживая нравственную связь между студентами и сближая ихъ съ профессорами; но для того, чтобы польза эта достигалась, необходимо организовать ихъ правильно, поставить ихъ такъ, чтобы сходками руководили и управляли опытные профессора, способные устранять и останавливать на сходкахъ всякое вредное направленіе, которое бы могло на нихъ обнаружиться. Вопросъ же о томъ, въ какой мѣрѣ можно достигнуть этой цѣли, особенно въ столичныхъ университетахъ, гдѣ учащаяся молодежь подвержена разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, г. Предсѣдатель предложилъ обсудить особо въ свое время, по составленіи свода всѣхъ замѣчаній на проектъ Устава.

Г. Савичъ, находя много новаго въ мнѣніи г. Спасовича объ университетскомъ судѣ, считалъ по этому случаю необходимымъ всѣ постановленія ученаго комитета относительно устройства университетовъ сообщить вновь на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ, но такое предложеніе единогласно было отвергнуто, во-1-хъ, потому, что это опять отдалило бы окончаніе дѣла на неопредѣленный срокъ; во-2-хъ, потому, что университеты уже два раза имѣли случай высказать свои мнѣнія: одинъ разъ чрезъ лицъ, которыми составленъ проектъ устава, въ другой разъ чрезъ письменныя мнѣнія на проектъ, уже обнародованныя и принятыя въ основаніе ученымъ комитетомъ, который въ настоящемъ дѣлѣ есть только докладчикъ того, что предложено

другими относительно устройства нашихъ университетовъ По поводу вообще высказанныхъ въ засѣданіи замѣчаній относительно устройства университетскаго суда, г. Спасовичъ полагалъ нужнымъ предоставить опредѣленіе подробностей совѣтамъ университетовъ въ особыхъ дисциплинарныхъ правилахъ. Г. Предсѣдатель, имѣя въ виду, съ одной стороны, что большинство считаетъ необходимымъ установить судъ съ сильною властію и съ другой — признавая предметъ этотъ, по важности своей, требующимъ внимательнаго обсужденія, предложилъ къ подробному разсмотрѣнію вопроса о судѣ возвратиться при окончательномъ составленіи редакціи проекта устава. Г. Чебышевъ замѣтилъ, что выгодами суда будутъ пользоваться только студенты, а между тѣмъ онъ, съ своей стороны, не видитъ разницы между студентами и слушателями, если уничтожены будутъ репитиціи и переводные экзамены, составляющіе нынѣ обязанности студентовъ. Г. Спасовичъ возразилъ на это, что студенты различаются отъ вольныхъ слушателей тѣмъ, что они записываются въ списокъ студентскій, подчиняются извѣстнымъ требованіямъ и, въ замѣнъ того, получаютъ извѣстныя права, какъ-то: право на полученіе стипендій и другія. Г. Георгіевскій при этомъ подробнѣе развилъ свою мысль, высказанную въ засѣданіи 11 сентября (№ 4), объ обязанностяхъ студентовъ. Студенты, по его мнѣнію, обязаны заниматься науками и подвергаться въ этомъ отношеніи контролю. Они могутъ выбирать для себя, по своему усмотрѣнію, или установляемыя профессорами письменныя репетиціи, или представленіе ежегодно сочиненія по какой-нибудь наукѣ, или же дѣятельное участіе въ практическихъ занятіяхъ, семинаріяхъ и т. д., безъ чего никто не можетъ получить стипендіи и пользоваться какими-либо льготами въ отношеніи къ платѣ за слушаніе лекцій.

II. Исправляющій должность ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета Березинъ представилъ сводъ высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» мнѣній *о чиновникахъ по административной и хозяйственной частями* (гл. IV, отд. IV, § 87—96 пр. Уст.). Сводя сіи мнѣнія, г. Березинъ имѣлъ въ виду преимущественно выяснить слѣдующіе два вопроса: а) распростра-

няется ли наблюденіе чиновниковъ по административной части надъ студентами внѣ стѣнъ университета, или оно должно ограничиваться только стѣнами его? б) проректору ли изъ профессоровъ, или инспектору изъ постороннихъ лицъ долженъ быть порученъ надзоръ за студентами въ стѣнахъ университета? Изъ свода критически разсмотрѣнныхъ мнѣній по симъ двумъ вопросамъ, г. Березинъ сдѣлалъ общій выводъ, что университетскій надзоръ за слушателями лекцій не долженъ простираться далѣе стѣнъ университета и что онъ долженъ быть порученъ проректору изъ профессоровъ, котораго избираетъ совѣтъ и который, подчиняясь ректору и совѣту, дѣйствуетъ по инструкціи, данной ему совѣтомъ. Затѣмъ всѣ относящіеся сюда §§ проекта Устава, сообразно сему выводу, по мнѣнію г. Березина, должны быть изложены такъ:

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О чиновникахъ по административной и хозяйственной частямъ.

§ 7. Въ совѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры, адъюнкты и доценты, занимающіе самостоятельныя каѳедры, и проректоръ.

§ 8..... Равнымъ образомъ присутствуетъ въ ономъ (въ правленіи), какъ членъ, проректоръ.

§ 68. Въ случаѣ болѣзни или отлучки ректора, мѣсто его занимаетъ одинъ изъ декановъ.

§ 87. Наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ, установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей, возлагается на проректора, избираемаго совѣтомъ университета изъ среды своихъ членовъ.

§ 88. Проректоръ избирается на два года и утверждается министромъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія проректора, должность его исправляетъ кандидатъ, заблаговременно избираемый совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ и утверждаемый министромъ. Кандидатъ пользуется жалованьемъ проректора за все время исправленія должности.

§ 89. Проректоръ дѣйствуетъ по данной ему отъ совѣта инструкціи, утвержденной высшимъ начальствомъ и основанной на

подлежащихъ параграфахъ сего Устава. Въ случаяхъ, превышающихъ власть, предоставленную проректору, онъ входитъ съ представленіями въ совѣтъ; при безотлагательной же спѣшности дѣла, проректоръ дѣйствуетъ съ разрѣшенія ректора, который потомъ вноситъ все дѣло въ университетскій совѣтъ. Проректоръ обязанъ принимать жалобы и просьбы студентовъ въ предѣлахъ своей власти и давать имъ надлежащій ходъ, въ случаяхъ ихъ основательности; онъ производитъ изслѣдованіе о проступкахъ студентовъ въ зданіи университета и передаетъ ихъ на рѣшеніе университетскаго суда, смотря по степени ихъ важности.

§ 90. Въ помощь проректору, для наблюденія за порядкомъ, назначается нѣсколько помощниковъ, а для дѣлопроизводства—секретарь, входящій въ составъ канцеляріи университета. Лица эти избираются проректоромъ изъ окончившихъ университетскій курсъ, и утверждаются совѣтомъ.

§ 91. Библіотекарь и помощники его избираются и утверждаются совѣтомъ.

Въ должность библіотекаря могутъ быть избираемы, по усмотрѣнію совѣта, постороннія лица, а за неимѣніемъ въ виду таковыхъ—и профессоры университета; послѣдніе сохраняютъ свое званіе.

§ 92. Архитекторъ, казначей, бухгалтеръ, ученый садовникъ и механикъ избираются и утверждаются также совѣтомъ. Должность архитектора можетъ занимать и преподаватель строительнаго искусства.

§ 93. Правитель канцеляріи университета избирается ректоромъ и утверждается совѣтомъ изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень по юридическому факультету. Онъ управляетъ всей канцеляріей университета по дѣлопроизводству и подчиненъ непосредственно ректору.

§ 94. Секретарей совѣта и правленія избираетъ ректоръ изъ лицъ, окончившихъ университетскій курсъ, и утверждаетъ совѣтъ. Тому же порядку подлежитъ избраніе и утвержденіе экзекутора.

§ 95. Всѣ, поименованныя въ этомъ отдѣленіи лица, уволь-

няются отъ службы порядкомъ, изъясненнымъ въ §§ 80 и 83 сего Устава.

§ 96. Служащихъ по найму опредѣляетъ и увольняетъ ректоръ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О канцеляріи.

§ 49. При совѣтѣ состоитъ канцелярія университета, подъ управленіемъ правителя, изъ чиновниковъ по штату и по найму. Штатными полагаются секретари совѣта, правленія и проректора, казначей и бухгалтеръ. Сокращеніе дѣлопроизводства и переписка предоставляются усмотрѣнію совѣта университета.

По выслушаніи записки г. Березина, гг. присутствующіе сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

Г. Спасовичъ и Калиновскій полагали, что проректору нѣтъ надобности постоянно присутствовать въ правленіи, дѣла котораго бо̀льшею частію касаются хозяйственнаго управленія университетомъ, но что проректору можетъ быть предоставлено право присутствовать въ правленіи во всякое время, когда онъ пожелаетъ, и когда дѣла, по характеру своему, будутъ требовать его присутствія. Г. Андреевскій находилъ неудобнымъ назначать проректору помощниковъ не изъ лицъ университетскаго сословія, а потому гг. Савичъ и Калиновскій замѣтили, что такіе помощники могли бы быть избираемы изъ приватъ-доцентовъ. Гг. Савичъ и Чебышевъ заявили, что какъ исполненіе проректорскихъ обязанностей необходимо будетъ отвлекать профессоровъ отъ занятій науками, то принявшіе на себя такую обязанность должны имѣть, сколько возможно, менѣе лекцій и что вообще избираемымъ въ сію должность слѣдуетъ предоставить право отказаться отъ принятія ея.

Опредѣлено: Всѣ сіи замѣчанія внести въ журналъ и подвергнуть обсужденію при окончательной обработкѣ редакціи проекта Устава.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ.*

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ.*

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 7.

Засѣданіе 21 сентября.

Адъюнктъ С. Петербургскаго университета Калиновскій представилъ сводъ мнѣній *о правленіи университета* (Гл. III, отд. II, §§ 40 — 48), которому онъ предпослалъ краткій обзоръ устройства этого университетскаго установленія по уставамъ 1804 и 1835 годовъ и показалъ недостатки этого устройства, которые заключаются въ слѣдующемъ: 1) деканы, непремѣнные члены правленія, избираемы были факультетами, при чемъ имѣлись въ виду болѣе ихъ ученыя заслуги, а не административныя способности; 2) деканы смотрѣли на свои обязанности членовъ правленія, какъ на дополнительныя и второстепенныя, и 3) не будучи обязаны подчиняться совѣту и испрашивать у него, въ особенныхъ случаяхъ, разрѣшенія или руководствоваться его постановленіями, нерѣдко по дѣйствіямъ своимъ они были въ разладѣ съ дѣйствіями совѣта. Изъ обзора г. Калиновскаго и сдѣланнаго имъ свода «Замѣчаній» видно, что прежніе недостатки въ отношеніи устройства, круга и характера дѣйствій правленія составляютъ принадлежность и новаго проекта устава, и что всѣ высказанныя въ «Замѣчаніяхъ» мнѣнія болѣе или менѣе согласно направлены къ тому, чтобы кругъ дѣйствій правленія опредѣленъ былъ точнѣе, чтобы оно поставлено было въ нѣкоторую зависимость отъ совѣта и составъ членовъ его опредѣлялся выборомъ въ совѣтѣ. По

соображеніи замѣчаній, г. Калиновскій предлагаетъ относящіеся къ правленію параграфы изложить такимъ образомъ:

§ 8. Правленіе университета составляютъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, выбранные совѣтомъ на одинъ годъ члены по одному отъ каждаго факультета; кромѣ того, совѣтъ избираетъ еще четырехъ кандидатовъ, заступающихъ мѣсто членовъ въ случаѣ ихъ болѣзни или отсутствія.

§ 40. Правленіе есть исполнительное отдѣленіе совѣта, имѣющее въ своемъ вѣдѣніи части хозяйственную и распорядительную.

§ 41. Правленіе имѣетъ свои засѣданія, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю; оно ежемѣсячно сообщаетъ совѣту протоколы своихъ засѣданій въ подлинникѣ, для прочтенія, и краткую вѣдомость о состояніи наличныхъ суммъ университета, составляетъ смѣту доходовъ и расходовъ на будущій годъ и представляетъ ее на утвержденіе совѣта, равно какъ и всѣ предположенія, касающіяся улучшеній по хозяйственной части.

§ 42. Правленіе получаетъ опредѣленную на содержаніе сумму въ назначенные по ежегодному росписанію сроки, а также деньги, вносимыя за слушаніе лекцій, за экзамены, дипломы, аттестаты, свидѣтельства и проч.; отвѣчаетъ за цѣлость сихъ суммъ, распоряжается ими согласно со штатомъ и росписаніемъ, утвержденнымъ совѣтомъ; распредѣляетъ назначенныя факультетами, съ согласія совѣта, стипендіи и пособія, заключаетъ условія на подряды и производитъ выдачи, наблюдая, какъ въ отношеніи расходованія суммъ, такъ и отчетности въ оныхъ, порядокъ, общими законами и особыми распоряженіями министра народнаго просвѣщенія предписанный.

§ 43 остается безъ измѣненія.

§ 44. Сумма, остающаяся отъ расходовъ по всѣмъ означеннымъ въ штатѣ статьямъ, отдѣляется, по истеченіи года, отъ штатной, и вмѣстѣ со всѣми сверхштатными доходами, изъ какого бы они источника ни получались, обращается въ исключительную и неотъемлемую собственность университета, подъ названіемъ хозяйственной суммы, для употребленія на непредвидимыя надобности университета.

§ 45. Расходъ сверхштатный, не превышающій 200 руб. въ годъ на одинъ предметъ, производитъ само правленіе, доводя объ этомъ немедленно до свѣдѣнія совѣта. На каждую издержку свыше 200 руб. правленіе испрашиваетъ разрѣшеніе совѣта или, чрезъ совѣтъ, высшаго начальства.

§§ 46, 47 и 48 остаются безъ измѣненія.

§§ 49. При совѣтѣ и правленіи состоитъ канцелярія подъ общимъ управленіемъ правителя дѣлъ и непосредственнымъ — секретаря совѣта или правленія, изъ чиновниковъ по штату и найму. Сокращеніе дѣлопроизводства и переписки предоставляется усмотрѣнію университета, съ утвержденія попечителя.

По выслушаніи записки г. Калиновскаго, гг. присутствующіе сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

По поводу предположеннаго упраздненія должности синдика, гг. Ивановскій и Горловъ замѣтили, что во всякомъ случаѣ необходимо лицо, которое, въ качествѣ правителя дѣлъ, наблюдало бы за исполненіемъ всѣхъ формальностей, при веденіи дѣлъ хозяйственныхъ, не придавая, однакожь, этому лицу значенія прокурора, которое имѣетъ теперь синдикъ. Сверхъ того, г. Ивановскій полагалъ, что членовъ правленія должно избирать не на одинъ годъ, а по крайней мѣрѣ на два года, потому что ознакомленіе съ дѣлами правленія предварительно требуетъ нѣкотораго времени, и затѣмъ, при избраніи членовъ правленія на одинъ годъ, самостоятельное участіе вновь избираемыхъ членовъ въ дѣлахъ правленія будетъ слишкомъ кратковременно. Г. Березинъ находилъ нужнымъ, чтобы въ правленіи присутствовалъ проректоръ по дѣламъ о разрѣшеніи выдачъ студентамъ единовременныхъ пособій. Г. Соколовъ полагалъ не предоставлять правленію расходованія суммъ безъ разрѣшенія совѣта. Г. Предсѣдатель возразилъ: а) противъ поставленія въ обязанность правленію вести счетъ деньгамъ, собираемымъ за экзамены, такъ какъ этотъ сборъ едва ли можетъ быть допущенъ, и б) противъ обращенія всѣхъ денежныхъ остатковъ въ неотъемлемую собственность университета, потому что это не согласно съ Высочайше утвержденнымъ предположеніемъ относительно порядка отпуска суммъ на содержаніе всѣхъ вообще установленій въ Имперіи. Наконецъ, г.

Георгіевскій возбудилъ вопросъ о томъ, вполнѣ ли правильно будетъ оставить за совѣтомъ его настоящее наименованіе, если правленіе поставлено будетъ въ подчиненное отношеніе къ совѣту.

II. Исправляющій должность ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета Березинъ представилъ записку о *составѣ факультета восточныхъ языковъ* въ С-.Петербургскомъ университетѣ (§ 9 пр. уст.), въ началѣ которой онъ возражаетъ противъ выраженной совѣтомъ Московскаго университета мысли объ обращеніи факультета восточныхъ языковъ въ отдѣленіе историко-филологическаго факультета. Такое обращеніе, по мнѣнію г. Березина, имѣющее, впрочемъ, научныя основанія, не только не принесло бы пользы, но даже послужило бы во вредъ обоимъ факультетамъ, стѣснивъ рѣшеніе факультетскихъ вопросовъ соединеніемъ въ одну корпорацію такого множества каѳедръ по предметамъ отдаленныхъ другъ отъ друга спеціальностей, — что̀ особенно несовмѣстно съ инииціативою, которую предполагается дать факультетамъ въ рѣшеніи университетскихъ дѣлъ. Засимъ г. Березинъ находитъ необходимымъ оставить безъ измѣненія упоминаніе, въ § 9 проекта Устава, о восточномъ факультетѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; распредѣленіе же каѳедръ въ § 16, согласно съ замѣчаніями профессоровъ этого факультета, полагаетъ слѣдующее:

§ 16. Въ факультетѣ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета полагаются слѣдующія каѳедры:

1) Арабская словесность:
 a) Арабскій языкъ и толкованіе авторовъ.
 b) Исторія Арабской литературы.
 (Профессоръ, доцентъ и практическій преподаватель).
2) Персидская словесность:
 a) Персидскій языкъ и толкованіе авторовъ.
 b) Исторія Персидской литературы.
 (Профессоръ и лекторъ).
3) Турецко-Татарская словесность:
 a) Обозрѣніе Турецкихъ нарѣчій и ихъ литературъ.
 b) Османское нарѣчіе и исторія его литературы.
 (Профессоръ, доцентъ и практическій преподаватель-каллиграфъ).

4) Китайская и Маньчжурская словесность:
 a) Китайскій языкъ и толкованіе авторовъ.
 b) Исторія Китайской литературы.
 c) Маньчжурскій языкъ и исторія Маньчжурской литературы.
 (Профессоръ, доцентъ и два практическіе преподавателя).

5) Монгольская и Калмыцкая словесность:
 a) Монгольскій языкъ.
 b) Исторія Монгольской литературы.
 c) Калмыцкое и Бурятское нарѣчія.
 (Профессоръ и лекторъ).

6) Еврейская, Сирійская и Халдейская словесность:
 a) Еврейскій, Сирійскій и Халдейскій языки.
 b) Исторія литературъ этихъ языковъ.
 (Професссоръ).

7) Армянская и Грузинская словесность:
 a) Армянскій языкъ.
 b) Исторія Армянской литературы.
 c) Грузинскій языкъ.
 d) Исторія Грузинской литературы.
 (Профессоръ и доцентъ).

8) Санскритская словесность:
 a) Санскритскій языкъ.
 b) Зендъ.
 c) Исторія Санскритской литературы.
 (Профессоръ).

9) Исторія Востока:
 a) Исторія семитическихъ народовъ.
 b) Исторія сѣверо-восточной Азіи.
 c) Исторія Арійскихъ народовъ Азіи.
 (Профессоръ и два доцента).

Изъ общихъ предметовъ, согласно принятому нынѣ въ факультетѣ восточныхъ языковъ распредѣленію, обязательны для студентовъ этого факультета: Русская словесность, Русская исторія и Французскій явыкъ, какъ предметы дополнительные.

Раздѣленіе на разряды должно быть предоставлено самому факультету.

§ 18, согласно съ замѣчаніями профессоровъ восточнаго факультета, долженъ быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ:

§ 18. Для преподаванія новыхъ Европейскихъ и нѣкоторыхъ восточныхъ языковъ полагаются лекторы.

Къ § 71 надлежитъ прибавить слѣдующее примѣчаніе:

Примѣчаніе 2. Въ случаѣ совершенной невозможности замѣщать мѣста профессоровъ и доцентовъ по каѳедрамъ восточныхъ языковъ лицами, вполнѣ удовлетворяющими условіямъ § 71, къ отправленію этихъ должностей могутъ быть назначаемы лица, не имѣющія ученыхъ степеней магистра и доктора, но извѣстныя своими учеными трудами и педагогическою дѣятельностью, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, соединенныхъ съ этими званіями.

По выслушаніи записки г. Березина, гг. присутствующіе сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

Г. Георгіевскій предложилъ имѣть при восточномъ факультетѣ, вмѣсто лекторовъ, приватъ-доцентовъ, на предположенномъ общемъ основаніи для нихъ, вошедшемъ въ составъ записки, читанной въ засѣданіи 14 сентября (Журн. № 5). Г. Чебышевъ возразилъ противъ упоминаемой въ запискѣ г. Березина возможности слїянія восточнаго факультета съ Императорскою академіею наукъ, потому что университетъ, между прочимъ, имѣетъ цѣлію практическое ознакомленіе съ восточными языками, тогда какъ цѣль академіи наукъ при изученіи восточныхъ языковъ — чисто-научная. Г. Барановскій находилъ недостаточно убѣдительными доводы въ пользу оставленія восточнаго факультета въ его настоящемъ, независимомъ отъ историко-филологическаго факультета, положеніи. Г. Ивановскій замѣтилъ, что отсутствіе политической самостоятельности Маньчжуріи не можетъ служить основаніемъ къ соединенію Маньчжурской словесности въ одну каѳедру съ Китайскою словесностью, такъ какъ, при учрежденіи отдѣльныхъ каѳедръ, должно принимать во вниманіе собственно богатство литературы того или другаго народа.

III. Въ засѣданіи 4-го сентября (Журн. № 3), по окончаніи разсужденій о представленномъ г. профессоромъ Савичемъ сводѣ замѣчаній о составѣ физико-математическаго факультета

и объ учебно вспомогательныхъ учрежденіяхъ его, опредѣлено было вопросъ объ этомъ предметѣ поручить еще обсужденію спеціалиста по части естественныхъ наукъ, что̀ и принялъ на себя г. экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета Бекетовъ.

Г. Бекетовъ, по соображеніи содержанія записки, представленной г. профессоромъ Савичемъ (Журн. засѣд. 4 сентября № 3) и мнѣній, высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ», полагаетъ, что каѳедры физико-математическаго факультета должно распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Обязательныя:

Чистая математика	2	каѳ.
Механика аналитическая	1	»
» практическая (обязательная и необязательная, по усмотрѣнію факультета).	1	»
Астрономія и геодезія	1	»
Физика	1	»
» земнаго шара	1	»
Химія	2	»
Зоологія	2	»
Ботаника	2	»
Геологія съ минералогіею	2	»

Уничтожаются вовсе или установляются необязательно только, по усмотрѣнію совѣта:

Агрономическая химія	1	каѳ.
Техническая химія	1	»

Къ числу необязательныхъ каѳедръ г. Бекетовъ признаетъ полезнымъ присоединить каѳедры: логики, исторіи философскихъ системъ и технологіи.

За симъ г. Бекетовъ представилъ нѣсколько замѣчаній объ анатомической лабораторіи и оранжереѣ съ теплицею, которыя онъ считаетъ необходимыми для успѣшнаго преподаванія зоологіи и ботаники.

Сравнивая предложенное г. Бекетовымъ распредѣленіе предметовъ физико-математическаго факультета по каѳедрамъ

съ тѣмъ, что предложено г. профессоромъ Савичемъ, оказываются слѣдующія различія: 1, 2 и 3 каѳедры, какъ у г. Савича; 4 каѳедра — механика практическая (обязательная или необязательная по желанію университетовъ) у г. Савича выпущена; физика и физическая географія, составляющія у г. Савича предметъ одной каѳедры (4-й), распадаются на 2 каѳедры: физики и физики земнаго шара. Астрономія и геодезія—какъ у г. Савича. Химія, какъ у г. Савича. Зоологія, какъ у г. Савича, т. е. двѣ каѳедры, но безъ означенія предметовъ, относимыхъ къ каждой. Ботаника — 2 каѳедры, а у г. Савича 1. Минералогія — 2 каѳедры, а у г. Савича 1.

Кромѣ того г. Бекетовъ предлагаетъ, согласно съ г. профессоромъ Савичемъ, установить по волѣ совѣта двѣ необязательныя каѳедры: агрономической химіи и технической химіи, и присоединяетъ сюда еще необязательныя каѳедры логики съ психологіею и исторію философскихъ системъ.

Всѣхъ обязательныхъ для слушателей каѳедръ, по этому, г. Бекетовъ предлагаетъ 14, одну обязательную и необязательную по усмотрѣнію факультета и 4 необязательныя.

По выслушаніи записки г. Бекетова, сдѣлано было два возраженія г. Чебышевымъ: противъ замѣчанія, что практическая механика не можетъ быть преподаваема не слушавшимъ высшей математики, и противъ введенія философіи въ составъ физико-математическаго факультета. На послѣднее возраженіе г. Бекетовъ замѣтилъ, что предполагается ввести только логику и исторію философскихъ системъ, съ цѣлію главнымъ образомъ ознакомить слушателей съ научно-философскимъ методомъ, который они могли бы приспособить къ занятіямъ науками, относящимися къ физико-математическому факультету.

Опредѣлено: Всѣ вышеизложенныя замѣчанія и возраженія внести въ журналъ и подвергнуть подробному обсужденію при окончательной обработкѣ редакціи проекта устава.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ*.

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ*.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 8.

Засѣданіе 25 сентября.

I. Членъ ученаго комитета, ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета Благовѣщенскій представилъ сводъ замѣчаній *о пріемѣ въ университетъ* (Гл. V, отд. I, §§ 97 — 103 пр. Уст.), которыя касаются слѣдующихъ вопросовъ: а) какого возраста должны быть допускаемы молодые люди къ поступленію въ студенты университета? б) безъ экзамена въ знаніи гимназическаго курса, или по экзамену надлежитъ удостоивать званія студента и, въ семъ послѣднемъ случаѣ, должно ли экзаменъ производить въ гимназіяхъ или въ университетахъ? в) слѣдуетъ ли, сверхъ экзамена, производить еще письменное испытаніе чрезъ задаваніе сочиненій на темы по предметамъ гимназическаго курса? г) производить ли пріемъ въ университетъ разъ или два раза въ годъ? д) какими правами должны пользоваться студенты университета? и наконецъ, е) кто, кромѣ студентовъ, и на какихъ условіяхъ можетъ быть допускаемъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Г. Благовѣщенскій, въ началѣ своей записки, предпосылаетъ краткій обзоръ прежнихъ законоположеній въ отношеніи порядка пріема въ студенты университетовъ, и затѣмъ переходитъ къ

критическому разсмотрѣнію замѣчаній по каждому изъ вышеозначенныхъ вопросовъ, при чемъ долѣе всего останавливается на второмъ, особенно спорномъ вопросѣ. По соображеніи всѣхъ высказанныхъ замѣчаній, онъ предлагаетъ слѣдующую редакцію относящихся къ предмету записки его параграфовъ:

ГЛАВА ПЯТАЯ, ОТДѢЛЕНІЕ I.

О пріемѣ въ университетъ.

§ 97. Въ студенты университета могутъ быть принимаемы молодые люди, окончившіе съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ, равно какъ и другія лица, предъявившія университетскому начальству свидѣтельство объ удовлетворительномъ выдержаніи ими окончательнаго испытанія изъ означеннаго курса.

§ 98. a) Воспитанники высшихъ и нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, получившіе отъ сихъ заведеній свидѣтельства объ удовлетворительномъ окончаніи курса, имѣютъ право поступать въ университетъ и подвергаться испытанію на степень кандидата безъ предварительнаго пріемнаго экзамена.

Примѣчаніе. Означеннымъ правомъ пользуются: воспитанники лицеевъ и училища правовѣдѣнія, не кончившіе курсъ студенты медико-хирургической академіи, студенты духовныхъ академій православнаго и Римско-католическаго исповѣданій, воспитанники духовныхъ семинарій, получившіе, при окончаніи курса, званіе студента и причисленные къ первому разряду, и воспитанники тѣхъ учебныхъ заведеній, о предоставленіи которымъ упомянутаго права уже послѣдовало или впредь послѣдуетъ особое распоряженіе.

b) Необучавшіеся въ гимназіи воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній (разныхъ вѣдомствъ), не пользующихся означеннымъ правомъ, получившіе отъ сихъ заведеній свидѣтельства объ удовлетворительномъ окончаніи курса, для пріобрѣтенія права на поступленіе въ студенты университета, обязаны предварительно выдержать въ гимназіи экзаменъ изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса, которые не поименованы въ ихъ свидѣтельствахъ и отъ знанія которыхъ они не изъяты особыми законоположеніями.

§ 99 долженъ быть исключенъ изъ устава.

§ 100 остается въ томъ видѣ, какъ предложенъ проектомъ.

§ 101 долженъ быть исключенъ изъ устава.

§ 102. Студентъ, начавшій курсъ въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, можетъ перейти въ другой, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ въ число лѣтъ полнаго курса, если только студентъ этотъ поступитъ въ тотъ же факультетъ и представитъ одобрительное свидѣтельство отъ прежняго своего университетскаго начальства.

§ 103. Кромѣ студентовъ, допускаются къ слушанію университетскихъ лекцій, по правиламъ, составленнымъ и утвержденнымъ совѣтомъ, также посторонніе лица.

Примѣчаніе. Подъ *посторонними лицами*, упоминаемыми въ этомъ §, разумѣются лица обоего пола, посѣщающія полный факультетскій курсъ или только нѣкоторыя лекціи разныхъ факультетовъ, и притомъ съ цѣлію держать окончательный университетскій экзаменъ, или безъ всякой опредѣленной практической цѣли.

Гг. присутствующіе сдѣлали на записку г. Благовѣщенскаго слѣдующія замѣчанія:

Г. Галаховъ замѣтилъ, что г. Благовѣщенскій недостаточно выяснилъ причины, почему прежними уставами университетовъ и отдѣльными распоряженіями выражалось то довѣріе, то недовѣріе къ гимназическимъ аттестатамъ, и указалъ между прочимъ на поводъ временно-существовавшаго при Московскомъ университетѣ предварительнаго курса для желающихъ поступить въ студенты университета. За тѣмъ онъ возразилъ противъ ограниченія пріема въ студенты 17-лѣтнимъ возрастомъ. По поводу перваго замѣчанія г. Галахова, г. Бекетовъ обратилъ вниманіе на то, что доводы г. Благовѣщенскаго недостаточно оправдываютъ сдѣланный имъ выводъ относительно порядка производства экзаменовъ для поступленія въ студенты. Г. Чебышевъ находилъ нужнымъ требовать отъ поступающихъ въ студенты знаній въ одинаковомъ масштабѣ. На сдѣланныя нѣкоторыми изъ критиковъ проекта Устава замѣчанія относительно усиленія строгости пріемныхъ экзаменовъ г. Ивановскій возразилъ, что онъ не видитъ особеннаго вреда для университетовъ, если между студентами иные будутъ недостаточно приготовлены къ слушанію университетскаго курса, и

что вредъ этотъ будетъ отражаться на самихъ слушателяхъ, а не на университетѣ. По поводу преній, возбужденныхъ §§ 97 и 98, г. Предсѣдатель предложилъ поставить вопросъ такимъ образомъ: который изъ экзаменовъ представляетъ болѣе гарантіи въ бо̀льшей приготовленности молодаго человѣка къ прохожденію университетскаго курса: тотъ ли, который производится въ гимназіи, или пріемный университетскій. На это г. Чебышевъ замѣтилъ, что между гимназіями однѣ приготовляютъ лучше, другія хуже, но что даже аттестаты объ окончаніи курса въ худшей изъ гимназій представляютъ болѣе гарантіи, нежели экзаменъ, производимый въ университетѣ, съ чемъ согласились и всѣ присутствующіе. Гг. Предсѣдатель, Спасовичъ, Георгіевскій и Бауеръ находили неудобнымъ примѣчаніе къ § 98, такъ какъ оно не можетъ исчерпывать всѣхъ учебныхъ заведеній. Упоминаемый въ § 102 зачетъ времени пребыванія въ одномъ университетѣ для переходящихъ въ другой признанъ излишнимъ послѣ принятія ученымъ комитетомъ редакціи § 115 (Журн. засѣд. 11 сент. № 3), по которому опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе лекцій не полагается. Посему постановлено § 102 исключить; но при этомъ г. Георгіевскій замѣтилъ, что слова этого параграфа: *«представить одобрительное свидѣтельство отъ прежняго своего университетскаго начальства»*, быть можетъ, не безполезны для удостовѣренія, что студентъ не состоитъ у университета въ долгу за книги, которыми предоставлено пользоваться студентамъ. На это было замѣчено, что въ семъ послѣднемъ случаѣ переходящему въ другой университетъ студенту не выдаются ни свидѣтельство о пребываніи въ университетѣ, ни документы.

II. Бывшій адъюнктъ С.-Петербургскаго университета Калиновскій представилъ сводъ замѣчаній *о платѣ за слушаніе лекцій* (Гл. V, отд. II, §§ 104—111), по соображеніи которыхъ онъ предложилъ нижеслѣдующую редакцію означеннаго II отд. V главы проекта Устава:

§ 104. За слушаніи лекцій взимается съ каждаго студента и вольнослушателя по 15 руб. въ годъ.

§§ 105 и 106 остаются безъ измѣненія.

§—(новый). Кромѣ того, студенты и вольнослушатели, подвергающіеся окончательному испытанію на степень кандидата, или кандидаты—на степень магистра, платятъ: первые—по 5, а вторые—по 10 р. съ каждаго предмета, съ котораго они подвергаются экзамену. Въ случаѣ неуспѣшнаго экзамена, деньги не возвращаются.

§ 107 остается безъ измѣненія.

§ 108. Для облегченія недостаточныхъ студентовъ и вольнослушателей университета, предоставляется давать отсрочку какъ для ежегоднаго взноса, такъ и для платы за экзаменъ до окончанія университетскаго образованія, или же послѣ окончанія на 5 лѣтъ, съ обозначеніемъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ въ аттестатѣ. Мѣста, куда они поступятъ на службу, содѣйствуютъ ко взысканію отсроченнаго долга Такой отсрочки университетъ удостоиваетъ студента на основаніи свидѣтельства о бѣдности.

Примѣчаніе остается.

§ 109. Подобною отсрочкою пользуются безъ представленія свидѣтельства лица (далѣе, какъ въ проектѣ Устава).

§ 110 и примѣчаніе исключаются.

§ 111 остается безъ измѣненія.

Въ засѣданіи ученаго комитета 14 сентября (№ 5) представленъ былъ г. Георгіевскимъ сводъ мнѣній объ университетскихъ преподавателяхъ, въ которомъ, между прочимъ, изложенъ проектъ учрежденія при университетахъ приватъ-доцентовъ и замѣны платы за слушаніе лекцій *гонораріемъ*, и по поводу этого предложена новая редакція § 104. Редакція этого же параграфа, предложенная г. Калиновскимъ, какъ основывающаяся совершенно на другомъ началѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и редакція слѣдующихъ за § 104 параграфовъ, имѣющихъ съ нимъ нераздѣльную связь, необходимо должны были бы вызвать весьма сложныя и продолжительныя пренія. А потому г. Предсѣдатель призналъ нужнымъ предложить гг. присутствующимъ, по доставленіи къ нимъ печатной записки г. Калиновскаго, сообразить ее съ запискою г. Георгіевскаго, съ тѣмъ, чтобы вопросъ объ установленіи той или другой системы платы за слушаніе лекцій подвергнуть особому обсужде-

нію, по тщательномъ изученіи всѣхъ высказанныхъ по сему предмету мнѣній.

III. Бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета Костомаровъ представилъ записку *о почетныхъ университетскихъ званіяхъ и ученыхъ обществахъ* (Гл. VII, §§ 134—137), въ которой онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что слѣдовало бы предоставить университетамъ возводить въ степень *дѣйствительнаго*, а не *почетнаго* доктора ученыхъ, пріобрѣвшихъ знаменитость своими сочиненіями и трудами. А если человѣку, оказавшему дѣйствительно важныя услуги наукѣ, возможно будетъ получить званіе дѣйствительнаго доктора, то за тѣмъ, по мнѣнію г. Костомарова, всякій, кто не окажется достойнымъ быть таковымъ, не можетъ быть и почетнымъ. За симъ г. Костомаровъ предложилъ слѣдующую редакцію § 134:

«Университеты имѣютъ право выдавать лицамъ, пріобрѣвшимъ знаменитость своими учеными сочиненіями и трудами, дипломы на званіе доктора, безъ экзамена, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ правъ, соединенныхъ съ докторскою степенью. Званія же почетныхъ членовъ, почетныхъ докторовъ и корреспондентовъ остаются за тѣми, которые уже получили ихъ до составленія настоящаго устава, а впредь не даются никому.

§§ 135—137 г. Костомаровъ полагаетъ оставить безъ измѣненія.

Опредѣлено: 1) Вышеизложенныя замѣчанія относительно записки г. Благовѣщенскаго подвергнуть обсужденію при обработкѣ окончательной редакціи проекта устава; 2) предложеніе г. Предсѣдателя по поводу записки г. Калиновскаго принять къ исполненію, и 3) утвердить замѣчанія г. Костомарова относительно §§ 134—137 проекта Устава.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ.*

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ.*

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 9.

Засѣданіе 28 сентября.

I. Г. заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Ивановскій представилъ записку, заключающую въ себѣ сводъ мнѣній, высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» на проектъ устава университетовъ относительно *порядка опредѣленія и увольненія университетскихъ преподавателей* (Гл. IV, отд. III, §§ 76—83). Въ началѣ своей записки г. Ивановскій излагаетъ общую идею, которую принялъ онъ въ основаніе настоящаго труда.

«Въ проектѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, говоритъ онъ, мы мало находимъ статей, на которыя было бы сдѣлано столько замѣчаній, сколько ихъ имѣется въ отношеніи опредѣленія на службу и увольненія отъ оной университетскихъ преподавателей, равно какъ и прочихъ должностныхъ лицъ по частямъ ученой и учебной, а именно на §§ 76—83. При такомъ богатствѣ матеріяловъ, казалось бы съ перваго взгляда, что тутъ остается одно лишь затрудненіе—затру-

деніе выбора. Къ сожалѣнію, въ сущности выходитъ иначе. Бо̀льшая часть упомянутыхъ замѣчаній—чисто отрицательнаго свойства. Критики какъ настоящаго положенія нашихъ университетовъ, такъ и проекта новаго для нихъ устава, ограничиваются большею частію рѣзкимъ, хотя часто весьма справедливымъ порицаніемъ существующихъ недостатковъ, но весьма немногіе изъ нихъ указываютъ на положительныя средства, какъ помочь настоящей бѣдѣ. Конечно, доказать несостоятельность существующихъ учрежденій—заслуга немаловажная, однакожь, такъ сказать, только *половинная* заслуга; даже можетъ случиться, что опреметчивое ниспроверженіе *стараго*, безъ созданія *въ то же время новаго*, которое могло бы его замѣнить, сопровождается иногда весьма невыгодными послѣдствіями. Далека отъ меня мысль, будто бы паліятивными средствами, какими-то подпорками, возможно было поддержать на долгое время обветшавшее строеніе: здѣсь коренная перестройка необходима; но при ея производствѣ почему же не воспользоваться и старымъ матеріяломъ, если онъ годится еще къ дѣлу? Вся забота должна состоять въ томъ, чтобы воздвигаемое строеніе основывалось на началахъ раціональныхъ: тогда, если со временемъ, по мѣрѣ новыхъ потребностей, придется уже къ созданному прибавить что-либо новое, то это прибавленіе не будетъ какимъ-то безобразнымъ наростомъ, а частію одного гармоническаго цѣлаго. Вотъ идея, которая руководила мною при составленіи настоящей записки.»

За тѣмъ г. Ивановскій приводитъ и критически разсматриваетъ высказанныя въ замѣчаніяхъ мнѣнія о каждомъ изъ параграфовъ 76—83 и, основываясь на всѣхъ сихъ замѣчаніяхъ и своихъ собственныхъ доводахъ, предлагаетъ изложить означенные параграфы слѣдующимъ образомъ:

§ 76. При открывающейся вакансіи преподавателя, каждый членъ факультета, по принадлежности вакантнаго мѣста, можетъ предложить кандидата для его занятія. Всѣ предложенные кандидаты баллотируются въ факультетскомъ собраніи. О результатѣ баллотированія факультетъ доноситъ совѣту, съ приложеніемъ списка всѣмъ баллотированнымъ кандидатамъ. Не-

зависимо отъ кандидатовъ факультетскихъ, каждый членъ совѣта въ правѣ предложить своего, съ письменнымъ изложенiемъ достоинствъ предлагаемаго. Всѣ вообще предложенные кандидаты вносятся въ особую, для этой цѣли назначенную книгу, и въ первомъ засѣданiи совѣта, но никакъ не ранѣе, какъ по истеченiи семи дней, подвергаются баллотированiю въ томъ порядкѣ, какъ они внесены въ книгу. Кандидатъ, получившiй самое большее число избирательныхъ шаровъ, считается избраннымъ, съ тѣмъ однакожь, что для окончательнаго избранiя необходимо получить *абсолютное* большинство, т. е. болѣе половины закрытыхъ голосовъ участвовавшихъ въ баллотированiи членовъ совѣта.

Примѣчанiе 1. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ абсолютнаго большинства при первомъ баллотированiи, то оно повторяется, но только между двумя кандидатами, получившими болѣе прочихъ избирательныхъ голосовъ. Если и при вторичномъ баллотированiи абсолютнаго большинства не окажется, то это значитъ, что изъ всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ совѣтъ университета не находитъ никого достойнымъ занять вакантное мѣсто преподавателя.

Примѣчанiе 2. Вторичное баллотированiе допускается также при равенствѣ голосовъ.

§ 77. Въ случаѣ неизбранiя въ совѣтѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ котораго-либо изъ предложенныхъ кандидатовъ, или если совѣтъ не имѣетъ вовсе въ виду кандидата, достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя, то объявляется конкурсъ, съ опредѣленiемъ для него срока.

§ *новый.* Отъ конкурентовъ требуется: 1) ученая степень, соотвѣтственная вакантному мѣсту; 2) представленiе разсужденiя на тему, предложенную факультетомъ; 3) если конкурентъ не преподавалъ ни въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, то онъ обязанъ прочитать, въ присутствiи факультета, по принадлежности, двѣ пробныя *публичныя* лекцiи о предметахъ: одну — по предложенiю факультета, другую — по собственному выбору. Пробныя лекцiи должны быть по возможности читаны въ томъ университетѣ, гдѣ конкурентъ ищетъ мѣста, и только по весьма уважительнымъ причинамъ совѣтъ можетъ разрѣшить читать ихъ въ другомъ какомъ-либо Русскомъ университетѣ.

Примѣчаніе. Кромѣ того, конкурентъ представляетъ свои ученые труды напечатанные, а если пожелаетъ, то и рукописные.

§ 78. Профессоры утверждаются министромъ, которому предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія, и имѣющихъ требуемыя ученыя степени, если по истеченіи одного года, со времени открытія вакантнаго мѣста, совѣтъ не представитъ своего кандидата.

Примѣчаніе. Молодые люди, отправляемые, по непосредственному распоряженію министерства, за границу, для приготовленія себя къ профессорскому званію, распредѣляются между университетами по усмотрѣнію министра.

§ 79. Преподаватели, не имѣющіе званія профессоровъ, а также библіотекарь и его помощники, астрономы-наблюдатели, помощники клиническихъ преподавателей, ассистенты, прозекторы и ихъ помощники, хранители кабинетовъ и музеевъ, ученые аптекари, провизоры, ихъ помощники и лаборанты, послѣ представленія факультетомъ по принадлежности, избираются совѣтомъ и утверждаются попечителемъ.

§ 80. Просьбы объ увольненіи отъ службы профессоровъ и лицъ, поименованныхъ въ предъидущемъ параграфѣ, вносятся въ совѣтъ ректоромъ. По истребованіи, если нужно, отъ просителей отчета въ порученныхъ имъ частяхъ, они увольняются такимъ же порядкомъ, какъ и опредѣляются на должность.

§ 81. Профессоры и прочіе преподаватели, а также и всѣ другія лица, пользующіяся, въ силу § 165, въ отношеніи пенсій, правами учебной службы, по выслугѣ срока *на полную пенсію*, не иначе оставляются на службѣ, какъ по новому избранію въ совѣтѣ. Это новое избраніе имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ, по окончаніи коихъ, для дальнѣйшаго продолженія службы, профессоры и всѣ прочія вышеупомянутыя лица подвергаются новому избранію, тоже не болѣе какъ на пять лѣтъ и т. д. Каждое изъ такихъ избраній считается состоявшимся, если въ пользу избираемаго подано болѣе половины закрытыхъ голосовъ всѣхъ участвовавшихъ въ баллотированіи членовъ совѣта. Въ противномъ случаѣ, занимаемое баллотируемымъ мѣсто объявляется вакантнымъ.

§ *новый*. При всѣхъ избраніяхъ, о которыхъ говорится въ предъидущемъ параграфѣ, каждый членъ совѣта въ правѣ представить своего кандидата. Предложенные новые кандидаты баллотируются вмѣстѣ съ лицами, состоящими на службѣ. Въ такомъ случаѣ, при всегдашнемъ требованіи абсолютнаго большинства голосовъ, считается избраннымъ тотъ, кто получитъ ихъ болѣе другихъ.

§ *новый*. Профессоры и прочіе преподаватели, уволенные изъ университета съ пенсіею, имѣютъ право, съ разрѣшенія совѣта, пользоваться университетскими пособіями и читать лекціи за особую плату.

§ 82. Профессоръ, по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя въ университетѣ, удостоивается званія заслуженнаго профессора.

§ *новый*. Заслуженные профессоры, уволенные отъ службы съ пенсіею, могутъ быть избираемы въ разныя неучебныя университетскія должности, ежели къ избранію будутъ представлены по крайней мѣрѣ пятью членами совѣта и если сами предварительно согласятся подвергнуться баллотированію наравнѣ съ прочими кандидатами.

§ 83. Совѣтъ, въ случаѣ нерадѣнія профессоровъ и прочихъ преподавателей, а также всѣхъ лицъ, упомянутыхъ въ § 79, и при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ отъ совѣта замѣчаній, обязанъ представить объ удаленіи такихъ лицъ отъ должностей, не иначе однако, какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ двумя третями закрытыхъ голосовъ. Такіе приговоры посылаются на утвержденіе министра или попечителя, смотря по тому, кѣмъ утверждается въ должности приговоренное къ удаленію лице.

Записка г. Ивановскаго вызвала слѣдующія замѣчанія гг. присутствующихъ:

Г. Ведровъ и Георгіевскій полагали, что сохраненіе за министромъ прерогативы назначать профессоровъ непосредственно отъ себя нарушаетъ автономію совѣта. Г. Спасовичъ возбудилъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли оставить такую

прерогативу за министерствомъ, въ случаѣ надобности замѣстить должность профессора по каѳедрѣ, вновь учрежденной непосредственно по распоряженію министерства. Онъ же находилъ неудобнымъ производить баллотированіе профессоровъ, по выслугѣ ими 25 лѣтъ, одновременно съ новыми конкурентами, и признавалъ лучше приступать къ баллотировкѣ сихъ послѣднихъ въ случаѣ неизбранія старыхъ профессоровъ. Г. Барановскій вообще возразилъ противъ баллотированія наличныхъ профессоровъ съ тою цѣлію, чтобы предоставлять имъ двойной окладъ (жалованье и пенсію), а полагалъ оставлять за ними каѳедру за одно жалованье, если труды ихъ, по мнѣнію совѣта, могутъ быть полезны. Г. Георгіевскій, поддерживая мнѣніе г. Барановскаго, съ своей стороны полагалъ, что избранный по выслугѣ 25 лѣтъ профессоръ могъ бы пользоваться еще, сверхъ жалованья, гонораріемъ отъ слушателей. Гг. Утинъ, Чебышевъ и Андреевскій полагали, что едва-ли нужно отмѣнять назначенныя въ проектѣ устава $^2/_3$ голосовъ для признанія перебаллотировки профессора состоявшеюся, дабы не заграждать доступа въ университеты преподавателямъ со свѣжими силами. Г. Березинъ полагалъ, что необходимо перебаллотировку профессоровъ производить ранѣе 25 лѣтъ и даже по истеченіи 15 лѣтъ, такъ какъ безъ этого университетъ не будетъ имѣть возможности устранить недостойнаго профессора и тѣмъ предотвратить обнаруженіе нерѣдко справедливаго неудовольствія со стороны слушателей. На это г. Ивановскій возразилъ, что такой краткій срокъ можетъ уменьшить и безъ того недостаточное число желающихъ посвящать себя профессорскому поприщу. Г. Спасовичъ замѣтилъ, что было бы желательно не допускать, чтобы конкуренты на занятіе каѳедры читали лекціи pro venia legendi не въ тѣхъ университетахъ, въ которыхъ они являются соискателями каѳедръ. По поводу выраженнаго нѣкоторыми желанія, чтобы для полнаго выраженія автономіи совѣта ему же, а не попечителю, предоставлено было избраніе и опредѣленіе всѣхъ вообще должностныхъ лицъ въ университетѣ, г. Предсѣдатель замѣтилъ, что едва-ли польза университета требуетъ

такого совершеннаго устраненія участія попечителя въ опредѣленіи личнаго состава университетскаго управленія.

II. Ординарный профессоръ медико-хирургической академіи Иллинскій читалъ записку по поводу принятаго имъ на себя разсмотрѣнія замѣчаній на проектъ устава о *составѣ медицинскаго факультета университетовъ и учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ и пособіяхъ* этого факультета. По соображеніи высказанныхъ по симъ предметамъ мнѣній, г. Иллинскій предлагаетъ слѣдующее распредѣленіе каѳедръ:

1. Медицинская химія и физика:
 a) Физіологическая химія.
 b) Патологическая химія.
 c) Прикладная физика.
 d) Упражненія въ лабораторіи.
2. Анатомія здороваго человѣка.
3. Эмбріологія, гистологія и сравнительная анатомія.
4. Физіологія:
 a) Систематическая.
 b) Экспериментальная.
5. Фармакогнозія и фармація.
6. Общая патологія и терапія. При ней:
 a) Экспериментальная патологія.
 b) Исторія медицины.
7. Спеціальная патологія и терапія. При ней:
 a) Систематическое и b) клиническое изложеніе ученія о накожныхъ сыпяхъ.
8. Патологическая анатомія:
 a) Систематическое изложеніе.
 b) Патологическія вскрытія.
9. Теоретическая хирургія. При ней:
 Ученіе о сифилитическихъ болѣзняхъ и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ съ клиникой.
10. Фармакологія. Теоретическая и экспериментальная рецептура и ученіе о минеральныхъ водахъ.
11. Нервныя и душевныя болѣзни и клиника ихъ.

12. Хирургическая факультетская клиника. При ней:
a) Оперативная хирургія.
b) Прикладная анатомія.
c) Ученіе о повязкахъ и машинахъ.
d) Операціи на трупахъ.
13. Терапевтическая факультетская клиника.
14. Акушерство и женскія болѣзни съ клиникой. Упражненіе на фантомѣ.
15. Дѣтскія болѣзни съ клиникой.
16. Офталмологія съ клиникой.
17. Судебная медицина и тосксикологія. При ней:
a) Госпитальное судебно-медицинское отдѣленіе.
b) Судебно-медицинскія вскрытія.
18. Гигіена и медицинская полиція. При ней:

Ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарная полиція.

19. Госпитальная терапевтическая клиника.
20. Госпитальная хирургическая клиника.

Курсы зоологіи, минералогіи и ботаники посѣщаются совмѣстно со студентами другихъ факультетовъ.

Такое распредѣленіе каѳедръ, по мнѣнію г. Иллинскаго, наиболѣе благопріятно къ тому, чтобы дѣятельность медицинскаго факультета могла держаться на уровнѣ современныхъ требованій науки. Но еслибы, по обстоятельствамъ, это распредѣленіе оказалось неосуществимымъ и число каѳедръ должно бы было уменьшиться, то и въ этомъ крайнемъ случаѣ уменьшеніе должно выразиться, какъ полагаетъ г. Иллинскій, только въ сліяніи каѳедръ, но не въ уничтоженіи котораго-либо изъ предметовъ, а именно: каѳедра нервныхъ и душевныхъ болѣзней должна быть присоединена къ каѳедрѣ спеціальной патологіи, каѳедра дѣтскихъ болѣзней — къ каѳедрѣ акушерства, каѳедра офталмологіи — къ каѳедрѣ теоретической хирургіи и наконецъ каѳедра гигіены — къ каѳедрѣ судебной-медицины. Разумѣется, при этомъ необходимо достаточное число доцентовъ, между которыми могли бы быть

распредѣлены прибавочные предметы въ столь сложныхъ каѳедрахъ.

Что же касается учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета, то въ этомъ отношеніи, по мнѣнію г. Иллинскаго, необходимы:

1. Библіотека, доступная для учащихся.

2. Химическая лабораторія.

3. Анатомическій залъ при амфитеатрѣ спеціальной анатоміи, съ возможностію заниматься въ немъ наибольшему числу студентовъ.

3. Подобное же учрежденіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, должно быть сдѣлано совмѣстно и для каѳедръ патологической анатоміи и судебной медицины.

4. Каѳедра гистологіи, кромѣ коллекціи препаратовъ по наукамъ, входящимъ въ составъ ея, должна располагать достаточнымъ количествомъ хорошихъ микроскоповъ, для микроскопическихъ демонстрацій.

5. Каѳедра физіологіи должна имѣть полный запасъ инструментовъ и аппаратовъ для производства вивисекцій и другихъ опытовъ по разнымъ частямъ ея.

6. При каѳедрѣ фармаціи необходима рабочая комната съ лекарствами.

7. При каѳедрѣ судебной медицины — госпитальное отдѣленіе для изслѣдованія разныхъ судебно-медицинскихъ случаевъ.

8. Каѳедра фармакологіи должна быть снабжена необходимыми для производства опытовъ средствъ.

9. Кромѣ факультетскихъ и госпитальныхъ клиникъ, было бы полезно имѣть особыя, какъ-то: дѣтскую, офталмологическую, накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

За тѣмъ г. Иллинскій предложилъ въ своей запискѣ способы къ приготовленію молодыхъ людей для исполненія обязанностей прозекторовъ, изложилъ мнѣніе свое объ учено-медицинскихъ степеняхъ и порядкѣ удостоенія оныхъ и наконецъ

сказалъ нѣсколько словъ о пользѣ отмѣны распредѣленія преподаванія наукъ по курсамъ.

Записка г. Иллинскаго вызвала одно только замѣчаніе г. Андреевскаго, который возбудилъ вопросъ о томъ, не было ли бы основанія медицинскую полицію называть *полицейскою медициною* подобно тому, какъ другая соприкасающаяся съ юридическими предметами наука, входящая въ составъ медицинскаго факультета, называется *судебною медициною*. По поводу же предложенныхъ г. Иллинскимъ отмѣны курсовъ и введенія семестральнаго преподаванія, г. Предсѣдатель замѣтилъ, что тотъ и другой вопросъ уже входили въ кругъ разсужденій ученаго комитета, и что обѣ эти мѣры признаны полезными.

III. Г. членъ ученаго комитета, профессоръ и академикъ Чебышевъ представилъ записку со сводомъ мнѣній *о штатахъ университетовъ*. Общіе выводы этой записки заключаются въ слѣдующемъ:

Всѣ помѣщенныя въ «Замѣчаніяхъ» мнѣнія согласны въ крайней необходимости увеличенія содержанія всѣхъ университетскихъ преподавателей, и притомъ въ значительной степени. Впрочемъ, необходимость увеличенія содержанія въ университетѣ прежде еще признана была самимъ правительствомъ, и она сама собою ясно высказывается неимѣніемъ достойныхъ кандидатовъ на многія профессорскія мѣста. Что же касается до размѣра, въ которомъ именно необходимо возвышеніе профессорскихъ окладовъ, то по этому предмету мнѣнія до нѣкоторой степени различны и распадаются явнымъ образомъ на двѣ категоріи. Одни мнѣнія составлены, по крайней мѣрѣ повидимому, независимо отъ настоящихъ цѣнъ на предметы жизненной потребности, другія же выведены на основаніи этихъ цѣнъ. Къ первой категоріи относятся мнѣнія гг. попечителей округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго, ко второй—всѣ остальныя. Мнѣнія первыхъ довольно близки между собою, и, по отношенію къ увеличенію содержанія преподавателей, эти мнѣнія, въ общихъ чертахъ, приблизительно, по мнѣнію г. Чебышева, можно представить такъ:

Оклады профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ удвоить; оклады адъюнктовъ и лекторовъ увеличить въ меньшей пропорціи: вполтора или въ $1\frac{1}{4}$; старшимъ доцентамъ назначить содержаніе вполовину противъ экстраординарныхъ профессоровъ и почти одинаковое съ окладомъ лектора; окладъ же младшихъ доцентовъ сдѣлать значительно меньше оклада лекторовъ.

Но съ этимъ вообще значительно разнятся остальныя мнѣнія и по размѣру увеличенія содержанія всѣхъ преподавателей, и по взаимному отношенію окладовъ профессоровъ, доцентовъ и лекторовъ.

«Собственно для преподавателя, говоритъ въ своей запискѣ г. Чебышева, состоящаго на службѣ только въ университетѣ, все равно, подъ какимъ бы наименованіемъ ни выдавались ему деньги, необходимыя для его существованія. Но отъ этого, главнымъ образомъ, зависитъ размѣръ его пенсіона, такъ какъ въ пенсіонъ обращается только *жалованье*. По этому, рѣшеніе того, какую часть профессорскаго оклада выдавать въ видѣ *жалованья* и какую въ видѣ *столовыхъ* и *квартирныхъ*, зависитъ отъ опредѣленія, какую именно часть оклада профессора слѣдуетъ оставлять ему въ пенсіонъ по выслугѣ полнаго срока». Принимая въ соображеніе, что для занятія каѳедры въ университетѣ требуются и особенныя способности, и особенное приготовленіе; что человѣкъ, вступившій на это поприще, открекается навсегда отъ другихъ, а между тѣмъ, черезъ 25 лѣтъ самой добросовѣстной и полезной службы, онъ, бо̀льшею частію, увольняется, и нерѣдко отъ того только, что самъ же успѣлъ приготовить себѣ достойнаго преемника, г. Чебышевъ приходитъ къ убѣжденію, что, увольняя подъ конецъ жизни такого человѣка, въ матеріяльномъ положеніи его не слѣдуетъ дѣлать значительнаго стѣсненія, какъ это было бы при назначеніи ему пенсіона, значительно меньшаго противъ получаемаго имъ на службѣ содержанія. На основаніи этого, онъ полагаетъ, что по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ полнаго его оклада должны выдаваться ему въ видѣ жалованья, а затѣмъ остальная четверть можетъ выдаваться подъ названіемъ *столовыхъ* и *квартирныхъ*, изъ которыхъ первыя, согласно съ предлагаемыми окладами совѣтомъ Казанскаго университета, приблизительно

можно принять вполтора противъ послѣднихъ». По этому разсчету и дѣлая необходимыя округленія въ числахъ, г. Чебышевъ составилъ слѣдующую таблицу содержанія преподавателей университетовъ:

	Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.
Ординарному профессору	3,000	600	400	4,000
Экстраординарному профессору. . . .	2,000	350	250	2,600
Старшему доценту	1,500	300	200	2,000
Младшему доценту и лектору	1,000	175	125	1,300

Что касается до прибавочнаго жалованья ректору, проректору, декану, членамъ правленія, секретарямъ факультетета, а также жалованья библіотекарю, помощнику его, синдику (если онъ будетъ), казначею, бухгалтеру, экзекутору и секретарю совѣта, то относительно этого въ замѣчаніяхъ предлагаются различныя числа, вообще болѣе или менѣе близкія между собою. Какъ среднее этихъ предположеній, съ нѣкоторыми необходимыми округленіями чиселъ, можетъ представить слѣдующая таблица, которая, по мнѣнію, г. Чебышева, и должна быть принята при назначеніи содержанія вышепоименованнымъ лицамъ:

	Прибавочнаго жалованья:
Ректору	1,500
Проректору.	1,000
Декану.	500
Члену правленія	300
Секретарю факультета	200

	Жалованье при казенной квартирѣ:
Синдику	1,200
Секретарю совѣта	900
Казначею	800
Бухгалтеру	800
Библіотекарю	1,500
Помощникамъ библіотекаря по	1,000
Экзекутору	700
Прозектору.	1,200
Лаборанту.	1,000

Наконецъ, относительно содержанія прочихъ лицъ, состоящихъ при университетахъ, и суммъ на ихъ различныя учрежденія, г. Чебышевъ полагаетъ принять безъ измѣненія мнѣнія

совѣтовъ, такъ какъ они одни имѣютъ всѣ нужныя данныя для безошибочнаго заключенія объ этихъ предметахъ.

По выслушаніи записки г. Чебышева, сдѣлано было замѣчаніе г. Иллинскимъ, чтобы въ штатѣ было оговорено, что прозекторы пользуются казенными квартирами, такъ какъ это необходимо для успѣшнаго исполненія ихъ обязанностей.

IV. Г. исправляющій должность адъюнкта Ришельевскаго лицея Георгіевскій представилъ записку со сводомъ замѣчаній *объ обязанностяхъ университетскихъ преподавателей* (Гл. IV, отд. III, §§ 84—86). На основаніи высказанныхъ по сему предмету замѣчаній, г. Георгіевскій предлагаетъ нижеслѣдующую редакцію соотвѣтствующихъ статей проекта:

§ 84. *Штатные* преподаватели обязаны: излагать порученный имъ предметъ согласно съ современнымъ требованіемъ науки, руководить другими способами студентовъ въ его изученіи, *отдавая подробный о томъ отчетъ факультетскимъ собраніямъ*, и исполнять *находящіяся въ связи съ ихъ учеными занятіями порученія факультета и совѣта*; *порученія же начальствъ, какъ своего, такъ и другихъ вѣдомствъ, принимаются ими не иначе, какъ добровольно и не въ ущербъ ихъ преподавательскимъ обязанностямъ.*

Примѣч. Обязанности приватъ-доцентовъ опредѣляются добровольнымъ ихъ соглашеніемъ съ факультетскими собраніями и съ ихъ слушателями.

§ 85. Штатные преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета *столько* часовъ въ недѣлю, *сколько*, *на основаніи представленныхъ ими соображеній и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, назначитъ имъ факультетъ, съ утвержденія совѣта. Нормальнымъ числомъ часовъ, для опредѣленія мѣры вознагражденія штатныхъ преподавателей за дополнительные курсы и за возложенное на нихъ чтеніе предметовъ по другой каѳедрѣ, постановляется шесть часовъ въ недѣлю.*

Примѣч. Приватъ-доценты допускаются къ преподаванію не иначе, какъ на все продолженіе семестра.

Затѣмъ долженъ слѣдовать новый параграфъ, напечатанный въ Журналѣ засѣданія ученаго комитета 14 сент. (№ 5):

§ 86. Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ, и притомъ *на неопредѣленное* время. За вторую каѳедру изъ присвоеннаго ей оклада онъ получаетъ часть производимаго ему самому жалованья, опредѣляемаго совѣтомъ въ соразмѣрности съ тѣмъ числомъ лекцій, которыя онъ читаетъ свыше шести. Сверхъ того, весь гонорарій по этой второй каѳедрѣ обращается въ его пользу.

Примѣч. При 7 лекціяхъ въ недѣлю по обѣимъ каѳедрамъ профессоръ получаетъ, сверхъ своего жалованья, еще $1/6$ послѣдняго, при 8—$1/3$, при 9—$1/2$, и т. д.

Записка г. Георгіевскаго вызвала слѣдующія замѣчанія гг. присутствующихъ:

Г. Ивановскій признавалъ невозможнымъ заблаговременное составленіе программъ для тѣхъ профессоровъ, которые постоянно слѣдятъ за развитіемъ своей науки, потому что такіе профессоры необходимо должны будутъ безпрерывно дѣлать отступленія отъ программъ. Что же касается обязанности профессора преподавать свою науку въ ея современномъ состояніи, то для этого профессору необходима гарантія, что за духъ и направленіе своихъ лекцій онъ отвѣтствуетъ только предъ министерствомъ нар. просв. По поводу этой, возлагаемой на профессора обязанности, г. Андреевскій замѣтилъ, что включать такую фразу въ уставъ несогласно съ достоинствомъ самаго устава, потому что профессоръ, не исполняющій такой обязанности, не долженъ быть терпимъ въ университетѣ. По мнѣнію также г. Андреевскаго, не слѣдуетъ вносить въ уставъ обязательнаго числа часовъ для каждаго профессора, а должно предоставить назначеніе сихъ часовъ непосредственно совѣту. Г. Галаховъ обратилъ вниманіе на неточность редакціи § 86 въ выраженіи: *на неопредѣленное время*.

Опредѣлено: Записки гг. Ивановскаго, Иллинскаго и Георгіевскаго, съ высказанными на первую и послѣднюю замѣчаніями, принять въ руководство и соображеніе при обработкѣ окончательной редакціи проекта устава, а записку г. Чебышева — при составленіи проектовъ штатовъ университетовъ.

За симъ г. Предсѣдатель предложилъ гг. присутствующимъ прочесть розданную имъ въ семъ засѣданіи печатную записку г. Поповицкаго со сводомъ замѣчаній *о преподаваніи въ университетахъ богословскихъ наукъ* и въ первомъ за симъ засѣданіи высказать замѣчанія на оную.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ.*

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ.*

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 10.

Засѣданіе 29 сентября.

Г. профессоръ Гельсингфорскаго университета Барановскій читалъ записку со сводомъ замѣчаній *о ректорѣ и деканахъ* (Гл. IV, отд. II, §§ 61 — 69). Въ этой запискѣ онъ, между прочимъ, знакомитъ въ нѣкоторой подробности съ устройствомъ существующихъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ общихъ и факультетскихъ сходокъ, краткій очеркъ которыхъ онъ заявилъ по выслушаніи въ ученомъ комитетѣ записки профессора Спасовича (Журн. 18 сент. № 6), и за тѣмъ, на основаніи высказанныхъ замѣчаній и своихъ соображеній, опредѣляетъ нижеслѣдующую редакцію статей проекта устава о ректорѣ и деканахъ:

§ 1. Ректоръ избирается совѣтомъ на два года изъ ординарныхъ или заслуженныхъ профессоровъ и утверждается въ этомъ званіи Высочайшимъ приказомъ.

§ 2. Какъ представитель университета, ректоръ сносится съ другими властями и вѣдомствами, хранитъ большую университетскую печать, вскрываетъ поступающія въ университетъ

бумаги. Правитель и секретари университетской канцеляріи непосредственно подчинены ректору.

§ 3. Ректоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ собранія университетскаго совѣта, университетскаго правленія и университетскихъ сходокъ и предсѣдательствуетъ въ нихъ; а также присутствуетъ въ университетскомъ судѣ.

§ 4. (66) Вмѣстѣ съ однимъ изъ декановъ, по принадлежности, ректоръ подписываетъ выдаваемые отъ университета дипломы.

§ 5. Ректоръ опредѣляетъ и увольняетъ чиновниковъ университетской канцеляріи, кромѣ правителя оной, избираемаго совѣтомъ; даетъ преподавателямъ отпуски — на вакаціонное время, или на короткіе сроки — до двухъ недѣль — собственною властію, а въ прочихъ случаяхъ — съ разрѣшенія совѣта.

§ 6. Зависящимъ отъ него чиновникамъ, а также студентамъ и вольнослушателямъ ректоръ въ правѣ дѣлать выговоры; о неисправности, или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей сообщаетъ по принадлежности университетскому совѣту, или факультетскому собранію. Объ отличныхъ же представляетъ начальству, ходатайствуя объ ихъ награжденіи.

§ 7. Въ случаѣ болѣзни, или отлучки ректора, должность его исполняетъ проректоръ, избираемый и утверждаемый одновременно съ ректоромъ и обязанный присутствовать при всѣхъ засѣданіяхъ университетскаго правленія.

§ 8. Деканы избираются своими факультетами на два года изъ ординарныхъ или заслуженныхъ профессоровъ и утверждаются университетскимъ совѣтомъ. Они сзываютъ факультетскія собранія и предсѣдательствуютъ въ нихъ, также какъ и на еженедѣльныхъ факультетскихъ сходкахъ, наблюдаютъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ какъ въ собраніяхъ, такъ и на сходкахъ, завѣдываютъ пріемомъ и выпускомъ студентовъ и выдачею имъ законныхъ свидѣтельствъ. Въ случаѣ болѣзни, или отлучки декана, должность его занимаетъ продеканъ, избираемый и утверждаемый вмѣстѣ съ деканомъ.

§ 9. Какъ ректоръ, такъ и деканы пользуются добавочнымъ окладомъ по штату; время же служенія въ должности ректора

или декана считается — одинъ годъ за полтора. И ректоръ и деканы въ правѣ уступать часть своихъ лекцій, а также обязанность экзаменатора кому-нибудь изъ младшихъ преподавателей. Такая уступка дѣлается съ согласія факультетскаго собранія и университетскаго совѣта, которые опредѣляютъ мѣру денежнаго вознагражденія за такой викаріатъ.

При этой редакціи удержанъ безъ перемѣны только одинъ § проекта, именно 66; два совершенно исключены, именно 64 и 67. Остальные шесть §§ проекта: 61, 62, 63, 65, 68 и 69 болѣе или менѣе измѣнены и пополнены и одинъ параграфъ (послѣдній) прибавленъ новый.

По выслушаніи записки г. Барановскаго, гг. присутствующіе сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

Г. Благовѣщенскій находилъ неудобнымъ одновременно производить избраніе въ должности ректора и проректора, потому что для сей послѣдней должности, по смыслу проекта устава, требуются иныя условія, и неудостоившійся абсолютнаго большинства голосовъ для занятія должности ректора не всегда можетъ быть признанъ полезнымъ для должности проректора. При этомъ г. Березинъ возразилъ противъ отмѣны должности проректора въ смыслѣ проекта устава, которою предполагается замѣнить должность инспектора студентовъ. Г. Люгебиль находилъ ненужною должность проректора, какъ инспектора.

Гг. Спасовичъ, Андреевскій, Березинъ и Сахаровъ находили излишнимъ каждый годъ службы декановъ считать за полтора года, потому что они и безъ того пользуются преимуществами, достаточно вознаграждающими труды ихъ по этой должности. Г. Березинъ и г. Предсѣдатель, принимая въ соображеніе ограниченное число каѳедръ ординарныхъ профессоровъ, находили нужнымъ, чтобы въ деканы избираемы были и экстраординарные профессоры. Г. Ведровъ замѣтилъ, что, въ случаѣ равенства голосовъ въ факультетѣ при избраніи декановъ, выборы эти должны быть переносимы въ совѣтъ.

Гг. Благовѣщенскій и Березинъ полагали, что представленія къ денежнымъ наградамъ и вспоможеніямъ надлежало

бы предоставить не ректору, и совѣту, а по мнѣнію г. Ведрова, иниціатива сихъ представленій должна быть предоставлена факультетамъ. Г. Бекетовъ признавалъ полезнымъ опредѣлить нѣкоторую сумму для ежегоднаго назначенія, по опредѣленію совѣта, преміи за лучшій ученый трудъ преподавателей университета.

Кромѣ того г. Предсѣдатель возразилъ противъ тѣхъ мѣстъ записки, гдѣ говорится о сходкахъ, на томъ основаніи, что устройство сходокъ, существующихъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ, у насъ было бы рѣшительно непримѣнимо.

II. Г. исправляющій должность экстраординарнаго профессора С. Петербургскаго университета Андреевскій представилъ записку со сводомъ замѣчаній *о стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ* (Гл. V, отд. III, §§ 112—114 пр. уст.). Въ проектѣ устава относительно стипендій и единовременныхъ пособій предложены слѣдующія начала:

1) Различаются стипендіи штатныя отъ стипендій не штатныхъ и единовременныхъ пособій тѣмъ: а) что первыя, штатныя стипендіи, назначаются изъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ для этой цѣли государственнымъ казначействомъ, а вторыя, не штатныя стипендіи и единовременныя пособія, назначаются изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ; б) что первыя, штатныя стипендіи, должны быть назначаемы на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ (ст. 112), а вторыя, не штатныя стипендіи и единовременныя пособія, назначаются на основаніи правилъ, составляемыхъ университетскимъ совѣтомъ и утверждаемыхъ попечителемъ; в) что для штатныхъ стипендій опредѣленъ въ уставѣ размѣръ, выше котораго онѣ не могутъ быть назначаемы, именно: 250 р. въ столичныхъ и 200 р. въ прочихъ университетахъ, а для штатныхъ стипендій и единовременныхъ пособій размѣръ уставомъ не опредѣляется, и г) что послѣдствіемъ полученія штатныхъ стипендій являются опредѣленныя въ уставѣ обязанности стипендіатовъ (стипендіатъ обязанъ, если потребуетъ начальство, прослужить по назначенію правительства время, равное тому, въ теченіе коего онъ пользовался стипендіею), а для не штат-

ныхъ стипендій и единовременныхъ пособій подобнаго послѣдствія не указывается.

2) Основаніями для назначенія штатныхъ стипендій признаны: отличіе студента по способностямъ и успѣхамъ и недостаточность.

3) Основаніями для лишенія стипендіата назначенной ему штатной стипендіи признаются: неоказаніе успѣховъ въ наукахъ и неодобрительное поведеніе.

4) Лишеніе стипендіата штатной стипендіи можетъ послѣдовать только съ разрѣшенія попечителя.

5) Въ случаѣ исключенія штатнаго стипендіата изъ университета, со стипендіата не взыскивается полученная имъ стипендія.

Изъ совокупнаго разсмотрѣнія высказанныхъ на §§ 112—114 замѣчаній, по мнѣнію г. Андреевскаго, можно вывести слѣдующія начала, на которыхъ должны быть основаны въ уставѣ постановленія о стипендіяхъ:

1) Съ назначеніемъ стипендіи не соединять обязательности будущей службы стипендіата, и вслѣдствіе того уничтожить различіе между штатными и нештатными стипендіатами, по отношенію къ послѣдствіямъ полученія ими стипендіи.

2) Основаніями для назначенія стипендій и единовременныхъ пособій принять успѣшное занятіе науками и недостаточность, вмѣстѣ съ отсутствіемъ обстоятельствъ, удостовѣряющихъ о безнравственности или дурномъ поведеніи; способы, посредствомъ которыхъ можетъ быть получено удостовѣреніе объ успѣшныхъ занятіяхъ науками или о недостаточности студента, не должны быть опредѣляемы въ уставѣ, но предоставлены самимъ университетамъ.

3) Размѣры стипендій и сроки ихъ полученія не должны быть опредѣлены въ уставѣ, но предоставлены опредѣленію самихъ университетовъ.

4) Назначеніе стипендій и единовременныхъ пособій и лишеніе ихъ должно быть предоставлено исключительно Факультетамъ, а утвержденіе назначенныхъ или отнятыхъ Факультетами стипендій — совѣту университета.

5) Принять предлагаемое Московскимъ университетомъ постановленіе объ особыхъ стипендіяхъ для подготовленія молодыхъ людей къ занятію профессорскихъ должностей.

Такимъ образомъ три §§ проекта, составляющіе 3-е отдѣленіе его четвертой главы, по мнѣнію г. Андреевскаго, могутъ быть изложены слѣдующимъ образомъ:

§ 112. *Изъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ университету гасударственнымъ казначействомъ на стипендіи, а также изъ сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ, студентамъ недостаточнымъ и съ успѣхомъ занимающимся науками могутъ быть назначаемы, по представленію факультетовъ и съ утвержденія совѣта университета, единовременныя пособія и стипендіи, въ такихъ размѣрахъ и на такіе сроки, какъ найдетъ возможнымъ совѣтъ. Студенту можетъ быть прекращена назначенная ему стипендія, въ случаѣ его слабыхъ успѣховъ, уничтожившейся недостаточности или неодобрительнаго поведенія,—равнымъ образомъ, по представленію факультетовъ и съ утвержденія совѣта.*

§ 113. *Получаемая студентомъ стипендія не связана ни съ какою обязательною, по окончаніи имъ университетскаго курса, службою.*

§ 114. *Кромѣ суммы на стипендіи студентамъ, изъ государственнаго казначейства отпускается университету, означенная въ его штатѣ, сумма на подготовленіе молодыхъ людей къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Часть ея опредѣляется совѣтомъ университета на стипендіи окончившимъ университетскій курсъ и оставляемымъ при университетѣ на годъ или на два года, а другая часть — на содержаніе молодыхъ ученыхъ за границею.*

Записка г. Андреевскаго вызвала слѣдующія замѣчанія гг. присутствующихъ:

§ 113, по мнѣнію г. Спасовича, какъ излишній, могъ бы быть исключенъ. Г. Благовѣщенскій замѣтилъ, что въ статьѣ своей, на которую ссылается г. Андреевскій, право на полученіе стипендіи онъ обусловливаетъ не однѣми только отличными способностями, но также успѣшнымъ трудомъ, т. е. доказательствомъ, что студентъ усердно занимается науками своего фа-

культета. При этомъ г. Благовѣщенскій заявилъ, что онъ признаетъ необходимымъ упомянуть въ уставѣ или же въ свое время циркулярно предложить совѣтамъ университетовъ составить особыя правила объ удостоеніи студентовъ стипендій, дабы предотвратить произвольное и неправильное назначеніе ихъ. Затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько словъ о пользѣ учрежденія такъ-называемыхъ *семинарій*, которыя всего болѣе могутъ содѣйствовать сближенію студентовъ съ профессорами и оживить занятія первыхъ. Такія семинаріи, по мнѣнію г. Благовѣщенскаго, сверхъ того, весьма много содѣйствовали бы къ тому, чтобы стипендіи назначались только достойнымъ студентамъ. На это г. Люгебиль замѣтилъ, что семинаріи не всегда предупреждаютъ злоупотребленія въ назначеніи стипендій. Г. Барановскій сообщилъ, что въ Гельсингфорскомъ университетѣ для студентовъ, желающихъ пользоваться стипендіями, установлены особыя ежегодныя испытанія. Г. Георгіевскій замѣтилъ, что онъ уже заявилъ по этому предмету мнѣніе свое, помѣщенное въ Журн. за № 6, и что не слѣдуетъ стипендіи смѣшивать съ деньгами, которыя университетамъ будутъ отпускаемы на содержаніе молодыхъ людей, готовящихся къ профессорскому званію, какъ это сдѣлано въ предлагаемой г. Андреевскимъ редакціи § 114. Г. Бауеръ возбудилъ вопросъ о томъ, на какомъ основаніи, съ уничтоженіемъ курсовыхъ экзаменовъ, будутъ выдаваемы стипендіи студентамъ въ первое время пребыванія ихъ въ университетѣ. Г. Благовѣщенскій полагалъ, что можно бы для сего принимать въ соображеніе гимназическіе аттестаты. На это г. Предсѣдатель замѣтилъ, что нерѣдко отличные воспитанники гимназій бываютъ плохими студентами, и по поводу предложенія г. Георгіевскаго помѣстить въ проектѣ устава правила для удостоенія стипендіями, возразилъ, что не слѣдуетъ помѣщеніемъ въ уставѣ подобныхъ частностей стѣснять университеты, а лучше предоставить каждому изъ нихъ придумать для порядка выдачи стипендій такія мѣры, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, признаны будутъ наиболѣе достигающими цѣли.

III. На основаніи постановленнаго въ журналѣ предшедшаго засѣданія ученаго комитета (№ 9), предметомъ разсужденій была записка г. Поповицкаго *о преподаваніи богословскихъ наукъ* въ университетахъ. Въ запискѣ этой мнѣнія, высказанныя въ «Замѣчаніяхъ», сгруппированы въ слѣдующемъ порядкѣ: во-первыхъ, о необходимости преподаванія сихъ наукъ; во-вторыхъ, о распредѣленіи богословскихъ наукъ по факультетамъ, и въ-третьихъ, объ объемѣ богословскихъ программъ и количествѣ преподавателей, нужныхъ для чтенія назначенныхъ въ проектѣ богословскихъ наукъ. Что касается перваго вопроса, то одни рѣшительно отвергаютъ необходимость преподаванія въ университетахъ догматическаго и нравственнаго богословія, другіе допускаютъ преподаваніе этихъ наукъ только для желающихъ, третьи наконецъ требуютъ обязательнаго слушанія богословія со стороны всѣхъ студентовъ. Преподаваніе же церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія признается необходимымъ всѣми, за исключеніемъ только совѣта Харьковскаго университета, который посѣщеніе лекцій по этому предмету дѣлаетъ также необязательнымъ. По соображеніи всѣхъ высказанныхъ и приведенныхъ въ запискѣ мнѣній, г. Поповицкій дѣлаетъ слѣдующій общій выводъ: самою практическою, самою приложимою къ дѣлу мыслію является мысль о назначеніи трехъ отдѣльныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ въ университетахъ. Если одинъ профессоръ будетъ преподавать университетскимъ слушателямъ богословіе, а прочіе (которые не обязаны быть священниками) — одинъ церковную исторію, другой церковное законовѣдѣніе, тогда богословскія лекціи будутъ, по справедливому выраженію преосвященнаго Макарія, достойны университетской каѳедры и всякій видъ пренебреженія къ богословской каѳедрѣ, котораго опасается преосвященный Антоній, будетъ устраненъ. Назначеніе отдѣльныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ важно какъ по отношенію къ общему богословію и церковной исторіи, такъ въ особенности по отношенію къ церковному законовѣдѣнію. Богословіе и церковная исторія — предметы весьма обширные, требующіе глубокой эрудиціи со стороны преподающихъ эти науки, и постоян-

наго наблюденія за развитіемъ ихъ на Западѣ и у насъ, чтобы преподаваніе ихъ шло всегда въ уровень съ современными требованіями науки. Но церковное законовѣдѣніе—предметъ богословскій и юридическій вмѣстѣ, поэтому онъ необходимо требуетъ со стороны преподавателя извѣстной юридической подготовки, невозможной для профессора богословія — священника. Преподавателемъ этой науки долженъ быть одинъ изъ лучшихъ магистровъ богословія, нарочно приготовленный для каѳедры церковнаго законовѣдѣнія сначала посѣщеніемъ курсовъ юридическаго факультета, а потомъ по усмотрѣнію университетскаго начальства и путешествіемъ за границу, для посѣщенія лекцій лучшихъ Европейскихъ профессоровъ права. (Профессоръ церковной исторіи также долженъ быть изъ магистровъ богословія). Что касается до увеличенія числа часовъ, то нѣтъ никакого основанія лишать совѣтъ одного изъ его правъ, указанныхъ въ параграфѣ 35 проекта. Совѣту ближе должны быть извѣстны и объемъ каждой науки и время, необходимое для успѣшнаго ея преподаванія, такъ какъ въ числѣ его обязанностей заключается и сужденіе о мѣрахъ для усовершенствованія преподаванія наукъ въ университетѣ. Въ заключеніе г. Поповицкій упоминаетъ о предложеніи открыть при университетахъ богословскій факультетъ. Предложеніе это, по его мнѣнію, имѣетъ мало основанія, особенно въ Россіи, гдѣ всякому, желающему изучить богословскія науки во всей ихъ полнотѣ и ученомъ развитіи, есть полная возможность посѣщать богословскіе курсы въ духовныхъ академіяхъ. Эти послѣднія могутъ вполнѣ удовлетворить всякаго, ищущаго серьознаго научно-религіознаго образованія.

За симъ г. Поповицкій предлагаетъ нижеслѣдующую редакцію § 17 проекта устава:

«Для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ опредѣляется особая каѳедра общаго богословія, или общей христіанской апологетики. Другая такая же каѳедра можетъ быть учреждена для студентовъ Римско-католическаго исповѣданія, если окажется въ томъ надобность.

Примѣчаніе. Профессоръ богословія лично причисляется къ историко-филологическому факультету.

Кромѣ того, согласно съ мнѣніемъ совѣта Московскаго университета и автора статьи *«О преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ»*, при исчисленіи каѳедръ и наукъ по факультетамъ историко-филологическому и юридическому, слѣдуетъ дополнить параграфы 12 и 14 такъ:

§ 12. *«Всеобщая церковная исторія и исторія Русской церкви»*.

§ 14. *«Церковное законовѣдѣніе (православное), съ сравнительнымъ изученіемъ церковныхъ правъ и законовъ иновѣрцевъ, обитающихъ въ Россіи»*.

По поводу записки г. Поповицкаго, сдѣлали замѣчанія гг. Барановскій, Андреевскій, Спасовичъ, Утинъ, Георгіевскій, Бауеръ, Галаховъ, Савичъ и Ведровъ. Высказанныя ими замѣчанія касались слѣдующихъ предметовъ: а) необязательнаго преподаванія общаго богословія; б) учрежденія при университетахъ особаго богословскаго факультета; в) учрежденія каѳедры христіанскаго богословія, общей для всѣхъ факультетовъ, но также необязательной; г) соединенія преподаванія всеобщей церковной исторіи съ преподаваніемъ всеобщей исторіи, а исторіи Русской церкви — съ преподаваніемъ исторіи Россіи; д) возложенія преподаванія церковнаго законовѣдѣнія на профессора-юриста, и е) не причисленія профессора богословія къ какому-либо факультету.

По выслушаніи сдѣланныхъ гг. присутствующими замѣчаній, г. Предсѣдатель предложилъ г. Бауеру составить особую записку, которая могла бы послужить матеріяломъ для объяснительной по сему предмету записки къ проекту устава университетовъ.

Опредѣлено: Замѣчанія, сдѣланныя по поводу записокъ гг. Барановскаго, Андреевскаго и Поповицкаго внести въ журналъ и подвергнуть обсужденію при составленіи окончательной редакціи проекта устава.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ*.

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ*.

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ II.

Засѣданіе 2-го октября.

I. Преподаватель С.-Петербургскаго университета Пановъ представилъ сводъ замѣчаній *о составѣ юридическаго факультета* университетовъ (Гл. II, отд. I, § 14 пр. уст.).

«Прежде чѣмъ мы приступимъ, говоритъ г. Пановъ въ началѣ своей записки, къ своду замѣчаній, сдѣланныхъ разными мѣстами и лицами на эту статью проекта, намъ кажется необходимымъ сдѣлать слѣдующія два поясненія къ настоящей запискѣ: 1) такъ какъ, по силѣ 2-го пункта 26-й статьи исправленной редакціи проекта *), факультетскимъ собраніямъ предоставляется «распредѣленіе факультетскихъ наукъ и порядка ихъ преподаванія», а 4-мъ пунктомъ ст. 35 совѣту университета дается право соединять и раздѣлять каѳедры и замѣнять однѣ

*) См. Приложенія къ журналамъ засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Россійскихъ университетовъ. Прилож. къ № 2, стр. 37. По редакціи проекта это пунктъ 1, ст. 26.

изъ нихъ другими: то, на этомъ основаніи, и цифра исчисленныхъ нами ниже каѳедръ и наукъ не должна быть принимаема за неподвижную и неизмѣнную для факультета. Она можетъ и будетъ подвергаться измѣненіямъ, смотря по нуждамъ и пользамъ науки, а нерѣдко также и вслѣдствіе личнаго состава факультета въ извѣстный моментъ. Потому поименованныя здѣсь нами каѳедры, въ общей сложности ихъ, представляются только какъ бы очеркомъ того приблизительно полнаго состава наукъ юридическаго факультета, который желателенъ въ настоящее время для нашихъ университетовъ. Въ отношеніи финансовомъ, цифра этихъ каѳедръ могла бы служить основаніемъ для отпуска штатной суммы изъ государственнаго казначейства на юридическій факультетъ. 2) Подраздѣленіе нѣкоторыхъ каѳедръ на отдѣльныя науки *), которое встрѣчается въ настоящемъ сводѣ замѣчаній, имѣетъ цѣлію указать, въ общихъ чертахъ, на главное содержаніе этихъ каѳедръ, которое составляетъ обязательный предметъ для лекцій каждаго преподавателя, занимающаго отдѣльную каѳедру, по принадлежности, если только факультетъ не назначаетъ особаго преподавателя для какой-либо науки, входящей въ составъ извѣстной каѳедры».

За симъ г. Пановъ приводитъ замѣчанія отдѣльно о каждой каѳедрѣ юридическаго факультета, и на основаніи сихъ замѣчаній, разсмотрѣнныхъ имъ критически, предлагаетъ § 14 изложить такимъ образомъ:

Въ юридическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія каѳедры и науки:

1) Энциклопедія *правовѣдѣнія*:

а) Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.

б) Исторія философіи права.

*) Раздѣленіе сихъ послѣднихъ на части, по нашему мнѣнію, не должно входить въ университетскій Уставъ. Оно составляетъ предметъ факультетскаго собранія (см. Прилож. къ № 2 Жур. учен. ком. § 26, пунк. 5).

2) Исторія *важнѣйшихъ* иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.
3) Исторія Русскаго права.
4) Исторія Славянскихъ законодательствъ.
5) Римское право:
 а) Исторія Римскаго права.
 б) Догматика Римскаго гражданскаго права.
 в) Византійское право.
6) Государственное право:
 а) *Теорія государственнаго права.*
 б) Государственное право важнѣйшихъ *иностранныхъ государствъ.*
 в) Русское государственное право.
7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство.
8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство.
9) *Полицейское право:*
 а) *Ученіе о безопасности (законы благочинія).*
 б) *Законы о благосостояніи (законы благоустройства).*
10) *Финансовое право:*
 а) *Теорія финансовъ.*
 б) *Русское финансовое право.*
11) Международное право.
12) Церковное право.
13) Политическая экономія.

Примѣчаніе 1. Для преподаванія торговаго права, а также для преподаванія судебной медицины и медицинской полиціи, опредѣляются отдѣльные преподаватели.

Примѣчаніе 2. Юридическая практика можетъ быть поручаема отдѣльному преподавателю.

Примѣчаніе 3. Профессоръ православнаго богословія преподаетъ каноническое право православной церкви слушателямъ юридическаго факультета, православнаго вѣроисповѣданія.

За тѣмъ: а) Примѣчанія 1 и 2 къ § 14 и пунктъ 10 § 12 проекта исключаются. б) Конецъ § 17 проекта, начиная со словъ: «профессоръ православнаго богословія»... измѣняется

и получаетъ такую редакцію, какую онъ имѣетъ здѣсь въ примѣчаніи 3.

Представленная г. Пановымъ записка вызвала слѣдующія замѣчанія гг. присутствующихъ:

По каѳедрѣ *исторіи иностранныхъ законодательствъ*. Г. Георгіевскій полагалъ, что для слушателей этого предмета съ надлежащею пользою необходимо, чтобы они хорошо знакомы были со всеобщею исторіею, и что по этому ее слѣдуетъ ввести въ составъ побочныхъ предметовъ юридическаго факультета. На это г. Утинъ замѣтилъ, что студенты юридическаго факультета и такъ уже очень обременены множествомъ предметовъ, и что отъ самихъ студентовъ будетъ зависѣть прослушать курсъ всеобщей исторіи, если для котораго-нибудь изъ нихъ преподаваніе исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ будетъ не вполнѣ доступно. При этомъ г. Предсѣдатель предложилъ г. Утину мотивировать значеніе каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ въ особой запискѣ, которая должна послужить матеріяломъ для объяснительной записки къ проекту устава.

По предмету *мѣстныхъ законовъ*, относящихся къ каѳедрѣ исторіи Русскаго права. По поводу возбужденнаго г. Барановскимъ вопроса о томъ, будутъ ли входить въ кругъ преподаванія мѣстныхъ законовъ законы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, г. Утинъ замѣтилъ, что правомъ вступать въ службу въ Финляндіи пользуются только тамошніе уроженцы, окончившіе курсъ въ Александровскомъ университетѣ, въ Царствѣ же Польскомъ существуютъ свои собственныя средства юридическаго образованія, и потому вообще желательно, чтобы, при обзорѣ мѣстныхъ законовъ, профессоръ, указавши на источники дѣйствующаго законодательства въ Финляндіи и Царствѣ Польскомъ, останавливался преимущественно на тѣхъ мѣстныхъ законахъ, которые имѣютъ практическое значеніе для службы собственно въ Россіи. При вопросѣ объ учрежденіи каѳедры Славянскихъ законодательствъ г. Утинъ замѣтилъ, что если можно будетъ надѣяться на учрежденіе въ университетахъ новыхъ каѳедръ, то особенно было

бы важно для Русскихъ университетовъ имѣть каѳедру Славянскихъ законодательствъ.

Г. Георгіевскій полагалъ, что къ каѳедрѣ Римскаго права не слѣдуетъ присоединять особой рубрики для Византійскаго права, дабы этимъ не обязывать профессора читать этотъ предметъ особо.

По каѳедрѣ *государственнаго права.* Г. Утинъ полагалъ ограничиться двумя послѣдними подраздѣленіями этой каѳедры, потому что общаго государственнаго права, безъ отношенія къ государственному праву важнѣйшихъ державъ, еще не существуетъ. Государства *вообще* нѣтъ, а существуютъ только опредѣленныя государства, и потому, если въ проектѣ, независимо отъ государственнаго права иностранныхъ державъ, названо еще *общее государственное право*, которое предлагаютъ замѣнить *теоріей государственнаго права*, то это названіе одинаково означаетъ только историческій очеркъ философскихъ ученій о государствѣ, какой обыкновенно служитъ введеніемъ въ курсъ государственнаго права иностранныхъ державъ.

Каѳедру *гражданскаго права* г. Спасовичъ предложилъ назвать каѳедрою *частнаго права* въ противоположность *правамъ общественнымъ*. На это г. Андреевскій замѣтилъ, что хотя послѣднее наименованіе было бы точнѣе, но едва ли можно принять его, потому что терминъ *гражданское право* освящено уже слишкомъ давнимъ его употребленіемъ и усвоенъ правительственнымъ юридическимъ языкомъ.

По каѳедрѣ *гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства* г. Спасовичъ признавалъ необходимымъ имѣть двухъ преподавателей, а отдѣльный преподаватель *торговаго права*, по его мнѣнію, можетъ быть причисленъ къ каѳедрѣ гражданскаго или общенароднаго права. Сверхъ того онъ замѣтилъ, что едва ли возможно поручить чтеніе церковнаго права профессору-юристу, и потому лучше предоставить преподаваніе его профессору богословія.

По замѣчанію гг. Ивановскаго, Спасовича и Андреев-

скаго *судебная медицина* должна быть преподаваема для юристовъ отдѣльно отъ медицинскихъ студентовъ.

Въ заключенiе г. Благовѣщенскiй выразилъ мысль о необходимости включить въ проектъ устава непремѣнное условiе, чтобы каждый изъ главныхъ предметовъ университетскаго курса прочитанъ былъ однимъ изъ профессоровъ въ полномъ объемѣ. На это замѣтили, что исполненiе такого условiя невозможно: гг. Ивановскiй и Спасовичъ—въ отношенiи юридическихъ наукъ, а г. Ведровъ—въ отношенiи всеобщей исторiи, и что при обстоятельномъ и критическомъ изложенiи той или другой науки, нѣкоторыя части ея, по необходимости, остаются прочитанными весьма кратко, или же и вовсе непрочитанными. Къ этому г. Барановскiй присовокупилъ, что цѣль университетскаго преподаванiя заключается не въ преподаванiи всѣхъ вообще наукъ и въ полномъ ихъ объемѣ, а въ усвоенiи слушателямъ, чрезъ преподаванiе тѣхъ или другихъ частей наукъ, строго-научнаго метода изученiя ихъ.

II. Магистръ Бауеръ представилъ записку со сводомъ мнѣнiй *о продолжительности академическаго курса* (Гл. II, отд. I, § 22 пр. уст.) *и о выгодахъ дѣленiя его на семестры*. Относительно послѣдняго вопроса высказали свое мнѣнiе весьма немногiе изъ критиковъ проекта устава, но всѣ они признаютъ необходимость семестральнаго дѣленiя курса, не приводя, впрочемъ, никакихъ доказательствъ въ подтвержденiе этой необходимости. Посему г. Бауеръ, въ запискѣ своей, обращается къ заграничнымъ университетамъ и по поводу этого говоритъ слѣдующее:

«Семестральное дѣленiе курса, существующее въ Германскихъ университетахъ, обусловлено, съ одной стороны, подобнымъ же распредѣленiемъ преподаванiя въ гимназiяхъ и школахъ, а съ другой — совершенно исключительнымъ положенiемъ университетовъ въ отношенiи къ учащейся молодежи. Въ Нѣмецкихъ гимназiяхъ выпускныя испытанiя производятся два раза въ годъ и съ ними совпадаетъ также и прiемъ въ университеты. Къ тому же молодой человѣкъ въ Германiи почти никогда не оканчиваетъ своего образованiя въ одномъ университетѣ. Пробывъ два или три года, напр., въ Берлинѣ, онъ, въ

теченіе остальныхъ 2 или 3 лѣтъ, странствуетъ по другимъ университетамъ, слушая нѣсколько лекцій по своему спеціальному предмету у того или другаго профессора, извѣстнаго своею ученою дѣятельностью. При такихъ условіяхъ, семестральное дѣленіе весьма выгодно для студента: онъ имѣетъ возможность въ одинъ симестръ прослушать часть науки и ознакомиться со взглядомъ профессора на нее. Во Франціи не существуетъ семестральнаго дѣленія. Лекціи начинаются тамъ обыкновенно 1-го ноября и продолжаются до іюля мѣсяца, прерываемыя весьма немногими праздниками. Выпускныя испытанія въ коллегіяхъ и лицеяхъ происходятъ также только одинъ разъ въ годъ. Изъ этого видно, что дѣленіе на полугодія въ нѣкоторыхъ университетахъ Западной Европы есть не столько средство къ болѣе успѣшному преподаванію, сколько слѣдствіе тамошней организаціи среднихъ учебныхъ заведеній, и что дѣленіе это есть, слѣдовательно, мѣстное условіе, вкоренившееся обычаемъ. Переносить его къ намъ только потому, что существуетъ оно въ Германіи, кажется, нѣтъ достаточной причины. Съ этимъ въ связи—совершенное преобразованіе системы преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ, — преобразованіе, вызванное не необходимостью, которое едва ли принесетъ какую-нибудь существенную пользу».

Что касается вопроса о продолжительности университетскаго курса, то, на основаніи означенныхъ въ запискѣ соображеній, г. Бауеръ предлагаетъ § 22 проектъ устава выразить такимъ образомъ:

Академическій годъ продолжается отъ 15 августа до 15 мая.

Наконецъ относительно рождественскихъ, пасхальныхъ и другихъ праздничныхъ дней г. Бауеръ замѣчаетъ, что вопросъ объ нихъ не можетъ быть разрѣшенъ уставомъ, а долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, признаютъ нужнымъ возбудить вопросъ объ уменьшеніи числа табельныхъ дней, прерывающихъ преподаваніе и препятствующихъ успѣшному изложенію наукъ.

По поводу записки г. Бауера гг. присутствующими вообще было замѣчено, что продолжительность курса въ нашихъ университетахъ обыкновенно зависитъ отъ времени наступленія Пасхи, такъ что обыкновенно послѣ Пасхи преподаватели лекцій не читаютъ, а приступаютъ къ производству экзаменовъ. Вслѣдствіе этого продолжительность курсовъ весьма неравномѣрна, и потому было бы полезнѣе точно опредѣлить, въ теченіе какого времени должны быть читаемы лекціи. А затѣмъ это условіе, а равно какъ и вопросъ о дѣленіи курсовъ на семестры положено обсудить при обработкѣ окончательной редакціи проекта устава. При этомъ г. Барановскій замѣтилъ, что для лѣтнихъ вакацій, по его мнѣнію, лучше бы назначить время отъ 1 іюня до 1 сентября.

III. Г. Сахаровъ читалъ сводъ мнѣній IX главы проекта устава, въ трехъ отдѣленіяхъ котораго изложены *права и преимущества университетовъ*, а именно: въ 1 отдѣленіи—права, собственно университетамъ принадлежащія (§§ 140—151); во 2 отдѣленіи — преимущества служащихъ при университетѣ (§§ 152 — 164) и въ 3 отдѣленіи — о пенсіяхъ и пособіяхъ за службу при университетѣ (§§ 165—167).

По соображеніи высказанныхъ по симъ предметамъ мнѣній въ «Замѣчаніяхъ», г. Сахаровъ полагаетъ изложить главу IX слѣдующимъ образомъ:

Отдѣленіе I.

Права, собственно университетамъ принадлежащія.

§ 140. Университеты имѣютъ собственныя, большую и малую, печати съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: Императорскаго такого-то университета.

§ 141. Университеты входятъ съ представленіями только къ своему начальству, со всѣми же прочими мѣстами и лицами сносятся отношеніями.

§ 142. Университеты свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ, за отправляемыя по дѣламъ ихъ письма и посылки, когда оныя вѣсомъ не болѣе пуда.

§ 143. Университеты свободны отъ употребленія гербовой бумаги и отъ платежа крѣпостныхъ и иныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ и вообще по всѣмъ, касающимся до нихъ, дѣламъ.

§ 144. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и переводовъ, ими или ихъ преподавателями періодически или одновременнно издаваемыхъ; цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

§ 145. Университетамъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ-за границы всякаго рода учебныя пособія. Кипы и ящики съ сими вещами, адресованные въ университеты, въ пограничныхъ таможняхъ не вскрываются, а только пломбируются. Они свидѣтельствуются въ университетахъ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника.

§ 146. Книги, рукописи и повременныя иаданія, получаемыя университетами изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію комитетовъ цензуры иностранной.

§ 147. Университетскія зданія освобождаются отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ городскихъ сборовъ.

§ 148. Университеты могутъ издавать періодическія изданія (газеты или журналы) и имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки.

§ 149. Университетамъ, при коихъ состоитъ медицинскій факультетъ, позволяется содержать аптеки.

§ 150. Если преподаватель и вообще чиновникъ университета на службѣ умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ и не сдѣлавъ о своемъ имуществѣ надлежащаго распоряженія, то университетъ обязанъ сообщить о томъ мѣстному губернскому правленію, для вызова родственниковъ покойнаго, и буде, въ постановленный законами срокъ, наслѣдниковъ не окажется, оставшееся послѣ умершаго имущество обращается въ собственность университета.

§ 151. Университетамъ предоставляется пріобрѣтать на правѣ полной собственности всѣ свободныя, движимыя и недвижимыя, имущества.

Отдѣленіе II.

Преимущества служащихъ при университетѣ.

§ 152. Ректоръ, проректоръ, деканы и ординарные профессоры, доколѣ состоятъ въ сихъ должностяхъ, считаются: первый въ IV классѣ, а вторые — въ V, если выше чиновъ не имѣютъ, экстраординарные профессоры—въ VI, приватъ-доценты, астрономы-наблюдатели, ученые аптекари и прозекторы — въ VIII, лекторы — въ IX классѣ и, по предъявленіи данныхъ имъ отъ университетскаго совѣта свидѣтельствъ, получаютъ изъ герольдіи патенты на чины, симъ классамъ соотвѣтствующіе.

§ 153. Практическіе преподаватели восточныхъ языковъ утверждаются въ чинѣ XII класса по выслугѣ четырехъ лѣтъ въ семъ званіи, со старшинствомъ со дня опредѣленія въ оное.

§ 154. Учители искусствъ, кромѣ учителя рисованія, не считаются въ государственной службѣ, но доколѣ остаются въ должностяхъ, пользуются преимуществами классныхъ чиновниковъ.

§ 155. Прочіе служащіе при университетахъ пользуются преимуществами, изъясненными въ Сводѣ Законовъ (изд. 1857 г.). Т. 3. *Уст. о служб. по опред. отъ прав.* На основаніи сего же устава, всѣ вообще университетскіе чиновники имѣютъ право носить мундиры, присвоенные тѣмъ классамъ, въ которыхъ они состоятъ.

Примѣчаніе. Проректоръ, доколѣ состоитъ въ сей должности, носитъ мундиръ V, а доценты и приватъ-доценты—VII разряда.

§ 156. Профессоры, приватъ-доценты, лекторы, прозекторы и ихъ помощники, астрономы-наблюдатели, ученые аптекари, лаборанты и практическіе преподаватели восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ производятся тремя чинами выше присвоеннаго ихъ должностямъ класса.

§ 157. Удостоенные ученыхъ степеней утверждаются при

вступленіи въ гражданскую службу въ слѣдующихъ классахъ докторъ — въ VIII, магистръ — въ IX, кандидатъ въ — X.

Примѣчаніе. Ученыя степени и званія по медицинской ,и фармацевтической части подчиняются общимъ по сей части постановленіямъ.

§ 158. Профессоры и вообще преподаватели въ университетѣ имѣютъ свободный входъ, съ вѣдома завѣдывающихъ, во всѣ библіотеки и архивы учебныхъ заведеній или присутственныхъ мѣстъ и право пользоваться въ нихъ на мѣстѣ всѣми книгами и рукописями.

§ 159. Предметы, поименованные въ §§ 145 и 146, а равно инструменты и другія учебныя пособія, выписываемыя профессорами изъ-за границы, для собственнаго употребленія, пропускаются чрезъ таможни безпошлинно, на основаніи §§ 145 и 146.

§ 160. Собственные домы профессоровъ, приватъ-доцентовъ, астрономовъ-наблюдателей и лекторовъ, если они сами постоянно живутъ въ нихъ, освобождаются отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами.

§ 161. Приглашаемые изъ чужихъ краевъ преподаватели имѣютъ право, при первомъ въѣздѣ въ Россію, привозить съ собою или выписывать послѣ того, въ теченіе года, разныя вещи и пожитки безпошлинно, на сумму девятисотъ руб. пошлины. Въ сію сумму не включаются пошлины съ такихъ, привезенныхъ самими преподавателями, вещей, которыя подлежатъ безпошлинному пропуску при въѣзжающихъ изъ-за границы пассажирахъ, равно какъ съ учебныхъ пособій, состоящихъ въ книгахъ, инструментахъ, географическихъ картахъ и проч., которыя, безъ всякаго ограниченія, позволяется какъ вызываемымъ въ университеты ученымъ иностранцамъ, такъ и возвращающимся въ отечество Русскимъ преподавателямъ университетовъ и вообще путешествующимъ въ чужихъ краяхъ на счетъ правительства воспитанникамъ университетовъ, привозить въ государство безпрепятственно и безъ пошлинъ.

§ 162. Преподаватели изъ иностранцевъ, по увольненіи отъ службы при университетахъ, имѣютъ право выѣзжать во вся-

кое время за границу безъ платежа пошлинъ за вывозимое ими собственное имущество.

Отдѣленіе III.

О пенсіяхъ и пособіяхъ за службу при университетѣ.

§ 163. Профессорамъ, доцентамъ, лекторамъ, практическимъ преподавателямъ восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ, астрономамъ-наблюдателямъ, прозекторамъ, ихъ помощникамъ, ученымъ аптекарямъ, лаборантамъ, инспекторамъ, библіотекарямъ и ихъ помощникахъ, хранителямъ кабинетовъ и музеевъ или консерваторамъ за 25-лѣтнюю безпорочную службу обращается въ пенсію, при увольненіи ихъ, полный окладъ жалованья.

Примѣч. 1. Время, проведенное преподавателями въ чужихъ краяхъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, зачитается имъ въ дѣйствительную службу, какъ на полученіе пенсій, такъ и на производство въ чины; но зачетъ сей допускается въ такомъ только случаѣ, когда преподаватели прослужили уже или прослужатъ въ университетѣ двойной срокъ противъ того времени, которое допускается къ зачету. Преподавателямъ, путешествующимъ за границею съ ученою цѣлью на собственный счетъ, зачитается въ дѣйствительную службу не болѣе 3-хъ лѣтъ.

Примѣч. 2. Служба приватъ-доцентовъ, въ случаѣ поступленія ихъ на одну изъ показанныхъ здѣсь должностей, при исчисленіи срока выслуги пенсіи, причитается и къ сей послѣдней должности.

§ 164. Заслуженные профессоры, при занятіи вновь каѳедры или по вступленіи въ другой родъ службы, сохраняютъ пенсію, сверхъ жалованья, по занимаемой ими должности. Съ окончательнымъ увольненіемъ ихъ впослѣдствіи они не могутъ требовать новыхъ пенсій, а должны довольствоваться прежнею. Впрочемъ, еслибы слѣдовавшая имъ, по новому ихъ служенію, пенсія превосходила назначенную отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ такомъ случаѣ можетъ быть опредѣлена имъ сія бо̀льшая пенсія, съ прекращеніемъ въ то же время прежней меньшей.

§ 165. Если кто-либо изъ поименованныхъ въ § 163 лицъ, прослуживъ 10 лѣтъ въ университетѣ, подвергнется неизлечимой болѣзни, отъемлющей силы къ исполненію должности, то ему

опредѣляется въ пожизненную пенсію полугодовой окладъ жалованья, за 15-лѣтнюю службу при тѣхъ же обстоятельствахъ— $^3/_4$ оклада, а за 20-лѣтнее служеніе—полный окладъ.

§ 166. Вдовѣ и всѣмъ вообще дѣтямъ поименованныхъ въ § 163 лицъ, прослужившихъ менѣе 5 лѣтъ и умершихъ на службѣ, выдается единовременно по годовому окладу жалованья покойнаго, той и другимъ особо.

§ 167. Если кто-либо изъ поименованныхъ въ § 163 лицъ, прослуживъ усердно при университетѣ отъ 15 до 25 лѣтъ, умретъ на службѣ и оставитъ вдову и малолѣтныхъ дѣтей, то, сверхъ вышеозначенной единовременной выдачи, назначается, въ пенсію вдовѣ и дѣтямъ нераздѣльно, за выслугу покойнымъ: 15 лѣтъ — $^1/_3$, 20 лѣтъ — $^2/_3$ и 25 лѣтъ — полный окладъ жалованья его.

§ 168. Если кто-либо изъ поименованныхъ въ § 163 лицъ, уволенный съ пенсіею, оставитъ вдову и дѣтей, въ такомъ случаѣ семейство его пользуется одинаковою пенсіею со вдовою и дѣтьми умершаго на службѣ.

§ 169. Пенсіи и единовременныя выдачи назначаются вообще изъ суммъ государственнаго казначейства по штатнымъ окладамъ, за исключеніемъ прибавочнаго жалованья, получаемаго нѣкоторыми лицами за исполненіе особыхъ при университетѣ должностей.

§ 170. Получающіе, за службу при университетѣ пенсію пользуются оною пребывая и за границею.

§ 171. Пенсія прекращается: 1) уволенному по неизлечимой болѣзни, когда онъ опредѣлится на службу въ Россіи или въ чужихъ краяхъ, ибо сіе будетъ доказательствомъ выздоровленія его, или, по крайней мѣрѣ, полученнаго имъ значительнаго облегченія; 2) вдовѣ, когда она вступитъ въ законный бракъ, и 3) дѣтямъ, когда послѣднему въ семействѣ исполнится 21 годъ или когда и прежде сего дочери вступятъ въ замужство, а сыновья будутъ опредѣлены въ учебныя заведенія на казенное содержаніе или службу.

§ 172. Ординаторы и ихъ помощники, асситенты и фельд-

шера при клиникахъ, врачи и фельдшера при больницахъ для студентовъ, аптекари, ихъ помощники и ученики, повивальныя бабки и ихъ помощницы при акушерныхъ клиникахъ пользуются правами на пенсію и единовременныя пособія, изложенными въ ст. 753—79 *Уст. о пенс. и единовр. пособ.* т. III Св. Зак. изд. 1857 г.

§ 173. Всѣ прочія за тѣмъ лица, состоящія на службѣ при университетахъ, получаютъ пенсію и единовременныя пособія по правиламъ, изъясненнымъ въ ст. 1—243 того же тома и устава.

Примѣчаніе. Изъ учителей искусствъ право на пенсіи и пособія по университетскому уставу предоставляется только учителямъ рисованія и черченія при университетахъ и учителю восточной каллиграфіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.

По выслушаніи записки г. Сахарова, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли за преподавателями университетовъ сохранять право на производство въ чины, послѣ того, какъ уже принято было ученымъ комитетомъ не присвоивать оныхъ получаемымъ въ университетахъ ученымъ степенямъ. Г. Предсѣдатель, принимая въ соображеніе, что отъ рѣшенія, такъ или иначе, этого вопроса будетъ зависѣть проектированіе 2-го отдѣленія IX главы проекта устава, призналъ болѣе удобнымъ, не входя теперь же въ подробности этого вопроса, возвратиться къ нему въ свое время, а между тѣмъ предложилъ г. Спасовичу составить по означенному вопросу особую записку.

Опредѣлено: Замѣчанія, высказанныя по поводу записокъ гг. Панова и Бауера, внести въ журналъ и принять въ соображеніе при окончательной обработкѣ проекта устава.

Въ заключеніе г. Предсѣдатель, имѣя въ виду, что запискою г. Сахарова заключены уже своды высказанныхъ въ «Замѣчаніяхъ» мнѣній по всѣмъ частямъ проекта устава университетовъ, заявилъ гг. присутствующимъ, что затѣмъ надлежитъ приступить къ начертанію проекта устава, при чемъ должны быть окончательно рѣшены всѣ спорные пункты и соображены помѣщенныя въ сводахъ мнѣнія и занесенныя въ журналъ ученаго комитета отдѣльныя замѣчанія. Посему онъ предложилъ гг. присутствующимъ имѣть въ виду, что въ слѣ-

дующемъ за симъ засѣданіи ученый комитетъ займется окончательною обработкою параграфовъ о совѣтѣ, факультетскихъ собраніяхъ, правленіи, ректорѣ и деканахъ.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ.*

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ.*

ЖУРНАЛЪ

засѣданія ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

№ 12.

Засѣданія 9, 16, 23, 28 и 31 октября.

Въ засѣданіяхъ 9, 16, 23, 28 и 31 октября разсматривалась составленная г. Предсѣдателемъ, на основаніи журналовъ ученаго комитета, редакція проекта общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, при чемъ предложены были на обсужденіе гг. присутствующихъ тѣ вопросы, которые не были разрѣшены въ предшедшихъ засѣданіяхъ. За тѣмъ редакція проекта была утверждена, по надлежащемъ исправленіи, согласно замѣчаніямъ, и опредѣлено напечатать проектъ въ этомъ видѣ и выслушать его въ слѣдующемъ за симъ засѣданіи.

При окончательномъ разсмотрѣніи проекта устава университетовъ внесены были въ ученый комитетъ слѣдующія записки: въ засѣданіи 16 октября — «О значеніи каѳедры всеобщей литературы», г. ордин. проф. С.-Петербургскаго унив. Благовѣщенскаго; въ засѣданіи 23 октября — «Отдѣльное мнѣніе о необходимости преподаванія статистики, какъ особой науки»,

испр. должн. адъюнкта Ришельевскаго лицея Георгіевскаго и «О преподаваніи статистики въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ», г. преподавателя того же университета Бушена; въ засѣданіи 28 октября — замѣчанія на проектъ общаго устава Россійскихъ университетовъ гг. директора медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ Пеликана и президента Императорской медико-хирургической академіи Дубовицкаго, и въ засѣданіи 31 октября — «О составѣ юридическаго факультета» члена ученаго комитета Шнейдера и «О значеніи каѳедръ исторіи иностранныхъ законодательствъ», бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета Утина.

Опредѣлено: Упомянутыя записки и замѣчанія принять къ соображенію и напечатать въ приложеніяхъ къ журналамъ ученаго комитета.

Подписалъ: Предсѣдатель *А. Вороновъ.*

Скрѣпилъ: Производитель дѣлъ *И. Галанинъ.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ журналамъ засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту Общаго Устава Россійскихъ университетовъ.

Къ № 1.

О значеніи университетовъ въ государственномъ, ученомъ и учебномъ отношеніяхъ.

Испр. долж. экстраорд. проф. С. Петербургскаго университета **Андреевскаго.**

Въ проектѣ общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, въ § 1 сказано: «Университетъ есть высшее учебное *учрежденіе*, состоящее изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, какъ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго».

Коммиссія, занимавшаяся составленіемъ проекта, въ объяснительной запискѣ, къ проекту приложенной, мотивируетъ этотъ § слѣдующими словами: «Коммиссія признала необходимымъ удержать за университетами цѣль, которую они имѣли донынѣ, т. е. что университеты должны быть высшими учебными учрежденіями для образованія молодыхъ людей, уже получившихъ и доказавшихъ познанія, необходимыя для пониманія и отчетливаго усвоенія лекцій».

Такой общій, скромный мотивъ является недостаточнымъ, не поясняющимъ причины, почему университетъ долженъ состоять изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, какъ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго. Не лучше ли высшимъ учебнымъ установленіямъ явиться въ видѣ отдѣльныхъ факультетовъ, не составляющихъ одного нераздѣльнаго цѣлаго, не лучше ли изъ

факультетовъ университета образовать отдѣльныя специальныя школы? Этотъ вопросъ требуетъ точнѣйшаго разрѣшенія въ настоящее время, когда университеты, вслѣдствіе нѣкоторыхъ безпорядковъ, вызвавшихъ даже печальное закрытіе университета въ С. Петербургѣ, начинаютъ нѣкоторымъ казаться установленіями опасными для государственнаго порядка, и когда многія изъ лицъ, считающихъ себя серьезными судьями въ дѣлѣ образованія, предлагаютъ именно этотъ вопросъ: не лучше ли, вмѣсто университетовъ, какъ цѣлаго, нераздѣльно составленнаго изъ нѣсколькихъ факультетовъ, устроить факультеты отдѣльно, или специальныя школы?

Къ счастію, законодательный анализъ этого вопроса въ Россіи не представляетъ особенной трудности потому, что этотъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ полнѣйшимъ образомъ разрѣшенъ уже въ образованныхъ государствахъ Европы.

Жизнь всѣхъ университетовъ, какъ и ихъ значеніе, представляютъ много общаго. Въ ихъ историческомъ существованіи мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такое замѣчательное явленіе: всякій разъ, когда общество начинаютъ волновать какія-нибудь идеи, могущія потрясти порядокъ общественный, начинается борьба противъ университетовъ, въ нихъ начинаютъ искать источника общихъ безпокойствъ и представляютъ различные планы къ замѣнѣ университетовъ чѣмъ-либо другимъ.

Не говоря уже о странахъ, гдѣ степень образованія невысока, гдѣ наука—достояніе очень немногихъ, довольно посмотрѣть на ученую Германію и на ту войну, которую вели въ тридцатыхъ годахъ съ ея великими университетами.

Кому неизвѣстно то міровое значеніе, которое пріобрѣли Германскіе университеты въ началѣ XIX столѣтія? Когда вслѣдъ за ударами Французской революціи появились гибельныя ученія коммунизма и соціализма, уничтожавшія безсознательно личность и свободу человѣка и, слѣдовательно, разрушавшія и всѣ здоровые элементы общественности, возвысила свой голосъ наука на каѳедрахъ Германскихъ университетовъ. Философскій анализъ, на которомъ уже построилось преподаваніе наукъ въ Германіи, легко разсѣялъ превратныя ученія, слѣдовавшія за вихремъ революціи, успокоилъ умы и подготовилъ народамъ элементы дѣйствительной государственной жизни. Довольно вспомнить хорошо извѣстную спасительную дѣятельность юнаго, въ то время, Берлинскаго университета, до-

вольно вспомнить, что при открытіи Германскаго сейма университеты признаны могучимъ памятникомъ Нѣмецкаго развитія (ein stolzes Denkmal deutscher Entwickelung) *), и вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнить, что въ двадцатыхъ годахъ поднялись возгласы противъ университетовъ, поднялись планы о замѣнѣ ихъ спеціальными школами. Такихъ враговъ университеты Германскіе встрѣтили въ двухъ совершенно противоположныхъ партіяхъ: крайнихъ либераловъ и крайнихъ консерваторовъ; первые кричали противъ университетовъ, называя ихъ окаменѣлостями, отсталыми, противниками движенія, вторые называли ихъ источниками безпорядковъ, предводителями буйства и разрушительныхъ началъ, особенно по отношенію къ религіи: обѣ партіи сходились въ томъ, что требовали уничтоженія университетовъ, ихъ замѣны спеціальными школами **), которыми замѣнены были уже во Франціи въ XIX ст. университеты.

Положеніе Русскихъ университетовъ въ настоящую минуту чрезвычайно похоже на положеніе Германскихъ во 30-хъ годахъ. Русскіе универститы, дѣйствующіе только съ XIX ст., (дѣятельность Московскаго въ XVIII ст. чрезвычайно слаба, по отношенію къ нѣкоторымъ факультетамъ), и, собственно говоря, довольно полно только съ 40-хъ годовъ, пошли по тропѣ, проложенной Германскими университетами; не смотря на всѣ препятствія, на отсутствіе необходимой для университета автономіи, явившееся однимъ изъ основаній Устава 1835 г., они стремились открыть благородное служеніе наукѣ и уже принесли неисчислимую пользу обществу. Нельзя не вспомнить, что ими подготовлено цѣлое поколѣніе, которое отвратилось отъ крѣпостнаго права и такъ облегчило правительству совершить величайшее изъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ Русской исторіи — эманципацію; ими подготовлено поколѣніе, которое сознало необходимость реформы судоустройства и судопроизводства, и ждетъ уже, готовое и знающее, помочь правительству въ приведеніи и этой великой идеи въ исполненіе; ими подготовлено поколѣніе, которое разработываетъ самостоятельно и широко науку, изучаетъ историческія, этнографическія, географическія условія отчизны, обычаи, экономическія

*) Bundes protoc. I, S. 13.

**) См. Dr. K. H. *Scheidler:* Ueber die Idee der Universität und ihre Stellung zur Staatsgewalt, стр. 85 и сл.

явленія страны,—словомъ всѣ вѣтви наукъ, въ знаніи которыхъ такъ нуждаются государство и общество. Но нужно ли перечислять, да и въ состояніи ли кто-либо исчислить тѣ дорогіе плоды, которые пожинаетъ теперь Русское общество отъ дѣятельности своихъ юныхъ и еще не твердо поставленныхъ университетовъ. А между тѣмъ, когда въ университетахъ явились безпорядки, отчасти вызванные самою же администраціею, отчасти обществомъ,—безпорядки, которые легко могли бы быть подавлены самимъ университетомъ, еслибы его положеніе было самостоятельнѣе, то многіе, или не зная благодѣяній университета для общества или забывъ ихъ, начали кричать о вредѣ университетовъ для Россіи и о необходимости ихъ закрытія и замѣны спеціальными школами. Прислушиваясь къ рѣчамъ такихъ реформаторовъ, легко увидѣть, что въ ихъ возгласахъ нѣтъ чего-либо новаго и неизвѣстнаго; напротивъ, это эхо тѣхъ криковъ, которые раздавались въ 30-хъ годахъ въ Германіи, съ тою только разницею, что въ Германіи эти крики раздавались не голословно, а болѣе систематически, что нападавшіе на университетъ изложили свои доводы печатно *), и тогда въ защиту университета выступили мыслители такіе, какъ Schleiermacher **), Thiersch ***), Leo ****), Savigny *****) и и др. ******), и въ своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ вполнѣ разрѣшили вопросъ объ университетахъ, занимающій въ настоящую минуту въ свою очередь и Русское законодательство.

Чтобъ рѣшить, не представляютъ ли университеты опасности для общества и не нужно ли ихъ замѣнить спеціальными

*) Такъ сначала выступили противъ университетовъ Schmalz, de Maistre, Gentz, Stourdza, Hohenlohe, Buchholtz; потомъ болѣе серьезнымъ врагомъ явился Diesterweg; къ этому нападенію на университеты присоединилась религіозная борьба — нападеніе на протестантизмъ.

**) См. его «Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschen Sinn.» Berl. 1808, первоначально напечатанное въ Heidelberger Jahrbüchern für Philologie etc. Jahrg. I, 1808, Heft. 3, S. 296—305.

***) См. его «Ueber den gegenwärtigen Zustand von Tübingen 1829; также 2-й томъ его соч. «Uber gelehrt. Schulen.»

****) См. Jarhbuch. für wiss. Kritik. 1820 s. 548 etc.

*****) См. его Wesen und Werth der deutschen Universitäten, помѣщ. въ Historisch-polit. Zeitschrift von *L. Ranke*. Bd. 1. Heft 4. Hamb. 1832, и перепеч. въ его Vermischte Schriften, 4 B. Berl. 1850, S. 270.

******) Кромѣ ихъ, этотъ вопросъ разсматривали: Steffens, Krug, Dahlmann, Niemeieyer, Jac. Grimm, Pölitz, Heeren, Wilh. von Humboldt, Mittermaier, Zell, Welker, v. Rottek и др.

школами, необходимо посмотрѣть нужна ли для общества наука, и не опасно ли ея развитіе? *). Это необходимо потому, что только университеты представляютъ возможность самосостоятельнаго и стройнаго развитія науки. Отдѣльныя спеціальныя школы, представляющія много выгодныхъ сторонъ, имѣютъ тотъ существенный недостатокъ, что не могутъ составить сферы для полнаго и самостоятельнаго развитія науки; оттого цѣль спеціальныхъ школъ, какъ ниже покажемъ, совсѣмъ иная: ихъ цѣль не движеніе науки, а, напротивъ, примѣненіе добытыхъ наукою началъ къ практическимъ, хлѣбнымъ цѣлямъ человѣка.

Первоначально университеты являлись болѣе спеціальными, отдѣльными школами для той или другой вѣтви человѣческихъ свѣдѣній, и потому въ началѣ своего появленія самое ихъ названіе Universitates не означало universitates literarum; мало-по-малу только преподаватели отдѣльныхъ отраслей человѣческой науки сознали невозможность успѣха при своемъ одиночествѣ, при отсутствіи органической связи съ преподавателями и слушателями другихъ отраслей науки; съ XIII столѣтія университеты стали у себя группировать болѣе и болѣе всѣ вѣтви человѣческихъ знаній, и такимъ образомъ, по внутреннему призыву самой науки, стали являться, какъ *universitates literarum;* особенно такъ сильно сложились университеты въ Германіи **), и въ нихъ съ конца XVIII ст. наука стала получать свое дѣйствительное значеніе и вылилась въ формѣ совершенно самостоятельнаго университетскаго преподаванія. Это могло явиться только тогда, когда была сознана внутренняя связь между философіею и остальными науками, и слѣдовательно сознана была и связь между наукою и жизнію ***).

Только здѣсь въ университетахъ впервые явился самый анализъ науки, получилось вѣрное воззрѣніе какъ на нее, такъ и на университеты, и представилось отличіе университетовъ отъ всѣхъ другихъ школъ. Здѣсь науку перестали признавать, какъ средство для достиженія той или другой жизненной цѣли; на-

*) Такъ весьма справедливо спрашиваетъ Dahlmann, въ своей Politik, I. 288.

**) Это хорошо выяснено у *Mayerhoff*, d. deutsch. Hochschulen, 1835, S. 21 и у *Savigny*, Wesen u. Werth der deutschen Universitäten.

***) Ср. Dr. Karl Herm. *Scheidler*, Ueber die Idee der Universität. Jena, 1838, S. 243 и сл.

противъ, здѣсь науку стали разсматривать, какъ принадлежность области человѣческаго духа, и слѣдовательпо не какъ средство, а какъ цѣль человѣческой жизни. Понимаемая съ этой университетской точки зрѣнія, отдѣльная отрасль человѣческаго знамія не можетъ быть надлежащимъ образомъ сознана отдѣльно отъ другихъ отраслей; въ наукѣ, какъ и въ искусствѣ, особенное имѣетъ тогда только цѣну, когда оно находится въ связи съ своимъ всеобщимъ и абсолютнымъ*), оттого и методъ ученія долженъ выходить изъ дѣйствительнаго и вѣрнаго знанія живой связи между всѣми науками, безъ чего онъ будетъ лишенъ духа, мертвъ, односторонен, ограниченъ; тогда только можно имѣть дѣйствительныя въ чемъ-нибудь свѣдѣнія, когда понятна идея всеобщаго, когда науку сознаешь, какъ органическаго члена всего человѣческаго знанія. Преподавать науку безъ этого внутренняго философскаго отношенія ея къ истинѣ знанія вообще, преподавать ее, какъ совокупность полезныхъ свѣдѣній, значитъ лишать ее научнаго, истиннаго интереса. Многіе, смотрящіе на науку, только какъ на совокупность полезныхъ свѣдѣній для человѣка и не возвышающіеся до вѣрнаго воззрѣнія на нее, не въ состояніи правильно посмотрѣть и на задачу университета. Они думаютъ, что дѣло университета — передать слушателямъ совокупность имѣющихся у людей свѣдѣній въ данное время, но не въ этомъ задача университетовъ: ихъ дѣло — не передать только то или другое количество свѣдѣній, но доставить слушателямъ возможность войти въ самую науку въ высшемъ ея смыслѣ, сознать жизнь науки, вдуматься въ ея самостоятельные элементы, сдѣлаться живымъ и самостоятельнымъ участникомъ въ самомъ движеніи идеи; оттого преподаватель университета имѣетъ совсѣмъ другое призываніе, чѣмъ преподаватель какой-либо спеціальной школы: послѣдній обязанъ дать своимъ слушателямъ то, что добыто наукою, что извѣстно; первый же, университетскій преподаватель, кромѣ этого, дѣлаетъ въ самыхъ лекціяхъ своихъ научныя открытія и кладетъ слушателямъ основанія для возможности движенія науки, уясненія истины, такъ какъ наука не представляетъ чего-либо готоваго, законченнаго, но, напротивъ, является живымъ организмомъ, движущимся, измѣняющимся, и по-

*) Ср. J. W. I. *Schelling*, Vorlesungen über die Methode des academischen Studiums. Stuttgart u. Tübingen, 1830. S. 5 и сл.

родненіе человѣка съ этою жизнію науки есть дѣло истиннаго научнаго преподаванія. А такое преподаваніе возможно только тогда, если оно подвергается самому тщательному анализу и разбору. Какъ же можетъ возбудиться такой анализъ? Онъ возбуждается посредствомъ сравненія какъ преподаванія, такъ и результатовъ его по отношенію къ различнымъ вѣтвямъ человѣческой науки: какъ ни различны, какъ ни спеціальны эти вѣтви, онѣ приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ и послѣдствіямъ; ихъ выводы и послѣдствія—виды одной и той же философской истины. Оттого только тамъ и можетъ быть надлежащимъ образомъ сознана и преподана отдѣльная вѣтвь наукъ, гдѣ преподаются и остальныя вѣтви наукъ. Какъ ни различны вѣтви наукъ юридическихъ, математическихъ или филологическихъ, но философски образованные филологи всегда могутъ понять тѣ философскіе мотивы, которые представляются юристами или математиками относительно преподаванія юридическихъ или математическихъ наукъ и многочисленнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ преподаваніемъ. Оттого, еслибы преподавателей этихъ различныхъ вѣтвей науки раздѣлить и предоставить имъ дѣйствовать совершенно отдѣльно, не въ связи другъ съ другомъ, то каждый изъ нихъ можетъ попасть на ложную дорогу: ихъ вѣрный, живой путь прямо зависитъ отъ ихъ взаимной связи, какъ отдѣльныхъ частей одного органическаго цѣлаго, взаимно питающихъ и пополняющихъ другъ друга. Эта-то идея науки, вызывающая такую связь и взаимную дѣятельность преподавателей различныхъ вѣтвей науки, вызвала въ университетахъ устройство спеціальныхъ факультетовъ, но не отдѣльно дѣйствующихъ, а, напротивъ, растущихъ на одномъ, общемъ для всѣхъ ихъ, корню, составляющихъ нераздѣльное цѣлое — университетъ.

Сколько необходима эта связь для преподавателей и для внутренняго устроенія преподаванія, столько же она необходима и для слушателей, избирающихъ себѣ какую-либо отдѣльную вѣтвь наукъ. Избирая какую-либо спеціальность, каждый представляетъ въ своемъ ученіи свою индивидуальную особенность, создаетъ свои собственные способы занятій; опредѣленная группировка наукъ, которую выслушиваетъ съ надлежащими результатами одинъ, будетъ неудобна для другаго; подготовительное образованіе, складъ ума и всей духовной природы, представляющіе безконечное разнообразіе, требуютъ для раз-

личныхъ лицъ выслушанія различныхъ наукъ, прямо и не относящихся къ избранному ими специальному отдѣлу наукъ, но безъ которыхъ онѣ не въ состояніи понять наукъ своей специальной вѣтви. Граница, образовавшаяся отъ группировки наукъ между факультетами, никакъ не должна быть непроходимою для учащагося; напротивъ, каждому изъ нихъ, не только во время слушанія лекцій, но и въ теченіе жизни приходится иногда переступать эту границу и изучать нѣкоторые отдѣльные вопросы изъ совершенно чуждой, съ перваго взгляда, для избранной имъ вѣтви наукъ и посредствомъ такого изученія пріобрѣтать самостоятельность и въ избранной имъ специальности. Необходимая этого причина очевидна: науки, какъ ни различны, ни специальны, составляютъ части одного органическаго цѣлаго. Сколько разъ юристу, для объясненія себѣ специально-юридическаго вопроса, необходимо изучать законы филологіи или исторіи, или историку, философу — законы механики или математики и т. п. Потому, если слушателю, избравшему себѣ специальный отдѣлъ, не дать возможности посѣщать тогда, когда онъ сознаетъ это необходимымъ, лекціи другихъ специальныхъ отдѣловъ, то значитъ помѣшать его развитію, помѣшать его ученію. Весьма понятно негодованіе, которое высказалъ въ 1832 г. Cousin именно по отношенію къ разъединенію факультетовъ во Франціи; онъ справедливо замѣчаетъ, что Французскіе факультеты потонули въ этомъ разъединеніи и разрушили во Франціи самостоятельность науки: въ одномъ мѣстѣ—факультетъ естественныхъ наукъ и нѣтъ преподаванія медицинскихъ наукъ, въ другомъ—факультеты юридическій и богословскій, безъ преподаванія исторіи, литературы и философіи. Наука, созрѣвшая въ Германіи въ XIX ст., доказала, что она можетъ получать свое развитіе только въ университетахъ. И когда съ 20-хъ годовъ въ Германіи стали рождаться проекты о замѣнѣ университетовъ специальными школами, то эти воззрѣнія и проекты скоро нашли себѣ надлежащую оцѣнку: они признаны нелѣпостями, доказавшими невѣжество ихъ источника. *)

Въ самомъ дѣлѣ, специальная школа совершенно не то, что факультетъ университета. Ея положеніе, основанія и цѣли совершенно противоположны положенію, основаніямъ и цѣлямъ

*) *Scheidler*, Ueber die Idee der Universität und ihre Stellung zur Staatsgewalt. Jena, 1838, S. 267.

факультета университета. Спеціальная школа открывается правительствомъ или частными лицами съ тою цѣлію, чтобы преподать въ ней совокупность свѣдѣній опредѣленной отрасли наукъ на такихъ началахъ и основаніяхъ, чтобы слушатели могли, по окончаніи курса, примѣнить пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія въ этой спеціальной жизненной дѣятельности, къ которой они приготовлялись въ школѣ. Потому самое устроеніе школы, равно какъ и способъ преподаванія, основываются на такомъ главномъ практическомъ принципѣ школы. Преподаваніе здѣсь должно имѣть цѣлію отчетливо представить голые результаты науки и, будучи отдѣлено отъ преподаванія наукъ другихъ спеціальныхъ отдѣловъ, оно не можетъ доставить слушателямъ самостоятельнаго усвоенія основныхъ истинъ науки; это — уже болѣзненная принадлежность каждой, отдѣльно дѣйствующей, спеціальной школы: въ ней наука получаетъ значеніе хлѣбной науки (Brodstudium). Оттого и результаты такого преподаванія, т. е. успѣхи слушателей носятъ на себѣ всегда отпечатокъ хлѣбной школы. Ихъ свѣдѣнія основываются не на самостоятельномъ, не на живомъ анализѣ существенныхъ основаній науки, но главнымъ образомъ на памяти; оттого они не имѣютъ задатковъ, чтобы самостоятельно итти впередъ, что̀ составляетъ признакъ дѣйствительно ученаго, но требуютъ постоянныхъ руководителей.

Совершенно инымъ являются существо университетскаго факультета и его послѣдствія: университеты не имѣютъ въ виду прямо чего-либо реальнаго, хлѣбно-практическаго; они не должны доставлять слушателямъ простую совокупность научныхъ свѣдѣній; ихъ цѣль — полнѣйшее развитіе и возвышеніе силы научности, воспринимания науки, потому они заботятся о широкомъ развитіи научнаго духа и насажденіи его въ слушателяхъ; они стремятся не научить чему-нибудь опредѣленному, но научить учиться, дать искусство усвоить науку; университетъ не только приготовляетъ спеціалистовъ, какъ врачей, юристовъ, филологовъ, математиковъ, но онъ приготовляетъ изъ всѣхъ ихъ одно общее — ученыхъ. Какъ весьма вѣрно замѣтилъ *Савиньи*, «университеты — единственныя установленія, допускающія, по своей организаціи, возможность каждому талантливому преподавателю самостоятельно развиться, а слушателю развернуть свои способности; это — единственныя установленія, въ которыхъ натуры даровитыя легко сознаютъ

свое высокое призваніе, а натуры и ограниченныя могутъ получить возвышенный взглядъ на свою жизненную дѣятельность» *). Такое же убѣжденіе высказалъ и Фихте, замѣтивъ, что университетъ—важнѣйшее и священнѣйшее установленіе, которымъ владѣетъ человѣчество. («Wichtigste Anstalt und das heiligste ist, was das Menschengeschlecht besitzt») **).

Нисколько не сомнѣваясь такимъ образомъ, что наука можетъ получить свое развитіе только въ университетахъ, легко отвѣтить на вопросъ: можно ли замѣнить университеты спеціальными школами? Ихъ можно замѣнить спеціальными школами, если желать разрушить науку, признавая ее опасною для общества и государства.

Но не нужно доказывать аксіому, что правильное развитіе какъ общества, такъ и государства, находится въ прямой зависимости отъ правильнаго и самостоятельнаго господства науки: залогъ каждой общественной и государственной дѣятельности есть дѣйствительное знаніе. Наибольшая язва въ государствѣ и наибольшая опасность для государственной жизни, для государственнаго порядка заключается въ полузнаніи, въ поверхностныхъ свѣдѣніяхъ. Никакое неразумное предпріятіе, гибельное для общественной или государственной безопасности, не будетъ страшно для государства, въ которомъ дѣйствуетъ наука: она одна только въ состояніи разоблачить ложность началъ поднимающейся грозы и разсѣять попытки практическаго ея осуществленія. Оттого-то каждое правительство имѣетъ живое призваніе содѣйствовать всѣми, имѣющимися у него средствами самостоятельному развитію въ своей странѣ науки. ***) Оно имѣетъ къ наукѣ такое же отношеніе, какъ и къ религіи. Для того, чтобы наука двигалась и развивалась самостоятельно, правительство должно предоставить ее самостоятельному теченію; было бы гибельно для правительства дать

*) *Savigny*, Wesen u. Werth der deutschen Universitäten, in *Ranke's* Zeitschrift.

**) Staatslehre, 1-te Aufl. S. 209.

***) Весьма справедливо замѣтилъ Фридрихъ В., «что плохіе политики, заключившись въ свои маленькія идеи, полагали, что гораздо легче управлять невѣжественнымъ народомъ, чѣмъ образованнымъ; напротивъ, опытъ показываетъ, что чѣмъ невѣжественнѣе народъ, тѣмъ онъ одностороннѣе и самоувѣреннѣе, и гораздо труднѣе бороться съ его невѣжествомъ, чѣмъ убѣдить образованный народъ въ чемъ-нибудь необходимомъ.» См. *Scheidler*, Ueber die Idee der Universität (S. 355).

наукѣ направленіе отъ себя, какъ это стремилась сдѣлать въ XIX ст. Франція, уничтожившая университеты и замѣнившая ихъ отдѣльно дѣйствующими факультетами, такъ сказать, спеціальными школами, что и подало поводъ къ составленію подобныхъ же проектовъ въ Германіи въ 20-хъ годахъ. Не возможно ни для кого, кромѣ самой науки, опредѣлить, какое направленіе ея для правительства полезно; чрезвычайно опасно, становясь на начало пользы, указывать дорогу наукѣ: результатомъ этого будетъ сведеніе науки съ вѣрнаго научнаго пути на случайную, произвольную, административную дорогу, на которой наука потеряетъ свои основныя истины и потонетъ въ административныхъ предписаніяхъ, и вмѣсто пользы, которой отъ нея будутъ ожидать общество и правительство, принесетъ имъ положительный вредъ. Весьма справедливо замѣчаетъ *Штюве*, что Наполеоновская система относительно университетовъ, полагавшая централизаціею учебной части и бюрократіею, подавленіемъ корпоративнаго элемента университета подавить революціонныя стремленія, въ дѣйствительности расширила эти революціонныя стремленія до безконечности тѣмъ, что разрушила самостоятельное, дѣйствительное господство науки. *) И это паденіе науки во всѣхъ ея отрасляхъ во Франціи, замѣченное и разобранное въ Германіи, начинаютъ сознавать теперь и въ самой Франціи, наилучшіе мыслители которой, дѣйствующіе еще съ успѣхомъ на поприщѣ науки, получаютъ свое образованіе въ Германіи. Самая важнѣйшая государственная ошибка изъ всѣхъ ошибокъ, слѣдовавшихъ за первою Французскою революціею, является именно въ этой замѣнѣ университетовъ спеціальными школами, потому что результатомъ этой ошибки является разрушеніе самостоятельной науки во Франціи, а вмѣстѣ съ этимъ все влагаются во французскую жизнь сѣмяна къ дальнѣйшимъ революціямъ, изъ коихъ нѣкоторыя уже наступили, а другія еще явятся, какъ неумолимые удары, наполняющіе отсутствіе живой и истинной науки. Справедливо замѣчаетъ лордъ Бругамъ, что стоитъ только въ дѣлѣ знанія немного пойти назадъ, какъ это шествіе къ регресу начнетъ увеличиваться въ поразительной прогрессіи, и наконецъ бы-

*) *Stüve*, Ueber den gegenwärtigen Zustand von Hannover, S. 12.

стро приведетъ отъ состоянія цивилизаціи къ положенію варварства. *)

Оттого мы смѣло утверждаемъ, что всякій, кому дорого благополучіе Россіи, кто желаетъ сохраненія государственнаго порядка, кто хочетъ своею жизнію и дѣломъ содѣйствовать верховной государственной власти, тотъ согласится, что главнѣйшее благо Россіи заключается въ точнѣйшемъ и самостоятельномъ развитіи науки, а слѣдовательно, въ развитіи и полнѣйшемъ усовершеніи Русскихъ университетовъ, а не въ замѣнѣ ихъ спеціальными школами: замѣнить въ Россіи университеты спеціальными школами,—значитъ убить науку, а убіеніе въ Россіи науки тожественно съ разрушеніемъ ея государственной жизни, съ воцареніемъ произвола страстей и анархіи.

Также смотрѣло постоянно и Русское правительство на необходимость развитія науки и устроенія университетовъ, начиная съ самой $^1/_2$ XVIII ст., когда Императрица Елисавета Петровна, утвердивъ проектъ Шувалова объ открытіи въ Москвѣ университета, и въ указѣ объ учрежденіи Московскаго университета 24-го января 1755 г., назвавъ Шувалова «изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла, усердствовавшимъ Ей и Отечеству», мотивировала необходимость учрежденія университета слѣдующими замѣчательными словами: «всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того, зло искореняется; слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей Имперіи всякое полезное знаніе» **).

На этомъ же основаніи Императрица Екатерина II выразила свое намѣреніе открыть университеты въ Екатеринославлѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ ***). Ея великія намѣренія, какъ извѣстно, отчасти осуществились въ царствованіе Императора Александра I, который свое воззрѣніе на университеты выразилъ, какъ въ §§ 1 и 24 составленнаго при немъ устава университетовъ Харьковскаго, Казанскаго и Московскаго: «Университетъ есть высшее ученое сословіе, для препо-

*) Лордъ Бругамъ говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи «о машинахъ» (Lub. 1833, S. 147), по поводу того, что въ Египтѣ, для вырытія канала, вмѣсто машины, употребляютъ до 50 тыс. людей.

**) 1-е П. С. № 10,346.

***) См. указъ ея 4-го сент. 1784 г. (№ 16,057) и 29-го января 1786 г. (№ 16,315).

дававія наукъ учрежденное (§ 1)», «ученое сословіе университета заключаетъ въ себѣ опредѣленное число отдѣленій или факультетовъ» *), такъ самымъ полнымъ образомъ и въ утвердительныхъ грамотахъ, дарованныхъ Имъ университетамъ; въ грамотѣ Московскому университету 5-го ноября 1804 г. изображено: «Императорскій Московскій университетъ пребудетъ сословіемъ ученыхъ мужей, которое подъ непосредственнымъ Нашимъ покровительствомъ управляемо будетъ на основаніи устава, въ сей день Нами утверждаемаго. Мы, желая поставить на незыблемомъ основаніи сіе благотворное учрежденіе и дать ему новые способы ознаменовать дѣятельность его, даруемъ Московскому университету новое и пространнѣйшее образованіе, подтверждая за Насъ и Преемниковъ Нашихъ существованіе сего университета». То же воззрѣніе встрѣчаемъ мы и въ общемъ уставѣ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 26-го іюля 1835 г., въ ст. I, глав. I котораго сказано: «университетъ составляется *изъ опредѣленнаго числа факультетовъ*, изъ совѣта и правленія» **).

Такъ постоянно выражавшееся убѣжденіе Русскаго правительства о необходимости для государства полнѣйшаго развитія науки и усовершенія университетовъ сдѣлало университеты въ Россіи самымъ существеннымъ элементомъ государственной жизни. Этимъ и можно объяснить, почему коммиссія, постановившая въ 1 § проекта новаго Устава, что факультеты составляютъ нераздѣльныя части университета, не считала необходимымъ, особыми мотивами, объяснить этотъ §. Этимъ же объясняется, почему и въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными лицами на проектъ новаго Устава, не встрѣчается прямыхъ возраженій противъ перваго его §; именно никто и не допускаетъ мысли о возможности замѣнить университеты спеціальными школами; нѣкоторыми только предлагается сдѣлать измѣненіе въ редакціи этого §, именно:

Совѣтъ Императорскаго университета св. Владиміра предлагаетъ, для устраненія неясности редакціи, изложить этотъ § слѣдующимъ образомъ: «Университетъ есть высшее учебное учрежденіе, состоящее изъ опредѣленнаго числа фа-

*) 1-е П. С. № 21,498.
**) 2-е П. С. № 8,337.

культетовъ, какъ частей одного органическаго цѣлаго» (Т. I Замѣч., стр. 23). Эта редакція, предлагаемая университетомъ св. Владиміра, по нашему мнѣнію, нисколько не перемѣняетъ смысла редакціи проекта. То же надобно сказать и о редакціи, предлагаемой помощникомъ директора Виленской обсерваторіи Гусевымъ, полагающимъ изложить 1-й § такимъ образомъ: «Университетъ есть высшее учебное учрежденіе, въ которомъ преподаются всѣ основныя науки въ полномъ объемѣ и современномъ состояніи» (Т. I Замѣч. стр. 452).

Преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій, находитъ, что въ этомъ опредѣленіи 1-го § не высказана цѣль университета, и по его мнѣнію необходимо, кромѣ учебной цѣли, указать и цѣль воспитательную, дабы университетъ могъ приготовить не ученыхъ только людей, но и добрыхъ и полезныхъ слугъ обществу на разныхъ поприщахъ служенія общественнагѡ (Т. II Замѣч. стр. 435). Мы не можемъ согласиться съ необходимостію такого добавленія, потому-что университетъ— вовсе не воспитательное заведеніе, но, будучи высшимъ учебнымъ установленіемъ, дѣлая науку достояніемъ своихъ слушателей, тѣмъ самымъ даетъ имъ полную возможность сдѣлаться добрыми и полезными слугами общества. Въ этомъ отношеніи весьма справедливы замѣчанія профессора Костомарова, что университеты—вовсе заведенія не учебно-воспитательныя, а образовательно-ученыя (Т. II Замѣч. стр. 155 и сл.), что̀ вполнѣ выражено въ редакціи проекта, назвавшей университеты заведеніями высшими учебными.

Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, профессоръ Московскаго университета г. Лешковъ и г. Стасюлевичъ предлагаютъ, вмѣсто высшаго учебнаго учрежденія, поставить *высшее ученое сословіе*. Именно совѣтъ Харьковскаго университета, предлагая выразить 1-й § такими словами: *Университетъ есть высшее ученое сословіе, учрежденное для преподаванія наукъ и состоящее изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, какъ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго*, мотивируетъ это тѣмъ, что такъ выражено было опредѣленіе университета въ Уставѣ 1804 г. и совѣтъ не видитъ никакой надобности отступать отъ первоначальной мысли законодателя, которому принадлежитъ честь основанія почти всѣхъ Русскихъ университетовъ». (Т. I Замѣч. стр. 281). Противъ этого возражаетъ г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа Левшинъ, замѣчая, что слово *со-*

словіе непримѣнимо къ университету, какъ учебному заведенію, въ понятіи котораго заключаются нетолько учащіе, но и учащіеся (Т. I Замѣч. стр. 372). Профессоръ Лешковъ находитъ удобнѣе назвать университетъ высшимъ ученымъ сословіемъ, равнымъ образомъ на томъ же основаніи, что такъ названы университеты въ Уставѣ 1804 г., присоединяя къ этому: «что названіемъ высшаго учебнаго учрежденія университетъ отнесенъ къ разряду училищъ, и дѣятельность профессоровъ направлена къ ученію, обученію, наученію, съ ихъ способами, спрашиваніями, репетиціями, экзаменами и проч., а не къ самостоятельнымъ ученымъ трудамъ» (Замѣч. т. II, стр. 394). *Г. Стасюлевичъ* предлагаетъ редакцію въ такой формѣ: «Университетъ есть ученое сословіе, принимающее на себя извѣстныя обязанности по общественному образованію и пользующееся за то извѣстными правами» (Т. II Замѣч., стр. 110).

Намъ кажется, что редакція Устава 1804 года и редакціи, предлагаемыя совѣтомъ Харьковскаго университета и гг. Лешковымъ и Стасюлевичемъ, представляютъ чрезвычайную неточность, и что редакція проекта гораздо удачнѣе. Назвать университетъ ученымъ сословіемъ, значитъ назвать не весь университетъ, а только половину его, именно преподавателей; напротивъ, опредѣленіе университета, какъ *высшаго учебнаго установленія*, заключаетъ въ себѣ надлежащую полноту и ясность: подъ нимъ разумѣются и преподаватели, составляющіе ученое сословіе университета, и слушатели университета, къ ученому сословію непринадлежащіе. Не трудно видѣть, что опасеніе г. Лешкова, будто названіе университета высшимъ учебнымъ учрежденіемъ направитъ дѣятельность профессоровъ къ ученію, обученію, наученію, съ ихъ способами, спрашиваніями, репетиціями, экзаменами и проч., а не къ самостоятельнымъ ученымъ трудамъ, не опирается на достаточныя основанія.

Совѣтъ Императорскаго Московскаго университета, большинствомъ 17-ти голосовъ, полагаетъ измѣнить редакцію этого § слѣдующимъ образомъ: «Университетъ есть высшее ученое и учебное учрежденіе....» на томъ основаніи, что дѣятельность университета состоитъ не въ одномъ преподаваніи, но и въ развитіи науки, что университетъ возводитъ въ ученыя степени, что въ числѣ его обязанностей находится содѣйствіе къ изданію ученыхъ сочиненій, что при университетѣ состоятъ ученыя общества.» Меньшинство же, 15 членовъ, полагая, что

ученыя учрежденія не могутъ раздѣляться по степенямъ, находитъ болѣе умѣстнымъ выраженіе высшее ученое и учебное учрежденіе замѣнить выраженіемъ: *ученое и высшее учебное учрежденіе* (Замѣч. т. I стр. 243). Г. Горяинъ замѣчаетъ, что это желаніе Московскаго университета совершенно невинно и вреда никому принести не можетъ, хотя опредѣленіемъ, что университетъ есть высшее учебное учрежденіе, остаются вполнѣ довольны и университеты Германскіе (Замѣч. т. II, стр. 322).

Мы также думаемъ, что хотя дѣятельность университета состоитъ не въ одномъ преподаваніи, но и въ развитіи науки, въ содѣйствіи къ изданію ученыхъ сочиненій, но это все обязанности высшаго учебнаго установленія; что же касается того, что при университетѣ состоятъ ученыя общества, то такія общества могутъ всегда быть учреждаемы при высшемъ учебномъ установленіи, и нѣтъ никакого основанія называть, вслѣдствіе того, такое учебное заведеніе ученымъ.

Потому мы полагаемъ, что 1-й § проекта долженъ быть помѣщенъ въ новомъ Уставѣ университетовъ только съ незначительнымъ измѣненіемъ его редакціи, именно: вмѣсто слова *учрежденіе* нужно поставить *установленіе*, такъ какъ подъ учрежденіемъ разумѣется совокупность законовъ о составѣ, предметахъ вѣдомства и власти какого-либо установленія; учрежденіе то же, что законъ. Такимъ-образомъ, 1-й § въ новомъ Уставѣ университетовъ можно изложить въ слѣдующихъ словахъ:

«Университетъ есть высшее учебное установленіе, состоящее изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, какъ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго.»

Къ № 2.

Сводъ мнѣній: 1. О совѣтѣ. 2. О власти попечителя и его помощника въ отношеніи университета. 3. О факультетскихъ собраніяхъ.

Бывщаго проф. Казанскаго университета **Ведрова**.

По уставу 1804 года, каждый университетъ жилъ своею независимою жизнію, сообразною съ положеніемъ того края, въ которомъ онъ былъ основанъ, и отличался дѣятельностію, полезною для той мѣстности. Такое положеніе университетовъ продолжалось около 30 лѣтъ, до изданія Устава 1835 года, когда признано было необходимымъ дать университетамъ однообразное устройство и ограничить дѣятельность ихъ властію попечителя. Лишивъ университеты самостоятельности, попечительская власть способствовала измѣненію ученой дѣятельности университетовъ на чисто-служебную и не могла удержать той нравственной связи, которая является только при прямыхъ сношеніяхъ учебныхъ дѣятелей со своими слушателями. При предстоящемъ измѣненіи Устава 1835 г., необходимо поэтому возвратить университетамъ прежнюю ихъ самостоятельность и для самостоятельности и поддержанія ихъ правильной дѣятельности подчинить только контролю попечителя. Съ этой точки зрѣнія обработана настоящая статья о совѣтѣ, власти попечителя и его помощника и факультетскихъ собраніяхъ.

1. О СОВѢТѢ.

Задача коммиссіи, составлявшей проектъ устава, «развить такія начала, которыя усилили бы самодѣятельность ученаго университетскаго сословія и вліяніе его на студентовъ»—вызвала отъ всѣхъ критиковъ проекта лестные отзывы.

Отъ удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи, по рѣшительному мнѣнію всѣхъ университетовъ, зависитъ будущее спокойствіе и самостоятельное, вѣрное развитіе нашего высшаго образованія. Предпославъ такую мысль въ основаніе проекта, коммиссія должна бы была оставаться ей вѣрною и провести ее во всѣхъ дальнѣйшихъ подробностяхъ и разъясненіяхъ проекта. Между тѣмъ она упустила изъ вида признанное ею же самою основаніе для построенія проекта и повторила прежніе недостатки Устава 1835 года.

Всѣ возраженія, исходя отъ одной основной мысли, указываютъ на недостатокъ послѣдовательности въ проектѣ и требуютъ кореннаго измѣненія его. Желая прослѣдить по проекту права и обязанности университетскаго совѣта, мы соединимъ здѣсь все, что̀ высказано противъ составителей проекта и въ ихъ защиту, и составимъ изъ этого свода новые пункты на предположенномъ коммиссіею основаніи.

Н. И. Пироговъ находитъ во власти попечителя и въ его вмѣшательствѣ препятствіе развитію автономіи и ослабленіе значенія, которымъ, для процвѣтанія науки и для блага просвѣщенія, университетъ долженъ непремѣнно пользоваться въ цѣломъ краѣ (Ч. I Зам. стр. 1). Усиленіе автономіи совѣта необходимо, чтобы поднять его значеніе въ глазахъ учащихся и цѣлаго образованнаго общества. Отъ ослабленія власти и правъ совѣта, отъ его малой самостоятельности происходятъ у насъ и безпорядки между студентами, потерявшими довѣріе и уваженіе къ совѣту. «Безъ этой автономіи невозможно и процвѣтаніе университета, который процвѣтаетъ тамъ, гдѣ сами правительства заботятся усилить его самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его научно-нравственное вліяніе на цѣлое общество» (стр. 10). Далѣе Н. И. Пироговъ тѣмъ болѣе настаиваетъ на увеличеніе автономіи совѣта, что она уже существовала прежде до министерства графа Уварова, но только не принесла плодовъ по причинѣ преждевременности. «Теперь это было бы уже не преждевременно» (стр. 14).

По мнѣнію профессора *Кавелина*, «двухсмысленная редакція проекта подаетъ поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ и въ концѣ концовъ, на практикѣ, университетскимъ совѣтамъ невозможно будетъ воспользоваться далеко автономіею, которая, очевидно, была въ намѣреніи составителей проекта Устава». (стр. 84). Въ числѣ недостатковъ нынѣшней организаціи университе-

товъ выдаются два: во-1-хъ, раздѣленіе частей учебной и хозяйственной, во-2-хъ, обиліе текущихъ дѣлъ и бумагъ въ совѣтѣ. Послѣдствіемъ перваго бываетъ совершенное незнакомство большинства профессоровъ съ матеріальнымъ положеніемъ и средствами университетовъ, вліяніе втораго отражается на неудовлетворительномъ рѣшеніи серьезныхъ вопросовъ. Совѣтъ слѣдовало бы сдѣлать центромъ всѣхъ общихъ мѣръ и распоряженій по университету, не различая предметовъ, къ которымъ они относится. Совѣтъ есть мысль и воля университета. (стр. 87).

Профессоръ *Утинъ* полагаетъ, что несамостоятельная роль университетскаго совѣта составляла и составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ золъ нашего университетскаго устройства. Засѣданія совѣта лишены всякаго дѣйствительнаго интереса: во-1-хъ, потому что онъ не есть собраніе всѣхъ дѣйствительныхъ силъ, служащихъ университету и заинтересованныхъ въ его процвѣтаніи; во-2-хъ, большинство членовъ совѣта находится въ невѣдѣніи о наличныхъ матеріальныхъ способахъ университета; въ-3-хъ, многія, весьма существенныя распоряженія по университетскому управленію рѣшаются правленіемъ (стр. 127).

По мнѣнію профессора *Бекетова*, совѣтъ, какъ ученое собраніе университета, долженъ считаться верховнымъ юридическимъ лицомъ въ университетѣ. Въ его распоряженіи должна находиться и хозяйственная часть. Совѣтъ долженъ составлять и утверждать роспись расходамъ на слѣдующій академическій годъ, соображаясь при этомъ со штатами. Онъ долженъ постоянно слѣдить за расходованіемъ суммъ, имѣя постоянно предъ глазами списокъ текущимъ расходамъ. Одинъ совѣтъ имѣетъ право тратить суммы, не назначенныя въ расходъ по росписи, и всякая трата по хозяйственной части должна быть подвергнута его обсужденію и утвержденію (стр. 146).

Профессоръ *Спасовичъ* находитъ причины студентскихъ волненій въ недостаткахъ университетскаго устройства. «Образовался, говоритъ онъ, сильный приливъ жаждущихъ знанія слушателей всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній въ пустыя до сихъ поръ аудиторіи. Всѣ элементы и силы общества пришли въ живое движеніе, которое не могло не сообщиться молодежи. Молодежь вносила изъ общества въ университетъ тре-

*

бованія суда, порядка законнаго, основаннаго не на произволѣ, личныхъ гарантій, личнаго достоинства. Эти потребности, не находя себѣ удовлетворенія въ существующемъ устройствѣ, вызвали цѣлый рядъ столкновеній между студентами и властью попечительскою или между студентами и общею полиціею. Попечители и министерство народнаго просвѣщенія, поставленные лицомъ къ лицу со студентами, должны были вмѣшиваться въ дрязги и мелочи студентскаго быта и изъ всякаго простаго полицейскаго проступка или изъ уличной исторіи дѣлать вопросъ правительственный, политическій. Въ подобныхъ столкновеніяхъ, между студентами и высшею администраціею, совѣтъ университета игралъ странную роль. Изолированный отъ студентовъ по Уставу 1835 г., совѣтъ не имѣлъ, бо̀льшею частью, ни желанія, ни возможности посредничать съ успѣхомъ между студентами и министерствомъ, онъ былъ лишенъ всякаго юридическаго основанія къ подобному посредничеству» (стр. 178.) Для радикальнаго излеченія такого зла и въ предупрежденіе его возможности въ будущемъ, профессоръ полагаетъ необходимымъ «дать университету самоуправленіе, укрѣпить совѣтъ, возложить на него обязанность непосредственнаго управленія и учащими и учащимися, снабдить этотъ совѣтъ обширною дисциплинарною властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его и отвѣтственнымъ за всѣ могущіе случиться безпорядки, послѣ чего ограничиваться только общимъ надзоромъ и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы университетъ, пользующійся полною внутреннею свободою, самъ, въ свою очередь, не мѣшался ни въ какія движенія общественныя и служилъ мирною пристанью для науки» (стр. 179.) Высказавъ свою мысль въ видѣ предположенія, г. Спасовичъ положительно доказываетъ возможность ея успѣха чрезъ выборъ совѣтомъ: во-1-хъ, проректора, во-2-хъ, судей въ особый учрежденный для разбора студентскихъ дѣлъ судъ. Самостоятельность совѣта предполагаетъ само собою и управленіе хозяйственное, точное знаніе университетскаго бюджета. Самъ совѣтъ не можетъ завѣдывать хозяйственнымъ управленіемъ, но долженъ выбирать изъ своей среды хозяйственный комитетъ и давать ему разрѣшеніе на всѣ важнѣйшія издержки.

Совѣтъ Харьковскаго университета, разбирая по пунктамъ проектъ Устава, въ статьѣ «о попечителяхъ» (стр. 297—300), исторически развиваетъ недостатки вмѣшательства посторон-

ней власти въ самоуправленіе университета и признаетъ въ главѣ университета ректора, совѣтъ—для ученой и особый комитетъ для хозяйственной и распорядительной частей. Незначительное различіе этого мнѣнія отъ другихъ вышеозначенныхъ состоитъ въ тройномъ проявленіи университетскаго самоуправленія: 1) въ ректорѣ, 2) въ совѣтѣ и 3) въ хозяйственномъ комитетѣ.

Профессоръ *Каченовскій*, изложивъ въ двухъ статьяхъ (стр. 322 и 345) необходимость самодѣятельности университетовъ, указалъ на Уставъ 1804 года, допускавшій, по волѣ незабвеннаго Императора Александра I-го, автономію для университетовъ, на вынужденную прививку впослѣдствіи попечительской власти, гнетомъ легшей на развитіе университетовъ, и заключилъ необходимостью существованія университета, способнаго дѣйствовать и развиваться только своими собственными силами и органами.

Г. *Стасюлевичъ*, разбирая проектъ, видитъ въ немъ не уничтоженными слѣды прежнихъ недостатковъ Устава *). Между тѣмъ, «молодой человѣкъ, поставленный съ раннихъ лѣтъ на одну доску съ взрослыми, ничѣмъ не вознаграждается за несправедливость человѣческихъ учрежденій, какъ то можетъ быть со взрослыми, и испытываетъ одну тяжесть и утомительную равномѣрность административной машины; вотъ потому онъ дѣлается нетерпѣливѣе и опереживаетъ своими требованіями самыхъ взрослыхъ. Этотъ духъ университетской молодежи, который несправедливо хотятъ объяснить дурнымъ вліяніемъ общества, пониженіемъ уровня занятій и т. п., есть результатъ того ложнаго положенія, въ которое она поставлена административнымъ устройствомъ университетовъ. Нужно создать на мѣсто администраціи академическую жизнь, болѣе свободную, привольную, которая могла бы перенести въ себя ту игру молодой жизни, которая, при административныхъ формахъ, принимаетъ видъ безпорядочности и демонстраціи.» (Ч 2, стр. 108 и др.).

Прямымъ и жизненнымъ мнѣніемъ своимъ Н. И. Пироговъ возбудилъ замѣчанія многихъ лицъ. *Русскій профессоръ*, скрыв-

*) По его мнѣнію, университетъ, по смыслу проекта и по Уставу 1835 года, представляется «преподающимъ департаментомъ м. н. п.», профессора — чиновниками, попечитель — директоромъ.

шій свое имя, высказалъ въ подкрѣпленіе знаменитаго педагога мысль, что полная автономія науки у насъ крайне-необходима, потому-что страна еще мало образована, широко раскинута, а наука у насъ политически неопасна. Поэтому необходимо, какъ замѣчаетъ и Пироговъ, ограничить или уничтожить вліяніе попечителя. Недостаточно уничтожить его вліяніе на ученыя дѣла университета, надобно уничтожить вліяніе его и на лица, иначе онъ все-таки можетъ парализировать и ученыя дѣла университета (Ч. 2, стр. 142).

Мы привели мнѣнія, рѣзко отдѣляющіяся отъ массы другихъ мнѣній своимъ рѣшительнымъ и яснымъ приговоромъ въ пользу автономіи совѣта. Остальныя мнѣнія профессоровъ С.-Петербургскаго университета (Каземъ-Бека, Васильева, Березина, Чубинова, Пыпина, Навроцкаго, Хвольсона, Голстунскаго, Патканова, Совѣтова, Пузыревскаго, Менделѣева), попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Делянова, совѣта Московскаго и Казанскаго университетовъ, безъ объясненія основаній, признаютъ автономію совѣта и сообразно съ нею дѣлаютъ измѣненія въ проектѣ Устава.

Попечитель *Деляновъ*, признавая пользу автономіи совѣта и ограниченіе власти попечителя высшимъ наблюденіемъ, доказываетъ логичность и необходимость вышеприведенныхъ мнѣній и весьма ясно группируетъ средства расширенія автономіи совѣта: а) усиленіе его новыми членами (доцентами и т. д.), б) выборъ членовъ правленія, г) опредѣленіе отношеній студентовъ къ университету (стр. 222).

Послѣ такого рѣшительнаго преобладанія мнѣнія всѣхъ профессоровъ и двухъ попечителей въ пользу измѣненія проекта, на основаніи полной автономіи совѣта, мы должны упомянуть о мнѣніяхъ попечителя Московскаго университета *Исакова*, ректора Харьковскаго университета *Рославскаго-Петровскаго*, бывшаго попечителя Одесскаго округа *Могилянскаго*, профессора университета св. Владиміра *Бунге* и преимущественно объ особенномъ мнѣніи попечителя Харьковскаго учебнаго округа *Левшина*. Первые четыре защитника проекта, отстаивая власть попечителя и сохраняя только тѣнь автономіи совѣта, не систематически, а, такъ сказать, мимоходомъ, возражаютъ своимъ противникамъ.

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа *Левшинъ*, имѣя предъ собою вполнѣ высказавшееся мнѣніе совѣта Харьковскаго

университета и особенное мнѣніе профессора Каченовскаго, становится въ главѣ защитниковъ проекта и опровергаетъ необходимость автономіи совѣта.

«На правительствѣ, говоритъ онъ, лежитъ священная обязанность наблюденія за направленіемъ университетской дѣятельности; съ попеченіемъ о преуспѣяніи университетовъ долженъ быть соединенъ надзоръ; надзоръ высшей власти не имѣлъ бы никакого практическаго смысла, при совершенномъ отрицаніи всякаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь этихъ учрежденій.» (стр. 362).

Но никто изъ представившихъ мнѣнія въ пользу автономіи совѣта не думалъ отнимать университеты отъ власти правительственной; напротивъ, при автономіи совѣта, какъ мы видѣли, всѣ ручаются правительству за сохраненіе порядка и оставляютъ попечителю часть его вліянія. Совѣтъ Харьковскаго университета не вышелъ изъ нормы, опредѣленной другими членами для автономіи совѣта. Продолжая оспаривать мнѣнія совѣта Харьковскаго университета, г. Левшинъ опровергаетъ историческія доказательства, представленныя профессоромъ Каченовскимъ и принятыя совѣтомъ Харьковскаго университета, выпискою параграфовъ Устава 1804 г. (стр. 365 и др.), которые нисколько не опровергаютъ историческаго основанія. Духъ Устава 1804, какъ это и высказалъ Пироговъ, былъ въ пользу самостоятельности коллегіальнаго устройства, а вліяніе попечителя сколько допускалось тогда, столько допускается и теперь всѣми приверженцами автономіи совѣта. Ссылка на ректора Рославскаго-Петровскаго, который въ смѣшномъ видѣ представилъ засѣданія совѣтовъ Харьковскаго университа, не составляетъ важнаго опроверженія. При сознаніи власти, данной закономъ, университетскій совѣтъ съумѣетъ извлечь пользу изъ своихъ засѣданій.

Г. Левшинъ, прибавивъ къ отзыву ректора возможность увеличенія пристрастія и личныхъ интригъ при коллегіальномъ устройствѣ, оканчиваетъ свои общія замѣчанія мыслію, совершенно-противоположною всему до сихъ поръ другими высказанному о важности автономіи совѣта и основному положенію проекта:

«Находя въ самоуправленіи университета отсутствіе твердаго ручательства за успѣшное и спокойное развитіе просвѣщенія и признавая его несоотвѣтствующимъ устройству прави-

тельственнаго учрежденія, я не могу одобрить новой системы университетскаго управленія, предложенной совѣтомъ, и полагаю, что административное значеніе попечителя, относительно университета, должно быть удержано на прежнемъ основаніи» (стр. 372).

Повторимъ кратко всѣ добытыя нами идеи изъ приведенныхъ мнѣній въ пользу автономіи и новыхъ правъ совѣта и противъ автономіи, къ сохраненію прежнихъ правъ совѣта.

Въ пользу автономіи:

1) Безсиліе совѣта отъ чрезмѣрной власти попечителя.

2) Отъ безсилія совѣта — безпорядки между студентами.

3) Невозможность процвѣтанія университета.

4) Вредъ, происходящій отъ излишняго вліянія попечителя на хозяйственную часть университетовъ.

5) Обремененіе совѣта множествомъ текущихъ дѣлъ и бумагъ.

6) Необходимость для совѣта быть собраніемъ всѣхъ дѣйствительныхъ силъ въ университетѣ.

7) Необходимость отвѣтственности совѣта за безпорядки между студентами.

8) Необходимость академической жизни болѣе свободной.

9) Необходимость ограничить вліяніе попечителя нетолько на ученыя дѣла, но и на лица въ университетѣ.

Противъ автономіи:

1) Автономія совѣта вредитъ дѣйствительному наблюденію правительства за направленіемъ университетовъ.

2) При ней надзоръ попечителя остается безъ практическаго примѣненія.

3) Равнодушіе къ дѣламъ университета въ членахъ совѣта.

4) Пристрастіе и личныя интриги при коллегіальномъ устройствѣ.

5) Въ автономіи университета — отсутствіе ручательства за успѣшное и спокойное развитіе просвѣщенія.

На основаніи представленныхъ положеній въ пользу автономіи совѣта, мы дѣлаемъ слѣдующія измѣненія въ §§ проекта *):

§ 4. Непосредственное управленіе университетомъ принадлежитъ *совѣту*. (Университетъ Св. Владиміра, Каземъ-Бекъ,

*) Напечатанное курсивомъ измѣняетъ или дополняетъ проектъ.

Березинъ, Чубиновъ, Бекетовъ, Хвольсонъ, Голстунскій, Паткановъ, Совѣтовъ, Пузыревскій, Менделѣевъ, Харьковскій университетъ).

, § 7. Въ совѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры, *адъюнкты и доценты, занимающіе самостоятельныя каѳедры.* (Каземъ-Бекъ, Кавелинъ, Березинъ, Чубиновъ, Сомовъ, Утинъ, Бекетовъ, Навроцкій, Хвольсонъ, Голстунскій, Паткановъ, Совѣтовъ, Менделѣевъ, Пузыревскій, Деляновъ, Харьковскій университетъ, Левшинъ, Авиловъ, Демидовскій лицей, Стасюлевичъ.)

§ 27. Обыкновенныя собранія совѣта должны происходить *непремѣнно однажды въ мѣсяцъ*, а чрезвычайныя — по мѣрѣ надобности или по желанію, заявленному не менѣе какъ пятью членами.

§ ... *Ректоръ приглашаетъ членовъ повѣстками по крайней мѣрѣ за три дня, съ обозначеніемъ въ повѣсткахъ, кратко, содержанія назначенныхъ къ слушанію дѣлъ.* (Ребиндеръ, Ивановскій, Бекетовъ, Исаковъ, Харьковскій университетъ, Левшинъ, Могилянскій, NN).

Послѣднее условіе необходимо для предварительнаго ознакомленія съ дѣлами.

§ 29. Неявившійся изъ наличныхъ членовъ въ засѣданіе *имѣетъ право подавать свое мнѣніе въ опредѣленный совѣтомъ срокъ* по дѣламъ, рѣшеннымъ въ этомъ засѣданіи, а не явившійся къ баллотированію можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ о такой передачѣ ректора предъ началомъ баллотированія, *съ тѣмъ, однакожъ, чтобы уполномоченный могъ располагать по довѣренности не болѣе какъ однимъ шаромъ.* (Харьковскій университетъ, Левшинъ, университетъ св. Владиміра, Ивановскій, Голстунскій, Исаковъ, Московскій университетъ, NN).

Измѣненіе въ началѣ § необходимо, потому что вопросы совѣта иногда могутъ быть лучше разъяснены чрезъ письменное мнѣніе отсутствующаго члена; измѣненіе въ концѣ § — для избѣжанія толковъ и злоупотребленія.

§ 30. Совѣтъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится по крайней мѣрѣ двухъ третей наличныхъ членовъ. Во время вакацій совѣтъ можетъ имѣть чрезвычайныя собранія по дѣламъ, нетерпящимъ отсроч-

ки, *если на это послѣдуетъ согласіе большинства наличныхъ членовъ. Баллотировки на должности во время вакацій не могутъ быть производимы.* (Харьковскій университетъ, Пироговъ, Каземъ-Бекъ, Ивановскій, Чубиновъ, Хвольсонъ, Паткановъ, Московскій университетъ, Рославскій-Петровскій, Левшинъ, Казанскій университетъ, Бунге, Гояринъ, NN).

Измѣненіе въ концѣ сдѣлано сообразно съ автономіею и во избѣжаніе злоупотребленій.

§ 31. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ, подача которыхъ можетъ быть и закрытая, *если большинство членовъ признаетъ это нужнымъ.* При равенствѣ членовъ *открытой подачи* перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. (Пироговъ, Бунге, Ивановскій, Каземъ-Бекъ, Голстунскій, университетъ св. Владиміра, Московскій университетъ, Исаковъ, Харьковскій университетъ, Казанскій университетъ, Могилянскій, NN).

Измѣненіе сдѣлано въ пользу открытой подачи голосовъ, что̀ сообразнѣе съ достоинствомъ совѣта. Три университета: св. Владиміра, Московскій и Харьковскій не нашли нужнымъ измѣнять обыкновеннаго большинства на $^2/_3$ голосовъ при оставленіи на службѣ преподавателей, прослужившихъ пенсіонные сроки. Въ этой $^2/_3$ голосовъ профессоръ Вальтеръ по справедливости видитъ уменьшеніе автономіи.

Примѣчаніе. Въ дѣлахъ совѣта, восходящихъ на разсмотрѣніе *начальства*, прилагается мнѣніе меньшинства, т. е. *каждаго члена меньшинства*, если они того пожелаютъ. (Пироговъ, Ребиндеръ, Каземъ-Бекъ, Березинъ, Чубиновъ, Хвольсонъ, Паткановъ, Московскій университетъ, Харьковскій университетъ, Левшинъ, Казанскій университетъ).

§ 32. Баллотированіе употребляется: во-1-хъ, при избраніи *всѣхъ лицъ, которыхъ выборъ предоставленъ совѣту;* 2) при оставленіи преподавателей въ университетѣ по выслугѣ *опредѣленныхъ* сроковъ; 3) *при отправленіи молодыхъ людей за границу для занятія каѳедръ;* 4) при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненій, назначаемыхъ къ печатанію съ одобренія и иждивеніемъ университета; 5) при всѣхъ тѣхъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ *баллотировкою опредѣлено большинствомъ* $^2/_3$ голосовъ. (Каземъ-Бекъ, Березинъ, Голстунскій, Исаковъ, Московскій университетъ, Харьковскій университетъ, Казанскій университетъ, Михельсонъ, Могилянскій, N.N).

Измѣненіе и прибавка сдѣланы сообразно съ автономіею совѣта и въ пользу открытой подачи голосовъ.

§ 33. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ засѣданія *и наблюдаетъ за сохраненіемъ ихъ порядка;* онъ же, *по надлежащемъ обсужденіи дѣла*, собираетъ голоса, начиная съ младшаго изъ членовъ (Харьковскій университетъ, Левшинъ, Деляновъ, N.N).

§ 35. Предметы занятій совѣта суть:

1) Избраніе ректора, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. (Пироговъ, Каземъ-Бекъ, университеты Московскій и Харьковскій, N.N).

6) Изслѣдованіе упущеній *служащихъ въ университетѣ* лицъ въ исправленіи ими должностей и *разсмотрѣніе вопросовъ, возникающихъ между преподавателями и студентами.* (Каземъ-Бекъ, Березинъ, Навроцкій, Хвольсонъ, Голстунскій, Паткановъ, Исаковъ, Московскій университетъ, N.N).

7) Главное распоряженіе учебными и вспомогательными при университетѣ пособіями и заведеніями, а *также изданіями, принадлежащими университету.* (Московскій университетъ, *N. N.*)

9) Разрѣшеніе пріема студентовъ въ университетъ, увольненіе изъ онаго *въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ*, переходъ изъ одного факультета въ другой. (Пироговъ, Московскій и Харьковскій университеты, N.N).

10) Разсужденіе *по предложенію начальства.* (Харьковскій университетъ, Левшинъ, Казанскій университетъ, N.N).

11) *Разсмотрѣніе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ, срочныхъ вѣдомостей о состояніи университетскихъ суммъ и другихъ представленій правленія по хозяйственнымъ вопросамъ.* (Московскій и Харьковскій университеты, Березинъ, Чубиновъ, Хвольсонъ, Паткановъ, Бекетовъ, Голстунскій, Навроцкій, Пыпинъ).

12) *Разрѣшеніе сверхштатныхъ расходовъ не свыше 300 руб. въ годъ на одинъ предметъ.* (Березинъ, Чубиновъ, Хвольсонъ, Паткановъ, Голстунскій, Навроцкій).

13) *Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки по штатнымъ и другимъ опредѣленнымъ расходамъ суммою до пяти тысячъ рубл. сер. На суммы свыше этого требуется утвержденіе министра.* (Березинъ, Чубиновъ, Хвольсонъ, Паткановъ).

14) *Разрѣшеніе чтенія публичныхъ лекцій и учено-литератур-*

ныхъ бесѣдъ въ зданіяхъ университета. (Харьковскій университетъ, Левшинъ).

Примѣчаніе. Деканы избираются факультетами въ присутствіи совѣта; въ случаѣ, если выборъ не состоится, они баллотируются совѣтомъ. (Московскій университетъ).

§ 36. Совѣтъ *обязанъ печатать* протоколы своихъ засѣданій и *сообщать ихъ немедленно начальству.* (Пироговъ, Утинъ, Левшинъ).

§ 37 проекта уничтожается и замѣняется другимъ.—

§ 37. *Совѣтъ имѣетъ право дѣлать представленія министру народнаго просвѣщенія, доводя о томъ до свѣдѣнія попечителя.* (Московскій университетъ).

§ 39. Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія университета. Въ собраніи этомъ читается отчетъ, произносятся рѣчи, *раздаются медали и похвальные отзывы студентамъ и слушателямъ за представленныя расужденія.* (Кавелинъ, Васильевъ, Деляновъ, Левшинъ, NN).

Дополненіе необходмое, если должно назначать такое торжественное собраніе.

2. О ВЛАСТИ ПОПЕЧИТЕЛЯ И ЕГО ПОМОЩНИКА ВЪ ОТНОШЕНІИ УНИВЕРСИТЕТА.

При автономіи университетскаго совѣта, на основаніи главной мысли самаго проекта о самодѣятельности университетовъ, власть попечителя въ отношеніи университета должна получить характеръ правительственнаго надзора и ходатайства за университетъ. Попечитель, теряя дѣйствительное распоряженіе дѣлами университета, дѣлается посредникомъ между высшею властію и университетомъ.

Приведемъ различныя мнѣнія противъ власти попечителя, сравнимъ ихъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ ея защиту, и сдѣлаемъ измѣненія въ §§ проекта университетскаго устава.

Бывшій попечитель *Н. И. Пироговъ* ограничиваетъ власть попечителя контролемъ за правильнымъ исполненіемъ университетскихъ постановленій и законовъ лицами, подвѣдомственными университету. «Онъ отвергаетъ всякое вмѣшательство со стороны попечителя въ дѣла коллегіальныхъ учрежденій университета на томъ основаніи, что попечитель не есть ни представи-

тель науки, ни даже администраторъ университета». (Ч. I Зам., стр. 1 и 10).

Профессоръ *Кавелинъ* считаетъ въ настоящее время несбыточною мечтою совершенное устраненіе попечителя отъ участія въ управленіи университета и ограничиваетъ его дѣятельность троякою ролью: 1) наблюдателя за университетомъ, для чего онъ долженъ имѣть всѣ свѣдѣнія объ немъ; 2) остановителя рѣшеній совѣта, когда они выходятъ изъ предѣловъ закона или противны видамъ правительства, для чего онъ долженъ быть облеченъ властью запретительною, и 3) защитника и ходатая за университетъ предъ высшимъ начальствомъ (стр. 84 и др.) На основаніи этого мнѣнія, онъ считаетъ нужнымъ въ семнадцати §§ проекта (56, 57, 73, 74, 75, 79, 89, 90, 92, 93, 94, 103, 114, 122, 123, 134, 138), въ которыхъ предполагается предварительное опредѣленіе совѣта или правленія, «предоставить право утвержденія ректору, а за попечителемъ оставить право veto съ переносомъ дѣла на разрѣшеніе министра» (стр. 86).

Не находя нужною всю статью проекта о попечителѣ и его помощникѣ (§ 50—60), при самостоятельности совѣта, профессоръ *Утинъ* допускаетъ «званіе канцлера, какъ защитника университета и ходатая предъ высшимъ правительствомъ».

То же мнѣніе о канцлерѣ высказываютъ профессоры *Георгіевскій*, *Орбинскій*, *Шперлингъ* и *Стасюлевичъ*. До исполненія же этой мысли профессоръ Утинъ желаетъ, чтобы «должности попечителей замѣщались лицами, получившими свое образованіе въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, или по крайней мѣрѣ высшихъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства» (стр. 134).

Профессоры *Березинъ* и *Бекетовъ* полагаютъ безполезнымъ, при самостоятельности совѣта, включать въ проектъ университетовъ главу «о попечителѣ и его помощникѣ».

Сенаторъ *Ребиндеръ*, попечитель *Деляновъ* и г. *Михельсонъ* считаютъ излишнимъ помѣщеніе подробностей о власти попечителя въ университетскомъ уставѣ по причинѣ бо̀льшаго значенія власти попечителя въ округѣ, чѣмъ въ университетѣ.

Другіе рецензенты проекта, профессоры *Чубиновъ*, *Хвольсонъ*, *Голстунскій*, *Спасовичъ*, *Паткановъ*, *Совѣтовъ*, *Пузыревскій* и *Менделѣевъ*, профессоры университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго переносятъ изложенныя въ проектѣ

(§§ 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58) обязанности попечителя на коллегіальное управленіе университетовъ, оставляя за попечителемъ только право посредничества.

Совѣтъ Харьковскаго университета руководствовался въ своихъ сужденіахъ о власти попечителя: во-1-хъ, историческимъ взглядомъ, во-2-хъ, общими законами Имперіи. Исторія университетовъ даетъ доказательства злоупотребленій попечительской власти, произведшей безсиліе университетовъ въ ихъ ученой и административной дѣятельности. «Никакое учебное заведеніе не можетъ идти впередъ отъ однихъ, такъ сказать, внѣшнихъ толчковъ; нужно, чтобы оно имѣло внутренніе крѣпкіе и самодѣятельные органы, чтобы его составъ былъ огражденъ отъ посторонняго вліянія, обновлялся по закону, чтобы перемѣны въ немъ происходили правильно и спокойно» (стр. 298). «Власть попечительская не должна имѣть характеръ чрезвычайной власти: она не можетъ устраивать, разрушать, измѣнять по произволу, но должна дѣйствовать спокойно, такъ сказать, охранительно защищать законъ, и потому должна быть проникнута началами законности въ высшей степени» (стр. 239). «Уставъ 1804 г., сколько мы можемъ судить, еще не далъ имъ начальническихъ правъ; въ концѣ царствованія Александра I попечители получили дискреціонную власть, Уставъ 1835 г. далъ имъ всѣ отрасли власти: управленіе, хозяйство, полицію, судъ». «Изъ попечителей, которые управляли Харьковскимъ учебнымъ округомъ, многіе, говоря по справедливости, не скрывали своего презрѣнія къ профессорскому званію, тѣснили и раздражали студентовъ, распоряжались университетомъ произвольно, смотрѣли на науку и ученыя заслуги свысока, надменно и гордо» (стр. 299). «Общественныя злоупотребленія имѣютъ свойство при первомъ удобномъ случаѣ неожиданно возникать. Прошло то, что запрещено закономъ, напр., крѣпостное состояніе. Итакъ нужно стараться оградить себя и свое достоинство противъ посягательствъ путемъ закона. Попечитель округа, сохраняя свое названіе и значеніе по училищному вѣдомству, не долженъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла университета» (стр. 300).

Профессоръ *Каченовскій* еще болѣе развилъ историческую ткань бывшихъ злоупотребленій попечительской власти и ослабленія коллегіальнаго университетскаго порядка. По его мнѣнію, внутреннее устройство университетовъ въ Россіи прежде

было благопріятно естественной ихъ самодѣятельности, въ немъ преобладалъ выборный и коллегіальный порядокъ, вездѣ признанный и необходимый для успѣховъ просвѣщенія; впослѣдствіи введены были начала бюрократическія, совершенно несвойственныя духу и противорѣчащія цѣли этихъ учрежденій. Можно привести безчисленные факты въ доказательство того, что законное, отрицательное вмѣшательство попечительской власти останавливало злоупотребленія въ университетахъ и напротивъ, что ея положительное, административное вліяніе было источникомъ произвола и злоупотребленій.

«Главные органы и представители университетовъ: ректоръ, совѣтъ, правленіе, факультеты должны дѣйствовать свободно въ своей сферѣ: иначе имъ трудно отвѣчать за свои дѣйствія. Если же попечитель долженъ быть истиннымъ начальникомъ и руководителемъ университета, то онъ имѣетъ полную возможность управлять имъ изъ своей канцеляріи. Въ Харьковѣ, напримѣръ, такъ и было на самомъ дѣлѣ съ 1847 до 1855 года: отъ правителя попечительской канцеляріи зависѣли всѣ распоряженія по университету; безъ согласія этого вліятельнаго лица ничто не происходило, никто не получалъ профессорской должности. Въ Кіевѣ, гдѣ также управлялъ округомъ генералъ-губернаторъ, въ его канцеляріи сосредоточивалась власть и силы по ученой и учебной части» (стр. 358). «Университетъ можетъ дѣйствовать и развиваться только собственными силами и органами; если онъ находится подъ опекою, онъ не достигаетъ цѣли своего существованія (стр. 359). Вопросъ о самодѣятельности есть основной вопросъ, отъ котораго зависитъ будущность Русскихъ университетовъ. Онъ не труденъ и не сложенъ. На первый разъ достаточно пересмотрѣть тѣ §§ общаго Устава, которые относятся къ попечительской власти, и перемѣнить нѣкоторые изъ нихъ въ либеральномъ духѣ. При бюрократическомъ устройствѣ воспитались, развились тупость, взяточничество и бездарность въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; напротивъ, подъ вліяніемъ коллегіи при Александрѣ I въ Россіи были насаждены науки и гражданственность. Коллегіальное устройство есть медленное, но вѣрное лекарство противъ разныхъ человѣческихъ болѣзней» (стр. 560).

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Левшинъ, сообразно съ своимъ мнѣніемъ о необходимости наблюденія за направленіемъ университетской дѣятельности, находитъ даже

парализирующее начало попечительской власти въ § 58 проекта, по которому предложенія попечителя, встрѣтившія затрудненіе въ совѣтѣ или правленіи, должны быть препровождаемы на усмотрѣніе министра. Онъ отнимаетъ это право протеста отъ университета изъ-за мотивовъ, по соображеніямъ высшаго начальства, не предназначенныхъ для гласности. Точно также ограниченіе попечительской власти онъ находитъ въ смыслѣ § 56, предоставляющаго попечителю разрѣшеніе расходовъ не свыше 600 руб. по представленіямъ совѣта и правленія. Г. Левшинъ, изъ-за возможности злоупотребленій ученаго сословія, не допускаетъ и другихъ льготъ, допускаемымъ проектомъ Устава: утвержденія въ ученыхъ степеняхъ и раздѣленія факультетовъ на отдѣленія безъ разрѣшенія министерства. Не соглашаясь съ коммиссіею, составлявшею проектъ Устава въ уступкѣ правъ власти попечителя, г. Левшинъ тѣмъ сильнѣе оспариваетъ начала автономіи, принятыя совѣтомъ Харьковскаго университета, и утверждаетъ, что «за попечителемъ не оставлено ни права начальства надъ университетомъ, ни обязанностей кантроля его дѣйствій, надзора и попеченія. Словомъ, попечитель округа объявленъ лицомъ чуждымъ университету. Но мы видѣли, что совѣтъ Харьковскаго универтитета отвергаетъ только чрезвычайную власть попечителя и при удержаніи автономіи университетскаго совѣта желаетъ удержать согласительныя предложенія попечителя и посредничество, что положительно выразилъ онъ въ измѣненномъ § 51. Основанія, приводимыя совѣтомъ въ оправданіе принятыхъ имъ началъ, опровергаются г. Левшинымъ: 1) *внѣшнее*, что будто эти начала не чужды нашему законадательству — выпискою статей устава 1804 г., въ которыхъ обозначено, какъ совѣтъ относится къ попечителю донесеніями и представленіями и что̀ представляется ему на утвержденіе; 2) *внутреннее*, что отъ чрезвычайной власти попечительской происходятъ злоупотребленія — отрицаніемъ ихъ въ послѣднее десятилѣтіе и характеристикою несостоятельности коллегіальнаго самоуправленія университета.

Совѣтъ Казанскаго университета, при изложеніи своего мнѣнія по этому вопросу, руководился вообще убѣжденіями, высказанными ученымъ комитетомъ въ 4-мъ отдѣлѣ объяснительной записки къ проекту Устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Справедливость этихъ убѣжденій совѣтъ вполнѣ признаетъ и согласно съ тѣмъ полагаетъ, что

попечитель, какъ лицо, наблюдающее за дѣйствіями университета, несравненно полезнѣе для него, нежели какъ прямой участникъ въ его дѣйствіяхъ. Прямое участіе можетъ мѣшать безпристрастію, необходимому для успѣшнаго и полезнаго наблюденія; различіе, возможное между взглядами совѣта и попечителя на одно и то же дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляемая попечителю власть измѣнять ходъ такихъ дѣлъ, по его собственному усмотрѣнію, можетъ лишь вносить разладъ въ жизнь университета, уничтожать опредѣленность университетскаго направленія и разрывать солидарность между членами университета или между ними и слушателями» (стр. 393).

Должность помощника попечителя, показанная въ §§ 59 и 60 проекта университ. Устава, считается совершенно лишнею не только въ отношеніи университета, гдѣ, при маломъ значеніи власти попечителя, она можетъ быть въ чрезвычайныхъ случаяхъ довольно легко исполнена ректоромъ, но и въ отношеніи округа, гдѣ попечитель временно можетъ поручить власть свою попечительскому совѣту, въ которомъ присутствуютъ директоры гимназій и окружной инспекторъ, кромѣ профессоровъ университета по предметамъ общаго образованія.

Г. Гаевскій находитъ лишнею должность помощника попечителя, потому что: 1) обозрѣніе училищъ — обязанность самого попечителя или инспектора казенныхъ училищъ; 2) при нѣкоторыхъ попечителяхъ находятся еще и чиновники особыхъ порученій; 3) нѣкоторые попечители обходятся безъ помощника. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни попечителя, его могутъ замѣнить: ректоръ—при университетѣ, инспекторъ казенныхъ училищъ — при округѣ.

Совѣтъ Московскаго университета, имѣя въ виду, что помощникъ попечителя назначается единственно для управленія округомъ въ отсутствіе и во время болѣзни попечителя, и что такое лицо, не будучи достаточно знакомо съ положеніемъ округа и университета, не въ состояніи удовлетворительно исполнить обязанности, возложенныя на попечителя § 51; что до 1835 года помощниковъ попечителя вовсе не было и что тогдашній способъ замѣненія попечителей не представлялъ практическихъ неудобствъ, считаетъ излишнею должность помощника попечителя.

Профессоръ *Ешевскій*, разсмотрѣвъ съ практической сто-

роны безполезность должности помощника попечителя, приводитъ доказательства изъ исторіи Московскаго университета о вредѣ и ущербѣ университета отъ этой должности и какъ о счастливомъ исключеніи—бывшемъ помощникѣ попечителя Казанскаго округа Антроповѣ. По его мнѣнію, должность помощника попечителя не только безполезная, но могущая быть вредною въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, должна быть уничтожена или же учреждена совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ она теперь существуетъ (стр. 271).

Попечитель Московскаго учебнаго округа *Исаковъ* считаетъ возможнымъ упраздненіе должности помощника попечителя съ условіемъ учрежденія при попечителѣ двухъ или трехъ инспекторовъ казенныхъ училищъ.

Профессоръ *Сомовъ* считаетъ возможнымъ существованіе университета безъ попечителя и безъ его помощника.

Изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній, сдѣлавъ извлеченіе главныхъ мыслей противъ абсолютной власти попечителя надъ университетомъ и въ пользу абсолютной власти попечителя, мы получимъ слѣдующіе результаты:

Противъ абсолютной попечительской власти:

1) Попечитель не есть ни представитель науки, ни даже администраторъ университета.

2) Власть его должна ограничиваться—контролемъ, съ правомъ veto, съ правомъ защиты предъ высшимъ начальствомъ.

3) Необходимо перенести на коллегіальное управленіе университета опредѣленныя проектомъ обязанности попечителя.

4) Отъ чрезмѣрной власти попечителя — безсиліе университетовъ.

5) Необходимость развитія университетовъ изъ ихъ собственныхъ самодѣятельныхъ органовъ.

6) Уставъ 1804 г. былъ не въ пользу начальническихъ правъ попечителя.

7) Коллегіальный порядокъ въ университетахъ былъ установленъ ранѣе бюрократическаго.

8) При власти попечителя — управленіе нерѣдко находится въ рукахъ его канцеляріи.

9) Самодѣятельность — основной вопросъ для счастливой будущности университетовъ.

10) При различіи взглядовъ попечителя и совѣта на одно и

то же дѣло, абсолютная власть попечителя — причина разлада въ жизни университета.

11) Власть помощника попечителя—лишняя; она легко замѣняется и при университетѣ и при округѣ; вредъ отъ этой должности для университета можетъ происходить отъ соперничества съ властью попечителя.

Въ защиту абсолютной власти попечителя:

1) Дѣйствительный надзоръ попечителя за направленіемъ въ университетѣ необходимъ.

2) Представлять министру неодобренныя совѣтомъ или правленіемъ предложенія попечителя значитъ разрушать власть попечителя.

3) Возможность злоупотребленій требуетъ не предоставлять совѣту безъ попечителя утвержденія въ ученыхъ степеняхъ и раздѣленія факультетовъ на отдѣленія.

4) Попечитель не долженъ быть лицомъ чуждымъ университету.

5) Уставъ 1804 г. подчинялъ университетскій совѣтъ попечителю.

6) Въ послѣднее десятилѣтіе не было злоупотребленій попечительской власти.

7) Университетъ несостоятеленъ при коллегіальномъ управленіи.

Сообразивъ всѣ представленія о самостоятельности университета и объ отношеніяхъ его къ попечителю, мы считаемъ нужнымъ отмѣнить въ проектѣ главу о попечителѣ, а измѣненный § 51 поставить тотчасъ послѣ § 3.

§ 3. Каждый университетъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія ввѣряется особенному контролю попечителя. (Пироговъ, Березинъ, Чубиновъ, Бекетовъ, Хвольсонъ, Паткановъ, Московскій университетъ, Харьковскій университетъ, Казанскій университетъ, Стасюлевичъ, Бунге, Горинъ, Цункъ).

§§ 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60 отмѣняются, какъ несогласные съ автономіею совѣта и болѣе необходимые при отношеніи попечителя къ учебному округу, а не къ университету. (Пироговъ, Ребиндеръ, Гаевскій, Березинъ, Чубиновъ, Кавелинъ, Утинъ, Бекетовъ, Сомовъ, Московскій университетъ, Ешевскій, Харьковскій и Казанскій университеты, N. N.)

§ 51. Попечитель, не вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь уни-

верситета, имѣетъ обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій со стороны ввѣреннаго его контролю университета, произноситъ запрещенія въ нужныхъ случаяхъ рѣшеніямъ совѣта и доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра. (Пироговъ, Московскій, Харьковскій и Казанскій университеты, Кавелинъ.)

3. О ФАКУЛЬТЕТСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ.

При автономіи университетскаго совѣта является необходимость дать большее значеніе и факультетскимъ собраніямъ. Въ дѣлѣ спеціальности науки факультетъ компетентнѣе самаго совѣта; чтобы рѣшеніе его было свободно и безпристрастно, необходимо распространить право голоса на всѣ лица, читающія факультетскіе предметы.

На этомъ основаніи, § 23 измѣняется сообразно редакціи совѣта университета св. Владиміра.

§ 33. Ординарные и экстраординарные профессоры факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ декана, составляютъ факультетское собраніе, въ которомъ участвуютъ и доценты, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: доценты, занимающіе отдѣльныя каѳедры, имѣютъ право присутствовать въ факультетѣ и подавать голосъ во всѣхъ факультетскихъ дѣлахъ; доценты же, коимъ факультетъ поручаетъ только чтеніе какихъ-либо частей науки, присутствуя въ факультетѣ, вмѣстѣ съ прочими членами, имѣютъ право голоса лишь въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: а) при рѣшеніи вопросовъ, касающихся частей преподаваемой ими науки, и б) при испытаніи студентовъ изъ части предмета, прочитанной ими по порученію факультета. Одинъ изъ доцентовъ, а за недостаткомъ ихъ—младшій членъ факультета, а на медицинскомъ факультетѣ одинъ изъ доцентовъ или ассистентовъ, исправляетъ должность секретаря въ факультетскомъ собраніи. (Унив. св. Владиміра, Пироговъ, Чубиновъ, Савичъ, Сомовъ, Бекетовъ, Навроцкій, Спасовичъ, Паткановъ, Казанскій ун., Демидовскій Лицей—за право голоса всѣхъ доцентовъ; Каземъ-Бекъ, Кавелинъ, Хвольсонъ, Голстунскій, Михайловъ, Левшинъ — за старшихъ доцентовъ; профессоры медицинскаго факультета ун. св. Владиміра, Матвѣевъ, Караваевъ, Вальтеръ, Алферьевъ, Мерингъ, Шимановскій, Шефферъ и Эргардтъ — противъ при-

сутствія доцентовъ безъ права голоса для сохраненія конфиденціальности и избѣжанія непріязненныхъ отношеній между профессорами и доцентами).

§ 24. Въ отсутствіе декана предсѣдательствуетъ въ собраніи старшій въ профессорскомъ званіи изъ *наличныхъ въ собраніи* членовъ факультета (Кавелинъ).

Новый параграфъ между §§ 25 и 26.

§.. *Факультетъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ, если въ засѣданіи не находится по крайней мѣрѣ двухъ третей наличныхъ членовъ* (унив. св. Владиміра).

§ 26. Предметы занятій въ факультетскихъ собраніяхъ суть:

1) *Избраніе декана и секретарей факультета.* (Каземъ-Бекъ, Кавелинъ, унив. св. Владиміра, Харьковскій унив., Левшинъ).

2) Распредѣленіе факультетскихъ наукъ и порядка ихъ преподаванія (Гаевскій — противъ).

3) *Принятіе мѣръ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по факультету профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій* (Кавелинъ, Московскій унив., Витте).

4) Назначеніе къ слушанію предметовъ, относящихся къ другимъ факультетамъ.

5) *Разсмотрѣніе* программъ преподаванія (Ивановскій, Кавелинъ, Каземъ-Бекъ, унив. св. Владиміра, Харьковскій унив., Левшинъ).

6) Испытаніе на ученыя званія и степени и *удостоеніе оныхъ* (Кавелинъ, Березинъ, Каземъ-Бекъ, Чубиновъ, Утинъ, Навроцкій, Хвольсонъ, Голстунскій, Паткановъ, Михельсонъ).

7) Разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ.

8) Цензура *всѣхъ* сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ преподавателями университета и *недоступныхъ по своему содержанію для обыкновенной цензуры* (Пыпинъ).

9) Избраніе ежегодныхъ задачъ и сужденія о представляемыхъ на оныя рѣшеніяхъ.

10) Разсужденія *по дѣламъ, которыя отсылаются совѣтомъ для предварительнаго обсужденія въ факультетахъ*, а также о томъ, что предлагается деканами и членами (Московскій и Казанскій университеты).

11) Удостоеніе студентовъ стипендій, пособій, премій, медалей.

12) *Распредѣленіе суммъ на учебныя пособія, къ факультету относящіяся* (Харьковскій унив., Левшинъ, Голстунскій).

За § 26 новый параграфъ:

§ .. *Факультету принадлежитъ вмѣстѣ съ деканомъ ближайшее наблюденіе за успѣшнымъ преподаваніемъ факультетскихъ предметовъ* (Казанскій университетъ, Дмитріевъ).

Къ № 3.

I. Сводъ замѣчаній на главу проекта общаго устава Университетовъ: „объ ученыхъ степеняхъ.“

Предсѣдателя ученаго комитета **Воронова**.

Глава шестая проекта университетскаго устава, объ *ученыхъ степеняхъ*, состоитъ изъ шести параграфовъ (128—133), въ которыхъ опредѣляются: права университета относительно возведенія въ ученыя степени, мѣсто испытанія, число степеней и порядокъ и способъ ихъ пріобрѣтенія. Всѣ подробности, служащія развитіемъ этихъ основныхъ положеній, отнесены совершенно справедливо къ особому положенію, которое, по самой сущности своей, какъ подлежащее частымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе указаній опыта и мѣстныхъ соображеній, не должно имѣть мѣста въ уставѣ, заключающемъ только общія руководительныя начала. Сравнительно съ нынѣ дѣйствующимъ законоположеніемъ объ ученыхъ степеняхъ, въ проектѣ сдѣланы два важныя улучшенія: первое — предоставленіе самимъ университетамъ права утверждать въ ученыхъ степеняхъ, принадлежащее теперь частію попечителю учебнаго округа (по степени кандидата) и частію министру народнаго просвѣщенія (по степенямъ магистра и доктора), и второе — уничтоженіе требованія отъ магистровъ новаго испытанія, при полученіи ими степени доктора. Оба эти улучшенія вызвали полное сочувствіе въ лицахъ, представившихъ свои замѣчанія на проектъ устава.

I. Противъ перваго изъ нихъ, составляющаго одинъ изъ самыхъ существенныхъ аттрибутовъ автономіи университета, не сдѣлано ни одного возраженія даже со стороны лицъ, отвергающихъ пользу автономіи,—до такой степени всѣ убѣждены въ необходимости возвратить университетамъ право утверждать въ ученыхъ степеняхъ, котораго они лишились со времени изданія Положенія о производствѣ въ ученыя степени 12 апрѣ-

ля 1837 года, и которымъ они пользовались слишкомъ тридцать лѣтъ, на основанiи Высочайше утвержденныхъ 24-го января 1803 года предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенiя. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что предоставленiе попечителямъ учебныхъ округовъ и министру народнаго просвѣщенiя права утверждать въ ученыхъ степеняхъ выражаетъ, съ одной стороны, какъ бы недовѣрiе къ университетамъ, ослабляющее ихъ нравственный авторитетъ, и съ другой, не ограждая ни въ какомъ отношенiи интересовъ правительства, остается безплодною формальностью, только затягивающею дѣло. Опытъ показалъ, что какъ попечители, такъ и министры, почти всегда утверждали подобнаго рода представленiя университетскихъ совѣтовъ; да это и не могло быть иначе, потому что оцѣнка учености того или другаго лица лучше всего можетъ быть сдѣлана самими университетами; возведенiе же въ ученую степень выражаетъ именно только такую оцѣнку; это — не назначенiе на должность, съ которою соединяется служба правительству, и гдѣ поэтому правительство имѣетъ неоспоримое право вмѣшательства, а просто выдача диплома на ученость, прiобщенiе къ числу ученыхъ. Правда, съ ученою степенью соединяется право на чинъ, на вступленiе вообще въ службу, на занятiе профессорскихъ должностей; но всѣ эти права дѣлаются дѣйствительными преимуществами только при вступленiи подобныхъ лицъ въ службу, а до тѣхъ поръ имѣющiе ученыя степени остаются просто учеными и даже безчиновными, пользующимися весьма ограниченными привилегiями. Слѣдовательно, съ какой стороны ни посмотрѣть на этотъ вопросъ, все оказывается, что нѣтъ достаточнаго основанiя лишать университеты законнаго ихъ права непосредственно возводить въ ученыя степени.

Принимая во всей силѣ начало это, высказанное въ проектѣ, критики проекта расходятся въ частностяхъ касательно разграниченiя права возводить въ ученыя степени между органами университетскаго управленiя.

По проекту устава, факультетскiя собранiя пользуются только правомъ производить испытанiя, а утвержденiе въ ученыхъ степеняхъ, по представленiямъ факультетовъ, предоставляется совѣту. Съ такою системою согласны *совѣты университетовъ Московскаго и Харьковскаго* и, какъ надобно полагать,

и большинство лицъ, разсматривавшихъ проектъ и не сдѣлавшихъ никакого возраженія противъ этого пункта.

Профессоръ *Утинъ* и критикъ, скрывшій свое имя подъ буквами NN, думаютъ, что, кромѣ испытанія, и окончательное утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ слѣдуетъ предоставить факультетамъ, съ полною отвѣтственностью всѣхъ ихъ членовъ, въ случаѣ незаконности дѣйствій при экзаменахъ. Въ основаніе такого мнѣнія они приводятъ слѣдующіе доводы: а) что факультеты въ этомъ дѣлѣ могутъ считаться болѣе компетентными судьями, б) что утвержденіе со стороны совѣта составляетъ одну только формальность, в) что совѣтъ, не участвуя въ испытаніяхъ, не можетъ принимать на себя и отвѣтственности за эти испытанія, и наконецъ г) что медико-хирургической академіи, составляющей только факультетъ университета, предоставлено такое право.

Директоръ Николаевской обсерваторіи *Струве* выражаетъ мнѣніе, что при испытаніяхъ нѣтъ надобности присутствовать всѣмъ членамъ факультета, а только спеціалистамъ по тому предмету, изъ котораго производится испытаніе, и что назначеніе такихъ спеціалистовъ должно быть предоставлено самимъ факультетскимъ собраніямъ (426 стр., ч. I). Г. *Вальтеръ* (стр. 5, ч. 2) и *Русскій профессоръ* (стр. 146, ч. 2) выразили почти то же желаніе, по крайней мѣрѣ, при производствѣ окончательныхъ испытаній на первую ученую степень.

Г. *Гаяринъ* (стр. 341, ч. 2) полагаетъ, напротивъ, что экзамены на ученыя степени вовсе не должны производиться въ факультетахъ, а въ особыхъ коммиссіяхъ, составленныхъ изъ штатныхъ профессоровъ и экспертовъ, изъ которыхъ первые назначаются университетскимъ совѣтомъ, а послѣдніе приглашаются попечителемъ изъ приватъ-доцентовъ и другихъ спеціалистовъ. Оставить за штатными профессорами, какъ оффиціальными членами факультетскихъ собраній и совѣта, право экзаменовъ на ученыя степени и званія, если будетъ принята система гонораріевъ, было бы, по мнѣнію г. Гаярина, непослѣдовательно и незаконно: такое право подорвало бы въ самомъ основаніи свободную конкурренцію.

Внимательная оцѣнка этихъ мнѣній приводитъ, однако, къ убѣжденію, что испытанія на ученыя степени необходимо предоставить факультетскимъ собраніямъ, представляющимъ, по соединенію въ себѣ спеціалистовъ, наибольшее ручательство за

правильность испытаній. Ничто не мѣшаетъ приглашать къ этимъ испытаніямъ, кромѣ штатныхъ профессоровъ, и приватъ-доцентовъ, съ предоставленіемъ послѣднимъ права голоса на испытаніяхъ изъ предметовъ, ими читанныхъ. Нельзя не согласиться затѣмъ, что факультетамъ мало предоставить одно только испытаніе на ученыя степени, и *что имъ слѣдовало бы дать и право удостоенія этихъ степеней; но окончательное утвержденіе въ этихъ степеняхъ необходимо*, *по моему мнѣнію*, *удержать за совѣтомъ* по слѣдующимъ причинамъ:

а) Совѣтъ есть высшій органъ и средоточіе университетскаго управленія, а потому утвержденію его должны подлежать и всѣ важнѣйшія по университету дѣла, къ числу которыхъ нельзя не отнести возведенія въ ученыя степени.

б) Совѣтъ, какъ высшій органъ управленія, по этому самому, несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ дѣйствія университета, а можно ли возложить на него отвѣтственность за то, что не подлежало его утвержденію.

в) Для того же, чтобы совѣтъ могъ наблюдать и за самымъ ходомъ испытаній, можно было бы съ большою пользою возстановить правило Устава 1804 года, по которому, при магистерскомъ и докторскомъ испытаніи, присутствовали два депутата отъ другихъ факультетовъ, избранные по жребію. *Такихъ депутатовъ достаточно было бы теперь назначить* по одному на каждый факультетъ, избирая ихъ *по жребію и возлагая на нихъ обязанность присутствовать при всѣхъ испытаніяхъ* на ученыя степени.

Что же касается до вопроса о томъ, слѣдуетъ ли производить испытаніе въ полномъ собраніи факультета, или только въ коммиссіи изъ нѣкоторыхъ его членовъ, подъ предсѣдательствомъ декана, то я думаю, что слѣдуетъ склониться въ пользу послѣдняго мнѣнія, какъ болѣе практическаго и удобоисполнимаго на дѣлѣ. Всѣмъ профессорамъ факультета, какъ справедливо замѣтилъ г. Струве, трудно присутствовать, да и незачѣмъ; они могутъ имѣть на то право, но не должны быть къ тому обязаны.

Чтобы охранить университеты отъ всякихъ нареканій, большею частію ложныхъ, и придать экзаменамъ серьёзный характеръ въ глазахъ испытуемыхъ, нѣкоторые, какъ гг. *Костомаровъ*, *Гаяринъ* и *Бекетовъ* предлагаютъ производить испытанія на ученыя степени публично, при чемъ, по мнѣнію послѣд-

няго, должны допускаться однако только лица, имѣющія какую-нибудь ученую степень или извѣстные своими учеными трудами специалисты. По Уставу 1804 года, испытанія на степень магистра и доктора производились публично; теперь у насъ публично защищается ищущими ученыхъ степеней только диссертація. По моему мнѣнію, больше гарантіи за науку представилось бы въ принятіи предположенія г. Бекетова, съ примѣненіемъ публичности въ его смыслѣ къ испытаніямъ на всѣ ученыя степени.

II. Противъ втораго *нововведенія проекта устава, касающагося отмѣны особаго испытанія на степень доктора*, высказались только гг. *Савиновъ* (2 ч., стр. 486) и *Шнейдеръ* (2 ч. стр. 100 и 101), первый безъ всякихъ мотивовъ своего мнѣнія, а послѣдній, основываясь на томъ, «что одно требованіе представленія диссертаціи и публичнаго ея защищенія повело бы неизбѣжно къ крайней поверхностности, что написать диссертацію легче, чѣмъ выдержать экзаменъ, и что результатомъ такого нововведенія будетъ появленіе многихъ поверхностныхъ диссертацій и занятіе всѣхъ каѳедръ профессорами ординарными, но нерѣдко людьми весьма поверхностными.»

Совѣты университетовъ и остальныя лица, разсматривавшія проектъ устава, частію молчаніемъ своимъ выразили одобреніе по этому вопросу, или представили (гг. Пироговъ, Деляновъ, Гусевъ, Дмитріевъ, стр. 20, 219 и 455 1 ч. и 405—2 ч.) въ подкрѣпленіе его такіе доводы, которые кажутся мнѣ вполнѣ основательными:

а) Отъ доктора слѣдуетъ требовать глубокаго спеціальнаго знанія избранной имъ науки, а достиженіе такого знанія исключаетъ возможность основательно ознакомиться съ многими другими предметами, испытаніе въ которыхъ требуется нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ объ ученыхъ степеняхъ. Въ цѣломъ юридическомъ факультетѣ, напримѣръ, существуютъ только двѣ степени доктора: юридическихъ и политическихъ наукъ.

б) Вслѣдствіе этого, даже знаменитый ученый, предавшійся какой-нибудь спеціальности, не въ состояніи выдержать такого испытанія. Слишкомъ строгій законъ — такое же зло, какъ и слишкомъ мягкій. Требовать точнаго исполненія правилъ можно только тогда, когда они исполнимы.

в) Нынѣшнее положеніе объ ученыхъ степеняхъ такъ неудовлетворительно, что на практикѣ давно появились исключенія, почти превратившіяся въ правила. Невозможность скораго

пріобрѣтенія докторской степени заставляетъ назначать магистровъ исправляющими должность экстраординарныхъ и даже ординарныхъ профессоровъ.

г) Множество испытаній нетолько не производитъ истинныхъ ученыхъ, но наоборотъ: въ дѣйствительно ученой Германіи всего только одна докторская степень, а у насъ, и при существованіи трехъ степеней, чувствуется постоянный недостатокъ въ ученыхъ.

Къ этимъ доводамъ не лишнимъ считаю присоединить, съ своей стороны, что и историческое изложеніе этого вопроса необходимо должно привести къ тому убѣжденію, что мѣра, предлагаемая проектомъ, дѣйствительно необходима и полезна. По уставу 1804 года, отъ доктора требовалось испытаніе во всѣхъ предметахъ факультета; по положенію 1837 года, испытаніе уже болѣе специализировано; такъ, по историко-философическому факультету, считая здѣсь и Восточное отдѣленіе, допущено было два разряда докторовъ; по положенію 1844 года, нынѣ дѣйствующему, вмѣсто двухъ разрядовъ докторовъ по историко-филологическому факультету, принято уже восемь; при всемъ томъ, кругъ свѣдѣній, требуемыхъ отъ доктора, и даже магистра, все еще остается слишкомъ обширнымъ, а потому положеніе на дѣлѣ не исполняется и не можетъ быть исполнено, и при всякомъ нужномъ случаѣ требованія его, по необходимости, обходятся, что оказываетъ весьма вредное вліяніе: законъ долженъ быть закономъ, который обязаны всѣ исполнять, а не оставаться мертвою буквою. Не слѣдуетъ ли согласиться послѣ этого, что единственная возможность выйти изъ такого ложнаго положенія — это *полное и безусловное принятіе мѣры о совершенной отмѣнѣ докторскаго испытанія.* Написать хорошую диссертацію, какая только и можетъ быть одобрена факультетомъ, совсѣмъ нелегко, а, напротивъ, очень трудно, доказательствомъ чему служитъ рѣдкость подобныхъ трудовъ; по хорошей диссертаціи можно видѣть, въ какой мѣрѣ докторантъ изучилъ науку, которой посвятилъ себя, и насколько усвоилъ живой духъ ея, безъ котораго всякій трудъ лишенъ идеи и представляется безсмысленнымъ аггрегатомъ разнаго рода свѣдѣній. Защита же диссертаціи еще лучше покажетъ степень глубины и прочности знаній въ искателѣ докторскаго диплома. По этимъ причинамъ, я не только считаю безполезнымъ особое испытаніе на степень доктора, но раздѣляю

мнѣніе профессора Ивановскаго, что даже требованіе отъ магистра, въ силу статьи 129-й проекта Устава, изустнаго испытанія на степень доктора въ томъ случаѣ, если наука, по которой написана имъ диссертація, не входила въ составъ его магистерскаго экзамена,—совершенно излишне. Хорошая диссертація и основанное на знаніи дѣла защищеніе ея доказываютъ лучше всякаго изустнаго испытанія, что докторантъ основательно изучилъ науку, по которой она написана. Наконецъ, я думаю, согласно съ мнѣніемъ профессоровъ Кавелина и Утина, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ *университетамъ должно быть предоставлено право возводить знаменитыхъ ученыхъ и знатоковъ дѣла, ищущихъ профессорскихъ каѳедръ, прямо, мимо другихъ низшихъ степеней, въ степень доктора, со всѣми ея правами, безъ всякаго экзамена,* чтобы, такимъ образомъ, выравнивать требованія академическія обыкновенныя съ дѣйствительными блистательными заслугами и придать докторскому диплому жизненное значеніе. «Смѣшно видѣть», говоритъ г. Кавелинъ, «докторами людей, удовлетворившихъ обыкновеннымъ требованіямъ, и не докторами тѣхъ, которые своими учеными заслугами далеко превзошли эти обыкновенныя требованія.» Мѣра эта не будетъ и новостью, а только возстановленіемъ стараго закона устава 1804 г., по которому дозволялось пріобщать къ профессорской корпораціи университета людей, въ какой-либо наукѣ особенно успѣвшихъ и извѣстныхъ своими печатными и рукописными сочиненіями.

III. Касательно числа степеней и порядка и способа ихъ пріобрѣтенія, на проектъ Устава сдѣланы слѣдующія замѣчанія:

а) Вопросъ о числѣ ученыхъ степеней вызвалъ особенно много возраженій, заслуживающихъ внимательнаго обсужденія. Бòльшая часть критиковъ соглашается, однако, въ этомъ отношеніи, со взглядомъ проекта. Только гг. *Пироговъ* (19 и 20 стр.), *Совѣтовъ*, *Пузыревскій*, *Менделѣевъ* (193 стр.), *Деляновъ* (218 стр. — 1 ч.) и *Цункъ* (463 стр. — 2 ч.), предлагаютъ всѣ — уничтоженіе званія дѣйствительнаго студента, а нѣкоторые изъ нихъ—и отмѣну одной изъ трехъ ученыхъ степеней: доктора или магистра. Мотивируя это предложеніе, г. Пироговъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что званіе дѣйствительнаго студента превратилось въ нашихъ университетахъ въ asylum ignorantiae, и что вообще чѣмъ менѣе ученыхъ степеней, тѣмъ больше дѣ-

ла, чѣмъ менѣе разнообразія въ экзаменахъ, тѣмъ менѣе экзаменаціоннаго направленія, вредящаго истинно-научному.

Къ осуществленію этого предложенія, по моему мнѣнію, совершенно справедливаго, встрѣчаются, однако, препятствія, указываемыя въ «Современной Лѣтописи» (298—303 стр., 2 ч.). Препятствія эти заключаются въ двойственномъ характерѣ окончательныхъ университетскихъ испытаній: чисто ученомъ и служебномъ, въ соединеніи съ ученою степенью и званіемъ правъ на чины и преимущества служебныя. Старѣйшій изъ нашихъ университетовъ, Московскій, до 1803 года не давалъ окончившимъ въ немъ курсъ никакого класса или чина, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не имѣлъ права возводить въ ученыя степени, за исключеніемъ медицинскаго факультета, которому предоставлено было съ 1791 года право удостоивать степени доктора медицины. Съ дарованіемъ же университетамъ, по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія 1803 и по Уставамъ университетовъ 1804 года, права возводить въ ученыя степени,—нетолько съ учеными степенями, но и вообще съ успѣшнымъ выслушаніемъ университетскаго курса, соединены были и права на чины и служебныя преимущества. Различіе между окончившимъ курсъ и кандидатомъ, по Уставамъ 1804 года, заключалось только въ томъ, что для пріобрѣтенія ученой степени кандидата первый долженъ былъ подвергнуться особому испытанію на эту степень, и, въ случаѣ полученія ея, пріобрѣталъ и право на высшій чинъ. Различіе это уже совершенно изгладилось Уставомъ 1835 г., по которому степень кандидата стали давать прямо, безъ особаго испытанія, всѣмъ окончившимъ курсъ съ особымъ отличіемъ. Мѣра эта, принесшая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свою долю пользы, сопровождалась однако и вредными послѣдствіями. Съ того времени, какъ справедливо замѣчаетъ «Современная Лѣтопись», «профессоръ сдѣлался для студента не просто профессоромъ, руководителемъ въ наукѣ, но и рѣшителемъ его участи, отъ котораго болѣе или менѣе зависитъ его будущее положеніе въ обществѣ и служебная карьера. Строгость экзамена, самая справедливость его, чувствуется студентомъ съ оттѣнкомъ чего-то непріязненнаго и злаго; не съ благодарностью, а съ озлобленіемъ принимаетъ онъ заботливость педагога объ его образованіи, — заботливость, которая можетъ имѣть тѣмъ худшія житейскія послѣдствія для студента, чѣмъ она дѣятельнѣе и добросовѣстнѣе.

Результатомъ такого порядка, естественно, явились излишняя снисходительность на кандидатскихъ испытаніяхъ и вытекающее отсюда уже совершенное послабленіе въ удостоеніи званія дѣйствительнаго студента», что̀ отозвалось въ свою очередь неминуемо на сравнительно низкомъ уровнѣ нашего университетскаго образованія.

Чтобы помочь этому злу, гг. *Деляновъ*, *Совѣтовъ*, *Пузыревскій*, *Менделѣевъ*, *Утинъ*, *Стасюлевичъ*, *Скуратовъ* предлагаютъ оставить за университетомъ только одно право возводить въ ученыя степени, но не соединять съ этими степенями никакихъ правъ на чины и вообще служебныя преимущества. Такая мѣра была бы самою радикальною и могла бы значительно возвысить строго-научное направленіе въ университетахъ. удаливъ изъ ихъ аудиторій всѣхъ праздныхъ искателей чиновъ, и устранивъ, такимъ образомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ безпорядковъ, происходившихъ въ университетахъ. Но «Современная Лѣтопись» и г. Дмитріевъ считаютъ возможнымъ осуществленіе ея только въ такомъ случаѣ, если, вмѣстѣ съ тѣмъ, произведена будетъ коренная реформа въ системѣ нашихъ чиновъ и въ условіяхъ нашей общественной дѣятельности; приведеніе же ея въ исполненіе въ настоящее время было бы, по мнѣнію ихъ, явнымъ нарушеніемъ справедливости въ отношеніи къ молодымъ людямъ, обучающимся въ университетахъ, и привилегіею невѣжества противъ образованія.

Предполагая, такимъ образомъ, сохраненіе за учеными степенями правъ на чины и служебныя преимущества, что̀ г. *Чичеринъ* находитъ даже полезнымъ, «Современная Лѣтопись», для устраненія отъ университетскихъ испытаній служебнаго характера, препятствующаго надлежащему развитію науки въ нашихъ университетахъ, предлагаетъ учредить особые экзамены на государственную службу, производимые внѣ университета и не профессорами, освободивъ, однако, окончившихъ курсъ въ университетѣ отъ такого испытанія. Мнѣніе это отчасти раздѣляется и профессоромъ *Горловымъ*, который предлагаетъ учредить особыя экзаменаціонныя коммиссіи съ другою, однако, цѣлью, именно, чтобы сберечь для профессоровъ болѣе времени на чтеніе лекцій. «При этой системѣ, по мнѣнію «Современной Лѣтописи», монополія университета раздавать чины и служебныя преимущества прекратилась бы, и тогда сдѣлалось бы возможнымъ для профессоровъ возвысить требованія оконча-

тельнаго испытанія, не становясь чрезъ то въ непріязненныя отношенія къ студентамъ.»

Не входя въ разборъ всѣхъ вышеозначенныхъ мнѣній, изъ коихъ каждое имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны, я не могу не высказать при этомъ своего глубокаго убѣжденія, что система особыхъ экзаменовъ на государственную службу въ настоящее время у насъ невозможна. Гдѣ найдутся у насъ въ достаточномъ количествѣ способные, образованные и добросовѣстные экзаменаторы? Не превратятся ли такіе экзамены въ дешевое средство пріобрѣтать, безъ всякаго труда, служебныя преимущества? Не будетъ ли такая система имѣть самое вредное вліяніе на уменьшеніе образованія чрезъ ослабленіе занятій наукою? Съ этимъ взглядомъ на особыя экзаменаторскія коммиссіи вполнѣ соглашаются и гг. Чичеринъ и Дмитріевъ. По этому, я полагаю, что всѣ такія полумѣры ни къ чему не поведутъ, и что необходимо рѣшиться на радикальное средство, какъ на самое надежное, именно уничтожить вовсе званіе дѣйствительнаго студента, ограничить число ученыхъ степеней тремя: кандидатскою, магистерскою и докторскою, съ производствомъ, въ послѣднюю, безъ особаго испытанія, а по публичной защитѣ диссертаціи, и,—чтобы пріобрѣтеніе этихъ степеней поставить внѣ служебныхъ условій, — *уничтожить присвоеніе классовъ и чиновъ ученымъ степенямъ*. Достаточно, какъ справедливо замѣчаетъ г. Деляновъ, предоставить университетскимъ аттестатамъ одну, такъ сказать, привилегію: право удостоенному ученой степени поступать въ государственную службу, не смотря на происхожденіе. Это — право совершенно-раціональное; ограничивать его—значило бы лишить государство услуги со стороны людей способныхъ и пріобрѣвшихъ познанія.

Конечно, при такой системѣ университеты потеряютъ сначала въ количествѣ учащихся, но непремѣнно выиграютъ въ качествѣ, которое всего важнѣе. Болѣе основательное образованіе, которое будетъ давать университетъ, скоро, однако, сдѣлаетъ яснымъ для всѣхъ преимущество университетской науки, а, вслѣдствіе того, имѣющіе ученыя степени, хотя и безъ чиновъ, будутъ охотнѣе принимаемы на службу и приглашаемы для другихъ родовъ общественной дѣятельности, нежели оканчивающіе нынѣ курсъ съ чиномъ и поверхностнымъ образованіемъ. Сила истины возьметъ непремѣнно свое и университеты не останутся безъ слушателей, если только они отклонятъ отъ се-

бя несвойственную имъ задачу приготовлять исключительно чиновниковъ для службы. Ждать осуществленія этой идеи до тѣхъ поръ, пока не рѣшенъ вообще вопросъ о чинахъ, едва-ли слѣдуетъ. Справедливо, по моему мнѣнію, замѣчаетъ профессоръ Утинъ: «Такъ какъ университетскому устройству нельзя ждать, пока всѣ устарѣвшія общія постановленія будутъ законодательнымъ порядкомъ отмѣнены, то университетъ слѣдуетъ основать на началахъ, признанныхъ уже своевременными и разумными, хотя бы эти начала и противорѣчили пока въ чемъ-нибудь такимъ учрежденіямъ и частямъ законодательства, которыя необходимо должны быть также измѣнены, и которыя не подверглись еще реформѣ только потому, что нельзя требовать отъ правительства, чтобы оно за все разомъ бралось».

Кромѣ того, служебныя преимущества, присвоенныя нашимъ законодательствомъ ученымъ степенямъ, если они не будутъ отмѣнены въ скоромъ времени, представляютъ, какъ весьма убѣдительно доказываетъ г. Скуратовъ, печальную перспективу для будущности Россіи въ общественномъ ея развитіи. Искусственное привлеченіе молодыхъ людей въ университеты посредствомъ чиновъ умножитъ еще болѣе классъ чиновниковъ, по многочисленности своей уже и теперь далеко превышающій дѣйствительную въ немъ надобность, и ослабитъ развитіе другихъ отраслей общественной дѣятельности. Необходимо, по этому, «прежде всего дать университетамъ нашимъ такое естественное направленіе, чтобы всякій учился въ нихъ для пріобрѣтенія познаній, которыя онъ находитъ для себя нужными и полезными, а не ради какихъ-нибудь постороннихъ цѣлей, какъ, нанапримѣръ, выхода изъ податнаго состоянія, полученія чиновъ, перехода въ дворянское званіе, и т. п. Подобно свободѣ, просвѣщеніе нигдѣ не можетъ развиться иначе, какъ съ извѣстною постепенностью. Это такъ и бываетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ оно возникаетъ на самой почвѣ».

Тѣмъ, которые, по привычкѣ къ старому, хотя уже и отжившему, желаютъ сохранить настоящую систему, можно указать на примѣръ Испаніи, Польши и Германіи. Размноженіе шляхетнаго сословія въ первыхъ двухъ странахъ породило всеобщее обѣднѣніе и упадокъ государственнаго могущества, а въ Германіи, по словамъ Риля, вслѣдствіе исключительнаго предпочтенія чисто-умственнаго труда и пренебреженія про-

мышленаго, возникъ огромный классъ пролетаріевъ, недовольныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ и всегда готовыхъ вести войну противъ общества. Неужели и намъ, ради мнимыхъ выгодъ, которыя будто бы получаютъ молодые люди отъ чиновъ, слѣдуетъ оставаться in statu quo и ждать, пока подобныя явленія, всѣ зародыши для которыхъ уже есть, разовьются у насъ въ большихъ размѣрахъ.

При вопросѣ о числѣ ученыхъ степеней, совѣтъ Московскаго университета и особенно медицинскій его факультетъ коснулись вопроса о степеняхъ и званіяхъ по медицинскому факультету, о которыхъ сказано только въ примѣчаніи къ ст. 128 проекта Устава, что онѣ пріобрѣтаются на основаніи общихъ по медицинской части постановленій.

Совѣтъ Московскаго университета считаетъ необходимымъ опредѣлить эти степени и званія въ самомъ уставѣ, и кромѣ того къ ученымъ степенямъ лекаря и доктора медицины прибавить званіе дѣйствительнаго студента для тѣхъ, которые окажутся неспособными къ медицинѣ и менѣе успѣвшими.

Признавая вредъ этого званія въ другихъ факультетахъ, я съ своей стороны естественно не могу раздѣлять такого взгляда, и потому думаю, что и въ медицинскомъ факультетѣ достаточно двухъ степеней: лекаря и доктора медицины, соотвѣтствующихъ двумъ ученымъ степенямъ прочихъ факультетовъ: кандидатской и магистерской; докторской же степени прочихъ факультетовъ могло бы, по моему мнѣнію, соотвѣтствовать званіе профессора медицины, для пріобрѣтенія котораго, независимо отъ экзамена на доктора медицины, можно было бы требовать публичнаго защищенія диссертаціи, одобренной факультетомъ.

Что же касается до ученыхъ званій по медицинскому факультету, какъ-то: провизора, аптекарскаго помощника, ветеринара, дантиста и другихъ, то, принимая во вниманіе важность ихъ въ практическомъ отношеніи, я нахожу необходимымъ, чтобы пріобрѣтеніе ихъ зависѣло отъ медицинскихъ факультетовъ, а потому полагаю нужнымъ, не смѣшивая ихъ съ учеными степенями, упомянуть о нихъ въ уставѣ въ особой статьѣ, съ присовокупленіемъ здѣсь и другихъ ученыхъ званій, какъ-то званія учителей учебныхъ заведеній различныхъ разрядовъ, которое дается также по опредѣленіямъ университетскихъ совѣтовъ. Само собою разумѣется, что въ статью эту должно

входить только исчисленіе званій и порядокъ ихъ пріобрѣтенія, а подробности слѣдуетъ отнести къ особому положенію.

б) Относительно способа пріобрѣтенія ученыхъ степеней, изложеннаго въ 129 ст. проекта устава, важнѣйшія замѣчанія, уже разсмотрѣнныя выше, сдѣланы были по поводу пріобрѣтенія степени доктора; за тѣмъ замѣчанія совѣта Кіевскаго университета касаются только *редакціи* этой статьи.

в) По 132-ой статьѣ проекта, касательно порядка и сроковъ пріобрѣтенія ученыхъ степеней, требуется, чтобы сначала пріобрѣталась ученая степень кандидата, за тѣмъ не ранѣе какъ черезъ годъ можно искать степени магистра и наконецъ, также черезъ годъ, степени доктора. Г. Пироговъ не видитъ никакой надобности въ такой постепенности, и приводитъ въ примѣръ медицинскіе факультеты университетовъ, гдѣ студентъ имѣетъ право держать экзаменъ прямо на степень доктора, мимо лекаря. Но совѣтъ Московскаго университета, г. Бунге и «Современная Лѣтопись» этотъ же примѣръ представляютъ въ доказательство необходимости удержать постепенность, предлагаемую проектомъ. По наблюденіямъ ихъ, докторскій экзаменъ въ медицинскихъ факультетахъ, съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнена такая постепенность, упалъ значительно, и теперь медицинскіе факультеты посвящаютъ въ доктора такихъ лицъ, которыя на другихъ факультетахъ никогда бы не удостоились степени магистра. По этому совѣтъ Московскаго университета и, по моему мнѣнію, совершенно основательно, предлагаетъ и для студентовъ медицинскаго факультета возстановить такую постепенность, чтобы каждый студентъ получалъ сначала званіе лекаря и потомъ уже, не ранѣе какъ черезъ годъ, допускался къ испытанію на степень доктора медицины.

Ст. 130 проекта устава, по которой пріобрѣтать ученыя степени могутъ какъ Русскіе подданные, такъ и иностранцы, вызвала весьма-основательныя замѣчанія академика Струве и совѣта Кіевскаго университета. Изъ статьи этой не видно, по словамъ г. Струве, дозволяется ли иностранцамъ пріобрѣтать прямо ученую степень магистра. Совѣтъ Кіевскаго уни-

верситета рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно въ пользу такихъ ученыхъ, будутъ ли это Русскіе или иностранцы, которые имѣютъ степень доктора одного изъ иностранныхъ университетовъ, на томъ основаніи, что необходимо облегчить для иностранцевъ, желающихъ занять у насъ профессорскія каѳедры, полученіе степени магистра.

Противъ 133-й статьи проекта, о томъ, что подробныя правила испытаній на ученыя степени опредѣляются особымъ положеніемъ, не сдѣлано ни одного возраженія, а представлены только гг. Деляновымъ, Совѣтовымъ, Менделѣевымъ и Пузыревскимъ нѣкоторыя подробности, которыя, при составленіи новаго Положенія, необходимо принять въ соображеніе, также какъ и предположенія университетскихъ совѣтовъ по этому предмету, напечатанныя въ іюньской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» на 1862 годъ.

Сдѣлавъ сводъ замѣчаній на вопросы объ ученыхъ степеняхъ, заключающіеся въ проектѣ устава, я считаю нужнымъ дополнить свой трудъ указаніемъ замѣчаній по этому предмету на такіе вопросы, которыхъ не имѣли въ виду составители проекта.

Вопросы эти:

1) О пріобрѣтеніи ученыхъ степеней посторонними слушателями университетскихъ лекцій,

2) О времени испытаній на ученыя степени и

3) Объ учрежденіи особой платы за испытанія.

1) Во всей главѣ проекта объ ученыхъ степеняхъ не упомянуто о порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней посторонними слушателями, которые, однако, допускаются проектомъ. На этотъ пропускъ обратили вниманіе совѣты университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго. По ихъ мнѣнію, которое я съ своей стороны раздѣляю вполнѣ, посторонніе слушатели должны быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени на одинаковомъ основаніи со студентами, съ тѣмъ только условіемъ, что посторонніе слушатели обязываются предварительно представить свидѣтельство о знаніи ими полнаго гимназическаго курса.

2) Вопросъ о времени испытаній представляетъ особенную важность въ практическомъ отношеніи. Теперь экзамены на низшія ученыя степени, отнимающіе особенно много времени, производятся въ концѣ учебнаго года,—что̀, при недостаткѣ времени, немало способствуетъ ихъ ослабленію. Для устраненія этого неудобства, совѣтъ Санктпетербургскаго университета (ст. «О производствѣ въ ученыя степени» Ж. м. нар. просв., іюльская книжка 1862 г. стр. 299) предлагаетъ назначить общій и болѣе продолжительный срокъ для такихъ испытаній, именно отъ 12 января до 1 іюня. Въ пользу назначенія опредѣленнаго срока высказались въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ устава и гг. *Совѣтовъ*, *Менделѣевъ* и *Пузыревскій*. Критикъ «Современной Лѣтописи» считаетъ всего удобнѣе производить такія испытанія въ теченіе цѣлаго года; совѣтъ Харьковскаго университета (см. ту же статью, стр. 303) раздѣляетъ такое мнѣніе, но прибавляетъ: «въ сроки, назначенные факультетами». Мы думаемъ, что эта послѣдняя редакція и должна быть принята для опредѣленія времени испытаній на всѣ ученыя степени и внесена въ уставъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующая цѣли и не стѣсняющая свободы профессоровъ и учащихся.

3) Установленіе особой платы за экзамены на ученыя степени предлагается профессоромъ *Вальтеромъ* (Зам. стр. 3 ч. 2), по слѣдующимъ доводамъ; во-1-хъ, такая плата существуетъ уже въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; во-2-хъ, обращаясь въ пользу экзаменаторовъ, она могла бы увеличить скудное содержаніе профессоровъ и, въ-3-хъ, такое учрежденіе уменьшило бы число являющихся на экзамены безъ надлежащаго приготовленія и отнимающихъ совершенно напрасно время у профессоровъ. При всей кажущейся основательности этихъ доводовъ, я однако думаю: 1) что назначеніе такой платы составило бы новое бремя для бѣдныхъ студентовъ, чего слѣдуетъ избѣгать, и 2) что если уничтожить служебныя привилегіи, соединенныя нынѣ съ учеными степенями, то послѣдняя мѣра дѣйствительнѣе всего уменьшитъ число являющихся къ испытанію на-авось, безъ надлежащаго приготовленія.

Такимъ образомъ, на основанiи всего вышеизложеннаго, по вопросу объ ученыхъ степеняхъ и званiяхъ, слѣдуетъ сдѣлать, по моему мнѣнiю, слѣдующiя измѣненiя и дополненiя въ проектѣ устава:

а) При возведенiи въ ученыя степени предоставить факультетамъ не только испытанiе, но и удостоенiе ученыхъ степеней, а совѣту — право утверждать въ сихъ степеняхъ.

б) Уничтожить званiе дѣйствительнаго студента и принять три ученыя степени: кандидата, магистра и доктора.

в) Внести въ текстъ устава обозначенiе числа ученыхъ степеней по медицинскому факультету, именно двухъ степеней: лекаря и доктора медицины.

г) Составить особую статью объ ученыхъ званiяхъ.

д) Отмѣнить безусловно требованiе испытанiя на степень доктора наукъ.

е) Предоставить университетамъ право производить въ высшую ученую степень и безъ экзамена—извѣстныхъ ученыхъ.

ж) Отмѣнить присвоенiе правъ на чины ученымъ степенямъ.

з) Испытанiя на ученыя степени производить въ коммиссiяхъ, назначаемыхъ каждымъ факультетомъ, въ присутствiи депутата отъ другихъ факультетовъ.

и) Къ присутствiю при испытанiяхъ допускать всѣхъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, и спецiалистовъ.

i) Испытанiе производить въ теченiе цѣлаго года, въ опредѣленные факультетами сроки.

к) Постепенность въ порядкѣ для прiобрѣтенiя ученыхъ степеней ввести и въ медицинскiй факультетъ, такъ чтобы каждый сначала держалъ экзаменъ на степень лекаря и потомъ неранѣе какъ черезъ годъ допускался къ испытанiю на степень доктора медицины.

л) Допустить исключенiе изъ предъидущаго правила для лицъ, имѣющихъ степень доктора иностранныхъ университетовъ, которыя могутъ подвергаться прямо испытанiю во всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, на степень магистра, и въ медицинскомъ факультетѣ—на степень доктора медицины.

м) Внести въ проектъ статью о порядкѣ испытанiя на ученыя степени постороннихъ слушателей университета.

При этихъ видоизмѣненiяхъ шестая глава объ ученыхъ степеняхъ должна получить слѣдующую редакцiю:

§ 1. (128 § проекта). Совѣты университетовъ, по представленіямъ Факультетовъ и на основаніи ихъ удостоенія, имѣютъ право утверждать въ ученыхъ степеняхъ. Степени сіи суть: въ медицинскомъ Факультетѣ — лекарь и докторъ медицины, а въ прочихъ Факультетахъ — кандидатъ, магистръ и докторъ.

Сообразно съ этою редакціею, во 2-й главѣ проекта, въ отдѣленіи о Факультетскихъ собраніяхъ, 4-й пунктъ 26 § нужно выразить такъ:

4) «Испытанія на ученыя степени и званія и удостоеніе оныхъ».

Пунктъ же 5-й § 35 третьей главы, о совѣтѣ, можетъ быть оставленъ въ настоящемъ видѣ.

§ 119, гдѣ говорится о званіи дѣйствительнаго студента, сокращается и измѣняется въ слѣдующемъ видѣ:

§ 119. «Студенты, окончившіе удовлетворительно полное испытаніе, получаютъ, по представленіи ими диссертаціи и по одобреніи оной Факультетомъ, степени кандидата и лекаря».

Примѣчаніе. Студенты, удостоенные медали или почетнаго отзыва, получаютъ эти степени безъ представленія диссертаціи.

§ 2. (129 § проекта). Степени кандидата и лекаря пріобрѣтаются по испытанію и по диссертаціи, одобренной Факультетомъ. Отъ ищущаго степени магистра и доктора медицины требуется, сверхъ новаго устнаго испытанія, публичное защищеніе диссертаціи. Магистры удостоиваются степени доктора только по представленію и публичному защищенію ими диссертаціи.

§ 3. (132 § проекта). Ученыя степени пріобрѣтаются по порядку и въ установленные сроки: кандидатъ черезъ годъ можетъ искать степени магистра и магистръ — черезъ годъ степени доктора. Равнымъ образомъ и лекарь не ранѣе, какъ черезъ годъ, можетъ быть допущенъ къ испытанію на степень доктора медицины.

Примѣчаніе. Университетамъ предоставляется однако право: а) знаменитыхъ ученыхъ и спеціалистовъ, пріобрѣвшихъ всеобщую извѣст-

ность своими учеными трудами, прямо и безъ испытанія, возводить въ высшую ученую степень, и б) ученыхъ, имѣющихъ степень доктора отъ иностранныхъ университетовъ, допускать къ испытанію прямо на степень магистра.

§ 4. (130 § проекта). Ученыя степени могутъ пріобрѣтать какъ Русскіе подданные, такъ и иностранцы, *обучавшіеся какъ въ Русскихъ, такъ и въ заграничныхъ университетахъ.*

§ 5. (новый §). Посторонніе слушатели университетскихъ лекцій допускаются къ испытанію на ученыя степени кандидата и лекаря, по представленіи свидѣтельства о выдержанномъ ими испытаніи изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса.

§ 6. (131 § пр.). Испытанія на ученыя степени производятся въ теченіе цѣлаго года, въ опредѣленные каждымъ факультетомъ сроки, въ коммиссіяхъ, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ декановъ, по назначенію факультета, изъ членовъ онаго, и въ присутствіи депутата отъ другихъ факультетовъ, избираемаго по жребію совѣтомъ.

Примѣчаніе. Къ присутствію при испытаніяхъ допускаются, сверхъ того, всѣ лица, имѣющія ученыя степени, или вообще извѣстныя своими учеными трудами.

Сообразно съ этою редакціею, слѣдуетъ:

1) Въ 35 § проекта къ предметамъ занятій совѣта прибавить еще одинъ пунктъ:

«Назначеніе по жребію изъ профессоровъ и преподавателей депутатовъ совѣта для присутствія въ каждомъ факультетѣ при испытаніяхъ на ученыя степени и званія.»

2) Въ § 26 проекта. Къ предметамъ занятій въ факультетскихъ собраніяхъ присоединить:

«Назначеніе членовъ въ испытательную коммиссію на ученыя степени и званія и опредѣленіе сроковъ для этихъ испытаній въ теченіе учебнаго года.»

§ 7. (133 § проекта). Подробныя правила испытаній на ученыя степени опредѣляются особымъ положеніемъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Глава объ ученыхъ званіяхъ могла бы быть изложена въ слѣдующемъ видѣ:

Глава

Объ ученыхъ званіяхъ.

§ 1. Учеными званіями считаются: званіе учителя всѣхъ разрядовъ учебныхъ заведеній и по медицинскому факультету — званія провизора, аптекарскаго помощника, ветеринара, ветеринарнаго помощника, дантиста и повивальной бабки.

§ 2. Испытанія на ученыя званія производятся въ испытательныхъ коммиссіяхъ, состоящихъ при факультетахъ, въ теченіе цѣлаго года, въ опредѣленные сроки.

§ 3. Утвержденіе въ ученыхъ званіяхъ, по представленіямъ факультетовъ по принадлежности и на основаніи ихъ удостоенія, предоставляется совѣту.

Сообразно съ редакціею этой главы, въ 26-мъ § проекта, пунктъ 4-ый слѣдуетъ выразить такъ:

«Испытанія на ученыя степени и званія». (Вмѣсто испытанія на ученыя званія и степени).

Пунктъ 5, § 35, можетъ остаться въ настоящемъ видѣ.

Въ главѣ девятой: «О правахъ и преимуществахъ университета» §§ 158 и 159, вслѣдствіе отмѣны присвоенія классовъ ученымъ степенямъ, должны быть выражены такъ:

Глава

О правахъ и преимуществахъ университета.

§. (158 § проекта). Удостоенные ученыхъ степеней имѣютъ право, безъ различія происхожденія, вступать во всякаго рода государственную службу.

§. (159 § проекта). Происходящія изъ податнаго состоянія лица, пріобрѣвшія ученыя степени, пользуются правами личнаго почетнаго гражданства, еслибы они и оставались внѣ государственной службы.

2. Сводъ замѣчаній о составѣ физико-математическаго факультета въ университетахъ и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ онаго.

Ордин. проф. С. Петербургскаго унив. **Савича**.

Настоящій трудъ составленъ мною на основаніи постановленій и предположеній, извлеченныхъ: 1) изъ дѣйствующаго доселѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, 2) изъ общаго проекта устава университетовъ, составленнаго коммиссіею, которая для этой цѣли собрана была, по Высочайшему повелѣнію, въ декабрѣ 1861 года, и 3) изъ разныхъ замѣчаній на этотъ проектъ, напечатанныхъ въ отдѣльномъ сборникѣ.

I.

1) По общему уставу университетовъ, изданному въ 1835-мъ году, учрежденъ философскій факультетъ, который состоялъ изъ двухъ отдѣленій (глава 11-я устава). Второе изъ этихъ отдѣленій соотвѣтствовало физико-математическому факультету. Въ составъ его входили слѣдующія науки и каѳедры:

а) чистая и прикладная математика,

б) астрономія,

в) физика и физическая географія,

г) химія,

д) минералогія и геогнозія,

е) ботаника,

ж) зоологія,

з) технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Примѣчаніе. Преподающему архитектору поручалось исполнять должность архитектора въ университетѣ.

Для догматическаго и нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія опредѣлялась особая каѳедра, не принадлежащая ни къ какому факультету, но общая для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія.

Съ 1849 года студенты физико-математическаго факультета обязаны были слушать логику и психологію у профессора богословія. Сверхъ того, обязывались студенты заниматься однимъ изъ новѣйшихъ языковъ у лекторовъ, или, по крайней мѣрѣ, держать экзаменъ изъ одного новѣйшаго языка.

2) Въ проектѣ общаго устава университетовъ, представленнаго упомянутою выше коммиссіею, въ физико-математическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія каѳедры (гл. 11-ая, отд. I, § 13):

а) Высшая алгебра; сферическая тригонометрія; аналитическая геометрія; начертательная геометрія; теорія чиселъ; дифференціальное исчисленіе.

б) Интегральное исчисленіе; прямой и обратный способъ разностей; теорія вѣроятностей.

в) Механика аналитическая и практическая.

г) Физика и физическая географія.

д) Астрономія и геодезія.

е) Химія:

а) неорганическая,

б) органическая,

в) аналитическая.

ж) Зоологія, сравнительная анатомія и палеонтологія животнаго царства.

з) Ботаника и палеонтологія растительнаго царства.

и) Минералогія и геогнозія.

і) Техническая и агрономическая химія.

к) Строительное искусство.

Примѣчаніе. Вмѣсто вводимой проектомъ устава каѳедры технической и агрономической химіи, предполагалось до времени сохранить двѣ отдѣльныя каѳедры технологіи и сельскаго хозяйства, гдѣ таковыя существуютъ.

Для догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи опредѣляется особая каѳедра, общая для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія, и другая такая же для студентовъ Римско-католическаго исповѣданія, если окажется въ томъ надобность.

3) Въ слѣдующей сравнительной таблицѣ показаны предположенія разныхъ университетскихъ совѣтовъ объ устройствѣ физико-математическаго факультета. Къ этому факультету должны относиться, по мнѣнію совѣтовъ университетовъ:

Московскаго:

1 и 2) *Двѣ каѳедры по предметамъ математики.*

3) *Механика* аналитическая.

4) *Механика* практическая.

5) *Астрономія* теоретическая и практическая, геодезія и небесная механика.

6) Физика опытная и математическая; физика земнаго шара.

7) *Химія*: неорганическая, органическая и аналитическая.

8) *Зоологія* и *палеонтологія* животнаго царства.

9) *Сравнительная анатомія.*

10) *Ботаника* и физіологія растеній.

11) *Минералогія* и *геологія.*

12) *Технологія.*

13) *Сельское хозяйство.*

14) *Строительное искусство.*

Казанскаго:

1) Высшая алгебра; сфер. тригонометрія; аналитическая геометрія; начертательная геометрія; теорія чиселъ.

2) Дифференціальное исчисленіе; интегральное исчисленіе; варіяціонное исчисленіе; прямой и обратный способъ разностей; теорія вѣроятностей.

3) *Механика* аналитическая и прикладная.

4, 5 и 6) какъ въ проектѣ устава § 13.

7) *Зоологія* позвоночныхъ и безпозвоночныхъ.

8) *Ботаника описательная и біологія растеній.*

9, 10 и 11) какъ въ проектѣ.

Кіевскаго:

1 и 2) *Чистая математика двѣ каѳедры:*

а) Тригонометрія.

б) Высш. алгебра.

в) Аналит. геометрія.

г) Теорія чиселъ.

д) Дифференц. исчисленіе.

е) Интегр. исчис.

ж) Варіяціонное исчисленіе.

з) Разностное исчисленіе.

и) Теорія вѣроятностей.

3) *Механика*: одна каѳедра: а) аналит. и б) практ. механика.

4) *Строительное искусство*: одна каѳедра.

а) Строит. искусство и архитектура.

б) Начертат. геометрія и черченіе.

5 и 6) Физика и физич. геогр.; двѣ каѳедры.

7) *Астрономія* и *геодезія*, одна каѳед.

8 и 9) *Химія*:

а) Неорганическ.

б) Органическая.

в) Аналитическая, *двѣ каѳедры.*

10) *Зоологія*:

а) Зоологія частная и общая.

б) Сравнительная анатомія.

в) Палеонтологія.

11) *Ботаника*:

а) общая и частная.

б) анатомія растеній.

в) Физіологія растеній.

12) *Минералогія* и *геологія.*

13) Техническая химія.

14) Сельское хозяйство и лѣсоводство.

Харьковскаго:

1) *Чистый анализъ*:

а) Высшая алгеб.

б) Дифф. и интег. исчисленіе.

в) Прямой и обратный способъ разностей.

г) Теорія чиселъ.

2) *Геометрія*:

а) Аналитическая.

б) Начертательн.

в) Высшая (сегментарная геометрія).

3) *Прикладной анализъ*:

а) Аналит. механика.

б) Теорія вѣроятностей.

в) Прикладная механика.

4) *Астрономія и геодезія.*

5) *Физика и физическая географія.*

6) *Химія*:

а) Неорганическ.

б) Органическая.

в) Аналитическая.

7) *Зоологія*:

а) Общая зоологія.

б) Описательная зоологія.

в) Исторія зоологіи.

8) *Сравнительная анатомія:*

а) Сравнительная анатомія и гистологія.

б) Исторія развитія животныхъ.

9) *Сравнительная физіологія.*

10) *Ботаника.*

11) *Геологія и палеонтологія.*

12) *Минералогія и кристаллографія.*

13) *Технологія.*

14) *Сельское хозяйство.*

15) Строительное искусство.

4) Предыдущая таблица хотя и показываетъ нѣкоторое разнообразіе во взглядахъ совѣтовъ различныхъ университетовъ относительно числа каѳедръ и распредѣленія наукъ въ физико-математическомъ факультетѣ, но эти различія суть болѣе формальныя, нежели существенныя. Всѣ согласны въ необходимости *двухъ* каѳедръ для чистой математики; сверхъ того, нуженъ также, по крайней мѣрѣ, одинъ доцентъ. Въ самомъ дѣлѣ, до сего времени, въ С.-Петербургскомъ университетѣ излагали чистую математику *три* преподавателя: два профессора и одинъ адъюнктъ. Совѣтъ Кіевскаго университета особенно ходатайствуетъ объ учрежденіи двухъ каѳедръ чистой математики. Нельзя также относить къ одной каѳедрѣ преподаваніе аналитической и практической механики; совѣтъ Московскаго университета предлагаетъ поэтому учредить двѣ каѳедры: одну для аналитической, а другую для практической механики.

Гг. профессоры *Сомовъ* и *Чебышевъ* также объясняютъ, что, по обширности двухъ этихъ наукъ, различныхъ по предмету своему и методамъ, аналитическая механика должна быть отдѣлена отъ механики практической. Сверхъ того, г. профессоръ Сомовъ доказываетъ весьма убѣдительно, что преподаваніе практической механики не можетъ быть удовлетворительнымъ въ университетѣ. Серьезное ея изученіе требуетъ основательныхъ свѣдѣній въ интегральномъ исчисленіи и въ аналитической механикѣ, которыя оканчиваются только въ 4-мъ курсѣ. Поэтому преподаватель долженъ будетъ часто уклоняться отъ своего предмета, объясняя слушателямъ то, что они не проходили еще въ интегральномъ исчисленіи и аналитической механикѣ; либо онъ долженъ излагать науку элементарно, что̀ едва ли можетъ быть полезно. По этому г. профессоръ Сомовъ полагаетъ, что практическая механика не должна входить въ число факультетскихъ обязательныхъ предметовъ.

Полагаю, что строительное искусство, архитектура и черченіе также не должны причисляться къ обязательнымъ факультетскимъ предметамъ. Главную цѣль преподаванія въ университетѣ составляютъ науки, а не приложенія ихъ къ искусствамъ, и едва ли можно конкурировать университету въ отношеніи къ искусствамъ съ специальными заведеніями, каковы институтъ путей сообщенія, строительное училище и другія, которыя обладаютъ богатыми средствами для успѣшнаго преподаванія специальныхъ предметовъ. Сверхъ того, едва ли достанетъ студен-

тамъ времени заниматься, кромѣ чистой и прикладной математики, механики, физики, астрономіи и геодезіи, однимъ изъ новѣйшихъ языковъ и отчасти химіею, еще практическою механикою, строительнымъ искусствомъ, черченіемъ и архитектурою. Много ли нужно было бы прибавить, чтобъ изъ математическаго отдѣленія въ университетѣ образовалось инженерное училище? Не гораздо ли лучше, чтобы студенты, желающіе посвятить свою дѣятельность этимъ предметомъ, поступали въ спеціальныя заведенія, куда они легко могутъ вступить и охотно принимаются. Если отпускаемое на университеты содержаніе будетъ достаточно велико, то можно учредить каѳедры для упоминаемыхъ здѣсь предметовъ; желательно однакожь, чтобъ эти предметы не входили въ число обязательныхъ факультетскихъ предметовъ.

Кромѣ совѣта Кіевскаго университета, предлагающаго учредить двѣ каѳедры для физики и физической географіи, совѣты всѣхъ прочихъ университетовъ, равно какъ и составители проекта устава, находятъ достаточною одну каѳедру для упомянутыхъ наукъ. Здѣсь однакожь должно прибавить, что, кромѣ профессора, занимающаго каѳедру, будетъ нуженъ также штатный доцентъ, безъ котораго обойтись нельзя. Совѣтъ Кіевскаго университета находитъ, что, по обширности и большому разнообразію предметовъ, входящихъ въ составъ неорганической, органической и аналитической химіи, необходимо по предмету химіи назначить двѣ отдѣльныя каѳедры. Равнымъ образомъ, трудно отнести къ одной каѳедрѣ зоологію, сравнительную анатомію и палеонтологію. Въ этомъ случаѣ, необходимо учредить двѣ отдѣльныя каѳедры, соединивъ съ ними преподаваніе физіологіи; необходимость эта доказана опытомъ.

Для прочихъ наукъ можно, кажется, довольствоваться для каждой одною каѳедрою, какъ упомянуто въ проектѣ.

5) Совѣты университетовъ: Московскаго, Кіевскаго и Харьковскаго, вмѣсто вводимой проектомъ устава одной каѳедры технической и агрономической химіи, предпочитаютъ учрежденіе двухъ отдѣльныхъ каѳедръ: одной—для технологіи, а другой—для сельскаго хозяйства. Пользу преподаванія этихъ послѣднихъ наукъ, а особенно сельскаго хозяйства, объясняютъ: г. *Ходецкій*, профессоръ Кіевскаго университета, и г. *Совѣтовъ* адъюнктъ С.-Петербургскаго университета; изложенныя ими причины суть: а) наука сельскаго хозяйства достаточно разви-

та и излагаетъ много свѣдѣній, служащихъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, пріобрѣтаемымъ изъ разныхъ частей естественныхъ наукъ; б) ученія химіи технической и химіи агрономической не могутъ совпадать одно съ другимъ по различію ихъ предметовъ; в) въ Россіи, съ прекращеніемъ обязательнаго труда, потребность въ изученіи агрономіи становится болѣе и болѣе ощутительною; г) по проекту устава остается каѳедра сельскаго хозяйства неприкосновенною при Дерптскомъ университетѣ, и д) во многихъ полосахъ Россіи каѳедры сельскаго хозяйства суть единственныя учрежденія для распространенія агрономическихъ свѣдѣній въ краѣ.

Мнѣніе по этому предмету знаменитаго нашего ученаго и педагога Н. И. *Пирогова* совершенно противуположно; онъ полагаетъ, что именно техническая и агрономическая химія составили бы истинное обогащеніе факультетскаго преподаванія, между тѣмъ какъ преподаваніе технологіи и сельскаго хозяйства, внѣ особенныхъ спеціальныхъ учрежденій (институтовъ), не принесетъ пользы, при ничтожности вспомогательныхъ средствъ для преподаванія этихъ предметовъ въ университетахъ.

Чтобъ прійти къ окончательному заключенію, нужно ученому комитету рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени преподаваніе сельскаго хозяйства и технологіи въ университетахъ способствовало къ распространенію агрономическихъ свѣдѣній въ Россіи и какія суть наилучшія средства для достиженія этой цѣли? — Во всякомъ случаѣ, сельское хозяйство и технологія не должны быть причисляемы къ обязательнымъ факультетскимъ предметамъ.

6) Такъ какъ геометрія, и вообще математика, есть уже практическая логика, а психологія ни въ какомъ соотношеніи съ физико-математическими науками не находится, то полагаю, что студенты физико-математическаго факультета могутъ быть освобождены отъ обязательства посѣщать лекціи логики и психологіи. Совѣтъ Харьковскаго университета, а также гг. Н. И. *Пироговъ* и И. Д. *Деляновъ* полагаютъ, что каѳедра богословія не должна быть для студентовъ обязательною, потому что молодые люди, вступающіе въ университетъ, не готовятся къ духовному сану и знаютъ догматы своей вѣры въ объемѣ достаточномъ для людей, не принадлежащихъ къ духовному чину. Безъ сомнѣнія, знаніе закона Божія необходимо каждому, но нельзя сказать, чтобы не учившіеся въ универси-

тетѣ не знали закона Божія. Въ гимназіяхъ довольно основательно проходятся: священная исторія ветхаго и новаго завѣта, пространный катихизисъ, исторія церкви вселенской и отечественной; отъ поступающихъ же въ университеты требуется удостовѣрительное свидѣтельство гимназіи, что они знаютъ эти предметы, а за тѣмъ нѣтъ, кажется, надобности требовать болѣе подробныхъ свѣдѣній отъ особъ, не посвящающихъ себя духовному званію. Доказательствъ этихъ нельзя не признать убѣдительными. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы академіи генеральнаго штаба, инженерная и артиллерійская, а также во вновь учреждаемыхъ академическихъ классахъ для морскихъ офицеровъ, не преподается богословіе по подобной же причинѣ.

7) По обширности и разнородности естественныхъ и математическихъ наукъ, необходимо раздѣлить физико-математическій факультетъ на два разряда: одинъ—математическихъ, а другой — естественныхъ наукъ, какъ это и прежде допущено было въ Санктпетербургскомъ университетѣ.

Справедливо замѣчаютъ *совѣтъ университета св. Владиміра* и академикъ *Струве*, что въ уставѣ университетовъ не слѣдуетъ высчитывать разныхъ частей или особенныхъ отдѣловъ наукъ; удобнѣе въ уставѣ довольствоваться при обозначеніи каѳедръ названіями самыми общими, представляющими обширное значеніе. Этого же взгляда держится совѣтъ Московскаго университета.

На основаніи вышеизлооженныхъ соображеній, въ составъ физико-математическаго факультета могли бы войти слѣдующія каѳедры:

1 и 2—каѳедры по предмету чистой математики.
3. Механика (аналитическая).
4. Физика и физическая географія.
5. Астрономія и геодезія.
6 и 7—каѳедры по предмету химіи.
8. Зоологія и палеонтологія животнаго царства.
9. Сравнительная анатомія и физіологія животныхъ.
10. Ботаника и палеонтологія растительнаго царства.
11. Минералогія и геогнозія.

Примѣчаніе 1. Новыми языками студенты занимаются у лекторовъ этихъ языковъ.

Примѣчаніе 2. Если признано будетъ нужнымъ и представятся къ тому средства, то опредѣляются еще профессоры или преподава-

тели предметовъ, не принадлежащихъ къ числу обязательныхъ факультетскихъ наукъ; эти предметы суть:

а) Строительное искусство и архитектура.

б) Практическая механика.

в) Техническая и агрономическая химія, или, вмѣсто этихъ послѣднихъ, технологія и сельское хозяйство.

Примѣчаніе 3. Испытаніе въ одномъ изъ языковъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ или Англійскомъ считается для ищущихъ степени кандидата обязательнымъ.

II.

Учебными пособіями при преподаваніи въ физико-математическомъ факультетѣ, по моему мнѣнію, должны служить:

1) Общая университетская библіотека.

2) Астрономическая обсерваторія, въ которой, кромѣ инструментовъ, должны находиться собранія астрономическихъ таблицъ, эфемеридъ или мѣсяцеслововъ, каталоговъ звѣздъ, небесныхъ атласовъ или картъ, и т. п.

3) Физическій кабинетъ.

4) Химическая лабораторія.

5) Лабораторія для технологіи и технологическій кабинетъ, если технологія будетъ преподаваться.

6) Зоологическій кабинетъ.

7) Физіологическій кабинетъ и лабораторія.

8) Ботаническій садъ и кабинетъ.

9) Минералогическій кабинетъ, съ особенною при немъ лабораторіею.

11) Кабинетъ строительнаго искусства и практической механики, если эти предметы будутъ преподаваемы.

12) Сельско-хозяйственный кабинетъ, если сельское хозяйство будетъ преподаваться.

Вслѣдствіе того § 139 проекта слѣдуетъ выразить такъ:

«Библіотека состоитъ въ завѣдываніи библіотекаря и его помощниковъ. Прочія учрежденія находятся въ вѣдѣніи профессоровъ, къ каѳедрамъ которыхъ они принадлежатъ. При этихъ учрежденіяхъ состоятъ: астрономы-наблюдатели и ихъ помощ-

ники, лаборанты, механики, садовники; всѣ они пользуются правами службы по учебной части».

При нѣкоторыхъ Русскихъ университетахъ устроены отличныя и богато снабженныя инструментами обсерваторіи, а между тѣмъ на содержаніе обсерваторій въ ученомъ отношеніи, на ремонтъ зданій и хозяйственныя потребности, назначенныя по штату суммы (около 150 рублей въ годъ) совершенно недостаточны. Г. академикъ Струве полагаетъ, что на содержаніе каждой университетской обсерваторіи нужно назначить около 1000 рублей въ годъ, включая сюда и то вознагражденіе, которое нужно положить одному изъ младшихъ помощниковъ директора обсерваторіи. Также окладъ жалованья астрономовъ-наблюдателей слишкомъ малъ, чтобъ онъ могъ привлечь и удерживать на этихъ мѣстахъ опытныхъ и даровитыхъ людей. Въ проектѣ расходовъ, который составленъ совѣтомъ Казанскаго университета, назначается астроному-наблюдателю 1200 рублей ежегоднаго жалованья, и это назначеніе должно назвать умѣреннымъ. Полезно было бы и даже необходимо, для усиленія ученой дѣятельности, имѣть по крайней мѣрѣ одну стипендію при обсерваторіи, отъ 300 до 400 рублей въ годъ, и назначать ее одному изъ кандидатовъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ, и посвящающему себя астрономіи. Постоянное участіе такого кандидата въ наблюденіяхъ дастъ возможность употребить для пользы науки нѣкоторые изъ инструментовъ обсерваторіи, которые безъ того остались бы праздными, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ образованію въ Россіи отличныхъ астрономовъ.

Подобные же ассистенты должны находиться при физическомъ, зоологическомъ, ботаническомъ и минералогическомъ кабинетахъ, не только для учебныхъ цѣлей, но и для производства собственныхъ изслѣдованій.

Суммы, отпускаемыя нынѣ на содержаніе химическихъ лабораторій, также чрезвычайно скудны; жалованье лаборанта такъ мало, что не даетъ самыхъ скудныхъ средствъ къ жизни. При новомъ устройствѣ университетовъ, надобно измѣнить это положеніе, которое, съ безпрестаннымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ вещи, не можетъ долѣе быть допущено.

Для устраненія упомянутыхъ неудобствъ, прилагается здѣсь выписка изъ составленнаго Казанскимъ университе-

томъ проекта расходовъ въ отношенiи къ учебнымъ и ученымъ пособiямъ при физико-математическихъ факультетахъ:

Астроному-наблюдателю жалованья въ годъ	1200	руб.
Двумъ лаборантамъ (при химическихъ лабораторiяхъ), каждому по 800..........	1600	»
» Механику....................	500	»
Смотрителю ботаническаго сада.........	600	»
Садовнику......................	600	»
На астрономическую обсерваторiю въ годъ	700	»
» физическiй кабинетъ и лабораторiю....	1000	»
» химическiя лабораторiи и кабинетъ....	1500	»
» технологочискую лабораторiю и кабинетъ	1000	»
» минералогическiй кабинетъ..........	500	»
» зоологическiй и зоотомическiй кабинетъ.	1200	»
« ботаническiй садъ и кабинетъ........	3000	»
» кабинетъ строительнаго искусства....	300	»
» сельско-хозяйственный кабинетъ......	300	»

Примѣчанiе. Въ С. Петербургскомъ университетѣ полагается удобнѣе, вмѣсто особеннаго штатнаго механика, имѣть ассистента при физическомъ кабинетѣ, потому что въ С. Петербургѣ всегда найдутся посторонніе, хорошіе механики для починки инструментовъ. Ассистентъ необходимъ при производствѣ опытовъ; ему слѣдуетъ положить жалованье наравнѣ съ химическими лаборантами. Учрежденіе такихъ ассистентовъ дастъ возможность молодымъ людямъ заняться самостоятельными изслѣдованіями и, во всякомъ случаѣ, будетъ разсадникомъ хорошихъ преподавателей опытной физики. Предыдущая смѣта расходовъ приложена только для примѣра; въ каждомъ университетѣ встрѣтятся разности.

ники, лаборанты, механики, садовники; всѣ они пользуются правами службы по учебной части».

При нѣкоторыхъ Русскихъ университетахъ устроены отличныя и богато снабженныя инструментами обсерваторіи, а между тѣмъ на содержаніе обсерваторій въ ученомъ отношеніи, на ремонтъ зданій и хозяйственныя потребности, назначенныя по штату суммы (около 150 рублей въ годъ) совершенно недостаточны. Г. академикъ Струве полагаетъ, что на содержаніе каждой университетской обсерваторіи нужно назначить около 1000 рублей въ годъ, включая сюда и то вознагражденіе, которое нужно положить одному изъ младшихъ помощниковъ директора обсерваторіи. Также окладъ жалованья астрономовъ-наблюдателей слишкомъ малъ, чтобъ онъ могъ привлечь и удерживать на этихъ мѣстахъ опытныхъ и даровитыхъ людей. Въ проектѣ расходовъ, который составленъ совѣтомъ Казанскаго университета, назначается астроному-наблюдателю 1200 рублей ежегоднаго жалованья, и это назначеніе должно назвать умѣреннымъ. Полезно было бы и даже необходимо, для усиленія ученой дѣятельности, имѣть по крайней мѣрѣ одну стипендію при обсерваторіи, отъ 300 до 400 рублей въ годъ, и назначать ее одному изъ кандидатовъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ, и посвящающему себя астрономіи. Постоянное участіе такого кандидата въ наблюденіяхъ дастъ возможность употребить для пользы науки нѣкоторые изъ инструментовъ обсерваторіи, которые безъ того остались бы праздными, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ образованію въ Россіи отличныхъ астрономовъ.

Подобные же ассистенты должны находиться при физическомъ, зоологическомъ, ботаническомъ и минералогическомъ кабинетахъ, не только для учебныхъ цѣлей, но и для производства собственныхъ изслѣдованій.

Суммы, отпускаемыя нынѣ на содержаніе химическихъ лабораторій, также чрезвычайно скудны; жалованье лаборанта такъ мало, что не даетъ самыхъ скудныхъ средствъ къ жизни. При новомъ устройствѣ университетовъ, надобно измѣнить это положеніе, которое, съ безпрестаннымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ вещи, не можетъ долѣе быть допущено.

Для устраненія упомянутыхъ неудобствъ, прилагается здѣсь выписка изъ составленнаго Казанскимъ университе-

томъ проекта расходовъ въ отношеніи къ учебнымъ и ученымъ пособіямъ при физико-математическихъ факультетахъ:

Астроному-наблюдателю жалованья въ годъ	1200	руб.
Двумъ лаборантамъ (при химическихъ лабораторіяхъ), каждому по 800..........	1600	»
» Механику....................	500	»
Смотрителю ботаническаго сада.........	600	»
Садовнику.......................	600	»
На астрономическую обсерваторію въ годъ	700	»
» физическій кабинетъ и лабораторію....	1000	»
» химическія лабораторіи и кабинетъ....	1500	»
» технологочискую лабораторію и кабинетъ	1000	»
» минералогическій кабинетъ..........	500	»
» зоологическій и зоотомическій кабинетъ.	1200	»
« ботаническій садъ и кабинетъ........	3000	»
» кабинетъ строительнаго искусства....	300	»
» сельско-хозяйственный кабинетъ......	300	»

Примѣчаніе. Въ С. Петербургскомъ университетѣ полагается удобнѣе, вмѣсто особеннаго штатнаго механика, имѣть ассистента при физическомъ кабинетѣ, потому что въ С. Петербургѣ всегда найдутся посторонніе, хорошіе механики для починки инструментовъ. Ассистентъ необходимъ при производствѣ опытовъ; ему слѣдуетъ положить жалованье наравнѣ съ химическими лаборантами. Учрежденіе такихъ ассистентовъ дастъ возможность молодымъ людямъ заняться самостоятельными изслѣдованіями и, во всякомъ случаѣ, будетъ разсадникомъ хорошихъ преподавателей опытной физики. Предыдущая смѣта расходовъ приложена только для примѣра; въ каждомъ университетѣ встрѣтятся разности.

Къ № 1.

I. Сводъ замѣчаній, относящихся ко второй главѣ и особенно къ ст. 12 проекта общаго устава Россійскихъ университетовъ.

Преподавателя С.-Петербургскаго университета **Люгебиля.**

Замѣчанія, относящіяся ко второй главѣ проекта общаго устава Россійскихъ университетовъ, двоякаго рода: большая часть сихъ замѣчаній разсматриваетъ перечень каѳедръ и распредѣленіе наукъ по каѳедрамъ различныхъ факультетовъ; но г. Пироговъ возбудилъ общій вопросъ: умѣстно-ли въ проектѣ общаго устава университетовъ опредѣленіе числа каѳедръ по факультетамъ. На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ отрицательно, по слѣдующимъ причинамъ:

1) При быстромъ и почти неуловимомъ прогресѣ различныхъ наукъ, *въ настоящее время нельзя опредѣлить на продолжительный срокъ штатъ или число каѳедръ по факультетамъ.* «Науки, говоритъ онъ, которыя еще вчера считались несущественными, сегодня дѣлаются уже необходимыми и существенными; предметы, возведенные предшествовавшими вѣками на степень наукъ, въ настоящее время едва заслуживаютъ это названіе. Поэтому, гораздо современнѣе и полезнѣе для университетскаго ученія было бы не опредѣлять въ уставѣ, *который пишется не на одинъ годъ*, штатнаго числа каѳедръ или преподавателей, а предоставить автономіи факультетовъ и совѣтовъ, подъ контролемъ министерства и общественнаго мнѣнія, опредѣленіе числа каѳедръ и другихъ предметовъ, *подверженныхъ измѣненіямъ и колебаніямъ.*»

2) *Опредѣленіе штата преподавателей уставомъ имѣетъ важную невыгоду, поселяя въ учебныхъ учрежденіяхъ заботу объ удовлетвореніи одной формальной стороны дѣла*, *т. е. объ укомплектованіи этого штата;* между тѣмъ, какъ главное средство къ процвѣтанію университета состоитъ въ томъ, чтобы членами факультетовъ были истинные представители науки. «Для просвѣщенія и для науки, говоритъ г. Пироговъ, несравненно лучше, напр., тотъ факультетъ, который, хотя бы и считалъ у себя одну каѳедру, по недостатку дѣльнаго преподавателя, вакантною, но за то на другой каѳедрѣ имѣлъ бы двухъ настоящихъ представителей науки, нежели факультетъ полный по штату, но состоящій изъ однѣхъ посредственностей. Положимъ, напримѣръ, что уставъ опредѣляетъ 5 штатныхъ преподавателей для одного факультета, и одна изъ 5-ти каѳедръ открывается вакантною; на нее не является ни одного достойнаго кандидата, между тѣмъ у факультета есть въ виду два спеціалиста, пріобрѣтшіе себѣ уже извѣстность въ наукѣ, но спеціалисты по такому предмету, который, по уставу, не вошелъ еще въ составъ университетскаго преподаванія (напримѣръ, физіологической или другой прикладной химіи), хотя, по важности и современности, и заслуживалъ бы этого. Что̀ дѣлаетъ въ этомъ случаѣ факультетъ, стѣсненный штатомъ устава? Онъ поневолѣ отказываетъ двумъ истиннымъ представителямъ и авторитетамъ въ наукѣ, и отдаетъ вакантную каѳедру, наконецъ, такому, который только и хорошъ потому, что удовлетворяетъ формальному требованію устава.» Г. Пироговъ не придаетъ большой важности тому обстоятельству, что какая-нибудь каѳедра на нѣкоторое время останется вакантною, лишь бы факультетъ состоялъ изъ людей дѣльныхъ и знатоковъ своего дѣла.

Г. Мильчевскій, согласно съ г. Пироговымъ, утверждаетъ, что заранѣе опредѣленные «штаты» въ уставѣ совершенно неумѣстны.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно оспаривать справедливость перваго изъ приведенныхъ г. Пироговымъ доводовъ. Поэтому, если составители проекта старались опредѣлить уставомъ то, что, по сущности своей, подлежитъ измѣненіямъ и колебаніямъ, то въ этомъ они были увлечены укоренившеюся у насъ привычкою къ излишнимъ регламентаціямъ, которыя обыкновенно влекутъ за собою неисполненіе и неуваженіе законныхъ

постановленій, а въ этомъ случаѣ могутъ быть причиною того, что каѳедры займутъ преподаватели не вполнѣ достойные.

Что же касается втораго довода г. Пирогова, то противъ него г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ сдѣлалъ возраженія, которыя не слѣдуетъ упустить изъ виду. Онъ замѣчаетъ, что университетъ имѣетъ не только отвлеченную цѣль — быть источникомъ народнаго образованія, но есть, съ тѣмъ вмѣстѣ, и орудіе правительства для достиженія разныхъ другихъ государственныхъ цѣлей. «Государству, говоритъ г. Деляновъ, нужны учители, судьи, слѣдователи и т. п.; будетъ ли правительство въ состояніи удовлетворить этимъ требованіямъ государства, если въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ университеты будутъ оставлять вакантными именно тѣ каѳедры, которыя служатъ средствомъ для приготовленія этихъ спеціалистовъ, потому только, что они не найдутъ знаменитостей или отличнѣйшихъ знатоковъ дѣла для замѣщенія этихъ каѳедръ». «У насъ, продолжаетъ онъ, нельзя отвергать кандидатовъ на каѳедры, которые, не принадлежа къ первокласснымъ ученымъ, знаютъ, однако, свой предметъ основательно и могутъ приносить пользу юношеству». Мѣра, предлагаемая г. Пироговымъ, по мнѣнію г. Делянова, была бы, можетъ быть, весьма удобна въ Германіи, гдѣ научная литература по всѣмъ отраслямъ знанія весьма богата, и гдѣ множество университетовъ, находящихся не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго; гдѣ пути сообщенія легки и удобны, такъ что весьма легко перенестись изъ одного университета въ другой; но у насъ, гдѣ разстоянія огромныя и пути сообщенія затруднительны, гдѣ бо̀льшая часть учащихся очень слаба въ иностранныхъ языкахъ и не въ состояніи пользоваться ихъ богатою, по всѣмъ частямъ знанія, литературою, введеніе этой мѣры *можетъ быть причиною огромныхъ пробѣловъ* въ образованіи университетскихъ слушателей. Итакъ, по мнѣнію г. Делянова, слѣдуетъ непремѣнно опредѣлить *штатное число каѳедръ, признаваемыхъ необходимыми по цѣлямъ правительства, а за тѣмъ можно и полезно предоставить факультетамъ и совѣтамъ* (мы бы сказали: надлежитъ вмѣнить въ обязанность имъ) представлять объ учрежденіи каѳедръ новыхъ по такимъ предметамъ, которые не вошли въ общій штатъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ назначить въ распоряженіе факультетовъ извѣстную сумму, изъ коей и будетъ покрываться расходъ на учрежденіе такихъ

каѳедръ. Этимъ средствомъ будутъ достигнуты разомъ 2 цѣли: въ университетахъ будутъ всегда каѳедры, которыя необходимы для достиженія цѣлей правительства, и факультетъ получитъ возможность учреждать преподаваніе по такимъ предметамъ, которые *требуются мѣстностію*, *общественнымъ мнѣніемъ или признаны нужными* вслѣдствіе непрерывно возрастающаго развѣтвленія многихъ наукъ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Делянова важны, мнѣ кажется, два пункта: во-1-хъ, признавая нужнымъ *опредѣлить штатное число каѳедръ необходимыхъ по цѣлямъ правительства*, относительно каѳедръ другихъ предметовъ онъ совершенно согласенъ съ г. Пироговымъ; во-2-хъ, онъ выставляетъ еще новую, не приведенную г. Пироговымъ причину, почему нельзя и не слѣдуетъ опредѣлять остальныхъ каѳедръ. Онъ говоритъ, что относительно различныхъ наукъ потребности различныхъ университетовъ могутъ расходиться, что эти потребности зависятъ отъ *мѣстныхъ условій*. Такъ напримѣръ: бывшій профессоръ и директоръ Ришельевскаго лицея Мурзакевичъ и бывшій попечитель Одесскаго округа Могилянскій полагаютъ предположенную къ преподаванію въ историко-филологическихъ факультетахъ миѳологію замѣнить *археологіею* *), *палеографіею* и *нумизматикою*, на томъ основаніи, что *эти предметы, въ Новороссійскомъ университетѣ, по мѣстнымъ условіямъ, особенно важны*. Проектъ общаго устава, университетовъ не долженъ упускать изъ виду такія мѣстныя потребности?

Прибавлю еще отъ себя слѣдующее замѣчаніе. Къ чему вносить въ перечень каѳедръ и наукъ по факультетамъ такія каѳедры, которыя нескоро могутъ быть замѣщены во всѣхъ университетахъ хорошими преподавателями, такъ какъ замѣщеніе ихъ зависитъ не отъ устава, а отъ различныхъ другихъ обстоятельствъ? Къ этимъ каѳедрамъ я отношу, напр., каѳедры: исторіи всеобщей литературы, которая едва-ли существуетъ въ какомъ-нибудь иностранномъ университетѣ, сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка. Развѣ эти каѳедры будутъ тѣмъ скорѣе заняты достойными преподавателями, что онѣ считаются нужными въ историко-филологическомъ факультетѣ по какой-нибудь статьѣ устава? По этому ихъ и не слѣ-

*) Впрочемъ, проектъ также требуетъ каѳедры археологіи.

дуетъ вносить въ списокъ опредѣленныхъ по *общему* уставу штатныхъ каѳедръ, тѣмъ болѣе, что преподаваніе этихъ предметовъ не есть еще у насъ общая практическая необходимость.

Правда, г. профессоръ Бунге защищаетъ проектъ устава въ этомъ вопросѣ противъ г. Пирогова. Онъ замѣчаетъ, что назначеніемъ штатнаго числа преподавателей и перечнями каѳедръ по факультетамъ проектъ вовсе не установляетъ неподвижности въ составѣ факультетскихъ наукъ. Возраженія г. Пирогова относительно этого предмета, по мнѣнію г. Бунге, произошли оттого, что онъ не обратилъ вниманія на 1-ый пунктъ § 35, которымъ совѣту дозволено: *соединять, раздѣлять каѳедры и замѣнять однѣ другими*,—однимъ словомъ то, чего онъ желаетъ въ началѣ своихъ замѣчаній на § 6. Но проектъ, предоставляя университетамъ очень широкія права, относительно измѣненія состава факультетскихъ курсовъ (въ смыслѣ системы преподаваемыхъ наукъ), не могъ допустить мысли, которую защищаетъ г. Пироговъ, что *факультеты могутъ обойтись безъ тѣхъ, или другихъ каѳедръ*, приглашая двойное число преподавателей по другимъ.

Эти замѣчанія г. профессора Бунге не выдерживаютъ, мнѣ кажется, строгой критики. Ссылка его на § 35 не только не доказываетъ, что мнѣніе г. Пирогова неосновательно, напротивъ того, подтверждаетъ его. Изъ п. 4 § 35 видно, что сами составители проекта устава признавали невозможнымъ опредѣленіе штатныхъ преподавателей для всѣхъ университетовъ и на продолжительное время. По этому имъ не слѣдовало и представлять перечня всѣхъ каѳедръ и наукъ по различнымъ факультетамъ въ общемъ уставѣ, который пишется не на краткій срокъ. Далѣе, къ чему же г. Бунге замѣчаетъ, что, и по мнѣнію составителей устава, *факультеты не могутъ обойтись безъ тѣхъ или другихъ предметовъ*, между тѣмъ какъ по другимъ приглашалось бы по нѣскольку преподавателей; г. Бунге упускаетъ здѣсь изъ виду, что *по необходимости факультеты различныхъ университетовъ должны будутъ* обойтись безъ тѣхъ или другихъ предметовъ, опредѣленныхъ штатомъ, если они только будутъ всегда назначать въ преподаватели достойныхъ людей?

И такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ г. Делянова, что уставъ долженъ только опредѣлить, *какія каѳедры и какія науки составляютъ общую практическую потребность*, а введеніе преподаванія другихъ наукъ слѣдуетъ пред-

оставить совѣтамъ и факультетамъ *отдѣльныхъ* университетовъ, подъ контролемъ министерства и общественнаго мнѣнія.

Представивъ мнѣнія гг. Пирогова, Делянова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ объ опредѣленіи уставомъ штатныхъ каѳедръ, обращаюсь теперь къ замѣчаніямъ различныхъ лицъ и университетскихъ совѣтовъ, относящимся къ перечню каѳедръ по историко-филологическому факультету.

Эти замѣчанія очень разнообразны: одни требуютъ отнесенія какого-нибудь предмета не къ тому факультету, къ которому его отнесли составители проекта, другіе — инаго распредѣленія наукъ по каѳедрамъ, третьи касаются вопроса, сколько каѳедръ требуется для какого-нибудь предмета, или же только редакціи отдѣльныхъ частей § 12.

Такъ совѣтъ Московскаго университета полагаетъ, что отдѣльнаго восточнаго факультета быть не можетъ, такъ какъ онъ составляетъ одну спеціальность, не заключая въ себѣ предметовъ общаго историко-филологическаго образованія. По этому онъ долженъ составлять отдѣленіе историко-филологическаго факультета, какъ это и было въ Казанскомъ университетѣ. Вслѣдствіе этого полагается *исключить* въ § 9 выраженіе: *«въ С.-Петербургскомъ университетѣ есть факультетъ восточныхъ языковъ»*.

Совѣтъ того же университета вноситъ въ перечень каѳедръ и наукъ по историко-филологическому факультету: *всеобщую церковную исторію* и *исторію Русской церкви*.

Совѣтъ Казанскаго университета, членъ ученаго комитета Шнейдеръ и профессоры Ивановскій, Утинъ и Спасовичъ того мнѣнія, что каѳедру политической экономіи и статистики слѣдуетъ отнести къ юридическому факультету, на томъ основаніи, что это часть государственныхъ наукъ, входящихъ въ составъ не историко-филологическаго, а юридическаго факультета*). А какъ въ самомъ дѣлѣ бо̀льшая часть государственныхъ наукъ, какъ-то: государственное право, наука о финансахъ и проч., отнесены къ юридическому факультету, то и нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

*) Впрочемъ, г. Спасовичъ полагаетъ совершенно исключить статистику изъ перечня наукъ по факультетамъ, потому что она не особая наука, а методъ къ изученію наукъ.

Совѣтъ университета съ Владиміра требуетъ раздѣленія каѳедры сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка на двѣ, на томъ основаніи, что легче будетъ найти преподавателей сравнительнаго языковѣдѣнія, нежели преподавателей этой науки и Санскритскаго языка, и что трудность имѣть преподавателей обѣихъ этихъ наукъ можетъ лишить тѣхъ, кто изучаетъ историческія науки, возможности ознакомиться съ очень важною для нихъ наукою языковѣдѣнія. Г. профессоръ Спасовичъ спрашиваетъ, отчего сравнительное языковѣдѣніе соединено именно съ Санскритскимъ языкомъ. Такого же раздѣленія этой каѳедры на двѣ требуетъ и г. Гречъ*). Но спрашивается: слѣдуетъ ли вообще назначать штатныя каѳедры этихъ наукъ во всѣхъ Русскихъ университетахъ; вѣдь нескоро еще будетъ возможно вездѣ сыскать хорошихъ преподавателей по этимъ частямъ.

Очень многіе (а именно: совѣты Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ, профессоръ Ивановскій, гг. Левшинъ и Гречъ) требуютъ отдѣленія исторіи всеобщей литературы отъ каѳедры Русской словесности и назначенія для каждаго изъ этихъ предметовъ по отдѣльной каѳедрѣ, потому что объемъ этихъ наукъ слишкомъ великъ, чтобы ихъ могъ преподавать одинъ профессоръ. Г. Гречъ, однако же, отъ профессора исторіи всеобщей литературы требуетъ, кромѣ того, преподаванія философской или общей грамматики и сравнительной грамматики Индо-Европейскихъ языковъ. Но, не говоря уже о томъ, что всѣ прежнія системы философской грамматики оказались несостоятельными, а новѣйшія попытки гг. Штейнталя, Лацаруса и другихъ объяснить явленія языковъ изъ психологическихъ явленій, далеко еще не составляютъ новой, полной системы; не говоря уже объ этомъ, по моему мнѣнію, не только одинъ профессоръ никогда не возьметъ на себя преподавать въ университетѣ сравнительную грамматику и исторію

*) Г. Гречъ въ недоразумѣніи, какъ понять выраженіе: сравнительное языковѣдѣніе. Въ замѣнъ этого выраженія, онъ предлагаетъ слѣдующую редакцію: «Сравнительное и историческое языковѣдѣніе Европы, съ обращеніемъ вниманія на Санскритскій и другіе языки Азіи, кромѣ семитическихъ и Китайскаго». Составители проекта, подъ выраженіемъ сравнительнаго языковѣдѣнія, понимали, безъ всякаго сомнѣнія, сравнительную грамматику Индо-Европейскихъ языковъ.

всеобщей литературы, но вообще едва ли найдется въ цѣлой Европѣ хотя одинъ ученый, который бы былъ въ состояніи читать исторію всеобщей литературы такъ, какъ подобаетъ читать ее въ университетѣ; и едва ли въ какомъ-нибудь университетѣ западной Европы существуетъ каѳедра исторіи всеобщей литературы. И такъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ ни требовать отъ профессора Русской словесности, чтобы онъ преподавалъ еще исторію всеобщей литературы, ни назначать для этого предмета особой каѳедры.

Остальныя замѣчанія, относящіяся къ каѳедрамъ историко-филологическаго факультета, я приведу въ томъ порядкѣ, въ которомъ расположены сами каѳедры въ проектѣ устава.

На счетъ каѳедры философіи мнѣнія наиболѣе расходятся. Между тѣмъ какъ совѣтъ Московскаго университета и г. попечитель Московскаго учебнаго округа Исаковъ исключаютъ педагогику, другіе, именно совѣтъ Ришельевскаго лицея, гг. Могилянскій, Шестаковъ, Михельсонъ, архіепископъ Черниговскій Филаретъ и архимандритъ Іосифъ, находятъ, что составъ каѳедры философіи по проекту не довольно полонъ. Впрочемъ, не рѣшаясь утверждать, что я вѣрно понялъ замѣчаніе Черниговскаго архіепископа, привожу его слова цѣликомъ: «Въ § 12 общаго Устава къ философіи отнесены науки: а) логика, б) психологія, в) исторія философіи, г) педагогія. А въ § 12 Устава Дерптскаго университета сказано: «философія и педагогія», т. е. кромѣ логики, психологіи и философской исторіи, преподаются метафизика, естественное право и практическая философія). Спрашивается: «если для Русскихъ университетовъ не безопаснымъ признано читать метафизику и естественное право, то почему для Дерптскаго университета это безопасно? Или Дерптскій университетъ выше Московскаго и Харьковскаго, чтобы оставлять за нимъ преимущество, котораго не имѣютъ, по уставу, послѣдніе». Ректоръ Литовской духовной семинаріи, архимандритъ Іосифъ не только считаетъ важнымъ ввести преподаваніе въ университетахъ *метафизики и психологіи*, но и ожидаетъ отъ такой мѣры много добра. Г. Михельсонъ, науки, входящія въ составъ каѳедры философіи, распредѣляетъ такъ: логика, психологія, *антропологія*, *нравственная философія*, педагогика и дидактика. А г. Шестаковъ полагаетъ, что такъ какъ введено преподаваніе педагогики для будущихъ учителей, то слѣдовало бы съ тою же цѣлью вклю-

чить въ составъ каѳедры философіи и популярную физіологію здороваго организма. Мнѣ кажется, можно теперь довольствоваться и тѣмъ, что уставъ будетъ требовать только преподаванія логики, психологіи и исторіи философіи во всѣхъ университетахъ. И для однихъ этихъ предметовъ очень трудно будетъ пріискать вездѣ хорошихъ преподавателей.

Что касается каѳедръ Греческой и Римской словесности, то мнѣнія расходятся на счетъ того, слѣдуетъ ли Римскую миѳологію преподавать, какъ независимый предметъ, или же и Греческую миѳологію не считать за отдѣльный предметъ. Перваго мнѣнія—совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ. Впрочемъ, кажется, очень понятно, почему составители проекта общаго устава не поставили Римской миѳологіи, какъ отдѣльный предметъ преподаванія. Они, безъ сомнѣнія, полагали, что тотъ, кто будетъ читать Греческую миѳологію, присоединитъ къ ней и обзоръ Римской миѳологіи, такъ какъ послѣдняя сравнительно менѣе богата и Римляне впослѣдствіи усвоили себѣ Греческіе миѳы. Но, съ другой стороны, гг. Могилянскій и Мурзакевичъ и архіепископъ Черниговскій Филаретъ полагаютъ, что вовсе не нужно бы было показывать, какъ отдѣльный предметъ, и *Греческую* миѳологію, такъ какъ она входитъ въ составъ преподаванія древностей. Нельзя не согласиться, мнѣ кажется, съ этимъ мнѣніемъ, уже и потому, что миѳологія, т. е. изложеніе и объясненіе религіозныхъ народныхъ сказаній и преданій, сама по себѣ еще не составляетъ науки и должна быть отнесена къ *исторіи религіи*, которая входитъ въ составъ древностей.

Къ каѳедрѣ Русской словесности совѣты Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ относятъ и *исторію Русскаго языка;* притомъ совѣтъ Харьковскаго университета предлагаетъ замѣнить неопредѣленное выраженіе: *Русская словесность*, болѣе точнымъ: *исторія Русской литературы*.

Совѣтъ университета св. Владиміра и г. Туловъ отдѣляютъ отъ *Славянской филологіи исторію Славянскихъ племенъ* и Славянскія древности, полагая, что раціональнѣе будетъ присоединить эти предметы къ каѳедрѣ исторіи, именно къ родственной Славянскому міру Русской исторіи. Мнѣ кажется, вопросъ о томъ, кому предоставить читать исторію Славянскихъ племенъ и Славянскія древности—профессору ли Славянской филологіи или профессору Русской исторіи, можетъ быть рѣшенъ

надлежащимъ образомъ только факультетами и совѣтами отдѣльныхъ университетовъ, смотря по личности и ученому направленію того или другаго профессора.

Для *всеобщей исторіи* въ проектѣ устава назначена *одна* каѳедра; но совѣты Московскаго, Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ, совѣтъ Ришельевскаго лицея, г. Могилянскій, гг. профессоры Ивановскій и Пыпинъ находятъ, что одной каѳедры мало для этого обширнаго предмета, тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ въ университетахъ было по двѣ и болѣе каѳедръ для этого предмета.

Что касается географіи, то г. Михельсонъ желаетъ совсѣмъ исключить ее изъ числа наукъ историко-филологическаго факультета, полагая, что для студентовъ достаточно и тѣхъ свѣдѣній изъ географіи, которыя они пріобрѣли въ гимназіи. Также и совѣтъ университета св. Владиміра считаетъ, кажется, этотъ предметъ недостойнымъ того, чтобы его читалъ ординарный или даже экстраординарный профессоръ, и потому совѣтуетъ поручать преподаваніе его доценту. Г. Гречъ предлагаетъ болѣе точное выраженіе: *политическая географія*; г. профессоръ Шнейдеръ соединяетъ съ этой наукой *этнографію*. Но такъ какъ географію, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должно понимать такъ, какъ понималъ ее Риттеръ, то опредѣленія и дополненія, предложенныя гг. Шнейдеромъ и Гречемъ, кажется, не нужны. Г. профессоръ Ивановскій, отдѣляя *статистику* отъ каѳедры политической экономіи, присоединяетъ этотъ предметъ къ каѳедрѣ географіи.

Совѣтъ университета св. Владиміра находитъ, что выраженіе *археологія*, какъ слишкомъ неопредѣленное и имѣющее два различныя значенія, должно быть устранено, и предлагаетъ послѣднюю въ перечнѣ каѳедру историко-филологическаго факультета называть каѳедрой *теоріи и исторіи искусствъ*. Г. Гречъ предлагаетъ съ преподаваніемъ археологіи и исторіи искусствъ соединить *эстетику*. Но мы полагаемъ, что не легко будетъ найти профессора, который могъ бы взяться за преподаваніе не только теоріи искусствъ, ни и исторіи древняго и новаго искусства.

Изъ вышеприведенныхъ замѣчаній можетъ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Факультетъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургѣ соединяется съ историко-филологическимъ факультетомъ.

Совѣтъ университета съ Владиміра требуетъ раздѣленія каѳедры сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка на двѣ, на томъ основаніи, что легче будетъ найти преподавателей сравнительнаго языковѣдѣнія, нежели преподавателей этой науки и Санскритскаго языка, и что трудность имѣть преподавателей обѣихъ этихъ наукъ можетъ лишить тѣхъ, кто изучаетъ историческія науки, возможности ознакомиться съ очень важною для нихъ наукою языковѣдѣнія. Г. профессоръ Спасовичъ спрашиваетъ, отчего сравнительное языковѣдѣніе соединено именно съ Санскритскимъ языкомъ. Такого же раздѣленія этой каѳедры на двѣ требуетъ и г. Гречъ*). Но спрашивается: слѣдуетъ ли вообще назначать штатныя каѳедры этихъ наукъ во всѣхъ Русскихъ университетахъ; вѣдь нескоро еще будетъ возможно вездѣ сыскать хорошихъ преподавателей по этимъ частямъ.

Очень многіе (а именно: совѣты Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ, профессоръ Ивановскій, гг. Левшинъ и Гречъ) требуютъ отдѣленія исторіи всеобщей литературы отъ каѳедры Русской словесности и назначенія для каждаго изъ этихъ предметовъ по отдѣльной каѳедрѣ, потому что объемъ этихъ наукъ слишкомъ великъ, чтобы ихъ могъ преподавать одинъ профессоръ. Г. Гречъ, однако же, отъ профессора исторіи всеобщей литературы требуетъ, кромѣ того, преподаванія философской или общей грамматики и сравнительной грамматики Индо-Европейскихъ языковъ. Но, не говоря уже о томъ, что всѣ прежнія системы философской грамматики оказались несостоятельными, а новѣйшія попытки гг. Штейнталя, Лацаруса и другихъ объяснить явленія языковъ изъ психологическихъ явленій, далеко еще не составляютъ новой, полной системы; не говоря уже объ этомъ, по моему мнѣнію, не только одинъ профессоръ никогда не возьметъ на себя преподавать въ университетѣ сравнительную грамматику и исторію

*) Г. Гречъ въ недоразумѣніи, какъ понять выраженіе: сравнительное языковѣдѣніе. Въ замѣнъ этого выраженія, онъ предлагаетъ слѣдующую редакцію: «Сравнительное и историческое языковѣдѣніе Европы, съ обращеніемъ вниманія на Санскритскій и другіе языки Азіи, кромѣ семитическихъ и Китайскаго». Составители проекта, подъ выраженіемъ сравнительнаго языковѣдѣнія, понимали, безъ всякаго сомнѣнія, сравнительную грамматику Индо-Европейскихъ языковъ.

всеобщей литературы, но вообще едва ли найдется въ цѣлой Европѣ хотя одинъ ученый, который бы былъ въ состояніи читать исторію всеобщей литературы такъ, какъ подобаетъ читать ее въ университетѣ; и едва ли въ какомъ-нибудь университетѣ западной Европы существуетъ каѳедра исторіи всеобщей литературы. И такъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ ни требовать отъ профессора Русской словесности, чтобы онъ преподавалъ еще исторію всеобщей литературы, ни назначать для этого предмета особой каѳедры.

Остальныя замѣчанія, относящіяся къ каѳедрамъ историко-филологическаго факультета, я приведу въ томъ порядкѣ, въ которомъ расположены сами каѳедры въ проектѣ устава.

На счетъ каѳедры философіи мнѣнія наиболѣе расходятся. Между тѣмъ какъ совѣтъ Московскаго университета и г. попечитель Московскаго учебнаго округа Исаковъ исключаютъ педагогику, другіе, именно совѣтъ Ришельевскаго лицея, гг. Могилянскій, Шестаковъ, Михельсонъ, архіепископъ Черниговскій Филаретъ и архимандритъ Іосифъ, находятъ, что составъ каѳедры философіи по проекту не довольно полонъ. Впрочемъ, не рѣшаясь утверждать, что я вѣрно понялъ замѣчаніе Черниговскаго архіепископа, привожу его слова цѣликомъ: «Въ § 12 общаго Устава къ философіи отнесены науки: а) логика, б) психологія, в) исторія философіи, г) педагогія. А въ § 12 Устава Дерптскаго университета сказано: «философія и педагогія», т. е. кромѣ логики, психологіи и философской исторіи, преподаются метафизика, естественное право и практическая философія). Спрашивается: «если для Русскихъ университетовъ не безопаснымъ признано читать метафизику и естественное право, то почему для Дерптскаго университета это безопасно? Или Дерптскій университетъ выше Московскаго и Харьковскаго, чтобы оставлять за нимъ преимущество, котораго не имѣютъ, по уставу, послѣдніе». Ректоръ Литовской духовной семинаріи, архимандритъ Іосифъ не только считаетъ важнымъ ввести преподаваніе въ университетахъ *метафизики и психологіи*, но и ожидаетъ отъ такой мѣры много добра. Г. Михельсонъ, науки, входящія въ составъ каѳедры философіи, распредѣляетъ такъ: логика, психологія, *антропологія*, *нравственная философія*, педагогика и дидактика. А г. Шестаковъ полагаетъ, что такъ какъ введено преподаваніе педагогики для будущихъ учителей, то слѣдовало бы съ тою же цѣлью вклю-

чить въ составъ каѳедры философіи и популярную физіологію здороваго организма. Мнѣ кажется, можно теперь довольствоваться и тѣмъ, что уставъ будетъ требовать только преподаванія логики, психологіи и исторіи философіи во всѣхъ университетахъ. И для однихъ этихъ предметовъ очень трудно будетъ пріискать вездѣ хорошихъ преподавателей.

Что касается каѳедръ Греческой и Римской словесности, то мнѣнія расходятся на счетъ того, слѣдуетъ ли Римскую миѳологію преподавать, какъ независимый предметъ, или же и Греческую миѳологію не считать за отдѣльный предметъ. Перваго мнѣнія—совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ. Впрочемъ, кажется, очень понятно, почему составители проекта общаго устава не поставили Римской миѳологіи, какъ отдѣльный предметъ преподаванія. Они, безъ сомнѣнія, полагали, что тотъ, кто будетъ читать Греческую миѳологію, присоединитъ къ ней и обзоръ Римской миѳологіи, такъ какъ послѣдняя сравнительно менѣе богата и Римляне впослѣдствіи усвоили себѣ Греческіе миѳы. Но, съ другой стороны, гг. Могилянскій и Мурзакевичъ и архіепископъ Черниговскій Филаретъ полагаютъ, что вовсе не нужно бы было показывать, какъ отдѣльный предметъ, и *Греческую* миѳологію, такъ какъ она входитъ въ составъ преподаванія древностей. Нельзя не согласиться, мнѣ кажется, съ этимъ мнѣніемъ, уже и потому, что миѳологія, т. е. изложеніе и объясненіе религіозныхъ народныхъ сказаній и преданій, сама по себѣ еще не составляетъ науки и должна быть отнесена къ *исторіи религіи*, которая входитъ въ составъ древностей.

Къ каѳедрѣ Русской словесности совѣты Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ относятъ и *исторію Русскаго языка;* притомъ совѣтъ Харьковскаго университета предлагаетъ замѣнить неопредѣленное выраженіе: *Русская словесность*, болѣе точнымъ: *исторія Русской литературы*.

Совѣтъ университета св. Владиміра и г. Туловъ отдѣляютъ отъ *Славянской филологіи исторію Славянскихъ племенъ* и Славянскія древности, полагая, что раціональнѣе будетъ присоединить эти предметы къ каѳедрѣ исторіи, именно къ родственной Славянскому міру Русской исторіи. Мнѣ кажется, вопросъ о томъ, кому предоставить читать исторію Славянскихъ племенъ и Славянскія древности—профессору ли Славянской филологіи или профессору Русской исторіи, можетъ быть рѣшенъ

надлежащимъ образомъ только факультетами и совѣтами отдѣльныхъ университетовъ, смотря по личности и ученому направленію того или другаго профессора.

Для *всеобщей исторіи* въ проектѣ устава назначена *одна* каѳедра; но совѣты Московскаго, Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ, совѣтъ Ришельевскаго лицея, г. Могилянскій, гг. профессоры Ивановскій и Пыпинъ находятъ, что одной каѳедры мало для этого обширнаго предмета, тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ въ университетахъ было по двѣ и болѣе каѳедръ для этого предмета.

Что касается географіи, то г. Михельсонъ желаетъ совсѣмъ исключить ее изъ числа наукъ историко-филологическаго факультета, полагая, что для студентовъ достаточно и тѣхъ свѣдѣній изъ географіи, которыя они пріобрѣли въ гимназіи. Также и совѣтъ университета св. Владиміра считаетъ, кажется, этотъ предметъ недостойнымъ того, чтобы его читалъ ординарный или даже экстраординарный профессоръ, и потому совѣтуетъ поручать преподаваніе его доценту. Г. Гречъ предлагаетъ болѣе точное выраженіе: *политическая географія*; г. профессоръ Шнейдеръ соединяетъ съ этой наукой *этнографію*. Но такъ какъ географію, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должно понимать такъ, какъ понималъ ее Риттеръ, то опредѣленія и дополненія, предложенныя гг. Шнейдеромъ и Гречемъ, кажется, не нужны. Г. профессоръ Ивановскій, отдѣляя *статистику* отъ каѳедры политической экономіи, присоединяетъ этотъ предметъ къ каѳедрѣ географіи.

Совѣтъ университета св. Владиміра находитъ, что выраженіе *археологія*, какъ слишкомъ неопредѣленное и имѣющее два различныя значенія, должно быть устранено, и предлагаетъ послѣднюю въ перечнѣ каѳедру историко-филологическаго факультета называть каѳедрой *теоріи и исторіи искусствъ*. Г. Гречъ предлагаетъ съ преподаваніемъ археологіи и исторіи искусствъ соединить *эстетику*. Но мы полагаемъ, что не легко будетъ найти профессора, который могъ бы взяться за преподаваніе не только теоріи искусствъ, ни и исторіи древняго и новаго искусства.

Изъ вышеприведенныхъ замѣчаній можетъ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Факультетъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургѣ соединяется съ историко-филологическимъ факультетомъ.

2) Каѳедра сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка раздѣляется на двѣ.

3) Отъ каѳедры Русской словесности отдѣляется особенная каѳедра исторіи всеобщей литературы.

4) Для всеобщей исторіи назначается по двѣ каѳедры.

5) Политическая экономія исключается изъ числа наукъ историко-филологическаго факультета.

На основаніи приведенныхъ много замѣчаній, представляю слѣдующій перечень каѳедръ историко-филологическаго факультета:

А.	Философія (логика, психологія и исторія философіи)	1	каѳ.
Б.	Греческая словесность (Греческій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія Греческой литературы, Греческія древности)	1	»
В.	Римская словесность (Римскій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія Римской литературы, Римскія древности .	1	»
Г.	Сравнительная грамматика Индо-Европейскихъ языковъ .	1	»
Д.	Санскритскій языкъ. .	1	»
Е.	Исторія Русскаго языка и Русской литературы.	1	»
Ж.	Исторія всеобщей литературы.	1	»
З.	Славянская филологія (Славянскія нарѣчія, исторія Славянскихъ литературъ, Славянскія древности)	1	»
И.	Всеобщая исторія. .	2	»
І.	Русская исторія. .	1	»
К.	Географія и статистика	1	»
Л.	Теорія и исторія искусствъ	1	»
	Итого	13	каѳ.

Если же принять мнѣніе г. Делянова, что *въ общемъ уставѣ Русскихъ университетовъ слѣдуетъ опредѣлить только штатное число каѳедръ, признаваемыхъ необходимыми по цѣлямъ правительства*, то представленный выше перечень каѳедръ придется значительно сократить, а именно исключить изъ него слѣдующіе предметы:

1) сравнительную грамматику Индо-Европейскихъ языковъ,

2) Санскритскій языкъ,

3) исторію всеобщей литературы и

4) теорію и исторію искусствъ.

II. Сводъ замѣчаній о лекціяхъ, задачахъ и испытаніяхъ.

(Гл. V, отд. IV, §§ 115—120).

Магистра С.-Петербургскаго университета **Бауера**.

По поводу вопроса объ обязательномъ окончаніи курса къ извѣстному сроку и объ обязательныхъ испытаніяхъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, сдѣлано много замѣчаній и дополненій къ параграфамъ проекта. Замѣчанія эти раздѣляются на двѣ категоріи.

Нѣкоторые, признавая возможность возвышенія научнаго и серьезнаго направленія въ нашихъ университетахъ только при самостоятельныхъ занятіяхъ молодыхъ людей, безъ вмѣшательства въ ихъ дѣятельность, безъ опеки надъ ними,— считаютъ совершенно излишнимъ помѣщать въ проектѣ такія постановленія, которыя, при стѣсненіи самодѣятельности студентовъ, вводятъ въ университетъ систему принудительнаго труда.

Другіе, полагая, что молодые люди даже и въ студентскомъ возрастѣ никогда не будутъ учиться добровольно, что при уничтоженіи обязательности — аудиторіи останутся пустыми, что безъ принудительныхъ мѣръ студенты могутъ предаться праздности и подвергнуться неразлучнымъ съ нею послѣдствіямъ, — требуютъ строгаго опредѣленія срока пребыванія въ университетѣ, правилъ пріема и испытаній, если не годичныхъ, то, по крайней мѣрѣ, послѣ двухлѣтняго посѣщенія лекцій.

Разсмотрѣвъ эти разнородныя требованія, я старался по возможности согласовать противорѣчащія мнѣнія, принимая въ

соображеніе цѣль нашихъ университетовъ и опираясь на начала, высказанныя въ объяснительной запискѣ.

§ 115, о срокѣ пребыванія въ университетѣ, выраженъ въ проектѣ слѣдующимъ образомъ:

«Студенты обязаны выслушать полный университетскій курсъ въ срокъ, для сего назначенный (т. е. по § 21—въ 4 года, а для медиковъ—въ 5 лѣтъ). Впрочемъ, съ разрѣшенія совѣта, предоставляется имъ оставаться въ университетѣ и долѣе срока».

При разборѣ этого параграфа, прежде всего, возникаетъ вопросъ: можно-ли закономъ установлять срокъ пребыванія въ университетѣ, куда стекаются молодые люди не одинаковыхъ способностей и гдѣ занятія зависятъ, кромѣ того, часто отъ постороннихъ обстоятельствъ, или препятствующихъ, или способствующихъ самостоятельному труду.

Составители пректа общаго устава сами сознавали невозможность подчинять общему правилу столь разнообразныя условія, почему и предоставили студентамъ право оставаться и долѣе срока, съ разрѣшенія совѣта.

Неудовлетворительность подобнаго постановленія была сознана и гг. высказавшими свои замѣчанія на проектъ.

Признавая въ молодыхъ людяхъ не одинаковыя способности, нѣкоторые предложили опредѣлить четырехлѣтній срокъ за minimum пребыванія—«предоставляя студентамъ право употребить на окончаніе курса столько времени, сколько для каждаго, по его способностямъ и прилежанію, окажется необходимымъ, безъ всякаго особаго на то разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что лишніе одинъ или два года, проведенные въ университетѣ, очень часто приносили студентамъ существенную пользу». (Мнѣнія совѣта Казанскаго университета, Зам. ч. I, стр. 397; совѣта Ришельевскаго лицея и г. Могилянскаго, ч. II, стр. 63).

Другіе, полагая, что «слушаніе лекцій есть только вспомогательное средство, а пріобрѣтеніе познаній — цѣль пребыванія въ университетѣ, считаютъ несправедливымъ не допускать студентовъ къ окончательнымъ испытаніемъ ранѣе назначеннаго срока, если они, по счастливымъ способностямъ или благопріятнымъ обстоятельствамъ успѣютъ приготовиться къ кандидатскому экзамену менѣе, чѣмъ въ четыре года». (Мнѣнія академика Струве, I. стр. 423, и члена главнаго правленія училищъ Н. И. Пирогова, I. 19.

Поэтому проф. Савичъ (I. 119) предлагаетъ предоставить совѣту право разрѣшать студентамъ оставаться въ университетѣ «и долѣе и менѣе назначеннаго срока, если только знанія будутъ показаны удовлетворительныя на отчетливомъ испытаніи».

Если допускать подобныя исключенія изъ общаго правила, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что совѣтъ будетъ обремененъ постоянными просьбами и, конечно, рѣдко будетъ противиться желанію студентовъ. Постановленіе это обратится, слѣдовательно, въ одну лишь формальность, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ отказа со стороны совѣта, студенту всегда будетъ возможность посѣщать лекціи въ качествѣ вольнослушателя, чѣмъ нисколько не уменьшится вредное вліяніе «молодаго человѣка, ничего не дѣлающаго, на своихъ товарищей», чего такъ опасается большинство членовъ совѣта Московскаго университета (I. 262).

Принимая въ соображеніе, что параграфы 21 и 115, даже при измѣненіи редакціи, подадутъ только поводъ къ уловкамъ, обратятся въ формальность и, съ одной стороны, обременятъ совѣтъ университета постоянными просьбами, съ другой — стѣснятъ молодыхъ людей въ ихъ дѣятельности, я полагаю, согласно съ мнѣніемъ гг. Делянова (I. 225), Воронова (II. 208), Бекетова (I. 152), Васильева (I. 103), Горлова (I. 469) и меньшинства членовъ совѣта Московскаго университета,—*совершенно выпустить* § *21*, *а* § *115 выразить слѣдующимъ образомъ:*

1. Опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе курса не полагается.

Что касается стипендіатовъ, то, по всей справедливости, для нихъ долженъ быть опредѣленъ, если не срокъ пребыванія въ университетѣ, то, по крайней мѣрѣ, срокъ полученія вспомоществованія.

Стипендіатъ, мало занимающійся и посѣщающій лекціи въ теченіе слишкомъ долгаго времени, лишаетъ тѣмъ самымъ средствъ къ образованію другаго молодаго человѣка, можетъ быть, гораздо способнѣйшаго.

По этому вопросу высказано одно лишь мнѣніе проф. Васильева (I. 103):

«Для платящихъ за слушаніе лекцій мы не видимъ причины назначать срокъ пребыванія ихъ въ университетѣ. Что же касается до лицъ, которыя не въ состояніи платить или желаютъ получить стипендіи, то для нихъ только могутъ суще-

ствовать правила экзаменаціонныя, равно какъ и постоянное наблюденіе за ихъ успѣхами».

Мнѣ кажется, что подобный контроль, посредствомъ испытаній и постояннаго наблюденія за стипендіатомъ, стѣснитъ и профессоровъ и молодыхъ людей. Гораздо справедливѣе было бы назначить опредѣленный срокъ, въ теченіе котораго недостаточные молодые люди могутъ пользоваться стипендіями, предоставляя затѣмъ университетскому совѣту право разрѣшать выдачу стипендіи и долѣе назначеннаго срока, если на то будутъ уважательныя причины.

Что же касается лицъ, не платящихъ за слушаніе лекцій, то, по моему мнѣнію, лишній годъ, проведенный ими въ университетскихъ аудиторіяхъ, не можетъ никому принести существеннаго вреда.

Поэтому я предлагаю помѣстить вслѣдъ за симъ параграфомъ другой, слѣдующаго содержанія:

2. *Недостаточные студенты могутъ получать стипендіи въ теченіе четырехъ лѣтъ. Во вниманіе особенныхъ обстоятельствъ, совѣтъ университета имѣетъ право продолжить срокъ стипендій.*

Параграфы 116 и 117 проекта, не встрѣтившіе возраженій, остаются безъ измѣненія.

3. (§ 116). «*Для поощренія студентовъ къ ученымъ занятіямъ, ежегодно предлагаются факультетами задачи, съ назначеніемъ за удовлетворительныя по онымъ сочиненія, смотря по достоинству ихъ, медали золотой или серебряной или почетнаго отзыва*».

«*Примѣчаніе. Число задачъ и медалей зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта*».

Совѣтъ Московскаго университета предлагаетъ къ поощрительнымъ средствамъ прибавить преміи (I. 262), и г. Авиловъ (II. 43) — стипендіи.

4. (§ 117). *Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть, по усмотрѣнію совѣта, напечатаны на счетъ университета.*

Г. Мурзакевичъ предлагаетъ слѣдующую редакцію: «сочиненія, удостоенныя награды, печатаются на счетъ университета (II. 69), а г. Михельсонъ (II. 47) спрашиваетъ: «на какихъ основаніяхъ т. е. въ чью пользу».

§ 118. «Студенты, для пріобрѣтенія правъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ полнаго университетскаго курса, подлежатъ испытаніямъ, способъ и время производства которыхъ опре-

дѣляются совѣтомъ — съ тѣмъ, однако, чтобы испытанія эти были раздѣлены не менѣе какъ на двѣ части, и чтобы одна изъ частей испытанія была обязательна для студентовъ послѣ двухлѣтняго пребыванія ихъ въ университетѣ».

Вопросъ о необходимости испытаній былъ поднятъ уже и прежде. Два года тому назадъ, по предложенію министерства, не только университеты, но даже и отдѣльные факультеты представили свои соображенія объ экзаменахъ, и въ то время было опредѣлено замѣнить курсовыя испытанія двухгодичными, т. е. сохранена была прежнеяя система въ нѣсколько умѣренной формѣ.

Вопросъ, неразрѣшенный тогда окончательно, въ настоящее время возникъ снова по поводу § 118.

Сторонники системы испытаній, представившіе свои замѣчанія на проектъ общаго устава, за немногими исключеніями, не высказали опредѣлительно своихъ взглядовъ и ограничились только нѣкоторыми примѣчаніями касательно редакціи параграфа.

Совѣтъ Харьковскаго университета I. 309; г. попечитель Харьковскаго округа Левшинъ I. 387; сенаторъ Ребиндеръ I. 63; совѣтъ Казанскаго университета I. 397.

Только «Современная лѣтопись» Русскаго Вѣстника, преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій, и почетный смотритель Московскаго училища Савиновъ, объяснили, въ нѣсколькихъ словахъ, почему именно, по ихъ мнѣнію, система испытаній въ университетѣ есть необходимость, приносящая величайшую пользу молодымъ людямъ.

«Мы рѣшительно утверждаемъ, сказано въ «Современной лѣтописи», что, при теперешнемъ состояніи нашихъ среднихъ училищъ, Русскіе университеты не могутъ брать примѣръ съ Нѣмецкихъ и совершенно отмѣнять переводные экзамены (II. 293). Экзамены — это есть право, отличающее студентовъ отъ вольныхъ слушателей (II. 396). Оставлять студентовъ безъ всякой поддержки и подвергать ихъ потомъ строгому выпускному экзамену — вовсе не означаетъ доброжелательства къ нимъ, это просто значитъ — ставить имъ ловушку». (II. 306.)

Этотъ взглядъ на экзамены, какъ на «необходимыя подпорки для 17-лѣтнихъ юношей», раздѣляетъ и преосвященный Антоній, полагая необходимымъ «удержать по крайней мѣрѣ годичныя испытанія» (II. 440), съ чѣмъ вполнѣ согласенъ и

г. Савиновъ, который находитъ «полезнымъ узаконить, чтобы студенты были экзаменуемы, по окончаніи каждаго академическаго года, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ предметамъ, на томъ основаніи, что болѣе рѣдкіе экзамены ведутъ если не къ уменьшенію занятій, то къ менѣе равномѣрному распредѣленію ихъ относительно времени».

Экзамены, слѣдовательно, необходимы въ университетѣ, какъ побудительное средство къ занятіямъ, какъ контроль ученаго университетскаго сословія надъ молодыми людьми, какъ средство избавить ихъ отъ праздности и неразлучныхъ съ ней послѣдствій.

Но почему же приверженцы системы испытаній не распространили права держать экзамены и на вольныхъ слушателей? Вѣдь это также молодые люди, способные къ увлеченіямъ? Отчего же предполагать въ нихъ однихъ любовь къ занятіямъ и отвергать ее въ студентахъ, только потому, что они носятъ другое названіе и подчиняются другимъ правиламъ? Если испытанія спасаютъ молодхъ людей отъ праздности и развиваютъ въ нихъ чувство долга и любовь къ наукѣ, то справедливо-ли лишать подобнаго спасительнаго средства часть молодежи, посѣщающей университетскія лекціи? Тутъ явное противорѣчіе. Сторонники системы испытанія выпустили изъ виду значеніе и цѣль университетскаго образованія. Наука должна стоять въ университетѣ на первомъ планѣ, слушаніе же лекцій есть только вспомогательное средство къ самостоятельнымъ занятіямъ; *лекціи* служатъ поддержкой молодому человѣку, а не *переводный экзаменъ*, который есть ничто иное, какъ принудительная мѣра къ ученію.

«Всякое принужденное ученіе въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся студенты, безплодно; оно не производитъ ни настоящихъ ученыхъ, ни даже людей, усвоившихъ себѣ основательно какія-либо знанія. Переводные экзамены, между прочимъ, объясняютъ намъ возможность существованія такихъ людей, въ которыхъ, не смотря на окончаніе ими курса въ университетѣ, не осталось даже и слѣда университетскаго образованія. Одно только свободное изученіе науки плодотворно и достойно университета. Въ Германіи давно понимаютъ эту истину, и потому въ тамошнихъ университетахъ нѣтъ переводныхъ испытаній, а существуютъ только испытанія на ученыя степени, которыя одни только и должны остаться и въ на-

шихъ университетахъ. Это уже не принудительная мѣра, а цѣль, которую долженъ имѣть въ виду каждый слушатель лекцій: заявленіе предъ университетомъ и обществомъ, что наука принесла плоды изучавшему ее». (Мнѣніе члена гл. пр. учил. Воронова, II. 206).

«Не экзамены, говоритъ профессоръ Горловъ (I. 470), должны охранять молодежь отъ увлеченій и праздности, а надзоръ родителей, друзей и наконецъ собственное развитіе и подготовка молодыхъ людей. Если же они вступаютъ въ университетъ безъ всякихъ твердыхъ основаній въ поступкахъ, если они при томъ отдаются родителями на произволъ судьбы, то никакіе экзамены не могутъ помочь дѣлу».

«Обязательность экзамена для студентовъ послѣ двухгодичнаго пребыванія ихъ въ университетѣ не имѣетъ и не будетъ имѣть той пользы, которой отъ нея ожидаютъ. Она 1) поддерживаетъ вредное направленіе въ учащихся—учиться для экзамена; 2) изъ того, что студентъ не выдержитъ экзамена по прошествіи двухъ лѣтъ, нельзя сдѣлать заключеніе о его неспособности или нерадивости; 3) нерѣдко случается, что студенты, отбывъ первый экзаменъ послѣ двухъ лѣтъ, перестаютъ заниматься предметами, входившими въ составъ этого испытанія, тогда какъ многіе изъ этихъ предметовъ именно такого рода, что изучаются съ бòльшею пользою и бòльшимъ смысломъ, когда учащійся ознакомится съ другими, высшими, не входящими въ составъ перваго двухгодичнаго курса. Вообще, чѣмъ менѣе экзаменовъ, тѣмъ лучше. Одинъ окончательный, на степень, но серьезный и дѣльный—вполнѣ достаточенъ.»

(Мнѣніе члена главнаго правленія училищъ Пирогова, I. 19).

Къ тому же достигаетъ ли переходный экзаменъ, какъ принудительная мѣра, своей цѣли въ многолюдныхъ университетахъ?

«Общество надѣется, что посредствомъ экзаменовъ имѣется контроль надъ успѣхами молодежи, которая не только должна будетъ заниматься, чтобы сдавать удовлетворительные экзамены, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна будетъ оставить вѣтренныя и разсѣянныя забавы. Это-то заблужденіе насчетъ умственнаго и нравственнаго значенія экзаменовъ надобно разсѣять положительно отмѣною курсовъ и переводныхъ экзаменовъ: ибо опытомъ доказано, что переходные экзамены не могутъ

происходить, по множеству учащихся и предметовъ, съ надлежащею точностью. (Мнѣніе проф. Горлова I. 469 — 470).

«Возможно ли профессору произвести строгое испытаніе тремъ-стамъ, напримѣръ, студентамъ въ одинъ или два дня? Если онъ будетъ удѣлять на это, въ теченіе двухъ дней, въ каждый день по пяти часовъ, при полномъ вниманіи, то на каждаго экзаменующагося придется только по двѣ минуты. Спрашивается: къ чему послужитъ такой экзаменъ? не будетъ-ли онъ пустою формою, при которой и совершенно слабые будутъ легко переходить въ слѣдующіе курсы? Если же на переводныя испытанія назначать столько времени, сколько нужно, то въ такомъ случаѣ пришлось бы двѣ трети годичнаго курса употреблять на одни только экзамены, и затѣмъ у профессоровъ не осталось бы времени на самое существенное, т. е. на чтеніе лекцій». (Мнѣніе Воронова II. 206—207).

Наконецъ не дана ли студентамъ возможность уклониться отъ подобныхъ экзаменовъ? Не желающій подвергаться испытанію можетъ вѣдь перейти въ число вольныхъ слушателей, которые, не подчиняясь никакимъ формальностямъ, имѣютъ наравнѣ со студентами доступъ къ окончательному кандидатскому испытанію.

Принимая въ соображеніе, что система частыхъ испытаній вредна истинно-научному направленію, и что переходные экзамены, какъ принудительная мѣра ученія, несовмѣстны съ достоинствомъ науки, — я предлагаю, согласно съ мнѣніемъ членовъ главнаго правленія училищъ Пирогова (I. 19), Воронова (II. 208), проф. Бекетова (I. 152), попечителя Кіевскаго учебнаго округа Витте (I. 442), совѣта университета Св. Владиміра (I. 42), академика Струве (I. 424), профессора Горлова (I. 470), проф. Костомарова (II. 227) и доктора философіи Цунка (II. 455), сдѣлать обязательнымъ, для пріобрѣтенія правъ, сопряжённыхъ съ окончаніемъ университетскаго образованія, *одно* лишь испытаніе на ученую степень и выразить § 118 слѣдующимъ образомъ:

5. *Студенты и постороннія лица, для пріобрѣтенія ученой степени и соединенныхъ съ нею правъ, подвергаются испытаніямъ.*

Допустивъ въ этомъ видѣ редакцію параграфа для студентовъ и вольныхъ слушателей, по справедливости необходимо сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи къ стипендіатамъ.

Стипендіаты, по предлагаемой нами редакціи 2-го параграфа, имѣютъ право пользоваться вспомоществованіемъ въ теченіе четырехъ лѣтъ; малоспособный и не занимающійся стипендіатъ будетъ, поэтому, во все время пребыванія въ университетѣ лишать другаго молодаго человѣка средствъ къ образованію.

Видя несправедливость подобной мѣры, многіе высказали свое мнѣніе касательно этого вопроса, предлагая: 1) продолжать или отказывать молодымъ людямъ выдачу стипендій, смотря по удовлетворительности испытанія послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ.

(Мнѣніе сенатора Ребиндера I. 63 и г. Мурзакевича II, 697.)

Или 2) подвергать стипендіатовъ ежегоднымъ испытаніямъ.

(Мнѣніе профессора Мухлинскаго I. 95; профессора Березина I. 109; профессора Чубинова I. 114; профессора Навроцкаго I. 164; профессора Хвольсона I. 169; профессора Голстунскаго I. 175; адъюнкта Патканова I. 191.)

Если частыя испытанія, какъ уже выше было сказано, вообще не только вредятъ научному направленію, какъ принудительная мѣра, и оказываются несовмѣстными съ достоинствомъ университетской науки, то тѣмъ болѣе они могутъ повредить стипендіату, который, по бѣдности, не въ состояніи перейти въ число вольныхъ слушателей и поневолѣ долженъ будетъ работать единственно къ экзамену, отвлекаясь отъ научнаго, самостоятельнаго труда.

Съ другой стороны, неудобства приложенія системы испытаній въ многолюдныхъ университетахъ повторятся и въ этомъ случаѣ и не дозволятъ профессорамъ оцѣнивать вполнѣ успѣхи молодаго человѣка по одному экзамену.

Гораздо справедливѣе, слѣдовательно, требовать отъ стипендіата, послѣ двухлѣтняго пребыванія его въ университетѣ, ученаго разсужденія по его спеціальному предмету, съ доказательствомъ его личнаго труда, предоставляя затѣмъ факультету рѣшить: заслуживаетъ ли молодой человѣкъ, по своимъ занятіямъ, дальнѣйшей выдачи стипендіи, или нѣтъ.

По этому я предлагаю сдѣлать къ предыдущему параграфу слѣдующее прибавленіе:

6. *Стипендіаты, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, должны представить въ факультетъ ученое разсужденіе, по*

признаніи удовлетворительности котораго совѣтъ разрѣшаетъ имъ выдачу вспомоществованія на слѣдующіе два года.

§ 120. Студентамъ, выходящимъ изъ университета до окончанія курса, выдаются свидѣтельства, въ коихъ прописываются успѣхи, оказанные ими въ выслушанныхъ предметахъ.

«Это предполагаетъ испытаніе выбывающему. Испытанія назначаются двухгодовыя и окончательныя. Но если студентъ выбываетъ прежде половиннаго курса, или въ промежуткѣ 3-го и 4-го курсовъ? Какъ тутъ можно опредѣлить успѣхи? Еще менѣе предлагаемое правило можетъ быть примѣнено къ медицинскому факультету, въ которомъ курсъ пятилѣтній. Посему правильнѣе показывать только въ свидѣтельствѣ, что выбывающій студентъ въ продолженіе такого-то числа лѣтъ или мѣсяцевъ слушалъ такіе-то предметы, такого-то факультета.»

(Мнѣніе члена главнаго правленія училищъ Гаевскаго I. 67.)

«Студентамъ, выходящимъ изъ университета до окончанія курса, по проекту устава, выдаются свидѣтельства съ прописаніемъ въ нихъ успѣховъ въ выслушанныхъ ими предметахъ. Успѣхи студентовъ въ наукахъ, до экзаменовъ, узнаются, какъ доселѣ существовало, на репетиціяхъ; но объ этихъ послѣднихъ въ проектѣ устава нигдѣ не упоминается. Очевидно, нѣтъ возможности выдавать студентамъ, выбывающимъ изъ университета до окончанія курса или, по крайней мѣрѣ, раньше полукурсоваго экзамена, такія свидѣтельства, въ которыхъ обозначались бы ихъ успѣхи къ наукахъ. Такимъ образомъ, чтобы эта статья сохранила силу закона, необходимо — или отмѣнить прописку успѣховъ въ свидѣтельствахъ, или же узаконить, на прежнихъ основаніяхъ, репетиціи для университетскихъ студентовъ, что̀ невозможно безъ обязательнаго посѣщенія ими лекцій.» (Мнѣніе совѣта лицея князя Безбородко II, 11—12.)

Притомъ, по предлагаемой редакціи 5-го параграфа, подобная прописка успѣховъ, оказанныхъ въ выслушанныхъ предметахъ, дѣлается совершенно невозможною.

Поэтому, принимая въ соображеніе мнѣніе, высказанное нѣкоторыми изъ гг. членовъ въ прошлое засѣданіе ученаго комитета, о необходимости дозволить молодымъ людямъ, до окончательнаго испытанія на ученую степень, экзаменоваться изъ отдѣльныхъ предметовъ, я полагаю выразить 120 параграфъ проекта слѣдующимъ образомъ:

7. *Студенты и вольные слушатели, оставляющіе университетъ до сдачи ими окончательнаго испытанія на ученую степень, могутъ подвергаться экзамену изъ отдѣльныхъ предметовъ и получаютъ тогда свидѣтельство объ оказанныхъ успѣхахъ.*

8. *Не желающимъ экзаменоваться выдаются изъ правленія свидѣтельства въ томъ, что они въ продолженіе такого-то времени слушали такіе-то предметы.*

Такимъ образомъ я предлагаю слѣдующую редакцію IV-го отдѣленія V-й главѣ проекта Устава.

О СРОКѢ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ВЫДАЧѢ СТИПЕНДІЙ, ЗАДАЧАХЪ И ИСПЫТАНІЯХЪ *).

1. (§ 115). *Опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе курса не полагается.*

2. *Недостаточные студенты могутъ получать стипендіи въ теченіе четырехъ лѣтъ. Во вниманіе особенныхъ обстоятельствъ, совѣтъ университета имѣетъ право продолжить срокъ стипендій.*

2. (§ 116). *Для поощренія студентовъ къ ученымъ занятіямъ, ежегодно предлагаются факультетами задачи, съ назначеніемъ за удовлетворительныя по онымъ сочиненія, смотря по достоинству ихъ, медали золотой или серебряной, или почетнаго отзыва.*

Примѣчаніе. Число задачъ и медалей зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта.

4. (§ 117). *Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть, по усмотрѣнію совѣта, напечатаны на счетъ университета.*

5. (§ 118). *Студенты и постороннія лица, для пріобрѣтенія ученой степени и соединенныхъ съ нею правъ, подвергаются испытаніямъ.*

6. *Стипендіаты, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, должны представить въ факультетъ ученое разсужденіе, по признаніи удовлетворительности котораго совѣтъ разрѣшаетъ имъ выдачу вспомоществованія на слѣдующіе два года.*

7. (§ 120). *Студенты и вольные слушатели, оставляющіе университетъ до сдачи ими окончательнаго испытанія на ученую степень, могутъ подвергаться экзамену изъ отдѣльныхъ предме-*

*) Главѣ этой, носящей названіе: «о лекціяхъ, задачахъ и испытаніяхъ,» правильнѣе дать названіе выше приведенное.

товъ и получаютъ тогда свидѣтельство объ оказанныхъ успѣхахъ.

8. *Не желающимъ экзаменоваться выдаются отъ правленія свидѣтельства въ томъ, что они въ продолженіе такого-то времени слушали такіе-то предметы.*

Въ заключеніе представляю высказанное нѣкоторыми лицами мнѣніе, по поводу двухгодичныхъ испытаній, о необходимости раздѣленія университетскаго курса на общій или приготовительный и спеціальный.

(Мнѣнія: совѣта Харьковскаго университета I. 292. Профессора Харьковскаго университета Соколова I, 325. Попечителя Харьковскаго учебнаго округа Левшина I, 377. Профессора Казанскаго университета Вагнера I. 414 и Н. Л. II. 364).

«До сихъ поръ, говоритъ профессоръ Соколовъ, наши университеты, за исключеніемъ медицинскихъ факультетовъ, имѣли одно только чисто-ученое направленіе. Это имѣло то важное неудобство, что университетское образованіе представлялось недоконченнымъ, и выходящіе изъ университета молодые люди избирали для себя карьеры, на которыхъ пріобрѣтенныя ими познанія оставались безъ всякаго приложенія. Такъ юристъ дѣлался кавалеристомъ, математикъ занималъ кресло судьи, филологъ попадалъ въ администраторы и т. д. Въ проектѣ новаго устава, для устраненія этого недостатка, не указано никакихъ способовъ, между тѣмъ какъ необходимо было, по моему мнѣнію, обратить на это особенное вниманіе. Государство не имѣетъ надобности въ большомъ числѣ ученыхъ; ему болѣе нужны люди, спеціально-приготовленные къ разнымъ родамъ общественной дѣятельности, и университеты, какъ высшія учебныя заведенія, необходимо должны быть направлены къ удовлетворенію этой потребности государства.»

«Нынѣ существующее въ университетахъ раздѣленіе наукъ на главныя и вспомогательныя, или дополнительныя, говоритъ профессоръ Вагнеръ, не имѣетъ никакого практическаго примѣненія. Учащіеся въ университетахъ издавна привыкли смотрѣть на изученіе дополнительныхъ предметовъ, какъ на формальность, не имѣющую никакой разумной причины для поддержки. Этотъ взглядъ, какъ мнѣ кажется, прямо возникъ изъ неправильнаго раздѣленія предметовъ, входящихъ вообще въ

программу университетскаго преподаванія. По моему мнѣнію, это преподаваніе необходимо раздѣлить на два отдѣльные курса: приготовительный и спеціальный. Первый изъ этихъ курсовъ уничтожитъ ту рѣзкость перехода между преподаваніемъ въ гимназіяхъ и въ университетахъ, которая существуетъ до сихъ поръ. Въ этомъ курсѣ учащійся еще не встрѣтитъ раздѣленія на факультеты; выборъ здѣсь для него будетъ заключаться только между двумя отдѣлами курса: отдѣломъ *политико-юридическихъ и физико-медицинскихъ наукъ.*»

«Не удобно-ли будетъ, говоритъ профессоръ Никитенко (I. 468), распредѣлить нынѣ существующій университетскій курсъ, если онъ будетъ удержанъ, такимъ образомъ, чтобы первые два года были посвящаемы общимъ предметамъ факультета, годъ — ближайшимъ къ избранной слушателемъ наукѣ, а окончательный годъ — исключительно послѣдней?»

Такъ какъ въ проектѣ устава не упоминается вовсе объ общихъ и спеціальныхъ курсахъ, то вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только ученымъ комитетомъ, которому я считалъ обязанностью представить заявленныя мнѣнія.

На приведенные доводы о необходимости общихъ курсовъ можно отвѣтить коротко: если наши университеты, по словамъ профессора Соколова, имѣли одно только лишь чисто-ученое направленіе, то развѣ подобное направленіе не составляетъ цѣли университетовъ? Можно учреждать прогимназіи для развитія и подготовки дѣтей къ гимназическому курсу, но учрежденіе проуниверситетовъ немыслимо.

Къ № 5.

Объ университетскихъ преподавателяхъ.

Испр. должн. адъюнкта Ришельевскаго лицея **Георгіевскаго.**

Отдѣленіе III главы четвертой проекта Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, со всѣми на него замѣчаніями, можетъ быть раздѣлено на слѣдующія части: 1) объ особыхъ мѣрахъ для приготовленія университетскихъ преподавателей; 2) о раздѣленіи ихъ на разряды; 3) объ условіяхъ для достиженія различныхъ преподавательскихъ званій; 4) объ условіяхъ, необходимыхъ для надлежащаго развитія учрежденія приватъ-доцентовъ; 5) объ обязанностяхъ преподавателей; 6) о порядкѣ замѣщенія вакантныхъ каѳедръ, и 7) о контролѣ за выполненіемъ университетскими преподавателями ихъ обязанностей и объ условіяхъ для продолженія ихъ службы далѣе опредѣленнаго срока.

Первые четыре вопроса составляютъ предметъ моей настоящей записки.

I. Объ особыхъ мѣрахъ для приготовленія университетскихъ преподавателей.

Когда правительство наше впервые признало необходимость науки какъ для матеріальнаго, такъ и нравственнаго благосостоянія государства и общества, для водворенія ея въ Россіи не было никакихъ другихъ способовъ, какъ обратиться къ помощи иностранныхъ ученыхъ. Не смотря на то, что выборъ ихъ былъ большею частью довольно удаченъ, однакожъ дѣятельность ихъ въ званіи и академиковъ и университетскихъ профессоровъ не имѣла тѣхъ результатовъ,

какихъ въ правѣ была желать Россія: наука и до сихъ поръ не пустила у насъ глубокихъ корней, и существуетъ почти только въ видѣ отпрысковъ и побѣговъ изъ-за границы. Не говоря здѣсь о томъ, насколько это зависѣло отъ различныхъ обстоятельствъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, можетъ быть, и труды иностранныхъ нашихъ просвѣтителей, ни по качеству, ни по количеству, не соотвѣтствовали, да едва ли и могутъ вполнѣ соотвѣтствовать той задачѣ, для которой они призывались и для которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и до сихъ поръ слѣдуетъ ихъ призывать. Дѣйствительно, нѣкоторые и до сихъ поръ полагаютъ, что не худо было бы привлекать иностранныхъ ученыхъ къ занятію у насъ каѳедръ. Такъ, академикъ Струве [1]) предлагаетъ требовать отъ иностранныхъ ученыхъ, для занятія мѣстъ ординарныхъ профессоровъ, докторскаго диплома отъ какого-либо извѣстнаго заграничнаго университета, достающагося, какъ извѣстно, несравненно легче, чѣмъ докторскій дипломъ Русскій, и, сверхъ того, только защищенія диссертаціи въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ. Къ тому же клонится предложеніе его и г. Хвольсона [2]), чтобы званіе почетнаго доктора Русскаго университета сообщало всѣ права, присвоенныя дѣйствительной степени доктора; почетными докторами, по всей вѣроятности, были бы, по преимуществу, иностранцы. Далѣе, г. Вальтеръ [3]) предлагаетъ допускать на конкурсы для замѣщенія каѳедръ въ нашихъ университетахъ иностранныхъ ученыхъ, съ выдачею имъ «скромныхъ средствъ» для пріѣзда на мѣсто конкурса и для чтенія конкурсовыхъ лекцій и съ производствомъ половиннаго жалованья, пока не научатся читать лекцій по-Русски. Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не о знаменитыхъ или очень извѣстныхъ ученыхъ иностранныхъ. Тѣмъ не менѣе г. Вальтеръ полагаетъ, «что такой способъ приготовленія *Русскихъ* профессоровъ изъ иностранныхъ ученыхъ будетъ не хуже высылки молодыхъ Русскихъ за границу.» Наконецъ, г. Пироговъ [4]) говоритъ, какъ о дѣлѣ весьма желательномъ, о томъ, что нѣкоторыя изъ заграничныхъ

[1]) I, 42 (Римская цифра означаетъ томъ замѣчаній на проектъ устава университетовъ, а Арабскія—страницу).

[2]) I, 168.

[3]) II, 479 — 480.

[4]) I, 4.

знаменитостей охотно заняли бы у насъ каѳедры, еслибы наши факультеты могли имъ дать содержаніе бо̀льшее, чѣмъ получаютъ природные Русскіе ученые. Мы же позволяемъ себѣ думать, что пора наконецъ намъ отказаться отъ всякой надежды на прочное водвореніе у насъ науки съ помощью призываемыхъ изъ-за границы ученыхъ, такъ какъ: 1) они въ состояніи сообщать свои познанія или на иностранномъ языкѣ, не вполнѣ понятномъ для ихъ слушателей, или на ломанномъ Русскомъ, отчуждающемъ отъ нихъ аудиторію; 2) такъ какъ ихъ познанія обыкновенно не имѣютъ прямаго и ближайшаго отношенія къ Россіи; 3) такъ какъ они не въ состояніи сообразоваться въ теченіе долгаго времени ни съ потребностями, ни со степенью научнаго приготовленія нашего юношества, ни со складомъ Русскаго ума вообще, и, при весьма естественномъ разобщеніи со слушателями, рѣдко когда имѣютъ охоту руководить ихъ научными занятіями, и 4) такъ какъ они въ засѣданіяхъ факультетовъ и совѣтовъ рѣдко когда принимаютъ дѣятельное участіе во всемъ, что̀ не касается прямо ихъ каѳедры. Вотъ почему слѣдуетъ, по нашему убѣжденію, не вводить никакихъ льготъ для привлеченія иностранцевъ въ наши университеты въ качествѣ преподавателей,—хотя, съ другой стороны, излишне было бы включать въ § 71 проекта вставку, предложенную г. Навроцкимъ [1]), лишающую университетскіе совѣты возможности не требовать отъ инородцевъ и иностранцевъ степени доктора. Въ крайнемъ случаѣ и въ видѣ исключенія изъ общаго правила, совѣты должны имѣть возможность приглашать и иностранныхъ ученыхъ на Русскія каѳедры, когда не окажется для нихъ сколько-нибудь достойныхъ кандидатовъ изъ Русскихъ ученыхъ, но на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какія постановлены и для Русскихъ, оказавшихъ услуги наукѣ.

Еще въ 1808 г. правительство наше избрало другой, болѣе вѣрный, путь къ сближенію Россіи съ Европейскою наукою, отправивъ за границу для усовершенствованія образованія 12 студентовъ педагогическаго института: семеро изъ нихъ заняли каѳедры въ С. Петербургскомъ университетѣ, и чрезъ 12 лѣтъ (именно къ 1823 г.) они уже образовали себѣ болѣе

[1]) I, 164.

или менѣе достойныхъ преемниковъ, въ числѣ 13 человѣкъ [1]). Но это была мѣра временная, принесшая наиболѣе пользы Петербургскому университету и округу. Только въ 1828 г. была организована система отправленія за границу, съ цѣлью образованія Русскихъ профессоровъ въ несравненно-обширнѣйшихъ размѣрахъ и на слѣдующихъ основаніяхъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ положенію дѣлъ: 1) университетскимъ совѣтамъ предоставленъ былъ выборъ кандидатовъ; 2) кандидаты эти подвергались предварительно испытанію въ академіи наукъ. Въ какой мѣрѣ выборъ всѣхъ университетовъ, за исключеніемъ С. Петербургскаго, нуждался въ такой повѣркѣ, видно изъ того, что изъ 11 кандидатовъ Московскаго университета только 5 признаны были способными къ предположенной цѣли, изъ 5 Казанскаго —только 2, изъ 6 Виленскаго—3, тогда какъ всѣ 6 кандидатовъ С. Петербургскаго университета были одобрены [2]). 3) Затѣмъ, до отправленія еще за границу, они прикомандировывались на 3 года къ Дерптскому университету, стоявшему въ то время много выше другихъ университетовъ Имперіи, образовали изъ себя особый профессорскій институтъ, и, пробывши въ немъ, вмѣсто 3, $4\frac{1}{2}$ года, большею частью пріобрѣли высшія ученыя степени, а нѣкоторые, какъ напр. Н. И. Пироговъ, занимались уже и преподаваніемъ, и наконецъ подготовленные такимъ образомъ отправлены были за границу. 4) За границею они поручаемы были руководству извѣстныхъ ученыхъ. Одновременно и на такихъ же почти основаніяхъ дѣйствовало, по мысли графа Сперанскаго, II отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для приготовленія изъ лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ академій профессоровъ для юридическаго факультета. Система эта принесла несомнѣнно-добрые плоды: профессорскій институтъ въ Дерптѣ, въ продолженіе $9\frac{1}{2}$ лѣтъ до своего закрытія (10 января 1838 г)., подготовилъ 22 профессора въ Русскіе университеты, а II отдѣ-

[1]) См. Историко-статистич. обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго округа съ 1715—1828, А. Воронова, стр. 178.

[2]) То же случилось съ тремя кандидатами, представленными Харьковскимъ университетомъ, но, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе большей осмотрительности выбора, такъ какъ кандидаты эти прибыли въ С. Петербургъ позднѣе другихъ. Ст. Истор.-стат. обозр. съ 1829 — 1853 А. Воронова, стр. 287.

леніе — 14, и къ числу этихъ профессоровъ принадлежали и принадлежатъ наилучшіе дѣятели нашей науки; имъ наши университеты обязаны своимъ оживленіемъ и возвышеніемъ своего научнаго уровня.

Справедливо и разумно было предоставить на будущее время самимъ университетамъ заботу о подготовленіи для себя профессоровъ, устранивши всякое особое содѣйствіе со стороны университета Дерптскаго; но небезполезно было бы, какъ кажется, удержать изъ прежней системы не одну отправку молодыхъ людей, избранныхъ университетами, за границу, а и нѣкоторыя другія мѣры ея. Пока однакожь молодые люди были посылаемы заграницу, хотя и безъ прежнихъ гарантій, университеты наши оставались на прежней высотѣ своей; но какъ только съ 1848 г. они лишены были этого важнаго средства подготовленія и привлеченія къ профессорскому званію, тотчасъ же обнаружился и недостатокъ въ лицахъ, вполнѣ подготовленныхъ къ занятію каѳедръ, и, при естественномъ упадкѣ рвенія къ научной дѣятельности въ прежнихъ профессорахъ, упалъ и уровень преподаванія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ наукъ въ нашихъ университетахъ. Но прекращеніе, въ періодъ времени съ 1848 по 1856 г., отправленія молодыхъ людей за границу, съ цѣлью образованія изъ нихъ профессоровъ, мы отнюдь не считаемъ не только единственною, но даже и главнѣйшею причиною нынѣшняго неудовлетворительнаго состоянія нашихъ университетовъ: въ теченіе того времени имъ нанесено было много другихъ и болѣе тяжкихъ ударовъ. Однакожь и то обстоятельство, на которое мы указали, немало содѣйствовало упадку нашихъ университетовъ. Въ настоящемъ своемъ положеніи, они не могутъ принять исключительно на себя полнаго подготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, и отправленіе ихъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ является дѣломъ совершенной необходимости, по мнѣнію почти всѣхъ совѣтовъ и лицъ, высказавшихъ замѣчанія на проектъ устава. Заслуженный профессоръ Никитенко[1]) ставитъ даже изученіе науки за границей въ число непремѣнныхъ условій для вступленія въ члены университетскаго сословія; но это уже крайность. Включить такое условіе въ уставъ значило бы при-

[1]) I, 467.

знать невозможность полнаго и глубокаго научнаго образованія у насъ не временнымъ только и весьма печальнымъ явленіемъ, а совершенно нормальнымъ, и сверхъ того это значило бы, по совершенно-справедливымъ замѣчаніямъ профессора Горлова[1]), стѣснить предѣлы личной инициативы и почти уничтожить частную конкурренцію, подчинивши подготовленіе къ профессорскому званію и пополненіе ученаго университетскаго сословія постоянной начальственной опекѣ и регламентаціи: такъ какъ отправленіе за границу для усовершенствованія въ наукахъ, съ одной стороны, возможно только или для богатыхъ людей или же на казенныя средства, а съ другой, въ послѣднемъ случаѣ, оно создаетъ какъ бы нѣкоторое право на занятіе профессорскихъ мѣстъ даже и для тѣхъ лицъ, выборъ которыхъ оказался бы не вполнѣ удаченъ.

Въ противуположность системѣ, господствовавшей въ нашихъ университетахъ съ 1838 по 1848 годъ, всѣ университетскіе совѣты и лица, высказавшіеся по этому предмету въ настоящее время, считаютъ отправленіе за границу не только не единственною, но даже и не главнѣйшею мѣрою для приготовленія къ профессорскому званію, и предлагаютъ, чтобы она принимаема была неиначе, какъ съ достаточными гарантіями въ томъ, что избранныя съ этою цѣлью лица останутся вѣрны научнымъ стремленіямъ и что они дѣйствительно обладаютъ и даромъ преподаванія, и способностью къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ. Когда, въ началѣ нынѣшняго года г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ обратить большую часть экстренныхъ денежныхъ суммъ, предоставленныхъ министерству, на приготовленіе въ большемъ числѣ профессоровъ и пожелалъ предварительно узнать мнѣніе университетскихъ совѣтовъ о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты съ этою цѣлью, то университеты Кіевскій и Харьковскій отвѣчали прежде всего указаніемъ на рѣшительную необходимость: 1) улучшить содержаніе профессоровъ въ такой степени, чтобы званіе это стало дѣйствительно привлекательнымъ; 2) предоставить университетамъ право измѣнять устарѣлыя программы, установлять порядокъ и способы производства испытаній въ видахъ возвышенія уровня научнаго развитія студентовъ, вводить бо́льшую спеціальность въ факультетскомъ об-

[1]) I, 473.

Bayerische Staatsbibliothek München

разованіи сообразно съ успѣхами наукъ и съ личнымъ составомъ преподавателей; 3) предоставить въ распоряженіе университетовъ достаточныя суммы на устройство практическихъ занятій со студентами по различнымъ отраслямъ наукъ юридическихъ, филологическихъ, историческихъ и т. д., въ родѣ Германскихъ семинарій, и на введеніе спеціальныхъ курсовъ съ помощью приватъ-доцентовъ[1]). Всѣ эти мѣры имѣютъ отношеніе столько же къ улучшенію вообще научной части въ нашихъ университетахъ, сколько и къ приготовленію для нихъ профессоровъ. Спеціальнѣе имѣется въ виду послѣдняя цѣль въ слѣдующихъ, согласныхъ между собою, предложеніяхъ какъ университетскихъ совѣтовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ:

1) Назначить достаточную штатную сумму для выдачи стипендій молодымъ людямъ, съ отличіемъ окончившимъ курсъ и оставляемымъ при университетахъ для приготовленія къ ученому званію. Число такихъ стипендій для Казанскаго университета, по мнѣнію его совѣта, должно быть не меньше 30; непремѣннымъ условіемъ для ихъ полученія—конкурсъ[2]); размѣръ каждой такой годовой стипендіи—300 р. по мнѣнію Харьковскаго университета[3]), 350 руб.—по мнѣнію Казанскаго и 400 р., какъ установлено уже было Московскимъ университетомъ[4]); время пользованія такими стипендіями опредѣляется отъ одного до двухъ лѣтъ—Московскимъ и Харьковскимъ университетами, два года —профессоромъ Савичемъ[5]), и отъ 1-го до 3-хъ лѣтъ — университетомъ Казанскимъ. По предположеніямъ профессора Савича и Харьковскаго университета, ближайшею цѣлью для такихъ стипендіатовъ было бы подготовленіе себя къ званію приватъ-доцентовъ, такъ какъ — замѣчаетъ почтенный профессоръ — «неудобно со студентской скамьи тотчасъ переходить на каѳедру», и замѣчаніе это особенно справедливо примѣнительно къ нынѣшнему состоянію нашихъ университетовъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Харьковскаго университета, эти стипендіаты должны быть обязаны представить, по истеченіи

[1]) См. Дѣло департамента народнаго просвѣщенія о приготовленіи профессоровъ и учителей.

[2]) См. дѣло о приготовленіи профессоровъ, а также I, 404.

[3]) Дѣло о приготовленіи профессоровъ.

[4]) II, 290.

[5]) I, 118.

Bayerische Staatsbibliothek München

года и никакъ не далѣе двухъ лѣтъ, диссертаціи pro venia legendi для полученія званія доцента. Сверхъ научныхъ занятій для подготовленія себя къ ученому званію, стипендіаты должны были бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нести на себѣ еще нѣкоторыя другія обязанности, какъ напр. заниматься съ желающими изъ студентовъ первыхъ курсовъ, что̀ уже заведено въ Московскомъ университетѣ и особенно одобряется редакціею «Современной Лѣтописи» [1]), или брать на себя занятія по библіотекѣ, обсерваторіи, лабораторіи, клиникамъ и т. д., какъ предлагаетъ совѣтъ лицея кн. Безбородко [2]). Требованія подобнаго рода кажутся намъ вполнѣ справедливыми, лишь бы только они соотвѣтствовали главной цѣли учрежденія стипендіатовъ изъ окончившихъ курсъ и истинной пользѣ университетовъ, тѣмъ болѣе, что оставленіе при университетѣ съ выдачею стипендій не должно налагать никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ ни на самихъ стипендіатовъ, буде они пожелали бы избрать для себя другое поприще, ни на университеты, которые не должны нисколько стѣсняться существованіемъ стипендіатовъ при замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ, какъ это справедливо высказано въ мнѣніи Харьковскаго университета [3]). Само собою разумѣется, что такимъ молодымъ людямъ, прикомандированнымъ къ университету, должны быть даны всѣ средства къ научнымъ занятіямъ и къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, и тамъ, гдѣ существующія нынѣ пособія оказались бы для того недостаточными, должны быть ассигнованы особыя суммы для пріобрѣтенія снарядовъ, аппаратовъ и т. д. съ тѣмъ, чтобы эти учебныя пособія, находясь въ пользованіи молодыхъ ученыхъ, составляли собственность университетомъ, какъ это предлагается Кіевскимъ университетовъ и кандидатомъ С.-Петербургскаго университета г. Бакстомъ [4]) въ числѣ мѣръ для приготовленія бо̀льшаго числа профессоровъ.

2) Съ этою же цѣлью предлагается ассигновать университетамъ суммы на командировку молодыхъ людей въ другіе Русскіе университеты и въ Императорскую академію наукъ для при-

[1]) II, 290.

[2]) II, 10.

[3]) Дѣло о приготовленіи профессоровъ.

[4]) Тамъ же.

готовленія къ ученой дѣятельности подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ Русскихъ ученыхъ, какъ это высказано университетами Кіевскимъ и Казанскимъ [1]), изъ которыхъ послѣдній опредѣляетъ величину такихъ стипендій въ 500 р., а число ихъ 10, независимо отъ 30 стипендій, выдаваемыхъ при самомъ Казанскомъ университетѣ. Обѣ эти мѣры могутъ быть принимаемы или одновременно для разныхъ лицъ, или послѣдовательно одна за другою для однихъ и тѣхъ же лицъ, по усмотрѣнію совѣтовъ, и въ совокупности своей вполнѣ замѣняютъ прежній профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ.

3) Надежнѣйшимъ средствомъ къ приготовленію профессоровъ въ бо̀льшемъ числѣ всѣми единогласно почитается допущеніе къ преподаванію въ университетахъ, на легчайшихъ противъ прежняго условіяхъ, какъ-то: стипендіатовъ, такъ и постороннихъ лицъ въ качествѣ приватъ-доцентовъ. Всѣ другія мѣры приготовленія профессоровъ, какъ оставленіе при университетѣ съ выдачею стипендій, командированіе въ другіе университеты Русскіе и заграничные представляютъ два существенныя неудобства: 1) то, что онѣ принадлежатъ къ категоріи мѣръ искусственныхъ, связанныхъ съ постоянною опекою и регламентаціею со стороны ученаго университетскаго сословія и отдѣльныхъ его членовъ, и 2) что онѣ соединяются съ предварительною затратою казенныхъ денежныхъ суммъ, мало плодотворною даже и при возложеніи на стипендіатовъ нѣкоторыхъ обязанностей въ отношеніи къ университету, въ случаѣ преждевременной ихъ смерти или неудачнаго выбора. Учрежденіе же приватъ-доцентовъ изъ лицъ постороннихъ, будучи развито на правильныхъ основаніяхъ, является самымъ естественнымъ и самымъ лучшимъ разсадникомъ будущихъ профессоровъ, и потому всѣ усилія должны быть направлены къ устраненію препятствій, могущихъ мѣшать его развитію. Но пока не разовьется учрежденіе приватъ-доцентовъ и пока наука, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, будетъ у насъ растеніемъ оранжерейнымъ, требующимъ искусственной теплоты и самаго тщательнаго ухода, до тѣхъ поръ необходимы будутъ и всѣ указанныя выше искусственныя мѣры, къ которымъ слѣдуетъ еще присоединить 4) отправленіе молодыхъ

[1]) Тамъ же.

людей на казенный счетъ за-границу для усовершенствованія себя въ наукахъ. Эта мѣра, по общему мнѣнію, требуетъ особенной осмотрительности: такъ какъ она сопровождается болѣе значительною, чѣмъ всѣ другія, предварительною затратою казенныхъ денегъ: такъ какъ она даетъ болѣе опредѣленныя права избраннымъ лицамъ на занятіе профессорскихъ каѳедръ не дозволяетъ возлагать на нихъ обязанностей, выполненіе которыхъ приносило бы непосредственную пользу университетамъ. Даже и въ настоящее время, когда нѣтъ ни приватъ-доцентовъ, ни стипендіатовъ въ объясненномъ выше смыслѣ, и когда важнѣйшія каѳедры, при всѣхъ усиліяхъ къ ихъ замѣщенію, остаются вакантными въ продолженіе многихъ лѣтъ (какъ напр. каѳедра Русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, не занятая уже цѣлыхъ три года), историко-филологическій факультетъ Кіевскаго университета счелъ должнымъ прибѣгнуть къ конкурсу для опредѣленія, кого изъ двухъ своихъ кандидатовъ, извѣстныхъ своими занятіями по Русской исторіи, избрать для командированія въ Москву, въ Петербургъ и за границу съ цѣлью приготовиться къ занятію означенной каѳедры. Конкурсъ этотъ предположено было произвести на тѣхъ же почти основаніяхъ, которыя установлены проектомъ устава для желающихъ быть приватъ-доцентами, а именно конкурренты должны публично защитить диссертацію, предварительно одобренную факультетомъ, и нѣсколько положеній, взятыхъ изъ ихъ спеціальной науки, и сверхъ того прочесть двѣ пробныя лекціи въ присутствіи профессоровъ и студентовъ, при чемъ одну — на тему, заданную факультетомъ. [1]) При обыкновенномъ же, болѣе нормальномъ положеніи дѣлъ, какого можно ожидать по введеніи новаго устава, еще необходимѣе будетъ напередъ убѣждаться въ способности къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ и къ преподаванію тѣхъ лицъ, которыя предназначаются къ отправленію за-границу, какъ это прямо высказали университеты Кіевскій, Харьковскій, [2]) г. Деляновъ, [3]) профессоръ Васильевъ, [4]) г. Никольскій, [5]) изъ коихъ послѣдніе два и Харь-

[1]) Дѣло о приг. проф.
[2]) Тамъ же.
[3]) I, 214.
[4]) I, 99 и 105.
[5]) II, 260.

ковскій университетъ указываютъ въ этомъ случаѣ на приватъ-доцентство, какъ на непремѣнное условіе для отправленія заграницу. Харьковскій университетъ формулировалъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: «Доценты, обратившіе на себя особенное вниманіе факультета своими способностями и даромъ преподаванія, по выдержаніи испытанія на степень магистра, могутъ быть отправляемы за границу на счетъ университета [1]). Московскій университетъ, въ этомъ отношеніи, менѣе строгъ въ своихъ требованіяхъ, и предлагаетъ ввести только баллотированіе [2]). По мнѣнію редакціи «Современной Лѣтописи», на это могутъ имѣть право только выдержавшіе экзаменъ на степень магистра или доктора, хотя бы еще и не защитившіе диссертаціи [3]). Соображая все сказанное выше, а также принимая во вниманіе, что, по введеніи новаго устава, испытанія на высшую ученую степень будутъ менѣе затруднительны, чѣмъ въ настоящее время, мы со своей стороны склоняемся въ пользу конкурса [4]) на основаніяхъ, предложенныхъ Кіевскимъ университетомъ, въ случаѣ, если нѣтъ на лицо особыхъ приватъ-доцентовъ, и въ пользу выбора изъ послѣднихъ, если таковые имѣются, по выдержаніи ими испытаній на высшую ученую степень.

Казанскій и Харьковскій университеты опредѣляютъ и размѣры, въ какихъ должна быть осуществляема эта мѣра приготовленія къ профессорскому званію, а именно: первый желалъ бы имѣть съ этою цѣлью въ своемъ распоряженіи ежегодно 5 стипендій, каждая въ 1,200 р., а второй около 10 т. штатной суммы для отправленія ежегодно за-границу по крайней мѣрѣ по одному доценту отъ каждаго факультета, съ выдачею каждому отправляемому не менѣе 1,500 р., при чемъ г. попечитель округа Левшинъ считаетъ достаточною сумму въ 6000 р. Намъ кажется, что нѣтъ ни малѣйшей надобности въ такихъ точныхъ и стѣснительныхъ для самихъ же университетовъ опредѣленіяхъ цифръ; достаточно выговорить, по примѣру Московскаго университета, сумму денегъ, означенную въ штатѣ, съ тѣмъ чтобы часть этой суммы употребляема была на оставленіе молодыхъ

[1]) Дѣло о приг. проф.

[2]) I, 250.

[3]) Таково же требованіе и Казанскаго университета. См. дѣло о приг. проф.

[4]) II, 314,

людей, съ отличіемъ окончившихъ курсъ наукъ, при университетѣ, а другая—на командировки за границу, безъ обозначенія въ точности ни той, ни другой.

Что же касается до занятій нашихъ молодыхъ ученыхъ за границею, то дѣйствительно желательно, какъ говоритъ «*Современная Лѣтопись*» [1]), чтобы они путешествовали не въ качествѣ простыхъ туристовъ, только посѣщая по временамъ лекціи, а систематически занимались «подъ спеціальнымъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ, которые работали бы съ ними что̀ называется privatissime»; но намъ кажется, что дальнѣйшее желаніе «*Лѣтописи*», чтобы эти ученые сообщали о занимающихся у нихъ свое мнѣніе университету и министерству, едва ли умѣстно: такъ какъ выборъ для командированія за границу будетъ падать на приватъ-доцентовъ, уже выдержавшихъ испытаніе на степень магистра, слѣдовательно — на людей, уже испытанныхъ и въ научныхъ своихъ стремлѐніяхъ и въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Можно, кажется, удовольствоваться подробными отчетами объ ихъ занятіяхъ отъ нихъ самихъ, не затрудняя почтенныхъ иностранныхъ ученыхъ излишнею перепискою и не ставя нашихъ молодыхъ людей въ неловкое къ нимъ положеніе.

Такъ какъ все, что можетъ служить къ усиленію научной дѣятельности университетовъ, къ пробужденію въ студентахъ склонности къ умственной работѣ и къ сближенію ихъ въ этомъ отношеніи съ профессорами, отзовется благодѣтельно и на ихъ приготовленіе къ ученымъ званіямъ, то считаемъ нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе г. Благовѣщенскаго [2]) о пользѣ изданія каждымъ факультетомъ, подъ редакціей одного изъ его членовъ, сборниковъ, въ составъ которыхъ входили бы лучшіе труды студентовъ, преимущественно послѣднихъ курсовъ, съ платою за нихъ съ листа примѣрно по 50 р., спеціально-научные труды самихъ профессоровъ и диссертаціи на высшія ученыя степени [3]). Возраженіе, сдѣланное противъ этого мнѣнія г. Ахшарумовымъ [4]), нисколько не касается сущности

[1]) II, 290 и 314.

[2]) II, 121.

[3]) Кіевскій университетъ, съ своей стороны, въ представленіи о мѣрахъ къ приготовленію профессоровъ ходатайствуетъ о выдачѣ пособій на печатаніе диссертацій.

[4]) II, 273.

дѣла, котораго, какъ намъ кажется, нельзя не признать во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ. Дѣйствительно, было бы очень вредно, еслибы профессоръ или редакторъ такого сборника заказывали студентамъ статьи для него, приманивая ихъ платою, и такимъ образомъ искусственно, посторонними цѣлями привлекали ихъ къ преждевременной и поверхностной литературной работѣ. Но этой опасности можно легко избѣгнуть. По освобожденіи студентовъ отъ частыхъ экзаменовъ, по дарованіи имъ возможности и средствъ къ болѣе спеціальнымъ занятіямъ, нельзя же не ожидать отъ нихъ и даже не требовать,—по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ, которые желали бы получать стипендіи,— трудовъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ по той или другой наукѣ, и лучшіе изъ этихъ трудовъ по научному достоинству и по общезанимательности изложенія удостоивались бы помѣщенія въ сборникѣ, а плата за нихъ выдавалась бы нуждающимся въ видѣ стипендіи высшаго оклада. Не было бы бѣды, еслибы въ ряду такихъ статей строго-научнаго содержанія попалась иной разъ и хорошая компиляція, не основанная на самостоятельномъ изученіи дѣла и источниковъ. Вѣдь хуже же во сто кратъ, что въ настоящее время во множествѣ молодыхъ людей, оканчивающихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, за весьма немногими исключеніями, нѣтъ не только серьезныхъ ученыхъ, о которыхъ говоритъ г. Ахшарумовъ, но почти нѣтъ даже хорошихъ переводчиковъ и вполнѣ грамотныхъ корректоровъ. Устраненію подобныхъ недостатковъ могли бы содѣйствовать и предлагаемые сборники. Далѣе, для самихъ профессоровъ внѣ столицъ учено-литературная дѣятельность до сихъ поръ была почти невозможна, или, по крайней мѣрѣ, очень затруднительна: сборники могли бы чрезвычайно оживить ее. Наконецъ, для публики они представляли бы немалый интересъ, какъ самостоятельное выраженіе научно-литературной дѣятельности университетовъ, какъ сподручное средство ознакомиться съ новѣйшими открытіями, изслѣдованіями и сочиненіями, о которыхъ профессоры могли бы отдавать постоянный отчетъ, каждый по своей части. Мы не говоримъ уже, какой интересъ могли бы имѣть эти изданія для массы студентовъ и учителей различныхъ категорій. Разумѣется, очень многое зависѣло бы въ этомъ отношеніи отъ выполненія; но можно смѣло разсчитывать, что въ покупателяхъ недостатка не было бы, а еслибы издержки и превышали нѣсколько доходъ, то 1) частью они

покрывались бы возможностью уменьшить число обыкновенныхъ стипендій, а 2) если какія изданія до поры до времени имѣютъ полное право на нѣкоторую поддержку со стороны правительства и наиболѣе образованной части общества, то это именно изданія чисто-научныя.

Къ развитію и распространенію наукъ установленіемъ общаго плана и въ предпринятыхъ изслѣдованіяхъ и въ педагогической дѣятельности, а также къ ознакомленію университетовъ съ молодыми специалистами и къ привлеченію ихъ въ ряды преподавателей, могло бы послужить, по мнѣнію Кіевскаго университета, устройство при университетахъ ученыхъ съѣздовъ по различнымъ отраслямъ наукъ. Такое сближеніе всѣхъ Русскихъ университетовъ въ лицѣ ихъ преподавателей на пользу науки и преподаванія въ Россіи было бы въ высшей степени благотворно и желательно; но для трехъ университетовъ — Харьковскаго, Кіевскаго и будущаго Новороссійскаго ученые съѣзды въ настоящее время едвали возможны по неудобствамъ путей сообщенія. Будемъ надѣяться, что въ непродолжительномъ времени и эти 3 пункта будутъ связаны желѣзными дорогами какъ между собою, такъ и съ Москвою, а слѣд. и съ Петербургомъ, и тогда устройство ученыхъ университетскихъ съѣздовъ не повлечетъ за собою значительныхъ издержекъ, и можетъ быть осуществлено даже безъ пособій со стороны правительства.

Приведемъ теперь вышеизложенный перечень мѣръ для приготовленія университетскихъ преподавателей въ форму параграфовъ, которые, по нашему мнѣнію, должны составить особое отдѣленіе IV главы новаго университетскаго устава, какъ по важности самаго предмета, такъ и потому, что желательно было бы, не стѣсняя свободы факультетскихъ собраній и университетскихъ совѣтовъ, устранить произволъ и могущій произойти отъ того вредъ.

—

§ 1. Для приготовленія преподавателей, способныхъ занять университетскія каѳедры, отпускается достаточная, означенная въ штатѣ, сумма, которая, по усмотрѣнію совѣта, можетъ быть увеличиваема изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ.

§ 2. Она расходуется:

a) на учрежденіе спеціальныхъ курсовъ и на устройство практическихъ занятій со студентами;

b) на пріобрѣтеніе необходимыхъ научныхъ пособій, которыя, находясь, подъ наблюденіемъ подлежащихъ профессоровъ, въ пользованіи студентовъ, составляютъ собственность университета;

c) на изданіе факультетами, съ разрѣшенія совѣта, ученыхъ сборниковъ, въ составъ которыхъ могутъ входить: диссертаціи на ученыя степени, статьи преподавателей и лицъ, прикомандированныхъ къ университету, и лучшіе труды студентовъ, съ выдачею имъ вознагражденія;

d) на оставленіе молодыхъ людей, наиболѣе даровитыхъ и съ отличіемъ окончившихъ курсъ наукъ, на годъ или на два при университетѣ, для подготовленія ихъ къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцентовъ, съ выдачею имъ стипендій и съ возложеніемъ на нихъ нѣкоторыхъ педагогическихъ или другихъ обязанностей по университету, которыя не препятствовали бы достиженію главной ихъ цѣли;

e) на командированіе въ другіе университеты Русскіе, а также и за границу тѣхъ приватъ-доцентовъ, которые обратили на себя вниманіе факультета даромъ преподаванія и выдержали экзаменъ на высшую ученую степень.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ слишкомъ значительнаго числа лицъ, желающихъ подготовиться при университетѣ къ званію приватъ-доцента, или приватъ-доцентовъ, имѣющихъ почти равныя права на вниманіе факультета, факультетъ обращается или къ баллотированію ихъ, или же къ публичному конкурсу.

Примѣчаніе 2. При неуспѣшности всѣхъ мѣръ, предварительно принятыхъ къ замѣщенію какой-либо каѳедры, остающейся продолжительное время вакантною, и за неимѣніемъ по ней вполнѣ способныхъ приватъ-доцентовъ, факультетъ объявляетъ конкурсъ для избранія лица, которое, командировкою въ другіе университеты и за границу, могло бы быть приготовлено къ занятію каѳедры. Конкурсъ учреждается на основаніяхъ, постановленныхъ для допущенія приватъ-доцентовъ къ преподаванію.

Сверхъ того, надлежитъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія въ §§ 135 и 144 проекта устава, которые должны быть изложены такъ:

§ 135. Университетамъ предоставляется учреждать ученыя общества, для усовершенствованія совокупными изысканіями

какой-либо опредѣленной части наукъ, *а также и публичные ученые съѣзды по различнымъ отраслямъ наукъ, для установленія общаго плана какъ въ предпринимаемыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ педагогической дѣятельности*.

§ 144. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій, *программъ*, *лекцій* и иныхъ ученаго содержанія сочиненій *и сборниковъ*, ими или ихъ преподавателями издаваемыхъ. Цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

II. РАЗРЯДЫ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

(§ 70 проекта).

Не довольствуясь прежними тремя степенями штатныхъ университетскихъ преподавателей, проектъ устава вводитъ еще четвертую, замѣняя прежнихъ адъюнктовъ *доцентами*, и подраздѣляя послѣднихъ на *старшихъ* и *младшихъ*. Это усложненіе чиноначалія въ сферѣ ученаго сословія произвело различное впечатлѣніе на критиковъ проекта: одни, не приводя ничего въ его пользу, молча съ нимъ соглашаются, въ томъ числѣ Казанскій и Харьковскій университеты; въ Московскомъ университетѣ меньшинство было противъ введенія младшихъ доцентовъ, большинство же—въ пользу установленія этого новаго званія, но не болѣе какъ на 3 года для каждаго лица въ отдѣльности, послѣ чего оно или выбываетъ вовсе изъ числа университетскихъ преподавателей, или же окончательно утверждается въ званіи старшаго доцента [1]; другіе же, какъ напр. университетъ Кіевскій [2], *редакція «Русскаго Вѣстника»* [3], гг. Ивановскій [4], Никитенко [5], Шнейдеръ [6], Мильчевскій [7]—противъ дѣленія доцентовъ на старшихъ и младшихъ; третьи же—и такихъ большинство—высказываются съ большимъ или меньшимъ неудовольствіемъ противъ этого даль-

[1]) I, 254 и 5.
[2]) I, 34.
[3]) II, 315.
[4]) I, 72.
[5]) I, 467.
[6]) II, 98.
[7]) II, 150.

нѣйшаго развитія университетской іерархіи, какъ напр. г. Пироговъ [1]), помощникъ директора Виленской обсерваторіи Гусевъ [2]), *г. N. N.* [3]). Одни изъ нихъ не желали бы допускать различныхъ наименованій для одного и того же званія, какъ напр. г. Деляновъ [4]); другіе, какъ напр. адюнкты Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій [5]) и профессоръ Костомаровъ [6]), допускаютъ двѣ категоріи преподавателей — профессоровъ и доцентовъ; наконецъ, третьи — Ришелевскій лицей [7]), докторъ философіи Цункъ [8]), какъ кажется, г. Пироговъ — въ пользу тройственнаго дѣленія преподавателей на профессоровъ ординарныхъ, экстраординарныхъ и приватъ-доцентовъ. Несомнѣнно, большинство мнѣній состоялось противъ усложненія іерархіи университетскихъ преподавателей, и намъ кажется, что раціональнѣе всего было бы изъ ихъ числа устранить не только младшихъ доцентовъ, но и старшихъ, а также и лекторовъ новыхъ языковъ, послѣднихъ на основаніи мнѣнія Кіевскаго университета [9]), сливши ихъ всѣхъ въ категоріи приватъ-доцентовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ имѣлось въ виду самими составителями проекта при измѣненіяхъ, внесенныхъ ими въ эту часть прежняго устава? Изъ словъ одного изъ нихъ — г. Бунге [10]), видно, что: 1) младшіе доценты введены въ проектъ вслѣдствіе предъявленія его составителямъ подраздѣленій штатной суммы», т. е. вслѣдствіе того, что штатная сумма, опредѣленная на содержаніе преподавателей, показалась составителямъ проекта недостаточною въ сравненіи съ тѣмъ числомъ ихъ, какое желательно было бы имѣть въ настоящее время. Но если таковъ дѣйствительно смыслъ приведенныхъ выше словъ, то не лучше ли не имѣть уже вовсе штатныхъ доцентовъ, и не будетъ ли у насъ больше преподавателей, если употребить на развитіе учрежденія приватъ-доцен-

1) I, 11.
2) I, 455.
3) II, 478.
4) I, 216.
5) I, 202.
6) II, 229.
7) II, 58.
8) II, 459.
9) I, 30.
10) II, 134.

товъ всю ту сумму, которая предназначаема была на штатныхъ доцентовъ? 2) Изъ словъ же г. Бунге и изъ предложенной проектомъ баллотировки всѣхъ доцентовъ чрезъ каждые 3 года видно, что составителямъ проекта казалось желательнымъ имѣть при университетахъ такой классъ преподавателей, который могъ бы держаться только постоянными усиліями съ своей стороны и самымъ не упроченнымъ положеніемъ своимъ побуждался къ постоянному совершенствованію своего преподаванія и своей научной дѣятельности. Не очевидно ли, что такому не безъосновательному желанію несравненно больше соотвѣтствуетъ классъ приватъ-доцентовъ, чѣмъ классъ доцентовъ младшихъ или старшихъ? Разъ допустивши человѣка къ занятію штатнаго мѣста, гораздо труднѣе рѣшиться на его удаленіе, чѣмъ на уменьшеніе или даже на совершенное прекращеніе неопредѣленнаго содержанія, назначаемаго ежегодно тому или другому приватъ-доценту. 3) Существованіе штатныхъ доцентовъ всегда будетъ стѣснять болѣе или менѣе совѣты при замѣщеніи собственно профессорскихъ каѳедръ: безъ нѣкотораго оскорбленія для штатныхъ доцентовъ невозможно будетъ помимо нихъ обращаться къ приватъ-доцентамъ или постороннимъ лицамъ. 4) Эта безконечная лѣстница ученыхъ званій, изъ коихъ, по всей вѣроятности, только одно высшее будетъ хотя сколько-нибудь обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, будетъ чрезвычайно ослаблять конкурренцію между приватъ-доцентами: цѣль не должна быть поставляема слишкомъ далеко, если она должна возбуждать энергическія усилія въ лицахъ, желающихъ ея достигнуть. Шутка-ли? быть сначала стипендіатомъ для подготовленія къ университетскому преподаванію, потомъ приватъ-доцентомъ, младшимъ, старшимъ доцентомъ—для того, чтобы развѣ подъ конецъ своей жизни попасть въ тѣсный кружокъ экстраординарныхъ и наконецъ ординарныхъ профессоровъ! 5) Самая ограниченность числа штатныхъ преподавателей будетъ служить побужденіемъ для совѣтовъ содѣйствовать всѣми средствами столь желательному во всѣхъ отношеніяхъ развитію учрежденія приватъ-доцентовъ, и къ назначенію лучшимъ изъ нихъ, за неимѣніемъ профессорскихъ вакансій, возможно-лучшаго содержанія. Равная для всѣхъ приватъ-доцентовъ возможность занять профессорскую каѳедру или же получить за свои труды значительное вознагражденіе будетъ служить достаточнымъ побужденіемъ ко вступленію въ это званіе.

Что касается до лицъ, которыя будутъ застигнуты новымъ уставомъ въ званіи адъюнктовъ, то на этотъ счетъ высказаны два мнѣнія: г. Ивановскій[1]), по видимому, склоняется къ тому, чтобы адъюнкты сохранили свое званіе и положеніе въ университетахъ на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ; то же, по нашему мнѣнію, можетъ быть сказано и о нынѣшнихъ лекторахъ: содержаніе и тѣхъ и другихъ можетъ быть увеличено въ соразмѣрности съ увеличеніемъ содержанія профессоровъ. Г. Михайловъ[2]) полагаетъ, что адъюнкты, имѣющіе степень магистра, должны сдѣлаться экстраординарными профессорами, прочіе же—доцентами; но, полагая, что возведеніе въ экстраординарные профессоры не можетъ обойтись безъ баллотированія, и принимая близко къ сердцу судьбу тѣхъ, которые могли бы быть забаллотированы при этомъ, мы склоняемся больше въ пользу мнѣнія г. Ивановскаго.

Вообще же говоря, замѣна лекторовъ приватъ-доцентами весьма желательна. Опытъ показываетъ, что лекторы, бо̀льшею частью безъ вины съ своей стороны, получаютъ жалованье, не принося той пользы, какая въ такихъ случаяхъ предполагается. Обращеніе ихъ въ приватъ-доцентовъ, развивши конкуренцію между ними и улучшивши ихъ преподаваніе, дало бы возможностъ совѣтамъ соразмѣрить ихъ содержаніе съ дѣйствительно приносимою ими пользою. При томъ же изученіе языковъ можетъ идти тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ съ меньшимъ числомъ учащихся придется имѣть дѣло преподавателю. Вступленіе же въ число приватъ-доцентовъ могло бы выгодно подѣйствовать на частную педагогическую дѣятельность вступившаго.

И такъ, на основаніи высказанныхъ соображеній, имѣю честь предложить слѣдующую редакцію соотвѣтствующихъ параграфовъ:

§ 70. Преподаватели университета раздѣляются на профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и на приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ. Число профессоровъ опредѣляется штатомъ; число же приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ не ограничивается, и на ихъ вознагражденіе отпускается

[1]) I, 72.
[2]) I, 211.

штатная сумма, которая, по опредѣленію совѣта, можетъ быть увеличиваема и изъ другихъ суммъ, находящихся въ распоряженіи университета.

§ 73. Суммы, опредѣленныя на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, раздѣляются совѣтомъ между факультетами, и часть означенной штатной суммы можетъ быть, съ разрѣшенія министра, отдѣляема на увеличеніе штатнаго числа профессоровъ.

III. УСЛОВІЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНІЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИХЪ ЗВАНІЙ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

(§§ 71 и 72 проекта).

Предполагая, что ученый комитетъ одобритъ предложенную замѣну доцентовъ всѣхъ наименованій одними приватъ-доцентами и что онъ установитъ окончательно болѣе раціональную и благопріятную для успѣховъ науки систему двухъ ученыхъ степеней — кандидатской и докторской, считаемъ излишнимъ перечислять въ подробности мнѣнія о томъ, необходимо ли экстраординарнымъ профессорамъ быть магистрами или докторами, а старшимъ доцентамъ—кандидатами или магистрами. Всѣ согласны между собою въ томъ, что ординарнымъ профессоромъ можетъ быть только докторъ; мы же полагаемъ, на основаніи предположенныхъ выше измѣненій, что и вообще для занятія штатной профессорской каѳедры необходимо имѣть высшую ученую степень. Требованіе г. профессора Чебышева, [1]) чтобы будущій преподаватель непремѣнно имѣлъ ученую степень по той наукѣ, какая имѣетъ имъ быть излагаема, кажется намъ слишкомъ стѣснительнымъ: желательно, чтобы при замѣщеніи профессорскихъ каѳедръ университеты могли имѣть въ виду большое число конкурентовъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется удовлетворительнѣе примѣчаніе, сдѣланное проектомъ къ § 71, съ дополненіемъ, предложеннымъ университетами Харьковскимъ [2]) и Казанскимъ, [3])—о томъ, что необходимо представленіе сочиненія по избираемой наукѣ и публичное его защищеніе даже и для докторовъ того же факультета, но въ составъ испы-

[1]) I, 122.
[2]) I, 303.
[3]) I, 394.

танія которыхъ на высшую ученую степень не входила именно та наука, которую они желаютъ преподавать. Вопреки мнѣнію, высказанному профессоромъ Иванишевымъ и одобренному совѣтомъ Кіевскаго университета[1]), — о томъ, что лица, заявившія въ качествѣ приватъ-доцентовъ отличныя способности, могутъ быть прямо допускаемы къ экзамену на высшую ученую степень, не будучи еще прежде кандидатами, и, вопреки рѣшенію, принятому ученымъ комитетомъ — о признаніи докторами лицъ, извѣстныхъ своими учеными заслугами, мы полагаемъ, что за учеными степенями слѣдовало бы сохранить первоначальный ихъ характеръ, указывающій прямо на тотъ многотрудный и нерѣдко тернистый путь, которымъ онѣ пріобрѣтены, а для достиженія той полезной цѣли, какую имѣли въ виду и Кіевскій университетъ и ученый комитетъ, достаточно было бы постановить, какъ это предлагаютъ профессоры Чебышевъ[2]) и Утинъ[3]) и попечитель Кіевскаго учебнаго округа г. Витте[4]), чтобы лица, извѣстныя своими учеными трудами и заслугами, могли быть избираемы въ экстраординарные и ординарные профессоры, хотя бы и не имѣли степени доктора. Но недостаточно требовать отъ будущихъ штатныхъ профессоровъ только высшей ученой степени, или важныхъ ученыхъ трудовъ; по справедливому мнѣнію профессора Никитенко[5]) и г. Витте[6]), необходимо, чтобы они прочли предварительно двѣ публичныя пробныя лекціи, буде не заявили прежде своего преподавательскаго дара въ томъ или въ другомъ университетѣ. Мнѣніе г. Костомарова[7]), профессора Васильева[8]) и г. Мильчевскаго[9]) — о томъ, что для полученія профессорской каѳедры необходимо предварительно быть доцентомъ, какъ ни справедливо оно въ своемъ основаніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло бы повлечь за собою вредное стѣсненіе для свободы избранія со стороны совѣтовъ.

[1]) I, 43.
[2]) I, 122.
[3]) I, 135.
[4]) I, 438.
[5]) I, 467.
[6]) I, 438.
[7]) II, 229.
[8]) I, 105.
[9]) II, 145.

Что касается до приватъ-доцентовъ, то университеты Кіевскій[1]) и Казанскій[2]) и попечитель Кіевскаго округа г. Витте[3]) предлагаютъ не препятствовать въ достиженіи этого званія и тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ ученой степени кандидата, но съ полнымъ успѣхомъ окончили курсъ наукъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаются нѣкоторыя университетскія науки въ полномъ объемѣ. Намъ кажется и это ограниченіе излишнимъ, хотя г. N. N.[4]) требуетъ и отъ лекторовъ (или, по нашему, также приватъ-доцентовъ) представленія диплома объ окончаніи курса въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи: излишнимъ кажется оно намъ потому, что условія, выраженныя въ § 72 проекта, представляютъ и безъ того достаточное ручательство въ познаніяхъ и способностяхъ лица, ищущаго званія приватъ-доцента. Къ условіямъ этимъ, по примѣру Кіевскаго университета, можетъ быть присоединено и защищеніе нѣсколькихъ положеній, взятыхъ изъ той же или близко соприкосновенной съ нею науки. При этомъ факультету легко будетъ убѣдиться и въ томъ, достаточно ли знаютъ Русскій языкъ лица, желающія обучать языкамъ иностраннымъ: знаніе это, кажется намъ такъ же, какъ и г. N. N., необходимымъ для подобныхъ преподавателей въ университетахъ. По справедливому мнѣнію университетовъ Кіевскаго[5]) и Казанскаго[6]) и гг. Ивановскаго[7]), Совѣтова, Менделѣева и Пузыревскаго[8]), защищеніе диссертаціи pro venia legendi и чтеніе публичныхъ лекцій должны происходить публично, чтобы не могло возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ безпристрастіи факультета. По вопросамъ, возбужденнымъ г. Ивановскимъ[9]), намъ кажется: 1) что представленіе диссертаціи должно предшествовать публичному чтенію лекцій для того, чтобы факультетъ имѣлъ хотя нѣкоторое ручательство, что онъ не понапрасну будетъ безпокоить публику и тратить свое

[1]) I, 35 и 43.
[2]) I, 394.
[3]) I, 438.
[4]) II, 478.
[5]) I, 35.
[6]) I, 394.
[7]) I, 77.
[8]) I, 200.
[9]) I, 78.

время на слушаніе пробныхъ лекцій, и 2) что защищеніе диссертаціи и чтеніе лекцій должны происходить въ томъ самомъ университетѣ, въ которомъ заинтересованныя лица желаютъ быть приватъ-доцентами. Тѣ же лица, которыя уже состоятъ приватъ-доцентами, при желаніи перейти въ другой университетъ, должны быть подвергаемы только баллотированію, точно также, какъ и лица, исполнившія прежде всѣ условія, но потомъ прекратившія на годъ свое преподаваніе [1]). Отъ лицъ, имѣющихъ высшую ученую степень и ищущихъ званія приватъ-доцента, по справедливому замѣчанію г. Делянова [2]), никакъ не слѣдуетъ требовать диссертаціи pro venia legendi: такъ какъ и вообще должно позаботиться о томъ, чтобы не распложать безъ особенной надобности ученыхъ трудовъ, предпринимаемыхъ главнѣйшимъ образомъ ради обнаруженія возможно-большей учености. Одну или двѣ пробныя лекціи долженъ прочесть будущій приватъ-доцентъ? Г. Швейдеръ [3]) полагаетъ, что можно было бы довольствоваться и одною, именно на тему по назначенію факультета; по нашему же мнѣнію, послѣдняя имѣетъ значеніе преимущественно для опредѣленія, какъ скоро можетъ ищущій званія доцента приготовлять болѣе или менѣе удовлетворительныя лекціи, и потому слѣдуетъ ее удержать съ назначеніемъ притомъ срока для ея приготовленія не свыше трехъ дней; первая же лекція, по собственному выбору, должна обнаружить даръ изложенія въ той части предмета, которую будущій приватъ-доцентъ считаетъ наиболѣе для себя извѣстною, а потому обѣ должны быть удержаны.

За тѣмъ соотвѣтствующіе параграфы устава могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

§ 71. Никто не можетъ быть ординарнымъ *или экстраординарнымъ* профессоромъ, не имѣя степени доктора, *или не оказавши напередъ своими учеными трудами несомнѣнныхъ услугъ наукѣ;* приватъ-доцентами же могутъ быть лица, имѣющія высшую ученую степень, и *всѣ тѣ*, которыя представятъ диссертацію (pro vinia legendi) и защитятъ ее *публично въ присутствіи факультета, по усмотрѣнію котораго имъ можетъ быть пред-*

[1]) I, 204. — Мнѣніе гг. Совѣтова, Менделѣева и Пузыревскаго.

[2]) I, 215.

[3]) II, 98.

ложено еще нѣсколько вопросовъ по ихъ наукѣ или по другой, близко соприкасающейся съ нею.

Примѣчаніе. Если докторъ, по ученой степени своей, принадлежитъ не къ тому факультету, въ которомъ желаетъ занять профессорскую каѳедру, *или, если и принадлежа къ нему, онъ не подвергался испытанію по наукѣ той каѳедры*, то для избранія на оную долженъ представить сочиненіе *по той каѳедрѣ*.

§ 72. *Ищущіе званія профессора, буде не состояли прежде приватъ-доцентами*, и ищущіе званія приватъ-доцента, буде не занимались прежде преподаваніемъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ условій, изъясненныхъ въ § 71, должны прочесть *публично, въ присутствіи факультета*, двѣ пробныя лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію факультетскаго собранія *и не позднѣе, какъ чрезъ 3 дня по ея назначеніи.*

Примѣчаніе 1. Приватъ-доценты, уже состоявшіе въ этомъ званіи, при переходѣ въ другой университетъ, а также и при желаніи возобновить въ томъ же университетѣ преподаваніе той же науки, прерванное не болѣе какъ на два года, подвергаются только простому баллотированію.

Примѣчаніе 2. Приватъ-доцентами могутъ быть и лица, служащія въ другихъ должностяхъ, если университетъ или ихъ начальство не встрѣтятъ къ тому какихъ-либо уважительныхъ препятствій [1]).

IV. КАКІЯ НЕОБХОДИМЫ УСЛОВІЯ ДЛЯ НАДЛЕЖАЩАГО РАЗВИТІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТОВЪ?

На учрежденія приватъ-доцентовъ со всѣхъ сторонъ возлагаются самыя свѣтлыя надежды: они сдѣлаются наилучшимъ разсадникомъ профессоровъ, «главнѣйшимъ средствомъ для замѣщенія каѳедръ и для образованія университетскаго совѣта изъ лицъ, представившихъ ручательство за научное и нравственное свое достоинство» [2]); они оживятъ университеты постояннымъ притокомъ новыхъ и свѣжихъ силъ; поддержатъ рвеніе къ наукѣ и ея преподаванію и въ ветеранахъ

[1]) Такая редакція примѣчанія, предложеннаго проектомъ, кажется намъ удовлетворительнѣе, какъ допускающая меньше произвола и не предполагающая предварительнаго и формальнаго согласія начальства означенныхъ должностныхъ лицъ.

[2]) Слова бывшаго ректора Кіевскаго университета г. Бунге I, 37.

ея; устранятъ всякій поводъ къ неудовольствію слушателей на преподавателей, предоставивъ первымъ возможность выбора между послѣдними, или же убѣдивши ихъ, что недостатокъ преподавателей происходитъ отъ причинъ, не зависящихъ отъ университета. Все это какъ нельзя болѣе справедливо. Но вотъ бѣда: этого благодѣтельнаго учрежденія, которое, по общему мнѣнію, должно стать краеугольнымъ камнемъ всего новаго зданія нашихъ университетовъ, у насъ еще нѣтъ въ наличности; оно не выработалось еще самою жизнію и намъ приходится впервые созидать его—на бумагѣ и въ нашемъ воображеніи, при чемъ, разумѣется, никакъ нельзя сказать, создастся ли оно на самомъ дѣлѣ и какое приметъ развитіе и направленіе. Можно смѣло однако же сказать, что при условіяхъ, предлагаемыхъ проектомъ устава, будущее существованіе его болѣе чѣмъ сомнительно. Въ самомъ дѣлѣ, кто захочетъ подвергаться очень не легкимъ условіямъ предварительнаго защищенія диссертаціи, чтенія двухъ пробныхъ лекцій и баллотированія въ факультетскомъ собраніи для того, чтобы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, имѣть нѣкоторую надежду на вознагражденіе за труды по усмотрѣнію совѣта, а потомъ чрезъ три года снова подвергаться баллотированію, попасть наконецъ, можетъ быть, въ младшіе и даже въ старшіе доценты, осужденные также на вѣчное баллотированіе чрезъ каждые три года? Предложеннымъ выше устраненіемъ старшихъ и младшихъ доцентовъ участь приватъ-доцентовъ, какъ намъ кажется, значительно улучшается; указаній на дальнѣйшее улучшеніе ихъ быта поищемъ въ «Замѣчаніяхъ на проектъ», въ которыхъ немало высказано мнѣній относительно: a) упроченія положенія приватъ-доцентовъ, b) способовъ вознагражденія ихъ за труды и c) различныхъ правъ и преимуществъ, которыя должны быть имъ предоставлены. По чрезвычайной важности предмета, разсмотримъ всѣ эти пункты въ отдѣльности.

a) Только *Московскій университетъ* почелъ своимъ долгомъ сдѣлать положеніе приватъ-доцентовъ еще менѣе прочнымъ при университетахъ, чѣмъ предлагаетъ проектъ устава. «Большинство 12 голосовъ — сказано въ донесеніи совѣта Московскаго университета [1]) — считая необходимымъ постоянный кон-

[1]) I, 255.

троль университета надъ приватъ-доцентами и возможность удалить ихъ во всякое время, считало при такомъ надзорѣ баллотировку излишнею. Меньшинство же 10 членовъ, сомнѣваясь въ дѣйствительности такого контроля и находя баллотировку единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ удалить приватъ-доцента, котораго преподаванiе не соотвѣтствуетъ цѣлямъ университета, ссылаясь при томъ на примѣры Нѣмецкихъ университетовъ, гдѣ приватъ-доцентство дается на извѣстный срокъ, считало нужнымъ сохранить баллотировку». Такимъ образомъ состоялось рѣшенiе, въ силу котораго приватъ-доценты должны находиться «подъ постояннымъ надзоромъ факультетовъ, которые всегда могутъ представить совѣту о необходимости удаленiя приватъ-доцента, если преподаванiе послѣдняго не соотвѣтствуетъ цѣлямъ университета. Удаленiе, впрочемъ, рѣшается большинствомъ двухъ третей голосовъ». Московскiй университетъ, очевидно, руководился духомъ рѣшительнаго недовѣрiя къ приватъ-доцентамъ, которое, намъ кажется, не имѣетъ достаточныхъ основанiй, такъ какъ нельзя не согласиться съ профессоромъ Савичемъ [1]), что условiя допущенiя къ званiю приватъ-доцента — диссертацiя, публичное ея защищенiе, двѣ пробныя лекцiи, разсмотрѣнiе имѣющихся сочиненiй, предварительное баллотированiе — представляютъ довольно гарантiй для безошибочнаго избранiя, и притомъ — прибавимъ отъ себя — какъ въ отношенiи научныхъ достоинствъ и преподавательскаго дара, такъ и въ отношенiи къ образу мыслей и направленiю кандидата на званiе приватъ-доцента. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ, которые объяснены будутъ ниже, считаемъ не лишнимъ удержать изъ опредѣленiя Московскаго университета одно положенiе, придавши ему слѣдующiй видъ: «Лекцiи приватъ-доцентовъ, преимущественно же въ первый годъ ихъ преподаванiя, отъ времени до времени, посѣщаются деканами и профессорами того факультета, къ которому они принадлежатъ».

Въ *Кiевскомъ университетѣ* [2]) по вопросу, насъ занимающему, голоса раздѣлились поровну: 14 было въ пользу однократнаго перебаллотированiя приватъ-доцентовъ, по прошествiи первыхъ 3-хъ лѣтъ, и столько же въ пользу двукратнаго перебаллотированiя, такъ чтобы по прошествiи 6 лѣтъ совѣтъ рѣшалъ,

[1]) I, 117.
[2]) I, 36.

можно ли оставить за ними право чтенія лекцій, не подвергая ихъ новымъ перебаллотировкамъ. Такъ какъ къ послѣднему мнѣнію присталъ и ректоръ, то оно и одержало верхъ.

Въ *Харьковскомъ университетѣ* [1]) рѣшено было, что приватъ-доценты первоначально допускаются къ чтенію лекцій только на 3 года, и затѣмъ оставляются на службѣ не иначе, какъ по новому избранію на дальнѣйшій неопредѣленный срокъ.

Казанскій университетъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на соотвѣтствующій (75-й) параграфъ проекта устава, и слѣдовательно былъ согласенъ съ послѣднимъ. Но такъ какъ редакція этого пункта, по справедливому замѣчанію профессоровъ Ивановскаго и Савича [2]), представляетъ возможность двоякаго толкованія — въ смыслѣ нескончаемыхъ баллотированій и въ смыслѣ однократнаго перебаллотированія по прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ — остается неизвѣстнымъ, какого изъ этихъ толкованій держится университетъ Казанскій. Искренняя его забота о развитіи учрежденія приватъ-доцентовъ посредствомъ системы гонораріевъ заставляетъ насъ склониться къ послѣднему предположенію. Совѣтъ *Ришельевскаго лицея* допускалъ § 75 проекта только въ смыслѣ одного повторительнаго избранія по прошествіи трехъ лѣтъ, какъ это видно изъ сдѣланнаго имъ замѣчанія [3]). Совѣтъ *лицея князя Безбородко* [4]) противъ однократнаго перебаллотированія, находя, что «неизбраніе доцента по истеченіи трехлѣтней ученой его дѣятельности совершенно уничтожитъ добрую его репутацію, уронитъ его въ общественномъ мнѣніи, такъ что ему не будетъ возможности занять съ честію какую-либо другую должность, даже внѣ круга учебной дѣятельности». Совѣтъ *Демидовскаго лицея* [5]), не высказывая опредѣлительно своего мнѣнія, находитъ также, какъ и г. Савичъ, что условія для избранія приватъ-доцентовъ даютъ полную возможность возвысить качества въ искателѣ университетской каѳедры, и по поводу § 75 прибавляетъ: «Если эти положенія проекта получатъ силу закона, нельзя ожидать, что-

[1]) I, 72 и 117.
[2]) I, 304.
[3]) II, 59.
[4]) II, 10.
[5]) II, 72.

бы вполнѣ достигалась и вторая задача проекта — серьезное научное образованіе учащихся».

Еслибы С. Петербургскій университетъ не былъ въ то время закрытъ, то мы не сомнѣваемся, что онъ былъ бы въ пользу возможно-бо̀льшаго упроченія положенія приватъ-доцентовъ. По крайней мѣрѣ, изъ 4-хъ профессоровъ его, высказавшихся по этому предмету, трое—гг. Ивановскій [1]), Васильевъ [2]) и Савичъ [3])—были рѣшительно противъ повторительнаго избранія приватъ-доцентовъ. Находя — первый изъ нихъ, что если приватъ-доцентъ будетъ читать дурно, то у него и безъ того не будетъ слушателей, второй—что такъ какъ опредѣленнаго жалованья приватъ-доцентамъ не полагается, то нѣтъ необходимости назначать срокъ ихъ чтеніямъ, и чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше; мнѣніе же г. Савича о достаточности гарантій для безошибочнаго въ первый же разъ избранія ищущаго званія приватъ-доцента приведено было нами уже прежде; сочувствіе же г. Спасовича [4]) баллотированію доцентовъ каждые 3 года, какъ намъ кажется, относится только къ предположеннымъ въ проектѣ штатнымъ доцентамъ, а отнюдь не къ приватъ-доцентамъ, такъ какъ онъ говоритъ о строгости при выборѣ лицъ для замѣщенія каѳедръ [5]). Попечитель Московскаго учебнаго округа Исаковъ [6])—въ пользу какъ предположенныхъ въ проектѣ баллотировокъ чрезъ каждые 3 года, такъ и удаленія привадъ-доцентовъ во всякое время путемъ, который указанъ большинствомъ въ совѣтѣ Московскаго университета, тогда какъ г. докторъ философіи Цункъ [7]) говоритъ слѣдующее: «по смыслу § 75, приватъ-доценты должны быть допускаемы лишь на время. Противъ этого нельзя найти достаточно сильныхъ возраженій. Подобное ограниченіе ниспровергаетъ всю систему приватъ-доцентовъ. Кто же захочетъ избрать это поприще дѣятельности, зная, что его уволятъ по прошествіи извѣстнаго времени»?

[1]) I, 72.
[2]) I, 105.
[3]) I, 117.
[4]) I, 183.
[5]) То же должно быть замѣчено о мнѣніи г. Дмитріева II, 407.
[6]) I, 241.
[7]) II, 458.

Мы собрали 10 голосовъ, считая голосъ 4 профессоровъ С. Петербургскаго университета за одинъ, но равносильный голосу каждаго изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: изъ нихъ 4 голоса Петербургскихъ профессоровъ, Демидовскаго лицея, лицея кн. Безбородко, доктора Цунка—противъ повторительнаго избранія приватъ-доцентовъ; 2 и, если наше предположеніе относительно Казанскаго университета вѣрно, то 3 (Харьковскаго университета и Ришельевскаго лицея) въ пользу однократной перебаллотировки по прошествіи первыхъ 3 лѣтъ, съ чѣмъ согласна и половина членовъ совѣта Кіевскаго университета; остальные 3 голоса раздѣлились между отдѣльными мнѣніями по этому предмету. Такимъ образомъ относительное большинство и сила доводовъ, какъ намъ кажется, остаются на сторонѣ допущенія приватъ-доцентовъ къ преподаванію безъ всякой дальнѣйшей перебаллотировки.

ѣ) *Способы вознагражденія приватъ-доцентовъ за ихъ преподаваніе* (§ 74). Проектъ Устава опредѣляетъ приватъ-доцентамъ вознагражденіе, соразмѣрное ихъ трудамъ, изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и другихъ свободныхъ суммъ, и по опредѣленію совѣта. Почти то же самое постановлено было и Уставомъ 1835 г. [1]); однако же, какъ извѣстно, у насъ вовсе почти не было приватъ-доцентовъ, а если и бывали, то положеніе ихъ было самое незавидное. Конечно, тогда отъ приватъ-доцентовъ требовались и степень доктора или магистра, и диссертація pro venia legendi, а теперь что-нибудь одно изъ двухъ; тогда духъ времени не благопріятствовалъ развитію учрежденія приватъ-доцентовъ, а теперь сознаніе его необходимости проникло всѣхъ, кто только интересуется университетами. Принимая все это во вниманіе, мы полагаемъ, однако же, что и неудовлетворительность самихъ способовъ вознагражденія была не безъ сильнаго вліянія на несуществованіе у насъ приватъ - доцентовъ. Недостаточны ли оказывались назначенныя для того суммы, или же не было желанія вознаграждать надлежащимъ образомъ приватъ-доцентовъ; только, по свидѣтельству г. Стадіона [2]), имѣющаго въ виду преимущественно Кіевскій университетъ, никто изъ нихъ никогда не получалъ

[1]) См. между прочимъ выписку изъ Устава университета св. Владиміра II, 268.

[2]) II, 270.

свыше 200 или 250 р. и то по истеченіи года. Предположенное нами выше назначеніе достаточной штатной суммы на вознагражденіе приватъ-доцентовъ устранитъ первую причину крайне незавиднаго положенія послѣднихъ, и даже будетъ служить для совѣтовъ нѣкоторымъ побужденіемъ къ лучшему ихъ обезпеченію; но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ недостатковъ прежней системы вознагражденія приватъ-доцентовъ этимъ устранены еще не будутъ. Рѣзче всего эти недостатки высказаны въ статьѣ г. Стадіона [1]). «Если приватъ-доцентъ,—говоритъ авторъ,—привлекаетъ большое число слушателей, пріобрѣтаетъ популярность между молодежью, то этимъ сейчасъ же возбуждается зависть профессора, чувствующаго себя крайне обиженнымъ въ своей монополіи, глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что какой-нибудь молодой доцентъ смѣетъ съ нимъ вступить въ состязаніе, или даже перещеголять его... А между тѣмъ въ совѣтѣ засѣдаетъ профессоръ, но не засѣдаетъ доцентъ; слѣдовательно всякое обвиненіе, охужденіе или умаленіе заслугъ доцента остается безъ возраженій... Доценты тѣмъ и полезны, что вызываютъ благодѣтельное соревнованіе между собою и профессорами и вынуждаютъ послѣднихъ заниматься своимъ дѣломъ, не облѣниваться и вообще не плошать. Но послѣ этого можно ли предоставить профессору право назначать своему состязателю (конкурренту) мѣру награжденія».

Г. Стадіонъ, конечно, не правъ, предполагая неизбѣжность такихъ недоброжелательныхъ чувствъ вообще во всѣхъ профессорахъ къ состязающимся съ ними приватъ-доцентамъ; но нельзя не согласиться, что въ отдѣльныхъ случаяхъ такія недобрыя чувства возможны тѣмъ болѣе, что они могутъ быть вызваны и не одною только конкурренціею, но и совершеннымъ различіемъ въ направленіи и въ образѣ мыслей, какъ на это намекаетъ, между прочимъ, *совѣтъ Демидовскаго лицея* [2]), говоря: «Доценты, по своему положенію, могутъ подчиняться и такимъ указаніямъ на счетъ своего преподаванія, которыя будутъ исключать необходимую ихъ самодѣятельность. Можетъ быть, придется имъ говорить и то, съ чѣмъ они не согласны, что про-

[1]) II, 269 и 270. Не знаемъ, была ли она напечатана: сколько намъ извѣстно, возраженій противъ нея не было, что̀ могло бы придать ей большую силу.

[2]) II, 72.

тивно ихъ искреннимъ убѣжденіямъ, и болѣе справедливымъ». Терпимость, заставляющая вести борьбу съ противоположными убѣжденіями только словомъ, а не дѣломъ, не составляетъ еще пока общей у насъ добродѣтели, а между тѣмъ, было бы въ высшей степени благотворно и для науки, и для общества, чтобы самыя различныя направленія имѣли въ нашихъ университетахъ своихъ представителей: только тогда истина могла бы мирнымъ путемъ вполнѣ восторжествовать надъ лестью и заблужденіемъ».

Неудовлетворительность предложенной проектомъ системы вознагражденія приватъ-доцентовъ признается, изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, только университетами Московскимъ, Казанскимъ и Демидовскимъ лицеемъ, какъ это видно изъ сдѣланныхъ ими дополненій, измѣненій и замѣчаній къ § 74; всѣ же прочія оставляютъ ее безъ измѣненій и безъ замѣчаній, потому ли, что находятъ ее достаточно удовлетворительною, или же потому, что не видятъ болѣе годныхъ или возможныхъ способовъ къ ея замѣнѣ. Изъ отдѣльныхъ же лицъ только 5 [2]) признаютъ невозможность или неудобство ея замѣны. 10 [3]) же высказываются прямо или косвенно въ пользу замѣны.

По общему всѣхъ мнѣнію, единственный способъ къ ея исправленію представляетъ введеніе системы гонораріевъ на тѣхъ или на другихъ основаніяхъ. Приватъ-доценство, по словамъ г. Дмитріева [4]), возможно только подъ условіемъ платы за лекціи самими слушателями, такъ-называемаго гонорарія. Гонорарій есть безспорно лучшій способъ вознагражденія преподавателей. Онъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ собственнаго таланта и служитъ побужденіемъ къ труду, между тѣмъ какъ казенное жалованье, доставляя неизмѣнный доходъ независимо отъ числа слушателей, вовсе не побуждаетъ трудиться... Плохіе профессоры почти невозможны при существованіи гонорарія. Отдавая такимъ образомъ полную справедливость системѣ гонораріевъ, г. Дмитріевъ считаетъ ее у насъ несо-

[1]) Гг. Исаковъ, Утинъ, Дмитріевъ, Овсянниковъ и Янишевскій.

[2]) Гг. Вальтеръ, Костомаровъ, Бекетовъ, Менделѣевъ, Совѣтовъ, Пузыревскій, д-ръ Цункъ, Гояринъ, Лавровъ, редакція *Современной лѣтописи.*

[3]) II, 411.

всѣмъ возможною, по причинамъ, которыя изложены будутъ ниже, а потому и говоритъ: «Трудно еще теперь надѣяться, чтобы этотъ разрядъ преподавателей (приватъ-доцентовъ) былъ довольно обширенъ». *Редакція Современной лѣтописи* [1]) точно также не считаетъ возможнымъ приватъ-доцентства безъ существованія профессорскаго гонорарія. «Опытъ всѣхъ странъ и опытъ нашихъ же университетовъ, говоритъ профессоръ Вальтеръ [2]), долженъ былъ убѣдить авторовъ проекта, что намъ нужны не карательныя, а подстрекательныя мѣры. Лучшее средство для этого есть гонораръ отдѣльнымъ профессорамъ..... Главная польза гонораровъ состоитъ въ томъ, что они дадутъ осязательную мѣру для оцѣнки преподавательскихъ достоинствъ профессоровъ, доцентовъ и пр.... Тотъ преподаватель, который будетъ имѣть бо̀льшее число платящихъ слушателей, безъ сомнѣнія, не дуренъ, и сто̀итъ новаго выбора. Съ другой стороны, профессоръ можетъ слабѣть и раньше 25 лѣтъ и тогда при гонорарахъ найдется доцентъ, который сдѣлаетъ его дѣло....., не лишая его плодовъ прежней трудовой и исполненной заслугъ жизни... Только при гонорарахъ университетъ можетъ знать дѣйствительныя потребности учащейся молодежи; съ уничтоженіемъ же ихъ университетъ отказывается отъ единственнаго и чувствительнѣйшаго барометра своего собственнаго внутренняго состоянія, который тѣмъ безвреднѣе, что при гонорарахъ бѣдные и прилежные люди все-таки могутъ получать даровое образованіе». «Опытъ показываетъ, а самая природа человѣка объясняетъ, — говорятъ, между прочимъ, профессора Бутлеровъ, Больцани и Яновичъ [3]), — что тамъ, гдѣ есть гонораріи, болѣе дорожатъ лекціями и болѣе извлекаютъ пользы изъ нихъ: даровое кажется всегда дешевле купленнаго», а нынѣшняя система гуртовой платы, прибавимъ мы отъ себя, имѣетъ болѣе характеръ государственнаго налога, нежели дѣйствительной купли, и въ этомъ, по нашему, заключается одна изъ причинъ, почему всѣми силами стараются освободиться отъ платы за слушаніе лекцій даже и тѣ, которые при другихъ условіяхъ могли бы найти достаточныя средства платить за предлагаемое имъ образованіе. Нельзя не согласиться и съ

[1]) II, 291.
[2]) II, 3.
[3]) II, 406.

тѣмъ замѣчаніемъ, которое сдѣлано было г. Костомаровымъ [1]), что нельзя обременять правительство содержаніемъ тѣхъ, «которыя пожелаютъ дѣйствовать за предѣлами сферы, которую правительство, по своимъ соображеніямъ, считаетъ достаточною, и что, предоставивъ приватъ-доцентамъ сборъ гонорарія, можно избавить правительство отъ лишнихъ расходовъ и поддержать учрежденіе, которое оно давно признало полезнымъ»; если же мы говорили выше о назначеніи штатной суммы для приватъ-доцентовъ, то имѣли при этомъ въ виду, что, при искусственныхъ условіяхъ, созданныхъ у насъ прежнимъ порядкомъ, искусственныя мѣры къ поддержанію приватъ-доценства пока еще необходимы, и считали эту мѣру переходною, предоставляя университетскимъ совѣтамъ ходатайствовать объ обращеніи этой суммы на учрежденіе новыхъ штатныхъ каѳедръ по мѣрѣ того, какъ между самими приватъ-доцентами оказывались бы люди, способные съ честію занять ихъ.

Итакъ, въ пользу системы гонораріевъ говоритъ то: 1) что безъ нея едва ли возможно развитіе учрежденія приватъ-доцентовъ, всѣми признанное за необходимое; 2) что она ставитъ преподавателей въ зависимость отъ собственнаго таланта и труда, и побуждаетъ къ постоянному совершенствованію своихъ лекцій; 3) что она служитъ лучшимъ средствомъ какъ для оцѣнки преподавательскихъ достоинствъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, такъ и для опредѣленія дѣйствительныхъ потребностей учащейся молодежи; 4) что она заключаетъ въ себѣ средства къ устраненію вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти для научнаго образованія слушателей отъ занятія каѳедры профессоромъ, оказавшимъ прежде услуги наукѣ, добросовѣстнымъ, не подающимъ повода къ увольненію отъ службы, но уже ослабѣвшимъ и неспособнымъ преподавать съ тою же пользою, какъ прежде; 5) что она побуждаетъ слушателей болѣе дорожить лекціями и бо̀льшую извлекать изъ нихъ пользу, а также предпочитать преподаваніе солидное, приносящее истинную пользу, преподаванію такому, которое разсчитано было бы только на блескъ и минутные эффекты, и 6) что она представляетъ *въ будущемъ* возможность сокращенія государственныхъ расходовъ на содержаніе университетскихъ преподавателей.

[1]) II, 256.

Теперь посмтримъ, какія соображенія высказываются противъ введенія у насъ системы гонораріевъ. Попечитель Московскаго учебнаго округа г. Исаковъ [1]) выражается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Не полагаю полезнымъ теперь вводить (гонорарій) для кого бы то ни было изъ преподавателей университета, не вводя вообще этотъ способъ вознагражденія особенно для молодыхъ ученыхъ, могущихъ искать себѣ одобренія отъ слушателей университета». Если мы вѣрно поняли это недовольно ясное по своей краткости выраженіе, то въ немъ заключаются слѣдующія предположенія: a) что въ настоящее время слушатели университета, если не всѣ, то бо̀льшею частью, расположены не только одобрять, но и платить свои собственныя деньги за то, что̀ не заслуживаетъ никакого одобренія, т. е. за лекціи плохія, или же содержащія въ себѣ какія-нибудь ложныя теоріи. Не говоря уже о томъ, что это предположеніе кажется намъ совершенно неосновательнымъ фактически и можетъ относиться развѣ только къ самой незначительной горсти университетскихъ слушателей, мы замѣтимъ только, что вѣдь могла же, по предположенію г. Исакова, возникнуть такая странная склонность въ нашей учащейся молодежи и безъ приватъ-доцентовъ и безъ системы гонораріевъ. Предположимъ вмѣстѣ съ г. Исаковымъ невозможное: съ университетской каѳедры стали бы проповѣдоваться какія-нибудь нелѣпыя теоріи, но за слушаніе ихъ пришлось бы платить проповѣднику деньги: не уменьшитъ ли это обстоятельство охоты слушать его и числа слушателей сравнительно съ тѣмъ, какое могъ бы онъ найти, еслибы слушатели освобождались отъ особой ему платы? Далѣе въ выраженіи г. Исакова заключается предположеніе, ничѣмъ не оправдываемое: b) будто бы преподаватели университетскіе вообще, а молодые ученые въ особенности способны были бы изъ за платы искать себѣ одобренія слушателей незаконными путями и c) будто бы такіе молодые ученые могли бы достигать званія приватъ-доцентовъ при условіяхъ, постановленныхъ въ §§ 71 и 72 проекта. Такъ какъ всѣ эти предположенія, по нашему мнѣнію, лишены всякаго основанія, и притомъ не имѣютъ почти никакого отношенія къ системѣ гонораріевъ, которая, напротивъ, заключаетъ въ себѣ естественное побужденіе для слушателей быть осмотрительнѣе въ выборѣ

[1]) I, 241.

преподавателей, то и возраженіе г. Исакова мы должны признать лишеннымъ всякой силы.

Но, при небольшомъ числѣ ученыхъ спеціалистовъ у насъ, — говорятъ гг. Утинъ[1]) и Дмитріевъ[2]) — еще надолго трудно предполагать возможность большаго выбора между преподавателями, читающими одинъ и тотъ же предметъ, и въ этомъ-то видятъ они одно изъ главныхъ препятствій къ введенію системы гонораріевъ, такъ какъ, по словамъ г. Утина, эта система, при отсутствіи конкурренціи, большое зло. Тутъ мы попадаемъ въ circulus vitiosus, такъ какъ, по общему мнѣнію, съ которымъ согласенъ и г. Дмитріевъ, для развитія приватъ-доцентства и конкурренціи между преподавателями, необходима система гонораріевъ, а съ другой стороны необходима конкурренція для введенія этой системы. Что̀ дѣлать составителямъ устава въ такомъ положеніи? Ничего болѣе, какъ признать необходимость одновременнаго введенія и приватъ-доцентства и системы гонораріевъ, въ увѣренности, что послѣдняя создастъ конкурренцію и тѣмъ оправдаетъ и упрочитъ свое существованіе. При томъ же и безъ конкурренціи мы не видимъ въ системѣ гонораріевъ бо̀льшаго зла, чѣмъ въ теперешней платѣ студентовъ, — даже напротивъ, если взять за норму тѣ гонораріи, которые платятся въ Дерптѣ, студентамъ придется платить меньше, и при свободѣ избирать къ слушанію тѣ или другіе предметы въ тотъ или другой годъ они будутъ имѣть возможность дѣлать эту плату менѣе для себя обременительною. Профессоръ Янишевскій[3]) въ совѣтѣ Казанскаго университета именно указывалъ, что система гонораріевъ ведетъ будто бы къ увеличенію (за 40 р. сер.) платы за слушаніе лекцій, но даже и по его мнѣнію — только для студентовъ медицинскаго факультета. Но на это ему тотчасъ же отвѣчали гг. Бутлеровъ, Больцани и Яновичъ[4]) сожалѣніемъ, что онъ не потрудился прибѣгнуть къ простому разсчету, который «показываетъ, что студенту-медику придется платить за всѣ обязательные по росписанію предметы въ средней сложности, въ продолженіе университетскаго курса, по 11 р. 50 к.

[1]) I, 129.
[2]) II, 412.
[3]) I, 413.
[4]) I, 405.

въ семестръ», т. е. 39 р. ежегодно. Далѣе, г. Янишевскій говоритъ: «гонораріями преподаватель долженъ располагать совершенно по произволу, какъ своею собственностію: иначе они не имѣютъ смысла. Мы спрашиваемъ теперь, какимъ образомъ бѣднѣйшіе молодые люди будутъ избавлены отъ платы за слушаніе лекцій, что̀ необходимо у насъ при бѣдности ищущихъ университетскаго образованія». Дѣйствительно, освобожденіе отъ платы, при системѣ гонораріевъ, будетъ встрѣчаться рѣже, чѣмъ теперь; но достойнѣйшіе изъ бѣдныхъ молодыхъ людей всегда въ состояніи будутъ его достигнуть съ согласія самихъ преподавателей, съ помощью стипендій въ увеличенномъ размѣрѣ и пособій изъ общественныхъ фондовъ, образованіе которыхъ было бы такъ желательно при нашихъ университетахъ.

Съ введеніемъ системы гонораріевъ, — говоритъ профессоръ Овсянниковъ [1]),—посѣщеніе тѣхъ лекцій, на которыя слушатели не записались, станетъ для нихъ невозможно, въ ущербъ ихъ общему образованію. Но ущерба тутъ большаго не будетъ: рѣдко бывало и прежде, чтобы студенты *постоянно* посѣщали лекціи даже и самыхъ лучшихъ профессоровъ другихъ факультетовъ, временное же и случайное посѣщеніе будетъ возможно и при гонораріяхъ, хотя оно и не можетъ принести большой пользы. Наконецъ, по мнѣнію тѣхъ же профессоровъ, надзоръ за тѣмъ, слушаютъ ли студенты только свои лекціи или же и постороннія—въ высшей степени затруднителенъ и даже можетъ быть причиною многихъ безпорядковъ. Конечно, это — дѣло для насъ еще непривычное, но особенныхъ затрудненій оно не представляетъ, какъ показываетъ примѣръ Германскихъ университетовъ.

По мнѣнію г. Дмитріева, «система гонораріевъ тогда бы принесла всю пользу, когда бы не одни приватъ-доценты, но также и профессоры не имѣли другаго вознагражденія», т. е., другими словами, когда бы университеты, по отношенію по крайней мѣрѣ къ содержанію преподавателей, обратились въ частныя учебныя заведенія; но это рѣшительно невозможно, и высшее научное образованіе составляетъ не только потребность частныхъ людей, но и потребность общую, государствен-

[1]) I, 410.

ную, и вездѣ, сколько намъ извѣстно, профессоры получаютъ казенное содержаніе: тѣмъ не менѣе вездѣ, гдѣ только существуетъ система гонораріевъ, она приноситъ значительную пользу. И при ней, какъ замѣчаетъ г. Дмитріевъ, приватъ-доцентамъ довольно трудно конкурирровать съ обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи профессорами; но безъ нея конкурренція эта была бы и вовсе невозможна.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе силу доводовъ, высказанныхъ въ пользу системы гонораріевъ, и слабость возраженій противъ нея, мы рѣшаемся предложить введеніе ея въ наши университеты.

Но на какихъ основаніяхъ?

1) Для однихъ ли приватъ-доцентовъ, какъ предлагаютъ *Московскій университетъ* [1]), гг. Бекетовъ [2]), Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій [3]), или же для всѣхъ преподавателей, какъ полагаютъ профессоръ Горловъ [4]) и г. Лавровъ [5]) или же, наконецъ, такъ, чтобы для слушателей равно высчитывалась плата за отдѣльные курсы, посѣщаютъ ли они лекціи приватъ-доцентовъ или профессоровъ, но чтобы въ пользу послѣднихъ обращалась она только за курсы или посторонніе для ихъ каѳедры, или же дополнительные, но читаемые сверхъ положеннаго числа часовъ, какъ это постановилъ *Казанскій университетъ* [6]), за курсы же обыкновенные, чтобы она обращалась въ пользу университетовъ? Первый способъ введенія гонораріевъ, очевидно, клонился бы не къ развитію, а къ устраненію конкурренціи между приватъ-доцентами и профессорами, а потому онъ самъ подлежитъ устраненію; второй представляется съ перваго раза наиболѣе раціональнымъ, и притомъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое матеріальное побужденіе для штатныхъ профессоровъ улучшать свое преподаваніе. Но, принимая во вниманіе, что штатнымъ профессорамъ и безъ того будетъ назначено, какъ должно надѣяться, вполнѣ обезпечивающее ихъ казенное содержаніе, что въ матеріальномъ по-

1) I, 255.

2) I, 147.

3) I, 204.

4) I, 475 и 6.

5) II, 154.

6) I, 395. То же мнѣніе о поступленіи въ составъ университетскаго капитала суммы, вносимой студентами за право посѣщать лекціи штатныхъ профессоровъ, высказано и г. Гояринымъ II, 338.

ощреніи къ неослабному труду они такимъ образомъ нуждаться не будутъ, а опасность остаться безъ слушателей, при конкурренціи болѣе дѣльныхъ и трудящихся приватъ-доцентовъ, заключающая въ себѣ нравственное поощреніе къ усовершенствованію преподаванія, будетъ тѣмъ бо̀льшая, чѣмъ меньше будетъ дано способовъ привлекать къ себѣ слушателей освобожденіемъ ихъ отъ платы, — принимая все это во вниманіе, мы склоняемся въ пользу введенія системы гонораріевъ на основаніяхъ, предложенныхъ Казанскимъ университетомъ.

2) Плата за отдѣльные курсы должна быть установляема каждымъ приватъ-доцентомъ (о профессорахъ, согласно съ предъидущимъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ плата идетъ въ ихъ пользу только тогда, когда они дѣйствуютъ въ качествѣ приватъ-доцентовъ) на основаніи однихъ лишь добровольныхъ соглашеній со слушателями, какъ этого желаютъ *Московскій университетъ* и гг. Бекетовъ, Совѣтовъ, Менделѣевъ, Пузыревскій и Гояринъ, или на основаніи добровольныхъ же соглашеній, но контролируемыхъ совѣтомъ университета, какъ предлагаетъ г. Костомаровъ [1]), или же, наконецъ, она должна быть установлена для всѣхъ университетовъ и преподавателей одинаково уставомъ, какъ это предлагаютъ *Казанскій университетъ* [2]) и профессоръ Вальтеръ [3]). Первые два способа кажутся наиболѣе справедливыми и согласными съ здравыми экономическими началами, такъ какъ они, повидимому, гарантируютъ каждому лицу свободу оцѣнки собственнаго труда; но, не говоря уже о томъ, что на дѣлѣ такой полной свободы не оказалось бы, такъ какъ приватъ-доценты вынуждены были бы понижать плату или до тѣхъ размѣровъ, какіе могли бы назначить обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи профессоры, еслибы имъ предоставлено было взимать плату въ свою пользу, или до тѣхъ, какіе опредѣлены были бы за профессорскія лекціи уставомъ (по одобренному нами плану Казанскаго университета)—не должно забывать, что приватъ-доцентовъ нельзя разсматривать, какъ вполнѣ частныхъ дѣятелей. Для производства ихъ промысла — говоря языкомъ экономическимъ — правительство даетъ нужное помѣ-

[1]) II, 230.
[2]) I, 396.
[3]) II, 3—5.

щеніе и необходимыя орудія, т. е. всякаго рода учебныя пособія; сбытъ ихъ произведеній поощряетъ предоставленіемъ потребителямъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя, въ томъ или другомъ видѣ, по нашему убѣжденію, должны быть сохранены для оканчивающихъ университетскій курсъ, пока они еще существуютъ для другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, — и, наконецъ, какъ ниже будетъ показано, предоставляетъ различныя преимущества и самимъ приватъ-доцентамъ, а потому имѣетъ и полное право установить плату за ихъ труды отъ ихъ слушателей, а также и требовать, чтобы они вовсе ея не взимали съ казеннокоштныхъ студентовъ, пансіонеровъ различныхъ вѣдомствъ и лицъ, и т. д., что г. Янишевскій напрасно считаетъ несообразнымъ съ системою гонораріевъ. Такое установленіе платы правительствомъ представляетъ то существенное преимущество, что поставляетъ конкурренцію какъ университетовъ между собою, такъ и университетскихъ преподавателей, въ независимость отъ случайнаго, болѣе или менѣе обезпеченнаго положенія, а также и отъ произвола лицъ. Мы полагаемъ однакоже, что не законодательнымъ, а административнымъ путемъ должна быть установляема плата за отдѣльные курсы, такъ чтобы на первое время по приблизительному разсчету она не превышала прежней платы студентовъ[1]), впослѣдствіи же чтобы она могла быть повышаема или понижаема, по соглашенію университетскихъ совѣтовъ между собою и съ утвержденія министра. Могли бы быть также допускаемы, съ разрѣшенія совѣта, исключенія изъ общаго правила для курсовъ, приготовленіе которыхъ требовало особыхъ продолжительныхъ трудовъ или особенно счастливыхъ, исключительныхъ способностей. Мнѣніе г. Костомарова[2]) о томъ, что плата должна розниться по наукамъ и что она можетъ быть тѣмъ выше, чѣмъ слушателей предполагается меньше, кажется намъ потому неудобнымъ, что такимъ путемъ можно еще болѣе уменьшить число слушателей спеціальныхъ и трудныхъ курсовъ.

3) Изъ всѣхъ приверженцевъ системы гонораріевъ никто не высказался прямо, что при введеніи ея должна быть

[1]) Размѣры гонораріевъ, существующіе въ Дерптскомъ университетѣ приблизительно ей соотвѣтствуютъ.

[2]) II, 230.

отмѣнена система пособій приватъ-доцентамъ по опредѣленію совѣта, хотя къ такому заключенію и подаютъ отчасти поводъ мнѣнія гг. Гоярина, Совѣтова, Менделѣева и Пузыревскаго; напротивъ, *университеты Московскій*[1]) и *Казанскій*[2]) и гг. Бекетовъ[3]), Костомаровъ[4]) и Цункъ[5]) высказываются положительно въ пользу предоставленія пособій приватъ-доцентамъ и при введеніи гонораріевъ. Да иначе и быть не должно, если мы истинно желаемъ развитія учрежденія приватъ-доцентовъ и того, чтобы этотъ классъ преподавателей не былъ въ томъ жалкомъ положеніи, какое въ состояніи выдерживать только Нѣмецкіе ученые. Предлагая назначеніе даже особой штатной суммы для вознагражденія приватъ-доцентовъ, считаемъ не лишнимъ точнѣйшее опредѣленіе основаній и размѣровъ такого вознагражденія. При существованіи системы гонораріевъ, факультетамъ, по нашему мнѣнію, должно быть вмѣнено въ обязанность представлять совѣту къ вознагражденію каждаго приватъ-доцента, имѣющаго хотя бы половину того числа платящихъ слушателей, какое имѣетъ штатный профессоръ по той же каѳедрѣ. Вознагражденіе это не должно быть меньше $\frac{1}{4}$-й части содержанія того же профессора, который былъ взятъ для сравненія, до тѣхъ поръ, пока общая сумма такихъ денежныхъ наградъ не превыситъ суммъ, имѣющихся для этой цѣли въ распоряженіи совѣтовъ, а затѣмъ вознагражденіе понижается въ соразмѣрности съ числомъ лицъ, имѣющихъ на него право. О вознагражденіи приватъ-доцентовъ, имѣющихъ меньшее число слушателей, факультетъ представляетъ по своему усмотрѣнію. Съ приватъ-доцентомъ, имѣющимъ бо̀льшее число слушателей противъ означеннаго выше, факультетъ, буде считаетъ полезнымъ удержать его при университетѣ, заключаетъ условія, утверждаемыя совѣтомъ такъ же, какъ съ тѣмъ, которому имѣетъ въ виду поручить отъ себя преподаваніе того или другаго предмета, той или другой его части. По отношенію къ однимъ приватъ-доцентамъ этотъ принципъ сдѣлокъ, предложенный г. Пироговымъ, не представляетъ никакихъ неудобствъ, такъ какъ факультетское со-

[1]) I, 255.
[2]) I, 394.
[3]) I, 147.
[4]) II, 230.
[5]) II, 457.

браніе состоитъ не изъ приватъ-доцентовъ, а изъ профессоровъ, и такъ какъ расходуемыя при этомъ факультетомъ суммы предназначаются только для приватъ-доцентовъ. Такимъ образомъ достойнѣйшіе изъ приватъ-доцентовъ могли бы обезпечить себѣ положеніе не хуже профессорскаго.

c) *Права и преимущества приватъ-доцентовъ.*

Чтобы развить учрежденіе приватъ-доцентовъ надлежащимъ образомъ, нужно предоставить имъ слѣдующія права и преимущества на основаніи самой идеи приватъ-доцентства и указаній, сдѣланныхъ критиками проекта: 1) право свободнаго выбора предметовъ преподаванія, съ предоставленіемъ студентамъ записываться по желанію на лекціи штатныхъ профессоровъ или приватъ-доцентовъ, какъ это высказано профессоромъ Горловымъ[1]), г. Гусевымъ[2]), г. Шестаковымъ[3]) и другими; 2) право пользоваться, наравнѣ съ профессорами, кабинетами, лабораторіями, клиниками и прочими пособіями, безъ чего преподаваніе утратило бы свое значеніе, или стало бы и вовсе невозможно[4]); 3) право участвовать наравнѣ съ профессорами въ производствѣ экзаменовъ окончившимъ курсъ студентамъ и слушателямъ университета, безъ чего для слушателей университета было бы значительное побужденіе предпочитать лекціи штатныхъ профессоровъ, хотя бы онѣ, по достоинству своему, и не могли равняться съ лекціями приватъ-доцентовъ. Въ пользу предоставленія имъ этого права высказались профессоры Горловъ[5]) и Вальтеръ[6]), гг. Стадіонъ[7]), Гояринъ[8]), и Цункъ[9]). 4) Какъ сказано было выше, въ отдѣлѣ о приготовленіи университетскихъ преподавателей изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ университетѣ, только состоявшіе въ качествѣ приватъ-доцентовъ имѣютъ право на отправленіе за границу по

[1]) I, 476.
[2]) I, 453.
[3]) II, 33.
[4]) Мнѣніе это особенно развито г. Стадіономъ II, 269—272.
[5]) I, 478.
[6]) II, 3—5.
[7]) II, 269—272.
[8]) II, 340.
[9]) 461.

выбору факультета, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Профессоръ Васильевъ[1]) справедливо предлагаетъ, чтобы, въ случаяхъ замѣщенія профессорскихъ каѳедръ баллотированіемъ, приватъ-доценты наравнѣ съ прочими кандидатами на каѳедру подвергались баллотированію. 5) *Московскій университетъ*[2]) и гг. Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій[3]), Гояринъ[4]) и д-ръ Цункъ[5]) справедливо полагаютъ, что приватъ-доцентамъ время преподавательской ихъ дѣятельности, въ случаѣ поступленія на дѣйствительную службу и одобрительнаго засвидѣтельствованія университета, должно быть засчитываемо для выслуги срока на пенсію. Что же касается до производства въ чины, то не только приватъ-доценты не должны ему подвергаться, но едва ли не было бы желательно, чтобы они уничтожены были и для штатныхъ профессоровъ, какъ это высказано гг. Спасовичемъ[6]), Совѣтовымъ, Менделѣевымъ и Пузыревскимъ[7]), особенно же если съ учеными степенями не будетъ впредь соединяемо право на классный чинъ. Послѣднія изъ названныхъ нами лицъ предлагаютъ внести въ уставъ запрещеніе штатнымъ профессорамъ занимать какое-либо другое штатное мѣсто кромѣ, академика. Запрещеніе это кажется намъ излишнимъ, такъ какъ все, чего въ правѣ требовать уставъ отъ профессора, это чтобы онъ добросовѣстно, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, выполнялъ свои обязанности. Внѣшнія побужденія въ родѣ предлагаемаго будутъ въ этомъ отношеніи безсильны; внутреннія же побужденія и безъ того значительно усиливаются вслѣдствіе возможной конкурренціи приватъ-доцентовъ.

—

Согласно съ изложенными соображеніями, проектъ устава долженъ быть измѣненъ и дополненъ слѣдующимъ образомъ:

§ 74. Приватъ-доцентамъ не полагается *опредѣленнаго шта-*

[1]) I, 105.
[2]) I, 255.
[3]) I, 204.
[4]) II, 340.
[5]) II, 459.
[6]) I, 182.
[7]) I, 204.

томъ содержанія; но, сверхъ получаемаго ими отъ слушателей опредѣленнаго гонорарія, факультетамъ вмѣняется въ обязанность назначать имъ, съ утвержденія совѣта, изъ особой штатной суммы и другихъ свободныхъ суммъ, вознагражденіе, соразмѣрное числу ихъ слушателей и пользѣ, приносимой ими университету.

Примѣчаніе 1. Приватъ-доцентъ, имѣющій платящихъ слушателей около половины того числа, какое посѣщаетъ лекціи штатнаго профессора по той же каѳедрѣ, получаетъ не менѣе $1/4$ производимаго послѣднему содержанія.

Примѣчаніе 2. Относительно вознагражденія приватъ-доцентовъ, не имѣющихъ означеннаго числа слушателей, факультеты входятъ съ представленіемъ въ совѣтъ, который и постановляетъ свои рѣшенія, руководясь соображеніями факультетовъ.

Примѣчаніе 3. Съ приватъ-доцентами, имѣющими большее число слушателей противъ означеннаго и признаваемыми факультетомъ особенно-полезными, а также и съ тѣми, которымъ факультетъ поручаетъ преподаваніе какого-либо предмета или части его, онъ заключаетъ особыя условія относительно ихъ вознагражденія, съ утвержденія совѣта.

Примѣчаніе 4. Чтобы имѣть вѣрныя данныя для опредѣленія мѣры вознагражденія приватъ-доцентовъ, деканамъ и профессорамъ того же факультета вмѣняется въ обязанность посѣщать по временамъ ихъ лекціи, особенно въ первый годъ ихъ дѣятельности.

§ 75 проекта слѣдуетъ опустить, и на его мѣсто поставить:

§ (новый) приватъ-доцентамъ предоставляется: a) право выбора для ихъ чтеній; b) право равномѣрнаго съ профессорами пользованія кабинетами, лабораторіями, клиниками и другими научными пособіями; c) право равномѣрнаго съ профессорами участія въ испытаніяхъ ищущихъ званія кандидата или свидѣтельства по отдѣльнымъ наукамъ, и d) право на зачисленіе времени преподавательской ихъ дѣятельности, въ случаѣ поступленія ихъ на службу и одобрительнаго засвидѣтельствованія совѣта, въ выслугу срока на пенсію.

При измѣненіяхъ, которымъ можетъ еще подвергнуться § 76, надлежитъ имѣть въ виду слѣдующую редакцію послѣдняго его предложенія: кандидаты вносятся въ особую книгу и не ранѣе, какъ чрезъ семь дней, баллотируются порознь, *равно какъ и всѣ приватъ-доценты, состоящіе при университетѣ по той же каѳедрѣ, хотя бы они и не были особо предложены факультетомъ.*

Между §§ 85 и 86 новый §, предложенный Казанскимъ

университетомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «профессоры имѣютъ право, по собственному желанію, сверхъ преподаванія, возложеннаго на нихъ совѣтомъ, читать курсы и другихъ предметовъ. За это преподаваніе гонорарій обращается въ пользу преподавателя весь въ томъ случаѣ, когда онъ читаетъ посторонній его каѳедрѣ предметъ, и часть, соотвѣтствующая числу лекцій скыше опредѣленнаго уставомъ, когда онъ читаетъ предметъ, принадлежащій къ наукѣ его каѳедры.

Въ отдѣленіи о платѣ за слушаніе лекцій § 104 замѣняется слѣдующимъ:

«Каждый студентъ, избравши для слушанія, въ началѣ семестра, по собственному своему усмотрѣнію, лекціи тѣхъ или другихъ преподавателей своего факультетскаго отдѣленія, вноситъ за полугодичный курсъ предмета, преподаваемаго отъ 1 до 2 часовъ въ недѣлю—1 р. 50 к., отъ 3 до 4 часовъ—3 р., отъ 5 и болѣе — 4 р. Изъ этой суммы часть, согласно §§ 74 и 85, выдается преподавателямъ, остальная же поступаетъ въ пользу университета.

Примѣчаніе. Размѣръ платы можетъ быть измѣненъ по соглашенію университетскихъ совѣтовъ между собою и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, но такъ чтобы она осталась одинаковою для всѣхъ университетовъ и для всѣхъ наукъ. Исключенія могутъ быть допущены совѣтомъ, по ходатайству самихъ преподавателей, для курсовъ основанныхъ на новыхъ изслѣдованіяхъ, особерно же если они стоили большкго труда и даже издержекъ.

—

Сведемъ въ заключеніе всѣ параграфы, разбросанные въ предыдущемъ, расположивши ихъ въ томъ порядкѣ, какому слѣдуетъ проектъ устава.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О преподавателяхъ.

§ 70. Преподаватели университета раздѣляются на профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и на приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ. Число профессоровъ опредѣляется штатомъ; число же приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ не ограничивается, *и на ихъ вознагражденіе отпускается штат-*

ная сумма, которая, по опредѣленію совѣта, можетъ быть увеличиваема и изъ другихъ свободныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи университета.

§ 71. Никто не можетъ быть ординарнымъ *или экстраординарнымъ* профессоромъ, не имѣя степени доктора, *или не оказавши напередъ своими учеными трудами несомнѣнныхъ услугъ наукѣ;* приватъ-доцентами же могутъ быть не только лица, имѣющія высшую ученую степень, но и *всѣ тѣ*, которыя представятъ диссертацію (pro venia legendi) и защитятъ ее *публично въ присутствіи факультета, по усмотрѣнію коего имъ можетъ быть предложено еще нѣсколько вопросовъ по ихъ наукѣ или также и по другой, ближайше ей родственной.*

Примѣчаніе 1. Состоящіе нынѣ при университетахъ адъюнкты и лекторы сохраняютъ свое званіе и пользуются опредѣленнымъ въ штатѣ содержаніемъ до выслуги срока на пенсію, или до возведенія въ высшее преподавательское званіе.

Примѣчаніе 2. Если докторъ, по ученой степени своей, принадлежитъ не къ тому факультету, въ которомъ желаетъ занять профессорскую каѳедру, *или, если, и принадлежа къ нему, не подвергался испытанію по наукѣ той каѳедры, то для избранія на оную онъ долженъ представить по ней сочиненіе на одобреніе факультета.*

§ 72. *Ищущіе званія профессора, буде не состояли прежде приватъ-доцентами или преподавателями въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, и ищущіе званія приватъ-доцента, *буде также не извѣстны факультету своими преподавательскими способностями*, кромѣ условій, изъясненныхъ въ § 71, должны прочесть *публично*, *въ присутствіи факультета*, двѣ пробныя лекціи, одну — на тему по собственному избранію, а другую — по назначенію факультетскаго собранія *и не позже, какъ чрезъ три дня по ея назначеніи.*

Примѣчаніе 1. При переходѣ изъ одного университета въ другой, а также и при желаніи возобновить въ томъ же университетѣ преподаваніе той же науки, прерванное не болѣе какъ на два года, приватъ-доценты подвергаются только простому баллотированію.

Примѣчаніе 2. Приватъ-доцентами могутъ быть и лица, состоящія въ другихъ должностяхъ, *буде университетъ или ихъ начальства не встрѣтятъ къ тому какихъ-либо уважительныхъ препятствій.*

§ 73. Суммы, *опредѣленныя, согласно съ § 70, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ*, раздѣляются совѣтомъ между факультетами. Часть назначенной для этой цѣли штатной суммы мо-

жетъ быть, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, отдѣляема на увеличеніе штатнаго числа профессоровъ.

§ 74. Каждому изъ приватъ-доцентовъ въ отдѣльности не полагается *опредѣленнаго штатомъ* содержанія; *но, сверхъ получаемаго ими отъ слушателей опредѣленнаго начальствомъ гонорарія, факультетамъ вмѣняется въ обязанность назначать имъ, съ утвержденія совѣта, изъ означенныхъ выше суммъ, вознагражденіе, соразмѣрное числу ихъ слушателей и пользѣ, приносимой ими университету.*

Примѣчаніе 1. Съ приватъ-доцентами, имѣющими платящихъ слушателей болѣе половины того числа, какое посѣщаетъ лекціи штатнаго профессора по той же каѳедрѣ, и признаваемыми факультетомъ особенно-полезными, а также и съ тѣми, которымъ факультетъ поручаетъ преподаваніе какого-либо предмета или части его, онъ вступаетъ въ добровольное соглашеніе на счетъ мѣры ихъ вознагражденія, которое и получаетъ силу на срокъ, утвержденный совѣтомъ. Приватъ-доцентъ, имѣющій около половины означеннаго числа слушателей, получаетъ не менѣе $1/4$ *производимаго штатному профессору по той же каѳедрѣ содержанія, буде такой размѣръ вознагражденія возможенъ по числу означенныхъ приватъ-доцентовъ и состоянію ассигнованныхъ на то суммъ, иначе же — по соразмѣрному разсчету. О вознагражденіи же приватъ-доцентовъ, имѣющихъ менѣе означеннаго числа слушателей, факультетъ ходатайствуетъ по своему усмотрѣнію.*

Примѣчаніе 2. Для вѣрнѣйшаго опредѣленія мѣры вознагражденія приватъ-доцентовъ, деканамъ и профессорамъ вмѣняется въ обязанность посѣщать по временамъ ихъ лекціи, особенно въ первый годъ ихъ дѣятельности.

§ 75 проекта опускается, а вмѣсто предлагается новый §: *Приватъ-доцентамъ предоставляется:* a) *право выбора предметовъ для ихъ чтеній;* b) *право равномѣрнаго съ профессорами пользованія кабинетами, лабораторіями, клиниками и другими учебными пособіями;* c) *право равномѣрнаго съ профессорами участія въ испытаніяхъ ищущихъ званія кандидата или свидѣтельства по отдѣльнымъ наукамъ и право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ по вопросамъ о присужденіи университетскимъ слушателямъ какъ означенныхъ званія и свидѣтельства, такъ и всякаго рода стипендій и наградъ, и* d) *право на зачисленіе времени преподавательской ихъ должности, въ случаѣ поступленія ихъ на дѣйствительную службу и одобрительнаго засвидѣтельствованія университета, въ выслугу срока на пенсію. Право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ по означеннымъ предметамъ имѣютъ*

только тѣ приватъ-доценты, къ наукѣ которыхъ относятся имѣющія быть совѣщанія.

Въ § 76 послѣднее предложеніе дополняется слѣдующимъ образомъ:

Кандидаты вносятся въ особую книгу, и не ранѣе, какъ чрезъ семь дней, баллотируются порознь, *равно какъ и всѣ приватъ-доценты, состоящіе при университетѣ по той же каѳедрѣ, хотя бы они и не были особо предложены факультетомъ.*

Между §§ 85 и 86 — новый:

§ — *Штатные профессоры имѣютъ право, по собственному желанію, сверхъ преподаванія, возложеннаго на нихъ совѣтомъ, читать курсы и другихъ предметовъ. За это преподаваніе гонорарій обращается въ пользу штатнаго профессора: весь — въ томъ случаѣ, когда онъ читаетъ предметъ, не принадлежащій къ его каѳедрѣ, и часть, соотвѣтствующая числу лекцій свыше опредѣлненаго уставомъ, — когда онъ читаетъ предметъ, принадлежащій къ его каѳедрѣ.*

Къ отдѣленію *о преподавателяхъ* присоединяется еще слѣдующій новый отдѣлъ:

О мѣрахъ для приготовленія университетскихъ преподавателей.

§ — Для приготовленія преподавателей, способныхъ занять университетскія каѳедры, отпускается достаточная, означенная въ штатѣ, сумма, которая, по усмотрѣнію совѣта, можетъ быть увеличиваема изъ той части суммы сбора за слушаніе лекцій, которая обращается въ полъзу университета, и изъ другихъ университетскихъ суммъ.

§ — Она расходуется:

а) На учрежденіе спеціальныхъ курсовъ и на устройство практическихъ занятій со студентами.

в) На пріобрѣтеніе необходимыхъ научныхъ пособій, которыя, находясь въ пользованіи студентовъ, подъ наблюденіемъ профессоровъ, составляютъ собственность университета.

с) На изданіе факультетами, съ разрѣшенія совѣта, ученыхъ сборниковъ, въ составъ которыхъ могутъ входить диссертаціи на ученыя степени, статьи преподавателей и лицъ, прикомандированныхъ къ университету, и лучшіе труды студентовъ, съ выдачею имъ вознагражденія.

d) На оставленіе молодыхъ людей, наиболѣе даровитыхъ и съ отличіемъ окончившихъ курсъ наукъ, на годъ или на два при университетѣ, для подготовленія ихъ къ университетскому преподаванію въ качествѣ приватъ-доцентовъ, съ выдачею имъ стипендій и съ возложеніемъ на нихъ, по усмотрѣнію факультета, нѣкоторыхъ педагогическихъ или и другихъ обязанностей по университету, не препятствующихъ достиженію главной ихъ цѣли.

e) На командированіе въ другіе университеты Русскіе, а также и за-границу тѣхъ приватъ-доцентовъ, которые обратили на себя вниманіе факультета даромъ преподаванія и выдержали экзаменъ на высшую ученую степень.

Примѣчаніе 1. При значительномъ числѣ лицъ, имѣющихъ право на оставленіе при университетѣ, или приватъ-доцентовъ, имѣющихъ почти равныя права на вниманіе факультета, послѣдній обращается или къ баллотированію ихъ, или же къ публичному конкурсу.

Примѣчаніе 2. При неуспѣшности мѣръ, предварительно принятыхъ къ замѣщенію какой-либо каѳедры, продолжительное время остающейся вакантною, и за неимѣніемъ по ней вполнѣ способныхъ приватъ-доцентовъ, факультетъ объявляетъ конкурсъ для избранія лица, которое командировкою въ другіе университеты и за границу могло бы быть приготовлено къ занятію каѳедры. Конкурсъ учреждается на основаніяхъ, постановленныхъ для допущенія приватъ-доцентовъ къ преподаванію.

Въ другихъ главахъ и отдѣленіяхъ проекта устава слѣдующіе §§ подлежатъ измѣненіямъ:

§ 7 (по редакціи, установленной ученымъ комитетомъ въ засѣданіи 28-го августа): Въ совѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры, адъюнкты, и *тѣ изъ приватъ-доцентовъ, которые, за неимѣніемъ въ университетѣ профессоровъ по ихъ каѳедрѣ, временно избраны факультетами въ члены совѣта.*

§ 23 (по той же редакціи): Ординарные и экстраординарные профессоры факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ декана, составляютъ факультетскія собранія, въ которыхъ участвуютъ *и приватъ-доценты, избранные факультетомъ въ члены университетскаго совѣта, на основаніи § 7, а также читающіе свой предметъ по порученію факультета, за исключеніемъ случаевъ, обозначенныхъ въ § 75 и примѣчаніи къ нему, когда и другіе приватъ-доценты получаютъ право голоса въ факультетскихъ собраніяхъ.* Одинъ изъ *приватъ-доцентовъ*, или же младшій членъ факуль-

тета, а на медицинскомъ факультетѣ — одинъ изъ *приватъ-доцентовъ* или ассистентовъ, исправляютъ должность секретаря въ факультетскомъ собраніи.

§ 104 (о платѣ за слушаніе лекцій): Каждый студентъ, избравъ въ началѣ семестра, по собственному своему усмотрѣнію, для слушанія лекцій тѣхъ или другихъ преподавателей своего факультетскаго отдѣленія, вноситъ за полугодичный курсъ предмета, преподаваемаго: отъ 1 до 2 часовъ въ недѣлю — 1 р. 50 к., отъ 3 до 4 часовъ — 3 р., отъ 5 и болѣе — 4 р. Изъ этой суммы часть, согласно §§ 74 и новому между 85 и 86, выдается преподавателямъ, остальная же поступаетъ въ пользу университета.

Примѣчаніе. Размѣръ платы можетъ быть измѣненъ по соглашенію университетскихъ совѣтовъ между собою и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, но такъ, чтобы она осталась одинаковою для всѣхъ университетовъ и для всѣхъ наукъ. Исключенія могутъ быть допущены совѣтомъ, по ходатайству самихъ преподавателей, для курсовъ, основанныхъ на новыхъ изслѣдованіяхъ, особенно же, если они стòили большаго труда и даже издержекъ.

§ 135. Университетамъ предоставляется учреждать ученыя общества, для усовершенствованія совокупными изысканіями какой-либо опредѣленной части наукъ, *а также и публичные ученые съѣзды по различнымъ отраслямъ наукъ, для установленія общаго плана какъ въ предпринимаемыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ педагогической дѣятельности.*

§ 144. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій, *программъ лекцій* и иныхъ, ученаго содержанія сочиненій и *сборниковъ*, ими или ихъ преподавателями издаваемыхъ. Цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

Къ № 6.

Объ обязанностяхъ учащихся.

(5 Отдѣленіе V главы §§ 121 — 127).

Испр. должн. экстраор. проф. С.-Пб. унив. **Спасовича**.

I. СВОДЪ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ, МНѢНІЙ И ПРОЕКТОВЪ ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ.

Уставы 1804, благопріятствовавшіе автономіи университетовъ, возлагали на ученое университетское сословіе попеченіе и надзоръ за нравственностью студентовъ. Студенты, въ разсужденіи поведенія и нравственности, должны были сообразоваться съ правилами благочинія, составленными университетскимъ совѣтомъ и внесенными на утвержденіе начальства (§ 48 Устава Моск. § 45 Харьковск. и Казанскаго унив). Блюстителемъ благоустройства былъ глава университета—ректоръ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ имѣлъ право требовать помощи отъ военнаго или гражданскаго начальства (§ 19 Уст. Моск., § 17 Харьк. и Казанск. унив.). Взыскателемъ за преступленія и безпорядки былъ самъ университетъ, снабженный весьма обширною юрисдикціею гражданскою, дисциплинарною и уголовною надъ студентами и чинами, принадлежащими къ университету (§ 6 Моск., Харьк. и Каз. Унив.). Въ дѣлахъ гражданскихъ уни-

верситетъ разбиралъ всѣ тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имѣніяхъ. Въ уголовныхъ—университетъ производилъ самъ слѣдствіе и посылалъ своего синдика засѣдать въ судѣ, въ качествѣ депутата (§ 157 Уст., Моск. § 154 Харьк. и Каз. унив.). Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, т. е. по преступл[illegible] противъ университетскаго благочинія и порядка, университ[illegible] самъ виновныхъ. Судъ университетскій имѣлъ три ст[illegible]тора, правленіе и совѣтъ. Ректоръ приговаривалъ ст[illegible]товъ окончательно къ трехдневному заключенію въ карцерѣ, правленіе—къ 14-дневному, а совѣтъ составлялъ высшую и послѣднюю инстанцію по дѣламъ, касающимся преступленія правилъ, университетомъ предписанныхъ. Жалобы на судъ университетскій приносились прямо въ правительствующій сенатъ (§§ 146 — 162 Уст. Моск. и §§ 143 — 159 Харьк. и Каз. Унив.). Для надзора за поведеніемъ казеннокоштныхъ пансіонеровъ состоялъ особый инспекторъ казенныхъ студентовъ изъ ординарныхъ профессоровъ, избираемый совѣтомъ.

Общимъ Уставомъ университетовъ 26 іюля 1835 г. уничтожено, какъ извѣстно, университетское самоуправленіе; за университетскимъ ученымъ сословіемъ оставлена одна только часть учебная; отъ него отошли цѣликомъ и полиція и судъ. Всѣ дѣла объ имуществѣ подвѣдомственныхъ университету лицъ предоставлены вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, безъ всякаго въ нихъ участія университета (§ 43). Уголовныя преступленія этихъ же лицъ сдѣланы подсудными общимъ уголовнымъ судамъ. § 43 Устава давалъ право правленію университета производить изслѣдованія въ этихъ преступленіяхъ, но правленіе непользовалось этимъ предоставленнымъ ему преимуществомъ. Къ слѣдствіямъ, къ которымъ были прикосновенны студенты, попечитель или министерство народнаго просвѣщенія наряжало только депутата отъ университета. Наконецъ и дисциплинарная власть надъ учащимися была изъята изъ рукъ университета и предоставлена, помимо ректора и совѣта, самому попечителю, инспектору, выбираемому имъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, и помощникамъ инспектора (§ 69 и 70). Отношенія этихъ властей къ студентамъ были чисто патріархальныя, то есть основанныя не на законѣ, а на личномъ усмотрѣніи начальства, которое подвергало учащихся взысканіямъ безъ суда, административнымъ порядкомъ, за проступки,

какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ онаго совершаемые. Попечитель поставленъ былъ въ ежеминутную необходимость вмѣшиваться во всѣ мелочи студентскаго быта; съ другой стороны, онъ несъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и отвѣтственность за всѣ проступки учащихся: потому что эти проступки, въ глазахъ высшаго начальства, считались доказательствами слабаго за студентами надзора.

Такой порядокъ только и могъ существовать при наличности строгой, почти военной, дисциплины, особаго мундира, отличавшаго студентовъ и въ стѣнахъ университета и внѣ его, наконецъ, при немногочисленности лицъ, посѣщающихъ лекціи. Когда, въ началѣ нынѣшняго благополучнаго царствованія усилилась въ обществѣ потребность знанія и, послѣ отмѣны ограниченій относительно числа студентовъ, образовался сильный приливъ молодыхъ людей въ университеты, тогда обнаружились недостатки системы полицейской инспекціи безъ суда. Уже въ проектѣ для С. Петербургскаго университета, составленномъ въ 1858 г. С. Петербургскаго учебнаго округа предполагалось упразднить должность инспектора, а дѣла по надзору за студентами и судъ надъ ними поручать правленію (§§ 69 и 70), при чемъ опредѣлялось, что, въ случаѣ какихъ-либо общихъ предположеній, желаній, до устройства студентскаго быта касающихся, студенты обязаны представлять и испрашивать разрѣшенія у ректора, который, судя по обстоятельствамъ, долженъ былъ представлять о томъ попечителю или прямо, или по предварительномъ обсужденіи въ правленіи (§ 133).

Очевидная слабость власти инспекторовъ, не пользовавшихся обыкновенно у молодежи никакимъ авторитетомъ, была главною причиною тѣхъ печальныхъ исторій, которыми ознаменованы были послѣдніе годы въ жизни всѣхъ вообще университетовъ, въ особенности же столичныхъ. По мнѣнію г. Гаевскаго (I, 67) сами инспекторы, дѣйствіями своимъ, нерѣдко вызывали студентовъ на демонстраціи противу университетской полиціи. По справедливому замѣчанію г. Стасюлевича университеты были потрясены не въ своей учебной дѣятельности, но въ своей жизни академической (II, 106). Попечители оказывались не въ состояніи укротить внутренніе въ университетѣ безпорядки между учащимися, предупредить столкновенія между ними и обыкновенными властями полицейскими. Броженіе продолжалось, преобразованіе системы надзора становилось

безотлагательно необходимымъ. Коммиссія, составлявшая разбираемый нынѣ проектъ, рѣшилась обратиться отчасти къ преданіямъ 1804 г. и возвратить опять ученому сословію участіе въ управленіи, надзорѣ и судѣ надъ студентами. Подчинивъ студентовъ внѣ стѣнъ университета общегражданской полиціи, она полагала возложить наблюденіе за исполненіемъ правилъ для учащихся на лицо, выбираемое университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды, или изъ посторонниxъ чиновниковъ. Въ первомъ случаѣ, это лицо должно называться проректоромъ, во второмъ — инспекторомъ (§ 87). Коммиссія оставила въ совершенной неопредѣленности вопросъ о томъ, кто долженъ судить студентовъ за нарушеніе правилъ: проректоръ, инспекторъ, правленіе, или совѣтъ (§ 89); она ограничилась только перечнемъ наказаній (§ 123), предоставила каждому университету дополнить недостающее особою инструкціею, даваемою инспектору или проректору. Попечителю предоставлялось, по проекту коммиссіи, только право утверждать нѣкоторые изъ судебныхъ приговоровъ, а именно: заключающіе въ себѣ удаленіе студента изъ университета. Приходится рѣшить, на основаніи мнѣній, поданныхъ оффиціально, или высказанныхъ въ статьяхъ газетныхъ и въ журнальной полемикѣ, въ какой степени можетъ быть признано удовлетворительнымъ подобное рѣшеніе вопроса объ учащихся и о соблюденіи ими правилъ, установленныхъ начальствомъ, иными словами, о предупрежденіи или прекращеній столкновеній между учащимися—съ одной и университетскимъ начальствомъ и общею полиціею—съ другой стороны?

Учебныя заведенія могутъ быть или закрытыя, съ постоянно живущими въ нихъ пансіонерами, или открытыя, съ приходящими слушать лекціи посѣтителями. Въ пользу закрытаго университета подано одно только мнѣніе г. Скуратова (Т. II, стр. 488 — 514), которому нравятся Англійскія университетскія коллегіи, и который считаетъ у насъ возможнымъ примѣненіе Англійской системы тьюторовъ. Г. Скуратовъ сознается, что воспитаніе въ закрытомъ заведеніи стòитъ не дешево; что въ эти заведенія могутъ быть отдаваемы только дѣти богатыхъ людей, съ независимымъ состояніемъ, но онъ примиряется съ мыслію о малочисленности лицъ, получающихъ высшее образованіе, потому что эта малочисленность избавитъ, будто бы, насъ отъ того пролетаріата чиновничьяго, учительскаго и литераторскаго, которымъ страдаетъ Германія и котораго

вредъ рельефно выставленъ былъ Нѣмецкимъ публицистомъ Рилемъ. Впрочемъ, г. Скуратовъ вовсе не предлагаетъ превращенія всѣхъ нашихъ университетовъ въ закрытыя заведенія. Онъ только доказываетъ, что было бы полезно учредить, независимо отъ существующихъ университетовъ, новое закрытое высшее учебное заведеніе, на манеръ Англійскихъ коллегій, гдѣ бы ученіе производилось по новому, неиспытанному до сихъ поръ у насъ методу, не лишенному, конечно, извѣстныхъ достоинствъ.

Кромѣ г. Скуратова, никто не подалъ голоса въ пользу закрытаго университета. Всѣ убѣждены, что университеты не могутъ сдѣлаться закрытыми, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ они есть, то есть разсадниками просвѣщенія, проводниками его въ массы; что университеты должны быть доступны не для не многихъ избранниковъ изъ богатыхъ, но для всѣхъ вообще людей, желающихъ образоваться. Если университетъ долженъ быть заведеніемъ открытымъ, то какое дать устройство учащимся? Два способа рѣшить эту задачу указаны, до сихъ поръ, журналистикою и разобраны довольно обстоятельно. Главнымъ защитникомъ одного способа явился професcоръ Костомаровъ, поддерживаемый въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ отчасти гг. Барсовымъ, Сухомлиновымъ, Лебедевымъ, Бекетовымъ, Вороновымъ, Горловымъ, Михельсономъ и Никитенко. Способъ этотъ состоитъ въ превращеніи университета въ заведеніе, похожее на Collège de France, то есть, въ систему публичныхъ лекцій, преподаваемыхъ не для учащагося юношества, а для людей любознательныхъ всякаго пола, званія и возраста, безплатно или за весьма незначительную плату, которая должна идти въ пользу преподавателя. Въ этомъ университетѣ безъ учащихся, учащіе, не связанные съ воспитателями никакими особенными нравствен-ными юридическими правами и обязанностями, имѣютъ передъ собою лишь безличную публику, которая, не довольствуясь учеными книгами, яляется въ аудиторіи слушать живое слово науки, производящее несравненно болѣе впечатлѣнія, нежели печатные трактаты (II, 162). Между посѣтителями лекцій не устанавливается также никакихъ прочныхъ отношеній, кромѣ того простаго знакомства, которое можетъ возникнуть между людьми, часто сходящимися въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ саду, на гуляньѣ (220); знакомясь

и сходясь другъ съ другомъ, посѣтители лекцій дѣйствуютъ не какъ временные члены одного и того же общаго цѣлаго, но какъ свободные граждане (II, 230). Какъ въ театрѣ, въ церкви, или на улицѣ, такъ и въ стѣнахъ университета, благочиніе должно быть охраняемо общею государственною полиціею. Университетскому начальству до происходящихъ въ зданіи университета безпорядковъ нѣтъ никакого дѣла; оно обязано пещись только о томъ, чтобы праздными не оставались каѳедры. Г. Костомаровъ основалъ свой проектъ на рѣзкой противуположности, которая будто бы существуетъ между воспитаніемъ, пригоднымъ лишь для дѣтства, и образованіемъ, въ которомъ нуждается и зрѣлость, между заведеніями воспитательно-учебными и образовательно-учеными. По мнѣнію г. Костомарова, никакое заведеніе порядочное не можетъ быть въ одно время и органомъ воспитанія и органомъ образованія; университетъ унижаетъ себя, оставаясь школою, а онъ будетъ школою до тѣхъ поръ, пока университетскіе слушатели будутъ образовать особое сословіе. Всѣ неурядицы въ университетахъ г. Костомаровъ приписывалъ корпоративному устройству, которое онъ считаетъ положительно вреднымъ для науки отрѣшеніемъ науки отъ жизни, стѣсненіемъ свободы общественной въ дѣлѣ просвѣщенія (II, 163—164). Г. Костомаровъ преслѣдуетъ эту корпоративность съ тою страстію, съ которою вѣкъ нашъ привыкъ относиться къ преданіямъ и учрежденіямъ средневѣковымъ. Она, по его мнѣнію, есть то же, что привилегія на просвѣщеніе, то же, что цехи и гильдіи,—чистый анахронизмъ, непрактическое подражаніе, противное духу Русскаго народа, не терпящаго сословной замкнутости (II, 163, 164). Г. Барсовъ отвергаетъ всякую корпоративность между учащимися, какъ нѣчто свойственное только несовершеннолѣтнимъ, но не взрослымъ, которые не требуютъ, чтобы общество водило ихъ на помочахъ (II, 177). Г. Бекетовъ доказываетъ, что корпорація, будучи государствомъ въ государствѣ, пригодна только обществамъ слабоустроеннымъ, въ которыхъ и образуетъ собою среду, способную отражать нападки на просвѣщеніе, искусство, ремесло, возрасти ихъ и взлелѣять, а потомъ распространить. Наше государство сильно властью и не допускаетъ подданныхъ къ самозащищенію. Наше сильное государство не желаетъ облекать силою какую бы то ни было корпорацію. Для юношества нашихъ университетовъ миновала

пора образовать корпораціи, какъ миновала для нашихъ земледѣльцевъ надобность ходить вооруженными на полевыя работы, хотя на нѣкоторыхъ пограничьяхъ и до сихъ поръ работники имѣютъ винтовки за плечами (II, 195). Г. Сухомлиновъ полагаетъ, что для Россіи нынѣ необходимѣе Collège de France, нежели Сорбонна (II, 180). Подъ словомъ уничтоженіе корпоративности, котораго требуетъ г. Вороновъ, онъ разумѣетъ между прочимъ отмѣну форменной одежды для студентовъ, обязательнаго посѣщенія лекцій, вступительныхъ и переводныхъ испытаній и независимости студентовъ внѣ университета отъ общей полиціи (II, 208). По мнѣнію г. Лебедева корпорація студентовъ не вредна; она только лишняя, потому что общиннаго духа единства никогда не бывало въ нашихъ университетахъ; корпоративныя учрежденія искусственны, они—подражаніе Нѣмецкому, общество же нашихъ студентовъ тянетъ къ тѣмъ общественнымъ средамъ, къ которымъ каждый принадлежитъ (II, 183 и 184). По мнѣнію г. Никитенко, молодые люди являются въ университетъ только учиться, а эта цѣль не достигается *сообща*. Каждый учится своимъ умомъ и для себя. Никакія собственныя собранія студентовъ не могутъ быть допускаемы, притомъ должны быть устранены и всѣ случаи, могущіе подать къ нимъ поводъ, какъ-то: концерты, изданіе сборниковъ, касса для пособія нуждающимся и тому подобное (I 466; II 239).

Другой способъ рѣшенія вопроса объ учащихся состоитъ въ томъ, чтобы не смѣшивать учащихся съ публикою, подчинить ихъ особому университетскому управленію и дать имъ возможность группироваться въ товарищества и кружки подъ наблюденіемъ, съ разрѣшенія и за отвѣтственностью университетскаго начальства. Этотъ способъ былъ защищаемъ Современною Лѣтописью Русскаго Вѣстника, гг. Стасюлевичемъ, Чичеринымъ, Андреевскимъ, Пыпинымъ, Г. К., Цункомъ, Спиридовымъ, Стеблинъ-Каминскимъ, Авиловымъ и мною. Въ пользу его подали свои мнѣнія г. Пироговъ, отчасти Антоній, епископъ Смоленскій, и совѣтъ Кіевскаго университета, признавшій единогласно необходимымъ сохранить за университетомъ характеръ учебнаго учрежденія, а не собранія залъ для чтенія публичныхъ лекцій (I, 115).

Защитники организаціи студентскаго общества ведутъ полемику главнымъ образомъ съ г. Костомаровымъ и доказываютъ, что онъ свой проектъ построилъ на очевидномъ па-

радоксѣ. Г. Костомаровъ просмотрѣлъ цѣлый возрастъ въ жизни человѣческой—юность; онъ упустилъ изъ виду, что въ природѣ нѣтъ такихъ рѣзкихъ скачковъ отъ дѣтства къ зрѣлости; что въ дѣйствительности нѣтъ непримиримой противуположности между воспитаніемъ и образованіемъ, которая бы заставляла одно изъ этихъ понятій исключать другое. Наши университеты не были закрытыми, и были въ то же время образовательными заведеніями для лицъ всѣхъ возрастовъ и званій—это фактъ, котораго не можетъ отрицать и не отрицаетъ г. Костомаровъ; то, чего онъ требуетъ, какъ нововведенія въ будущемъ, уже было на лицо въ настоящемъ. Сверхъ того, онъ домогается устраненія изъ университетовъ всего воспитательно-учебнаго, то есть просто уничтоженія университетовъ, потому что на цѣломъ свѣтѣ въ обоихъ полушаріяхъ университеты считаются высшими школами для юношества; они не могутъ, не переставая быть университетами, лишиться своего педагогическаго характера. Хорошъ, конечно, и полезенъ *Collège de France*; ничто не мѣшаетъ учрежденію и у насъ чего-нибудь подобнаго, но онъ—роскошь богатой цивилизаціи, безъ которой можно обойтись, которую можетъ замѣнить популяризирующая науку журналистика. Но безъ воспитательныхъ университетовъ не можетъ обойтись ни одно образованное общество, потому что прямое ихъ назначеніе — давать серьезную спеціальную, техническую подготовку людямъ, готовящимся къ важнѣйшимъ поприщамъ жизни общественной. Университетъ допускаетъ въ свои стѣны публику, но публика въ немъ—гости, а не хозяева. Настоящіе хозяева тѣ, которые сдѣлали науку, навсегда или на время, предметомъ жизненнаго занятія и систематически изучаютъ извѣстную область наукъ. Между ними образуются необходимо связь товарищества и преданія науки; ихъ окружаетъ извѣстная умственная атмосфера, ассимилирующая всѣ втекающіе въ университетъ элементы, проникающая всѣхъ отъ новопоступившаго студента до профессоровъ, оказывающая на всѣхъ могучее вліяніе и составляющая одинъ изъ необходимыхъ воспитательныхъ элементовъ, важныхъ не менѣе самаго чтенія лекцій. Этотъ дѣйствующій благотворно университетскій духъ, который можно назвать духомъ самой науки, замѣтенъ во всѣхъ процвѣтающихъ университетахъ; онъ зависитъ не только отъ учащихъ, но и отъ учащихся; онъ существовалъ и въ нашихъ университетахъ, не смотря на уставъ 1835 г., старающійся про-

тивудѣйствовать всякому внѣ лекцій общенію учащихъ съ учащимися; его слѣдуетъ не уничтожать, а подкрѣплять и поддежирвать. Уничтожить, разсыпать какъ песокъ, студенчество значитъ то же, что убить университетъ, втоптавъ все, что въ немъ самаго благороднаго, въ обыденную житейскую пошлость. Г. Костомаровъ и его сторонники полагаютъ, что они нанесли рѣшительный ударъ студенчеству, назвавъ его корпораціей, подраженіемъ иностранному, анахронизмомъ. Они не правы въ томъ отношеніи, что наши университеты съ ихъ студенчествомъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—не копія съ Французскихъ или Нѣмецкихъ, а оригинальные Русскіе, съ исторически выработавшимися особенными формами; что нѣтъ жизни общественной безъ корпоративности; что наше общество имѣетъ свои особенныя корпораціи, напримѣръ крестьянскую общину, артель; наконецъ, что по бо̀льшей части подъ словомъ корпорація разумѣютъ нѣчто замкнутое и привилегированное, между тѣмъ какъ міръ студентскій не требуетъ ни того, ни другаго. Студенчество не нуждается ни въ какихъ особыхъ правахъ и преимуществахъ; ему вредило бы только обязательное посѣщеніе лекцій, стѣсняя свободу ученія; для него не существенны ни мундиръ, ни вступительный экзаменъ, ни неподлежаніе внѣ-университетскимъ юрисдикціямъ. Требуемая организація студентскаго общества сводится только къ тому, чтобы въ дѣлахъ, имѣющихъ связь съ ученіемъ, учащіеся подчинялись особому управленію. Корпорація, о которой идетъ рѣчь, не есть корпорація, состоящая изъ однихъ учащихся; она совмѣщаетъ и учащихся и учащихъ, однимъ словомъ весь университетъ и значитъ то же, что университетское самоуправленіе. Война съ корпораціею была собственно войною съ призракомъ, споръ основанъ былъ бо̀льшею частью на недоразумѣніи, и многіе изъ противниковъ корпораціи помирились бы съ нею, еслибы точнѣе опредѣлено было ея значеніе. Самъ г. Никитенко, доказывающій, что всякой учится только своимъ умомъ и только для себя, допускаетъ собранія студентовъ въ присутствіи профессора для упражненій въ извѣстной наукѣ (I, 466). Г. Горловъ допускаетъ студентскія собранія и учрежденія, какъ-то библіотеку и кассу, но только съ тѣмъ, чтобы они имѣли мѣсто внѣ стѣнъ университета (I 478). Наконецъ г. Вороновъ вполнѣ допускаетъ естественное, а не искусственное образованіе въ университетѣ между учащимися особыхъ кружковъ для

цѣлей ученыхъ, артистическихъ, благотворительныхъ, однимъ словомъ все то, что защитники студентской корпораціи (II, 200) хотятъ узаконить и поставить подъ наблюденіемъ университетскаго начальства. Сама коммиссія, составлявшая проектъ, поставлена была въ необходимость, косвеннымъ образомъ, допустить студентскія собранія; запрещая въ ст. 122 только собранія студентовъ для цѣлей, недозволенныхъ начальствомъ, она указываетъ на то, что эти собранія состояться могутъ для цѣлей начальстомъ дозволяемыхъ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ высказавшіяся мнѣнія о пользѣ или вредѣ особой организаціи учащихся. Противники организаціи, утверждая, что въ университетѣ нѣтъ учащихся, а одна публика, разсѣкаютъ очень просто гордіевъ узелъ университетскаго вопроса, не оставляя никакого мѣста для сомнѣній, недоумѣній, объясненій.

Не таково второе мнѣніе о необходимости организаціи. Изъ него вытекаетъ вопросъ: какъ устроить особое управленіе учащимися? Управленіе студентами, какъ всякое вообще управленіе, состоитъ изъ двухъ функцій: полиціи, предупреждающей и прекращающей безпорядки, и суда, взыскивающаго за нарушеніе предписаннаго закономъ благочинія. Необходимость строгаго отдѣленія обѣихъ этихъ функцій, такъ, чтобы онѣ не соединялись въ однихъ и тѣхъ же органахъ, признана и наукою и всѣми положительными законодательствами образованныхъ народовъ.» Ее оспариваетъ въ университетѣ только одинъ г. Левшинъ, полагающій, что особыя университетскія судебныя учрежденія— лишнія при инспекторѣ и полицейской власти правленія. (I, 384). Сліяніе обѣихъ функцій можетъ происходить только въ совѣтѣ, представителѣ университетской автономіи. Органомъ власти распорядительной долженъ служить проректоръ или инспекторъ, вопроса о коемъ я не буду касаться, потому что этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы поставленной въ моемъ докладѣ задачи. Нужнымъ только считаю добавить, что г. Андреевскій требуетъ дать участіе самимъ студентамъ во власти распорядительной, учредивъ въ подмогу проректору выборныхъ изъ студентовъ, которые бы являлись органами проректора въ сношеніяхъ его съ обществомъ студенческимъ, а г. Спиридовъ полагаетъ, что существованіе депутатовъ отъ факультетовъ или курсовъ предотвратило бы студентскія неурядицы,

давъ возможность студентамъ заявлять законнымъ образомъ начальству о своихъ нуждахъ (II, 484).

Органомъ судебной власти долженъ быть судъ университетскій, который обойденъ молчаніемъ въ проектѣ коммиссіи. Спрашивается: 1) какъ этотъ судъ долженъ быть устроенъ? 2) какова должна быть его компетенція? 3) какими долженъ онъ располагать средствами взысканія.

1) *Устройство суда.* По этому вопросу высказаны были мнѣнія самыя разнообразныя. Г. Цункъ, Каченовскій и совѣтъ Харьковскаго университета сходятся въ томъ, что требуютъ суда двустепеннаго, единоличнаго въ первой и коллегіальнаго—во второй степени. Впрочемъ, каждый изъ нихъ предлагаетъ иной составъ расправы университетской. По мнѣнію г. Цунка, менѣе важные проступки студентовъ судитъ особый университетскій судья, опытный юристъ, но не изъ преподавателей (II, 461). По мнѣнію г. Каченовскаго, менѣе важныя дѣла разбираетъ и рѣшаетъ судья изъ профессоровъ, но выбираемый самими студентами (II, 325). По мнѣнію Харьковскихъ професоровъ, первую степень суда образуетъ ректоръ, снабженный впрочемъ только властью расправы примирительной (II,297). Что касается до коллегіально устроенной инстанціи, то совѣтъ Московскаго университета предлагаетъ составить ее изъ ректора и 4 членовъ, по одному отъ факультета, по выбору совѣта (I, 260); г. Цункъ—изъ ректора, декановъ и университетскаго судьи (II 462); г. Каченовскій — изъ членовъ по выбору изъ среды совѣта и изъ университетскаго судьи подъ предсѣдательствомъ ректора или декана юридическаго факультета; (I, 325); совѣтъ Харьковскій—изъ неопредѣленнаго числа членовъ, выбираемыхъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ декана юридическаго факультета (I, 297). Г. Левшинъ полагаетъ, что если и быть университетскому суду, то надобно допустить для засѣданія въ немъ по студентскимъ дѣламъ инспектора въ качествѣ члена (I, 381). Я полагалъ, что въ должность судей могутъ быть выбираемы совѣтомъ не только профессора, но и доценты, внушающіе къ себѣ довѣріе по своимъ нравственнымъ качествамъ (I, 182). Г. Могилянскій предлагаетъ учрежденіе въ университетахъ для дѣлъ, по нарушенію дисциплины и благочинія, такого порядка, какъ въ Дерптскомъ университетѣ (II, 64). По мнѣнію г. Андреевскаго, судопроизводство въ этомъ судѣ должно быть устное и избавлено отъ лишнихъ

формальностей. Относительно того, кто долженъ утверждать приговоры университетскаго суда, г. Паткановъ, совѣтъ лицея князя Безбородко и совѣтъ Харьковскаго университета (I, 191; II, 22; I 297) требуютъ, чтобы приговоры утверждались окончательно совѣтомъ; причемъ Харьковскій совѣтъ полагаетъ, что для удаленія, увольненія или исключенія студента изъ университета нужно, чтобы подобное рѣшеніе состоялось по большинству не менѣе $^2/_3$ голосовъ (I, 311). Напротивъ того, г. Левшинъ, совѣтъ Московскаго университета и г. Могилянскій предоставляютъ власть утверждать приговоры попечителямъ (I. 381; I, 260; II, 64).

II. *Подсудность.* Всѣ тѣ изъ рецензентовъ, которые признаютъ необходимость существованія университетскаго суда, согласны между собою въ томъ, что этому суду должны подлежать проступки учащихся, совершенные въ стѣнахъ университета противъ университетскаго благочинія и порядка, и даже внѣ стѣнъ университета, когда они направлены противъ университетскаго начальства и органовъ его. Но должны ли быть подсудны университету проступки студентовъ, совершаемые внѣ университета противъ постороннихъ лицъ? Это вопросъ спорный. Главнымъ противникомъ привилегированной дисциплинарной расправы явился г. Вороновъ, который сформулировалъ, такимъ образомъ, всѣ существенныя возраженія противу подобной юрисдикціи: «судъ университетскій или будетъ заваленъ работою и войдетъ по дѣламъ студентскимъ внѣ университета въ нескончаемую тяжбу съ посторонними лицами; или полицейскія власти, во избѣжаніе скандала и споровъ, будутъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ проступки студентовъ, и тогда судъ университетскій, по дѣйствіямъ студентовъ внѣ университета, превратится въ пустую формальность безъ воспитательнаго вліянія на молодыхъ людей. Конечно, при подчиненіи студента общей полиціи внѣ университета, можетъ иногда пострадать невинно студентъ; но за то въ большей части случаевъ студенты, лишенные возможности становиться подъ защиту цѣлой корпораціи, будутъ вести себя осторожнѣе внѣ университета и избѣгать столкновеній съ мѣстными полицейскими властями (II, 202). Подсудность университету за внѣ-университетскія преступленія противъ постороннихъ защищали гг. Андреевскій, Стеблинъ-Каминскій, Цункъ, Н. Л., Современная лѣтопись «Русскаго Вѣстника» и преосвященный Антоній, епископъ Смо-

ленскій. Они утверждаютъ, что студентовъ нельзя считать вполнѣ созрѣвшими лицами, нельзя во всякомъ случаѣ подчинять строгому общему закону; что ихъ надобно судить по кругу ихъ идей и принимать во вниманіе ихъ молодость, увлеченіе, неопытность (II, 281, 370, 463). Преосвященный Антоній спрашиваетъ, отчего Дерптскій университетъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ наблюденія за студентами внѣ стѣнъ университета и не сбросилъ съ себя это бремя, взваливъ его на плечи полиціи; онъ полагаетъ, что Дерптскій университетъ полнѣе сознаетъ свои обязанности къ своимъ воспитанникамъ (II, 441). Г. Стеблинъ-Каминскій думаетъ, что средневѣковыя учебныя общины, какъ ни считаются онѣ нынѣ дикими и неумѣстными, достигали, однако, вѣрнѣе цѣли—пріучать молодыхъ людей къ самоограниченію, и такимъ образомъ приготовлять ихъ къ жизни общественной, нежели тѣ новыя начала, по которымъ студенты нашихъ университетовъ поставлены между двухъ полицій (II, 25). Г. Андреевскій считаетъ полезнымъ изъять студентовъ внѣ стѣнъ университета изъ вѣдѣнія общей полиціи и передать ихъ по прежнему въ вѣдѣніе университетскаго начальства, оставляя за полиціею право заарестованія студента и немедленнаго затѣмъ представленія его въ университетъ: потому что исполнительные органы полиціи неудовлетворительны, оставлять же въ ихъ рукахъ студентовъ, какъ молодыхъ людей недостаточно воздержныхъ и хладнокровныхъ, будетъ поводомъ ко многимъ непріятнымъ исторіямъ (I, 139).

III. *Виды дисциплинарныхъ взысканій.* Гг. Исаковъ и Бунге утверждаютъ, что исчисленіе наказаній недолжно вовсе входить въ уставъ; его слѣдуетъ предоставить рѣшенію каждаго изъ университетскихъ начальствъ порознь; начальства же будутъ, при опредѣленіи наказаній, руководствоваться сложившимися обычаями мѣстными и академическими нравами (I, 243 II 137). Изъ выставленныхъ въ нынѣ разбираемомъ проектѣ коммиссіи взысканій, критикѣ подверглись три: замѣчаніе, арестъ и удаленіе на годъ изъ университета.

Г. Пироговъ утверждаетъ, что безполезно ставить въ ряду наказаній замѣчаніе, которое ничѣмъ почти не разнится отъ выговора (I, 20). Противъ ареста возстаютъ: г. Деляновъ, считающій его наказаніемъ болѣе или менѣе дѣтскимъ (I, 229); г. Пироговъ, полагающій, что арестъ неудобоисполнимъ въ нашихъ университетахъ (I, 20); наконецъ совѣтъ Ка-

занскаго университета, который выразился относительно ареста, что онъ есть форма,сдѣлавшаяся совершенно несостоятельною для Русскихъ университетовъ (I, 398). Напротивъ того, г. Бунге говоритъ, что арестъ—удобоисполнимъ, и что бывали примѣры въ Кіевѣ студентовъ, предпочитающихъ карцеръ исключенію (II, 137). Г. Авиловъ отзывается о карцерѣ съ полнымъ одобреніемъ, какъ о самомъ полезномъ средствѣ дисциплинарномъ, которое весьма чувствительно для лица виновнаго, но не вредитъ никакимъ его существеннымъ интересамъ, тогда какъ прочія мѣры столько же падаютъ на виноватаго, сколько и на его родителей (II, 43). Временное удаленіе изъ университета отвергаютъ гг. Деляновъ, Андреевскій и совѣтъ Московскаго университета. Они считаютъ его мѣрою антипедагогическою, лишающею молодаго человѣка возможности среди курса слушать лекціи, пріучающею его къ праздности, поощряющею бездѣйствіе (I, 43 I, 229; I, 263).

II. СООБРАЖЕНІЯ.

Какъ бы широка ни была свобода, предоставленная учащимся, все-таки университетъ не можетъ существовать и отправлять свои обязанности, какъ учебное заведеніе, безъ подчиненія учащихся, по крайней мѣрѣ, въ стѣнахъ университета, извѣстной дисциплинѣ, извѣстнымъ правиламъ и порядкамъ, охраняемымъ университетскимъ начальствомъ. Организація особаго управленія учащимися необходима, будутъ ли учащіеся называться студентами, или вольнослушателями; она не требуетъ установленія особаго для нихъ мундира, ни предоставленія имъ особыхъ правъ и привилегій; она можетъ обойтись и безъ переходныхъ экзаменовъ и безъ обязательнаго посѣщенія лекцій. Оставляя въ сторонѣ всѣ доводы въ пользу организаціи учащихся, основанные на воспитательномъ значеніи этой организаціи, на хорошемъ вліяніи ея на сторону нравственную студентовъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она необходима съ точки зрѣнія государственной, потому что безъ нея правительство не будетъ имѣть достаточныхъ ручательствъ относительно спокойствія и порядка въ университетѣ. Превращеніе учащихся въ публику, а лекцій университетскихъ—въ публичныя, можетъ казаться выгоднымъ для нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ сословію учащихъ, потому что они остаются въ сторонѣ и не несутъ никакой отвѣтственности за безпорядки и неуряди-

цы между посѣщающею лекціи молодежью; но оно очень невыгодно для правительства, которое должно постоянно держать на-готовѣ для противудѣйствованія безпорядкамъ значительную силу матеріальную. Само видимое присутствіе этой силы производитъ весьма непріятное впечатлѣніе; употребленіе ея въ дѣло можетъ не обойтись безъ жертвъ и повлечь за собою раздраженіе; наконецъ, при судебномъ разбирательствѣ и взысканіи, проступки противъ университетскаго благочинія и порядка получатъ политическую окраску и будутъ считаться тяжкими преступленіями государственными. Отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и неудобствъ правительство можетъ избавиться, поставивъ между собою и учащимися сословіе учащихъ, то есть совѣтъ, предоставивъ ему управленіе учащимися и сдѣлавъ его нравственно отвѣтственнымъ за безпорядки. Совѣтъ будетъ стараться дѣйствовать на учащихся не матеріальною силою, но нравственнымъ вліяніемъ. Опытъ доказывалъ неоднократно, что можно съ весьма малыми матеріальными средствами удерживать массы въ границахъ законнаго порядка; для сего нужно только стараться устранить поводы къ броженію въ массахъ, дать массамъ право доводить законнымъ путемъ до свѣдѣнія начальства о всѣхъ ихъ нуждахъ и потребностяхъ и удовлетворять тѣ изъ заявленныхъ требованій, которыя основательны, справедливы и неопасны. Можетъ случиться, что всѣ усилія совѣта окажутся въ данномъ случаѣ безуспѣшными и вліяніе его недостаточнымъ для охраненія порядка, тогда, и только тогда, надобно будетъ прибѣгнуть къ силѣ матеріальной; но судьею въ вопросѣ, настала ли пора употребить эту силу матеріальную, или нѣтъ? можетъ быть только университетское начальство, непосредственно заинтересованное въ сохраненіи спокойствія и нравственно отвѣтственное за неумѣнье управиться съ учащимися. При семъ надобно замѣтить, что университетское ученое сословіе только тогда, по всей вѣроятности, рѣшится взять на себя бремя управленія и отвѣственности, когда ему будетъ предоставлена полная свобода дѣйствія въ отношеніи къ учащимся, съ властью выслушивать прошенія и жалобы, сообщаться со студентами посредствомъ депутатовъ, допускать или не допускать студентскія собранія, разрѣшать образованіе студентскихъ учрежденій, каковы библіотеки, кассы и т. п. подъ надзоромъ и контролемъ университета. Полное воспрещеніе студентскихъ собраній уже потому неисполнимо на дѣлѣ, что въ зданіи, въ ко-

торое стекаются сотни и тысячи посѣтителей, нельзя воспрепятствовать тому, чтобы посѣтители, сходясь, не толковали другъ съ другомъ въ корридорахъ, въ аудиторіяхъ, до прихода профессоровъ, послѣ ихъ ухода; всякая встрѣча нѣсколькихъ человѣкъ, даже случайная, имѣетъ видъ сходки, и по внѣшней своей формѣ совпадаетъ со сходкою, составленною по предварительному уговору. И такъ въ концѣ концовъ придется все-таки къ результату—что сходки бываютъ невинныя, дозволенныя и преступныя—запрещенныя, и что первыя разнятся отъ вторыхъ не внѣшнею своею формою, а цѣлью, которую себѣ ставятъ собирающіяся лица. Изгнаніе студентскихъ общественныхъ учрежденій изъ университета съ разрѣшеніемъ имъ образоваться на сторонѣ едва ли желательно. Молодежь будетъ группироваться вокругъ этихъ учрежденій, внѣ всякаго контроля университетскаго начальства, и можетъ ихъ употребить въ смыслѣ орудій для достиженія извѣстныхъ, вовсе не научныхъ, а политическихъ цѣлей, въ смыслѣ благовидныхъ предлоговъ для политической агитаціи. Не лучше ли поставить эти учрежденія подъ непосредственнымъ надзоромъ университетскихъ властей, которыя, дѣйствуя въ собственномъ интересѣ, не допустятъ имъ превратиться въ клубы политическіе? Само закрытіе этихъ заведеній университетскимъ начальствомъ, въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій, будетъ имѣть значеніе мелкаго факта академическаго, а не важнаго событія политическаго, причемъ правительство останется свободно отъ всякихъ нареканій, потому что вся тяжесть этихъ нареканій упадетъ только на университетское начальство. По всѣмъ симъ соображеніямъ, я полагалъ бы:

1) Возвратить представителю университета—ректору право, которымъ онъ пользовался на основаніи Уставовъ 1804 г., требовать въ чрезвычайныхъ случаяхъ помощи отъ военнаго или гражданскаго начальства, съ тѣмъ, чтобы онъ этимъ правомъ пользовался совокупно съ совѣтомъ.

2) Отмѣнить всѣ статьи, запрещающія студентскія общественныя учрежденія и собранія, и дозволить студентамъ образовать таковыя, если не прямо, то по крайней мѣрѣ косвенно, въ случаѣ какихъ-либо общихъ предположеній и желаній, до устройства студентскаго быта касающихся.

3) Не входя затѣмъ въ подробный разборъ дѣйствій, которыя не должны быть терпимы со стороны учащихся (какъ-то:

выраженіе одобренія или неодобренія, составленіе прошеній и собираніе подписокъ и т. п.), предоставить самимъ совѣтамъ опредѣлить эти подробности въ особыхъ дисциплинарныхъ уставахъ для учащихся, которые должны быть составлены каждымъ совѣтомъ порознь, сообразно съ мѣстными академическими нравами, и подлежать утвержденію министра.

Особенное университетское управленіе учащимися, сосредоточиваясь въ совѣтѣ, должно потомъ развѣтвляться на полицію и расправу, то есть на органы власти распорядительной (проректоръ) и органы власти карательной (судъ). Въ числѣ посѣтителей университетскихъ лекцій надобно различать публику отъ постоянныхъ слушателей—студентовъ. Публика подчиняется во время пребыванія въ университетѣ только университетской полиціи, но ни въ какомъ случаѣ неподсудна университетскому суду. Лица изъ публики за нарушеніе порядка могутъ быть удалены изъ университета проректоромъ, съ воспрещеніемъ имъ входа туда—не болѣе. Но такъ какъ университетъ бываетъ всегда открытъ и посторонніе впускаются туда безъ всякихъ билетовъ, то изгнанный изъ университета могъ бы продолжать ходить туда, издѣваясь надъ безсиліемъ университетскихъ распоряженій. Для огражденія университета отъ подобныхъ въ него вторженій, я полагалъ бы:

1) Предоставить университетскому начальству публиковать въ вѣдомостяхъ о лицахъ, которымъ входъ въ университетъ воспрещенъ за произведенные ими безпорядки.

2) Предоставить проректору право арестованія въ стѣнахъ университета лицъ изъ публики, замѣченныхъ въ чиненіи безпорядковъ, для препровожденія ихъ потомъ къ органамъ общей городской полиціи, которые обязаны поступить съ виновными по законамъ.

3) Относительно лицъ, которымъ входъ въ университетъ воспрещенъ, въ случаѣ обнаруженнаго съ ихъ стороны нарушенія этого запрета, предоставить университетскому начальству относиться къ общей городской полиціи, съ требованіемъ объ обязаніи ихъ подпискою о нехожденіи въ университетъ, о взятіи съ нихъ въ томъ поручительства, или и денежныхъ залоговъ, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, и о высылкѣ изъ города тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся иногородными, на мѣста ихъ постояннаго жительства, съ поставленіемъ ихъ тамъ подъ надзоръ полиціи.

Постоянные слушатели или студенты подлежатъ не только университетской полиціи, но и университетскому суду. Возстановлять эту юрисдикцію въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Уставахъ 1804 г., снабженная властью суда гражданскаго, уголовнаго и дисциплинарнаго, едва-ли возможно: духъ нашего времени противится учрежденію и развитію особыхъ привилегированныхъ, исключительныхъ юрисдикцій. Всѣ согласны относительно распространенія подсудности университетской: 1) на преступленія студентовъ, совершенныя въ университетѣ противъ университетскихъ правилъ благочинія; 2) на столкновенія между студентами и университетскими властями, происшедшія даже и внѣ зданій университета. Я полагаю, что можно бы, не подвергаясь упрекамъ въ исключительности и отстаиваніи средневѣковыхъ привилегій, распространить юрисдикцію университета, кромѣ поименованныхъ, на слѣдующіе еще предметы: 3) на споры и столкновенія между студентами, а равно на дѣла по обвиненіямъ студентовъ со стороны своихъ товарищей въ поступкахъ недостойныхъ званія студента и порочащихъ студентское общество; 4) на дѣла по искамъ со студентовъ со стороны частныхъ лицъ, когда истцы сами предпочтутъ обратиться къ скорому университетскому суду вмѣсто обыкновенной судебной расправы; 5) на дѣла о маловажныхъ проступкахъ студентовъ, совершенныхъ внѣ университета противъ общественнаго порядка, за которыя органы общественной власти предпочтутъ подвергнутъ виновныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ университетскимъ, вмѣсто обыкновенныхъ наказаній уголовно-исправительныхъ, и отошлютъ виновныхъ къ университетскому суду. По мнѣнію моему, слѣдовало бы прибавить, что въ случаѣ, если студентъ изобличенъ будетъ въ дѣйствіи, которое, сверхъ нарушенія обязанностей его въ отношеніи къ университету, содержитъ и тяжкое преступленіе уголовное, университетъ, по исключеніи виновнаго изъ числа студентовъ, препровождаетъ его съ своимъ мнѣніемъ къ обыкновенному уголовному суду, по принадлежности, для поступленія съ нимъ по законамъ.

Университетская расправа только тогда будетъ достигать своей цѣли и пользоваться должнымъ уваженіемъ и между студентами и въ обществѣ, когда она будетъ сообразна съ современными требованіями вѣка относительно суда, то есть когда дѣлопроизводство въ ней будетъ устное, построенное на началѣ

обвинительномъ и, по возможности, гласное. Судъ, самъ не разыскивая преступленія, выслушиваетъ только обвинителей и обвиняемаго и потомъ полагаетъ, по совѣсти, приговоръ, не стѣсняясь никакою теоріею доказательствъ. Въкачествѣ обвинителей должны являться или товарищи обвиняемаго, или частные истцы или наконецъ самъ проректоръ съ подчиненными ему органами университетской полиціи. Приговоры суда утверждаются совѣтомъ.

Что касается до внутренняго устройства суда, то комплектъ его не долженъ бы быть многочисленъ, потому что многочисленность въ этомъ случаѣ, не служа гарантіею бо̀льшей правильности рѣшеній, ослабляетъ только нравственную отвѣтственность судей за приговоръ и отрываетъ безполезно многія лица, принадлежащія къ ученому сословію, отъ ихъ обычныхъ занятій. Едва ли возможно поручать предсѣдательствованіе въ судѣ ректору, потому что ректоръ есть предсѣдатель совѣта, утверждающаго приговоры суда, слѣдовательно ему бы приходилось судить одни и тѣ же дѣла въ первой и во второй инстанціи. Едва ли полезно помѣщать въ судѣ декановъ, которые и безъ того обременены множествомъ дѣлъ по факультетамъ, въ жизни же сословной надобно всячески стараться не о сосредоточиваніи занятій на немногихъ лицахъ, но о распредѣленіи ихъ сколь можно болѣе равномѣрномъ между всѣми членами, съ призваніемъ возможно бо̀льшаго ихъ числа къ участію въ жизни общественной. Съ этой точки зрѣнія надлежало бы не ограничиваться при выборѣ судей одними профессорами, засѣдающими въ совѣтѣ, но допустить къ занятію судейскихъ должностей и штатныхъ доцентовъ. По моему мнѣнію, нѣтъ даже надобности при комплектованіи суда придерживаться дѣленія университета на факультеты: 1) потому что число членовъ суда должно быть нечетное, число же факультетовъ обыкновенно четное; 2) потому что преступленія, судимыя судомъ, не имѣютъ ничего общаго съ частью учебною, техническою, для которой существуетъ дѣленіе преподаванія на факультеты; они направлены не противъ отдѣльныхъ факультетовъ, но противъ цѣлаго университета; они потрясаютъ его не въ дѣятельности его учебной, но въ жизни его академической. И такъ достаточно для укомплектованія суда трехъ судей по выбору изъ всѣхъ, безъ различія, факультетовъ. Одно только условіе надлежало бы поставить: предсѣдателемъ въ судѣ долженъ быть

непремѣнно кто-нибудь изъ юридическаго факультета, потому что должность предсѣдателя предполагаетъ знаніе техники судоговоренія и тѣхъ обрядовъ и пріемовъ, которые считаются вездѣ гарантіями правильности судебныхъ приговоровъ.

Наконецъ опредѣленіе видовъ дисциплинарныхъ взысканій со студентовъ я полагалъ бы совсѣмъ исключить изъ общаго Устава, предоставивъ каждому университету составить свой особенный дисциплинарный уставъ, сообразный съ мѣстными нравами, въ которомъ бы, съ одной стороны, опредѣлялись преступленія студентовъ, а съ другой — соотвѣтствующія этимъ преступленіямъ наказанія. Если бы это мнѣніе было отвергнуто, и рѣшено было помѣститъ въ общемъ уставѣ перечень наказаній, то въ такомъ случаѣ изъ числа предлагаемыхъ въ проектѣ коммиссіи наказаній можно бы, мнѣ кажется, исключить временное удаленіе изъ университета, какъ мѣру, которую многіе считаютъ антипедагогическою, но надлежало бы сохранить арестъ. Иначе образовался бы огромный пробѣлъ между простымъ выговоромъ и исключеніемъ изъ университета и судъ университетскій долженъ бы былъ, по необходимости, оставлять безнаказанными многіе проступки, хотя и предосудительные, но не въ такой степени, чтобы провинившихся надлежало подвергать исключенію изъ университета.

III. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По моему мнѣнію, §§ проекта Устава должны подвергнуться слѣдующимъ дополненіямъ и измѣненіямъ:

Примѣчаніе къ § 7 слѣдовало бы измѣнить такимъ образомъ: «Прочіе преподаватели могутъ быть приглашаемы совѣтомъ въ его засѣданія, когда совѣтъ признаетъ нужнымъ потребовать отъ нихъ объясненій или мнѣній по какимъ-нибудь отдѣльнымъ вопросамъ.»

Въ главѣ I, заключающей въ себѣ общія положенія, между §§ 8 и 9 вставить новый, слѣдующаго содержанія:

«Судъ университетскій состоитъ изъ трехъ судей, избираемыхъ совѣтомъ изъ числа членовъ ученаго университетскаго сословія».

Главу III, имѣющую титулъ: *О совѣтѣ и правленіи*, надлежало бы озаглавить: *О совѣтѣ, правленіи и судѣ.*

Эта глава дѣлится теперь на 3 отдѣленія, посвященныя совѣту, правленію и канцеляріи. Къ этимъ тремъ отдѣленіямъ

слѣдовало бы прибавить новое: о судѣ, которое поставить третьимъ въ ряду между отдѣленіемъ 2-мъ *о правленіи*, и отдѣленіемъ *о канцеляріи*; послѣднее изъ 3-го должно быть переименовано въ 4-е. Этой новой вставкѣ надлежало бы дать слѣдующую редакцію:

Отдѣленіе 3. О судѣ.

§ 1 (новый). Совѣтъ избираетъ ежегодно изъ профессоровъ и штатныхъ доцентовъ трехъ судей и одного кандидата на судейскую должность, на случай болѣзни или отсутствія когонибудь изъ судей. Избранные утверждаются въ званіи министромъ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ судей долженъ принадлежать къ юридическому факультету.

§ 2 (новый). Въ судѣ предсѣдательствуетъ тотъ изъ членовъ его, который принадлежитъ къ юридическому факультету. Если въ числѣ судей не одинъ, а болѣе принадлежатъ къ юридическому факультету, то мѣсто предсѣдателя занимаетъ тотъ, кто получилъ при баллотированіи въ совѣтѣ болѣе голосовъ. Изъ остальныхъ судей одинъ, по предложенію предсѣдателя, исправляетъ обязанности секретаря.

§ 3 (новый). Вѣдѣнію университетскаго суда подлежатъ:

1) Дѣла о нарушеніи студентами въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, установленнаго особыми правилами каждаго университета.

2) Всѣ столкновенія между студентами, съ одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университетскими съ другой стороны, хотя бы они произошли и внѣ зданій и учрежденій университета. — (См. § 127 проекта Устава).

3) Споры и иски между студентами, обвиненія противъ студентовъ со стороны ихъ товарищей въ поступкахъ, недостойныхъ студентскаго званія, а также частныя обвиненія и иски, когда истцы сами обратятся къ университетскому начальству со своими притязаніями.

4) Дѣла о маловажныхъ проступкахъ студентовъ, совершаемыхъ внѣ университета, когда виновные, для взысканія съ нихъ, отосланы будутъ къ университетскому начальству посторонними полицейскими, или иными властями и начальствами.

§ 4 (новый). Судъ самъ собою не вчинаетъ дѣлъ о проступкахъ студентовъ; онъ входитъ въ разбирательство ихъ не иначе, какъ по предъявленному со стороны обвиненію, или иску.

Въ дѣлахъ о преступленіяхъ, нарушающихъ порядокъ университетскій или общественный, должность обличителя исправляетъ проректоръ или лицо, къ тому уполномоченное проректоромъ.

§ 5 (новый). Каждый изъ судей имѣетъ власть примирительнаго разбирательства въ дѣлахъ, подсудныхъ университетскому суду, предварительно разсмотрѣнія этихъ дѣлъ судомъ.

§ 6 (новый). Дѣлопроизводство въ университетскомъ судѣ бываетъ устное, съ запискою въ книгу приговоровъ лишь краткаго изложенія дѣла и рѣшенія.

§ 7 (новый). Рѣшеніе составляется по большинству голосовъ. Состоявшійся приговоръ утверждается совѣтомъ, при чемъ въ засѣданіи совѣта судьи изъ профессоровъ могутъ присутствовать и давать объясненія, но воздерживаются отъ подачи голосовъ.

Въ отдѣленіи 2-мъ главы IV, «*о ректорѣ и деканахъ*», надлежало бы между §§ 67 и 68 вставить слѣдующее положеніе:

§ (новый). Въ чрезвычайныхъ случаяхъ ректору принадлежитъ право требовать помощи отъ военнаго или гражданскаго начальства. Въ первомъ за тѣмъ засѣданіи совѣта ректоръ обязанъ изложить причины, побудившія его къ предпринятію этой мѣры.

Главы V отдѣленіе 5 *объ обязанностяхъ учащихся* §§ 121—127 должно быть слѣдующимъ образомъ передѣлано:

§ 121. Студенты обязаны повиноваться университетскому начальству, соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный особыми правилами для лицъ учащихся. Каждому университету предоставляется составлять и представлять на утвержденіе министра такія правила, съ обозначеніемъ въ нихъ какъ дѣйствій запрещаемыхъ, такъ и соотвѣтствующихъ этимъ дѣйствіямъ взысканій.

§ 122. Въ случаѣ какихъ-нибудь общихъ предположеній, до устройства студентскаго быта касающихся, студенты обращаются къ проректору, который или самъ имъ разрѣшаетъ просимое, или представляетъ на усмотрѣніе совѣта.

§ 123 пропустить.

§ 124. Постороннимъ лицамъ за нарушеніе университетскихъ правилъ можетъ быть воспрещенъ, по распоряженію проректора, дальнѣйшій входъ въ университетъ. Недовольные распоряженіемъ проректора могутъ жаловаться совѣту. Въ случаѣ важныхъ, причиненныхъ въ университетѣ кѣмъ-нибудь

изъ постороннихъ безпорядковъ, распоряженіе о воспрещеніи ему входа въ университетъ можетъ быть опубликовано въ вѣдомостяхъ.

§ (Новый). Если нарушеніе университетскихъ правилъ студентомъ сопровождалось инымъ какимъ-либо тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ, то, по исключеніи виновнаго университетскимъ судомъ изъ числа студентовъ, онъ отсылается при копіи съ университетскаго приговора къ обыкновенному уголовному суду, для поступленія съ нимъ по законамъ.

§ (новый). Если лицо, которому входъ въ университетъ воспрещенъ, будетъ, не смотря на то, тамъ являться, то университетское начальство можетъ, по заарестованіи его, препроводить его въ полицію, а также сноситься съ полицейскими властями объ обязаніи его подпискою не ходить въ университетъ, о взятіи съ него въ томъ поручительства или денежнаго залога и даже, если онъ иногородный, о высылкѣ его на мѣсто его постояннаго жительства, съ поставленіемъ его подъ надзоръ мѣстной полиціи.

§ 125. Внѣ зданій и учрежденій университета студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи.

§ 126. Въ случаѣ задержанія студентовъ внѣ университета за преступленія и проступки, подлежащіе уголовному суду, полиція немедленно увѣдомляетъ о томъ университетское начальство, для командированія къ слѣдствію депутата. Должность депутата исправляетъ или проректоръ, или кто-либо изъ служащихъ въ университетѣ лицъ по назначенію проректора.

§ 127. Пропустить.

II. О чиновникахъ по административной и хозяйственной частямъ.

(Гл. IV, отд. IV, §§ 87—96).

Испр. должн. орд. проф. С.-Петербургскаго унив. **Березина**.

При разсмотрѣніи этого отдѣла, прежде всего, представляется вопросъ: распространяется ли наблюденіе чиновниковъ по административной части за студентами внѣ стѣнъ университета или должно ограничиваться только стѣнами его? Конечно, этотъ вопросъ входитъ въ отдѣлъ объ обязанностяхъ учащихся, но разсмотрѣніе его и при настоящемъ случаѣ, я полагаю, не будетъ излишнимъ: du choc des opinions jaillit la verité.

Въ замѣчаніяхъ на проектъ Устава подано четыре голоса въ пользу надзора за студентами внутри и внѣ университета: изъ нихъ директоръ лицея князя Безбородко Стеблинъ-Каминскій, инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго округа Шестаковъ и преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій, преимущественно указываютъ на Дерптскій университетъ, гдѣ проректоръ имѣетъ наблюденіе за студентами и внѣ университета и гдѣ университетскій судъ распространяется и на проступки студента за стѣнами университета; докторъ Цункъ, также отстаивающій это мнѣніе, выражается слѣдующимъ образомъ:

«Предложеніе надзирать за студентами только въ стѣнахъ университета, а внѣ оныхъ предоставлять ихъ другому вѣдомству и постороннему суду—непрактично, потому что студенты будутъ поставлены въ двойственныя отношенія, которыя непремѣнно поведутъ къ столкновеніямъ, не говоря уже о томъ, что подобная мѣра уничтожитъ авторитетъ университета. Она немыслима еще и потому, что студента надобно судить по кругу его идей и принимать во вниманіе его молодость, увлеченіе, неопытность, а общіе законы писаны для людей зрѣлыхъ и гражданъ самостоятельныхъ. За границей всѣмъ университетамъ предоставлено собственное судопроизводство, какъ драгоцѣнное преимущество; за то всякій университетъ добросовѣстно заботится о поддержаніи силы университетскихъ законовъ. Студентъ, считающій себя обиженнымъ, имѣетъ право перенести свое дѣло въ высшую инстанцію, жаловаться попечителю или министру, и подвергнуться вторичному приговору. Сознаніе строгой, законной справедливости рано пріучаетъ студента обдумывать свои поступки и въ борьбѣ съ стремленіемъ къ свободѣ, къ необузданности, столь свойственной юношескому возрасту, находить силу, немало содѣйствующую самостоятельности характера».

Намъ кажется, что, совершенно вопреки заявленію г. Цунка, порученіе надзора за студентами внѣ университета университетскому начальству есть мѣра въ высшей степени непрактичная или, яснѣе сказать, неисполнимая. Какія средства имѣетъ университетъ для того, чтобъ услѣдить за поведеніемъ студентовъ внѣ зданій университета? Въ высшей степени недостаточныя. Весьма справедливо объ этомъ говоритъ г. Вороновъ:

«Не только въ столичныхъ университетахъ, имѣющихъ огромное число слушателей, но и въ провинціальныхъ, едва ли есть какая-либо физическая возможность, для университетской полиціи, состоящей изъ инспектора и трехъ, четырехъ его помощниковъ, наблюдать за поступками студентовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ города. Да и въ чемъ долженъ заключаться здѣсь надзоръ? Въ бѣгломъ обзорѣ разъ въ годъ квартиры студента (а чаще нельзя). Какія данныя для сужденія о студентѣ можно извлечь изъ подобнаго наблюденія? Конечно, самыя жалкія, и что еще хуже, пожалуй, невѣрныя».

Съ своей стороны мы прибавимъ, что такіе набѣги на квартиру студента, живущаго у родителей, нарушаютъ неприкосновенность семейнаго жилища и во всякомъ случаѣ ставятъ студента въ положеніе школьника.

Далѣе г. Вороновъ продолжаетъ:

«При томъ, не безъ основанія замѣчаютъ нѣкоторые, что инспекторъ и его помощники, какъ лица, не принадлежащія къ учебному университетскому сословію, поставлены здѣсь въ ложную и несвойственную имъ роль воспитателей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судей. Но положимъ, что должность инспектора будетъ возложена на кого-либо изъ профессоровъ, и изъ среды профессорской будетъ образованъ судъ, на обязанности котораго будетъ лежать не только изслѣдованіе проступковъ, совершаемыхъ студентами въ университетѣ и внѣ университета, но и опредѣленіе исправительныхъ наказаній за эти проступки».

Именно этого и желаетъ докторъ Цункъ, преимущественно заботящійся о распространеніи университетскаго суда на проступки студентовъ за стѣнами университета. Г. Вороновъ весьма основательно отвергаетъ такую задачу, неисполнимую для университета, слѣдующими доводами:

«Въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, профессоръ-инспекторъ сдѣлается непремѣнно дурнымъ профессоромъ, потому что ему, при обязанности такого широкаго надзора за студентами, некогда будетъ заниматься наукой; а въ дѣлѣ науки кто не идетъ впередъ, тотъ отступаетъ назадъ.

«Далѣе, и самый судъ профессоровъ, при такой программѣ, ему задаваемой, будетъ заваленъ работой, и, главное, войдетъ, по дѣламъ студентскимъ внѣ университета, въ нескончаемую тяжбу съ посторонними вѣдомствами. Но можетъ, конечно, случиться и другое, т. е. дѣлъ почти вовсе не будетъ, если мѣстныя полицейскія власти, во избѣжаніе скандала и споровъ, будутъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ проступки студентовъ. Въ такомъ случаѣ, судъ профессорскій, въ качествѣ грозы надъ студентами, за дѣйствія ихъ внѣ университета, останется одною только формальностію, безъ всякаго воспитательнаго вліянія на молодыхъ людей. Однимъ словомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о надзорѣ за студентами внѣ университета, онъ кажется намъ одною формальностію, неосуществимою на дѣлѣ.

«По этимъ причинамъ, а не по эгоизму, какъ думаютъ нѣкоторые, весьма благонамѣренные и просвѣщенные люди, университетъ долженъ отказаться отъ мысли имѣть надзоръ за студентами, съ соразмѣрною ему отвѣтственностью за нихъ внѣ университета, и ограничиться воспитаніемъ своихъ слушателей посредствомъ науки и надзоромъ за ними только въ стѣнахъ университета. Такой надзоръ, состоящій въ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ и благочиніемъ въ самомъ университетѣ, дѣйствительно, лучше всего было бы поручать одному изъ профессоровъ, по избранію совѣта.

«Скажутъ, что, при устраненіи университетскаго начальства отъ наблюденія за студентами внѣ университета, можетъ иногда пострадать невинно какой-нибудь бѣдный студентъ; но за то, въ большей части случаевъ, студенты, лишенные возможности становиться подъ защиту цѣлой корпораціи, будутъ вести себя осторожнѣе внѣ университета и избѣгать столкновеній съ мѣстными полицейскими властями. Вѣдь студенты, хотя и молодые люди, но уже не дѣти, и пусть же они, какъ и всѣ граждане, изъ самой жизни почерпаютъ для себя нравственные уроки. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка будетъ уменьшеніе студентскихъ исторій внѣ университета, развитіе бо̀льшой самостоятельности характера молодыхъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, и образованіе въ нихъ доброй воли, составляющее одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія».

Нельзя не согласиться вполнѣ со всѣми этими выводами, имѣющими практическій смыслъ. Примѣръ Дерптскаго университета, на который такъ согласно указываютъ защитники надзора за студентами внѣ университетскихъ зданій, не можетъ быть примѣненъ къ Русскимъ университетамъ: потому что въ Дерптѣ первая роль принадлежитъ университету и все здѣсь устроено въ видахъ соблюденія университетскихъ интересовъ, а это въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, совершенно немыслимо. При томъ чего желаютъ, подчиняя студентовъ одному университетскому начальству? Конечно, стараются избѣжать черезъ то столкновеній съ посторонними вѣдомствами, въ особенности съ полиціей. Но этою мѣрою столкновенія не устраняются, а только усложняются, потому что, кромѣ студентовъ, вовлекается въ полицейскія дѣла и университетское начальство. Г. Цункъ утверждаетъ, что, при отсутствіи уни-

II. О чиновникахъ по административной и хозяйственной частямъ.

(Гл. IV, отд. IV, §§ 87—96).

Испр. должн. орд. проф. С.-Петербургскаго унив. **Березина**.

При разсмотрѣніи этого отдѣла, прежде всего, представляется вопросъ: распространяется ли наблюденіе чиновниковъ по административной части за студентами внѣ стѣнъ университета или должно ограничиваться только стѣнами его? Конечно, этотъ вопросъ входитъ въ отдѣлъ объ обязанностяхъ учащихся, но разсмотрѣніе его и при настоящемъ случаѣ, я полагаю, не будетъ излишнимъ: du choc des opinions jaillit la verité.

Въ замѣчаніяхъ на проектъ Устава подано четыре голоса въ пользу надзора за студентами внутри и внѣ университета: изъ нихъ директоръ лицея князя Безбородко Стеблинъ-Каминскій, инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго округа Шестаковъ и преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій, преимущественно указываютъ на Дерптскій университетъ, гдѣ проректоръ имѣетъ наблюденіе за студентами и внѣ университета и гдѣ университетскій судъ распространяется и на проступки студента за стѣнами университета; докторъ Цункъ, также отстаивающій это мнѣніе, выражается слѣдующимъ образомъ:

«Предложеніе надзирать за студентами только въ стѣнахъ университета, а внѣ оныхъ предоставлять ихъ другому вѣдомству и постороннему суду—непрактично, потому что студенты будутъ поставлены въ двойственныя отношенія, которыя непремѣнно поведутъ къ столкновеніямъ, не говоря уже о томъ, что подобная мѣра уничтожитъ авторитетъ университета. Она немыслима еще и потому, что студента надобно судить по кругу его идей и принимать во вниманіе его молодость, увлеченіе, неопытность, а общіе законы писаны для людей зрѣлыхъ и гражданъ самостоятельныхъ. За границей всѣмъ университетамъ предоставлено собственное судопроизводство, какъ драгоцѣнное преимущество; за то всякій университетъ добросовѣстно заботится о поддержаніи силы университетскихъ законовъ. Студентъ, считающій себя обиженнымъ, имѣетъ право перенести свое дѣло въ высшую инстанцію, жаловаться попечителю или министру, и подвергнуться вторичному приговору. Сознаніе строгой, законной справедливости рано пріучаетъ студента обдумывать свои поступки и въ борьбѣ съ стремленіемъ къ свободѣ, къ необузданности, столь свойственной юношескому возрасту, находить силу, немало содѣйствующую самостоятельности характера».

Намъ кажется, что, совершенно вопреки заявленію г. Цунка, порученіе надзора за студентами внѣ университета университетскому начальству есть мѣра въ высшей степени непрактичная или, яснѣе сказать, неисполнимая. Какія средства имѣетъ университетъ для того, чтобъ услѣдить за поведеніемъ студентовъ внѣ зданій университета? Въ высшей степени недостаточныя. Весьма справедливо объ этомъ говоритъ г. Вороновъ:

«Не только въ столичныхъ университетахъ, имѣющихъ огромное число слушателей, но и въ провинціальныхъ, едва ли есть какая-либо физическая возможность, для университетской полиціи, состоящей изъ инспектора и трехъ, четырехъ его помощниковъ, наблюдать за поступками студентовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ города. Да и въ чемъ долженъ заключаться здѣсь надзоръ? Въ бѣгломъ обзорѣ разъ въ годъ квартиры студента (а чаще нельзя). Какія данныя для сужденія о студентѣ можно извлечь изъ подобнаго наблюденія? Конечно, самыя жалкія, и что еще хуже, пожалуй, невѣрныя».

Съ своей стороны мы прибавимъ, что такіе набѣги на квартиру студента, живущаго у родителей, нарушаютъ неприкосновенность семейнаго жилища и во всякомъ случаѣ ставятъ студента въ положеніе школьника.

Далѣе г. Вороновъ продолжаетъ:

«При томъ, не безъ основанія замѣчаютъ нѣкоторые, что инспекторъ и его помощники, какъ лица, не принадлежащія къ учебному университетскому сословію, поставлены здѣсь въ ложную и несвойственную имъ роль воспитателей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судей. Но положимъ, что должность инспектора будетъ возложена на кого-либо изъ профессоровъ, и изъ среды профессорской будетъ образованъ судъ, на обязанности котораго будетъ лежать не только изслѣдованіе проступковъ, совершаемыхъ студентами въ университетѣ и внѣ университета, но и опредѣленіе исправительныхъ наказаній за эти проступки».

Именно этого и желаетъ докторъ Цункъ, преимущественно заботящійся о распространеніи университетскаго суда на проступки студентовъ за стѣнами университета. Г. Вороновъ весьма основательно отвергаетъ такую задачу, неисполнимую для университета, слѣдующими доводами:

«Въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, профессоръ-инспекторъ сдѣлается непремѣнно дурнымъ профессоромъ, потому что ему, при обязанности такого широкаго надзора за студентами, некогда будетъ заниматься наукой; а въ дѣлѣ науки кто не идетъ впередъ, тотъ отступаетъ назадъ.

«Далѣе, и самый судъ профессоровъ, при такой программѣ, ему задаваемой, будетъ заваленъ работой, и, главное, войдетъ, по дѣламъ студентскимъ внѣ университета, въ нескончаемую тяжбу съ посторонними вѣдомствами. Но можетъ, конечно, случиться и другое, т. е. дѣлъ почти вовсе не будетъ, если мѣстныя полицейскія власти, во избѣжаніе скандала и споровъ, будутъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ проступки студентовъ. Въ такомъ случаѣ, судъ профессорскій, въ качествѣ грозы надъ студентами, за дѣйствія ихъ внѣ университета, останется одною только формальностію, безъ всякаго воспитательнаго вліянія на молодыхъ людей. Однимъ словомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о надзорѣ за студентами внѣ университета, онъ кажется намъ одною формальностію, неосуществимою на дѣлѣ.

«По этимъ причинамъ, а не по эгоизму, какъ думаютъ нѣкоторые, весьма благонамѣренные и просвѣщенные люди, университетъ долженъ отказаться отъ мысли имѣть надзоръ за студентами, съ соразмѣрною ему отвѣтственностью за нихъ внѣ университета, и ограничиться воспитаніемъ своихъ слушателей посредствомъ науки и надзоромъ за ними только въ стѣнахъ университета. Такой надзоръ, состоящій въ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ и благочиніемъ въ самомъ университетѣ, дѣйствительно, лучше всего было бы поручать одному изъ профессоровъ, по избранію совѣта.

«Скажутъ, что, при устраненіи университетскаго начальства отъ наблюденія за студентами внѣ университета, можетъ иногда пострадать невинно какой-нибудь бѣдный студентъ; но за то, въ большей части случаевъ, студенты, лишенные возможности становиться подъ защиту цѣлой корпораціи, будутъ вести себя осторожнѣе внѣ университета и избѣгать столкновеній съ мѣстными полицейскими властями. Вѣдь студенты, хотя и молодые люди, но уже не дѣти, и пусть же они, какъ и всѣ граждане, изъ самой жизни почерпаютъ для себя нравственные уроки. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка будетъ уменьшеніе студентскихъ исторій внѣ университета, развитіе бо̀льшой самостоятельности характера молодыхъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, и образованіе въ нихъ доброй воли, составляющее одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія».

Нельзя не согласиться вполнѣ со всѣми этими выводами, имѣющими практическій смыслъ. Примѣръ Дерптскаго университета, на который такъ согласно указываютъ защитники надзора за студентами внѣ университетскихъ зданій, не можетъ быть примѣненъ къ Русскимъ университетамъ: потому что въ Дерптѣ первая роль принадлежитъ университету и все здѣсь устроено въ видахъ соблюденія университетскихъ интересовъ, а это въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, совершенно немыслимо. При томъ чего желаютъ, подчиняя студентовъ одному университетскому начальству? Конечно, стараются избѣжать черезъ то столкновеній съ посторонними вѣдомствами, въ особенности съ полиціей. Но этою мѣрою столкновенія не устраняются, а только усложняются, потому что, кромѣ студентовъ, вовлекается въ полицейскія дѣла и университетское начальство. Г. Цункъ утверждаетъ, что, при отсутствіи уни-

верситетскаго надзора за студентами внѣ университета, послѣдніе ставятся въ двойственныя отношенія, но въ такихъ же точно двойственныхъ отношеніяхъ находятся и всѣ состоящіе въ государственной службѣ, и однако никто на это не жалуется.

Наконецъ, для насъ чрезвычайно важно то обстоятельство, что ни одинъ совѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній не заявилъ желанія освободить студентовъ отъ общаго полицейскаго надзора за стѣнами университета, и что слѣдовательно намъ не остается въ этомъ случаѣ ничего болѣе, какъ согласоваться съ единогласнымъ указаніемъ университетскихъ совѣтовъ. Не отвергаемъ, что подчиненіе студентовъ только одному университетскому начальству имѣетъ свои хорошія стороны, но невыгоды такой мѣры, а главное неудобоисполнимость ея заставляютъ рѣшительно отказаться отъ нея.

За тѣмъ выступаетъ на очередь другой вопросъ: проректору ли изъ профессоровъ или инспектору изъ постороннихъ лицъ долженъ быть порученъ надзоръ за студентами въ стѣнахъ университета? Этотъ вопросъ, входящій всецѣло въ IV отдѣленіе четвертой главы проекта Устава, требуетъ тщательнаго обсужденія.

Въ иностранныхъ университетахъ не существуетъ инспектора студентовъ. Должность эта возникла у насъ по уставу 1804 года для казеннокоштныхъ студентовъ, но занималъ ее профессоръ по выбору совѣта, подчиненный исключительно ректору? Это продолжалось до 1835 года. Тѣ, которые застали въ университетахъ еще старые порядки, конечно, помнятъ, какимъ вліяніемъ на студентовъ пользовался инспекторъ-профессоръ и въ какихъ пріязненныхъ отношеніяхъ стояли къ нему студенты, обращавшіеся къ инспектору за всѣми своими нуждами. По уставу 1835 года, инспекція отдѣлена отъ университетскаго вѣдомства, и перешла совершенно въ постороннія руки: инспекторъ избирался изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ попечителемъ и отъ него одного зависѣлъ непосредственно. Съ этого времени измѣнились и отношенія студентовъ къ инспектору, въ которомъ они видѣли, по крайней мѣрѣ, человѣка совершенно чуждаго ихъ интересамъ и понятіямъ. Приводимый г. Дмитріевымъ въ примѣръ инспекторъ студентовъ Московскаго университета Нахимовъ составляетъ исключеніе, на которое можно насчитать десятки инспекторовъ, не пользовавшихся ни довѣріемъ, ни уваженіемъ студентовъ. Самые луч-

шіе и благонамѣренные изъ инспекторовъ не достигали очень часто своего назначенія лишь потому, что были чужды тому кругу, въ которомъ приходилось имъ дѣйствовать. Въ замѣчаніяхъ на проектъ Устава мы находимъ довольно мнѣній въ подтвержденіе сказаннаго нами. Совѣтъ лицея князя Безбородко выражается о должности инспектора студентовъ такимъ образомъ:

«Опытъ показалъ, что качества, которыми до сихъ поръ отличались инспекторы университетовъ, и которыхъ они, по своему особенному положенію, оставить не могутъ, были только причиною озлобленія студентовъ и дерзкихъ выходокъ,—чего, конечно, никогда не былобы, еслибы право инспектора передать проректору, выбираемому изъ почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ профессоровъ, понимающихъ не всегда умѣренную, но благородную натуру студентовъ, и умѣющихъ ограничить ее разумнымъ вліяніемъ.»

Подобное мнѣніе представилъ и директоръ лицея князя Безбородко Стеблинъ-Каминскій:

«Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что упадокъ авторитета учебныхъ властей (кромѣ общаго хода современныхъ идей) болѣе всего произошелъ отъ внѣшней полиціи, составленной не изъ ученыхъ членовъ совѣта университета..... Зачѣмъ же поддерживать это вредное начало (инспектора), доказавшее всю свою несостоятельность въ дѣлѣ образованія?»

Дѣйствительно, нельзя не припомнить, что занятія науками въ университетахъ постепенно слабѣютъ съ утвержденіемъ формальнаго надзора инспекторовъ: нравственная связь между профессорами и студентами разрывается, и отъ того, какъ замѣчаетъ г. Стеблинъ-Каминскій, происходитъ упадокъ авторитета представителей науки, что̀ тѣсно связано съ нерадѣніемъ и къ самому ученію. Какъ, съ одной стороны, нравственныя правила студентовъ основывались не на собственномъ сознаніи и убѣжденіи, такъ, съ другой стороны, и занятія наукой являются не вслѣдствіе любви къ ней, а по разнымъ постороннимъ соображеніямъ.

Членъ главнаго правленія училищъ г. Гаевскій о должности инспектора студентовъ пишетъ:

«Многолѣтній опытъ доказалъ несостоятельность званія инспекторовъ, которые никогда не могли имѣть сильнаго вліянія на духъ впечатлительной молодежи, и даже нерѣдко дѣй-

ствіями своими вызывали студентовъ на демонстраціи противъ университетской полиціи.»

Кромѣ этихъ приговоровъ, произнесенныхъ званію инспектора студентовъ на основаніи прошедшей опытности, кромѣ этого практическаго отрицанія посторонней, чисто-формальной инспекціи надъ студентами, мы находимъ въ замѣчаніяхъ на проектъ Устава очень много возраженій, вытекающихъ изъ началъ болѣе отвлеченныхъ. Такъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа Витте на слѣдующихъ основаніяхъ отвергаетъ инспекторство изъ постороннихъ лицъ:

«Лице, избранное въ эту должность, должно въ одинаковой мѣрѣ пользоваться довѣріемъ университетскаго совѣта, слушателей и образованной публики. Кто же, какъ не профессоръ, чтимый совѣтомъ и слушателями за нравственныя достоинства, за любовь къ наукѣ и сочувствіе университету, можетъ представить необходимыя гарантіи для этого всеобщаго уваженія и довѣрія? На возраженіе, что болѣе или менѣе полицейскій характеръ должности проректора несовмѣстимъ съ высокимъ званіемъ представителя науки, я позволю себѣ замѣтить, что въ лицѣ профессора именно вовсе изгладится полицейская сторона этой обязанности, и на первый планъ непремѣнно станетъ нравственное отношеніе профессора къ студентамъ, отъ котораго именно и надобно ожидать самаго благотворнаго вліянія на духъ и направленіе университетскихъ слушателей. Проектъ, съ одной стороны, ввѣряя инспектору осуществленіе одной изъ важнѣйшихъ задачъ университетской жизни—водвореніе правильныхъ отношеній между правительственными видами и слушателями, а съ другой—не признавая инспектора полноправнымъ членомъ университета, по моему мнѣнію, прямо подрываетъ его авторитетъ въ глазахъ слушателей, и тѣмъ колеблетъ одну изъ важнѣйшихъ опоръ будущаго нормальнаго развитія университетской жизни. Означенная въ § 87 власть, ввѣренная постороннему лицу, неминуемо обратится въ простую формальность, и чрезъ это въ неизсякаемый источникъ недоразумѣній и столкновеній, столь пагубныхъ для согласія совѣта съ слушателями,—между тѣмъ какъ та же власть въ рукахъ уважаемаго профессора послужитъ къ скрѣпленію этого союза на благо отечественной цивилизаціи».

Помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа Михневичъ говоритъ о проректорствѣ почти то же самое:

«Проректорство, замѣняющее собою безвліятельное состояніе нынѣшней инспекціи, даетъ надежду, что возстановляемое мало по малу научно-нравственное вліяніе учащихъ на учащихся приведетъ наконецъ тѣхъ и другихъ въ должныя взаимныя отношенія и скрѣпитъ связь между ними личнымъ довѣріемъ и уваженіемъ».

Директоръ лицея князя Безбородко Стеблинъ-Каминскій утверждаетъ то же:

«Трудно допустить, чтобы инспекторъ, избираемый изъ стороннихъ чиновниковъ, могъ быть полезенъ въ университетѣ. Если подъ инспекторомъ разумѣется сила принудительная и физическая, то она слишкомъ ничтожна, даже въ совокупности со всѣми субъ-инспекторами и педелями; если же сила нравственная— то, конечно, ея гораздо болѣе будетъ у проректора, избираемаго изъ профессоровъ». Преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій, держится того же мнѣнія: «Не лучше ли положить общимъ правиломъ, говоритъ онъ, назначать всегда проректора или инспектора изъ членовъ университета? Такое лице будетъ всегда имѣть и болѣе авторитета и вліянія».

Изъ многихъ другихъ мнѣній, отвергающихъ инспекторство студентовъ изъ постороннихъ лицъ, мы приведемъ еще слова доктора Цунка и профессора Спасовича:

«Система инспекторства и т. п., говоритъ г. Цункъ, основывается столько же на неправильномъ пониманіи духа студенчества, сколько на недовѣріи, и уже по этой причинѣ возбуждаетъ противодѣйствіе, слѣдовательно, должна быть отмѣнена въ интересахъ университетовъ. Если университетъ есть дѣйствительно то, чѣмъ онъ долженъ быть—высшее училище образованія ума и нравовъ, то и студенты, сознавая такое назначеніе, покажутъ себя достойными его и будутъ согласовать съ нимъ свое поведеніе. Опека же, начало отжившаго времени, наименѣе самостоятельна относительно студентовъ».

Профессоръ Спасовичъ говоритъ: «Отъ совѣта in corpore и не потребуется особенной отваги при управленіи студентами. Ему придется выбрать только хорошаго профессора и праведныхъ судей и оказывать этимъ выборнымъ лицамъ нравственное содѣйствіе и поддержку. Совѣтъ съумѣетъ отыскать въ средѣ своей человѣка благоразумнаго и энергическаго, который возьметъ на себя хлопотливую, правда, но весьма почетную должность проректора и будетъ крѣпко охранять прерогативы

своей власти, зная, что онъ стоитъ за свое сословіе, за свободу преподаванія, за интересы науки».

Приведенныхъ доводовъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ безполезности и даже вредѣ инспектора студентовъ изъ постороннихъ лицъ. Остается теперь только узнать, какъ взглянули на этотъ вопросъ наиболѣе въ немъ заинтересованные — профессоры университетовъ и университетскіе совѣты.

Изъ всѣхъ университетскихъ совѣтовъ, только совѣтъ Московскаго университета выразился въ пользу инспекторства изъ стороннихъ лицъ, на слѣдующемъ основаніи:

«Имѣя въ виду, что полицейскія обязанности, которыя вызываютъ мелочныя столкновенія, несовмѣстимы со званіемъ профессора и съ нравственнымъ вліяніемъ преподавателя на студентовъ, о чемъ совѣтъ имѣлъ уже честь донести министру народнаго просвѣщенія, совѣтъ полагаетъ необходимымъ выразить оба §§ (87 и 88) слѣдующимъ образомъ:

«Наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ, установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей, возлагается *на инспектора*, *избираемаго правленіемъ изъ стороннихъ лицъ, съ утвержденія попечителя»* *).

Относительно несостоятельности предположенія, будто полицейско-университетскія обязанности несовмѣстны со званіемъ профессора, мы имѣли случай привести выше справедливое возраженіе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа Витте; къ этому можно еще прибавить замѣчанія гг. Пирогова и Цунка. Первый изъ нихъ говоритъ:

«Званіе инспектора желательно было бы вовсе уничтожить. Хотя въ объяснительной запискѣ къ проекту и сказано, что «нѣкоторые университеты встрѣтили препятствія (которыя и признаны уважительными) въ возложеніи обязанности наблюдать за исполненіемъ университетскихъ правилъ студентами на одного изъ членовъ совѣта»; но если разбирательству университета будутъ подлежать только нарушенія порядка студентами въ университетскихъ зданіяхъ, то мнѣ казалось бы,

*) Профессоръ Сомовъ, на томъ же основаніи, отрицаетъ должность проректора, но полагаетъ, что инспекторъ вовсе не нуженъ и что для наблюденія за порядкомъ въ университетѣ достаточно одного экзекутора. Одинокость этого мнѣнія уже тѣмъ самымъ указываетъ на его непримѣнимость къ практикѣ.

что нельзя эти препятствія считать уважительными. Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ членовъ совѣта или факультета не имѣетъ права отказаться отъ обязанности наблюдать за порядкомъ въ его аудиторіи, во время лекціи, и кто же, какъ не самъ преподаватель, водворяетъ тишину и порядокъ въ своей аудиторіи? Еще менѣе можетъ отказаться ректоръ отъ наблюденія за порядкомъ въ зданіи университета. Если же члены совѣта нѣкоторыхъ университетовъ полагаютъ, что ихъ авторитетъ въ настоящее время слишкомъ слабъ для того, чтобы удержать порядокъ въ зданіяхъ университета и въ отношеніяхъ студентовъ къ преподавателямъ, то что̀ можетъ сдѣлать авторитетъ лица, избираемаго изъ постороннихъ чиновниковъ»?

Г. Цункъ въ своихъ замѣчаніяхъ пишетъ:

«Профессоръ, не могущій поддержать порядка въ своей аудиторіи, не можетъ быть терпимъ ни на каѳедрѣ, ни въ университетѣ. Уваженіе къ наукѣ и къ ея преподавателямъ такъ велико въ студентахъ, что рѣдко кто изъ нихъ забудется противъ профессора безъ уважительной причины; а еслибы это и случилось, то здравый смыслъ товарищей обуздаетъ подобнаго невѣжду. Тамъ же, гдѣ вся важность полагается въ формѣ, а не въ сущности дѣла; гдѣ профессоры считаютъ свое положеніе, какъ чиновниковъ, выше своего сана, какъ наставниковъ юношества и жрецовъ науки, — тамъ, конечно, нечего ждать уваженія къ нимъ студентовъ. Самъ университетъ имѣетъ средства предупреждать проступки противъ приличія и уваженія къ законамъ».

Важность воспитательнаго элемента университетовъ и нравственнаго вліянія профессоровъ на слушателей развита въ замѣчаніяхъ гг. Н. Л. и Гоярина. Первый изъ нихъ говоритъ:

«Воспитательный элементъ университетовъ имѣетъ свой особенный характеръ, соотвѣтствующій возрасту студентовъ: не стѣсняя нисколько свободы ихъ дѣятельности, онъ служитъ имъ только пособіемъ и опорою въ ихъ трудной и новой для нихъ работѣ надъ самовоспитаніемъ, предохраняетъ отъ увлеченій и крайностей, неизбѣжныхъ въ этомъ возрастѣ, въ случаяхъ уклоненій отъ нравственнаго порядка помогаетъ совѣтомъ и руководствомъ, и только въ случаѣ вредной для другихъ нравственной порчи, удаляетъ опаснаго члена изъ общества студентовъ».

Г. Гояринъ пишетъ по поводу значенія Московскихъ профессоровъ Грановскаго и Кудрявцева:

«Ихъ воззрѣнія на науку, ихъ любовь къ предмему, ихъ нравственныя убѣжденія отражались въ урокахъ преподавателей, и воспитанники гимназіи знали и любили Грановскаго и Кудрявцева прежде, чѣмъ получали возможность слушать ихъ. Такое вліяніе зависитъ отъ личности университетскихъ преподавателей, и никакое оффиціальное распоряженіе ввести его не можетъ. Стремленіе имѣть оффиціальное вліяніе обнаруваетъ только *безсиліе имѣть вліяніе нравственное...*».

Что совѣтъ Московскаго университета неправильно отнесся къ вопросу объ инспекціи, видно и изъ того разногласія, которое произошло между членами совѣта относительно подчиненія инспектора ректору, правленію или попечителю. Большинство членовъ совѣта, подчиняя его ректору и правленію, полагаетъ, что мѣры, исходящія отъ корпораціи преподавателей, имѣютъ для студентовъ болѣе нравственно - обязательной силы и что, при усиленіи самоуправленія университетовъ, преподаватели не должны отклонять отъ себя непріятныхъ обязанностей и отвѣтственности. Не производитъ ли этими двумя положеніями совѣтъ рѣшительнаго осужденія системѣ инспекціи лица, не принадлежащаго къ сословію профессоровъ? Невѣрный взглядъ совѣта на этотъ предметъ становится еще яснѣе при обсужденіи вопроса: кѣмъ избирается инспекторъ? Большинство членовъ совѣта рѣшило возложить это на правленіе; но г. сенаторъ Ребиндеръ справедливо замѣчаетъ, что профессоры не могутъ достаточно знать посторонняго чиновника, для врученія ему такой трудной обязанности, какъ надзоръ за студентами. Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, профессоръ Московскаго университета Дмитріевъ и сенаторъ Ребиндеръ предлагаютъ вполнѣ возвратиться къ прежнему порядку, къ формально-полицейскому наблюденію и къ двойственности властей, т. е. къ тому, что отрицается проектомъ устава и всѣми замѣчаніями на него. Невозможность подобнаго рѣшенія вопроса слишкомъ очевидна.

Хотя въ объяснительной запискѣ къ проекту устава и сказано, что нѣкоторые университеты встрѣтили особыя препятствія къ порученію надзора за студентами проректору изъ профессоровъ, однако изъ сличенія отзывовъ университетскихъ совѣтовъ и профессоровъ видно, что только одинъ совѣтъ Мо-

сковскаго университета призналъ нужнымъ удержать инспектора изъ постороннихъ чиновниковъ. Совѣты университетовъ Казанскаго, Харьковскаго и св. Владиміра допускаютъ одинаково проректора и инспектора, равно какъ и совѣтъ Ришельевскаго лицея; совѣты же лицеевъ князя Безбородко и Демидовскаго весьма рѣшительно протестуютъ противъ назначенія инспектора изъ стороннихъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ сводъ критически разсмотрѣнныхъ мнѣній по вопросу о надзорѣ за слушателями университетскихъ лекцій приводитъ насъ къ заключенію, по нашему убѣжденію весьма справедливому, что надзоръ университетскій за слушателями не простирается далѣе стѣнъ университета и что онъ долженъ быть порученъ проректору изъ профессоровъ, котораго избираетъ совѣтъ и который, подчиняясь ректору и совѣту, дѣйствуетъ по инструкціи, данной ему совѣтомъ. Затѣмъ всѣ относящіяся до сего §§ проекта устава, сообразно сему выводу, должны быть изложены такъ:

§ 7. Въ совѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры, адъюнкты и доценты, занимающіе самостоятельныя каѳедры, и проректоръ.

§ 8. Равнымъ образомъ присутствуетъ въ ономъ (въ правленіи), какъ членъ, проректоръ.

§ 68. Въ случаѣ болѣзни или отлучки ректора, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ декановъ.

§ 87. Наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ, установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей, возлагается на проректора, избираемаго совѣтомъ университета изъ среды своихъ членовъ.

§ 88. Проректоръ избирается на два года и утверждается министромъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія проректора, должность его исправляетъ кандидатъ, заблаговременно избираемый совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ и утверждаемый министромъ. Кандидатъ пользуется жалованьемъ проректора за все время исправленія должности.

§ 89. Проректоръ дѣйствуетъ по данной ему отъ совѣта инструкціи, утвержденной попечителемъ и основанной на подлежащихъ параграфахъ сего устава. Въ случаяхъ, превышающихъ власть, предоставленную проректору, онъ входитъ съ представленіями въ совѣтъ; при безотлагательной же спѣшно-

сти дѣла, проректоръ дѣйствуетъ съ разрѣшенія ректора, который потомъ вноситъ все дѣло въ университетскій совѣтъ. Проректоръ обязанъ принимать жалобы и просьбы студентовъ въ предѣлахъ своей власти и давать имъ надлежащій ходъ, въ случаѣ ихъ основательности; онъ производитъ изслѣдованіе о проступкахъ студентовъ въ зданіи университета и передаетъ ихъ на рѣшеніе университетскаго суда, смотря по степени ихъ важности.

§ 90. Въ помощь проректору для наблюденія за порядкомъ, назначается нѣсколько помощниковъ, а для дѣлопроизводства— секретарь, входящій въ составъ канцеляріи университета. Лица эти избираются проректоромъ изъ окончившихъ университетскій курсъ, одобряются совѣтомъ и утверждаются попечителемъ.

Избраніе проректора на два года основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: болѣе продолжительный срокъ можетъ отвлечь профессора отъ своей науки; меньшій же терминъ неудобенъ по экономическимъ соображеніямъ избираемаго въ проректоры профессора, получающаго съ своимъ званіемъ и квартиру въ университетѣ; кто же изъ профессоровъ согласится на годичный переѣздъ со всѣмъ семействомъ и при томъ ради такой хлопотливой должности? Двухгодичный срокъ для проректора назначаютъ и большая часть профессоровъ (Кавелинъ, Мухлинскій и др.). Обязанность проректора служить заступникомъ студентовъ выражается, между прочимъ, въ мнѣніи директора Московской второй гимназіи Авилова, предпочитающаго проректорство инспекціи, весьма справедливо, такъ:

«Кромѣ обязанности наблюдать за исполненіемъ установленныхъ для студентовъ и слушателей правилъ, предоставить имъ (проректору или инспектору) право быть ближайшими защитниками ихъ интересовъ, такъ, чтобы студенты могли всегда обращаться къ нимъ по всѣмъ своимъ университетскимъ нуждамъ.

«Такое соединеніе обязанности взыскивать со студентовъ съ правомъ быть ихъ *законнымъ* защитникомъ поставило бы и проректора и инспектора въ самыя выгодныя отношенія къ студентамъ, снявъ съ ихъ дѣятельности исключительно принудительный характеръ полицейскаго чиновника.»

Избраніе помощниковъ и секретаря проректора должно, по всей справедливости, принадлежать самому проректору, такъ какъ онъ подвергается за нихъ отвѣтственности; замѣчаніе это мы находимъ у профессора Кавелина и директора второй Мо-

сковской гимназіи Авилова. Профессоръ Андреевскій и преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій, находятъ помощниковъ проректора лишними; но стоитъ только вспомнить, что въ нѣкоторыхъ университетахъ читается въ одинъ часъ до двадцати и болѣе лекцій, на которыя ходитъ одновременно до тысячи слушателей, и тогда становится очевидною невозможность одному лицу имѣть надзоръ за такой массой слушателей и заниматься разборомъ ихъ дѣлъ.

Остальная часть отдѣленія IV должна быть изложена, сообразно замѣчаніямъ на проектъ устава, слѣдующимъ образомъ:

§ 91. Библіотекарь и помощники его избираются и утверждаются совѣтомъ. По выслугѣ срока на полную пенсію, библіотекарь подвергается вторичному избранію, на основаніи § 81. Въ должность библіотекаря могутъ быть избираемы, по усмотрѣнію совѣта, постороннія лица, а за неимѣніемъ въ виду таковыхъ, и профессоры университета; послѣдніе сохраняютъ свое званіе.

Должность библіотекаря не нуждается въ утвержденіи министра и, по ученому значенію своему, должна пользоваться относительно пенсіи правами профессорскаго званія. Назначеніе же профессоровъ въ библіотекари допускается и въ Русскихъ и въ заграничныхъ университетахъ.

§ 92. Архитекторъ, казначей, бухгалтеръ, ученый садовникъ и механикъ избираются и утверждаются совѣтомъ. Должность архитектора можетъ занимать и преподаватель строительнаго искусства.

Измѣненія въ этомъ § произведены согласно замѣчанію совѣта Московскаго университета, который справедливо предлагаетъ упомянуть о консерваторахъ или хранителяхъ кабинетовъ и музеевъ, медицинскихъ чиновникахъ и другихъ въ § 79, гдѣ долженъ быть помѣщенъ и врачъ университетскій, если только онъ будетъ признанъ нужнымъ. Должности казначея и бухгалтера необходимо удержать для хозяйственной части.

Согласно предложенному г. Ведровымъ (Журн. засѣд. уч. ком. № 2) измѣненію въ отношеніяхъ университета къ попечителю, званіе синдика становится лишнимъ, что̀ было выражено уже въ замѣчаніяхъ г. попечителя Московскаго учебнаго округа Исакова и профессора Спасовича. Послѣдній приводитъ слѣдующіе убѣдительные доводы:

«Зачѣмъ быть въ совѣтѣ синдику-надзорщику, напоминающему членамъ совѣта о законѣ и протестующему противъ незаконныхъ постановленій? Уставъ университетскій не столь обширенъ и не столь сложенъ, чтобы для толкованія его надобно было держать при совѣтѣ особаго юриста-техника. Притомъ въ составъ совѣта входитъ и не одинъ юристъ-техникъ: въ немъ засѣдаютъ члены юридическаго факультета. Синдикъ слишкомъ низко поставленъ въ отношеніи къ совѣту, чтобы онъ могъ надзирать за совѣтомъ и дѣлать ему наставленія. Настоящимъ надзирателемъ за совѣтомъ и сберегателемъ въ университетѣ государственныхъ интересовъ можетъ быть только лицо, стоящее выше совѣта, то есть попечитель. Функціи попечителя только и должны бы ограничиваться наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы саморазвитіе университета не совершалось въ ущербъ цѣлому государству и согласовалось съ общими интересами народнаго воспитанія.»

Такимъ образомъ § 93 долженъ быть выраженъ такъ:

§ 93. Правитель канцеляріи университета избирается совѣтомъ изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень по юридическому факультету и утверждается попечителемъ. Онъ управляетъ всею канцеляріей университета по дѣлопроизводству и подчиненъ непосредственно ректору.

Предполагая, что правленіе будетъ составлять часть университетскаго совѣта, необходимо слѣдующіе за тѣмъ §§ изложить такимъ образомъ, на основаніи замѣчаній на проектъ устава:

§ 94. Секретарей совѣта и правленія избираетъ и утверждаетъ совѣтъ изъ лицъ, окончившихъ университетскій курсъ.

Экзекутора избираетъ ректоръ и утверждаетъ совѣтъ.

§ 95. Всѣ, поименованныя въ этомъ отдѣленіи лица, увольняются отъ службы порядкомъ, изъясненнымъ въ §§ 80 и 83 сего устава.

§ 96. Служащихъ по найму опредѣляетъ и увольняетъ ректоръ.

По справедливому замѣчанію профессора Кавелина, канцелярскіе чиновники могутъ быть замѣнены служащими по найму, въ особенности при сокращеніи дѣлопроизводства въ университетской канцеляріи. Что же касается замѣчаній профессоровъ Кавелина, Бекетова и другихъ объ утвержденіи совѣтомъ секретарей и разныхъ другихъ лицъ, то, мнѣ кажется,

лучше предоставить это утвержденіе попечителю, дабы совѣтъ, при назначеніи административныхъ и другихъ чиновниковъ, подвергался нѣкоторому контролю.

Къ отдѣленію IV-му главы IV проекта устава весьма близко относится и III отдѣленіе III-й главы—о канцеляріи. Сообразно изложенію четвертаго отдѣленія и нѣкоторымъ замѣчаніямъ на проектъ устава члена ученаго комитета главнаго правленія училищъ Шнейдера, профессоровъ Кавелина, Каземъ-Бека, Березина, Чубинова и другихъ, примѣчаніе къ § 49 должно быть перенесено на другое мѣсто, какъ не относящееся къ дѣлу, а самый § 49 долженъ быть выраженъ такъ:

Отдѣленіе III.

О канцеляріи.

§ 49. При совѣтѣ состоитъ канцелярія университета, подъ управленіемъ правителя, изъ чиновниковъ по штату и по найму. Штатными полагаются: секретари совѣта, правленія и проректора, казначей и бухгалтеръ. Сокращеніе дѣлопроизводства и переписки предоставляется усмотрѣнію совѣта университета.

Къ № 7.

I. О правленіи университета.

(Гл. III, отд. II, §§ 40—48).

Адъюнкта С.-Петербургскаго унив. **Калиновскаго.**

Непремѣннымъ условіемъ для правильнаго существованія и полезной дѣятельности всякаго установленія должно быть гармоническое стремленіе всѣхъ его составныхъ частей къ одной, опредѣленной цѣли, точное ихъ соотношеніе между собою и строгое разграниченіе круга ихъ дѣйствій. При недостаткѣ единства тратятся совершенно безполезно силы и средства; безъ точнаго опредѣленія круга дѣятельности каждой отдѣльной части происходятъ сбивчивость и запутанность въ распоряженіяхъ и взаимныя недоразумѣнія. Этотъ органическій недостатокъ заключался во всѣхъ нашихъ университетскихъ уставахъ относительно правленія университета. Замѣчательно, что уставы 1804 и 1835 годовъ и проектъ общаго устава, исчисляя предметы занятій правленія и ограничивая его дѣятельность чисто-исполнительною и хозяйственною частями, въ то же время ставили его въ совершенно независимое отъ совѣта университета положеніе. Съ 1804 г. многія статьи университетскаго устава подверглись значительнымъ измѣненіямъ; оставались неизмѣнными только тѣ, которыя касались правленія. Можно полагать, что законодатели, имѣя въ виду, что члены правленія суть лица выбранныя и потому вполнѣ выражаютъ волю университетскаго сословія, а съ другой стороны, ограничивая ихъ

дѣятельность уставомъ и контролемъ начальства, считали излишнею формальностью, обременительною и для совѣта и для правленія, возлагать на это послѣднее отчетность въ отношеніи къ первому.

Пока нужды университета были ограниченны и впередъ съ точностью означены, дѣла шли разъ заведеннымъ порядкомъ. Но съ теченіемъ времени обстоятельства перемѣнились: въ обществѣ пробуждается сильное стремленіе къ образованію, обнаружившееся весьма значительнымъ приливомъ слушателей въ университетскія аудиторіи; появляется настоятельная необходимость увеличить учебныя пособія, придти на помощь бѣднымъ студентамъ, обѣщающимъ въ будущности быть полезными дѣятелями; оказывается надобность въ молодыхъ преподавателяхъ, для которыхъ не было положено по штату никакого жалованья, а между тѣмъ средства университета оставались тѣ же. Первоначально университетскому сословію, по уставу 1804 г., предоставлено было право просить объ увеличеніи средствъ въ случаѣ, если оно найдетъ необходимымъ основать новую каѳедру*); но въ уставъ 1835 г. этотъ параграфъ не вошелъ. Такимъ образомъ, при увеличеніи потребностей и незначительномъ количествѣ средствъ, университетамъ осталась возможность удовлетворять только самымъ настоятельнымъ нуждамъ; но и это, въ большей части случаевъ, было неудобоисполнимо, потому что совѣтъ университета не зналъ о своихъ средствахъ, — этими средствами завѣдывало правленіе. Составъ же правленія изъ декановъ былъ неудовлетворительный по слѣдующимъ причинамъ:

1) Деканы избирались въ факультетахъ, при чѣмъ имѣлись болѣе въ виду ихъ ученыя заслуги, а не административныя способности.

2) Деканы смотрѣли на свои обязанности членовъ правленія, какъ на дополнительныя, второстепенныя; у нихъ не было охоты и желанія выходить изъ порядка, разъ заведеннаго.

3) Не будучи обязаны подчиняться совѣту и испрашивать у него, въ особенныхъ случаяхъ, разрѣшенія или руководствоваться его постановленіями, они находились нерѣдко въ разладѣ съ симъ послѣднимъ.

*) § 26 Устава Московскаго университета.

На этотъ разладъ дѣятельности совѣта и правленія особенно указываетъ г. Кавелинъ. «Въ числѣ существенныхъ недостатковъ, говоритъ онъ, теперешней внутренней организаціи университетовъ, особенно выдаются два, много вредящіе этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ: 1) части учебная и хозяйственная, изъ которыхъ первая такъ существенно зависитъ отъ второй, не имѣютъ между собою ничего общаго, потому что завѣдываются отдѣльно, и большинство профессоровъ, вслѣдствіе этого, не имѣютъ никакого понятія о матеріальномъ положеніи и средствахъ университета, къ которому принадлежатъ; 2) въ совѣтѣ масса текущихъ дѣлъ и бумагъ затемняетъ собою серьезные предметы. Коллегіальное производство дѣлъ распорядительныхъ и исполнительныхъ утомляетъ собою профессоровъ безъ нужды, учащаетъ, тоже безъ нужды, собранія и чрезвычайно замедляетъ ходъ университетскихъ дѣлъ.

«Оба эти органическіе недостатка перешли и въ проектъ новаго устава. Совѣтъ и правленіе сохранили прежнее устройство и кругъ занятій безъ всякой перемѣны, и потому существующія неудобства должны возобновиться въ прежнемъ видѣ и объемѣ. Единственное средство устранить разомъ оба — это иначе опредѣлить составъ и кругъ занятій совѣта и правленія и ихъ взаимныя отношенія. Совѣтъ слѣдовало бы сдѣлать центромъ всѣхъ общихъ мѣръ и распоряженій по университету, не различая предметовъ, къ которымъ они относятся; правленіе— *мѣстомъ исполнительнымъ*, *сосредоточивающимъ въ себѣ всѣ текущія дѣла по всѣмъ же частямъ*. Въ случаѣ сомнѣнія или разногласія въ правленіи, дѣло разсматривается и рѣшается въ совѣтѣ. За тѣмъ ректору должно быть предоставлено отправлять текущія дѣла, нетерпящія отлагательства, собственною властью, но въ извѣстныхъ предѣлахъ и съ отвѣтственностью и отчетомъ передъ совѣтомъ или правленіемъ. На этомъ основаніи составленіе ежегодной росписи приходамъ и расходамъ университетскихъ суммъ и разрѣшеніе чрезвычайныхъ расходовъ слѣдуетъ предоставить совѣту. Онъ получаетъ свѣдѣнія о чрезвычайныхъ доходахъ и отчеты о состояніи суммъ и имущества университета. Исполненіе росписи, полученіе, храненіе и выдача суммъ и имущества — дѣло правленія. Всѣ текущія, исполнительныя дѣла, приведеніе въ исполненіе всѣхъ совѣтскихъ опредѣленій, съ увѣдомленіемъ объ окончательномъ исполненіи, есть дѣло правленія, а не совѣта. Совѣтъ есть мысль и воля уни-

верситета, правленіе есть его рука... Составъ правленія, сообразно съ новымъ его значеніемъ и съ переходомъ въ него множества дѣлъ, которыя теперь производятся въ совѣтѣ, слѣдовало бы нѣсколько усилить прибавленіемъ еще по одному члену изъ каждаго факультета, выбранному изъ числа профессоровъ, общимъ порядкомъ въ совѣтѣ.

«При такомъ устройствѣ, совѣтъ освободился бы отъ множества дѣлъ и въ то же время обратился бы въ центральное мѣсто, гдѣ производились бы всѣ важнѣйшія дѣла. Каждый профессоръ могъ бы знать положеніе университета, по всѣмъ частямъ, и вступая въ должность декана, проректора и ректора, не былъ бы чуждъ дѣлъ, которыми ему предстоитъ заняться. Самыя предположенія, возникающія въ факультетахъ и въ совѣтѣ по разнымъ частямъ, были бы основаны на общемъ соображеніи всѣхъ сторонъ дѣла, и потому были бы основательны, солидны. Наконецъ, при такомъ устройствѣ, исчезъ бы проявляющійся по временамъ вредный антагонизмъ между совѣтомъ и правленіемъ, тогда какъ теперешняя внутренняя организація университета его только поддерживаетъ искусственно».

То же самое замѣчаніе дѣлаютъ и гг. Утинъ (стр. 127 ч. I) и Березинъ (стр. 106 ч. I), приписывая вялость, скуку, отсутствіе единства, медленность въ производствѣ дѣлъ и весьма незначительное число наличныхъ членовъ въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ совѣта между прочимъ тому, что всѣ важнѣйшія дѣла и въ особенности свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ университета сосредоточиваются въ правленіи, доступны только его членамъ, т. е. ректору, деканамъ и синдику, большинство же членовъ совѣта ничего не знаютъ о матеріальныхъ средствахъ университета, и наконецъ что весьма важныя распоряженія по университетскому управленію рѣшаются правленіемъ. Г. Утинъ полагаетъ, что, для устраненія столь анормальнаго положенія дѣлъ, необходимо, между прочимъ: во-1) предоставить совѣту посредствомъ избранной коммиссіи составлять ежегодно смѣту доходовъ и расходовъ, правленію же поручить только часть исполнительную и наблюденіе за соотвѣтственнымъ употребленіемъ университетскихъ суммъ, съ возложеніемъ на него обязанностей доставлять совѣту частные, ежемѣсячные отчеты о ихъ состояніи, а въ концѣ или началѣ года одинъ общій; и во-2) усилить личный составъ правленія посредствомъ выбора изъ среды совѣта еще нѣсколькихъ членовъ, и, оставляя

за нимъ прежній кругъ его вѣдомства, точнѣе опредѣлить, что̀ оно рѣшаетъ окончательно, и что̀ должно представлять на разрѣшеніе совѣта; во всякомъ случаѣ, оно должно представлять совѣту только дѣла, касающіяся матеріальнаго или учебнаго состоянія университета.

Такимъ образомъ гг. Кавелинъ, Утинъ и Березинъ видятъ въ неопредѣленномъ отношеніи правленія къ совѣту существенное препятствіе для правильной организаціи университета; но, не входя въ болѣе подробное изложеніе этихъ отношеній, требуютъ въ особенности усиленія личнаго состава членовъ правленія. Соглашаясь съ ними вполнѣ относительно неудобствъ, вытекающихъ изъ подобной неопредѣленности, мнѣ кажется, что такое усиленіе будетъ безполезно, да оно, по моему мнѣнію, и не составляетъ сущности ихъ замѣчаній. Дѣло не въ томъ, чтобы въ правленіи, которому поручается только часть исполнительная, засѣдало больше членовъ, — многочисленный личный составъ какого-либо вѣдомства не ручается еще за его успѣшную дѣятельность, — а въ томъ, чтобы кругъ дѣйствій правленія былъ точнѣе опредѣленъ, поставленъ въ нѣкоторую зависимость отъ совѣта и составъ членовъ его опредѣлялся выборомъ въ совѣтѣ и изъ членовъ совѣта, по одному представителю отъ каждаго факультета; то есть, говоря яснѣе, чтобы членомъ правленія былъ не непремѣнно деканъ и потому только, что онъ деканъ, при избраніи котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Васильевъ, обращается вниманіе на его ученость и уваженіе, какимъ пользуется, а не по административныя его способности,—но тотъ, кто будетъ выбранъ совѣтомъ. Тогда не нужно будетъ увеличивать личнаго состава членовъ правленія и въ то же время представится больше ручательства въ успѣшной его дѣятельности, потому что можно будетъ выбирать людей, имѣющихъ необходимыя для этого качества.

Замѣчательно, что, въ отношеніи подчиненія правленія совѣту, не встрѣчается разногласія между авторами замѣчаній, упоминавшими о правленіи. Если же замѣчается по этому случаю нѣкоторое различіе мнѣній, то оно касается только редакціи статьи, опредѣляющей значеніе правленія. Такъ совѣтъ Харьковскаго университета (стр. 296, ч. I) и г. Спасовичъ (стр. 185, ч. I) предлагаютъ замѣнить слово правленіе словомъ хозяйственный и распорядительный комитетъ; гг. Васильевъ,

Березинъ, Чубиновъ, Навроцкій, Хвольсонъ, Голстунскій, Паткановъ даютъ ему слѣдующее опредѣленіе: правленіе есть хозяйственное и распорядительное отдѣленіе совѣта; г. Бекетовъ называетъ его собраніемъ исполнительнымъ, и, наконецъ совѣтъ Московскаго университета и гг. Совѣтовъ, Пузыревскій и Менделѣевъ, хотя не формулируютъ своего мнѣнія, но косвеннымъ образомъ доказываютъ необходимость подчинить правленіе совѣту.

Касательно обязанностей правленія и круга его вѣдомства, тоже нѣтъ значительныхъ противорѣчій. Г. Кавелинъ, какъ уже было сказано, считаетъ нужнымъ отнести въ правленіе всѣ текущія дѣла по части исполнительной, съ перенесеніемъ въ совѣтъ только такихъ, по которымъ можетъ возникнуть сомнѣніе, или разногласіе членовъ правленія. Г. Березинъ оставляетъ тоже за правленіемъ исполнительную власть, съ отнесеніемъ въ совѣтъ всего, что̀ требуетъ разсмотрѣнія или особеннаго разрѣшенія. Онъ считаетъ также нужнымъ вносить краткое содержаніе подобнаго рода дѣлъ въ особую книгу, которая должна находиться въ профессорской комнатѣ, дабы каждый членъ совѣта могъ предварительно ознакомиться съ предметами, поступающими на разсмотрѣніе университетской коллегіи, а г. Бекетовъ прибавляетъ къ этому еще и таблицы текущихъ расходовъ и работъ по хозяйственной части, которыя должны всегда лежать въ залѣ засѣданій совѣта (стр. 152, ч. I). Сверхъ-того, по предположенію г. Березина, которое высказываютъ также въ своихъ замѣчаніяхъ совѣтъ Московскаго университета и г. Бекетовъ, на правленіе возлагается обязанность представлять совѣту проекты смѣтъ приходовъ и расходовъ университетскихъ суммъ, проекты, относящіеся до хозяйственныхъ улучшеній (Бекетовъ, стр. 152), а также предположенія касательно отчужденія, пріобрѣтенія или лучшаго употребленія университетскаго имущества (Москов. универ., стр. 251); совѣтъ же Харьковскаго университета (стр. 296) и г. Благовѣщенскій (118 стр., ч. II) ограничиваются только тѣмъ, чтобы правленіе доводило до свѣдѣнія и испрашивало согласіе совѣта на сверхштатные расходы.

Далѣе, по мнѣнію совѣта Московскаго университета и гг. Голстунскаго (стр. 173) и Сомова (стр. 123), правленіе должно представлять совѣту ежемѣсячную, а по мнѣнію г. Утина еще общую въ концѣ года вѣдомость о состояніи универси-

тетскихъ суммъ, для того, чтобы совѣтъ могъ соображать свои средства съ издержками, какія могутъ встрѣтиться при назначеніи стипендій бѣднымъ, но талантливымъ студентамъ, при пособіяхъ къ печатанію ученыхъ трудовъ профессоровъ, при открытіи новыхъ каѳедръ, назначеніи вознагражденія приватъ-доцентамъ, и т. п. Затѣмъ къ обязанностямъ правленія гг. Васильевъ (стр. 104), Чубиновъ (стр. 112), Навроцкій (стр. 163), Хвольсонъ (стр. 168) и Паткановъ (стр 189) относятъ и ежемѣсячное представленіе протоколовъ своихъ засѣданій, но только не попечителю, какъ сказано въ проектѣ, а совѣту. Г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ полагаетъ нужнымъ представлять попечителю протоколы засѣданій правленія только по такимъ дѣламъ, по которымъ будетъ протестъ синдика, потому-что, замѣчаетъ г. Деляновъ, хотя статья 41-я проекта Устава имѣетъ очевидную цѣль удержать правленіе отъ опрометчивыхъ или противозаконныхъ рѣшеній, но какъ рѣшенія эти приводятся въ исполненіе раньше, чѣмъ представляются протоколы на разсмотрѣніе попечителя, то, въ случаѣ замѣченныхъ неправильностей, попечителю не остается ничего больше, какъ сдѣлать замѣчаніе правленію, что̀ непріятно для обѣихъ сторонъ, между тѣмъ, какъ дѣло отъ того не исправится (стр. 226). Г. попечитель Харьковскаго университета Левшинъ не признаетъ необходимости представлять совѣту протоколовъ правленія, потому-что совѣтъ можетъ всегда, въ случаѣ нужды, навести справки; попечителю же, по его мнѣнію, онѣ должны быть представляемы только по его востребованію (стр. 381).

Совѣтъ Московскаго университета предлагаетъ причислить къ кругу вѣдомства правленія и инспекцію надъ студентами, согласно съ мнѣніемъ и г. Левшина, который доказываетъ еще необходимость замѣнить слова часть *распорядительная*, какъ выражено въ проектѣ Уставѣ (въ ст. 40), словами часть *полицейская*. Совѣтъ же Казанскаго университета присовокупляетъ къ обязанностямъ правленія завѣдываніе распредѣленіемъ казенныхъ квартиръ, принадлежащихъ университету: потому-что только правленію, какъ мѣсту, завѣдывающему университетскимъ имуществомъ и отвѣчающему за него, должно принадлежать право распредѣлять квартиры. Необходимость этого примѣчанія совѣтъ Казанскаго университета основываетъ на томъ, что квартированіе въ зданіяхъ университета лицъ, къ нему не

принадлежащихъ, можетъ причинить большой вредъ для самаго преподаванія, устраняя помѣщеніе такихъ лицъ, которыя, по сущности своихъ занятій, должны находиться постоянно въ университетѣ, какъ-то: лаборанты, проректоры, и т. п.

Наконецъ гг. Чубиновъ, Навроцкій, Хвольсонъ и Паткановъ считаютъ необходимымъ, чтобы засѣданія правленія происходили возможно-чаще и не менѣе одного раза въ недѣлю.

Относительно величины суммы, какую правленіе имѣетъ право само израсходовать, мнѣнія авторовъ замѣчаній выразились тоже различно. Одни полагаютъ (г. Голстунскій), что она не должна превышать 150 р., другіе (гг. Березинъ, Чубиновъ, Навроцкій, Паткановъ)—200 р., съ обязанностью, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, доводить объ этомъ немедленно до свѣдѣнія совѣта; наконецъ третьи, согласно положенію проекта Устава (совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ)—300 р., впрочемъ неиначе, какъ съ согласія совѣта, а гг. Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій—безъ согласія и даже сообщенія о такомъ расходѣ совѣту. Всѣ же остальные расходы, свыше означенныхъ суммъ, должны производиться, по общему мнѣнію: штатные — по закону, а сверхштатные, смотря по суммѣ,—по росписанію, утвержденному совѣтомъ, или съ разрѣшенія высшаго начальства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изолированное положеніе, въ какомъ находилось до сихъ поръ правленіе въ отношеніи къ совѣту, много вредило единству дѣйствій университета. Совѣтъ университета не могъ воспользоваться или дать лучшее назначеніе даже тѣмъ незначительнымъ средствамъ, какія у него находились. Многіе знаютъ, какъ трудно было нерѣдко совѣту назначить даже небольшое вознагражденіе состоящимъ при университетѣ приватъ-доцентамъ, читающимъ безплатно по нѣскольку лекцій въ недѣлю и заслуживающимъ нетолько поощренія къ занятіямъ, но и матеріальнаго пособія въ стѣсненномъ ихъ положеніи. То же самое можно сказать и въ отношеніи разнаго рода учебныхъ пособій. А между тѣмъ, на совѣтѣ лежитъ главная обязанность, по проекту Устава, о возможно болѣе совершенномъ преподаваніи наукъ, о пополненіи своего состава самыми способными преподавателями и о возбужденіи въ университетскомъ юношествѣ болѣе живаго стремленія къ научному развитію, какъ сказано въ объяснительной запискѣ ком-

миссіи. При такомъ требованіи необходимо, чтобы совѣтъ не только зналъ, но и могъ распоряжаться до извѣстной степени тѣми средствами, какія по закону предоставляются университету, и чтобы всѣ сверхштатныя или остающіеся отъ штатныхъ расходовъ суммы, какъ справедливо замѣчаютъ совѣтъ Харьковскаго университета и г. Кавелинъ, составляли исключительную и неотъемлемую его собственность и никакого другаго назначенія, кромѣ университета, не получали. Расходованіе этихъ суммъ можетъ быть предоставлено особому отдѣленію (будетъ ли оно называться правленіемъ или комитетомъ; дѣло не въ названіи, въ зависимости отъ совѣта и съ обязанностью отчетности передъ симъ послѣднимъ. Это отдѣленіе должно имѣть въ своемъ вѣдѣніи, какъ полагаетъ и проектъ новаго Устава, части: хозяйственную и распорядительную, потому-что совѣту нѣтъ времени и надобности входить во всѣ мелкіе разсчеты; но какъ его засѣданія, по самой сущности вещей, должны происходить чаще, чѣмъ засѣданія совѣта, то необходимо въ извѣстныхъ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, въ ограниченномъ размѣрѣ, впрочемъ на полной его отвѣтственности, предоставить этому отдѣленію право дѣлать расходы безъ разрѣшенія совѣта. Наконецъ, если согласиться, что правленіе должно исполнять только постановленія и рѣшенія совѣта, то было бы обременительною и совершенно безполезною формальностью возлагать на него обязанность представлять протоколы своихъ засѣданій или отчеты о состояніи суммъ кому-либо другому, кромѣ совѣта, а совѣтъ уже долженъ представлять общій отчетъ по всѣмъ частямъ своей дѣятельности высшему начальству, съ полною отвѣтственностью за свои распоряженія. Впрочемъ, такъ какъ хозяйственная часть университета не заключаетъ въ себѣ никакихъ значительныхъ расходовъ, которые бы не могли быть заранѣе опредѣлены и предусмотрѣны, то весьма рѣдко можетъ случиться, чтобы правленіе поставлено было въ необходимость, во избѣжаніе потерь, проистекающихъ отъ несвоевременнаго разрѣшенія, расходовать большія суммы.

Вслѣдствіе такого раздѣленія занятій между совѣтомъ и правленіемъ, мнѣ кажется, нѣтъ надобности помѣщать такихъ подробностей, какія указываетъ совѣтъ Казанскаго университета относительно квартиръ въ университетскомъ зданіи.

Изъ сказаннаго легко заключить, что, при подобномъ ограниченіи круга дѣйствій правленія, необходимо измѣнить и со-

ставъ его членовъ. Гг. Чубиновъ, Навроцкій, Хвольсонъ и Паткановъ предлагаютъ, кромѣ нынѣ входящихъ въ него членовъ, т. е. предсѣдателя — ректора, декановъ и синдика, ввести еще по одному члену, выбранному въ совѣтѣ отъ каждаго факультета; г. Деляновъ ограничивается прибавленіямъ къ настоящему составу только 2-хъ членовъ, безъ опредѣленія, къ какому они должны принадлежать факультету. Гг. Пироговъ, Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій вводятъ въ правленіе еще проректора; совѣтъ же Харьковскаго университета считаетъ лучшимъ, вмѣсто декановъ, назначать членовъ по выбору отъ каждаго факультета по одному. Г. Левшинъ, напротивъ, полагаетъ болѣе удобнымъ удержать нынѣшній составъ правленія изъ финансовыхъ соображеній, чтобы не пришлось увеличивать жалованье для избранныхъ такимъ образомъ членовъ правленія. Кромѣ того, по его мнѣнію, основанному, какъ онъ говоритъ, на практикѣ, избиратели имѣютъ въ виду при выборѣ членовъ не ихъ ученыя заслуги или обширныя способности, а степень довѣрія, которыми они пользуются, хотя и это не всегда примѣняется къ дѣлу, по естественному стремленію избирателей получить самимъ и почетное званіе и прибавку къ жалованью. Наконецъ, такъ какъ самъ же совѣтъ предоставляетъ право санкціи попечителю по дѣламъ хозяйственнымъ, то этимъ онъ какъ бы сознается въ способности профессоровъ къ дѣламъ административнымъ. Присутствіе синдика въ правленіи отвергаютъ гг. попечитель Московскаго округа Исаковъ и Спасовичь, первый—на томъ основаніи, что секретари въ правленіи и совѣтѣ несутъ на себѣ всѣ обязанности и отвѣтственность по веденію дѣлъ канцелярскихъ и могутъ состоять прямо подъ начальствомъ ректора; второй—потому, что уставъ университета не столь обширенъ и сложенъ, чтобы для толкованія его надобно было держать особаго юриста-техника. При томъ въ составъ совѣта (прибавимъ и правленія) входятъ и члены юридическаго факультета.

Соображая всѣ вышеприведенныя замѣчанія, нельзя не придти къ убѣжденію, что нынѣшній составъ правленія не удовлетворителенъ. Даже тѣ лица, которыя соглашаются на удержаніе декановъ и синдика, считаютъ однако необходимымъ усилить составъ правленія посредствомъ выбора новыхъ членовъ. Но мы уже замѣтили выше, что предметъ вѣдомства правленія не столь обширенъ и многосложенъ, чтобы предстояла надоб-

ность увеличивать число наличныхъ членовъ. Отъ того дѣла нисколько не пойдутъ скорѣе, а даже, по всей вѣроятности, можно полагать на оборотъ; совѣтъ будетъ въ затрудненіи приискать столь много членовъ съ соотвѣтственными способностями. Избраніе во всякомъ случаѣ должно ограничиться однимъ годомъ, чтобы не отвлекать безполезно профессоровъ отъ ихъ занятій. На случай же болѣзни котораго-нибудь изъ членовъ правленія, необходимо, чтобы каждый факультетъ, кромѣ дѣйствительнаго члена, избиралъ еще и кандидата и имѣлъ такимъ образомъ всегда своего представителя въ правленіи. Нельзя тоже не согласиться съ мнѣніемъ гг. Исакова и Спасовича, что синдикъ есть совершенно лишній членъ въ правленіи, тѣмъ болѣе, что онъ даже не техникъ ни по хозяйственной, ни по распорядительной части. По этому, на основаніи всѣхъ приведенныхъ замѣчаній и сдѣланныхъ выше соображеній, я предлагаю измѣнить соотвѣтствующіе параграфы устава слѣдующимъ образомъ:

§ 8. Правленіе университета составляютъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, выбранные совѣтомъ на одинъ годъ члены, по одному отъ каждаго факультета. Кромѣ того, въ совѣтѣ избираютъ еще столько же кандидатовъ, заступающихъ мѣсто членовъ въ случаѣ ихъ болѣзни или отсутствія.

§ 40. Правленіе есть исполнительное отдѣленіе совѣта, имѣющее въ своемъ вѣдѣніи части хозяйственную и распорядительную.

§ 41. Правленіе имѣетъ свои засѣданія, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю; оно ежемѣсячно доставляетъ совѣту протоколы своихъ засѣданій въ подлинникѣ для прочтенія и краткую вѣдомость о состояніи наличныхъ суммъ университета, составляетъ смѣту доходовъ и расходовъ на будущій годъ и представляетъ ее на утвержденіе совѣта, равно какъ и всѣ предположенія, касающіяся улучшеній по хозяйственной части.

§ 42. Правленіе получаетъ опредѣленную на содержаніе университета сумму, въ назначенные по ежегодному росписанію сроки, а также деньги, вносимыя за слушаніе лекцій, за экзаменъ, дипломы, аттестаты, свидѣтельства и проч.; отвѣчаетъ за цѣлость сихъ суммъ, распоряжается ими согласно со штатомъ и росписаніемъ, утвержденнымъ совѣтомъ; распредѣляетъ назначенные факультетами, съ согласія совѣта, стипендіи и пособія; заключаетъ условія на подряды и производитъ выдачи,

наблюдая, какъ въ отношеніи расхода суммъ, такъ и въ отчетности въ оныхъ, порядокъ, общими законами и особыми распоряженіями министра народнаго просвѣщенія предписанный.

§ 43 остается безъ измѣненія.

§ 44. Сумма, остающаяся и отъ неполнаго расхода по всѣмъ означеннымъ въ штатѣ статьямъ, отдѣляется, по истеченіи года, отъ штатной и вмѣстѣ со всѣми сверхштатными доходами, изъ какого бы они источника ни получались, обращается въ исключительную и неотъемлемую собственность университета, подъ названіемъ хозяйственной суммы, для употребленія на непредвидимыя надобности университета.

§ 45. Расходъ сверхштатный, не превышающій 200 руб. въ годъ на одинъ предметъ, производитъ само правленіе, доводя объ этомъ немедленно до свѣдѣнія совѣта. На каждую издержку свыше 200 руб. правленіе испрашиваетъ разрѣшеніе совѣта или, чрезъ совѣтъ, высшаго начальства.

§§ 46, 47 и 48 остаются безъ измѣненія.

§ 49. При совѣтѣ и правленіи состоитъ канцелярія подъ общимъ управленіемъ правителя дѣлъ и непосредственнымъ —секретаря совѣта или правленія, изъ чиновниковъ по штату и найму. Сокращеніе дѣлопроизводства и переписки предоставляется усмотрѣнію университета съ утвержденія попечителя.

II. О факультетѣ восточныхъ языковъ.

Испр. должн. орд. проф. С. Петербургскаго унив. **Березина**.

Факультетъ восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ учрежденъ въ 1855 году изъ соединенія каѳедръ восточныхъ языковъ при университетахъ Санктпетербургскомъ и Казанскомъ и Ришельевскомъ лицеѣ, съ имѣвшимися по симъ каѳедрамъ учебными пособіями. Въ настоящее время этотъ факультетъ составляетъ отдѣльное цѣлое, съ многочисленными самостоятельными каѳедрами, учебными пособіями и достаточнымъ числомъ слушателей: посему невозможно согласиться съ мнѣніемъ совѣта Московскаго университета, который предлагаетъ «преобразовать факультетъ восточныхъ языковъ въ *отдѣленіе историко-филологическаго факультета.*» Такое предположеніе, имѣющее, впрочемъ, свои научныя основанія, на которыя и опирается совѣтъ Московскаго университета въ своемъ рѣшеніи, не только не принесло бы пользы, но даже послужило бы во вредъ обоимъ факультетамъ—историко-филологическому и восточныхъ языковъ, стѣснивъ рѣшеніе факультетскихъ вопросовъ соединеніемъ въ одну корпорацію такого множества каѳедръ по предметамъ отдаленныхъ другъ отъ друга спеціальностей, что̀ въ особенности несовмѣстно съ иниціативою, которую предполагается дать факультетамъ въ рѣшеніи университетскихъ дѣлъ. Равнымъ образомъ переименованіе факультета восточныхъ языковъ въ институтъ восточныхъ языковъ, состоящій при университетѣ, какъ требуютъ этого нѣкоторые, не ведетъ ни къ чему, кромѣ увеличенія расходовъ, безъ всякой существенной пользы: слушатели, занимающіеся изученіемъ восточныхъ языковъ, имѣютъ, бо̀льшею

частію, въ виду государственную службу, и посему университетское образованіе для нихъ необходимо. Единственное, чего можно желать въ видахъ государственной экономіи и пользы, это — сліянія съ факультетомъ восточныхъ языковъ восточнаго отдѣла академиковъ при Санктпетербургской академіи наукъ и института восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: при этомъ сліяніи всѣ стороны выиграли бы и въ средствахъ и въ достиженіи цѣли, въ особенности было бы важно для факультета восточныхъ языковъ увеличеніе его ученаго и практическаго значенія; такъ, напримѣръ, при академіи наукъ находятся лица, занимающіяся трудами по Финскимъ, Кавказскимъ и другимъ языкамъ, необязательное изученіе которыхъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ было бы весьма желательно и полезно. Если въ Берлинскомъ университетѣ существуетъ каѳедра Финскихъ языковъ, то какимъ образомъ не имѣть ея Санктпетербургскому университету? Съ другой стороны, выиграли бы и члены-оріенталисты академіи наукъ и преподаватели института восточныхъ языковъ расширеніемъ круга своей дѣятельности и, слѣдовательно, увеличеніемъ суммы приносимой имъ пользы. На соединеніе вообще академіи съ университетомъ указываютъ и статьи, напечатанныя въ «Современной Лѣтописи» по поводу университетскаго Устава, и профессоръ Костомаровъ.

Такимъ образомъ въ § 9-мъ проекта упоминаніе о восточномъ факультетѣ въ С. Петербургскомъ университетѣ остается безъ измѣненія, распредѣленіе же каѳедръ въ § 16, согласно съ замѣчаніями гг. профессоровъ восточнаго факультета, должно быть изложено такъ:

§ 16. Въ факультетѣ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета полагаются слѣдующія каѳедры:

1) Арабская словесность:

a) Арабскій языкъ и толкованіе авторовъ.

b) Исторія Арабской литературы.

(Профессоръ, доцентъ и практическій преподаватель).

2) Персидская словесность:

a) Персидскій языкъ и толкованіе авторовъ.

b) Исторія Персидской литературы.

(Профессоръ и лекторъ).

3) Турецко-Татарская словесность:

a) Обозрѣніе Турецкихъ нарѣчій и ихъ литературъ.

b) Османское нарѣчіе и исторія его литературы.
(Профессоръ, доцентъ и практическій преподаватель-калиграфъ).

4) Китайская и Маньчжурская словесность:
a) Китайскій языкъ и толкованіе авторовъ.
b) Исторія Китайской литературы.
c) Маньчжурскій языкъ и исторія Маньчжурской литературы.
(Профессоръ, доцентъ и два практическіе преподаватели).

5) Монгольская и Калмыцкая словесность:
a) Монгольскій языкъ.
b) Исторія Монгольской литературы.
c) Калмыцкое и Бурятское нарѣчія.
(Профессоръ и лекторъ).

6) Еврейская, Сирійская и Халдейская словесность:
a) Еврейскій, Сирійскій и Халдейскій языки.
b) Исторія литературъ этихъ языковъ.
(Профессоръ).

7) Армянская и Грузинская словесность:
a) Армянскій языкъ.
b) Исторія Армянской литературы.
c) Грузинскій языкъ.
d) Исторія Грузинской литературы.
(Профессоръ и доцентъ).

8) Санскритская словесность:
a) Санскритскій языкъ.
b) Зендъ.
c) Исторія Санскритской литературы.
(Профессоръ).

9) Исторія Востока:
a) Исторія Семитическихъ народовъ.
b) Исторія сѣверо-восточной Азіи.
c) Исторія Арійскихъ народовъ Азіи.
(Профессоръ и два доцента).

Изъ общихъ предметовъ, согласно принятому нынѣ въ факультетѣ восточныхъ языковъ распредѣленію, обязательны для студентовъ этого факультета: Русская словесность, Русская исторія и Французскій языкъ, какъ предметы дополнительные.

Раздѣленіе на разряды должно быть предоставлено самому факультету.

Такое подробное распредѣленіе предметовъ и числа преподавателей, въ настоящемъ случаѣ, необходимо потому, что въ факультетѣ восточныхъ языковъ, по недостатку у насъ ученыхъ оріенталистовъ и по немногочисленности слушателей, нельзя предполагать преподавателей или приватъ-доцентовъ безъ жалованья, и что, слѣдовательно, требуется обезпечить каждую каѳедру штатными преподавателями. При значительномъ числѣ Азіатцевъ въ составѣ обитаталей Россіи и при важности сношеній нашихъ съ востокомъ, можно надѣяться на увеличеніе размѣровъ восточнаго факультета, единственнаго въ этомъ родѣ учрежденія въ Россіи; но это увеличеніе будетъ всегда находиться въ зависимости отъ средствъ самого университета. Хотя профессоръ Васильевъ и желаетъ, въ своихъ замѣчаніяхъ, Маньчжурскую каѳедру возвести въ самостоятельную, однако, при разсужденіяхъ факультета восточныхъ языковъ объ этомъ предметѣ, онъ постоянно признавалъ соединеніе Китайской каѳедры съ Маньчжурскою; въ замѣчаніяхъ же своихъ г. Васильевъ не привелъ причинъ, побудившихъ его измѣнить свое мнѣніе. Не подлежитъ никакому спору, что Маньчжурская каѳедра не имѣетъ права на самостоятельность, такъ какъ Маньчжурская нація лишена политической независимости и Маньчжурская литература не представляетъ довольно оригинальности и богатства.

§ 18, согласно съ замѣчаніями гг. профессоровъ восточнаго факультета, долженъ быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ:

§ 18. Для преподаванія новыхъ Европейскихъ и нѣкоторыхъ восточныхъ языковъ полагаются лекторы.

Къ § 71, прибавить слѣдующее примѣчаніе:

Примѣчаніе 2. Въ случаѣ совершенной невозможности замѣщать мѣста профессоровъ и доцентовъ по каѳедрамъ восточныхъ языковъ лицами, вполнѣ удовлетворяющими условіямъ § 71, къ отправленію этихъ должностей могутъ быть назначаемы лица, не имѣющія ученыхъ степеней магистра и доктора, но извѣстныя своими учеными трудами и педагогической дѣятельностью, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, соединенныхъ съ этими званіями.

Такое изъятіе изъ общаго правила слѣдуетъ допустить въ настоящемъ случаѣ на томъ основаніи, что на каѳедры восточныхъ языковъ, занеимѣніемъ магистровъ или докторовъ по этимъ

предметамъ, могутъ быть приглашаемы и ученые Азіатцы, не имѣющіе никакой ученой степени, но извѣстные отличнымъ знаніемъ языковъ и своимъ преподаваніемъ, какъ это было въ С. Петербургскомъ университетѣ съ профессорами Джафаромъ Топчибашевымъ и Шейхомъ Тантави. Университетъ, при такомъ постановленіи, будетъ избавленъ отъ необходимости выдавать почетную докторскую степень спеціалистамъ, не представившимъ убѣдительныхъ доказательствъ о степени своего общаго образованія. На это же изъятіе указываетъ и примѣчаніе къ 760 ст. III т. Св. Зак. Устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства.

Учебныя пособія факультетета восточныхъ языковъ составляютъ: библіотека изъ Азіатскихъ книгъ и рукописей и собраніе Азіатскихъ монетъ. Составленіе каталоговъ Азіатскихъ книгъ и рукописей и завѣдываніе собраніемъ монетъ входитъ въ обязанности гг. профессоровъ восточнаго факультета. На покупку рукописей и монетъ университетъ назначаетъ деньги изъ общей статьи расходовъ на эти предметы, по своему усмотрѣнію; но, сверхъ этихъ случайныхъ требованій, необходимо назначить отдѣльную сумму на изданіе учебныхъ пособій по факультету восточныхъ языковъ, такъ какъ сочиненія этого рода, имѣя весьма ограниченный сбытъ, не могутъ быть издаваемы самими авторами. Эту сумму можно положить ежегодно въ пятьсотъ рублей; въ настоящее время факультетъ восточныхъ языковъ имѣетъ право расходовать на этотъ предметъ до трехсотъ рублей ежегодно.

III. О составѣ и порядкѣ преподаванія въ физико-математическомъ факультетѣ.

Экстраор. професс. С. Петербургскаго унив. **Бекетова.**

Въ обоихъ томахъ «Замѣчаній на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ» заключается довольно мало сужденій о составѣ преподаванія вообще, особенно по факультету физико-математическому. Это происходитъ частію отъ трудности рѣзкаго разграниченія предметовъ по каѳедрамъ, и въ этомъ случаѣ, также какъ во многихъ другихъ, слѣдуетъ предоставлять нѣкоторую свободу каждому университету. Въ главныхъ чертахъ однакожь необходимо установить какъ число предметовъ, такъ и число каѳедръ.

Замѣчу прежде всего, что до сихъ поръ въ нашихъ университетахъ число каѳедръ по физико-математическому факультету было слишкомъ ограничено, а между тѣмъ спеціализированіе предметовъ этого факультета рѣшительно необходимо.

Издавна признано необходимымъ раздѣлять физико-математическій факультетъ на два отдѣленія: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ. Въ послѣднее время стала распространяться еще и та мысль, что факультетъ этотъ долженъ дѣлиться не на два, а на три или четыре отдѣленія: математическое, физико-химическое, физико-географическое и естественно-историческое или біологическое. По проекту Устава, раздѣленіе факультетовъ предоставляется имъ самимъ, съ утвержденія совѣта. Мѣра эта кажется мнѣ вполнѣ раціональною, и потому я не буду останавливаться на этомъ предметѣ.

Переходя теперь къ самымъ предметамъ и каѳедрамъ, разсмотримъ каждый изъ предметовъ по порядку.

Касательно математическихъ наукъ г. профессоръ Савичъ уже представилъ комитету свои соображенія, съ которыми я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что они представляютъ выводъ изъ мнѣній совѣтовъ всѣхъ университетовъ: всѣ согласны въ необходимости учрежденія двухъ каѳедръ по чистой математикѣ. Механика, распадающаяся, по мнѣнію Московскаго университета и гг. Сомова и Савича, на двѣ каѳедры, составляетъ, по мнѣнію остальныхъ университетовъ, лишь одну. Но такъ какъ практическая механика, по мнѣнію академика Сомова, предполагаетъ знаніе такой части математики (интегральныя исчисленія), которая студентамъ преподается лишь въ 4-мъ курсѣ, то наука эта не можетъ считаться обязательною; а такъ какъ частные методы практической механики значительно разнятся отъ методовъ, употребляемыхъ механикою аналитическою (мнѣніе г. Сомова), то во всякомъ случаѣ считаю полезнымъ установить двѣ каѳедры по предмету механики. Астрономія и геодезія должны составлять одну каѳедру по мнѣнію всѣхъ университетовъ. Химія, по мнѣнію большинства университетовъ, составляетъ одну каѳедру; но такъ какъ во всѣхъ университетахъ ее преподаютъ по крайней мѣрѣ два лица, то, принимая притомъ во вниманіе чрезвычайную обширность этого предмета, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Кіевскаго университета, по которому каѳедра эта должна распадаться на двѣ.

Физика и физическая географія, по мнѣнію большинства университетовъ, составляютъ также одну каѳедру. Намъ извѣстно, однакоже, что въ Московскомъ университетѣ предметъ этотъ преподается двумя лицами, а въ Харьковскомъ и С.-Петербургскомъ приняты мѣры для достиженія той же цѣли. Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на то, что физика и физическая географія, или, правильнѣе, физика земнаго шаго, суть предметы весьма различные по своимъ методамъ: физика относится къ общему естествознанію, а физика земнаго шара—къ частному. Преобладающій методъ физики есть опытъ, тогда какъ физика земнаго шара руководствуется преимущественно наблюденіями. Послѣдняя изъ названныхъ наукъ основывается не только на физикѣ собственно, но также на геологіи, зоологіи и ботаникѣ: ибо орографія, гидрографія, распредѣленіе растеній и животныхъ входятъ въ ея предѣлы точно такъ же, какъ распредѣленіе теплоты, водяныхъ метеоровъ и проч. на земной поверхности. По этому я полагаю, что

физика земнаго шара должна составлять предметъ особой каѳедры. Самая физика, по своей обширности, могла бы также распасться на нѣсколько каѳедръ: ибо теорія волнообразнаго движенія — акустика и оптика, теорія теплоты, электричество съ магнитизмомъ и другія отрасли физики могутъ составить отдѣльныя ученія. Но такъ какъ большинство университетовъ противится раздробленію каѳедры физики, то я привожу эти замѣчанія лишь съ тою цѣлію, чтобы подтвердить еще необходимость отдѣленія физики земнаго шара отъ каѳедры физики.

Зоологія, по мнѣнію Московскаго и Харьковскаго университетовъ, должна раздѣляться на 2 каѳедры, а Казанскій и Кіевскій университеты оставляютъ ее въ прежнемъ видѣ. Я имѣлъ уже случай высказаться въ пользу перваго мнѣнія. Принимая во вниманіе обширность предмета и различіе въ пріемахъ физіологіи и гистологіи животныхъ съ одной стороны и описательной зоологіи съ сравнительною анатоміей—съ другой, я полагаю необходимымъ учредить двѣ каѳедры зоологіи.

Ботаника, по мнѣнію всѣхъ университетовъ, составляетъ одну каѳедру; я же имѣлъ уже случай высказаться въ пользу раздѣленія и этой каѳедры. Нельзя не удивляться согласію всѣхъ университетовъ касательно сохраненія этого предмета нераздѣльнымъ, тѣмъ болѣе, что въ Московскомъ и С. Петербургскомъ университетахъ онъ преподается двумя лицами, а въ Харьковскомъ только случайно однимъ, а не двумя, какъ то было до сихъ поръ. Притомъ же на профессорѣ ботаники лежитъ довольно сложная обязанность управленія ботаническими садомъ и кабинетомъ. Самый предметъ ботаники представляетъ тѣ же неудобства для преподаванія его однимъ лицомъ, какія замѣтилъ я относительно зоологіи. Не только описательная ботаника разнится по пріемамъ своимъ отъ остальныхъ частей науки, но и физіологія отличается отъ анатоміи растеній въ томъ отношеніи, что одна преимущественно руководствуется опытами, а другая—микроскопическими наблюденіями. Если раціонально зоологію раздѣлить на двѣ каѳедры, то тоже самое прилагается и къ ботаникѣ. Не менѣе причинъ для раздѣленія представляетъ минералогія съ геологіей, соединяемыя однако же всѣми университетами въ одну каѳедру. Методы изученія минерологіи, съ одной стороны, и геологіи съ геогнозіей — съ другой столь же различны, какъ методы, употребляемые физіологіею и

описательной ботаникой съ зоологiей. Притомъ же въ самой геологiи, включая сюда же и геогнозiю, содержится такъ много матерiаловъ, что я считалъ бы полезнымъ эту каѳедру раздѣлить на двѣ. Это мнѣнiе потверждается еще необходимостью серьезныхъ практическихъ занятiй въ минералогическомъ кабинетѣ подъ руководствомъ опытнаго минералога.

Что касается до предметовъ утилитарныхъ, каковы: строительное искусство, технологiя и сельское хозяйство, то я совершенно согласенъ со мнѣнiемъ г. профессора Савича, по которому предметы эти должны быть необязательны. Это мнѣнiе противоположно выраженному большинствомъ университетовъ, оно противорѣчитъ также мнѣнiю гг. Совѣтова и Ходецкаго, но, не смотря на то, я придерживаюсь его на слѣдующихъ основанiяхъ:

Утилитарныя науки составляютъ приложенiя механики, физики, химiи, физiологiи животныхъ и растенiй, геологiи. Слѣдовательно необходимо имѣть напередъ основательныя познанiя въ этихъ наукахъ, дабы заниматься съ пользою науками утилитарными; а такъ какъ исчисленныя теоретическiя науки оканчиваются лишь въ 4-мъ курсѣ, то утилитарныя должны преподаваться уже по окончанiи университетскаго курса. Этимъ уничтожается доводъ гг. Ходецкаго и Совѣтова, состоящiй въ томъ, что въ университетѣ особенно прилично преподаванiе сельскаго хозяйства, такъ какъ тамъ проходятъ всѣ естественныя науки.

Введенiе утилитарныхъ наукъ требуетъ обширныхъ практическихъ занятiй и такихъ значительныхъ матерiальныхъ средствъ, какими вообще не обладаютъ университеты. Если же предположить, что каѳедры сельскаго хозяйства и технологiи обстановлены со всевозможною роскошью, то сколько потребуется времени для единовременнаго и основательнаго занятiя всѣми естественными науками съ одной стороны и утилитарными—съ другой. Замѣтимъ при этомъ, что основательное изученiе сельскаго хозяйства требуетъ еще знакомства съ науками политическими, какъ-то: политическою экономiю, наукою о финансахъ, статистикою; а возможно ли требовать отъ студентовъ физико-математическаго факультета, чтобы они занимались еще и этими науками? Изученiе той или другой половины курса по необходимости будетъ принесено въ жертву другой. Въ противномъ случаѣ, познанiя непремѣнно окажутся по-

верхностными, что̀ мы и на опытѣ видимъ; если же утилитарныя науки предпочтутся теоретическимъ, то познанія въ нихъ будутъ лишены всякаго основанія. Практическіе хозяева всей Европы, не исключая самыхъ просвѣщенныхъ, слѣдуютъ ложному пути, какъ то положительно доказалъ Либихъ. Все раціональное, современное хозяйство ведетъ къ неминуемому истощенію почвъ, потому именно, что хозяйство это не основано на положительныхъ познаніяхъ въ естественныхъ наукахъ.

Мнѣ кажется возможнымъ положительно утверждать, что молодой человѣкъ, пріобрѣтшій хорошія познанія въ естественныхъ наукахъ, но не слушавшій ни сельскаго хозяйства, ни технологіи, способнѣе сдѣлаться дѣльнымъ земледѣльцемъ, фабрикантомъ или заводчикомъ, нежели тотъ, кто безъ познаній въ естественныхъ наукахъ имѣетъ большой запасъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ свѣдѣній, ибо свѣдѣнія утилитарныя суть ничто иное, какъ рецепты, лишенные всякаго основанія: обладающій ими одними не въ состояніи видѣть ихъ ошибочности или недостаточности. Напротивъ того, познанія въ наукахъ физическихъ даютъ возможность нетолько быстро понимать хозяйственныя и техническія наставленія и теоріи, но также контролировать, развивать и исправлять ихъ. Оканчивая курсъ въ университетѣ, молодой человѣкъ, слушалъ ли онъ или не слушалъ утилитарныя науки, во всякомъ случаѣ лишенъ практической опытности. Изложенныя съ каѳедры и подтвержденныя даже демонстраціями науки эти, безъ сомнѣнія, не разовьютъ въ немъ практическихъ стремленій — распорядительности, предпріимчивости, и т. п. Школа не можетъ производить опытныхъ хозяевъ и фабрикантовъ, также какъ не производитъ она ни опытныхъ администраторовъ, ни педагоговъ, и проч.

Пусть же кончающіе курсъ въ университетѣ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, основательную подготовку въ наукахъ теоретическихъ. Пусть будетъ развита сила ихъ мышленія и вкоренится въ нихъ правильное пониманіе явленій природы, съ которыми вступятъ они въ дѣйствительную борьбу по кончаніи своего образованія. Тогда они будутъ, безъ сомнѣнія, прочно вооружены противъ всякой рутины, которая увлекаетъ каждаго, кто лишенъ основательнаго университетскаго образованія.

И такъ, по моему мнѣнію, предметы физико-математическаго факультета должно распредѣлить слѣдующимъ образомъ по каѳедрамъ:

Обязательныя:

Чистая математика	2	каѳедры.
Механика аналитическая	1	»
Механика практическая	1	»
(Обязательная или необязательная, по усмотрѣнію факультета.)		
Астрономія и геодезія.	1	каѳедра.
Физика .	1	»
Физика земнаго шара	1	»
Химія .	2	»
Зоологія .	2	»
Ботаника. .	2	»
Геологія съ минералогіею	1	»

Уничтожаются вовсе или установляются необязательно для слушателей, по усмотрѣнію совѣта:

Агрономическая химія	1	»
Техническая химія	1	»

Къ числу необязательныхъ каѳедръ физико-математическаго факультета весьма полезно присоединить каѳедры: *исторіи философскихъ системъ*, *логики и психологіи*, ибо недостатокъ въ философскомъ образованіи естествоиспытателей чувствуется нетолько у насъ, но и во всей Европѣ.

Если метафизическія стремленія старой философіи и уронили ее въ глазахъ большинства ученыхъ, занимающихся точными науками, то разработка индуктивной логики въ новѣйшее время снова возстановила значеніе философскаго образованія, введеніемъ изслѣдованія методовъ, употребляемыхъ въ точныхъ наукахъ. Изложеніе же философскихъ системъ, безъ сомнѣнія, способствуетъ упражненію въ мышленіи и ведетъ къ болѣе широкому пониманію науки.

Выразивъ такимъ образомъ свое мнѣніе о составѣ преподаванія въ физико-математическомъ факультетѣ, представлю нѣсколько замѣчаній объ анатомической лабораторіи и оранжереѣ съ теплицею, которыя я считаю необходимыми для успѣшнаго преподаванія зоологіи и ботаники.

Лучшее доказательство пользы этихъ учрежденій заключается въ томъ, что они давно существуютъ во всѣхъ университетахъ, кромѣ С.-Петербургскаго. Не смотря на то, что во всѣхъ

университетахъ, кромѣ здѣшняго, существуетъ медицинскій факультетъ и обширный анатомическій театръ, повсюду признано необходимымъ имѣть особую лабораторію для сравнительной анатоміи. Дѣйствительно, занятіе такими науками, каковы: сравнительная анатомія, гистологія, эмбріологія и физіологія животныхъ вовсе невозможно безъ особой лабораторіи. Пріемы изслѣдованія тутъ пріобрѣтаются лишь постоянными практическими занятіями, да и самое изложеніе не можетъ обойтись безъ многочисленныхъ препаратовъ.

Относительно каѳедры ботаники можно сказать почти то же. Обширные ботаническіе сады, находящіеся при всѣхъ университетахъ, кромѣ здѣшняго, могутъ еще считаться роскошью, такъ какъ ими не пользуются слушатели, оставляющіе университетъ на вакаціонное время; но настоящая ботаническая лабораторія есть оранжерея и теплица, особенно въ нашемъ климатѣ и при распредѣленіи нашихъ курсовъ. Я считаю совершенно необходимымъ, чтобы при самомъ зданіи университета была учреждена теплица и оранжерея въ три или четыре отдѣленія, съ просторными пристѣнками.

Не излишне было бы, чтобы и самая аудиторія находилась въ оранжереѣ, какъ это устроено теперь въ С. Петербургской медико-хирургической академіи. Необходимость безпрестанныхъ микроскопическихъ препаратовъ, матеріаломъ коихъ могутъ служить лишь живыя растенія, выращиваніе споръ и сѣмянъ для эмбріологическаго курса, наконецъ, многіе физіологическіе опыты, удобно производимые лишь въ теплицѣ, все это заставляетъ меня обратить особое вниманіе ученаго комитета на настоятельную потребность небольшой оранжереи и теплицы при здѣшнемъ университетѣ, построеніе которой не можетъ стоить много *).

Сравнивая предложенное мною распредѣленіе предметовъ физико-математическаго факультета по каѳедрамъ съ тѣмъ, которое предложено г. профессоромъ Савичемъ, я нахожу слѣдующія различія: 1, 2 и 3 каѳедры, какъ у профессора Савича; 4 каѳедра, механика практическая (обязательная или необязательная по желанію университетовъ), у профессора Савича выпущена; физика и физическая географія, составляющія у профессора Савича предметъ одной каѳедры (4-й), распадаются на 2 каѳедры,

*) Отъ 1,000 до 1,500 рублей.

физики и физики земнаго шара. Астрономія и геодезія, какъ у профессора Савича. Химія, какъ у профессора Савича. Зоологія, какъ у профессора Савича, т. е. двѣ каѳедры, но безъ означенія предметовъ, относимыхъ къ каждой. Ботаника — 2 каѳедры, а у профессора Савича 1. Минералогія — 2 каѳедры, а у профессора Савича 1.

Кромѣ того, я предлагаю, согласно съ профессоромъ Савичемъ, установить по усмотрѣнію совѣта необязательныя каѳедры: 1 агрономической химіи и 1 технической химіи. Я присоединяю сюда еще необязательныя каѳедры логики съ психологіею и исторіи философскихъ системъ.

Всѣхъ обязательныхъ для слушателей каѳедръ, по этому, я предлагаю 14, одну обязательную и необязательную по усмотрѣнію факультета и 4 необязательныя.

Къ № 8.

I. О пріемѣ въ университетъ.

(Гл. V, отд. I, §§ 97—103).

Члена ученаго комитета, ординарнаго профессора **Н. Благовѣщенскаго**.

Первое отдѣленіе пятой главы «Проекта», куда относятся §§ отъ 97 до 103 включительно, заключаетъ въ себѣ постановленія о пріемѣ въ университетъ. Въ числѣ ихъ составители проекта имѣли въ виду узаконить и такія мѣры, какихъ мы не встрѣчаемъ въ прежнихъ нашихъ университетскихъ уставахъ. Вообще условія пріема въ университетъ молодыхъ людей подвергались у насъ разнымъ измѣненіямъ. При основаніи Московскаго университета, первые студенты его были набраны изъ питомцевъ духовныхъ академій и семинарій. Въ то же время, для приготовленія студентовъ къ университету, служили двѣ учрежденныя въ Москвѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ. Въ первый разъ университетъ произвелъ студентовъ изъ учениковъ своихъ гимназій на актѣ 1759 года. Особаго университетскаго пріемнаго экзамена при этомъ не было, такъ какъ профессоры университета считались въ то же время наставниками въ гимназіяхъ. Въ уставахъ 1804 года, данныхъ университетамъ: Московскому, Харьковскому и Казанскому, въ главѣ «о студентахъ вообще», постановлено такъ: «Желающій пользоваться университетскими курсами долженъ предъявить правленію университета свидѣтельство о своемъ состояніи и свидѣтельство директора гимназіи о поведеніи, прилежаніи и успѣхахъ въ преподаваемыхъ тамъ наукахъ; прочіе,

внѣ гимназіи обучавшіеся, испытываемы быть должны въ комитетѣ, отъ ректора назначаемомъ, въ языкахъ и начальныхъ основаніяхъ нужныхъ наукъ, и со свидѣтельствомъ, какое получатъ о знаніяхъ, являются въ правленіе». Полное довѣріе, выказанное законоположеніями 1804 года къ гимназическимъ аттестатамъ, было значительно нарушено уставомъ 1835 года. Этотъ уставъ измѣнилъ условія пріемнаго университетскаго экзамена тѣмъ, что предоставилъ (§ 91), какъ бы въ видѣ исключенія, только лучшимъ воспитанникамъ гимназій право поступленія въ университетъ безъ вторичнаго экзамена. Въ 1837 г. были изданы особыя «Правила испытанія для желающихъ поступить въ университетъ», которыя еще болѣе усилили это недовѣріе къ гимназіямъ. Сознавая неудобства и несправедливость этой новой экзаменной регламентаціи, нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ неоднократно входили въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіями о дозволеніи ученикамъ гимназій, оканчивающимъ курсъ ученія съ отличіемъ, вступать въ университеты безъ вторичнаго испытанія и, вслѣдствіе этихъ ходатайствъ, наши гимназіи получали, одна за другою, возможность предоставлять лучшимъ изъ своихъ учениковъ означенную льготу. Въ 1860 г., на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 22 день февраля этого года положенія главнаго правленія училищъ, были составлены новыя «Правила для испытанія поступающихъ въ студенты университетовъ», гдѣ постановлено: «всѣхъ, желающихъ поступить въ число студентовъ, кромѣ стипендіатовъ Царства Польскаго и кончившихъ съ отличіемъ полный курсъ ученія въ губернскихъ гимназіяхъ, подвергать пріемному испытанію въ особой экзаменаціонной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ декана историко-филологическаго или физико-математическаго факультета, изъ профессоровъ, по одному для каждаго предмета, инспектора казенныхъ училищъ, директора одной изъ гимназій университетскаго города и гимназическихъ учителей, по два для каждаго предмета». Самыя испытанія были раздѣлены на *полныя*—во всѣхъ и *сокращенныя*—только въ нѣкоторыхъ предметахъ гимназическаго курса. На основаніи этихъ «Правилъ», въ 1860 г., ученики VII класса всѣхъ гимназій, находящихся въ столичныхъ и университетскихъ городахъ, окончательный выпускной и вмѣстѣ вступительный въ университетъ экзаменъ держали въ университетѣ. Эта мѣра, выказавшая въ

одно и то же время какое-то странное недовѣріе и къ университетамъ и къ гимназіямъ, разумѣется, не могла встрѣтить никакого сочувствія въ педагогическомъ мірѣ. Особенно приводило въ недоумѣніе то обстоятельство, что это недовѣріе, почему-то, исключительно коснулось только гимназій столичныхъ и другихъ университетскихъ городовъ и оставило прочія гимназіи безъ контроля. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такая экзаменная регламентація очень скоро оказалась вполнѣ неудобною, и уже въ 1861 г., по Высочайше утвержденному положенію совѣта министровъ о нѣкоторыхъ новыхъ мѣрахъ по университетамъ, постановлено: «производить для желающихъ поступить въ университеты пріемные экзамены въ гимназіяхъ, вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ университета, къ округу коего принадлежатъ гимназіи». Имѣя это въ виду, проектъ новаго устава произвелъ коренную реформу, относительно условій пріема въ университетъ. Къ сожалѣнію, однако, выказавъ довѣріе къ гимназіямъ исключительнымъ предоставленіемъ имъ обязанности производить пріемныя университетскія испытанія, онъ въ то же время поставилъ ихъ подъ строгій и вовсе неудобный университетскій контроль, и вообще ввелъ въ разсматриваемую главу немало стѣснительныхъ и не имѣющихъ достаточнаго основанія постановленій. Такая двойственность положеній о пріемѣ въ университетъ не могла не вызвать очень многихъ замѣчаній со стороны критиковъ проекта и лучшія изъ нихъ, разумѣется, оказались не въ его пользу. Для того, чтобы удобнѣе обозрѣть эти замѣчанія, мы разсмотримъ каждый изъ относящихся къ разбираемой главѣ параграфовъ въ отдѣльности.

§ 97. «Всѣ молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста, окончившіе съ успѣхомъ гимназическое образованіе или удовлетворительно выдержавшіе въ одной изъ гимназій экзаменъ въ полномъ гимназическомъ курсѣ и получившіе въ томъ установленный аттестатъ или свидѣтельство, могутъ быть приняты въ университетъ».

Въ этой статьѣ проектъ совершенно отступаетъ отъ прежнихъ университетскихъ уставовъ: 1) относительно возраста вступающихъ въ университетъ и 2) относительно мѣста, гдѣ долженъ производиться пріемный университетскій экзаменъ.

Первое изъ этихъ постановленій, внесенное въ «проектъ

изъ положенія совѣта министровъ о нѣкоторыхъ новыхъ мѣрахъ по университетамъ, Высочайше утвержденнаго 31 мая 1861 года, вызвало очень основательныя возраженія. Директоръ Пулковской обсерваторіи, академикъ Струве находитъ, что требованіе 17-лѣтняго возраста отъ вступающихъ въ университетъ не только излишнее, но и можетъ имѣть иногда очень вредныя послѣдствія для молодыхъ людей. Можно сказать, что обыкновенно молодой человѣкъ ранѣе этого возраста не будетъ въ состояніи успѣшно выдержать экзаменъ, можно даже устроить гимназическіе курсы такъ, что обучавшіеся въ этихъ заведеніяхъ будутъ оканчивать курсъ не ранѣе 17 лѣтъ; но поставить непремѣннымъ правиломъ для пріема такой возрастъ, какъ бы принимая его за норму требуемаго развитія человѣка,— развитія, столь много зависящаго отъ особенностей натуры и способностей каждаго, — едва ли основательно. Были и будутъ всегда случаи, въ которыхъ подобное ограниченіе непримѣнимо, или по крайней мѣрѣ сопряжено съ вредными послѣдствіями. Умственная зрѣлость для университета выказывается экзаменомъ. Рано развившіеся и даровитые люди могутъ выдержать его и до 17-лѣтняго возраста.

Съ другой стороны, прибавляетъ г. Струве, что долженъ дѣлать юноша, пріобрѣтшій уже на 17 году или ранѣе полное количество познаній для поступленія въ университетъ? Посѣщать долѣе школу было бы для него лишнею тратою времени и при томъ невыгодно для другихъ учениковъ. Поступленіе въ университетъ и даже партикулярное посѣщеніе чтеній, по § 103, ему запрещено, и только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ онъ можетъ найти средства для своего дальнѣйшаго образованія въ наукахъ. Итакъ онъ долженъ провести кое-какъ свое время, т. е. ему открытъ путь къ разгулу. Слѣдовательно, подобный законъ для него прямо вреденъ. Поэтому, заключаетъ г. Струве, если уже оставить въ уставѣ означенное ограниченіе, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы уполномочить попечителя или ректора дѣлать въ рѣдкихъ случаяхъ изъятія, когда они сами убѣдятся, что законъ скорѣе можетъ быть вреденъ, чѣмъ полезенъ какому-либо юношѣ.

Мнѣніе г. Струве, какъ намъ кажется, вполнѣ разрѣшаетъ занимающій насъ вопросъ и оказывается далеко не въ пользу проекта. Изъ другихъ критиковъ его коснулись этого вопроса г. Васильевъ, который находитъ, что «опредѣленіе лѣтъ уни-

верситетскаго слушателя противно свободѣ, съ которой наука принимаетъ всякаго», и директоръ Московской второй гимназіи Авиловъ, выразившій въ своихъ замѣчаніяхъ, относительно разсматриваемаго вопроса, то же самое, что и г. Струве. Затѣмъ г. Авиловъ находитъ еще, что узаконеніе въ настоящее время означеннаго положенія оказалось бы очень неудобнымъ и несправедливымъ. «Прежній уставъ, говоритъ г. Авиловъ, допускалъ вступленіе въ университетъ въ 16 лѣтъ, и справедливость требовала бы, чтобы было пока дѣлаемо исключеніе изъ этого правила для тѣхъ гимназистовъ, которыхъ ученіе, на основаніи прежнихъ правилъ, было такъ расположено родителями, что они должны окончить курсъ ранѣе этого возраста: потому что годъ, проведенный ими между окончаніемъ гимназическаго курса и вступленіемъ въ университетъ въ праздности, можетъ повлечь за собой неблагопріятныя послѣдствія.» Наконецъ, г. Савиновъ, не входя въ подробный разборъ § 97 замѣчаетъ, что «узаконять для вступающихъ въ университетъ 17-лѣтній возрастъ, вмѣсто прежняго 16-лѣтняго, нѣтъ никакой нужды.»

Остальныя мнѣнія, относительно этого вопроса, выражены въ замѣчаніяхъ къ § 103, гдѣ идетъ рѣчь о постороннихъ слушателяхъ. При разсмотрѣніи этого параграфа, мы приведемъ означенныя мнѣнія, а теперь обратимся ко второй половинѣ 97-й статьи, гдѣ составители проекта переносятъ всѣ пріемныя испытанія изъ университета исключительно въ гимназіи. Эта коренная реформа вызвала сильную, хотя ни на чемъ не основанную, оппозицію исключительно только со стороны Московскихъ ученыхъ, которые всѣми средствами стараются защитить прежній порядокъ и прежнія правила, относительно вопроса о пріемныхъ испытаніяхъ. Такъ совѣтъ Московскаго университета находитъ (I, 260), что «предоставленіе гимназіямъ права испытывать молодыхъ людей, вступающихъ въ университетъ: 1) вредно дѣйствуетъ на преподаваніе въ гимназіяхъ, уничтожая всякій контроль и пресѣкая соревнованіе, которое возбуждается между различными заведеніями при испытаніи молодыхъ людей въ университетѣ; 2) уничтожаетъ конкурренцію со стороны частныхъ заведеній и убиваетъ послѣднія, поставляя ихъ въ зависимость отъ гимназій, которымъ предоставляется монополія экзаменовъ; 3) что такимъ образомъ постоянно будутъ

вступать въ университетъ молодые люди, совершенно неприготовленные къ слушанію лекцій, что̀ поставитъ въ необходимость понизить преподаванія въ университетѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ совѣтъ Московскаго университета полагаетъ измѣнить §§ 97, 98 и 99 слѣдующимъ образомъ: «Всѣ молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста, принимаются въ университетъ не иначе, какъ по предварительномъ испытаніи въ самомъ университетѣ. Формы и способы испытанія установляются совѣтомъ съ утвержденія министра.» Тѣ же мысли приводятъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ гг. профессоры Московскаго университета Ешевскій и Дмитріевъ (I, 278). Первый изъ нихъ, приписывая бывшія въ нашихъ университетахъ волненія бѣдности умственнаго и нравственнаго запаса университетскихъ слушателей, ихъ неразвитости, неприготовленности и неспособности къ серьезному труду, находитъ, что «передачею вступительнаго экзамена гимназіямъ только шире прежняго раскрываются двери въ университетъ всѣмъ этимъ вреднымъ элементамъ.» Г. Дмитріевъ (II, 424) также находитъ перенесеніе пріемнаго экзамена изъ университета въ гимназіи мѣрою очень не практическою и отдаетъ въ этомъ случаѣ преимущество прежнему порядку, при которомъ, по его словамъ: 1) устанавливалась нѣкоторая связь между испытаніями гимназистовъ и постороннихъ лицъ. 2) Отнынѣ (т. е. при новомъ порядкѣ, узаконяемомъ проектомъ), университетамъ будетъ трудно установить, для поступающихъ молодыхъ людей, какія-нибудь требованія, такъ какъ надзоръ за исполненіемъ ихъ принадлежитъ не ему, а другому учрежденію. 3) Вообще порядокъ, поручающій вступительные экзамены множеству отдѣльныхъ гимназій, уничтожитъ всякій однообразный масштабъ для нихъ. 4) Самое отношеніе университета къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ совершенно извращается этимъ: вмѣсто того, чтобы находиться подъ нравственнымъ контролемъ университета, гимназіи не только освобождаются отъ него, но сами получаютъ косвенное вліяніе на него составъ. Еще хуже, если вступительные экзамены производятся отдѣльно отъ гимназическихъ, потому что въ такомъ случаѣ становятся возможными двѣ совершенно различныя мѣрки.

Вслѣдствіе всего этого г. Дмитріевъ находитъ, что «нужно не только перенести экзамены опять въ университетъ, но даже отмѣнить привилегію гимназій, по которой воспитанники

ихъ дѣлаются студентами безъ экзамена. Прежде этимъ правомъ пользовались немногіе изъ нихъ. Тогда университетскіе экзамены были для гимназій пробнымъ камнемъ. Здѣсь оказывалось, которая изъ нихъ стоитъ выше, и въ какомъ отношеніи онѣ находятся къ частнымъ школамъ. Это не оставалось безъ хорошихъ послѣдствій. Въ прежнее время гимназисты были обыкновенно лучше приготовлены, нежели молодые люди, вышедшіе изъ частныхъ заведеній или учившіеся дома. Теперь отношеніе едва ли не обратное.» Наконецъ «Русскій Вѣстникъ» (II, 293), касаясь мимоходомъ разсматриваемаго вопроса, утверждаетъ, что перенесеніе вступительнаго экзамена въ гимназіи «удобнѣе для университета и пріятнѣе для гимназій, но даетъ имъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ частными учебными заведеніями,» а потому «либеральный взглядъ» на частное обученіе побуждаетъ предпочесть производство вступительнаго экзамена въ самомъ университетѣ.

Всѣ эти мнѣнія Московскихъ ученыхъ, какъ мы уже замѣтили, стоятъ одиноко въ сборникѣ замѣчаній на проектъ университетскаго устава. Всѣ остальные критики проекта, прямо или косвенно, заявили полное сочувствіе мысли о перенесеніи пріемныхъ университетскихъ экзаменовъ въ гимназіи. Протоколъ Московскаго университетскаго совѣта и замѣчанія г. Ешевскаго побудили г. Гаярина (II, 325) написать очень рѣзкую полемическую статью, въ которой онъ совершенно справедливо, какъ намъ кажется, вооружается противъ означенныхъ мнѣній. Критикъ не оставилъ почти ни одного изъ нихъ безъ отвѣта. Жаль только, что онъ иногда какъ бы намѣренно запутываетъ довольно ясный смыслъ разбираемыхъ имъ положеній, наприм. при разсмотрѣніи перваго изъ выставленныхъ Московскимъ университетомъ пунктовъ, гдѣ очень опредѣлительно говорится о соревнованіи между различными заведеніями, уничтожаемомъ будто бы предоставленіемъ пріемныхъ испытаній гимназіямъ. Но въ чемъ же состоитъ это соревнованіе? Неужели воспитанники, напр., Тульской гимназіи, зная, что имъ пресѣчена возможность соревнованія съ воспитанниками Костромской, — будутъ вслѣдствіе этого менѣе трудиться? По поводу требованія университетскаго контроля надъ гимназіями, критикъ совершенно справедливо укоряетъ почтенныхъ Московскихъ ученыхъ въ непослѣдовательности. Пусть, говоритъ г. Гаяринъ, совѣтъ Московскаго университета отвѣтитъ, почему онъ счи-

таетъ контроль въ такой степени гибельнымъ для университета и столь благодѣтельнымъ для гимназій? Кромѣ того, чтобы быть послѣдовательнымъ въ этомъ случаѣ, необходимо требовать для университетовъ исключительнаго права экзаменовать на званія домашнихъ учителей и учительницъ, на званія приходскихъ и уѣздныхъ учителей, и т. д.

Второй мотивъ, выставленный совѣтомъ Московскаго университета противъ перенесенія пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіи и состоящій въ томъ, что эта мѣра убьетъ частныя учебныя заведеній, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго вниманія и тщательнаго обсужденія, которое бы слишкомъ уклонило насъ въ сторону отъ разсматриваемаго вопроса. Замѣтимъ только, что, для устраненія упомянутыхъ опасеній и въ видахъ гарантированія частныхъ учебныхъ заведеній, г. Гаяринъ предлагаетъ слѣдующую мѣру. Преподавателямъ частнаго заведенія, котораго ученики экзаменуются въ гимназіи для поступленія въ университетъ, слѣдуетъ, по мнѣнію его, предоставить право участвовать въ испытаніи не только своихъ учениковъ, но и воспитанниковъ гимназіи; присутствовать потомъ въ совѣтѣ, протестовать противъ рѣшенія гимназическаго совѣта. Тѣмъ воспитанникамъ и гимназіи и частнаго заведенія, по поводу которыхъ произошли разногласія между гимназическимъ совѣтомъ и частными преподавателями, должно быть предоставлено право подвергнуться новому испытанію въ университетскомъ городѣ въ особой коммиссіи, членами которой могутъ быть и преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній, и профессора—вообще эксперты. Подобная мѣра, заключаетъ г. Гаяринъ, не представляетъ никакихъ затрудненій и служила бы полной гарантіей для частныхъ заведеній. Не пускаясь въ подробную критику этой мѣры, мы съ своей стороны замѣтимъ только, что она кажется намъ очень непрактическою, потому что подастъ, безъ сомнѣнія, множество поводовъ къ коллизіямъ между учителями гимназій и частными преподавателями.

На послѣдній изъ мотивовъ, выставленныхъ Московскимъ университетомъ, г. Гаяринъ ничего не отвѣчаетъ. Этотъ мотивъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ опасеніи, что при гимназическихъ экзаменахъ постоянно будутъ вступать въ университетъ, молодые люди, совершенно неприготовленные къ слушанію лекцій, что̀ поставитъ въ необходимость понизить уровень преподаванія въ университетѣ. Мы еще будемъ имѣть случай го-

ворить о томъ, что подобное опасеніе совершенно излишнее. При томъ мы не можемъ признать тѣсной связи между профессорскою лекціей и аудиторіей, допуская, конечно, что преподаватель человѣкъ добросовѣстный и понимающій свою обязанность. И теперь въ нашихъ университетскихъ аудиторіяхъ, при полной ихъ доступности для публики, найдется, вѣроятно, немало слушателей, для которыхъ дѣльная профессорская лекція представляетъ неодолимыя трудности. Что же, однако, за дѣло профессору до подобныхъ слушателей? Они сами мало по малу отстанутъ, не желая напрасно тратить времени и постараются употребить его съ большею для себя пользою. А за тѣмъ, и при новомъ порядкѣ пріемныхъ экзаменовъ, всегда найдется довольно лицъ, могущихъ съ пользою слѣдить за университетскимъ преподаваніемъ.

Возвращаясь снова къ статьѣ г. Гаярина, мы не можемъ не обратить вниманія и на остальные его доводы въ пользу исключительнаго предоставленія гимназіямъ обязанности производить пріемный университетскій экзаменъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эта мѣра будетъ имѣть огромное значеніе для людей недостаточныхъ, ищущихъ университетской науки. Этою мѣрою въ значительной степени устраняются тѣ неудобства, которыя до сихъ поръ для многихъ служили неодолимымъ препятствіемъ получить высшее образованіе. Дѣйствительно, прежній уставъ требовалъ, чтобы всѣ, желающіе воспользоваться имъ, собирались съ разныхъ концовъ Россіи въ университетскіе города и освѣдомлялись тамъ, могутъ ли они поступить въ университетъ, или нѣтъ. Рѣдкій, конечно, бѣднякъ, говоритъ г. Гаяринъ, рѣшится ѣхать, или скорѣй идти за нѣсколько сотъ верстъ, чтобъ въ продолженіе очень долгаго времени на пути и потомъ на мѣстѣ подвергаться всѣмъ лишеніямъ, имѣя сверхъ того въ перспективѣ возможность неуспѣха, очень часто случайнаго, а вслѣдствіе того тяжелую необходимость возвращенія назадъ. Одни, по недостатку увѣренности въ себѣ, не рѣшатся подвергать себя и свое семейство лишеніямъ, опасаясь неуспѣха. Другіе, по ложной самоувѣренности, отправятся недостаточно приготовленными, и истратятъ напрасно послѣднія средства. Бѣдный человѣкъ, готовый отдать своему сыну послѣдній грошъ на дорогу, когда знаетъ, что сынъ уже принятъ въ университетъ,—рѣдко рѣшится сдѣлать это, не зная навѣрное, будетъ ли онъ еще принятъ. Наконецъ г. Гаяринъ спра-

ведливо указываетъ на всѣмъ извѣстныя неудобства, съ которыми необходимо соединено производство пріемныхъ экзаменовъ въ самомъ университетѣ. Здѣсь, при огромномъ накопленіи экзаменующихся и при величайшей трудности опредѣлить степень знанія и степень развитія только по экзамену, случайности очень нерѣдко будутъ рѣшать дѣло. Вотъ, конечно, чѣмъ долженъ быть объясняемъ довольно извѣстный и загадочный фактъ, на который очень недавно указалъ г. Глѣбовъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Московскихъ вѣдомостей, а именно, что гимназисты не только VI и V, но иногда даже IV класса нерѣдко, послѣ небольшаго приготовленія, выдерживали въ нашихъ университетахъ вступительный экзаменъ. Эта странность не разъ даже вызывала, со стороны министерства народнаго просвѣщенія, особыя распоряженія. Такъ министерскимъ циркуляромъ отъ 27-го октября 1837 г. было постановлено, чтобы и ученики гимназій, не кончившіе полнаго въ сихъ заведеніяхъ курса, допускались къ экзамену въ студенты университетовъ и лицеевъ не прежде, какъ по истеченіи времени, равнаго тому, какое бы имъ слѣдовало провести въ гимназіяхъ для окончанія полнаго курса. Указаніе одного такого факта можетъ, по нашему мнѣнію, служить вполнѣ достаточнымъ отвѣтомъ на всѣ доводы Московскихъ критиковъ въ пользу оставленія за университетами обязанности производить пріемный экзаменъ. При перенесеніи его въ гимназіи, едва ли будутъ возможны указанные случаи. Гимназическій совѣтъ основываетъ свои рѣшенія не на одномъ выпускномъ испытаніи, а на занятіяхъ учениковъ въ продолженіе всего курса; что же касается до нѣсколькихъ лицъ, неучившихся въ гимназіи и желающихъ экзаменоваться на право поступленія въ университетъ, то гимназіи, при ограниченномъ числѣ такихъ лицъ, имѣютъ полную возможность произвести испытаніе болѣе обстоятельное, и судъ ихъ будетъ болѣе справедливый, будетъ менѣе зависѣть отъ случайностей. Мы думаемъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается въ то же время очень удовлетворительный отвѣтъ на заявленіе г. Ешевскаго, будто передачею вступительнаго экзамена гимназіямъ только шире прежняго раскрываются двери въ университетъ разнымъ вреднымъ элементамъ.

Группируя полемическія возраженія г. Гоярина, мы отвѣтили, какъ намъ кажется, очень обстоятельно на доводы, приведенные почтенными Московскими учеными въ пользу удер-

жанія пріемныхъ экзаменовъ въ университетѣ. Этотъ критикъ не коснулся, однако, статьи г. Дмитріева, написанной, впрочемъ, совершенно въ томъ же духѣ, какъ и тѣ мнѣнія, которыя мы только что разобрали. Выше мы уже представили сводъ замѣчаній г. Дмитріева къ той части проекта новаго университетскаго устава, которая имѣется здѣсь въ виду. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, выставленныя подъ №№ 1 и 2, очень неопредѣлительны и только вызываютъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: 1) Чѣмъ новый экзаменный порядокъ нарушитъ связь между испытаніями гимназистовъ и постороннихъ лицъ? 2) Какія требованія устанавливалъ университетъ и могъ ли онъ устанавливать ихъ безъ нарушенія справедливости, не обращая вниманія на тѣ научныя средства, которыя давали своимъ питомцамъ гимназіи? Затѣмъ соболѣзнованіе г. Дмитріева объ уничтоженіи однообразнаго масштаба въ экзаменныхъ требованіяхъ отъ воспитанниковъ гимназій, съ перенесеніемъ въ нихъ пріемныхъ испытаній, кажется намъ вовсе неумѣстнымъ. Мы, напротивъ, очень радуемся уничтоженію этого однообразнаго экзаменнаго масштаба, и оно одно, по нашему глубокому убѣжденію, громко говоритъ въ пользу экзаменной регламентаціи, предлагаемой проектомъ. Дѣйствительно, справедливо ли требовать одинаковаго уровня знаній отъ всѣхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ университетъ? Намъ и прежде случалось встрѣчать въ печати заявленіе нѣкоторыхъ литераторовъ о томъ, что гимназіи Московскаго учебнаго округа гораздо выше множества другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстностямъ Россіи, и что воспитанникамъ этихъ заведеній, на основаніи теоріи однообразнаго экзаменнаго масштаба, едва ли легко проникнуть въ Московскій университетъ. Мы также готовы допустить, что Тверская, Ярославская и Костромская гимназіи стоятъ гораздо выше Пермской, Вятской и Томской. Но если это такъ, то гуманно ли, разумно ли требовать отъ питомцевъ этихъ заведеній, чтобы они такъ же хорошо были приготовлены къ университетскому экзамену, какъ гимназисты Московскаго округа? Чѣмъ же виноваты эти питомцы, что родныя ихъ захолустья не могли имъ дать столько знаній, сколько требуетъ ихъ Московскій университетъ? Притомъ же развѣ это мѣшало многимъ изъ нихъ быть людьми замѣчательно даровитыми и, въ случаѣ удачи, не только равняться, въ теченіе че-

тырехлѣтняго курса, съ своими Московскими товарищами, но и далеко опереживать ихъ? А между тѣмъ, слѣдуя указанной теоріи, вполнѣ раздѣляемой г. Дмитріевымъ, этихъ питомцевъ отдаленныхъ гимназій, т. е. молодыхъ людей, нерѣдко жаждущихъ знанія и достаточно развитыхъ для того, чтобы имъ воспользоваться, никакъ не слѣдуетъ пускать въ университетъ. Положимъ, что этимъ средствомъ онъ удержится на неприступной высотѣ, но какая же отъ того польза обществу? Справедливо ли, напримѣръ, при экзаменѣ изъ физики требовать подробнаго и нагляднаго описанія разныхъ машинъ отъ воспитанника такого заведенія, въ которомъ, какъ это нерѣдко случается, почти вовсе нѣтъ физическаго кабинета? Позволительно ли съ одинаковою строгостью экзаменовать изъ Латинскаго языка воспитанника реальной школы и филологической гимназіи и не пускать въ университетъ перваго изъ нихъ, если онъ, при недостаточномъ знаніи Латинскаго языка, отлично выдержалъ экзаменъ изъ предметовъ того факультета, на который онъ желаетъ вступить? Нѣтъ, идея однообразнаго экзаменнаго масштаба можетъ быть только порожденіемъ холодной и односторонней теоріи, удовлетворяющей, правда, бездушному формализму, но гибельной для высшаго образованія огромной массы молодыхъ людей. Экзаменаторъ, проникнутый подобною теоріей, можетъ быть человѣкомъ очень честнымъ и большимъ законникомъ, но едва ли это гуманный и вполнѣ развитый человѣкъ? Словомъ, перенесеніе въ гимназіи пріемнаго университетскаго экзамена тѣмъ и хорошо, что эта мѣра наконецъ уничтожитъ тотъ однообразный экзаменный масштабъ, который давно уже оказался не только несправедливымъ, но и гибельнымъ для множества молодыхъ людей, ищущихъ высшаго образованія. Не знаемъ, на сколько эта мѣра — употребимъ нѣсколько темное выраженіе «Русскаго Вѣстника» — будетъ пріятна для гимназій, знаемъ только, что отъ нея много выиграютъ общество и высшее образованіе.

Наконецъ, г. Дмитріевъ, вмѣстѣ съ другими Московскими критиками проекта, желаетъ, чтобы гимназіи находились подъ нравственнымъ контролемъ университета. Онъ охотно готовъ признать, что «учители, болѣе знакомые съ гимназическими требованіями, естественно вносятъ въ экзамены болѣе отчетливости», но въ то же время требуютъ присутствія профессоровъ при этихъ экзаменахъ для того, «чтобы устранить возможность

злоупотребленій». Подобный контроль гораздо справедливѣе было бы назвать полицейскимъ, а отнюдь не нравственнымъ. Никто не будетъ отвергать необходимости нравственной связи гимназій и всѣхъ вообще учебныхъ заведеній съ университетомъ, «но эту связь должно понимать не въ смыслѣ *оффиціально-формальнаго* контроля университета надъ гимназіями, а въ смыслѣ научно-нравственнаго вліянія, которое имѣютъ достойные представители науки на своихъ слушателей, будущихъ преподавателей гимназіи. Съ любовію подчиняясь этому вліянію, слушатели переносятъ его въ ту среду, гдѣ имъ послѣ приходится быть дѣятелями. Словомъ, такое вліяніе зависитъ отъ личности университетскихъ преподавателей и никакое оффиціальное распоряженіе ввести его не можетъ» *). Что же касается до возможности злоупотребленій, то они вездѣ возможны и полицейскій контроль едва ли тутъ поможетъ дѣлу. Для того, чтобы окончательно искоренить ихъ въ гимназіяхъ, необходимо, по нашему мнѣнію, увеличить значеніе педагогическихъ совѣтовъ въ этихъ заведеніяхъ и назначать въ директоры ихъ лучшихъ представителей педагогическаго сословія, въ средѣ котораго въ настоящее время очень много лицъ, способныхъ возбудить къ себѣ полное уваженіе и довѣріе. Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ г. докторомъ философіи Цункомъ (II, 462), который хотя исклоняется въ пользу экзаменной регламентаціи, предлагаемой проектомъ, но требуетъ, чтобы при каждомъ экзаменѣ «присутствовалъ, по назначенію министра, профессоръ или чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія». «Для тѣхъ же молодыхъ людей, прибавляетъ г. Цункъ, которые, не обучавшись въ гимназіи, пожелали бы вступить въ университетъ, пусть въ самомъ университетѣ составляется испытательная коммиссія». Послѣ всего сказаннаго, едва ли нужно распространяться о неумѣстности всѣхъ этихъ требованій. Г. попечитель Московскаго учебнаго округа Исаковъ (I, 242) также находитъ, что «предоставленіе гимназіямъ права испытывать молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ, избавляетъ послѣдній отъ чрезвычайно хлопотливой обязанности дѣлать вступительные экзамены, оказавшіеся на опытѣ мало практическими, чтобы быть вполнѣ состоятель-

*) Слова г. Гоярина.

ными». Впрочемъ, г. Исаковъ одобряетъ эту мѣру съ тѣми ограниченіями, которыя предлагаются въ § 99 проекта. Мы коснемся ихъ, при разсмотрѣніи этой статьи, и въ то же время будемъ имѣть случай привести много другихъ мнѣній, въ которыхъ высказалось полное довѣріе къ гимназическимъ испытаніямъ.

Въ заключеніе мы должны еще указать, что въ замѣчаніяхъ на проектъ встрѣчается цѣлый рядъ требованій, совершенно уничтожающихъ пріемные университетскіе экзамены. Эти требованія заявлены гг. Костомаровымъ, Бекетовымъ и другими сторонниками идеи свободнаго университета и уничтоженія студентской корпораціи (II, 246; I, 152; II, 195). Здѣсь не мѣсто разбирать справедливость этой идеи, такъ какъ она не положена въ основаніи проекта и, сколько намъ извѣстно, не будетъ внесена въ новый университетскій уставъ. Замѣтимъ только, что мысль о свободномъ университетѣ, которой многіе такъ настойчиво старались дать право гражданства въ нашей литературѣ, вѣроятно, не останется навсегда безъ исполненія, и очень можетъ быть, что, со временемъ, при увеличеніи нашихъ научныхъ средствъ и требованія на нихъ, мы увидимъ, рядомъ съ нашею Сорбонной, что-нибудь въ родѣ Collège de France.

На основаніи всего вышесказаннаго, разсматриваемая статья проекта очевидно нуждается въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, которыя должны, впрочемъ, исключительно коснуться первой ея части. Нельзя не убѣдиться въ томъ, что ограниченіе вступленія въ университетъ 17-лѣтнимъ возрастомъ, представляя большія неудобства на практикѣ, очень мало будетъ гарантировать университетъ отъ неразвитыхъ слушателей.

Что же касается второй части § 97 то она очевидно должна быть удержана и всѣ измѣненія этой части могутъ имѣть только исключительно стилистическій характеръ. Въ замѣчаніяхъ къ проекту мы находимъ, впрочемъ, безъ означенія мотивовъ, двѣ измѣненныя редакціи этого параграфа, предложенныя гг. Ребиндеромъ и Гречемъ. Первый изъ нихъ находитъ (I, 61), что, для бо̀льшей опредѣлительности не лишнее было бы послѣ словъ: «могутъ поступать въ университеты всѣ молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста», сказать: «окончившіе гимназическое образованіе и удостоенные одобрительныхъ аттестатовъ», вмѣсто: «окончившіе съ успѣхомъ гимназическое образованіе». Редакція, предложенная г. Гречемъ (II, 131), гораздо ближе подходитъ къ дѣлу и заключается въ слѣдующемъ: «въ студенты универ-

ситета могутъ быть принимаемы молодые люди, окончившіе съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ и получившіе въ томъ установленный аттестатать или свидѣтельство».

Эта послѣдняя редакція не имѣетъ, однако, надлежащей полноты, такъ какъ здѣсь исключительно упоминаются молодые люди, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, и ни слова не говорится о воспитанникахъ другихъ учебныхъ заведеній, равно какъ о лицахъ домашняго воспитанія, получившихъ изъ гимназій экзаменныя свидѣтельства, для предъявленія ихъ университетскому начальству.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы предлагаемъ формулировать § 97 будущаго университетскаго устава слѣдующимъ образомъ:

«Въ студенты университета могутъ быть принимаемы молодые люди, окончившіе съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ, равно какъ и другія лица, предъявившія университетскому начальству свидѣтельства объ удовлетворительномъ выдержаніи ими окончательнаго испытанія изъ означеннаго курса».

§ 98. Необучавшіеся въ гимназіи воспитанники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, получившіе отъ сихъ заведеній свидѣтельства объ удовлетворительномъ окончаніи курса, для пріобрѣтенія права на поступленіе въ университетъ, обязаны предварительно выдержать въ гимназіи экзаменъ изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса, которые не поименованы въ ихъ свидѣтельствахъ, и отъ знанія которыхъ они не изъяты особыми законоположеніями.

Эта статья проекта, требующая отъ воспитанниковъ всѣхъ безъ исключенія заведеній, для вступленія въ студенты университета, гимназическаго аттестата, не отличается особенною справедливостію, и потому вызвала нѣсколько очень основательныхъ, по нашему мнѣнію, возраженій. Кромѣ того, составители проекта, какъ мы увидимъ, не имѣли въ виду дополнительныхъ министерскихъ распоряженій, которыми воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній уже прежде получили право вступленія въ университетъ безъ предварительнаго испытанія. При этомъ должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ распоряженій были вызваны ходатайствомъ нашихъ университетскихъ совѣтовъ. Приведемъ въ подверждение этихъ словъ нѣсколько извѣстныхъ намъ фактовъ, въ полной увѣренности,

что найдутся и другіе въ томъ же родѣ. Такъ совѣтъ С. Петербургскаго университета, въ представленіи своемъ отъ 28 іюня 1861 года, ходатайствовалъ о допущеніи безъ экзамена въ историко-филологическій факультетъ студентовъ духовныхъ академій. За тѣмъ, въ представленіи своемъ отъ 6 сентября того же года, тотъ же совѣтъ просилъ г. попечителя объ исходатайствованіи разрѣшенія распространить означенное право, и при томъ безъ ограниченія его однимъ только историко-филологическимъ факультетомъ, на всѣхъ воспитанниковъ духовныхъ академій православнаго и Римско-католическаго исповѣданій. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, въ предложеніи своемъ на имя г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, отъ 4 октября 1861 г., за № 5,755, разрѣшилъ, «согласно порядку, принятому уже въ Московскомъ университетѣ», студентовъ означенныхъ академій допускать въ студенты С. Петербургскаго университета безъ экзамена, о чемъ и дано знать совѣту этого университета предложеніемъ г. попечителя отъ 13 октября за № 5,436. Одновременно съ означенными представленіями университетскій совѣтъ ходатайствовалъ также о предоставленіи того же права воспитанникамъ нѣкоторыхъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній. Отвѣта на это ходатайство до сихъ поръ не послѣдовало. Еще прежде, въ 1842 г., означенный совѣтъ получилъ увѣдомленіе о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщеніе разрѣшилъ принимать въ университетъ безъ экзамена воспитанниковъ Виленскаго дворянскаго института, успѣшно окончившихъ курсъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время такое же право получили училище св. Петра и училище при Евангелическо-Литеранской церкви, въ С.-Петербургѣ. Ни что не мѣшаетъ, послѣ этого, надѣяться, что и другія заведенія пріобрѣтутъ себѣ со временемъ такое же право.

Можно было ожидать, что очень многіе критики проекта, въ замѣчаніяхъ своихъ на разсматриваемую статью, выскажутся въ пользу предоставленія экзаменной льготы питомцамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Этого, однако, не случилось. Относительно пріема въ университетъ безъ предварительнаго испытанія воспитанниковъ духовныхъ заведеній заявили свои требованія только совѣтъ Московскаго университета (I, 260) и преосвященный Антоній, епископъ Смоленскій (II, 439). Послѣдній, кромѣ того, по-

лагаетъ, что этою льготою могли бы пользоваться также лучшіе изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Оба эти требованія мы находимъ вполнѣ справедливыми. Не должно забывать, что духовныя училища постоянно снабжали наши университеты даровитыми студентами. Было время, когда наша университетская наука почти исключительно брала своихъ представителей изъ этого міра. Нельзя, конечно, не радоваться тому, что это время прошло, что всѣ сословія мало по малу приняли участіе въ ея разработкѣ и содѣйствовали бо̀льшему простору Русской мысли; тѣмъ не менѣе, однако, при скудости нашихъ научныхъ средствъ, не худо вспомнить о духовныхъ училищахъ — этомъ исконномъ разсадникѣ нашей учености — и привлечь лучшія ихъ силы на пользу высшаго образованія. Воспитанники нашихъ духовно-учебныхъ заведеній часто отличаются замѣчательнымъ умственнымъ развитіемъ, которое, конечно, вслѣдствіе замкнутости и кастоваго характера этихъ училищъ, не всегда имѣетъ достаточно-правильное направленіе. Впрочемъ, даровитѣйшіе изъ нихъ, входя въ другую сферу, очень скоро отрѣшаются отъ недостатковъ первоначальнаго своего воспитанія и легко усвоиваютъ себѣ ея характеръ и направленіе. Однако, эти молодые люди, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, къ числу которыхъ мы должны отнести привычку ихъ къ упорному труду, очень часто не выдерживаютъ пріемнаго экзамена, особенно по тѣмъ предметамъ, которые слабо преподаются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ они лишаются возможности получить университетское образованіе. Съ другой стороны, недостатки семинарскаго образованія не мѣшаютъ этимъ молодымъ людямъ, въ случаѣ удачи, дѣлаться отличными студентами и затѣмъ являться замѣчательными дѣятелями на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Пріемный экзаменъ, конечно, долженъ служить удостовѣреніемъ въ томъ, что молодые люди, желающіе вступить въ университетъ, развиты на столько, что могутъ съ успѣхомъ слѣдить за высшимъ преподаваніемъ, а къ числу такихъ молодыхъ людей, какъ уже достаточно доказалъ многократный опытъ, съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены студенты духовныхъ академій (православнаго и Римско-католическаго исповѣданій), равно какъ и тѣ изъ учениковъ нашихъ семинарій, которые, при окончаніи курса, удостоиваются званія студента и причисляются къ первому разряду. Вотъ, по моему убѣжденію, вполнѣ достаточныя причины,

на основаніи которыхъ эти молодые люди должны быть освобождены отъ необходимости подвергаться вступительному университетскому экзамену.

Тою же льготою, по мнѣнію Московскаго университетскаго совѣта (I, 260), должны пользоваться и студенты медицинскихъ академій. Это требованіе кажется намъ вполнѣ справедливымъ относительно С. Петербургской медико-хирургической академіи, куда, какъ извѣстно, въ настоящее время никто не можетъ быть принятъ въ студенты, не предъявивъ свидѣтельства о выдержаніи экзамена изъ полнаго гимназическаго курса.

Въ пользу другихъ учебныхъ заведеній высказался только г. проф. Сомовъ (II, 125). Онъ находитъ справедливымъ распространить правило, выраженное въ § 98 «на тѣхъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые хотя не окончили полнаго курса, но прошли курсъ общаго образованія, соотвѣтствующій гимназическому курсу». Г. Сомовъ не называетъ заведеній, которымъ бы онъ желалъ предоставить эту льготу, но, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду наши лицеи и училище правовѣдѣнія. Неудобство приведенія въ исполненіе мѣры, предлагаемой почтеннымъ профессоромъ, заключается въ томъ, что не всѣ эти заведенія находятся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Вотъ почему неудобно также удовлетворить слѣдующему требованію, выраженному совѣтомъ Демидовскаго лицея (II, 73): «для успѣшнаго слушанія университетскаго курса слѣдуетъ сдѣлать обязательнымъ знаніе всѣхъ предметовъ гимназическаго курса и для воспитанниковъ среднихъ и высшихъ заведеній другихъ вѣдомствъ». — Во всякомъ случаѣ мы считали бы справедливымъ предоставить воспитанникамъ означенныхъ заведеній, кончившимъ съ успѣхомъ курсъ, право держать экзаменъ прямо на степень кандидата.

Наконецъ, относительно предоставленія экзаменныхъ льготъ воспитанникамъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній (о чемъ, какъ мы видѣли еще недавно, ходатайствовалъ совѣтъ С. Петербургскаго университета), мы не находимъ въ замѣчаніяхъ къ проекту ни одного требованія.

Намъ остается еще упомянуть о мнѣніи г. Шнейдера (II, 99). Онъ находитъ, что необходимо исключить разсматриваемый параграфъ, такъ какъ въ заведеніяхъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь (т. е. въ не гимназіяхъ), кругъ преподаванія наукъ и языковъ часто до крайности ограниченъ. Слѣдовательно, эта статья,

по мнѣнію критика, мало способствовала основательному приготовленію къ университету. Выше мы привели достаточно мотивовъ, которые никакъ не дозволяютъ намъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Мы, напротивъ, на основаніи прежнихъ ходатайствъ университетскихъ совѣтовъ и мнѣній, высказанныхъ въ замѣчаніяхъ на проектъ, находимъ, что воспитанниковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній не только слѣдуетъ освободить отъ дополнительнаго экзамена, требуемаго § 98, но и вовсе не подвергать ихъ пріемному испытанію. Выше мы уже указали на нѣкоторыя изъ такихъ учебныхъ заведеній; какія еще изъ нихъ, кромѣ названныхъ, могутъ и должны воспользоваться означеннымъ правомъ,—этого мы опредѣлить не можемъ. Намъ кажется, что окончательное рѣшеніе этого вопроса должно подлежать обсужденію специальной коммиссіи. Составленный ею перечень учебныхъ заведеній, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, долженъ быть включенъ въ разсматриваемый § или составить особую статью въ университетскомъ уставѣ. Въ настоящее же время 98-й § долженъ, быть по нашему мнѣнію, формулированъ такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ не лишить его возможности достигнуть надлежащей полноты и опредѣлительности. На основаніи всего сказаннаго, мы предлагаемъ слѣдующую редакцію этого параграфа:

1) «Воспитанники высшихъ и нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, получившіе отъ сихъ заведеній свидѣтельства объ удовлетворительномъ окончаніи курса, имѣютъ право поступать въ университеты и подвергаться испытанію на степень кандидата безъ предварительнаго пріемнаго экзамена.»

2) *Примѣчаніе:* «Означенныя правомъ пользуются: воспитанники лицеевъ и училища правовѣдѣнія, не кончившіе курсъ студенты медико-хирургической академіи, студенты духовныхъ академій православнаго и Римско-католическаго исповѣданій, воспитанники духовныхъ семинарій, получившіе, при окончаніи курса, званіе студента и причисленные къ первому разряду, и воспитанники тѣхъ учебныхъ заведеній, о которыхъ уже последовало или впредь послѣдуетъ особое распоряженіе.»

3) «Необучавшіеся въ гимназіи воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній (разныхъ вѣдомствъ), не пользующихся означеннымъ правомъ, получившіе отъ сихъ заведеній свидѣтельства объ удовлетворительномъ окончаніи курса, для пріобрѣ-

тенія права на поступленіе въ университетъ, обязаны предварительно выдержать въ гимназіи экзаменъ изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса, которые не поименованы въ ихъ свидѣтельствахъ, и отъ знанія которыхъ они не изъяты особыми законоположеніями.»

§ 99. «Удовлетворившіе требованіямъ, изъясненнымъ въ §§ 97 и 98, для зачисленія въ студенты, обязаны написать въ университетѣ одно или нѣсколько сочиненій на заданныя темы по предметамъ гимназическаго курса, и дать устное по симъ сочиненіямъ объясненіе.»

Эта статья, требующая, въ видахъ контроля надъ гимназіями, повторительнаго пріемнаго экзамена въ самомъ университетѣ, вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, очень много возраженій, но, съ другой стороны, нашла и защитниковъ, во главѣ которыхъ является профессоръ Харьковскаго университета Николай Лавровскій (I, 332). Главный мотивъ, на которомъ онъ основываетъ свою мысль о необходимости удержать въ уставѣ § 99, состоитъ въ томъ, что нельзя смотрѣть на наши гимназіи съ идеальной точки зрѣнія, такъ какъ современное состояніе ихъ не удовлетворяетъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ. Съ другой стороны, г. Лавровскій не находитъ никакихъ затрудненій въ выполненіи разсматриваемаго параграфа. Все это испытаніе, говоритъ онъ, легко можетъ быть окончено въ два-три пріема, потому что совершенно достаточно для искомой цѣли двухъ-трехъ сочиненій по предметамъ, допускающимъ наиболѣе свободы въ развитіи и изложеніи мысли и наименѣе стѣсненія положительными фактическими свѣдѣніями. Эти сочиненія нисколько не должны имѣть цѣлью удостовѣреніе въ достаточности фактическихъ знаній автора, а единственно удостовѣреніе въ его способности логически размышлять, послѣдовательно и ясно излагать свои мысли, вообще удостовѣреніе въ общемъ умственномъ развитіи, безъ всякаго отношенія къ фактическимъ знаніямъ. Наконецъ, по мнѣнію г. Лавровскаго, даже нѣкоторые недостатки этихъ сочиненій, со стороны грамматической правильности, если только не будетъ *совершенной безграмотности*, не могутъ служить основаніемъ для признанія неспособности писавшаго къ университетскому образованію, если его сочиненіе будетъ удовлетворять означенной выше общей цѣли.

Совѣтъ университета св. Владиміра, большинствомъ 16 голосовъ противъ 12, также рѣшилъ удержать § 99, со включеніемъ въ него словъ: «для опредѣленія степени развитія поступающихъ». Это сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить точнѣе характеръ требуемыхъ этимъ § сочиненій.

Удержаніе его въ университетскомъ уставѣ находитъ полезнымъ также г. попечитель Московскаго учебнаго округа. Онъ требуетъ университетскаго контроля надъ гимназіями, хотя и находитъ необходимымъ предоставить имъ пріемный экзаменъ. Мѣра, опредѣляемая § 99, полагаетъ г. Исаковъ, «будетъ поставлять въ извѣстность попечителя и министерство, какія гимназіи окажутся выдавшими неправильно свои аттестаты. Таковыя гимназіи надлежитъ впослѣдствіи лишать права на выдачу ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Это лишеніе будетъ держать гимназіи на уровнѣ надлежащихъ требованій университета, тѣмъ болѣе, что слабое приготовленіе къ университету оказалось уже давно, не смотря на производство вступительныхъ экзаменовъ въ университетѣ.»

Наконецъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета Хвольсонъ также заявилъ мнѣніе въ пользу разсматриваемой статьи безъ обозначенія мотива, которымъ онъ при этомъ руководился.

Неудовлетворительность мнѣній, приведенныхъ въ защиту § 99, сама собою бросается въ глаза. Сущность требованія, заявленнаго г. Лавровскимъ, сводится къ необходимости удостовѣренія въ томъ, что кончающіе курсъ воспитанники нашихъ гимназій *не совершенно безграмотно* пишутъ по-Русски. Критикъ обнаруживаетъ въ то же время полное довѣріе къ фактическимъ свѣдѣніямъ этихъ молодыхъ людей и готовъ имъ простить нѣкоторые недостатки, со стороны грамматической неправильности въ тѣхъ сочиненіяхъ, о которыхъ говорится въ разбираемомъ параграфѣ. Итакъ, г. Лавровскій боится *совершенной безграмотности* учениковъ 7-го класса нашихъ гимназій! Никто еще до сихъ поръ не простиралъ до такой степени своего недовѣрія къ нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ и едва ли можно признать его сколько-нибудь основательнымъ. О другомъ требованіи г. Лавровскаго, относительно того, чтобы наши гимназисты совершенно послѣдовательно и ясно излагали въ сочиненіяхъ свои мысли, мы еще будемъ имѣть случай говорить ниже. Слова, которыми г. попечитель Московскаго

учебнаго округа кончаетъ свое замѣчаніе, ослабляютъ, по нашему мнѣнію, всю его силу. Если вступительные экзамены, производившіеся въ университетѣ, не помогли дѣлу, то тѣмъ менѣе, разумѣется, помогутъ ему сочиненія, о которыхъ говорится въ § 99.

Гораздо основательнѣе, по нашему мнѣнію, требованія, заявленныя очень многими критиками проекта о необходимости вовсе устранить разсматриваемую статью изъ будущаго университетскаго устава. Г. Пироговъ находитъ (I, 17), что означенное въ ней требованіе, безъ сомнѣнія превратится въ чистую формальность и, не принося никакой существенной пользы, будетъ только отнимать время у профессоровъ.

То же самое говоритъ и г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ (I, 228). Гимназіи, а равно высшія и среднія учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, прибавляетъ онъ, не должны выдавать свидѣтельствъ о знаніи гимназическаго курса тѣмъ кои не могутъ правильно и послѣдовательно излагать свои мысли; если же учебныя заведенія будутъ погрѣшать противъ этого правила, то ихъ не удержитъ отъ того задаваніе сочиненій въ самомъ университетѣ. При множествѣ поступающихъ въ университетъ, нѣтъ почти возможности услѣдить, точно ли заданное сочиненіе написано тѣмъ, кѣмъ оно представляется.

Гг. профессоры С. Петербургскаго университета: Ивановскій, Савичъ, Чубиновъ и Паткановъ также подали голосъ противъ удержанія § 99 въ новомъ университетскомъ уставѣ. Г. Ивановскій замѣчаетъ (I, 74), что въ Германіи, во Франціи и пр. каждый, кто представитъ выданное ему изъ гимназіи (во Франціи изъ лицея) такъ-называемое *свидѣтельство зрѣлости* (testimonium maturitatis), принимается въ число студентовъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ испытаній.

Совѣтъ Харьковскаго университета (I, 307), съ особенною внимательностію и подробно обсудивъ разсматриваемый § проекта, согласно съ мнѣніемъ большинства своихъ членовъ, рѣшилъ, что онъ долженъ быть опущенъ въ университетскомъ уставѣ, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) Мѣра, предлагаемая этимъ §, могла бы быть вызвана только недовѣріемъ къ гимназіямъ; но такое недовѣріе, относительно этихъ учебныхъ заведеній, надо считать вполнѣ неумѣстнымъ по той причинѣ, что, служа въ извѣстномъ смыслѣ приготовительными заведеніями для университетовъ, и находясь въ вѣдѣніи одного министерства съ по-

слѣдними, они всегда могутъ быть приведены въ такое состояніе, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію. 2) Если уже надо допустить, что гимназіи не заслуживаютъ довѣрія, то гораздо проще было бы вовсе отмѣнить въ нихъ испытанія поступающихъ въ университетъ и производить эти испытанія въ самыхъ университетахъ. 3) Въ отношеніи къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ, повѣрка аттестатовъ не согласовалось бы со смысломъ § 98, по которому они освобождаются отъ испытанія въ тѣхъ предметахъ гимназическаго курса, которые въ ихъ аттестатахъ поименованы, и увеличивали бы безъ нужды затрудненія, съ которыми и безъ того соединяется для нихъ поступленіе въ университетъ. 4) Наконецъ, если согласиться, что самимъ университетамъ необходимо имѣть ближайшее удовлетвореніе въ томъ, что молодые люди, представившіе удовлетворительные аттестаты и свидѣтельства отъ разныхъ учебныхъ заведеній, достаточно развиты для того, чтобы съ успѣхомъ слѣдовать за факультетскими курсами, то мѣра, указанная въ § 99 проекта, была бы для этого недостаточна. Сочиненіе, написанное на заданную тему, можетъ обнаруживать въ писавшемъ, съ одной стороны, умѣнье правильно излагать свои мысли на бумагѣ, съ другой — степень познаній, если тема научнаго содержанія. Если ограничиться только первымъ изъ этихъ требованій, то это будетъ повтореніемъ того, что необходимо входитъ въ экзаменъ по предмету Русской словесности, и тогда становится совершенно непонятнымъ, почему удовлетвореніе именно этому требованію должно считать окончательнымъ мѣриломъ степени развитія молодаго человѣка. Умѣнье писать правильно пріобрѣтается навыкомъ и можетъ соединяться съ самымъ бѣднымъ запасомъ знаній и съ слабымъ умственнымъ развитіемъ, и наоборотъ, отлично образованный молодой человѣкъ можетъ писать дурно единственно отъ непривычки къ письменному изложенію. Недостатокъ этотъ, при способностяхъ и постоянныхъ занятіяхъ, легко исправляется самъ собою. Конечно, желательно было бы, чтобы онъ не встрѣчался въ студентахъ университета, но ради его не допускать въ университетъ людей, способныхъ и удовлетворившихъ всѣмъ другимъ требованіямъ испытанія, было бы крайне несправедливымъ. Если же сочиненія, требуемыя § 99 проекта, должны обнаруживать въ молодыхъ людяхъ степень ихъ знаній по предметамъ гимназическаго кур-

са, то одно сочиненіе, или небольшое ихъ число, по предметамъ, избраннымъ наудачу, были бы недостаточны для вывода безошибочныхъ общихъ заключеній. Для этого надо бы было требовать сочиненій по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, или, другими словами, повторить въ университетѣ письменно весь экзаменъ, который словесно оконченъ въ гимназіи, или другомъ учебномъ заведеніи. Понятно, что такое усложненіе дѣла было бы рѣшительно безполезно и излишне.

Г. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Левшинъ (I, 385) заявляетъ, что онъ совершенно согласенъ съ только что приведеннымъ мнѣніемъ большинства членовъ Харьковскаго университетскаго совѣта, и потому требуетъ устраненія § 99.

Того же желаетъ г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа Витте (I, 440), который находитъ, что разсматриваемый §, не представляя никакой гарантіи для болѣе вѣрной оцѣнки степени умственной зрѣлости желающихъ вступить въ университеты, и въ то же время свидѣтельствуя о недовѣріи къ коллегіямъ гимназическихъ преподавателей, оказывается не только лишнимъ, но даже вреднымъ, потому что онъ роняетъ гимназіи, вмѣсто того, чтобы ихъ нравственно поддержать.

Съ этой точки зрѣнія взглянулъ на разсматриваемый § г. Туловъ, инспекторъ казенныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа (I, 442). Университеты, говоритъ онъ съ весьма понятнымъ негодованіемъ, не могутъ думать, что чувство чести и долга на столько ниже въ сословіи гимназическомъ противъ профессорскаго, на сколько учитель ниже профессора по своему служебному положенію. Злоупотребленія могутъ быть вездѣ, но къ истребленію ихъ, какъ показываетъ опытъ, не ведетъ система контроля на контролѣ. Затѣмъ г. Туловъ указываетъ на тѣ неудобства, которыя повлекла бы за собою разсматриваемая мѣра, или, вѣрнѣе сказать, полумѣра. Она, по справедливому замѣчанію критика, не принесетъ никакой существенной пользы, а только поставитъ всѣхъ въ ложное положеніе.

Г. инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа Шестаковъ (II, 34) видитъ въ этой полумѣрѣ вторичный экзаменъ и двойственный контроль, установленный изъ недовѣрія къ гимназіямъ, котораго быть не должно, потому что экзаменъ въ гимназіяхъ производится цѣлымъ педагогическимъ совѣтомъ.

Г. директоръ Московской 2-й гимназіи Авиловъ (II, 40), находитъ разбираемую мѣру равнозначительною совершенной от-

мѣнѣ Высочайшаго повелѣнія о производствѣ для желающихъ поступить въ университетъ пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ. Эта мѣра, говоритъ онъ, не только открываетъ свободное поле для вмѣшательства въ дѣла гимназій лицамъ, не несущимъ на себѣ никакой отвѣтственности за успѣшный въ нихъ ходъ ученія, но и налагаетъ на молодыхъ людей тяжелую обязанность держать двойной экзаменъ. Далѣе г. Авиловъ также находитъ неумѣстнымъ недовѣріе къ гимназіямъ и прибавляетъ, что если уже непремѣнно нуженъ университетскій контроль надъ ихъ дѣйствіями, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ состоять не въ кассаціи приговора гимназическаго совѣта, которая бы слишкомъ тяжело падала на желающихъ поступить въ университетъ, а въ передачѣ неосновательно выданныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ на судъ административной власти, управляющей гимназіями, и для разбора дѣла въ попечительскомъ совѣтѣ, гдѣ оно можетъ быть безпристрастно обсуждено членами отъ университета вмѣстѣ съ прочими членами.

Наконецъ бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа, г. Могилянскій и совѣтъ Ришельевскаго лицея, не приводя въ подробности своихъ мотивовъ, также находятъ, что требованіе особаго дополнительнаго въ университетѣ испытанія, при существованіи испытаній въ гимназіяхъ, никакъ не можетъ считаться необходимымъ.

Выше мы уже представили тѣ соображенія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ соглашеніе съ защитниками § 99. Съ другой стороны, разсматривая основанія, приводимыя противниками этой статьи, мы не могли не убѣтиться, что предлагаемая ею мѣра:

1) Выкажетъ обидное недовѣріе составителей университетскаго устава къ коллегіямъ гимназическихъ преподавателей, и тѣмъ самымъ уронитъ гимназіи въ глазахъ общества.

2) Не принесетъ никакой существенной пользы, а только поставитъ всѣхъ въ ложное положеніе.

3) Превратится въ частную формальность.

4) Какъ повѣрка гимназическаго экзамена, эта мѣра недостаточна и можетъ повести къ ошибочному мнѣнію о занятіяхъ и способностяхъ молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ.

5) Наложитъ на нихъ тяжелую обязанность держать двойной экзаменъ.

6) Кассація приговора гимназическихъ совѣтовъ слишкомъ тяжело падетъ на желющихъ поступить въ университетъ и тѣмъ, можетъ быть, поставитъ многихъ изъ нихъ въ безвыходное положеніе.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы находимъ, что § 99 долженъ быть вовсе устраненъ изъ будущаго университетскаго устава.

§ 100. «Пріемъ студентовъ бываетъ разъ въ году.»

Эта статья вызвала, со стороны критиковъ проекта, очень немного замѣчаній.

Г. Пироговъ (I, 17) находитъ, что пріемъ въ университетъ долженъ происходить не одинъ, а два раза въ годъ. Вслѣдствіе этого, онъ требуетъ семестральнаго распредѣленія лекцій, которое, «какъ опытъ показалъ во всѣхъ почти Европейскихъ университетахъ, самое цѣлесообразное.» Г. Цункъ (II, 462) также упоминаетъ о томъ, что «въ Германіи повсюду принято раздѣленіе академическаго года на два семестра, и что оно оказывается практичнымъ, вслѣдствіе равномѣрнаго раздѣленія времени и лекцій.» Впрочемъ, прибавляетъ г. Цункъ, вопросъ этотъ есть дѣло соглашенія, а не существенной важности. Совѣтъ Харьковскаго университета находитъ нужнымъ къ приведеннымъ словамъ проекта прибавить еще слѣдующія: «предъ началомъ академическаго года.»

Наконецъ, г. профессоръ Бекетовъ (I, 152) предлагаетъ дополнить разсматриваемую статью слѣдующими словами: «При этомъ подвергаются испытанію въ знаніи гимназическаго курса лишь одни желающіе.» Впрочемъ, такое дополненіе, при допущеніи университетскимъ уставомъ посѣщенія лекцій посторонними слушателями, подразумѣвается само собою. Дополненіе, предлагаемое совѣтомъ Харьковскаго университета, также не представляетъ существенной важности и только стѣсняло бы распоряженія университетскихъ совѣтовъ, еслибы они современемъ нашли болѣе удобнымъ назначить другой срокъ пріема молодыхъ людей въ университетъ.

Гг. Пироговъ и Цункъ, предлагая семестральное распредѣленіе лекцій, не указали на неудобства, представляемыя теперешнимъ ихъ устройствомъ. Этихъ неудобствъ мы, съ своей

стороны, не замѣчаемъ, и потому не находимъ необходимости измѣнить редакцію 100 §, предлагаемую проектомъ.

§ 101. «Принятые въ число студентовъ пользуются всѣми правами окончившихъ курсъ въ гимназіи, хотя бы до того въ нихъ необучались.»

Два замѣчанія, которыя вызвала эта статья проекта, принадлежатъ гг. Бекетову и Шнейдеру. Оба они находятъ необходимымъ устраненіе § 101: первый—согласно съ требованіемъ своимъ объ уничтоженіи студентской корпораціи, а второй—на томъ основаніи, что еслибы кончившіе курсъ въ гимназіи имѣли въ университетѣ какія-либо преимущества предъ прочими, то это было бы означено.»

Замѣтимъ отъ себя, что, еслибы правила о пріемѣ въ университетъ остались въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ проектѣ, то въ этой статьѣ дѣйствительно не было бы никакой нужды, такъ какъ, въ силу этихъ правилъ, никто не можетъ быть зачисленъ въ студенты университета, не представивъ свидѣтельства о выдержаніи окончательнкаго гимназичесаго экзамена, и такъ какъ университетъ не даетъ студентамъ, до окончанія ими курса, никакихъ новыхъ правъ. Если же въ университетъ будутъ поступать безъ экзамена молодые люди и изъ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній, то, въ случаѣ удержанія въ уставѣ 101 §, онъ долженъ быть, разумѣется, дополненъ слѣдующими словами: «Принятые безъ экзамена въ число студентовъ изъ другихъ учебныхъ заведеній, которымъ предоставлена эта льгота, пользуются, до окончанія курса въ университетѣ, правами, предоставленными этимъ заведеніямъ.»

Впрочемъ, все это разумѣется само собою, и потому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Шнейдера, по которому § 101, какъ совершенно лишній, долженъ быть устраненъ изъ уникерситетскаго устава.

§ 102. «Студентъ, начавшій курсъ въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, можетъ перейти въ другой, по удовлетвореніи требованіямъ совѣта сего послѣдняго, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ въ число лѣтъ полнаго курса, если только студентъ этотъ поступаетъ въ тотъ же факультетъ».

Въ редакціи этого параграфа встрѣтили общее неодобреніе критиковъ проекта слова: «по удовлетвореніи требованіямъ со-

вѣта», которыя дѣйствительно отличаются крайнею неопредѣлительностію и составляютъ совершенно не нужную вставку. Пироговъ (I, 18) находитъ ихъ лишними на томъ основаніи, что «требованія совѣта отъ учащихся вездѣ одни и тѣ же».

Г. сенаторъ Ребиндеръ (I, 12), профессоръ Кавелинъ (I, 90) и директоръ второй Московской гимназіи Авиловъ (II, 41) замѣтили, что эти слова, по неопредѣлительности своей, могутъ дать поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и къ произволу. Если эта оговорка, говоритъ г. Ребиндеръ, нужна, то слѣдуетъ опредѣлить, какимъ именно требованіямъ совѣта студентъ долженъ удовлетворить.

Безъ сомнѣнія, имѣя все это въ виду, совѣтъ Харьковскаго университета (I, 308) предложилъ слѣдующую редакцію § 102: «Студентъ, начавшій курсъ въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, можетъ перейти въ другой, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ въ число лѣтъ полнаго курса, если только студентъ этотъ поступилъ въ тотъ же факультетъ».

Независимо отъ приведенныхъ словъ, разбираемая статья проекта вызвала еще другое замѣчаніе г. Пирогова. «Зачетъ времени пребыванія въ первомъ университетѣ въ число лѣтъ полнаго курса, о которомъ упоминается въ этомъ параграфѣ, кажется мнѣ, говоритъ онъ, правиломъ, напоминающимъ принудительный способъ университетскаго ученія, еще такъ недавно господствовавшій въ нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ. Не времени, прибавляетъ г. Пироговъ, а другихъ болѣе знаменательныхъ доказательствъ свѣдѣнія и успѣховъ должно требовать отъ учащихся».

Наконецъ совѣтъ Московскаго университета, «имѣя въ виду уравнять съ университетами другія высшія учебныя заведенія», считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія дополненія къ § 102:

1) То же право предоставляется студентамъ медицинскихъ академій.

2) Студенты, кончившіе философскій курсъ въ духовныхъ академіяхъ, могутъ поступать на 2 и 3 курсы историко-филологическаго факультета, по выдержаніи курсоваго экзамена, установленнаго для студентовъ университета.

Приведенныя слова г. Пирогова и второе дополненіе къ § 102, сдѣланное совѣтомъ Московскаго университета, стоятъ совершенно одиноко въ сборникѣ замѣчаній къ проекту и едва ли могутъ быть приняты въ соображеніе, при составленіи но-

ваго университетскаго устава. Г. Пироговъ выразился не совсѣмъ ясно. Мы недоумѣваемъ, что слова проекта напоминаютъ принудительный способъ университетскаго ученія? Затѣмъ онъ говоритъ: «не времени, а другихъ болѣе знаменательныхъ доказательствъ свѣдѣній и успѣховъ должно требовать отъ учащихся». Критикъ не называетъ этихъ болѣе знаменательныхъ доказательствъ. Самое знаменательное доказательство свѣдѣній и успѣховъ состоитъ въ экзаменѣ; но мы полагаемъ, что подвергать ему студентовъ, желающихъ перейти изъ одного университета въ другой, было бы для нихъ мѣрою очень стѣснительною.

Второе изъ дополнительныхъ примѣчаній къ § 102 проекта, сдѣланныхъ совѣтомъ Московскаго университета, мы находимъ также не очень справедливымъ и вполнѣ излишнимъ. Оно предполагаетъ въ студентахъ духовныхъ академій такую филологическую подготовку, какой на дѣлѣ не оказывается. Что же касается до перваго изъ этихъ примѣчаній, то оно, по нашему мнѣнію, можетъ быть допущено, если организація медицинскихъ академій, относительно распредѣленія лекцій, будетъ та же самая, что и въ университетахъ. Впрочемъ, окончательное обсужденіе этого вопроса должно быть предоставлено лицамъ, разсматривающимъ медицинскій отдѣлъ замѣчаній, вызванныхъ проектомъ.

Редакція § 102, предложенная совѣтомъ Харьковскаго университета, вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ критиковъ проекта, и потому могла бы быть принята въ новый уставъ. Въ ней, однако, не обращено вниманіе на одно, какъ намъ кажется, важное обстоятельство, отъ котораго, между прочимъ, немало будетъ зависѣть столь желаемое всѣми спокойствіе нашихъ университетовъ. Мы хотимъ сказать, что разсматриваемый параграфъ, въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ проектомъ и нѣкоторыми изъ его критиковъ, нисколько не гарантируютъ нашъ университетъ отъ безпрепятственнаго наплыва въ нихъ безпокойныхъ и вредныхъ элементовъ. Очень часто студенты оставляютъ одинъ университетъ и переходятъ въ другой, вслѣдствіе полученнаго ими такъ называемаго *consilium abeundi*. Университетское начальство, стремясь избавиться отъ безпокойнаго или чѣмъ-нибудь компрометировшаго себя студента, и въ то же время не желая вредить ему, нерѣдко возвращаетъ такому молодому человѣку его документы и отпускаетъ его на

всѣ четыре стороны. Подобная мѣра очень гуманна и даже полезна относительно тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ она заставляетъ одуматься и обратить вниманіе на свои недостатки. Но всегда ли такъ бываетъ? Какъ часто молодые люди, совершенно справедливо вызвавшіе противъ себя неудовольствіе университетскаго начальства, считаютъ себя вполнѣ правыми и нисколько не обнаруживаютъ желанія измѣнить свое поведеніе. Безпрепятственно вступая въ другой университетъ, они естественно вносятъ въ него свои привычки и, не принося себѣ никакой пользы, въ то же время могутъ причинять немало вреда своимъ новымъ товарищамъ. Мнѣ кажется, что уставъ непремѣнно долженъ имѣть въ виду это обстоятельство и гарантировать, по возможности, наши университеты отъ такихъ вредныхъ элементовъ. Такую гарантію находимъ мы въ заключительныхъ словахъ статьи 94 устава 1835 г., послужившей первообразомъ для разсматриваемаго параграфа проекта. Упомянутая 94 статья нынѣ дѣйствующаго устава требуетъ отъ студентовъ, переходящихъ изъ одного университета въ другой, «одобрительнаго свидѣтельства» со стороны того университета, который они оставили. Включеніе означенныхъ словъ въ новый университетскій уставъ, безъ сомнѣнія, принесетъ свою долю пользы, особенно если будутъ приняты мѣры для соблюденія этого почти забытаго въ настоящее время правила. Вотъ почему мы желали бы придать § 102 проекта слѣдующій видъ:

«Студентъ, начавшій курсъ въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, можетъ перейти въ другой, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ въ число лѣтъ полнаго курса, если только студентъ этотъ поступаетъ въ тотъ же факультетъ и представитъ одобрительное свидѣтельство отъ прежняго своего университетскаго начальства.»

§ 103. Кромѣ студентовъ допускаются къ слушанію университетскихъ лекцій, по правиламъ, составленнымъ совѣтомъ и утвержденнымъ попечителемъ, и *постороннія лица*, достигшія полнаго совершеннолѣтія.

Постороннія лица, о которыхъ говорится въ этомъ параграфѣ, постоянно и съ давняго времени посѣщаютъ университетскія лекціи, подъ именемъ *вольныхъ слушателей*. При этомъ они или руководятся одною любознательностію, или имѣютъ въ то же время въ виду воспользоваться правами, которыя даетъ у насъ высшее образованіе. Кромѣ того, особенно въ послѣд-

нее время, двери нашихъ университетовъ были широко раскрыты для всякаго, въ комъ только проявлялось желаніе выслушать одинъ или нѣсколько курсовъ, даже одну или нѣсколько лекцій. Все это было вызвано потребностями общества и принесло, конечно, немало пользы. Въ числѣ вольныхъ слушателей постоянно находилось много лицъ, которыя съ успѣхомъ выдерживали кандидатскій экзаменъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и посторонняя публика, посѣщающая наши университеты, выноситъ изъ нихъ не менѣе пользы для себя, чѣмъ изъ другихъ общественныхъ учрежденій, въ которыя открытъ правительствомъ доступъ для всѣхъ и каждаго. Съ другой стороны, такая доступность университетскихъ лекцій должна была немало содѣйствовать успѣхамъ у насъ высшаго академическаго преподаванія. Вотъ почему нельзя не сочувствовать тому, что § 103 проекта допускаетъ, по прежнему, въ наши университеты, кромѣ студентовъ, и *постороннія лица.* Подъ этимъ выраженіемъ, кромѣ такъ-называемыхъ вольныхъ слушателей, обыкновенно слѣдящихъ за курсами того или другаго факультета въ полномъ ихъ объемѣ, съ цѣлію выдержать установленный экзаменъ на ученую степень, составители проекта разумѣли, какъ оказывается, и другія лица, не имѣющія въ виду, при посѣщеніи университетскихъ лекцій, этой практической цѣли. Это видно изъ § 110, гдѣ упоминаются лица, *слушающія одинъ или нѣсколько предметовъ.* Мы не можемъ обойти вопроса и о томъ, должно ли включить въ число постороннихъ слушателей, посѣщающихъ университетскія лекціи, особъ женскаго пола. Этотъ вопросъ былъ предложенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ и послѣдовавшіе на него отвѣты напечатаны въ концѣ II части «Замѣчаній» (стр. 520—527). Совѣты университетовъ Московскаго и Дерптскаго отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно. Первый изъ нихъ огромнымъ большинствомъ голосовъ (23 противъ 2) постановилъ: «не допускать этого совмѣстнаго слушанія ни подъ какимъ предлогомъ потому, что оно можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ». Дерптскій университетъ отвѣчалъ; «что приведеніе въ исполненіе означенной мѣры онъ находитъ не совмѣстимымъ съ настоящимъ устройствомъ университета, съ существенными условіями успѣшной дѣятельности и съ научными цѣлями онаго». Съ другой стороны, со-

вѣты университетовъ: С.-Петербургскаго, св. Владиміра, Харьковскаго и Казанскаго единогласно рѣшили означенный вопросъ въ пользу допущенія лицъ женскаго пола къ совмѣстному со студентами слушанію университетскихъ лекцій, на правахъ и съ обязанностями вольныхъ слушателей. Нельзя не признать справедливости тѣхъ мотивовъ, которыми большинство нашихъ университетскихъ совѣтовъ руководилось при рѣшеніи этого вопроса. Эти мотивы съ особенною ясностію выражены въ отвѣтѣ С.-Петербургскаго университета и заключаются въ слѣдующемъ: «Англійскіе, Французскіе и Нѣмецкіе университеты не допускаютъ присутствія женщинъ на своихъ лекціяхъ по историческому преданію, сложившемуся въ монастырскую эпоху средневѣковыхъ университетовъ. Мы, въ своемъ запрещеніи, не имѣли бы даже и историческаго оправданія. Это запрещеніе было перенесено къ намъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ другими университетскими формами, и не стояло потому въ связи ни съ нашимъ общественнымъ духомъ, ни съ гражданскимъ и юридическимъ порядкомъ лекцій. Наконецъ, насъ не можетъ удерживать ни привычка и новость, потому что въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ аудиторіи С.-Петербургскаго университета были посѣщаемы лицами женскаго пола въ большомъ числѣ. Потому, на основаніи опыта, мы можемъ утверждать, что присутствіе дамъ въ аудиторіи не только никогда не подавало повода ни къ какому безпорядку, но даже, напротивъ, могло держать студентовъ въ предѣлахъ самаго строгаго приличія. Точно также дамы не могли никогда препятствовать ученому, систематическому изложенію вопросовъ науки съ каѳедры, потому что не профессоры приходятъ читать дамамъ, но дамы приходятъ слушать профессоровъ. Еслибы профессоръ былъ стѣсненъ присутствіемъ дамы, на основаніи предположенія неподготовленности и неразвитости, то для него не менѣе должно быть стѣснительно присутствіе вольнослушателей, которыхъ познанія и развитость ему одинаково неизвѣстны. Между тѣмъ, ни одинъ профессоръ не жаловался на присутствіе вольнослушателей въ своей аудиторіи. Если женщинѣ дано право быть читательницею книги, авторомъ произведенія, то на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницею лекцій. Профессоръ можетъ напечатать свои лекціи; думаетъ ли онъ при этомъ, что его напечатанная лекція не должна попасться въ руки женщины. Отчего же его могла бы смущать

мысль, что, при прочтеніи этой же самой лекціи, можетъ присутствовать женщина. Различіе только въ органѣ воспріятія. Ни одинъ профессоръ не сдѣлаетъ при изданіи своихъ лекцій запрещенія дамамъ читать ихъ; почему же онъ могъ бы искать такого запрещенія при устномъ ихъ прочтеніи? Но, кромѣ отсутствія препятствій къ посѣщенію лекцій лицами женскаго пола, кромѣ того, что совмѣстность такого посѣщенія лекцій со студентами можетъ быть принята за вѣрный знакъ добраго состоянія нравовъ въ нашемъ отечествѣ, присутствіе дамъ на лекціяхъ можетъ быть признано справедливымъ и полезнымъ. Оно справедливо потому, что женщина, по нашимъ законамъ, пользуется одинаковыми гражданскими правами съ лицами мужескаго пола; она имѣетъ полное право собственности, и, какъ владѣтельница, можетъ пользоваться участіемъ въ юридическомъ образованіи. Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію лекцій можетъ быть признано и полезнымъ, если принять въ соображеніе, что женщина несетъ на себѣ много оффиціальныхъ обязанностей по воспитанію и обученію, успѣшное исполненіе которыхъ обусловливается вообще состояніемъ наукъ, представителемъ которыхъ стремится быть университетъ.»

Ко всему сказанному мы прибавимъ только, что, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, необходимо присоединить въ новомъ университетскомъ уставѣ къ разсматриваемой статьѣ примѣчаніе о томъ, кого должно разумѣть подъ упоминаемыми въ ней посторонними лицами. Это примѣчаніе, сдѣланное на основаніи приведенныхъ соображеній, мы помѣстимъ ниже, вслѣдъ за новою редакціей, которую мы считаемъ необходимымъ придать 103 §.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этой статьи, мы должны замѣтить, что она, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала двоякаго рода возраженія: 1) относительно лѣтъ, требуемыхъ составителями проекта отъ постороннихъ лицъ, посѣщающихъ университетскія лекціи, и 2) относительно требованія утвержденія попечителемъ составляемыхъ совѣтомъ объ этихъ лицахъ правилъ.

Требованіе отъ постороннихъ лицъ *полнаго совершеннолѣтія* не выдерживаетъ критики ни въ какомъ отношеніи. Оно отличается крайнею неопредѣленностію, дающею возможность толковать его различнымъ образомъ. Полное гражданское совершеннолѣтіе, говоритъ г. Андреевскій (I, 142), т. е. совершеннолѣтіе

лица, относительно право его распоряжаться своимъ имуществомъ, опредѣляется нашимъ законодательствомъ 21 годомъ. Въ то же время полнымъ совершеннолѣтіемъ, дающимъ право участія въ городскихъ и волостныхъ собраніяхъ, считается у насъ 25-лѣтній возрастъ. Которое же изъ этихъ совершеннолѣтій, спрашиваетъ г. Андреевскій, разумѣетъ проектъ устава? Если законодательство признаетъ человѣка, напримѣръ, въ 18 лѣтъ, совершеннолѣтнимъ для вступленія въ бракъ, то какимъ же образомъ не признать его совершеннолѣтнимъ для того, чтобы слушать науку?

Кромѣ того, при разсмотрѣніи 97 статьи проекта, мы видѣли, что онъ дозволяетъ принимать въ число студентовъ 17-лѣтнихъ молодыхъ людей. По какой же причинѣ отъ лицъ постороннихъ онъ требуетъ полнаго совершеннолѣтія? Трудно понять, говоритъ г. Кавелинъ (I, 90), это правило, и еще труднѣе исполнить его. Онъ предполагаетъ, что никто не можетъ слушать университетскихъ лекцій, если не запишется на цѣлый курсъ, не предъявитъ университетскому начальству документовъ, наконецъ, если не имѣетъ билета для входа въ университетъ. Все это возможно и желательно ли? Если да, то необходимо сказать объ этомъ въ уставѣ; если нѣтъ — то это правило ненужное и безполезное, которое не будетъ исполняться. А ни что такъ не вредитъ закону, какъ статьи, которыя завѣдомо впередъ не будутъ исполняться. Какое можно имѣть уваженіе къ такому закону, и какъ внушить мысль, что прочія статьи, кромѣ тѣхъ, невозможныхъ, должны исполняться строго? Г. Спасовичъ (I, 179) также находитъ очень страннымъ требованіе метрическаго свидѣтельства о рожденіи отъ желающаго выслушать въ университетѣ одну или двѣ интересныя для него лекціи. Г. Пыпинъ (I, 159) обратилъ вниманіе на то, что разбираемое постановленіе проекта нарушитъ интересы многихъ молодыхъ людей, которые не могутъ, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, поступить въ число студентовъ и въ то же время посѣщеніемъ хотя нѣкоторыхъ лекцій желаютъ удовлетворить своей любознательности. Молодой человѣкъ, замѣчаетъ г. Пыпинъ, можетъ уже въ 17-лѣтнемъ возрастѣ имѣть занятія и обязанности, часто вынужденныя бѣдностью, которыя оставляютъ ему время только на прослушаніе нѣкоторыхъ курсовъ. Лишать его этихъ курсовъ и къ его стѣсненному положенію прибавлять новыя затрудненія, будетъ недостойно высшаго учебнаго

учрежденія, особенно у насъ, имѣющихъ такъ мало этихъ учрежденій.

Составители проекта, какъ вполнѣ основательно догадываются нѣкоторые изъ его критиковъ, имѣли, конечно, при этомъ постановленіи въ виду какія-нибудь посторонія, административныя цѣли и надежды на большее спокойствіе совершеннолѣтнихъ слушателей. «Это постановленіе, замѣчаетъ г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа (I, 228), основано, вѣроятно, на предположеніи: 1) что вредно допускать къ слушанію лекцій въ университетѣ лица, не приготовленныя къ тому, не прошедшія гимназическій курсъ; 2) что необходимо затруднить доступъ въ университетъ вольнослушателямъ, потому что отъ нихъ будто бы происходили бывшіе въ университетахъ безпорядки. Не говоря уже о томъ, что этимъ первая изъ предположенныхъ цѣлей все-таки не достигается, такъ какъ и между совершеннолѣтними всегда найдется много людей, незнающихъ гимназическаго курса, кажется, что эта мѣра будетъ заключать въ себѣ только стѣсненіе, вредное для общества и вредное для университетовъ. Чрезъ нее многіе молодые люди, не проходившіе гимназическаго курса, но посвятившіе себя изученію какой-либо науки или промышленому занятію, будутъ лишены возможности совершенствоваться въ избранной ими специальности только потому, что они не достигли 21 года; съ другой стороны, лишатся также возможности наслаждаться преподаваніемъ извѣстныхъ и даровитыхъ профессоровъ и такіе молодые люди, которые пожелали бы слушать ихъ безъ всякой особой цѣли, хотя просто для препровожденія времени. Кажется, что для общества и для общественной нравственности гораздо полезнѣе, чтобъ наполнялись аудиторіи университетскія, нежели публичныя гулянья, трактиры и тому подобныя мѣста. Что же касается мысли, что отъ сближенія постороннихъ слушателей съ студентами происходили и будутъ происходить безпорядки въ университетѣ, то это есть предубѣжденіе, рѣшительно ни на чемъ не основанное. Опытъ доказалъ совершенно противное, по крайней мѣрѣ по университету С. Петербургскому. Университетское начальство можетъ, положа руку на сердце, сказать, что посторонніе слушатели никогда не нарушали въ немъ порядка, и что тѣ, которые приписываютъ имъ грустныя событія послѣдняго времени, находятся въ совершенномъ заблужденіи».

Нельзя не придать особеннаго значенія такому свидѣтельству лица, близко знакомаго со всѣми подробностями нашей университетской жизни. Оно одно способно разсѣять ложный страхъ, относительно нарушенія порядка посторонними слушателями университетскихъ лекцій. На неосновательность такихъ опасеній указываетъ и профессоръ Ивановскій (I, 75). «До сихъ поръ, говоритъ онъ, наши аудиторіи посѣщались въ весьма значительномъ количествѣ лицами посторонними всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ и обоего пола, и отъ этого, сколько мнѣ извѣстно, не было никакихъ дурныхъ послѣдствій». Наконецъ, г. Пыпинъ, съ цѣлію выставить всю несправедливость и неосновательность разбираемой мѣры, замѣчаетъ: 1) что *всѣ* молодые люди, особенно *будущіе*, нисколько не обязаны выносить на себѣ слѣдствія опасеній, возбужденныхъ прежде другими, и 2) прошедшія событія, прибавляетъ онъ, показываютъ достаточно, что дѣло возраста не значитъ ничего въ этомъ случаѣ,— молодые люди могутъ увлекаться и до и послѣ совершеннолѣтія.

Руководясь, безъ сомнѣнія, тѣмъ или другимъ изъ приведенныхъ мотивовъ, противъ положенія о полномъ совершеннолѣтіи постороннихъ слушателей университетскихъ лекцій выразились также: гг. Сомовъ (I, 125), Утинъ (I, 135), Бекетовъ (I, 152), Левшинъ (I, 385), Шестаковъ (II, 31), Стасюлевичъ (II, 105) и Гречъ (II, 131).

Наконецъ, въ видахъ соглашенія разбираемой статьи съ § 96 проекта, 17-лѣтняго возраста для постороннихъ слушателей требуютъ: совѣты университетовъ Московскаго и Харьковскаго (I, 261 и I, 308), совѣтъ Ришельевскаго лицея (II, 61) и г. Березинъ (I, 108).

Относительно требованія, выраженнаго въ § 103, о томъ, чтобы правила о постороннихъ слушателяхъ, составляемыя совѣтомъ, подлежали утвержденію попечителя, мы не будемъ распространяться. Согласно съ теоріей автономіи университетскихъ совѣтовъ, лежащею въ основаніи проекта устава, и принятою въ предшествующихъ засѣданіяхъ ученаго комитета, слова «и утвержденнымъ попечителемъ» очевидно должны быть устранены изъ разсматриваемой статьи проекта. Замѣтимъ только, что такое желаніе заявлено гг. Березинымъ (I, 108), Чубиновымъ (I, 114), Хвольсономъ (I, 169), Паткановымъ (I, 191) и совѣтомъ Харьковскаго университета (I, 308).

Такимъ образомъ оказывается, что § 103 проекта заключаетъ въ себѣ двѣ вовсе не нужныя вставки: 1) о полномъ совершеннолѣтіи постороннихъ лицъ, посѣщающихъ университетскія лекціи, и 2) объ утвержденіи попечителемъ составляемыхъ совѣтомъ правилъ, относительно этихъ лицъ. Устранивъ эти вставки, мы получимъ слѣдующую редакцію § 103, вполнѣ удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ критиковъ проекта:

«Кромѣ студентовъ, допускаются къ слушанію университетскихъ лекцій, по правиламъ, составленнымъ и утвержденнымъ совѣтомъ, также постороннія лица».

Наконецъ, на основаніи приведенныхъ выше соображеній, этотъ § долженъ быть, по нашему мнѣнію, дополненъ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Подъ *посторонними лицами*, упоминаемыми въ этомъ §, разумѣются лица обоего пола, посѣщающія полный факультетскій курсъ или только нѣкоторыя лекціи разныхъ факультетовъ, и при томъ съ цѣлію держать окончательный университетскій экзаменъ, или безъ всякой опредѣленной практической цѣли».

II. О платѣ за слушаніе лекцій.

(Глава V, отдѣленіе II, §§ 104—111).

Бывшаго адъюнкта С.-Петербургскаго университета **Калиновскаго**.

Разсматривая исторію образованія въ Россіи съ Петра великаго до настоящаго времени, мы увидимъ здѣсь одинъ преобладающій характеръ, именно, что образованіе это было дѣломъ не частной, а правительственной дѣятельности. Конечно, прошло уже давно время, когда нужно было употреблять даже нѣкотораго рода физическое принужденіе, чтобы заставить молодое поколѣніе учиться, но нравственное поощреніе оставалось до сихъ поръ въ полной силѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не было мѣръ, которыхъ бы не употребляло правительство, чтобы возбудить желаніе въ отцахъ семейства заставлять учиться дѣтей. Молодые люди, кончившіе курсъ наукъ, пользовались извѣстными привилегіями на службѣ; достигали раньше высшихъ чиновъ; въ каждомъ заведеніи, основанномъ на счетъ правительства и снабжаемомъ всякаго рода учебными пособіями, находились казенныя суммы, на счетъ которыхъ бѣдные получали даровое образованіе. Несмотря однако на всѣ искусственныя мѣры, онѣ далеко не оказывали того полезнаго вліянія, какого въ правѣ было ожидать правительство, и вѣроятно еще долго останется несомнѣнною истиною сказанное въ докладѣ главнаго правленія училищъ 5 ноября 1804 г. (Полн. собр. зак. ст. 21,497), что «министерство находитъ единственное средство упрочить твердымъ образомъ просвѣщеніе въ щедротахъ Монарха и считаетъ необходимымъ продолжить ихъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не воз-

растетъ вкусъ къ наукамъ и вкушаемое отъ нихъ благо подѣйствуетъ на общество приносить охотно пособія полезному учрежденію». Другой отличительный признакъ нашего образованія заключается въ томъ, что оно доступно было до послѣдняго времени только свободному классу гражданъ и преимущественно дворянамъ и духовенству. Правительство нуждалось въ дѣловыхъ людяхъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія, и потому основывало специальныя или общія учебныя заведенія и учреждало при нихъ пансіоны, казенныя квартиры и т. п., куда принимались только лица, имѣющія право поступить въ гражданскую и военную службу. Такъ какъ это продолжалось довольно долго, то съ теченіемъ времени государственная служба и образованіе до того тѣсно слились между собою, что, исключивъ преимущества службы, невозможно было найти охотниковъ для образованія, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить технологическій институтъ—одно изъ самыхъ полезныхъ специальныхъ заведеній, но въ которомъ никогда почти не было полнаго комплекта воспитанниковъ, пока существовало для нихъ ограниченіе въ отношеніи поступленія на государственную службу. Съ другой стороны, служба въ столицахъ представляетъ несравненно больше удобствъ и надеждъ на повышеніе, чѣмъ въ провинціальныхъ городахъ, а потому такъ огромно стеченіе молодежи въ столичныхъ университетахъ и такой избытокъ кандидатовъ на каждую должность въ столицахъ, между тѣмъ какъ губернскія города постоянно терпятъ въ нихъ недостатокъ. Такимъ образомъ поощреніе, ограничиваясь извѣстнымъ только классомъ людей и направляя ихъ умственное развитіе только къ извѣстному роду дѣятельности, съ теченіемъ времени перешло за предѣлы дѣйствительной потребности.

Конечно, этому много способствовало сознаніе необходимости образованія, но немаловажнымъ обстоятельствомъ въ этомъ отношеніи было и даровое слушаніе лекцій. Въ самомъ дѣлѣ, въ уставахъ 1804 и 1835 г. о платѣ совершенно не упоминалось, и хотя она была введена въ 1842 году отдѣльнымъ постановленіемъ и постепенно увеличивалась (отъ 25 р. до 50 р. въ годъ), однакожь легкость въ пріобрѣтеніи свидѣтельствъ о бѣдности дѣлала ее не правиломъ, а исключеніемъ. Поэтому весьма естественно, что обязательное ея распространеніе на всѣхъ университетскихъ слушателей съ самымъ огра-

ниченнымъ исключеніемъ должно было вызвать неудовольствіе не только въ бѣдныхъ студентахъ, но и въ обществѣ, заявившемъ свое мнѣніе въ значительномъ количествѣ пожертвованій, которыми оно хотѣло доставить возможность молодымъ людямъ недостаточнаго состоянія получить высшее образованіе и сдѣлаться полезными дѣятелями. Нельзя не сознаться, что неудовольствіе это имѣло долю основательности. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе совершившихся уже и еще совершающихся преобразованій, для молодыхъ людей, кончившихъ высшее образованіе, открывается болѣе обширное поприще службы общественной; съ другой стороны, рѣзкій переходъ къ обязательной платѣ за слушаніе лекцій ставилъ многихъ студентовъ въ самое затруднительное положеніе. Я зналъ многихъ изъ нихъ, которые пробивались сотней и даже менѣе рублей въ теченіе учебнаго года; поэтому пятидесятирублевая плата, которой они предвидѣть не могли, равнялась для нихъ исключенію изъ университета. Въ этомъ отношеніи, я могу сослаться на совѣтъ С.-Петербургскаго университета, который много хлопоталъ въ свое время о допущеніи по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ льготъ, преимущественно же отсрочки обязательной платы, застигнувшей въ расплохъ значительную часть неприготовленныхъ къ тому студентовъ. Впрочемъ, такое убѣжденіе не ограничилось только С.-Петербургскимъ университетомъ; лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что и коммиссія, учрежденная для составленія проекта новаго устава, состоявшая изъ попечителей учебныхъ округовъ и профессоровъ всѣхъ университетовъ, находилась подъ его вліяніемъ. § 108 проекта устава предоставляетъ право университетамъ допускать разнаго рода облегченія для бѣдныхъ студентовъ. Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ выразилось мнѣніе по этому предмету въ замѣчаніяхъ о платѣ за слушаніе лекцій.

Относительно платы за ученіе всѣ мнѣнія можно подвести подъ слѣдующія категоріи: 1) одни полагаютъ, что плата за ученіе должна быть обязательна въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ для всѣхъ, безъ исключенія, слушателей (гг. Пироговъ, Левшинъ и Шестаковъ); 2) другіе считаютъ необходимымъ замѣнить плату, ежегодно вносимую студентами: a) платою за экзаменъ (гг. Спасовичъ и Могилянскій), или b) гонораріемъ, платимымъ за право слушанія лекціи (сов. каз. унив., гг. Вальтеръ, Бутлеровъ, Больцани, Яновичъ, Григоровичъ, Русскій

проффессоръ, Мильчевскій, Костомаровъ, Гояринъ, Цункъ, Скуратовъ и Горловъ), а наконецъ 3) нѣкоторые предлагаютъ допустить различнаго рода облегченія, какъ въ отношеніи размѣра платы, такъ и временнаго освобожденія отъ нея или способа взиманія (Ребиндеръ, Кавелинъ, Андреевскій, Совѣтовъ, Пузыревскій, Менделѣевъ, Ешевскій, Вороновъ, Епископъ Смоленскій Антоній, сов. Моск. унив. и другіе).

Разсмотримъ каждую изъ этихъ категорій отдѣльно. Плата за ученіе, по мнѣнію г. Пирогова (стр. 18, ч. I), 50 р. въ столичныхъ и 40 въ провинціальныхъ университетахъ, для насъ слишкомъ высока. При ней попечители или университеты будутъ завалены по прежнему прошеніями отъ многихъ студентовъ объ освобожденіи или уменьшеніи ея. Г. Пироговъ ссылается въ этомъ отношеніи на Кіевскій университетъ, гдѣ поступало до 900 прошеній два раза въ годъ, при чемъ не было физической возможности, при такой ихъ массѣ, удовлетворить просителей на основаніи безпристрастія и справедливости. Кромѣ того, столь значительная плата требуетъ и особыхъ правилъ для облегченія недостаточныхъ, а между тѣмъ они чрезвычайно неудобны на практикѣ, и оказались бы лишними при установленіи платы умѣренной, но обязательной для всѣхъ студентовъ безъ исключенія. Университеты, говоритъ г. Пироговъ, ничего бы не потеряли отъ значительнаго даже ея уменьшенія. Каждый бѣднякъ, а если не онъ, то другіе, богатые его товарищи, могли бы легко внести въ годъ за ученіе до 15 руб. и въ сложности вышла бы та же сумма, которою и теперь пользуются университеты, при высокой платѣ, но освобождая отъ нея почти до половины слушателей. За нѣкоторые практическіе необязательные курсы, требующіе многихъ вспомогательныхъ средствъ, можно было бы опредѣлить особенный взносъ въ пользу заведенія и преподавателей. Вообще, прибавляетъ г. Пироговъ, слѣдовало бы обратить всю сумму, взимаемую за ученье, въ пользу преподавателей, раздѣляя ее между ними, смотря по числу слушателей и учебныхъ часовъ.

Г. Левшинъ отвергаетъ тоже льготы, предоставляемыя по проекту устава бѣднымъ студентамъ, за исключеніемъ болѣе продолжительной отсрочки, на основаніи почти тѣхъ же самыхъ соображеній. 1) Разнообразіе льготъ, по его замѣчанію, дѣлаетъ весьма труднымъ выборъ между ними; малѣйшая же

ошибка въ выборѣ можетъ возбудить между студентами неудовольствіе и породить нескончаемыя хлопоты и непріятности для университета. 2) Основанія, принятыя проектомъ, по которымъ слѣдуетъ допустить ту или другую льготу, весьма шатки. Въ самомъ дѣлѣ, университету нѣтъ возможности повѣрять, на сколько основательны свидѣтельства о бѣдности, особенно если они выдаются лицами, стоящими на значительныхъ ступеняхъ служебной іерархіи; между тѣмъ, практика показываетъ, что они постоянно выдаются безъ всякой основательности. При отсутствіи же репетицій и годичныхъ испытаній, нѣтъ никакой возможности слѣдить за занятіями студентовъ. 3) Льготы не всегда доступны тѣмъ, которые дѣйствительно въ нихъ нуждаются, потому что бѣдные студенты, не будучи въ состояніи представить для испрошенія льготъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ бѣдности, вовсе за ними не обращаются къ начальству. Университетъ же, не желая уволить студента, дѣлаетъ снисхожденія, ради которыхъ поступаетъ множество прошеній и переписка по взысканію недоимокъ составляетъ значительное бремя для правленія. Наконецъ 4) освобожденіе отъ платы или ея уменьшеніе составляетъ огромную потерю для университета въ финансовомъ отношеніи. Университетъ есть учебное, а не благотворительное заведеніе; всякія льготы въ платѣ падаютъ тяжелымъ бременемъ на другихъ членовъ общества и онѣ не допускаются ни въ одномъ почти заграничномъ университетѣ. Ученіе само по себѣ есть величайшее благодѣяніе для молодаго человѣка, и потому поощреніе, даваемое ему за то, что онъ успѣшно имъ пользуется, прилично только въ дѣтскомъ возрастѣ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, г. Левшинъ предлагаетъ сдѣлать плату за слушаніе лекцій для всѣхъ обязательною. Но для того, чтобы не устранять бѣдныхъ отъ университетскаго образованія, онъ допускаетъ отсрочку или въ теченіе полнаго учебнаго курса, или же до того времени, когда молодой человѣкъ будетъ въ состояніи заплатить *). И въ этомъ случаѣ нужно будетъ все-таки принять въ основаніе такой отсрочки свидѣтельство о бѣдности и предвидится затрудненіе относительно взысканія; но при обязательной платѣ, вѣроятно, уменьшится число представляемыхъ свидѣтельствъ, особенно

*) Такую отсрочку предлагаетъ и г. Михельсонъ.

когда они будутъ выдаваться съ удостовѣреніемъ губернатора или мѣстнаго училищнаго начальства, когда всѣ будутъ увѣрены, что избѣжать ея невозможно; другое же затрудненіе можетъ быть устранено тѣмъ, что имена лицъ, получившихъ отсрочку, будутъ періодически публиковаться и количество долга прописываться въ самомъ аттестатѣ. При такой системѣ, заключаетъ г. Левшинъ, произойдетъ двойная выгода: 1) *финансовая*—потому что возможность уплаты долга имѣетъ преимущество предъ совершеннымъ его прощеніемъ и 2) *нравственная*—потому что молодые люди станутъ рано сознавать, что даромъ пользоваться благами здѣшней жизни дѣло безнравственное (I, 385). Наконецъ г. Шестаковъ доказываетъ, что каждый дѣльный и самостоятельный студентъ гораздо лучше согласится на отсрочку, чтобы быть только обязаннымъ своимъ образованіемъ самому себѣ, чѣмъ просить о совершенномъ освобожденіи отъ платы, будетъ считать подобный долгъ священнымъ, и безъ всякаго сомнѣнія поспѣшитъ уплатить его (II, 34).

Защитники замѣны ежегодной платы платою за экзаменъ съ своей стороны представляютъ, что хотя плата составляетъ весьма важный источникъ дохода, отъ котораго трудно университету отказаться, потому что при помощи его университеты могутъ открывать новыя каѳедры, увеличивать число доцентовъ и расширять кругъ своей дѣятельности безъ всякаго пожертвованія со стороны правительства, но въ одномъ отношеніи она неудобна: трудно примирить взиманіе платы съ публичностью лекцій и доступностью ихъ для всякаго безъ особыхъ формальностей, безъ сторожей и билетовъ (г. Спасовичъ, I, 185). На это затрудненіе указываетъ и г. Кавелинъ, замѣчая, что входные билеты, какъ мѣра полицейская, въ высшей степени ненавистны студентамъ и слушателямъ, и одного этого достаточно, чтобы снова вызвать волненія и безпорядки, а между тѣмъ безъ билетовъ контроль невозможенъ. Онъ однако полагаетъ, что, придавъ этимъ билетамъ чисто финансовое значеніе, нужно выразить въ уставѣ, что сборъ этотъ составляетъ исключительную собственнность университета, и печатать отчеты о состояніи университетскихъ суммъ, съ обозначеніемъ на что онѣ употребляются. Г. Спасовичъ считаетъ гораздо болѣе удобнымъ измѣнить самое основаніе платы и взимать ее не за слушаніе лекцій, а за производство испытаній на ученыя степени. Тогда она измѣнитъ свой характеръ: вмѣсто подати на образованіе, она явится въ

видѣ налога на преимущества, которыми пользуются лица, снабженныя дипломами. Въ платѣ за экзамены гг. Вальтеръ и Могилянскій видятъ еще другое преимущество: она понудитъ студентовъ тщательнѣе заниматься науками, лучше приготовляться къ экзамену и уменьшитъ число экзаменующихся, отнимающихъ напрасно теперь время у профессоровъ. Для этого г. Могилянскій предлагаетъ уменьшить плату до 20 р. и взимать при экзаменѣ столько разъ 10 руб., сколько лѣтъ экзаменантъ пробылъ въ университетѣ. Въ случаѣ неуспѣха, деньги не должны возвращаться (II, 61).

Замѣна годичной платы гонораріемъ имѣетъ несравненно больше поборниковъ. По мнѣнію г. Вальтера (II, 3), нынѣшняя гуртовая плата за слушаніе лекцій противорѣчитъ основнымъ экономическимъ законамъ, порождаетъ мало полезную трату денегъ и препятствуетъ эманципаціи науки отъ лицъ. Преподаваніе по проекту устава обращается въ покупку товара, безъ вознагражденія того, кто его дѣлалъ. Студенты покупаютъ свое ученіе, но не тамъ, гдѣ они бы пожелали, потому что безъ вознагражденія приватъ-доцентовъ невозможна между преподавателями конкуренція. Всякая вещь, достающаяся даромъ, не можетъ быть удовлетворительна. Нѣкоторые утверждаютъ, что гонораръ будетъ составлять продажу науки, но развѣ плата не то же самое? Главное достоинство гонорара заключается въ томъ, что онъ дастъ лучшій способъ оцѣнки достоинства преподавателей; при этой системѣ вознагражденія облегчится самъ собою вопросъ о доцентахъ и профессорахъ, прослужившихъ болѣе 25 лѣтъ. Кто имѣетъ постоянно много слушателей, тотъ заслуживаетъ быть избраннымъ. Кромѣ того, гонораръ можетъ примирить право прежнихъ ученыхъ заслугъ съ потребностями науки и указать на дѣйствительныя потребности учащейся молодежи, тѣмъ болѣе, что бѣдные могутъ быть отъ него освобождены. Наконецъ гонорары дадутъ болѣе времени преподавателю заняться наукою, обезпечатъ ея развитіе безъ обремененія правительства. По мнѣнію г. Авилова (II, 39), гонораръ представляетъ самый естественный контроль надъ преподаваніемъ, котораго никакой другой замѣнить не можетъ. Рус скій профессоръ присовокупляетъ къ тому, что гонораръ составляетъ необходимое условіе независимости частныхъ преподавателей; онъ дастъ возможность, безъ вмѣшательства министра или совѣта университета, безъ насилія и обиды, за-

мѣнить ослабѣвшую заслуженную силу новою, молодою, свѣжею. Безъ гонораровъ доценты рѣшительно невозможны. Г. Мильчевскій думаетъ, что гонораръ преградитъ всякую возможность читать малополезные курсы, соразмѣряетъ вознагражденіе преподавателя съ его научными талантами и не допускаетъ между нимъ и слушателями никакихъ недоразумѣній. Вслѣдствіе сего онъ предлагаетъ, согласно съ г. Костомаровымъ, билеты за входъ или за мѣста въ аудиторіи, которые могутъ быть продаваемы въ университетскомъ казначействѣ. Г. Гояринъ допускаетъ два рода гонорара: для штатныхъ профессоровъ, размѣръ котораго опредѣляется правительствомъ и который поступаетъ въ кассу университета, и для частныхъ преподавателей въ ихъ исключительную пользу. Г. Костомаровъ думаетъ (II, 255), что гонораръ во всякомъ случаѣ долженъ принадлежать преподавателю и величина его зависѣть отъ его воли, потому что его талантъ, познанія и трудъ составляютъ его духовный капиталъ, которымъ онъ имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію. Г. Дмитріевъ не выражаетъ положительно своего мнѣнія. Съ одной стороны, онъ считаетъ, что даровое образованіе составляетъ у насъ еще первую необходимость и ставитъ его, какъ вѣковую и лучшую черту въ исторіи нашей государственной власти. Источникъ ея, говоритъ онъ, въ самомъ происхожденіи нашего просвѣщенія. Если на Западѣ даровое воспитаніе составляетъ исключеніе, то причина этого въ томъ, что самое образованіе было тамъ всего болѣе плодомъ частной дѣятельности. У насъ образованіе долгое время вмѣнялось въ обязанность, предписывалось закономъ, безъ этого нельзя было поступить на службу. Можно ли послѣ этого не облегчить доступа къ нему всѣми мѣрами (II, 430)? Но въ другомъ мѣстѣ г. Дмитріевъ замѣчаетъ, что одно изъ величайшихъ преимуществъ Германскихъ университетовъ передъ Французскими заключается въ томъ, что доходъ преподавателя въ первыхъ изъ нихъ находится въ постоянной зависимости отъ качества и количества его работы. Но чтобы гонораръ приносилъ желаемые результаты, необходимо: во-1-хъ, чтобы плата была достаточна для обезпеченія существованія преподавателя и, во 2-хъ, чтобы не только доценты, но и профессоры не имѣли другаго вознагражденія. У насъ это невозможно, потому что самая умѣренная плата за отдѣльные курсы обременитъ слушателей и не обезпечитъ преподавателя; если же допустить штатное жалованіе для профессоровъ, то это стѣснитъ

конкуренцію. Наконецъ назначеніе гонорара, какъ дополнительнаго дохода для профессоровъ, тоже несвоевременно, пока не разовьется приватъ-доцентство. Пока нѣтъ конкуренціи, плата въ сущности будетъ обязательна, а положеніе профессора не улучшится, потому что, при дороговизнѣ жизни и бѣдности большей части студентовъ, онъ будетъ принужденъ чаще всего освобождать отъ нея своихъ слушателей (II, 412).

Г. Горловъ смотритъ на гонораръ, какъ на лучшій способъ приготовить отличныхъ профессоровъ для университета, и воспрепятствовать искусственному привлеченію къ нему молодежи съ цѣлью, послѣ окончанія образованія, поступить въ государственную службу. Гонораръ, замѣчаетъ г. Горловъ, не будетъ даже новостью въ Россіи, потому что онъ давно уже существуетъ въ Дерптскомъ университетѣ, и въ другихъ онъ можетъ замѣнить теперь взимаемую плату. Но чтобы обезпечить положеніе доцентовъ, онъ считаетъ необходимымъ предоставить его всѣмъ преподавателямъ безъ исключенія.

Наконецъ совѣтъ Казанскаго университета предлагаетъ ввести гонораръ на подобіе того, какой существуетъ въ Дерптскомъ университетѣ, за исключеніемъ взноса 10 р., т. е. чтобы каждый студентъ платилъ за полугодичный курсъ предмета, читаюемаго отъ 1 до 2 часовъ въ недѣлю, 1 р. 50 коп., отъ 3 до 4 часовъ—3 р., отъ 5 и болѣе—4 р. Изъ этой суммы часть, приходящаяся за преподаваніе другихъ предметовъ сверхъ возложенныхъ совѣтомъ, или же входящихъ въ кругъ той же каѳедры, но сверхъ опредѣленныхъ 6 часовъ, поступаетъ въ пользу преподавателей, а остальная въ пользу университета. Эта система, по мнѣнію Казанскаго совѣта, безспорно справедливѣе равномѣрной платы и дастъ возможность ввести параллельные курсы.

Противъ гонорара, и особенно системы его, предложенной совѣтомъ Казанскаго университета, заявили мнѣніе только два профессора того же университета: гг. Овсянниковъ и Янишевскій. Первый говоритъ, что если вводить гонораръ, то нужно предоставить полный сборъ его въ пользу преподавателей, или не вводить его совершенно. Въ противномъ случаѣ, если онъ будетъ введенъ на принципѣ, предложенномъ совѣтомъ только въ Казанскомъ университетѣ, а въ другихъ полный, то мѣра эта принесетъ для него болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что, по географическому положенію Казани, по

суровому и нездоровому ея климату, дать профессорамъ менѣе матеріальныхъ средствъ, значитъ погубить университетъ. Кромѣ того, введеніе гонорара пагубно и въ другомъ отношеніи. Студенты, при его существованіи, будутъ имѣть право посѣщать только тѣ лекціи, на которыя они записались. Не говоря уже о томъ, что контроль надъ посѣщеніемъ лекцій будетъ въ высшей степени затруднителенъ и можетъ подать поводъ ко многимъ безпорядкамъ, подобная мѣра будетъ еще не современная. Университетское образованіе рѣзко отличается отъ получаемаго въ спеціальныхъ заведеніяхъ; оно шире и многостороннѣе; возможно ли ставить ему преграды? Наши университеты отличались до сихъ поръ отъ Германскихъ своимъ гуманнымъ направленіемъ; въ нихъ предоставлялись всѣ средства къ ученію по возможности безплатно. Новымъ постановленіемъ это гуманное направленіе будетъ погублено. Наконецъ изученіе иностранныхъ языковъ, искусствъ и т. д., столь необходимое во многихъ факультетахъ и которое теперь даже идетъ весьма плохо, если за нихъ придется еще платить деньги, особенно въ университетахъ, гдѣ такъ много недостаточныхъ студентовъ, какъ у насъ, погибнетъ окончательно (стр. 416).

Г. Янишевскій видитъ невозможность введенія гонорара у насъ въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ совѣтомъ Казанскаго университета, съ другой точки зрѣнія. «У насъ нѣтъ, говоритъ онъ, такого стремленія къ высшему университетскому образованію, какое мы встрѣчаемъ за границею, а если оно и проявляется, то нельзя не видѣть, что больше между людьми бѣднѣйшими, нежели богатыми. Правительство сознаетъ это: желая болѣе привлечь молодыхъ людей къ университетскому образованію, оно учредило казенное содержаніе, стипендіи, пособія и пр., и правительство и общество платятъ деньги молодымъ людямъ, лишь бы только они учились». Нынѣ, замѣчаетъ далѣе г. Янишевскій, платитъ за слушаніе лекцій только богатый, а бѣдный не только ничего не платитъ, но получаетъ пособія изъ платы болѣе богатыхъ; со введеніемъ гонорара это должно измѣниться. Говоря логически, гонораръ долженъ быть предоставленъ въ полную собственность преподавателя; спрашивается, какимъ же образомъ будетъ отъ него избавленъ бѣдный студентъ? Если право освобожденія предоставить совѣту или правленію, то это будетъ значить, что имъ предоставляется право распоряжаться чужими деньгами въ чужомъ кар-

манѣ. Если же предоставить полное право преподавателю получать гонораръ, то какъ согласить его съ тѣмъ освобожденіемъ, которымъ пользуются по закону студенты казеннокоштные, пансіонеры и др. Положимъ теперь, что найдется какой-нибудь приватъ-доцентъ, который читаетъ лучше штатнаго профессора параллельный съ нимъ курсъ, и который не согласится на гонораръ, опредѣленный уставомъ, а потребуетъ больше, тогда слушать его будутъ только богатые. Желаемую конкуренцію можно гораздо лучше развить, поручая читать профессору и доценту параллельные курсы и предоставляя студенту свободный между ними выборъ. Сверхъ того, плата по числу часовъ преподаванія не будетъ равномѣрна на всѣхъ факультетахъ; на медицинскомъ она превзойдетъ 40 р. въ годъ, между тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ будущности медикъ получалъ больше выгодъ. Отъ того можетъ также легко произойти обѣднѣніе нѣкоторыхъ факультетовъ въ ущербъ природнымъ наклонностямъ слушателей. Наконецъ несообразность системы гонораровъ брасается еще въ глаза и потому, что напр. казеннокоштные студенты и стипендіаты будутъ имѣть право слушать курсы, какіе имъ заблагоразсудится, между тѣмъ какъ своекоштные—только тѣ, за которые они внесли деньги.

На этотъ протестъ отвѣчали гг. Бутлеровъ, Больцани и Яновичъ, возражая сперва на мнѣніе г. Овсянникова, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы гонораръ былъ введенъ исключительно только въ столичныхъ университетахъ, потому что новый уставъ будетъ, вѣроятно, обязателенъ для всѣхъ. Относительно мнѣнія г. Янишевскаго они замѣчаютъ, что система гонораровъ не исключаетъ стипендій, пособій или освобожденія отъ платы за лекціи, и не составляетъ помѣхи къ ихъ слушанію, тѣмъ болѣе, что плата и теперь существуетъ. По предложенію совѣта, гонораръ долженъ взиматься въ пользу преподавателя только за курсы сверхштатные, штатные же должны обнять всѣ науки необходимыя для полноты университетскаго образованія. Профессоры впередъ знаютъ что у нихъ будутъ находиться даровые слушатели, и что ихъ освобождаетъ отъ платы то самое учрежденіе, которое даетъ имъ жалованье. Слѣдовательно, странно считать гонораръ со всѣхъ безъ исключенія слушателей своею собственностью, лежащею въ своемъ карманѣ. Кромѣ того, опытъ показываетъ, что гдѣ есть гонораръ, тамъ дорожатъ болѣе лекціями и извлекаютъ изъ нихъ больше

пользы. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы какой-нибудь способный приватъ-доцентъ не довольствовался опредѣленнымъ въ уставѣ гонораромъ; гораздо справедливѣе заключить, что если гонораръ вмѣстѣ съ вознагражденіемъ не привлечетъ въ университеты способныхъ, то одна плата и подавно. Гдѣ же тогда будетъ возможность бѣднымъ студентамъ слушать блестящія лекціи. Наконецъ уже одна возможность запроса большаго вознагражденія представляетъ всю выгоду новой системы. За границею усовершенствованіе преподаванія, всѣ это знаютъ, есть слѣдствіе гонорара.

Увеличенія платы за слушаніе лекцій на нѣкоторыхъ факультетахъ тоже не произойдетъ. По разсчету сему, на медицинскомъ факультетѣ за всѣ обязательные предметы придется въ средней сложности платить не больше 40 р. или 19 р. 50 к. въ семестръ, что̀ еще не весьма затруднительно. Но еслибы отъ гонорара и дѣйствительно произошло уменьшеніе числа слушателей на нѣкоторыхъ факультетахъ, то отъ этого установится только болѣе правильное отношеніе между потребностью общества и числомъ спеціалистовъ. Вѣдь и теперь уже, вслѣдствіе затрудненія получить медицинское мѣсто, приходится многимъ отбросить свои природныя наклонности.

Контроль, о которомъ упоминаетъ г. Янишевскій, по всей вѣроятности, не будетъ затруднительнѣе наблюденія, необходимаго и теперь, за тѣмъ, чтобы не внесшіе платы не посѣщали лекцій. А хотя студенты, по проекту, предложенному совѣтомъ, не устраняются отъ слушанія нѣкоторыхъ постороннихъ лекцій, а только отъ цѣлаго ихъ курса, но еслибы они болѣе занялись изученіемъ факультетскихъ предметовъ, то отъ этого произошла бы не потеря, а прямой выигрышъ.

Г. Григоровичъ старался примирить эти противоположныя мнѣнія прибавленіемъ къ параграфу о гонорарахъ слѣдующаго замѣчанія: слушаніе посторонняго курса зависитъ отъ позволенія преподавателя, который, представивъ совѣту о желаніи слушателя, имѣетъ право назначить или отмѣнить за свое чтеніе гонораръ; многочисленность, однакожь, постороннихъ слушателей можетъ заставить, независимо отъ мнѣнія преподавателя, требовать за право слушанія установленнаго гонорара.

Къ послѣдней группѣ мы отнесли тѣ мнѣнія, которыя касаются не какихъ-либо радикальныхъ преобразованій, а только облегченія платы, предложенной проектомъ устава. По это-

му случаю въ совѣтѣ Московскаго университета были выражены два предположенія. Большинство, состоящее изъ 13 членовъ, считаетъ нужнымъ предоставить освобожденіе отъ платы только тѣмъ студентамъ, которые представляютъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что они могутъ съ успѣхомъ проходить университетскій курсъ: почему, сохраняя редакцію устава, оно требуетъ только слѣдующаго прибавленія къ параграфу 108: «относительно вновь вступающихъ въ университетъ берется во вниманіе вступительный экзаменъ». Меньшинство же совѣта, полагая: 1) что освобожденіе отъ платы не есть награда за успѣхъ, а только облегчаетъ бѣднымъ людямъ полученіе университетскаго образованія безъ всякой издержки для казны; 2) что при состояніи Русскаго просвѣщенія необходимо дать въ университетъ доступъ желающимъ учиться; 3) что университетъ, допустивъ студента на основаніи вступительнаго экзамена, тѣмъ самимъ призналъ его способнымъ слушать лекціи; 4) что для бѣднаго требованіе платы равносильно увольненію изъ университета, слѣдовательно составляетъ наказаніе, отъ котораго избавлены богатые, и 5) что освобожденіе отъ платы на основаніи одного свидѣтельства о бѣдности уже существовало съ 1842 г.,—считаетъ полезнымъ допустить освобожденіе только на основаніи одного свидѣтельства о бѣдности.

То же самое мнѣніе, но съ бо̀льшею силою и съ приведеніемъ многихъ и весьма любопытныхъ доказательствъ, выражено и г. Ешевскимъ. Онъ тоже полагаетъ, что единственнымъ основаніемъ для освобожденія отъ платы можетъ быть только бѣдность; а какъ въ университетъ поступаютъ только тѣ молодые люди, которые доказали фактически, по экзамену, удовлетворительность своихъ занятій, слѣдовательно второе условіе § 108 къ нимъ не относится, иначе можно предположить, что въ число студентовъ могутъ быть приняты молодые люди и безъ удовлетворительныхъ знаній. Требовать же для освобожденія отъ платы доказательства удовлетворительныхъ занятій въ университетѣ значитъ запереть наглухо дверь университета бѣднѣйшимъ. Въ настоящее время, первый экзаменъ въ университетѣ бываетъ при переходѣ изъ 2-го курса на 3-й, но для бѣднаго студента первые годы бываютъ самые трудные и тяжелые, посему можно ли тогда именно требовать съ него платы? Судя по этому параграфу, продолжаетъ г. Ешевскій, можно бы полагать, что Россія переполнена людьми, получившими выс-

шее образованіе, что для нихъ нѣтъ уже мѣстъ и положеній и что правительство вынуждено принимать мѣры къ искусственному преграждeнію бѣднѣйшимъ классамъ доступа къ университетскому образованію и что жалобы на недостатокъ учителей, медиковъ, судебныхъ слѣдователей, не только для сельскихъ общинъ, но и для городовъ, совершенно напрасны. Но кто же скажетъ, чтобы высшее образованіе было у насъ болѣе распространено, чѣмъ въ Германіи или Франціи. А между тѣмъ положеніе бѣднаго человѣка, желающаго получить университетское образованіе, тамъ гораздо лучше, чѣмъ предполагается сдѣлать это у насъ. Такъ въ Германіи взимаютъ въ пользу казны или университета самую ничтожную плату за матрикулъ (3, 4 и не болѣе 7 тал.). Плата за слушаніе лекцій предоставляется преподавателямъ, хотя штатные профессоры получаютъ жалованья больше, чѣмъ въ Россіи. Самая значительная часть этихъ лекцій читается даромъ, но и тѣ, за которыя платится гонораръ по закону, а не по волѣ профессора, доступны для бѣднаго. Да и то нужно сказать, что плата за полное число курсовъ въ Германіи едва ли больше нашей. Только по Прусскимъ статутамъ, вмѣсто совершеннаго освобожденія бѣдныхъ, допускается отсрочка на пять лѣтъ послѣ окончанія университетскаго образованія. Во Франціи, по закону, никто не освобождается отъ платы, но она ничтожна въ сравненіи съ нашею. Притомъ студентъ платитъ, главнымъ образомъ, не за лекціи, а за экзаменъ на ученую степень, который онъ держитъ когда ему угодно, то-есть, когда выслушанныя имъ лекціи принесли уже для него осязательную пользу. Кромѣ того, платы за слушаніе лекцій и за записку въ число студентовъ на факультетахъ богословскомъ, математическомъ и словесномъ вовсе не существуетъ. На юридическомъ за записку на лекціи платится однажды 15 фр. На медицинскомъ самая большая плата, а именно: за 1-й годъ—100 фр., за 2-й—120, за 3-й и 4-й—по 140, а всего 500 р. Плата за экзамены на ученую степень и дипломы равняется: на факультетахъ словесномъ и математическомъ —252 фр., на богословскомъ—110 фр., на юридическомъ—570 фр. и на медицинскомъ—500 фр. И такъ, самая большая плата на медицинскомъ факультетѣ, вмѣстѣ съ платою за приложеніе къ диплому печатей (по закону 1809 г.), составляетъ 1,100 фр., т. е. почти то же, что̀ у насъ платитъ студентъ-медикъ за пятилѣтній курсъ и за дипломъ на званіе лекаря.

И такъ, въ Германіи и Франціи законъ охраняетъ заботли-

во бѣдняка отъ притязанія казны и частныхъ лицъ. Почему же у насъ, даже въ случаѣ доказанной бѣдности, можно освобождать только на одинъ годъ, съ добавленіемъ, что это освобожденіе можетъ быть возобновляемо? Имѣется ли этимъ въ виду, что студентъ можетъ въ теченіе года разбогатѣть? Но легко ли ему добывать ежегодно подобныя свидѣтельства, особенно, если мѣсто его родины отдалено отъ университета. Заводить же ежегодныя испытанія для пользующихся такимъ освобожденіемъ будетъ напрасно, потому-что они обратятся въ пустую формальность. Никто, вѣроятно, не захочетъ принять на себя тягостной обязанности лишать изъ-за платы бѣднаго студента права слушать въ университетѣ лекціи. Единственно возможное объясненіе редакціи параграфа 108 г. Ешевскій допускаетъ только въ опасеніяхъ, возбужденныхъ университетскими волненіями. Но положительно извѣстно, что не бѣдные были главными ихъ двигателями въ Московскомъ университетѣ, по очень простой причинѣ, что̀ ихъ не принимали безъ первоначальнаго взноса положенной платы. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, г. Ешевскій, для избѣжанія неясности и неопредѣленности закона, предлагаетъ выразить § 108 такъ: недостаточный студентъ освобождается отъ платы за слушаніе лекцій, на основаніи законнаго свидѣтельства о бѣдности. Сверхъ того, университетамъ предоставляется, въ случаѣ нужды, уменьшать плату до половины или отсрочивать взносъ ея на извѣстное время. Почти такую же редакцію § 108 предлагаетъ и г. профессора богословія Сергіевскій на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) По новымъ предположеніямъ, въ число студентовъ принимается только тотъ, кто успѣшно выдержалъ экзаменъ; значитъ, тутъ главную роль играетъ увѣренность въ способности слушать университетскія лекціи, которая должна быть одинакова какъ въ отношеніи богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, а плата — только стороннюю, второстепенную роль, иначе слѣдовало бы контролировать и богатыхъ, и, въ случаѣ неуспѣшности ихъ занятій, исключать изъ университета. Если же этого не будетъ, то жестоко подвергать только бѣдныхъ такому ограниченію. 2) Освобожденіе или же облегченіе въ платѣ не нужно смѣшивать со стипендіею, которая дается только лучшему бѣдному студенту. Но когда бѣдные освобождаются отъ платы, то это не есть еще для нихъ денежное пособіе, а только возможность учиться, не платя денегъ, которыхъ у нихъ нѣтъ. Университетъ ничего не теряетъ отъ такого освобожденія, пото-

му-что чрезъ устраненіе бѣдныхъ ничего не выигрываетъ. 3) Въ такомъ ограниченіи освобожденія отъ платы скрывается мысль: затруднить для бѣдныхъ доступъ къ образованію. По этому, ежегодное возобновленіе освобожденія останется пустою формальностью, безъ нужды обременительною и для студентовъ, и для университета.

Въ пользу платы болѣе умѣренной, чѣмъ предполагается проектомъ, высказали свои мнѣнія: епископъ Смоленскій Антоній и гг. Андреевскій, Совѣтовъ, Пузыревскій, Менделѣевъ, Кавелинъ и Вороновъ. Первый полагаетъ, что ее можно уменьшить въ половину; г. Андреевскій считаетъ болѣе удобнымъ принять ту, которая была до 1850 года, т. е. 30 р., потому-что пришлось бы дѣлать и менѣе изъятій и, согласно съ экономическими законами, сборъ былъ бы больше. Гг. Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій предлагаютъ взимать съ вольныхъ слушателей maximum по 25 р. въ семестръ и 10 р. со студентовъ, освобождая совершенно отъ платы только тѣхъ изъ нихъ, которые представятъ свидѣтельство о бѣдности, объ успѣхахъ которыхъ засвидѣтельствуетъ факультетъ, стипендіатовъ, которыхъ выборъ предоставленъ университету, и, наконецъ, сыновей преподавателей, служащихъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія (г. Стеблинъ-Каминскій причисляетъ къ этой категоріи и учителей учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ). При этомъ каждый желающій держать экзаменъ на степень кандидата долженъ представить свидѣтельство о взносѣ денегъ въ одинъ изъ Русскихъ университетовъ или же заплатить въ правленіе 50 р. и представить объ уплатѣ квитанцію. Гг. Вороновъ и Кавелинъ не опредѣляютъ величины самой платы, но желаютъ, чтобы она была умѣренная и чтобы бѣдные люди могли быть отъ нея освобождаемы. Г. попечитель С.-Петербургскаго округа и г. Ивановскій полагаютъ, что плата должна быть одинакова во всѣхъ университетахъ; первый говоритъ даже, что если допустить разницу, то она должна быть меньше въ столицахъ, гдѣ жизнь дороже, чѣмъ въ провинціальныхъ городахъ; второй же, согласно съ г. Савичемъ, желаетъ еще, чтобы льготы, предоставляемыя уставомъ студентамъ, распространить и на вольныхъ слушателей, такъ какъ между ими можетъ быть много бѣдныхъ чиновниковъ, коихъ было бы несправедливо лишать возможности образоваться. Необходимость продолженія отсрочки, вмѣсто двухъ, до трехъ мѣ-

сяцевъ выражена въ мнѣніяхъ гг. Каземъ-Бека, Березина, Чубинова, Навроцкаго, Хвольсона и Патканова; между тѣмъ совѣтъ университета св. Владиміра исключаетъ ее совершенно изъ числа льготъ, на томъ основаніи, что она влечетъ за собою запутанность въ счетоводствѣ и даетъ поводъ къ умноженію канцелярской переписки разборомъ множества дѣлъ, число которыхъ простирается до 300. Изъ числа имѣющихъ право пользоватьс я освобожденіемъ отъ платы исключаютъ: г. Сомовъ — сыновей даже преподавателей и чиновниковъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, если ихъ родители имѣютъ состояніе, и г Андреевскій — тѣхъ чиновниковъ, которые слушаютъ лекціи въ университетѣ по порученію начальства, развѣ будетъ доказано, что они не имѣютъ средствъ. Наконецъ г. Ребиндеръ заявляетъ мнѣніе, что успѣшное или неуспѣшное занятіе студентовъ въ университетѣ можно узнать только при испытаніяхъ переходныхъ изъ втораго на третій курсъ, и потому тогда только и можно лишать ихъ права пользоваться льготами отъ платы. Кромѣ того, онъ считаетъ необходимымъ опредѣлить точнѣе величину платы, которая должна быть взимаема съ вольныхъ слушателей, если они посѣщаютъ только нѣкоторыя изъ факультетскихъ лекцій, и полагаетъ, что плата эта не должна быть меньше одной осьмой части общей платы.

Ни одна часть университетскаго устава, кажется, не вызвала столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ мнѣній, какъ плата за слушаніе лекцій, можетъ быть главнымъ образомъ потому, что здѣсь выгоды университета и его преподавателей, съ одной стороны, и студентовъ или вольныхъ слушателей—съ другой, приходятъ между собою въ столкновеніе. Вслѣдствіе этого, разсматривая плату съ той или другой точки, можно разсуждать до безконечности. Что плата необходима, съ этимъ всѣ согласны; но относительно способа ея взиманія въ мнѣніяхъ, какъ мы видѣли, встрѣчается большое разногласіе. Самая значительная ихъ часть выразилась въ пользу гонорара, потому-что онъ, будто бы, обезпечитъ существованіе у насъ приватъ-доцентовъ, и во-вторыхъ, какъ опытъ показалъ, что тамъ, гдѣ онъ введенъ, замѣчаются отличные результаты. Относительно перваго можно еще спорить; для этого достаточно простаго вычисленія. Всѣ согласны, что бѣдные студенты не должны платить гонорара; поэтому, если предположимъ, что у приватъ-доцента будетъ 50 платящихъ слушателей, то никто

не станетъ оспаривать, что это число слишкомъ мало. Положимъ, что онъ читаетъ пять лекцій въ недѣлю и получаетъ отъ каждаго слушателя 4 руб. (больше предположить невозможно, иначе лекціи дѣйствительно сдѣлаются недоступными); тогда весь его годичный доходъ будетъ составлять 400 руб. Достаточенъ ли онъ для его обезпеченія? Что касается до втораго доказательства, т. е. опыта въ Германскихъ университетахъ, то и оно также не убѣдительно. Въ Германіи гонораръ развился вслѣдствіе историческихъ условій; онъ тамъ уже вкоренился, сросся съ нравами, а у насъ будетъ новостью. Говорятъ, однако, что и у насъ можно къ нему привыкнуть. Но въ томъ-то и бѣда, что при крутыхъ преобразованіяхъ не могутъ вкорениться привычки. Дѣлая преобразованіе, необходимо избѣгать крайностей, потому-что законъ, въ нуждѣ котораго общество не убѣждено, будетъ казаться насиліемъ. Первая забота законодателя должна заключаться въ томъ, чтобы устранить столь невыгодное, сопряженное съ нимъ, понятіе. Кромѣ того, при крутыхъ перемѣнахъ, общество не можетъ выработать опредѣленной физіономіи, своеобразнаго характера. Можно, пожалуй, вводить, въ видѣ опыта, что замѣчается хорошаго въ томъ или другомъ государствѣ; но если нововведеніе противорѣчитъ общественнымъ нравамъ, обычаямъ или даже привычкамъ, то такое нововведеніе всегда будетъ имѣть успѣхъ сомнительный. По моему мнѣнію, вмѣсто того, чтобы вводить плату въ такомъ видѣ, въ какомъ она у насъ никогда не существовала, лучше преобразовать существующую, но такимъ образомъ, чтобы она доставляла самый обильный доходъ и, въ то же время, была возможно менѣе стѣснительною для платящихъ. Въ финансовой теоріи считается аксіомою не вводить новыхъ податей, а улучшать старыя, къ которымъ уже привыкъ народъ; это правило можно примѣнить и къ университетской платѣ.

Всякому понятно, что главный вопросъ заключается здѣсь не въ томъ, въ какомъ видѣ будетъ взиматься плата, а какъ сдѣлать ее производительною? Мнѣ кажется, что умѣренная плата, если только она будетъ падать на всѣхъ безъ исключенія, доставитъ болѣе выгодные результаты, чѣмъ бо̀льшая, но взимаемая только съ нѣкоторыхъ. Во-вторыхъ, каждый охотнѣе соглашается платить тогда, когда за денежное пожертвованіе онъ также получаетъ какія-нибудь существенныя выгоды. Слѣдовательно, плата, напримѣръ, взимаемая за экзаменъ на уче-

ную степень, получивъ которую, экзаменантъ можетъ пользоваться всегда значительными преимуществами въ обществѣ, будетъ казаться для него не тягостью, а, напротивъ, справедливымъ возмездіемъ. Если теперь разложить обѣ части этой платы такимъ образомъ, чтобы онѣ составляли почти ту же самую сумму, какая предполагается новымъ проектомъ, то и цѣль будетъ достигнута. На этомъ основаніи, мнѣ кажется, что ежегодный взносъ, какъ полагаетъ и г. Пироговъ, не долженъ превышать 15 р.; за экзаменъ же полагаю взимать за каждый предметъ по 5 руб. Считая, что на каждомъ факультетѣ или отдѣленіи факультета, въ средней сложности, главныхъ и добавочныхъ предметовъ будетъ 12, вся сумма съ обѣихъ частей составитъ 120 р., или, что̀ все равно, по 30 р. въ годъ, какъ взималось до 1850 года. Конечно, бѣднымъ должна быть сдѣлана отсрочка до того времени, когда они будутъ въ состояніи заплатить свой долгъ. Но такихъ отсрочекъ, можно навѣрно полагать, придется университету давать немного: во-первыхъ потому, что теперь представляютъ свидѣтельства о бѣдности многіе студенты, которыхъ родители имѣютъ достаточное состояніе для взноса платы. Когда же эти студенты увидятъ, что отъ платы освободиться нельзя, то подобныя свидѣтельства сами собою прекратятся. 2) Бѣдные студенты будутъ имѣть достаточно времени въ теченіе четырехъ лѣтъ, чтобы уроками или литературными трудами накопить требуемую съ нихъ сумму. 3) Нежеланіе, чтобы въ аттестатѣ выставлялся числящійся на нихъ долгъ, который будетъ съ нихъ взыскивать то мѣсто, куда они поступятъ на службу, будетъ побуждать ихъ къ труду, бережливости, накопленію хотя и небольшой суммы, что́ можно также считать немаловажною выгодою. Наконецъ, недоимокъ опасаться тутъ нечего; у каждаго бывшаго студента остается духовная привязанность къ университету, связанная съ пріятными воспоминаніями о проведенныхъ въ немъ юныхъ годахъ; по этому, немного найдется людей, которые не почли бы священнымъ долгомъ заплатить прежде всего долгъ за доставленное имъ благо — образованіе. Собранная же такимъ образомъ сумма можетъ вполнѣ и гораздо лучше обезпечить приватъ-доцента, чѣмъ гонораръ. Я не думаю, чтобы университетскій совѣтъ оказалъ или даже могъ оказать, находясь подъ контролемъ высшаго начальства, какую-нибудь несправедливость въ отношеніи вознагражденія нештатныхъ преподавателей.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ замѣчаній и соображеній, я предлагаю въ проектѣ устава сдѣлать слѣдующія измѣненія:

§ 104. За слушаніе лекцій взимается съ каждаго студента и вольнослушателя по 15 р. въ годъ.

§ 105 остается безъ измѣненія.

§ 106 остается безъ измѣненія.

§ новый. Кромѣ того, студенты и вольнослушатели, подвергающіеся окончательному испытанію на степень кандидата, или кандидаты—на степень магистра, платятъ: первые—по 5, а вторые—по 10 р. съ каждаго предмета, изъ котораго они подвергаются экзамену. Въ случаѣ неуспѣшнаго экзамена, деньги не возвращаются.

§ 107 остается безъ измѣненія.

§ 108. Для облегченія недостаточныхъ студентовъ и вольнослушателей университета, предоставляется давать отсрочку какъ для ежегоднаго взноса, такъ и для платы за экзаменъ, до окончанія университетскаго образованія или же послѣ окончанія, на пять лѣтъ, съ прописаніемъ слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ въ аттестатѣ. Мѣста, куда они поступятъ на службу, содѣйствуютъ ко взысканію отсроченнаго долга. Такой отсрочки университетъ удостоиваетъ студента на основаніи свидѣтельства о бѣдности.

Примѣчаніе остается.

§ 109. Подобною отсрочкою пользуются безъ представленія свидѣтельства лица, какъ поименовано въ уставѣ.

§ 110 и примѣчаніе исключаются.

§ 111 остается безъ измѣненія.

III. О почетныхъ университетскихъ званіяхъ и ученыхъ обществахъ.

(Гл. VII, §§ 134—137).

Бывшаго проф. С.-Петербургскаго унив. **Костомарова.**

§ 134. Университеты имѣютъ право выдавать лицамъ, пріобрѣтшимъ извѣстность своими заслугами, дипломы на званія: почетныхъ членовъ, почетныхъ докторовъ и корреспондентовъ. Первые утверждаются въ сихъ званіяхъ министровъ, корреспонденты же — попечителемъ.

Г. Кавелинъ въ своемъ замѣчаніи (т. 1., стр. 93, § 134) справедливо требуетъ, чтобъ университетъ имѣлъ право давать званія не только почетныхъ, но и дѣйствительныхъ докторовъ безъ экзамена. Онъ указываетъ на примѣры Карамзина и Сперанскаго, по предметамъ исторіи и правовѣдѣнія, и на примѣръ Даля, по предмету Русской словесности. Еслибы эти лица пожелали занять каѳедру въ университетѣ по тому предмету, по которому оказали значительныя научныя услуги, то несправедливо было бы имъ отказать на томъ единственно основаніи, что они не имѣютъ званія докторскаго. Для такихъ чрезвычайныхъ случаевъ слѣдовало бы предоставить университетамъ возводить въ степень дѣйствительнаго, а не почетнаго доктора ученыхъ, пріобрѣвшихъ знаменитость своими сочиненіями и трудами. Соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ г. Кавелина, мы прибавимъ, что званія почетныхъ докторовъ, почетныхъ членовъ и корреспондентовъ слѣдуетъ уничтожить вовсе, потому что они не имѣютъ жизненнаго значенія; они напоминаютъ обычаи Византійской имперіи, гдѣ думали награждать заслуги или угождать самолюбію раздачею наименованій, не имѣющихъ приложе-

нія къ жизни. Почетный докторъ есть уже совершенная несообразность, коль скоро мы допустимъ возможность получить дѣйствительнаго безъ экзамена. Человѣкъ, оказавшій дѣйствительно важныя услуги наукѣ, можетъ получить послѣдняго рода званіе; за тѣмъ всякій, кто не окажется достойнымъ быть дѣйствительнымъ докторомъ, не можетъ быть и почетнымъ. Въ почетные члены производятся люди знатные или знаменитые ученые. Но въ первомъ случаѣ побужденіемъ служитъ угодливость, недостойная ученаго міра, во второмъ — знаменитый ученый не можетъ прельщаться пустымъ наименованіемъ, тѣмъ болѣе, что всякое его сближеніе съ чужимъ университетомъ будетъ имѣть мѣсто по его дѣйствительному ученому значенію, а не потому, что онъ получитъ титулъ. Званіе корреспондента также не представляется необходимымъ: корреспондентомъ въ сущности можетъ быть всякій, кто имѣетъ какое бы то ни было дѣло съ университетомъ, и для этого нѣтъ необходимости носить ему титулъ: его будутъ связывать съ университетомъ взаимныя выгоды. Но чтобъ не лишать почетныхъ званій тѣхъ, которые ихъ пріобрѣли уже прежде, надлежитъ оставить ихъ за ними, а вновь не давать никому. По этому я полагалъ бы, что § 134 слѣдуетъ выразить такъ:

«Университеты имѣютъ право выдавать лицамъ, пріобрѣвшимъ знаменитость своими учеными сочиненіями и трудами, дипломы на званіе доктора, безъ экзамена, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ правъ, соединенныхъ съ докторскою степенью. Званія же почетныхъ членовъ, почетныхъ докторовъ и корреспондентовъ остаются за тѣми, которые уже получили ихъ до составленія настоящаго устава, а впредь не даются никому.»

Относительно § 135. «Университетамъ предоставляется учреждать ученыя общества, для усовершенствованія совокупными изысканіями какой-либо опредѣленной части наукъ». Нѣтъ необходимости вступать въ разсужденіе и заранѣе устанавливать подробности для существованія обществъ, потому что всѣ такія подробности могли бы только связывать общества, которымъ суждено возникнуть, тѣмъ болѣе, что § 137 предполагаетъ въ каждомъ обществѣ свои собственные уставы. По этому полагаю, что §§ 135, 136 и 137 слѣдуетъ оставить безъ измѣненія.

Къ № 9.

I. О порядкѣ опредѣленія и увольненія университетскихъ преподавателей.

(Гл. IV, отд. III, §§ 76 — 83).

Заслуж. проф. С.-Петербургскаго унив. **Ивановскаго.**

Въ проектѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ мы мало находимъ статей, на которыя было бы сдѣлано столько замѣчаній, сколько ихъ имѣется въ отношеніи опредѣленія на службу и увольненія отъ оной университетскихъ преподавателей, равно какъ и прочихъ должностныхъ лицъ по частямъ ученой и учебной, а именно на §§ 76 —83. При такомъ богатствѣ матеріяловъ, казалось бы съ перваго взгляда, что тутъ остается одно лишь затрудненіе—затрудненіе выбора. Къ сожалѣнію, въ сущности выходитъ иначе. Бо̀льшая часть упомянутыхъ замѣчаній—чисто отрицательнаго свойства. Критики, какъ настоящаго положенія нашихъ университетовъ, такъ и проекта новаго для нихъ устава, ограничиваются большею частію рѣзкимъ, хотя часто весьма справедливымъ порицаніемъ существующихъ недостатковъ, но весьма немногіе изъ нихъ указываютъ на положительныя средства, какъ помочь настоящей бѣдѣ. Конечно, доказать несостоятельность существующихъ учрежденій—заслуга немаловажная, однакожь, такъ сказать, только *половинная* заслуга; даже можетъ случиться, что опреметчивое ниспроверженіе *стараго*, безъ созданія *въ то же время новаго*, которое могло бы его замѣнить, сопровождается иногда весьма невыгодными послѣдствіями. Далека отъ меня мысль, будто бы паліятивными средствами, ка-

кими-то подпорками, возможно было поддержать на долгое время обветшавшее строеніе: здѣсь коренная перестройка необходима; но при ея производствѣ почему же не воспользоваться и старымъ матеріяломъ, если онъ годится еще къ дѣлу? Вся забота должна состоять въ томъ, чтобы воздвигаемое строеніе основывалось на началахъ раціональныхъ: тогда, если со временемъ, по мѣрѣ новыхъ потребностей, придется уже къ созданному прибавить что-либо новое, то это прибавленіе не будетъ какимъ-то безобразнымъ наростомъ, а частію одного гармоническаго цѣлаго. Вотъ идея, которая руководила мною при составленіи настоящей записки.

I. *Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ непосредственнымъ выборомъ безъ конкурса, а также и по конкурсу.*

Для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ имѣются три способа: 1) избраніе совѣтомъ лица извѣстнаго своею ученостію и даромъ преподаванія, не подвергая его конкурсу; 2) избраніе по конкурсу, и 3) прямое назначеніе министромъ.

Въ проектѣ новаго устава (ст. 76 и 77) принято въ основаніе избраніе преподавателей университета посредствомъ баллотировки представляемыхъ въ совѣтъ кандидатовъ; конкурсъ же допускается въ такомъ только случаѣ, когда совѣтъ не имѣетъ въ виду кандидата, достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя. Противу этихъ статей проекта возстаютъ: совѣты Московскаго университета и тайный совѣтникъ Пироговъ.

Совѣтъ Московскаго университета полагаетъ, при замѣщеніи каѳедръ, принять общимъ правиломъ *конкурсъ*, а непосредственное избраніе допускать, какъ исключеніе, для лицъ, пріобрѣтшихъ уже извѣстность, которыя не всегда согласятся подвергнуться состязанію.

То же мнѣніе высказалъ и г. Пироговъ, прибавляя, что въ наши провинціальные университеты не охотно являются на конкурсъ и другіе, менѣе знаменитые кандидаты. Кромѣ того, къ недостаткамъ конкурса необходимо прибавить еще слѣдующее: отъ конкуррентовъ обыкновенно требуется: 1) ученая степень, соотвѣтственная вакантному мѣсту; 2) представленіе ученыхъ сочиненій, какъ уже изданныхъ въ свѣтъ конкуррентомъ, такъ и новаго разсужденія, написаннаго имъ *ad hoc* на предложенную тему; 3) буде конкуррентъ еще не преподаетъ ни въ

какомъ университетѣ, то онъ долженъ прочитать нѣсколько, (двѣ или три) пробныхъ лекцій. Всѣ вышеизложенныя требованія не доказываютъ вовсе, что конкуррентъ обладаетъ достоинствами необходимыми для профессорскаго званія. Ученая степень, сама по себѣ, не доказываетъ еще степени дѣйствительной учености. Могутъ случиться отличнѣйшіе ученые спеціалисты, не имѣющіе ученыхъ степеней, которые по этой причинѣ не могли бы явиться на конкурсъ. Что касается ученыхъ сочиненій, то изъ нихъ можно заключить единственно о степени познаній конкуррента. Но можно быть отличнѣйшимъ ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма плохимъ профессоромъ, потому что послѣднему, кромѣ учености, необходимо еще имѣть даръ преподаванія. Правда, что отъ конкуррентовъ требуется нѣсколько пробныхъ лекцій; но если эти лекціи читаны будутъ не въ томъ университетѣ, гдѣ конкуррентъ ищетъ мѣста, а въ какомъ-либо другомъ, то можно опасаться, что этотъ послѣдній, при оцѣнкѣ кандидата, назначеннаго для инаго университета, окажется слишкомъ снисходительнымъ. Притомъ, какъ сравнить между собою даръ преподаванія конкуррентовъ, ищущихъ мѣста напр. въ С. Петербургскомъ университетѣ, если одинъ изъ нихъ будетъ читать пробныя лекціи въ Московскомъ, другой въ Казанскомъ, а третій въ Харьковскомъ университетѣ? Г. Пироговъ опасается, что при баллотировкѣ кандидатовъ, предлагаемыхъ непосредственно въ совѣтѣ, можетъ дѣйствовать система непотизма и протекцій. Но неужели непотизмъ и протекціи не могутъ имѣть мѣста и при конкурсѣ? Конкурренты подвергаются тоже баллотировкѣ; съ другой стороны, предлагаемые въ совѣтѣ кандидаты — между собою то же конкурренты. Вся разница въ томъ, что отъ конкуррентовъ, въ собственномъ смыслѣ, требуются доказательства ихъ ученаго и педагогическаго достоинства; о достоинствѣ же кандидатовъ, предлагаемыхъ въ совѣтѣ, свидѣтельствуютъ члены, предлагающіе оныхъ. Допустить ли первый или второй способъ — результатъ выйдетъ тотъ же: гдѣ некого выбирать непосредственно, тамъ мало надежды и на конкурсъ.

Многіе изъ гг. составителей замѣчаній на проектъ новаго устава желаютъ соединить вмѣстѣ и баллотировку и конкурсъ. Попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Деляновъ полагаетъ, что при назначеніи на вакантныя каѳедры, сохраняя за членами совѣта право предлагать въ профес-

соры извѣстныхъ имъ ученыхъ, преимущественно изъ доцентовъ, слѣдуетъ допускать конкурсъ всякій разъ, когда явятся лица, желающія занять вакантное мѣсто, кромѣ тѣхъ, которыя предложены совѣтомъ. Съ этою цѣлью г. Деляновъ считаетъ необходимымъ о каждой открывающейся каѳедрѣ публиковать во всеобщее извѣстіе, съ назначеніемъ срока для предъявленія желанія занять вакантную каѳедру. Такой же публикаціи требуютъ гг. адъюнктъ Совѣтовъ и доценты Пузыревскій и Менделѣевъ съ тѣмъ, чтобы она напечатана была въ газетахъ три раза и чтобы выборъ начинался не ранѣе, какъ послѣ 3-й публикаціи. Мнѣ кажется, что эта мѣра, весьма неудобоисполнимая, не имѣла бы желаемаго результата. Если будутъ кандидаты, представленные членами совѣта, то какая же выйдетъ роль кандидатовъ, которые, вслѣдствіе публикаціи, заявятъ желаніе конкурировать съ первыми? Трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ, вполнѣ достойный занять вакантную каѳедру, не нашелъ между членами совѣта никого, кто бы согласился представить его въ число кандидатовъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что конкурсы сопряжены всегда съ большой потерею времени.

Профессоръ Васильевъ усиливаетъ еще конкурсъ, предлагая, при открытіи вакантной каѳедры, баллотировать вмѣстѣ съ прочими кандидатами *всѣхъ* доцентовъ и приватъ-доцентовъ, читавшихъ по предмету той каѳедры. Но эта мѣра едва ли поведетъ къ предполагаемой цѣли. Доценты, никѣмъ не представленные, мало могутъ имѣть надежды на избраніе.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю, что конкурсъ долженъ допускаться только тогда, когда совѣтъ не имѣетъ въ виду достойныхъ для занятія вакантной каѳедры кандидатовъ.

Что касается производства выбора, то г. Пироговъ желаетъ, чтобы въ дѣлѣ столь важномъ, какъ назначеніе преподавателей университета, не ограничиваться одною только подачею голосовъ *pro* или *contra*, безъ предварительныхъ дебатовъ о достоинствахъ избираемаго, основаніемъ которыхъ должны служить заслуги кандидата, его сочиненія, даръ слова, опытность и т. п. По моему мнѣнію, было бы лишнимъ помѣщать въ уставѣ подобное замѣчаніе, потому что и въ настоящее время требуемые г. Пироговымъ дебаты всегда предшествуютъ выборамъ.

Совѣтъ Казанскаго университета полагаетъ, что ежели на

вакантную каѳедру будетъ представленъ кандидатъ не отъ факультета по принадлежности, но членомъ совѣта, постороннимъ факультету, то о такомъ кандидатѣ, до его баллотированія, совѣтъ долженъ истребовать мнѣнія факультета, которому принадлежитъ вакантная каѳедра, потому «что о достоинствахъ таковаго кандидата вѣрнѣе всего можетъ судить факультетъ». Эта формальность, по моему мнѣнію, излишняя, потому что члены всѣхъ факультетовъ присутствуютъ тоже въ совѣтѣ.

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Левшинъ предлагаетъ, чтобы экстраординарнымъ профессорамъ и старшимъ доцентамъ, если симъ послѣднимъ присвоено будетъ право присутствовать въ совѣтѣ, предоставлять право голоса по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ дѣлъ о выборѣ преподавателей, увольненіи ихъ или оставленіи на службѣ по выслугѣ пенсіонныхъ сроковъ. Г. Левшинъ полагаетъ, «что экстраординарные профессоры, а также и будущіе старшіе доценты слишкомъ заинтересованы лично въ открывающихся вакансіяхъ профессоровъ, чтобы съ ихъ стороны нельзя было ожидать пристрастія при выборахъ, особенно, если дѣло идетъ о лицѣ, хотя и весьма достойномъ, но по лѣтамъ, направленію и частнымъ отношеніямъ, не гармонирующемъ съ представителями молодаго поколѣнія. Старшіе по званію преподаватели, говоритъ г. Левшинъ, выбирая младшихъ, не имѣютъ личнаго интереса заграждать имъ дорогу къ профессурѣ и высшему профессорскому званію, и непричастны въ этомъ отношеніи увлеченіямъ столь свойственнымъ молодому возрасту; сами же должны быть избираемы (по выслугѣ сроковъ) только равными по званію сочленами; въ противномъ случаѣ, по мнѣнію г. Левшина, особенно подъ вліяніемъ заявляющей уже себя прогрессивной нетерпимости, рѣдкій изъ достойныхъ преподавателей удостоится новаго избранія даже простымъ большинствомъ голосовъ, не говоря уже о большинствѣ $^2/_3$, требуемомъ по § 81 проекта».

Я нахожу, что съ мнѣніемъ г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ:

Личные интересы въ открывающихся вакансіяхъ могутъ касаться равно экстраординарныхъ, какъ и ординарныхъ профессоровъ, пристрастіе при выборахъ можетъ случиться равно со стороны тѣхъ, какъ и другихъ; но клеймить старое или мо-

лодое поколѣніе преподавателей, единственно по той причинѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, по человѣческой слабости, могутъ покривить душой, было бы крайне несправедливо. Ежели въ молодомъ поколѣніи преподавателей оказывается, по словамъ г. Левшина, прогрессивная *нетерпимость*, т. е. нетерпимость отсталости, то мы только спѣшимъ поздравить Россію съ этимъ отраднымъ проявленіемъ. Весьма плохой старый профессоръ, который въ этомъ отношеніи не гармонируетъ съ новымъ поколѣніемъ. Въ университетѣ С.-Петербургскомъ и, по всей вѣроятности, и въ другихъ, молодое поколѣніе преподавателей доказало на дѣлѣ, что умѣетъ цѣнить старыхъ профессоровъ, коль скоро они того достойны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я полагаю, что при выборахъ всякаго рода должны участвовать безразлично всѣ члены совѣта и факультетовъ, какія бы званія они не имѣли. Если допустить исключеніе въ этомъ отношеніи, то развѣ только при баллотированіи всѣхъ экстраординарныхъ профессоровъ, для производства одного изъ нихъ въ ординарные. По поводу такого производства, замѣтимъ слѣдующее:

Говоря о выборѣ профессоровъ, нельзя не упомянуть о вопіющемъ недостаткѣ нынѣшняго положенія нашихъ университетовъ. Такъ какъ число каѳедръ больше штатнаго числа ординарныхъ профессоровъ, то отъ этого нерѣдко происходитъ, что преподаватель, вполнѣ заслуживающій званія ординарнаго профессора, долгое время остается экстраординарнымъ, или даже адъюнктомъ, единственно по неимѣнію вакансій профессора ординарнаго; въ случаѣ же открытія сей послѣдней, по какому бы то ни было предмету, слѣдуетъ подвергать баллотированію экстраординарныхъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ, обращая притомъ вниманіе не на однѣ только ученыя заслуги баллотируемыхъ, но и на бо̀льшую или на меньшую продолжительность ихъ службы, такъ, что, напримѣръ, на мѣсто выбывшаго профессора Римскаго права поступаетъ въ число ординарныхъ — профессоръ зоологіи. Еслибы, по штату, для всякой каѳедры былъ опредѣленъ профессоръ ординарный, то эта несообразность выборовъ не могла бы имѣть мѣста, и тогда экстраординарный профессоръ или доцентъ занималъ бы самостоятельную каѳедру въ такомъ только случаѣ, еслибы совѣтъ не находилъ достойнаго кандидата для замѣщенія ея со званіемъ профессора ординарнаго.

Г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Делянов не только для выбора преподавателей, выслужившихъ пенсіонные сроки (о чемъ будетъ сказано ниже), но и для выбора преподавателей вообще, требуетъ большинства $^2/_3$. Мнѣ кажется, что эта строгость лишняя; она могла бы имѣть послѣдствіемъ частую несостоятельность выбора. Я полагаю, что для дѣйствительности выборовъ довольно простаго большинства, т. е. не менѣе половины присутствующихъ при выборахъ членовъ.

II. *Сводъ замѣчаній на § 78 проекта новаго устава.*

Въ отношеніи прерогативы министра народнаго просвѣщенія опредѣлять университетскихъ преподавателей, *исключительно* по своему усмотрѣнію, безъ всякаго въ томъ участія университетскихъ совѣтовъ, мнѣнія составителей замѣчаній на проектъ новаго устава могутъ быть отнесены къ тремъ категоріямъ:

1) одни желаютъ, чтобы эта прерогатива была признана за министромъ *безусловно*;

2) другіе *безусловно* ее отрицаютъ;

3) по мнѣнію третьихъ, эта прерогатива должна быть присвоена министру, какъ изъятіе изъ общаго правила, только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ.

A) *Желаютъ прерогативы безусловно:*

a) Совѣтъ Харьковскаго университета (безъ всякаго мотивированія).

b) Значительное меньшинство совѣта Московскаго университета (11 членовъ изъ 26), полагая: 1) что «корпорація, которая не имѣетъ другихъ средствъ обновленія, кромѣ собственнаго выбора, легко можетъ превратиться въ замкнутый кружокъ съ исключительнымъ направленіемъ и съ личными пристрастіями; 2) что университетъ не есть частное общество, независимое отъ правительства, а государственное учрежденіе, установленное для государственныхъ цѣлей и получающее содержаніе отъ казны; 3) что люди, пріобрѣтшіе громкую репутацію своими учеными трудами, могутъ быть извѣстны и не спеціалистамъ; 4) что министръ, по своему положенію, имѣетъ то преимущество, что онъ стоитъ выше личныхъ столкновеній,

и 5) ссылаясь на примѣры Европейскихъ университетовъ, гдѣ назначеніе профессоровъ предоставлено министерству народнаго просвѣщенія, и на примѣры обновленія Русскихъ университетовъ тѣмъ же путемъ,—считало необходимымъ, согласно съ проектомъ новаго устава, предоставить министру право, по собственному своему усмотрѣнію, назначать въ профессоры на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія и имѣющихъ требуемыя ученыя степени. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и г. попечитель Московскаго учебнаго округа.

c) Профессоръ Спасовичъ, по причинѣ обветшалости нашихъ университетскихъ совѣтовъ и недостаточности круга людей способныхъ къ занятію каѳедръ, а также опасаясь возможнаго иногда въ сословномъ быту *непотизма* и того, что Французы называютъ *camaraderie*, желаетъ оставить за министромъ народнаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, прерогативу замѣщать вакантныя каѳедры помимо совѣта, прибавляя, что до сихъ поръ министерство пользовалось этою прерогативою крайне осторожно и рѣдко, и что не было поводовъ жаловаться на ея злоупотребленія.

B) *Безусловно прерогативу министра отвергаютъ*:

a) Большинство совѣта Московскаго университета (15 членовъ изъ 26), полагая, «что выборъ преподавателей лучше всего можетъ быть производимъ корпораціею ученыхъ, которымъ ближе могутъ быть извѣстны ученыя и педагогическія способности избираемаго, ссылаясь на примѣры неудачныхъ выборовъ, совершенныхъ однимъ лицемъ, и считая достаточнымъ обезпеченіемъ контроля право министра не утверждать избранныя лица, указывая на уставъ 1804 года, предлагаетъ отмѣнить право министра назначать профессоровъ по собственному усмотрѣнію.

b) Г. Пироговъ желаетъ отмѣнить эту прерогативу министра съ цѣлью усиленія автономіи университетскихъ совѣтовъ. По его мнѣнію, право министра назначать профессоровъ безъ содѣйствія совѣтовъ не въ состояніи устранить непотизма и системы протекцій.

c) Г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ, защищая автономію университетскихъ совѣтовъ, пре-

доставляетъ исключительно симъ послѣднимъ избраніе профессоровъ, удерживая за министромъ право отвергать одобренный попечителемъ выборъ совѣта. Почти такое же мнѣніе выразили профессоры Кавелинъ и Васильевъ.

d) Профессоръ Сомовъ полагаетъ, что такъ какъ лица, извѣстныя своею ученостію и даромъ преподаванія, имѣющія при томъ требуемыя ученыя степени, необходимо попадутъ въ число баллотируемыхъ въ совѣтѣ кандидатовъ, то было бы лишнимъ предоставленіе министру права назначать на вакантныя каѳедры профессоровъ помимо совѣта.

e) Профессоръ Бекетовъ отвергаетъ прерогативу министра назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію, на томъ основаніи, что это парализировало бы совершенно автономію совѣта, который, состоя изъ значительнаго числа ученыхъ спеціалистовъ по всѣмъ предметамъ университетскаго преподаванія, лучше, чѣмъ одно лицо, можетъ оцѣнить ученыя и педагогическія достоинства соискателей каѳедръ.

f) Наконецъ, г. статсъ-секретарь сенаторъ Комовскій, не приводя никакихъ мотивовъ, полагаетъ, «что лучше бы совершенно избавить министра отъ *вмѣшательства* въ назначеніе профессоровъ, предоставляя это ученому совѣту и конкурсу». Не вполнѣ ясно, что понимаетъ г. Комовскій подъ словомъ *вмѣшательство?* Неужели здѣсь отвергается право министра на *veto* при утвержденіи профессоровъ, избранныхъ совѣтомъ университета?

C) *Признаютъ за министромъ разсматриваемую здѣсь прерогативу условно*:

a) Совѣтъ университета св. Владиміра допускаетъ право министра назначать профессоровъ по собственному усмотрѣнію въ такомъ только случаѣ, если совѣтъ донесетъ, что онъ не имѣетъ въ виду достойнаго кандидата для замѣщенія открывшейся вакантной каѳедры. По мнѣнію совѣта университета св. Владиміра, нельзя удержать редакціи § 78 проекта новаго устава, по которому министру предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать профессоровъ на вакантныя каѳедры: ибо, удерживая сказанную редакцію, могло бы послѣдовать назначеніе министромъ и избраніе совѣтомъ двухъ разныхъ лицъ на одно мѣсто, въ одно и то же время. При томъ, по мнѣнію совѣта сказаннаго университета, профессоръ, избран-

ный совѣтомъ, будетъ поставленъ въ болѣе опредѣленныя и благопріятныя отношенія къ членамъ, его избравшимъ, чѣмъ профессоръ, прямо избранный министромъ.

б) Профессоры: Каземъ-Бекъ, Березинъ, Чубиновъ, Навроцкій, Голстунскій и адъюнктъ Паткановъ, полагаютъ предоставить министру право назначать профессоровъ помимо совѣта, въ такомъ случаѣ, если совѣтъ не представитъ своего кандидата. Здѣсь необходимо замѣтить, что во мнѣніи упомянутыхъ профессоровъ вовсе не обозначено minimum срока, въ которой совѣты обязаны представлять своихъ кандидатовъ, безъ чего можетъ случиться, что прежде, чѣмъ совѣтъ представитъ избраннаго имъ кандидата, министръ, между тѣмъ, назначитъ другаго.

Соображая между собою всѣ вышеприведенныя мнѣнія, касательно прерогативы министра замѣщать вакантныя каѳедры помимо университетскихъ совѣтовъ, единственно по собственному усмотрѣнію, приходимъ къ слѣдующему заключенію: 1) меньшинство совѣта Московскаго университета полагаетъ ошибочно, будто бы этимъ правомъ возможно устранить въ университетской корпораціи исключительность направленій и личность пристрастій въ замкнутыхъ кружкахъ. Для достиженія этой цѣли было бы необходимо смѣнить вдругъ, ежели не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большую часть профессоровъ; между тѣмъ, министръ можетъ только замѣщать, такъ сказать поодиночно, по мѣрѣ открывающихся вакансій. Еще слабѣе прежняго второе замѣчаніе того же меньшинства совѣта Московскаго университета, а именно: что университетъ не есть частное общество, а государственное учрежденіе *), установленное для государственныхъ цѣлей и получающее содержаніе отъ казны. Университеты имѣютъ не одну только государственную, но и общественную цѣль, для достиженія которой правительство признаетъ за ними извѣстныя права и вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на нихъ опредѣленныя обязанности; для достиженія же своихъ цѣлей университеты необходимо нуждаются въ автономіи подъ контролемъ правительства. Что касается ссылки на примѣры обновленія Русскихъ университетовъ назначеніемъ профессоровъ непосредственно министромъ, то это только до-

*) Въ нашемъ оффиціальномъ языкѣ слѣдовало бы сказать вмѣсто *учрежденіе* — *установленіе*.

казываетъ, что могутъ быть исключительные случаи, въ которыхъ право это должно быть присвоено министру. 2) Нельзя тоже согласиться безусловно съ мнѣніемъ профессора Спасовича. Если совѣты нашихъ университетовъ, какъ полагаетъ профессоръ Спасовичъ, въ настоящее время обветшали, то можно надѣяться, что съ помощію Божіею, въ будущемъ времени, они получатъ достаточно жизненныхъ силъ и энергіи. Правда, что и профессоръ Спасовичъ предполагаетъ эту мѣру *до поры до времени;* но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы принять ее, не какъ общее правило, а только какъ временное, паліятивное средство. Что касается необходимости присвоенія министру разсматриваемой здѣсь прерогативы, по причинѣ малаго у насъ круга людей способныхъ къ занятію каѳедръ, то едва ли министру, при такомъ недостаткѣ людей способныхъ, легче бубудетъ *назначить*, чѣмъ совѣту *избрать* кандидата на вакантную каѳедру. Не понимаемъ тоже, какимъ образомъ оставленіе за министромъ этой прерогативы можетъ противодѣйствовать, встрѣчаемому иногда въ сословномъ быту, *непотизму* и Французской *camaraderie*, будто, какъ замѣтилъ г. Пироговъ, чрезъ разныя посредственныя вліянія нельзя подѣйствовать и на рѣшеніе министра? Послѣднее замѣчаніе профессора Спасовича, что до сихъ поръ министерство пользовалось этою прерогативою крайне-осторожно, и что не было поводовъ жаловаться на ея злоупотребленія, весьма справедливо. Но законъ долженъ имѣть въ виду не только прошедшее и настоящее, а и будущее.

Изъ сказаннаго видно, что съ защитниками безусловной прерогативы министра назначать профессоровъ помимо университетскихъ совѣтовъ согласиться нельзя.

Съ другой стороны, нельзя согласиться тоже съ безусловными противниками этой прерогативы. Всѣ противу ея приведенные доводы имѣютъ цѣлью обезпечить автономію университетовъ, безъ которой они процвѣтать не могутъ. Соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ, нельзя не замѣтить, что могутъ быть чрезвычайные случаи, въ которыхъ признаніе за министромъ прерогативы назначать профессоровъ, по своему усмотрѣнію, не только будетъ полезно, но даже необходимо. Эти случаи высказаны въ замѣчаніяхъ третьей категоріи.

И такъ, сохраняя, какъ общее правило, что избраніе профессоровъ на вакантныя каѳедры должно быть предоставлено

университетскимъ совѣтамъ и что министру принадлежитъ только право утвержденія, необходимо предоставить ему прерогативу прямаго назначенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣты, по какимъ бы то ни было причинамъ, не могутъ совершить выбора, а именно: 1) когда совѣтъ донесетъ начальству, что онъ не имѣетъ въ виду достойнаго кандидата; 2) когда, по истеченіи опредѣленнаго срока послѣ открытія вакантной каѳедры, напримѣръ по истеченіи одного года, совѣтъ не представитъ своего кандидата; 3) хотя замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ посредствомъ посылки за границу молодыхъ людей мѣра не вполнѣ надежная, но пока у насъ не разовьется институція доцентовъ, придется по необходимости прибѣгать къ этой мѣрѣ. Молодые люди могутъ быть отправляемы за границу или по распоряженію университетовъ, или по распоряженію министерства. Первые опредѣляются на каѳедры по усмотрѣнію самихъ же университетовъ; размѣщеніе вторыхъ по разнымъ университетамъ должно принадлежать министру.

Касательно посылки молодыхъ людей за границу, профессоръ Васильевъ замѣчаетъ весьма справедливо, что для этой цѣли университеты должны избирать исключительно доцентовъ, какъ уже извѣстныхъ университету своими дарованіями.

III. *Замѣчанія въ отношеніи* §§ *79 и 80 проекта новаго устава.*

§ 79 проекта новаго устава составленъ слѣдующимъ образомъ: «прочіе преподаватели, а также астрономы-наблюдатели, ученые аптекари, провизоры, ихъ помощники и лаборанты, по избраніи совѣтомъ, утверждаются попечителемъ».

Совѣтъ Московскаго университета находитъ, что перечисленіе лицъ, о которыхъ говорится въ § 79 *не полно*, и предлагаетъ слѣдующую новую редакцію: «Прочіе преподаватели, а также библіотекарь и его помощники, астрономы-наблюдатели, помощники клиническихъ преподавателей, ассистенты, прозекторы и ихъ помощники, хранители кабинетовъ и музеевъ, ученые аптекари, провизоры, ихъ помощники и лаборанты, по избраніи совѣтомъ, утверждаются попечителемъ».

Совѣтъ университета св. Владиміра желаетъ, чтобы въ § 79 послѣ словъ: *ученые аптекари*—прибавлено было—*ассистенты*.

Совѣтъ Харьковскаго университета, вмѣсто редакціи проекта, предлагаетъ слѣдующую: «прочіе преподаватели, а также

18*

астрономы-наблюдатели, прозекторы и ихъ помощники, ученые аптекари, провизоры и ихъ помощники и лаборанты избираются и утверждаются совѣтомъ».

Совѣтъ Казанскаго университета предлагаетъ въ разсматриваемомъ § слово: *«провизоры»* замѣнить на *«прозекторы»*, а послѣ слова *«лаборанты»* поставить и *«ученые рисовальщики»*..

Сравнивая между собою всѣ эти редакціи, по моему мнѣнію, нельзя не отдать преимущества редакціи, предлагаемой совѣтомъ Московскаго университета, съ незначительнымъ при концѣ § измѣненіемъ.

Въ отношеніи § 80 проекта новаго устава совѣтъ Харьковскаго университета предлагаетъ окончательную его фразу— «представляется объ ихъ увольненіи попечителю, или чрезъ попечителя министру»—замѣнить слѣдующимъ выраженіемъ: «они увольняются такимъ же порядкомъ, какъ и опредѣляются на должность». Мнѣ кажется, что редакція, предлагаемая Харьковскимъ университетомъ, точнѣе редакціи проекта.

IV. *Объ увольненіи профессоровъ и прочихъ преподавателей за выслугою ими узаконеннаго срока (§ 81).*

Если вообще на статьи проекта, касающіяся опредѣленія на службу и увольненія отъ оной университетскихъ преподавателей, сдѣлано весьма много замѣчаній, то полемика, въ отношеніи § 81, достигла, можно сказать, крайнихъ предѣловъ. Спорные по этому предмету вопросы могутъ быть отнесены къ четыремъ главнымъ категоріямъ:

1) Слѣдуетъ ли вообще преподавателей, выслужившихъ узаконенный срокъ, для дальнѣйшаго оставленія ихъ на службѣ, подвергать новому избранію?

2) Какъ продолжителенъ долженъ быть срокъ службы?

3) Какого требовать большинства при послѣдующихъ баллотировкахъ? и

4) Какая ожидаетъ участь забаллотированныхъ преподавателей.

Что касается перваго вопроса, то въ замѣчаніяхъ на проектъ новаго устава лишь только въ совѣтѣ Харьковскаго университета меньшинство членовъ его высказало мнѣніе о необходимости безусловной отмѣны § 81. Представителемъ упомя-

нутаго меньшинства является профессоръ Соколовъ. Въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія, онъ приводитъ слѣдующія доказательства:

«Ясно, говоритъ профессоръ Соколовъ, что цѣль § 81 та, чтобы дать университетамъ возможность освобождаться отъ профессоровъ мало способныхъ, или, по крайней мѣрѣ, отъ времени охладѣвшихъ къ своимъ занятіямъ.»

Профессоръ Соколовъ находитъ, что отъ такихъ профессоровъ университеты достаточно ограждены правилами, постановленными для опредѣленія новыхъ преподавателей. По его мнѣнію, кто былъ отличнымъ студентомъ, съ честью выдержалъ экзаменъ на степени кандидата, магистра, доктора и, будучи опредѣленъ на каѳедру, оказалъ несомнѣнную способность къ преподаванію, тотъ останется хорошимъ профессоромъ по выслугѣ не только 25, но и 50 лѣтъ. Г. Соколовъ полагаетъ, что ежели первоначальные выборы преподавателей будутъ строго разборчивы, то неспособныхъ профессоровъ не окажется, а слѣдовательно не будетъ надобности и въ средствахъ къ ихъ удаленію. Противникъ § 81 не допускаетъ, чтобы хорошій въ началѣ профессоръ, избравшій родъ занятій по своимъ способностямъ и наклонностямъ, когда-либо могъ охладѣть къ этимъ занятіямъ; если же это и случилось бы, то, по его мнѣнію, совѣтъ университета имѣетъ достаточно гарантіи противъ такого профессора въ § 83 устава, опредѣляющей удаленіе преподавателей по ихъ нерадѣнію.

Г. Соколовъ видитъ, кромѣ того, положительно-вредныя послѣдствія отъ примѣненія § 81. По его мнѣнію, первое изъ такихъ послѣдствій есть постепенное оскудѣніе университетовъ преподавателями, для остановленія котораго съ величайшею заботливостію изыскиваются средства и не находятся. «Профессорская служба, говоритъ профессоръ Соколовъ, ограничивается 25-лѣтнимъ срокомъ. Кто желаетъ служить долѣе, долженъ подвергнуться новому избранію на 5 лѣтъ, по прошествіи коихъ должно послѣдовать опять новое избраніе на пятилѣтіе и т. д. Казалось бы, все это дѣльному профессору не можетъ представить ни малѣйшихъ затрудненій, и онъ спокойно можетъ оставаться на службѣ, если пожелаетъ, почти неопредѣленное время. Но не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Опытъ показываетъ, что никто изъ профессоровъ, по крайней мѣрѣ въ провинціальныхъ университетахъ, не можетъ съ увѣренностію раз-

считывать на избраніе. Независимо отъ того, что, по университетскимъ правиламъ, во всѣхъ этихъ выборахъ участвуютъ и тѣ лица, кои ожидаютъ открытія вакансій, и для которыхъ выбытіе профессора интересно,—частныя отношенія необходимо играютъ при этомъ непослѣднюю роль, такъ что каждая баллотировка скорѣе служитъ обнаруженіемъ этихъ отношеній, чѣмъ достоинствъ баллотируемаго. Благо тому, кто въ ладу со всѣми; если же кто имѣлъ несчастіе не поладить, или даже чѣмъ-нибудь не понравиться многимъ, тому мало надежды на избраніе. Вслѣдствіе этого и бываетъ, что нѣкоторые изъ профессоровъ, выслужившихъ положенный срокъ, не рискуя подвергнуться непріятности принужденной отставки, оставляютъ службу добровольно, хотя бы и могли еще продолжать ее съ пользою для университета многіе годы; другіе, рѣшающіеся на баллотировку по крайности, увольняются отъ службы по неизбранію, и такъ какъ приготовить новаго профессора гораздо труднѣе, чѣмъ лишить мѣста стараго, то отсюда само собою и проистекаетъ то постепенное оскудѣніе въ преподавателяхъ, о которомъ упомянуто выше. Ошибаются тѣ, продолжаетъ г. Соколовъ, которые приписываютъ это оскудѣніе одной только недостаточности содержанія, несоотвѣтствующей трудности достиженія профессорскаго званія. Трудность эта, конечно, играетъ здѣсь главную роль, но не по причинѣ несоразмѣрности ея съ профессорскимъ содержаніемъ, а по причинѣ той легкости, съ какою профессоры смѣняются. Увеличьте профессорское содержаніе на сколько угодно, но вмѣстѣ съ тѣмъ назначьте еще болѣе короткіе сроки для продолженія службы, примѣнивъ къ нимъ и правила § 81, и я увѣренъ, что оскудѣніе пойдетъ еще быстрѣе, и всѣ старанія остановить его останутся тщетными. Уничтожьте напротивъ того правило § 81 и равновѣсіе между убылью и прибылью профессоровъ само собою возстановится. При отсутствіи принужденной отставки, не будетъ надобности и привлекать молодыхъ людей къ профессорскому званію особыми приманками. Убыль будетъ меньше, и для пополненія ея всегда найдется достаточное число людей вполнѣ достойныхъ.»

Далѣе профессоръ Соколовъ полагаетъ, что § 81 не только подѣйствуетъ разрушительно на составъ профессоровъ, но сверхъ того будетъ имѣть неблагопріятное вліяніе и на самую науку. По его мнѣнію, при безпрерывно мѣняющихся профес-

сорахъ, наука не можетъ пріобрѣсти прочной осѣдлости, потому что профессоръ, опасаясь забаллотированія себя послѣ выслуги 25 лѣтъ, не можетъ посвятить своихъ трудовъ исключительно наукѣ, но, для обезпеченія себя въ будущемъ, долженъ заблаговременно помышлять о выборѣ другихъ занятій въ ущербъ настоящихъ, тѣмъ болѣе, что хотя онъ и получитъ пенсію, но, по ея скудости, ему предстоитъ жалкая перспектива бѣдности и сопряженныхъ съ нею невыгодъ.

Наконецъ, профессоръ Соколовъ доказываетъ, что отъ накопленія слишкомъ пожилыхъ профессоровъ университетское преподаваніе отнюдь пострадать не можетъ. По его мнѣнію, молодость и свѣжесть физическихъ силъ преподавателей не есть необходимое условіе для успѣшности преподаванія. Въ примѣръ приводитъ онъ Кенигсбергскаго профессора Бесселя, который, не смотря на то, что ему было океко 70 лѣтъ отъ роду и болѣе 40 профессорской службы, читалъ однакожь свои лекціи и лучше и даже съ большею живостію и увлеченіемъ, нежели другіе профессоры гораздо моложе его годами. Еслибы, впрочемъ, продолжаетъ профессоръ Соколовъ, «слушателямъ, ищущимъ эффекта, не совсѣмъ оживленное чтеніе какого-либо профессора и не понравилось, то отъ этого ни для университета, ни для слушателей, ищущихъ полезныхъ чтеній, бѣды никакой не вышло бы. Напротивъ, продолжаетъ г. Соколовъ, это весьма было бы полезно для того, чтобы университетъ удержалъ тотъ серьезный характеръ, который одинъ ему и приличенъ, и слушатели, не гонясь слишкомъ за эффектами, пріучались бы къ серьезному труду».

Въ заключеніе своихъ замѣчаній, профессоръ Соколовъ, въ замѣнъ § 81, предлагаетъ, оставивъ тотъ же 25-лѣтній срокъ для выслуги полной пенсіи, увеличивать содержаніе профессора, но не вдругъ полнымъ окладомъ жалованья, а постепенно, начавъ увеличеніе послѣ 10 или 15 лѣтъ отъ поступленія на службу, чрезъ каждыя пять лѣтъ прибавляя по $^1/_5$, съ тѣмъ, чтобы весь окладъ профессора никогда не восходилъ выше двойнаго нормальнаго оклада, и, чтобы въ случаѣ выхода профессора въ отставку, обращался ему въ пенсію весь тотъ окладъ, какимъ онъ пользовался въ послѣднее время, т. е. передъ самою отставкою; тогда, по мнѣнію профессора Соколова, не было бы въ университетѣ профессоровъ престарѣлыхъ. Тутъ г. Соколовъ весьма ошибается въ разсчетѣ. Ежели начать

увеличеніе профессорскаго оклада послѣ 15-лѣтней службы, то пока новый его окладъ удвоится противъ нормальнаго, пройдетъ 25 лѣтъ, слѣдовательно профессоръ не прежде выйдетъ въ отставку добровольно, какъ по истеченіи 40-лѣтней службы. Странное средство освободиться отъ профессоровъ престарѣлыхъ! Всѣ доводы, приводимые г. Соколовымъ, чистые парадоксы, какъ это весьма дѣльно доказано профессоромъ Лавровскимъ. Что касается предположенія, будто бы профессоръ, хорошій въ началѣ своего опредѣленія, останется такимъ даже послѣ 50-лѣтней службы, и что онъ никогда ни отстать, ни охладѣть не можетъ, то это предположеніе слишкомъ проблематическое, чтобы на него серьезно опираться. Не смотря на всю предосторожность и разборчивость при первоначальномъ выборѣ университетскихъ преподавателей, въ число ихъ могутъ всегда вторгнуться, какимъ бы то ни было образомъ, посредственности, или даже совершенныя неспособности. Если за такими лицами оставить безсмѣнную монополію профессуры, то во что обратится наука, во что обратится университетское преподаваніе?

Примѣры нѣкоторыхъ профессоровъ, сохранившихъ до поздней старости всю живость и свѣжесть преподаванія, доказываютъ только, что такіе случаи не невозможны, но они всегда останутся исключеніемъ; тогда старый профессоръ можетъ быть почти вполнѣ увѣренъ въ новомъ избраніи, въ особенности у насъ, гдѣ, при недостаткѣ хорошо приготовленныхъ спеціалистовъ, конкуренція весьма слаба, такъ что нерѣдко каѳедры остаются вакантными цѣлые годы, единственно по неимѣнію могущихъ занять оныя кандидатовъ.

Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, что профессоръ при первоначальномъ своемъ опредѣленіи обладалъ и обширными познаніями и даромъ преподаванія, однимъ словомъ былъ вполнѣ достойнымъ своего званія. Развѣ и такой профессоръ не можетъ сдѣлаться со временемъ отсталымъ и рѣшительно равнодушнымъ къ непрерывному и быстрому движенію науки, и слѣдовательно не только неспособнымъ, но и положительно вреднымъ для университета. «Профессоръ, говоритъ г. Лавровскій, получилъ свое образованіе въ прежнее, иногда довольно отдаленное время, послѣ котораго наука успѣла уйти далеко и выработать цѣлый рядъ новыхъ явленій которыя всегда съ большимъ трудомъ усвоиваются старымъ, поколѣніемъ

ученыхъ, потому что для таковаго усвоенія этихъ явленій необходимо полное отреченіе отъ многихъ старыхъ убѣжденій, укоренившихся въ немъ въ молодые, впечатлительные годы. Отъ этого труда, усвоенія новыхъ убѣжденій и отреченія отъ старыхъ, происходитъ то извѣстное въ ученомъ мірѣ упорство, съ какимъ старое поколѣніе вооружается противъ уже вошедшихъ или входящихъ въ науку новыхъ понятій, — упорство, всегда вредное и для науки и для слушателей».

Г. Соколовъ утверждаетъ, что только продолжительная служба можетъ доставить профессору необходимую *опытность* и вмѣстѣ съ тѣмъ основать преподаваемую имъ науку на *серьезно-солидныхъ* началахъ. Непонятно, что̀ г. профессоръ Соколовъ разумѣетъ подъ *серьезною* ученостію? Конечно, есть разница, какъ это отлично высказалъ профессоръ Костомаровъ, между пустословіемъ и дѣйствительной наукой; но есть тоже разница между сей послѣднею и тяжелымъ отсталымъ педантизмомъ. Если молодой профессоръ, въ началѣ своего поприща, не имѣетъ опытности стараго, то онъ, буде только обладаетъ другими необходимыми для преподавателя качествами, въ скоромъ времени пріобрѣтетъ нужную опытность. Желательно бы знать, сколько, по мнѣнію г. Соколова, нужно лѣтъ для того, чтобы наука сдѣлалась серьезною и чтобы освободилась отъ броженій, свойственныхъ иногда неопытному молодому поколѣнію? Противникъ § 81 возстаетъ противъ *эффектовъ* преподаванія, находя ихъ несообразными съ серьезнымъ характеромъ университета. Но эффекты могутъ быть разнаго рода; если эффектъ основывается единственно на фразахъ, на пустословіи, то онъ не будетъ продолжителенъ; но ежели эффектъ производится свѣжимъ, живымъ и воодушевленнымъ словомъ, способнымъ овладѣть слушателями и привлечь ихъ навсегда къ наукѣ, то это не пустой эффектъ, а настоящая заслуга.

Г. профессоръ Соколовъ приписываетъ § 81 оскудѣніе въ нашихъ университетахъ преподавателей. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Недостатокъ преподавателей для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ долженъ быть отнесенъ къ двумъ главнымъ причинамъ, а именно: къ скудости профессорскаго содержанія и неимѣнію у насъ институціи доцентовъ. Скудость профессорскаго содержанія не поощряетъ поступать въ учебную службу, которая далеко не представляетъ перспективы на ту

карьеру, на которую можно надѣяться во всякой другой службѣ. Правда, и профессоры получаютъ чины и ордена; но развѣ чрезъ это увеличивается ихъ содержаніе, или имъ открывается надежда на полученіе высшаго мѣста?

Наконецъ, г. Соколовъ полагаетъ, что отъ профессоровъ неспособныхъ университеты достаточно ограждены § 83 устава, опредѣляющимъ удаленіе преподавателей по ихъ нерадѣнію. Вотъ что говоритъ въ этомъ отношеніи профессоръ Лавровскій: «Я совершенно отвергаю всякое дѣйствительное значеніе 83 §, который обыкновенно приводится въ доказательство, не только возможности, но и необходимости отмѣны избранія, потому что положительно отвергаю всякую возможность гласнаго и открытаго заявленія о нерадѣніи, неспособности и безуспѣшности въ отправленіи должности своего товарища по службѣ. Что предоставленное членамъ совѣта право на такое заявленіе лишено всякаго дѣйствительнаго и практическаго значенія, живымъ и неопровержимымъ доказательствомъ служитъ опытъ: не примѣнялось къ дѣлу это право никогда въ старомъ уставѣ, не будетъ примѣняться никогда и въ новомъ, въ чемъ сомнѣваться нельзя, если смотрѣть на дѣло прямо и правдиво. Ссылаться въ настоящемъ случаѣ на это право, значитъ прятаться за фразу, за мертвую букву и ими отстаивать пожизненную профессуру, потому, что съ уничтоженіемъ избранія и при отсутствіи дѣйствительнаго и практическаго значенія 83 §, утверждается полное и безусловное господство и рѣшительная неустрашимость пожизненной профессуры, если не принимать въ разсчетъ чрезвычайныхъ, свыше исходящихъ мѣръ, на которыя разсчитывать, при обсужденіи устава, мы не можемъ и не должны.»

Соглашаясь вполнѣ со мнѣніемъ профессора Лавровскаго, я прибавлю слѣдующее:

Весьма трудно опредѣлить, что̀ должно почитать нерадѣніемъ профессора. Если онъ регулярно посѣщаетъ совѣтскія и факультетскія собранія и регулярно приходитъ на лекціи, хотя бы прочитывалъ ихъ по стеоретипнымъ запискамъ, составленнымъ четверть столѣтія тому назадъ, то кто же оффиціально можетъ упрекнуть его въ нерадивомъ исполненіи должности?

Соображая все вышеизложенное, я нахожу необходимымъ

новое избраніе университетскихъ преподавателей, послѣ выслуги ими узаконеннаго срока для полученія полной пенсіи.

Но сколь продолжительный долженъ быть этотъ срокъ? Совѣты университетовъ: Московскаго, св. Владиміра, Казанскаго и Харьковскаго, а также гг. профессоры: Каземъ-Бекъ, Чубиновъ, Хвольсонъ, Вальтеръ, адъюнктъ Паткановъ и попечитель Харьковскаго учебнаго округа полагаютъ, что новое избраніе, согласно § 81 проекта, должно производиться по выслугѣ срока на полную пенсію. Такъ какъ по выслугѣ полной пенсіи требуется 25 лѣтъ, то многіе находятъ этотъ срокъ слишкомъ продолжительнымъ. Г. Пироговъ требуетъ перебаллотировки на половинѣ учебнаго поприща преподавателя, т. е. послѣ $12^1/_2$ до 13 лѣтъ; г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ, профессоръ Кавелинъ, адъюнктъ Совѣтовъ и преподаватели: Пузыревскій и Менделѣевъ назначаютъ 15 лѣтъ; профессоръ же Березинъ полагаетъ, что новое избраніе должно послѣдовать по выслугѣ срока, даже на часть пенсіи.

Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи необходимо сохранить правило, принятое въ § 81 проекта устава, по которому, какъ сказано выше, новое избраніе должно имѣть мѣсто по выслугѣ срока на *полную пенсію*. Если 25 лѣтъ — срокъ слишкомъ продолжительный, то его слѣдуетъ сократить, но вмѣстѣ съ тѣмъ сократить и срокъ для выслуги полной пенсіи. Иначе участь забаллотированнаго профессора будетъ весьма жалкая. Правда, что на этотъ случай, г. Деляновъ, предлагаетъ назначить забаллотированнымъ преподавателямъ $^1/_3$ или $^1/_2$ пенсіи; профессоръ Кавелинъ ограничивается $^1/_3$ пенсіи, или единовременною выдачею оклада жалованья, или пособіемъ изъ эмеритальной кассы; но если, какъ на то почти всѣ согласны, даже полной пенсіи едва достаточно для самаго бѣднаго существованія профессора, то спрашивается, какая будетъ его участь при назначеніи ему части пенсіи или только единовременнаго пособія? тѣмъ болѣе, что профессору, прослужившему, напримѣръ, 15 лѣтъ въ этомъ званіи, на случай увольненія изъ университета, весьма трудно отыскать новый родъ службы.

Въ отношеніи вопроса, какого большинства голосовъ нужно требовать при избраніи преподавателя, прослужившаго срокъ на полную пенсію, гг. попечители учебныхъ округовъ и совѣты университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго

а также и профессоры: Каземъ-Бекъ, Чубиновъ, Хвольсонъ и Вальтеръ полагаютъ довольствоваться простымъ большинствомъ; совѣтъ Казанскаго университета и профессоры: Бунге, Нейкирхъ и Спасовичъ требуютъ большинства $^2/_3$. Г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ для перваго выбора полагаетъ большинство $^2/_3$, а для послѣдующихъ за тѣмъ — большинство $^3/_4$.

По моему мнѣнію, нѣтъ достаточнаго основанія требовать при избраніи стараго профессора бо̀льшей строгости, чѣмъ при избраніи новаго. И такъ, если для состоятельности выборовъ вообще требуется простое большинство, то я не вижу причины, почему бы, для оставленія на службѣ преподавателя, прослужившаго узаконенный срокъ, требовать усиленнаго большинства? Я бы только полагалъ, что вмѣстѣ со старымъ профессоромъ должны быть допущены къ баллотированію всѣ кандидаты новые, если такіе будутъ представлены членами совѣта. Пускай же совѣтъ избираетъ между старымъ профессоромъ и всѣми кандидатами; выборъ покажетъ, кому отдастся предпочтеніе, прежнему ли профессору, или болѣе его достойному новому кандидату; но пускай выборъ производится на равныхъ для всѣхъ условіяхъ. Мнѣ кажется, что предлагаемая мною мѣра лучше гарантируетъ интересы университета, чѣмъ большинство $^2/_3$, ибо можетъ случиться, что старый профессоръ, получившій даже большинство $^2/_3$, будетъ забаллотированъ, если кто-либо изъ новыхъ кандидатовъ получитъ напримѣръ $^3/_4$ голосовъ.

V. *Замѣчанія на §§ 82 и 83 проекта новаго устава.*

Въ § 82 проекта устава сказано: «профессоръ, по выслугѣ въ этой *собственно должности* 25 лѣтъ, удостоивается званія, заслуженнаго профессора». Мнѣ кажется, что эта статья, не находящаяся въ уставѣ 1835 г., но введенная впослѣдствіи дополнительнымъ постановленіемъ, несправедлива. Нерѣдко человѣкъ, вполнѣ достойный профессорскаго званія, остается долгое время адъюнктомъ, единственно по недостатку профессорскихъ вакансій; между тѣмъ званіе заслуженнаго профессора сопряжено съ большими преимуществами, въ особенности въ отношеніи пенсій.

По моему мнѣнію, службу въ званіи адъюнкта (доцента)

слѣдуетъ зачитать въ число 25 лѣтъ наравнѣ съ профессорской, для полученія званія заслуженнаго профессора. Подобныя же мнѣнія высказали совѣты университетовъ: Харьковскаго, св. Владиміра и Московскаго; послѣдній предлагаетъ сверхъ того давать званіе заслуженныхъ лекторовъ, послѣ 25-лѣтней службы въ этомъ званіи. Но заслуженные лекторы, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчаются ни въ одномъ изъ Европейскихъ университетовъ. Лекторамъ слѣдовало бы предоставить право пріобрѣтать званія профессоровъ, а тогда и они могли бы быть заслуженными профессорами.

Можетъ случиться, что профессоръ, оставившій свое ученое поприще, еще въ состояніи будетъ исправлять разныя другія должности при университетѣ. Потому я бы полагалъ: къ § 82 прибавить слѣдующее примѣчаніе: «заслуженные профессоры могутъ быть избираемы въ разныя университетскія должности, ежели къ избранію будутъ представлены по крайней мѣрѣ пятью членами совѣта и если сами предварительно согласятся подвергнуться избранію.

Объ удаленіи преподавателей по ихъ нерадѣнію къ службѣ говорено было выше. Если въ проектѣ устава и оставить § 83, то это развѣ только ради чрезвычайныхъ случаевъ. При томъ § 63 проекта устава слѣдовало бы изложить точнѣе и полнѣе и опредѣлить, кому долженъ принадлежать контроль въ отношеніи преподавателей и къ какимъ именно обстоятельствамъ онъ можетъ относиться.

Заключеніе.

§ 76. При открывающейся вакансіи преподавателя, каждый членъ факультета, по принадлежности вакантнаго мѣста, можетъ предложить кандидата для его занятія. Всѣ предложенные кандидаты баллотируются въ факультетскомъ собраніи. О результатѣ баллотированія факультетъ доноситъ совѣту, съ приложеніемъ списка всѣмъ баллотированнымъ кандидатамъ. Независимо отъ кандидатовъ факультетскихъ, каждый членъ совѣта въ правѣ предложить своего, съ письменнымъ изложеніемъ достоинствъ предлагаемаго. Всѣ вообще предложенные кандидаты вносятся въ особую, для этой цѣли назначенную книгу, и въ первомъ засѣданіи совѣта, но никакъ не ранѣе, какъ по истеченіи семи дней, подвергаются баллотированію въ томъ порядкѣ,

какъ они внесены въ книгу. Кандидатъ, получившій самое большее число избирательныхъ шаровъ, считается избраннымъ, съ тѣмъ однакожь, что для окончательнаго избранія необходимо получить *абсолютное* большинство, т. е. болѣе половины закрытыхъ голосовъ участвовавшихъ въ баллотированіи членовъ совѣта.

Примѣчаніе 1. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ абсолютнаго большинства при первомъ баллотированіи, то оно повторяется, но только между двумя кандидатами, получившими болѣе прочихъ избирательныхъ голосовъ. Если и при вторичномъ баллотированіи абсолютнаго большинства не окажется, то это значитъ, что изъ всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ совѣтъ университета не находитъ никого достойнымъ занять вакантное мѣсто преподавателя.

Примѣчаніе 2. Вторичное баллотированіе допускается также при равенствѣ голосовъ.

§ 77. Въ случаѣ неизбранія въ совѣтѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ котораго-либо изъ предложенныхъ кандидатовъ, или если совѣтъ не имѣетъ вовсе въ виду кандидата, достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя, то объявляется конкурсъ, съ опредѣленіемъ для него срока.

§ *новый.* Отъ конкурентовъ требуется: 1) ученая степень, соотвѣтственная вакантному мѣсту; 2) представленіе разсужденія на тему, предложенную факультетомъ; 3) если конкурентъ не преподавалъ ни въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, то онъ обязанъ прочитать, въ присутствіи факультета, по принадлежности, двѣ пробныя *публичныя* лекціи о предметахъ: одну — по предложенію факультета, другую — по собственному выбору. Пробныя лекціи должны быть по возможности читаны въ томъ университетѣ, гдѣ конкурентъ ищетъ мѣста, и только по весьма уважительнымъ причинамъ совѣтъ можетъ разрѣшить читать ихъ въ другомъ какомъ-либо Русскомъ университетѣ.

Примѣчаніе. Кромѣ того, конкурентъ представляетъ свои ученые труды напечатанные, а если пожелаетъ, то и рукописные.

§ 78. Профессоры утверждаются министромъ, которому предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія, и имѣющихъ требуемыя ученыя степени, если по истеченіи одного года, со времени открытія вакантнаго мѣста, совѣтъ не представитъ своего кандидата.

Примѣчаніе. Молодые люди, отправляемые, по непосредственному распоряженію министерства, за границу, для приготовленія себя къ

профессорскому званію, распредѣляются между университетами по усмотрѣнію министра.

§ 79. Преподаватели, не имѣющіе званія профессоровъ, а также библіотекарь и его помощники, астрономы-наблюдатели, помощники клиническихъ преподавателей, ассистенты, прозекторы и ихъ помощники, хранители кабинетовъ и музеевъ, ученые аптекари, провизоры, ихъ помощники и лаборанты, послѣ представленія факультетомъ по принадлежности, избираются совѣтомъ и утверждаются попечителемъ.

§ 80. Просьбы объ увольненіи отъ службы профессоровъ и лицъ, поименованныхъ въ предъидущемъ параграфѣ, вносятся въ совѣтъ ректоромъ. По истребованіи, если нужно, отъ просителей отчета въ порученныхъ имъ частяхъ, они увольняются такимъ же порядкомъ, какъ и опредѣляются на должность.

§ 81. Профессоры и прочіе преподаватели, а также и всѣ другія лица, пользующіяся, въ силу § 165, въ отношеніи пенсій, правами учебной службы, по выслугѣ срока *на полную пенсію*, не иначе оставляются на службѣ, какъ по новому избранію въ совѣтѣ. Это новое избраніе имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ, по окончаніи коихъ, для дальнѣйшаго продолженія службы, профессоры и всѣ прочія вышеупомянутыя лица подвергаются новому избранію, тоже не болѣе какъ на пять лѣтъ и т. д. Каждое изъ такихъ избраній считается состоявшимся, если въ пользу избираемаго подано болѣе половины закрытыхъ голосовъ всѣхъ участвовавшихъ въ баллотированіи членовъ совѣта. Въ противномъ случаѣ, занимаемое баллотируемымъ мѣсто объявляется вакантнымъ.

§ *новый*. При всѣхъ избраніяхъ, о которыхъ говорится въ предъидущемъ параграфѣ, каждый членъ совѣта въ правѣ представить своего кандидата. Предложенные новые кандидаты баллотируются вмѣстѣ съ лицами, состоящими на службѣ. Въ такомъ случаѣ, при всегдашнемъ требованіи абсолютнаго большинства голосовъ, считается избраннымъ тотъ, кто получитъ ихъ болѣе другихъ.

§ *новый*. Профессоры и прочіе преподаватели, уволенные изъ университета съ пенсіею, имѣютъ право, съ разрѣшенія совѣта, пользоваться университетскими пособіями и читать лекціи за особую плату.

§ 82. Профессоръ, по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности штат-

наго преподавателя въ университетѣ, удостоивается званія заслуженнаго профессора.

§ *новый*. Заслуженные профессоры, уволенные отъ службы съ пенсіею, могутъ быть избираемы въ разныя неучебныя университетскія должности, ежели къ избранію будутъ представлены по крайней мѣрѣ пятью членами совѣта и если сами предварительно согласятся подвергнуться баллотированію наравнѣ съ прочими кандидатами.

§ 83. Совѣтъ, въ случаѣ нерадѣнія профессоровъ и прочихъ преподавателей, а также всѣхъ лицъ, упомянутыхъ въ § 79, и при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ отъ совѣта замѣчаній, обязанъ представить объ удаленіи такихъ лицъ отъ должностей, не иначе однако, какъ по приговору, утвержденному, по крайней мѣрѣ двумя третями закрытыхъ голосовъ. Такіе приговоры посылаются на утвержденіе министра или попечителя, смотря по тому, кѣмъ утверждается въ должности приговоренное къ удаленію лице.

II. О составѣ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ медицинскаго факультета.

Ордин. проф. С.-Петербурской медико-хирургической академіи
Иллинскаго.

По порученію ученаго комитета я разсмотрѣвъ проектъ общаго устава Русскихъ университетовъ и сдѣланныя на него замѣчанія, ограничиваясь разумѣется только тѣми статьями, которыя прямо касаются медицинскихъ факультетовъ. Считаю невозможнымъ входить здѣсь въ критическій разборъ различныхъ замѣчаній, да это и не прибавило бы ничего къ сущности дѣла, и потому, желая быть по возможности краткимъ, приступаю прямо къ нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ и начну съ распредѣленія каѳедръ.

По проекту устава, число каѳедръ ограничивается 12-ю; но, взявъ во вниманіе разнообразіе медицинскихъ наукъ и ту обширность развитія, до которой достигли многія изъ нихъ, это число оказывается положительно недостаточнымъ. Притомъ же и самая группировка наукъ по каѳедрамъ не вездѣ можетъ назваться безъукоризненною; это касается не только проекта устава, но и замѣчаній, сдѣланныхъ на него университетами.

Такъ, по распредѣленію медицинскаго факультета университета св. Владиміра, спеціальная анатомія соединена съ прикладною, микроскопическою и эмбріологіей; но эти науки такъ обширны, что о сліяніи ихъ въ настоящее время и думать нельзя. Подъ рубрикой *патологія* помѣщены общая патологія и паталогическая анатомія; но общая патологія имѣетъ прямую связь съ общей терапіей, которая здѣсь противуестественно

соединена съ фармакологіей. Сюда же, т. е. къ общей терапіи и фармакологіи, отнесена и токсикологія, составляющая неотъемлемую принадлежность судебной медицины. Въ Харьковскомъ университетѣ также общая патологія соединена съ патологической анатоміей, а общая терапія отнесена къ фармакологіи. Фармакогнозія и фармація, какъ особая каѳедра, уничтожена и по Кіевскому и по Харьковскому распредѣленію. Распредѣленіе Московскаго университета составлено на болѣе обширныхъ началахъ, такъ что число каѳедръ возрасло до 21; но и здѣсь, напримѣръ, токсикологія отнесена къ фармакологіи, и одна изъ каѳедръ, именно: ученіе о венерическихъ болѣзняхъ и хирургическихъ и накожныхъ сыпяхъ, легко можетъ быть исключена, отнеся венерическія болѣзни къ теоретической хирургіи, а ученіе о хроническихъ сыпяхъ — къ спеціальной патологіи. Преподаваніе этихъ наукъ легко поручить доцентамъ, устроивъ для нихъ небольшія клиники при госпиталѣ.

Устранивъ эти маленькія несообразности и сгруппировавъ въ отдѣльныя каѳедры только науки, связанныя между собой общей идеей, я имѣю честь предложить на благоусмотрѣніе комитета слѣдующее распредѣленіе каѳедръ:

1. Медицинская химія и физика:

a) Физіологическая химія.
b) Патологическая химія.
c) Прикладная физика.
d) Упражненія въ лабораторіи.

Эта каѳедра не исключаетъ общихъ курсовъ химіи и физики, опредѣленныхъ и для другихъ факультетовъ, гдѣ медикъ-студентъ знакомится съ наукой во всей ея обширности, свойственной университетскому преподаванію. Здѣсь вниманіе его останавливается преимущественно на томъ, что собственно по этой части усвоила для себя медицина, какъ наука, и какія извлекла практическія примѣненія, какъ искусство. По этому желательно, чтобы общіе курсы этихъ наукъ предшествовали прикладному изученію ихъ.

2. Анатомія здороваго человѣка.

Эта каѳедра не допускаетъ никакихъ комбинацій ни съ эмбріологіей, ни съ прикладною анатоміей, и, по своей обширности, можетъ существовать не иначе, какъ въ отдѣльности.

3. Эмбріологія, гистологія и сравнительная анатомія.

Эти три науки, при теперешнемъ развитіи ихъ, находятся въ такой тѣсной связи между собою, что раздѣлить ихъ невозможно безъ нарушенія ясности и послѣдовательности изложенія. Строеніе тканей и органовъ человѣческаго тѣла тогда только можетъ сдѣлаться для насъ яснымъ и удобопонятнымъ, если мы прослѣдимъ всѣ факты развитія ихъ изъ первоначальнаго элемента и сравнимъ различныя степени, на которыхъ остановилось образованіе соотвѣтствующихъ частей въ другихъ породахъ животнаго царства.

4. Физіологія:

a) Систематическая.

b) Экспериментальная.

Каѳедра физіологіи требуетъ двухъ преподавателей, изъ коихъ на одного будетъ возложена часть экспериментальная: такъ какъ систематическое изложеніе физіологіи въ теченіе годичнаго курса, съ принадлежащими къ нему опытами, положительно невозможно для одного лица.

5. Фармакогнозія и фармація.

Каѳедра этихъ двухъ наукъ, какъ особая каѳедра, уничтожается по Кіевскому и Харьковскому распредѣленіямъ; но едва ли можно согласиться, что для студентовъ медицины достаточно краткаго преподаванія этихъ наукъ. Въ жизни врача практическаго, а тѣмъ болѣе правительственнаго, есть много случаевъ, требующихъ надлежащаго знакомства съ ними. Притомъ же врачъ не всегда является только судьею аптекаря, хотя и для того, чтобы судить, не мѣшаютъ основательныя познанія; напротивъ, на врачѣ лежитъ иногда полная обязанность и отвѣтственность аптекаря.

6. Общая патологія и терапія. При ней:

a) Экспериментальная патологія.

b) Исторія медицины.

7. Специальная патологія и терапія. При ней:

a) Систематическое и b) клиническое изложеніе ученія о накожныхъ сыпяхъ.

8. Патологическая анатомія:

a) Систематическое изложеніе.

b) Патологическія вскрытія.

9. Теоретическая хирургія. При ней:

Ученіе о сифилитическихъ болѣзняхъ и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ, съ клиникой.

10. Фармакологія. Теоретическая и экспериментальная рецептура и ученіе о минеральныхъ водахъ.
11. Нервныя и душевныя болѣзни и клиника ихъ.
12. Хирургическая факультетская клиника. При ней:
 a) Оперативная хирургія.
 b) Прикладная анатомія.
 c) Ученіе о повязкахъ и машинахъ.
 d) Операціи на трупахъ.
13. Терапевтическая факультетская клиника.
14. Акушерство и женскія болѣзни, съ клиникой. Упражненія на фантомѣ.
15. Дѣтскія болѣзни, съ клиникой.
16. Офталмологія, съ клиникой.
17. Судебная медицина и тосксикологія. При ней:
 a) Госпитальное судебно-медицинское отдѣленіе.
 b) Судебно-медицинскія вскрытія.
18. Гигіена и медицинская полиція. При ней:

Ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарная полиція.

19. Госпитальная терапевтическая клиника.
20. Госпитальная хирургическая клиника.

Курсы зоологіи, минералогіи и ботаники посѣщаются совмѣстно со студентами другихъ факультетовъ.

Такое распредѣленіе каѳедръ, по мнѣнію моему, наиболѣе благопріятно къ тому, чтобы дѣятельность медицинскаго факультета могла держаться на уровнѣ современныхъ требованій науки. Но еслибы, по обстоятельствамъ, это распредѣленіе оказалось неосуществимымъ и число каѳедръ должно бы было уменьшиться, то и въ этомъ крайнемъ случаѣ уменьшеніе должно выразиться только въ сліяніи каѳедръ, но не въ уничтоженіи котораго-либо изъ предметовъ, а именно: каѳедра нервныхъ и душевныхъ болѣзней должна быть присоединена къ каѳедрѣ спеціальной патологіи, каѳедра дѣтскихъ болѣзней — къ каѳедрѣ акушерства, каѳедра офталмологіи — къ каѳедрѣ теоретической хирургіи и наконецъ каѳедра гигіены — къ каѳедрѣ судебной-медицины. Разумѣется, при этомъ необходимо достаточное число доцентовъ, между которыми могли бы быть распредѣлены прибавочные предметы въ столь сложныхъ каѳедрахъ.

—

Относительно учебно-вспомогательныхъ учрежденій я не считаю себя въ правѣ вхотить здѣсь въ подробности. Наши университеты, существуя многіе годы, успѣли уже запастись учебными пособіями, въ большей или меньшей степени, и каждый изъ нихъ теперь нуждается только въ матеріальныхъ средствахъ, съ цѣлію дать этимъ учрежденіямъ болѣе обширное, сообразное современному состоянію науки развитіе. Насущною подробностію медицинскихъ факультетовъ служатъ:

1. Библіотека, доступная для учащихся.

2. Химическая лабораторія, въ которой, подъ руководствомъ профессора или доцента, студенты могли бы заниматься анализомъ продуктовъ здороваго и больнаго организмовъ. Она должна находиться въ непосредственномъ сношеніи съ факультетскими и госпитальными клиниками. Отсюда-то она и получаетъ матеріалъ для своихъ занятій и полученными результатами содѣйствуетъ съ своей стороны раціональному направленію клиническихъ наблюденій.

3. Анатомическій залъ при амфитеатрѣ спеціальной анатоміи, съ возможностію заниматься въ немъ наибольшему числу студентовъ, съ приличнымъ помѣщеніемъ для микроскопическихъ работъ, упражненій въ инъекціяхъ и т. п. Во избѣжаніе недостатка въ трупахъ, должны быть установлены аппробованныя начальствомъ сношенія между амфитеатромъ и городскими больницами и госпиталями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ сюда поступать и матеріалъ, остающійся отъ патолого-анатостическихъ и судебно-медицинскихъ вскрытій. Лучшіе препараты прозекторовъ и студентовъ поступаютъ на обогащеніе музеевъ.

Подобное же учрежденіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, должно быть сдѣлано совмѣстно и для каѳедръ патологической анатоміи и судебной медицины. При этомъ, для успѣшнѣйшаго развитія какъ клинической медицины, такъ и патологической анатоміи, должно быть постановлено общимъ правиломъ, чтобы трупы умершихъ, пользовавшихся въ факультетскихъ и госпитальныхъ клиникахъ, вскрываемы были исключительно профессоромъ патологической анатоміи въ присутствіи студентовъ и ассистентовъ клиники. Послѣдніе обязаны изложить при этомъ ходъ болѣзни умершаго. Разработка матеріала по этимъ каѳедрамъ въ химическомъ отношеніи производится въ меди-

цинской лабораторіи. Добытые при секціяхъ препараты, имѣющіе научное достоинство, поступаютъ въ собственность патологическаго музея.

4. Каѳедра гистологіи, кромѣ коллекціи препаратовъ по наукамъ, входящимъ въ составъ ея, должна располагать достаточнымъ количествомъ хорошихъ микроскоповъ, для микроскопическихъ демонстрацій.

5. Каѳедра физіологіи должна имѣть полный запасъ инструментовъ и аппаратовъ для производства вивисекцій и другихъ опытовъ по разнымъ частямъ ея. При ней помѣщается хранилище для животныхъ, которымъ она можетъ дѣлиться съ каѳедрой гистологіи. Каѳедра общей патологіи, во избѣжаніе расходовъ, можетъ также пользоваться физіологическимъ арсеналомъ, для производства своихъ опытовъ.

6. При каѳедрѣ фармаціи необходима рабочая комната съ лекарствами, въ которой студентъ могъ бы освоиться, по крайней мѣрѣ, съ общими формами приготовленія употребительнѣйшихъ лекарствъ и приучиться къ формакогностическому характеру ихъ. Все это было бы еще лучше при наличномъ состояніи аптеки.

7. При каѳедрѣ судебной медицины — госпитальное отдѣленіе для изслѣдованія разныхъ судебно-медицинскихъ случаевъ, какъ-то: притворныхъ болѣзней, степени увѣчья и зависящей отъ того способности или негодности къ продолженію службы и правъ на пособія и пенсіи и т. п. Токсикологическія изслѣдыванія могутъ производиться въ медицинской лабораторіи, подъ надзоромъ завѣдывающаго ею.

8. Экспериментальное направленіе опытныхъ наукъ требуетъ, чтобы и каѳедра фармакологіи снабжена была необходимыми для производства своихъ опытовъ средствами. Встрѣчающаяся при этомъ надобность въ сложныхъ аппаратахъ удовлетворяется изъ кабинета физіологіи.

9. Кромѣ факультетскихъ и госпитальныхъ клиникъ, было бы полезно имѣть особыя, какъ-то: дѣтскую, офталмологическую, накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, нервныхъ и душевныхъ болѣзней, а при невозможности — устроить, по крайней мѣрѣ, достаточныя отдѣленія по этимъ частямъ при факультетскихъ и госпитальныхъ клиникахъ. Пособія для нихъ опре-

дѣляются завѣдывающими по этимъ отдѣленіямъ, на основаніи мѣстныхъ условій.

Вотъ главнѣйшія потребности, необходимыя, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для развитія дѣятельности медицинскихъ факультетовъ. Опредѣлить всѣ частности ихъ для каждой каѳедры здѣсь невозможно, да и неумѣстно, потому что способы изученія науки и необходимыя для этого пособія растутъ и совершенствуются съ необычайной быстротой.

—

Въ проектѣ устава, въ отдѣлѣ о преподавателяхъ, не говорится ни слова о прозекторахъ, а между тѣмъ подобнаго рода ученые заслуживаютъ полнаго вниманія и по трудности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, и по тому обстоятельству, что на эту должность встрѣчается у насъ, между молодыми людьми, гораздо меньше претендентовъ, чѣмъ на другія—преподавательскія. Причины этого, независимо отъ скуднаго содержанія, вѣроятно, кроются и въ томъ, что прозекторъ, уже по сущности своей обязанности, обреченъ лишь на разработку матеріала по указанію профессора и, оставаясь болѣе, чѣмъ на второмъ планѣ, не имѣетъ слушателей, съ которыми могъ бы дѣлиться своими практическими познаніями въ наукѣ. По этому желательно бы было, чтобы при анатомическихъ каѳедрахъ (гистологіи, спеціальной, прикладной и патологической анатоміи) находился прозекторъ съ правомъ доцента, опредѣляемый, подобно послѣднему, по конкурсу на извѣстное число лѣтъ, и нѣсколько (2—4) помощниковъ или младшихъ прозекторовъ въ качествѣ приватъ-доцентовъ. Послѣдніе выбираются изъ молодыхъ людей, заявившихъ желаніе заняться анатомическими работами и высказавшихъ къ тому свою способность въ теченіе университетскаго курса. Подобная обстановка не могла бы не произвести благотворнаго вліянія на ходъ анатомическихъ занятій. Прозекторъ, имѣя около себя молодыхъ помощниковъ, естественно, сдѣлался бы ихъ руководителемъ и, раздѣляя съ ними труды по заготовленію препаратовъ къ лекціямъ профессора, выигралъ бы достаточно времени выработать изъ себя преподавателя. Поприщемъ для этого могло бы быть преподаваніе отдѣльной части науки по указанію профессора и практическія демонстраціи препаратовъ, приготовляемыхъ какъ его помощ-

никами, такъ и студентами поочереди, сопровождаемыя научными объясненіями. Помощники прозектора могутъ быть, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, опредѣляемы безъ конкурса, также на извѣстный срокъ, по письменному заявленію въ факультетѣ профессора анатоміи о способности ихъ къ анатомическимъ работамъ. Занятія ихъ должны состоять въ раздѣленіи трудовъ прозектора, частныхъ занятіяхъ со студентами въ приготовленіи въ обязательные сроки препаратовъ, годныхъ для обогащенія музеевъ, и т. п. Для поощренія ихъ дѣятельности необходимо, чтобы лучшіе изъ препаратовъ заявляемы были профессоромъ предъ факультетомъ и награждаемы соотвѣтствующими преміями. Эта корпорація молодыхъ людей будетъ постояннымъ разсадникомъ для замѣщенія по конкурсу прозекторскихъ вакансій, и, кромѣ того, она имѣетъ еще важное значеніе въ томъ смыслѣ, что разсѣетъ въ массѣ врачей свѣдущихъ гистологовъ, анатомовъ, анатомо-патологовъ, которыми въ настоящее время медицинское званіе далеко еще не можетъ похвалиться.

—

Испытанія на ученыя степени составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ университетской дѣятельности и характеръ ихъ не можетъ не высказаться въ тѣхъ обществахъ, въ которыя вступаютъ потомъ молодые люди, получившіе эти степени. По этому испытанія должны быть производимы со всею осмотрительностію и надлежащею строгостію, чтобы не по праву выданная степень не легла всею своею тяжестію на имя университета. Для этого необходимо, какъ и принято уже комитетомъ, сокращеніе числа испытаній, которыя дѣйствительно, при настоящемъ порядкѣ дѣлъ, составляютъ лишнее бремя для экзаменаторовъ, и слишкомъ привычную статью для экзаменующихся. Но мнѣ кажется, что сокращеніе ученыхъ степеней въ университетахъ тогда только достигнетъ своей естественной цѣли, если оно отразится одинаково на всѣхъ факультетахъ, какъ частяхъ одного цѣлаго. Потребность этого высказалась уже въ мнѣніи г. предсѣдателя ученаго комитета и сравненіе степеней лекаря и доктора медицины съ кандидатомъ и магистромъ вызвала на аналогію между профессоромъ медицины и докторомъ другихъ факультетовъ.

Въ настоящее время медицинскій факультетъ удостоиваетъ двухъ степеней: лекаря и доктора медицины или доктора медицины и хирургіи; другимъ факультетамъ присвоены три, за исключеніемъ званія дѣйствительнаго студента, справедливо отвергаемаго теперь. Не найдетъ ли комитетъ возможнымъ провести параллель между лекаремъ и магистромъ, съ одной стороны, и докторомъ медицины съ докторами прочихъ факультетовъ — съ другой, предавъ забвенію степень кандидата, которая, по своей сущности, не выражаетъ особеннаго значенія и сохраняется, какъ терминъ, освященный временемъ. Сравненіе докторскаго званія по всѣмъ факультетамъ не могло бы не отразиться благотворно и на медицинскихъ докторантовъ и на лицъ, присуждающихъ званіе медицинскаго доктора. Поставленная въ лучшемъ свѣтѣ степень доктора медицины не была бы болѣе цѣлью искателей удачи, а сдѣлалась бы достояніемъ только избранныхъ. Самые экзаменаторы были бы морально обязаны возвысить свои требованія и искать въ докторантѣ фактическихъ правъ на искомую степень.

Но, при эмансипированіи такимъ образомъ докторскихъ медицинскихъ экзаменовъ, необходима и коренная реформа въ производствѣ ихъ. Докторомъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, можно быть только по какой-либо отрасли науки, избранной извѣстнымъ лицомъ для своей спеціальности, какъ это и дѣлается въ другихъ факультетахъ. Требованіе же докторскихъ познаній по всѣмъ наукамъ, входящимъ въ составъ факультетскаго преподаванія, совершенно неосуществимо и значеніе его навсегда останется только на бумагѣ. По этому и здѣсь должно установиться соотвѣтствіе между экзаменомъ доктора медицины и докторовъ другихъ факультетовъ, и, по образцу послѣднихъ, первый долженъ быть раздѣленъ на извѣстныя группы, состоящія изъ основной науки и наукъ, имѣющихъ съ нею ближайшую связь.

Сравненіемъ такимъ образомъ испытаній по всѣмъ факультетамъ университета и вопросъ о предоставленіи права экзаменоваться при выпускѣ прямо на степень доктора медицины падаетъ самъ собою, подчиняясь годичному или какому-либо другому сроку. Это право, существовавшее у насъ, кажется, съ 1846 года, не встрѣтило особеннаго примѣненія и бо́льшая часть импровизированныхъ докторовъ скоро мирилась съ скро́мнымъ званіемъ лекаря. Причина этому заключалась частію въ незрѣлости познаній претендентовъ, частію въ самомъ взглядѣ экза-

менаторовъ на этотъ предметъ. Кромѣ того, отсюда возникло еще одно весьма важное неудобство, состоящее въ томъ, что, при строгости подобныхъ экзаменовъ въ Русскихъ университетахъ, Дерптскій постоянно снабжалъ Россію достаточнымъ количествомъ докторовъ, только что оставившихъ академическую скамью. Все это, разумѣется, смѣшивалось въ служебной жизни, и понятно, на чьей сторонѣ долженъ былъ оставаться перевѣсъ. По этому желательно, чтобы во всѣхъ нашихъ университетахъ былъ принятъ общій принципъ, и докторская степень служила бы оцѣнкой не школьныхъ познаній, а свѣдѣній и опытности, выработанныхъ самостоятельною дѣятельностію.

Во избѣжаніе затрудненій при большомъ числѣ экзаменующихся, Московскій университетъ предлагаетъ, чтобы ищущій степени доктора медицины, подавая просьбу объ экзаменѣ, представлялъ въ то же время и диссертацію. Эта мѣра весьма неблагопріятна для возникающей у насъ медицинской литературы и рискуетъ превратить докторскія диссертаціи во что-то близкое къ существовавшимъ прежде штабъ-лекарскимъ, которыя также присылались въ университеты изъ разныхъ уголковъ Россіи. Еще слишкомъ недавно наши докторскія диссертаціи освободились отъ тяготѣвшаго надъ ними Латинскаго языка и мы уже имѣемъ порядочный запасъ весьма замѣчательныхъ работъ, явившихся въ свѣтъ въ видѣ докторскихъ диссертацій. Большая часть этихъ работъ сдѣлана при лабораторіяхъ университетскихъ и академическихъ каѳедръ и служитъ уже предвѣстникомъ той блестящей будущности, которая ожидаетъ нашу медицинскую литературу. Слѣдовательно въ настоящее время всѣ условія должны клониться къ тому, чтобы кандидатамъ на ученыя степени доставлять какъ можно болѣе возможности работать при университетахъ и академіяхъ, гдѣ имъ доступны всѣ средства и научныя пособія, о которыхъ они не смѣютъ и подумать на мѣстѣ своего служенія.

Что касается званія дѣйствительнаго студента, а тѣмъ болѣе распространенія его и на медицинскій факультетъ, то этотъ вопросъ едва-ли встрѣтитъ большое сочувствіе, тѣмъ болѣе, что и самый опытъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ медицинскому факультету, показалъ здѣсь совершенную несостоятельность дѣла. Въ прежнее время существовало положеніе о такъ-называемыхъ кандидатахъ медицины. Этимъ названіемъ обозначались окончившіе курсъ, которыхъ уже не было никакой воз-

можности аттестовать на степень лекаря; но они все-же получали эту степень, при вторичномъ испытанiи, послѣ пребыванiя въ теченiе года при госпиталѣ въ званiи кандидата. Это была удобная лазейка для бездарности и нахальства, и потому степень кандидата давно уничтожена окончательно. Въ какой мѣрѣ годенъ для общества молодой человѣкъ, просидѣвшiй на медицинской скамьѣ 5, а можетъ быть и болѣе лѣтъ и не удостоенный при выпускѣ права лечить, судить вообщее трудно; но, во всякомъ случаѣ, нельзя согласиться съ Московскимъ университетомъ, чтобы онъ пользовался на службѣ преимуществами дѣйствительныхъ студентовъ другихъ факультетовъ. Послѣднiй можетъ быть и хорошимъ педагогомъ и хорошимъ юристомъ; дѣйствительный же студентъ, выпущенный по медицинскому факультету, остается совсѣмъ въ другихъ условiяхъ. Лечить онъ не смѣетъ, да и не можетъ, по несостоятельности своихъ познанiй, — такъ что ему для того, чтобы выработать изъ себя хотя сколько-нибудь полезнаго члена общества, остается только обратиться къ возобновленiю тѣхъ свѣдѣнiй, которыя когда-то открыли ему дверь въ университетъ.

—

Въ заключенiе считаю долгомъ доложить комитету, что распредѣленiе преподаванiя на годичные курсы крайне неудобно и часто бываетъ причиною того, что преподаватель долженъ невольно сжать свой предметъ, чтобы окончить его къ наступленiю каникулъ. Между тѣмъ не только въ медицинскомъ, но и всѣхъ другихъ факультетахъ есть много наукъ, которыя могутъ быть надлежащимъ образомъ развиты предъ слушателями только въ болѣе продолжительные сроки. Это неудобство было бы совсѣмъ устранено введенiемъ распредѣленiя курсовъ на семестры; здѣсь для обширныхъ наукъ могли бы быть опредѣлены три семестра, а сверхъ того нашлось бы нѣсколько и такихъ предметовъ, которые безъ ущерба преподаванiю могутъ вмѣститься въ одинъ семестръ.

III. О штатахъ университетовъ.

Члена ученаго комитета, академика **Чебышева**.

Во всѣхъ замѣчаніяхъ, касающихся штатовъ университетовъ, говорится о крайней необходимости значительно увеличить содержаніе всѣхъ университетскихъ преподавателей, такъ какъ въ недостаточности этого содержанія заключается причина того, что теперь мало желающихъ посвятить себя приготовленію къ обязанностямъ профессора, а потому многія каѳедры по нѣскольку лѣтъ остаются не занятыми. По замѣчанію *Современной лѣтописи Русскаго вѣстника*, безъ увеличенія профессорскаго жалованья не можетъ увеличиться число соискателей на профессорскія мѣста, а слѣдовательно невозможна и строгость выбора. Имѣя въ виду недостаточность отпускаемыхъ нынѣ изъ государственнаго казначейства суммъ на содержаніе учебныхъ заведеній, министерство народнаго просвѣщенія предложило попечителямъ учебныхъ округовъ составить проекты новыхъ штатовъ, основанные на мѣстныхъ соображеніяхъ и увеличенные въ той мѣрѣ, которая считается необходимою для полнаго удовлетворенія потребностямъ службы. Въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, за августъ мѣсяцъ 1862 года, въ статьѣ: *Объ усиленіи средствъ содержанія заведеній министерства народнаго просвѣщенія*, напечатано извлеченіе изъ предположеній по этому предмету попечителей С. Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ. Въ этой статьѣ, касательно окладовъ университетскихъ, находится слѣдующая таблица; представляющая нынѣшніе оклады содержанія профессоровъ и нѣкоторыхъ другихъ уни-

верситетскихъ чиновниковъ и оклады по предположеніямъ попечителей. Оклады содержатъ въ себѣ какъ жалованье, такъ и квартирныя и столовыя деньги, и выражены въ круглыхъ числахъ.

Въ университетахъ:	Содержаніе, нынѣ получаемое.				Содержаніе по предположеніямъ попечителей округовъ.			
	С.-Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Св. Владиміра.	С.-Петербургскомъ.	Московскомъ.	Харьковскомъ.	Св. Владиміра.
Ординарный профессоръ..	1572	1543	1263	1350	3000	3000	2800	2400
Экстраординарный профессоръ............	1175	1095	954	980	2000	2000	2000	1700
Адъюнктъ............	800	786	643	690	1000	1500	—	1000
Лекторъ..............	600	504	568	500	1000	1200	900	700
Доцентъ старшій........	500	500	—	—	1000	1000	1000	700
» младшій........	—	—	—	—	—	—	600	400
Прозекторъ...........	—	700	560	600	—	1200	1000	900
Лаборантъ............	428	428	336	443	642	1200	700	500
Библіотекарь..........	714	700	560	800	1500	950	1000	900
Помощникъ библіотекаря.	343	343	250	350	600	600	500	450
Синдикъ..............	857	840	843	—	1500	1500	1200	1000
Секретарь совѣта.......	514	504	506	—	1000	1000	800	—
Казначей.............	428	420	450	—	1000	800	700	—
Бухгалтеръ...........	428	420	450	—	800	800	700	—
Экзекуторъ...........	428	420	464	—	800	800	700	—
Ректоръ..............	2000	1964	—	—	2000	3400	1000	1000
Деканамъ прибавочныхъ..	300	300	294	—	300	600	400	400

«Такимъ образомъ, сказано въ этой статьѣ, по предположенію четырехъ попечителей округовъ, содержаніе профессоровъ и другихъ лицъ, служащихъ при университетахъ, слѣдовало бы увеличить почти вдвое. Какъ ни значительны, по видимому, предполагаемые оклады, — при нынѣшней дороговизнѣ всѣхъ предметовъ содержанія, не только въ столицахъ, но и въ университетскихъ городахъ, они оказываются едва достаточными для удо-

влетворенія всѣхъ необходимыхъ потребностей служащихъ лицъ и ихъ семействъ. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа, представляя о необходимости назначенія вышепоказанныхъ окладовъ, замѣчаетъ, что всякое уменьшеніе количества предполагаемаго имъ содержанія будетъ стѣснительнымъ для служащихъ при университетѣ лицъ. Оклады, представленные Харьковскимъ попечителемъ, значительно меньше тѣхъ окладовъ, какіе совѣтъ Харьковскаго университета находилъ въ настоящее время необходимыми для содержанія семейныхъ профессоровъ и чиновниковъ университета. Необходимыя годовыя издержки семейнаго ординарнаго профессора совѣтъ Харьковскаго университета опредѣлилъ въ 3,000 руб., а именно:

На продовольствіе	750	руб.
» наемъ квартиры	500	»
» экипировку	500	»
» дрова (7 саж. по 22 руб.)	154	»
» прислугу (мужч. 10 р. и женщ. 4 р. въ мѣсяцъ)	164	»
» воду (3 р. въ мѣсяцъ)	36	»
» освѣщеніе (по фунту стеариновыхъ свѣчъ въ сутки или 9 пуд. въ годъ, на 117 руб., и на 25 руб. сальныхъ свѣчъ)	142	»
» покупку книгъ, журналовъ, на воспитаніе дѣтей, мелкіе и разные случайные расходы	750	»
Всего	3,000	руб.

На томъ же основаніи совѣтъ находилъ необходимымъ назначить:

Экстраординарному профессору	2,500	руб.
Старшему доценту	1,800	»
Младшему	600	»
Лектору	1,000	»
Прозектору и лаборанту по	1,800	»
Библіотекарю	1,500	» и т. д.

Совѣтъ Казанскаго университета, относительно увеличенія штатовъ, говоритъ слѣдующее: «что касается до предлагаемыхъ размѣровъ окладовъ, то вполнѣ достаточно указать только, какъ на фактъ всѣмъ извѣстный, на то обстоятельство, что въ то время, когда существующіе нынѣ оклады считались и были дѣйствительно достаточны для обезпеченія, цѣна почти на всѣ ежедневныя потребности жизни была вдвое, или втрое менѣе настоящей. Будетъ близко къ правдѣ, если сказать, что значе-

ніе рубля ассигнаціями было тогда то же, что теперь значеніе рубля серебромъ».

За тѣмъ совѣтъ Казанскаго университета предлагаетъ слѣдующую роспись расходовъ:

	Одному. руб.	Всѣмъ. руб.
32-мъ ординарнымъ профессорамъ въ томъ числѣ и профессору богословія (жалованья 2000 руб., столовыхъ 600 руб. и квартирныхъ 400 руб.)	3,000	96,000
15-ти экстраординарнымъ профессорамъ (жалованья 1,200 руб., столов. 500 руб. и квартирныхъ 300 руб.)	2,000	30,000
2-мъ преподавателямъ Восточныхъ языковъ	2,000	4,000
20-ти старшимъ доцентамъ	1,000	20,000
20-ти младшимъ доцентамъ*)	500	10,000
3-мъ лекторамъ	800	2,400
4-мъ прозекторамъ	1,000	4,000
3-мъ помощникамъ прозектора	500	1,500
2-мъ старшимъ лаборантамъ	800	1,600
3-мъ младшимъ лаборантамъ	600	1,800
Астроному-наблюдателю	1,200	1,200
Учителю рисованія	600	600
Учителямъ искусствъ	—	900
Библіотекарю	1,000	1,000
4-мъ помощникамъ библіотекаря	500	2,000
Механику	500	500
Таксодермисту	500	500
3-мъ хранителямъ музеевъ	500	1,500
Смотрителю ботаническаго сада	600	600
Садовнику этого сада	600	600
Ординатору клиники	600	600
Смотрителю клиники	500	500
3-мъ ассистентамъ факультетской клиники	400	1,200
2-мъ ассистентамъ госпитальной клиники	400	800
Повивальной бабкѣ	400	400
Синдику (жалованья 1,200 руб. и столов. 300 руб.)	1,500	1,500
Секретарю совѣта	900	900
2-мъ секретарямъ: правленія и студентскихъ дѣлъ	700	1,400
Казначею	700	700
Бухгалтеру	700	700
Экзекутору университета	600	600
Инспектору студентовъ	1,000	1,000
4-мъ чиновникамъ, состоящимъ при инспекторѣ	600	2,400

*) Жалованье нынѣ состоящимъ на службѣ адъюнктамъ производится изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ на жалованье доцентовъ по 1,200 руб.

	Одному. руб.	Всѣмъ. руб.
3-мъ столоначальникамъ (2-мъ въ правленіи, 1-му въ совѣтѣ)	500	1,500
Архиваріусу	400	400
Архитектору университета	400	400
Врачу при студентской больницѣ	400	400
На канцелярію университета	—	3,000
На содержаніе церкви университета	800	800
На содержаніе церкви въ клиникѣ	700	700
На астрономическую обсерваторію	700	700
На физическій кабинетъ и лабораторію	—	1,000
На химическую лабораторію и кабинетъ	—	1,500
На технологическую лабораторію и кабинетъ	—	1,000
На минералогическій кабинетъ	—	500
На зоологическій и зоотомическій кабинеты	—	1,200
На ботаническій садъ и кабинетъ	—	3,000
На кабинетъ строительнаго искусства	—	300
На сельско-хозяйственный кабинетъ	—	300
На рисовальный классъ	—	150
На музей изящныхъ искусствъ и древностей	—	1,500
На кабинетъ судебной медицины	—	200
На анатомическій театръ	—	800
На физіологическій кабинетъ	—	800
На лабораторію фармацевтическую, фармакологическую и физіологической химіи	—	600
На фармакологическое и фармацевтическое собраніе	—	200
На кабинетъ патологическій	—	400
На собраніе хирургическихъ инструментовъ и препаратовъ факультетской клиники	—	250
На то же для госпитальной клиники	—	200
На собраніе акушерскихъ инструментовъ и препаратовъ	—	300
На собраніе инструментовъ для терапевтической факультетской клиники	—	100
На собраніе инструментовъ для терапевтической госпитальной клиники	—	100
На собраніе инструментовъ для глазной клиники	—	200
На факультетскія клиники, повивальный институтъ и аптеку	—	13,000
На библіотеку *)	—	6,000
На выписку журналовъ	—	1,000

*) Наемъ служителей въ учебно-вспомогательныхъ заведеніяхъ относится на суммы этихъ заведеній

	Одному. руб.	Всѣмъ. руб.
На переписку съ иностранными корреспондентами.	—	400
На печатаніе протоколовъ совѣта университета...	—	200
На печатаніе сочиненій по учебнымъ предметамъ..	—	1,000
На квартиры чиновникамъ....................	—	2,000
На стипендіи, считая въ томъ числѣ Сибирскихъ, Виленскихъ, Оренбургскихъ, Астраханскихъ и Пермскихъ.	—	20,000
На командированіе профессоровъ и студентовъ за границу..................................	—	16,000
На пособіе молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія..............	—	4,000
На покупку книгъ для стипендіатовъ медицинскаго факультета................................	—	500
На больницу для студентовъ..................	—	1,500
На практическіе курсы......................	—	500
На рѣшеніе задачъ..........................	—	500
На содержаніе зданій университета............	—	14,000
На содержаніе служителей университета.........	—	3,000
Прибавочнаго жалованья:		
Ректору..................................	1,000	1,000
Проректору...............................	750	750
4-мъ деканамъ............................	500	2,000
4-мъ секретарямъ факультетовъ................	200	800
Профессору акушерства за повивальный классъ...	300	300
Итого....		304,350

Въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ на проектъ университетскаго устава приводится самый бюджетъ расходовъ профессора, и при этомъ оказывается, что даже для удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни содержаніе профессоровъ должно быть увеличено въ значительной пропорціи. Такъ, принимая среднимъ числомъ семейство профессора состоящимъ изъ жены и троихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, профессоръ Горловъ замѣчаетъ, что для такого семейства и при нынѣшнихъ цѣнахъ потребны слѣдующіе расходы:

1) Помѣщеніе. Квартира (5 жилыхъ комнатъ, передняя и кухня) 600 руб.—Отопленіе (30 саж. дровъ, по 4 руб. за саж. съ доставкою) 120 руб.—Освѣщеніе (4 пуда стеариновыхъ, 3 пуда сальныхъ свѣчъ, ламповаго масла на 11 руб.) 80 руб.

2) Пища. Обѣдъ на 5 человѣкъ (при теперешней дороговизнѣ говядины 12—15 коп. за фунтъ, не можетъ быть поло-

женъ дешевлѣ 25 коп. на человѣка въ день, всего 1 руб. 25 коп.) въ годъ 456 руб. 25 коп.—Чай, бѣлый хлѣбъ, масло и сахаръ (считая по 8 коп. утромъ и по 8 коп. вечеровъ на человѣка, ежедневно по 80 коп.) въ годъ 272 руб.

3) Одежда. Одежда и обувь профессора въ годъ 200 руб.— Его семейства (считая на каждаго по 120 руб.) 480 руб.— Чистка бѣлья (считая наемъ поденщицъ, ихъ содержаніе, мыло, крахмалъ, равно и глаженіе, по 6 руб. въ мѣсяцъ) въ годъ 72 руб.

4) Книги профессору 150 руб.

5) Дополнительные уроки къ обученію дѣтей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и на учебныя пособія (по 60 руб. на каждаго) 180 руб.

6) Прислуга. Кухаркѣ (по 5 р. въ мѣсяцъ) въ годъ 60 р.— Двумъ служанкамъ (по 4½ руб. каждой въ мѣсяцъ) 108 руб.— Содержаніе ихъ (по 15 коп. каждой въ сутки) 164 руб. 25 коп. Всего 2,942 руб. 50 коп.

«И такъ, въ заключеніе говоритъ г. Горловъ, потребно 2,942½ р., если профессоръ будетъ завтракать на 8 коп.; если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда ходить пѣшкомъ; если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда здоровы и никогда не будутъ звать доктора и покупать лекарства; если онъ не будетъ никуда выѣзжать изъ Петербурга, въ лѣтнее время, когда Петербургъ необитаемъ отъ пыли, жара и зловонія; если онъ будетъ вести затворническую жизнь и никого не будетъ у себя принимать и самъ никого посѣщать; если онъ не будетъ заботиться объ участи своихъ дѣтей и жены и не будетъ ничего для нихъ сберегать; если у него не будетъ никакихъ экстраординарныхъ расходовъ. Допустивъ же, что профессоръ по всѣмъ этимъ предметамъ будетъ дѣлать самые умѣренные и необходимые расходы, бюджетъ его надо возвысить до 4,000 руб. сер. При 5,000 руб. содержанія, жизнь профессора сдѣлается удобною и привлекательною для молодыхъ ученыхъ, которые, для пріобрѣтенія такихъ выгодъ, войдутъ въ значительную между собою конкуренцію. Понятно, почему до сихъ поръ не могло быть этой конкуренціи, когда профессору окладъ и наполовину недостаточенъ и когда ему на квартиру выдается 150 рублей. Необходимость, для пополненія содержанія, снискивать существованіе журнальными статьями, или преподава-

ніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлали положеніе профессора крайне тягостнымъ и отвлекаютъ его отъ занятій чисто научныхъ, которыя каждый профессоръ собственно имѣетъ въ виду, вступая на каѳедру. Если профессорскій окладъ будетъ возвышенъ до 5,000 руб. ординарному, до 3,500 руб. экстраординарному и по соразмѣрности другимъ преподавателямъ, то профессоръ будетъ въ состояніи дѣйствительно посвятить себя наукамъ, безъ суровыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, и пріобрѣсти такое положеніе можетъ сдѣлаться цѣлію жизни для самыхъ отличныхъ дарованій».

Профессоръ Березинъ по этому предмету говоритъ такъ:

Предполагая у профессора, какъ человѣка семейнаго и вполнѣ посвятившаго себя одной наукѣ, совершенно необходимыми слѣдующіе расходы: квартира 660 руб., дрова и вода 200 руб., освѣщеніе 60 руб., прислуга 180 руб., платье, бѣлье и обувь 350 руб., книги 250 руб., столъ, чай и сахаръ 1,000 руб., докторъ и аптека 200 руб., разъѣзды 150 руб., домашній ремонтъ 150 руб., прачка 100 руб., экстраординарные расходы 200 руб., всего 3,500 руб., — получаемъ такую роспись содержанія для преподавателей и прочихъ служащихъ: ординарный профессоръ 3,500 руб., экстраординарный 2,500 руб., старшій доцентъ 1,500 руб., младшій доцентъ 1,000 руб., лекторъ 1,000 руб., практическій преподаватель 700 руб., библіотекарь 1,500 руб., помощникъ библіотекаря 1,000 руб.; ректоръ, сверхъ квартиры и профессорскаго жалованья, 1,200 руб.; проректоръ, сверхъ квартиры и профессорскаго жалованья, 1,000 руб.; инспекторъ, сверхъ квартиры, 1,000 руб.; деканъ (дополнительныхъ) 300 р.; секретарь факультета 200 р.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Навроцкій предлагаетъ такую смѣту расходовъ ординарнаго профессора:

Квартира 700 руб., дрова и вода 180 руб., освѣщеніе 80 руб., столъ, чай и сахаръ 1,000 руб., платье и бѣлье 400 руб., книги и письменныя принадлежности 250 руб., прислуга и прачка 240 руб., докторъ и аптека 200 руб., воспитаніе дѣтей 300 руб., домашній ремонтъ 100 руб., извощикъ 150 руб., непредвидимые расходы 200 руб. Итого 3,800 руб.

«Сообразно же съ этой смѣтой, необходимымъ кажется, говоритъ онъ, назначить разнымъ должностнымъ лицамъ С. Пе-

женъ дешевлѣ 25 коп. на человѣка въ день, всего 1 руб. 25 коп.) въ годъ 456 руб. 25 коп.—Чай, бѣлый хлѣбъ, масло и сахаръ (считая по 8 коп. утромъ и по 8 коп. вечеровъ на человѣка, ежедневно по 80 коп.) въ годъ 272 руб.

3) Одежда. Одежда и обувь профессора въ годъ 200 руб.— Его семейства (считая на каждаго по 120 руб.) 480 руб.— Чистка бѣлья (считая наемъ поденщицъ, ихъ содержаніе, мыло, крахмалъ, равно и глаженіе, по 6 руб. въ мѣсяцъ) въ годъ 72 руб.

4) Книги профессору 150 руб.

5) Дополнительные уроки къ обученію дѣтей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и на учебныя пособія (по 60 руб. на каждаго) 180 руб.

6) Прислуга. Кухаркѣ (по 5 р. въ мѣсяцъ) въ годъ 60 р.— Двумъ служанкамъ (по $4\frac{1}{2}$ руб. каждой въ мѣсяцъ) 108 руб.— Содержаніе ихъ (по 15 коп. каждой въ сутки) 164 руб. 25 коп. Всего 2,942 руб. 50 коп.

«И такъ, въ заключеніе говоритъ г. Горловъ, потребно $2,942\frac{1}{2}$р., если профессоръ будетъ завтракать на 8 коп.; если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда ходить пѣшкомъ; если онъ и всѣ его домашніе будутъ всегда здоровы и никогда не будутъ звать доктора и покупать лекарства; если онъ не будетъ никуда выѣзжать изъ Петербурга, въ лѣтнее время, когда Петербургъ необитаемъ отъ пыли, жара и зловонія; если онъ будетъ вести затворническую жизнь и никого не будетъ у себя принимать и самъ никого посѣщать; если онъ не будетъ заботиться объ участи своихъ дѣтей и жены и не будетъ ничего для нихъ сберегать; если у него не будетъ никакихъ экстраординарныхъ расходовъ. Допустивъ же, что профессоръ по всѣмъ этимъ предметамъ будетъ дѣлать самые умѣренные и необходимые расходы, бюджетъ его надо возвысить до 4,000 руб. сер. При 5,000 руб. содержанія, жизнь профессора сдѣлается удобною и привлекательною для молодыхъ ученыхъ, которые, для пріобрѣтенія такихъ выгодъ, войдутъ въ значительную между собою конкуренцію. Понятно, почему до сихъ поръ не могло быть этой конкуренціи, когда профессору окладъ и наполовину недостаточенъ и когда ему на квартиру выдается 150 рублей. Необходимость, для пополненія содержанія, снискивать существованіе журнальными статьями, или преподава-

ніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлали положеніе профессора крайне тягостнымъ и отвлекаютъ его отъ занятій чисто научныхъ, которыя каждый профессоръ собственно имѣетъ въ виду, вступая на каѳедру. Если профессорскій окладъ будетъ возвышенъ до 5,000 руб. ординарному, до 3,500 руб. экстраординарному и по соразмѣрности другимъ преподавателямъ, то профессоръ будетъ въ состояніи дѣйствительно посвятить себя наукамъ, безъ суровыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, и пріобрѣсти такое положеніе можетъ сдѣлаться цѣлію жизни для самыхъ отличныхъ дарованій».

Профессоръ Березинъ по этому предмету говоритъ такъ:

Предполагая у профессора, какъ человѣка семейнаго и вполнѣ посвятившаго себя одной наукѣ, совершенно необходимыми слѣдующіе расходы: квартира 660 руб., дрова и вода 200 руб., освѣщеніе 60 руб., прислуга 180 руб., платье, бѣлье и обувь 350 руб., книги 250 руб., столъ, чай и сахаръ 1,000 руб., докторъ и аптека 200 руб., разъѣзды 150 руб., домашній ремонтъ 150 руб., прачка 100 руб., экстраординарные расходы 200 руб., всего 3,500 руб., — получаемъ такую роспись содержанія для преподавателей и прочихъ служащихъ: ординарный профессоръ 3,500 руб., экстраординарный 2,500 руб., старшій доцентъ 1,500 руб., младшій доцентъ 1,000 руб., лекторъ 1,000 руб., практическій преподаватель 700 руб., библіотекарь 1,500 руб., помощникъ библіотекаря 1,000 руб.; ректоръ, сверхъ квартиры и профессорскаго жалованья, 1,200 руб.; проректоръ, сверхъ квартиры и профессорскаго жалованья, 1,000 руб.; инспекторъ, сверхъ квартиры, 1,000 руб.; деканъ (дополнительныхъ) 300 р.; секретарь факультета 200 р.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Навроцкій предлагаетъ такую смѣту расходовъ ординарнаго профессора:

Квартира 700 руб., дрова и вода 180 руб., освѣщеніе 80 руб., столъ, чай и сахаръ 1,000 руб., платье и бѣлье 400 руб., книги и письменныя принадлежности 250 руб., прислуга и прачка 240 руб., докторъ и аптека 200 руб., воспитаніе дѣтей 300 руб., домашній ремонтъ 100 руб., извощикъ 150 руб., непредвидимые расходы 200 руб. Итого 3,800 руб.

«Сообразно же съ этой смѣтой, необходимымъ кажется, говоритъ онъ, назначить разнымъ должностнымъ лицамъ С. Пе-

тербургскаго университета слѣдующее содержаніе, соразмѣрное занимаемымъ ими должностямъ: ординарному профессору 3,800 руб., экстраординарному профессору 3,000 руб., старшему доценту 2,000 руб., младшему доценту 1,500 руб., лектору 1,300 руб., практическому преподавателю 800 р. и т. д.»

Относительно штатовъ университетскихъ въ замѣчаніяхъ исправляющаго должность адъюнкта Патканова находимъ слѣдующее:

Ординарному профессору 4,000 руб., экстраординарному 3,250 руб., старшему доценту 2,500 руб., младшему доценту 1,500 руб., лектору 1,500 руб., практическому преподавателю Восточныхъ языковъ 1,000 руб., библіотекарю 2,000 руб., помощнику библіотекаря 1,500 руб., помощнику проректора 1,000 руб.

Добавочное содержаніе:

Ректору 1,200 руб., проректору 1,000 руб., деканамъ 500 руб., членамъ правленія изъ профессоровъ 300 руб., секретарямъ факультета 200 руб.

Годовой расходъ:

	Ординарн. профес.	Доцента.
	руб.	руб.
Квартира и дача	700	500
Дрова и вода	200	100
Прислуга	150	130
Освѣщеніе	50	50
Платье	350	300
Книги и письменныя принадлежности	400	200
Столъ, чай и пр.	1,500	900
Докторъ, аптека	150	120
Извощикъ	150	100
Прачка	150	100
Домашній ремонтъ и непредвиденные расходы	200	—
Итого...	4,000	2,500

Объ этомъ же ординарный профессоръ Чубиновъ говоритъ такъ:

Ординарному профессору 5,000 руб. въ годъ. Экстраординарному 3,500 руб. Старшему доценту 2,500 руб. Младшему доценту 1,500 руб. Лектору 1,500 руб. Практическому преподавателю восточныхъ языковъ 1,000 руб. Библіотекарю 2,000 руб. Помощнику библіотекаря 1,500 руб. Помощнику проректора 1,000 руб.

Добавочнаго содержанія:

Ректору 1,200 руб. Проректору 1,000 руб. Деканамъ по 500 руб. Членамъ правленія изъ префессоровъ по 300 руб. Секретарямъ факультета по 200 руб.

Годовой бюджетъ расхода ординарнаго профессора:

Квартира 800 руб. Дрова и вода 200 руб. Освѣщеніе 50 р. Прислуга 200 руб. Платье 350 руб. Книги и письменныя принадлежности 250 руб. Столъ, чай, сахаръ и пр. 2,000 руб. Докторъ и аптека 200 руб. На извощика 150 руб. Прачка 150 руб. Домашній ремонтъ 250 руб. На непредвидимые расходы 400 руб. Итого 5,000 руб.

Наконецъ, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Галстунскій, не касаясь другихъ мѣстностей, собственно для Петербурга предлагаетъ слѣдующее:

Ординарному профессору 4,200 руб. Экстраординарному профессору 3,200 руб. Старшему доценту 2,200 руб. Младшему доценту 1,300 руб. Лектору 1,300 руб. Практическому преподавателю восточныхъ языковъ 750 руб. Практическому преподавателю и учителю мусульманской каллиграфіи 900 руб. Библіотекарю (при казенной квартирѣ) 1,300 руб. Помощникамъ библіотекаря (при каз. кварт.) по 900 руб. Чиновникамъ по студентскимъ дѣламъ (при казен. кварт.) по 650 руб. Синдику (при казен. кварт.) 1,300 руб. Секретарямъ (при каз. кварт.) по 800 руб. Штатнымъ канцелярскимъ чиновникамъ (при казен. кварт.) по 360 руб.

Добавочныхъ.

Ректору (при каз. кварт.) 1,200 руб. Проректору (при каз. кварт.) 900 руб. Деканамъ по 400 руб. Членамъ правленія изъ профессоровъ по 250 руб. Секретарямъ факультетовъ по 200 р.

Въ выноскѣ же г. **Галстунскій** говоритъ:

«Годовой расходъ ординарнаго профессора въ С. Петербургѣ: квартира 700 руб.; дрова и вода 200 руб.; освѣщеніе 80 руб.; прислуга, прачка и мытье бѣлья 280 руб.; платье и бѣлье 360 руб.; книги и письменныя принадлежности 250 руб.; столъ, чай, сахаръ, кофе и бѣлый хлѣбъ 1,200 руб.; докторъ и аптека 250 руб.; на извощиковъ 180 руб.; домашній ремонтъ 100 руб.; воспитаніе дѣтей 300 руб. На непредвидимые расходы 300 руб. Итого 4,200 руб.»

Профессоръ **Кавелинъ** не говоритъ, насколько именно, по мнѣнію его, должно увеличить содержаніе профессоровъ; но относительно необходимости улучшить матеріальное положеніе ихъ, въ его замѣчаніяхъ мы находимъ слѣдующее:

«Одно изъ существенныхъ великихъ золъ теперешняго положенія профессора заключается въ томъ, что матеріальное положеніе его одно изъ самыхъ печальныхъ, участіе въ университетскомъ управленіи и дѣлахъ только кажущееся, а не дѣйствительное, почему и трудно привязаться ему къ своему университету всею душею; въ замѣнъ того, профессоръ есть чиновникъ, котораго честолюбіе или, правильнѣе, чинолюбіе можетъ развиваться широко. Изъ скромнаго труженика, котораго честь и слава должны бы сосредоточиться на занятіи наукою, на усовершенствованіи своего курса, на дѣятельномъ участіи въ развитіи и процвѣтаніи университета, съ которымъ онъ такъ тѣсно связанъ, профессоръ, вслѣдствіе теперяшняго своего положенія, неминуемо долженъ обратиться въ искателя средствъ существованія, въ чиновника по учебной части, какъ его и называютъ въ разныхъ министерскихъ предписаніяхъ прежняго времени, наконецъ, въ искателя чиновъ и другихъ служебныхъ отличій, какъ необходимаго условія для того, чтобъ современемъ улучшить свое матеріальное положеніе. Профессура есть своего рода монашескій обѣтъ, который допускаетъ своего рода отличія и почести, но совсѣмъ инаго свойства, чѣмъ тѣ, которыя принадлежатъ по праву органамъ бюрократіи. Единственная сфера профессора — наука, каѳедра, университетъ, — сфера скромная, но въ то же время безконечно широкая для призванныхъ. Единственное, что нужно профессору — это чтобъ заботы матеріальныя не отвлекали его отъ университета, чтобъ онъ имѣлъ, подъ старость, когда силы ему измѣ-

нятъ, надежду на вѣрный и спокойный кусокъ хлѣба, и чтобы судьба его семейства, послѣ его кончины, не тревожила его. Больше ему ничего не нужно Кто ищетъ бòльшаго, тому не для чего быть профессоромъ, тотъ будетъ полезнѣе на другихъ поприщахъ, которыхъ такъ много.

«Чтобъ поставить профессоровъ въ ихъ надлежащую колею, чтобъ вывести ихъ изъ теперешняго не нормальнаго положенія, имѣющаго вредное вліяніе на наши университеты, прежде всего необходимо улучшить ихъ содержаніе, возстановить прежній пенсіонный уставъ по учебной части, дѣйствовавшій до 6-го ноября 1852 года, но въ то же время лишить ихъ права на чины и всѣ другія служебныя отличія, и только оставляющимъ професcуру и переходящимъ въ гражданскую или военную службу зачитать время, проведенное на каѳедрѣ, въ дѣйствительную службу. При такой обстановкѣ, каѳедры будутъ наполнятся одними дѣйствительно призванными къ наукѣ и преподаванію лицами и эти лица, не развлекаясь ничѣмъ, будутъ заниматься однимъ своимъ дѣломъ.»

Наконецъ, въ замѣчаніяхъ *Русскаго профессора* говорится, что у насъ вознагражденіе профессоровъ и доцентовъ должно быть особенно высоко, потому что иначе никто не пойдетъ искать этихъ должностей. Содержаніе должно быть втрое противъ нынѣшняго или въ $2^1/_2$ раза, если допущены будутъ гонорары. Далѣе онъ такъ представляетъ участь профессора въ Россіи:

«Русскому профессору (исключая развѣ геніальныхъ людей), приходится выбирать или быть мученикомъ или игнорантомъ; но послѣднимъ, до извѣстной степени, будетъ даже (особенно въ провинціи) и благородный мученикъ науки, отъ недостатка въ ученыхъ пособіяхъ, отъ недостатка въ книгахъ и живительномъ обмѣнѣ мыслей. Стало быть, отсталость отъ бѣдности есть неминуемая судьба его, хотя бы онъ весь предался наукѣ и ею только дышалъ. Сверхъ того, онъ заваленъ засѣданіями, испытаніями, комитетами, презентаціями, такъ что, при самой лучшей волѣ, онъ непремѣнно долженъ отстать отъ Европейской науки. Но отсталъ ли онъ отъ Русской науки? Далеко не всегда.»

Всѣ помѣщенныя въ «Замѣчаніяхъ» мнѣнія согласны въ крайней необходимости увеличенія содержанія всѣхъ университет-

скихъ преподавателей, и притомъ въ значительной степени. Впрочемъ, необходимость увеличенія содержанія въ университетѣ прежде еще признана была самимъ правительствомъ, и она сама собою ясно высказывается неимѣніемъ достойныхъ кандидатовъ на многія профессорскія мѣста. Что же касается до размѣра, въ которомъ именно необходимо возвышеніе профессорскихъ окладовъ, то по этому предмету мнѣнія до нѣкоторой степени различны и распадаются явнымъ образомъ на двѣ категоріи. Одни мнѣнія составлены, по крайней мѣрѣ повидимому, независимо отъ настоящихъ цѣнъ на предметы жизненной потребности, другія же выведены на основаніи этихъ цѣнъ. Къ первой категоріи относятся мнѣнія гг. попечителей округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго, ко второй — всѣ остальныя. Мнѣнія первыхъ довольно близки между собою, и, по отношенію къ увеличенію содержанія преподавателей, эти мнѣнія, въ общихъ чертахъ, приблизительно можно представить такъ:

Оклады профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ удвоить; оклады адъюнктовъ и лекторовъ увеличить въ меньшей пропорціи — вполтора или въ $1^1/_4$; старшимъ доцентамъ назначить содержаніе вполовину противъ экстраординарныхъ профессоровъ и почти одинаковое съ окладомъ лектора; окладъ же младшихъ доцентовъ сдѣлать значительно меньше оклада лекторовъ.

Но съ этимъ вообще значительно разнятся остальныя мнѣнія и по размѣру увеличенія содержанія всѣхъ преподавателей, и по взаимному отношенію окладовъ профессоровъ, доцентовъ и лекторовъ.

Въ этихъ мнѣніяхъ содержаніе, приблизительно, половинное противъ экстраординарныхъ профессоровъ и почти одинаковое съ лекторскимъ, полагается *младшимъ* доцентамъ, а не *старшимъ*, какъ въ мнѣніяхъ 1-й категоріи, вслѣдствіе чего содержаніе младшихъ доцентовъ выходило бы совершенно недостаточнымъ для потребностей жизни (400 — 600) и почти вдвое меньше лекторскаго. Признавая необходимость, назначеніемъ достаточнаго оклада, обезпечить за младшими доцентами возможность посвятить все время наукѣ и университету и поставить ихъ не ниже лекторовъ, мы находимъ нужнымъ принять мнѣніе 2-й категоріи и предложить содержаніе младшимъ доцентамъ вполовину противъ оклада экстраординарныхъ профессоровъ. За тѣмъ, сравнивая въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ 2-й категоріи предлагаемые оклады для прочихъ преподавателей въ уни-

верситетѣ, мы замѣчаемъ, что, среднимъ числомъ, оклады ординарныхъ профессоровъ выходятъ на одну треть больше экстраординарныхъ, содержаніе же старшихъ доцентовъ составляетъ среднее между окладами экстраординарныхъ профессоровъ и младшихъ доцентовъ: это мы и полагаемъ принять за основаніе при разсчетѣ содержанія различныхъ преподавателей въ университетѣ. За тѣмъ, чтобы назначить размѣры этихъ содержаній, намъ остается только рѣшить: какъ велико должно быть высшее профессорское содержаніе, — содержаніе, которое, послѣ многихъ лѣтъ и усиленныхъ трудовъ, можетъ имѣть въ виду молодой человѣкъ не безъ особенныхъ способностей, отказываясь отъ всякой другой карьеры для образованія изъ себя достойнаго представителя какой-либо науки. По этому предмету, какъ мы уже видѣли, мнѣнія 1-й категоріи также значительно разнятся со 2-й, и въ этомъ случаѣ мы также считаемъ необходимымъ предпочесть послѣднія, какъ составленныя на основаніи разцѣнки необходимыхъ предметовъ жизненной потребности, и по которымъ было бы недостаточно только удвоить содержаніе профессоровъ, какъ это полагается въ мнѣніяхъ 1-й категоріи, а необходимо усилить въ большей степени. Изъ вышеприведенныхъ смѣтъ расходовъ видно, что при цѣнахъ Петербургскихъ, напримѣръ, для жизни сколько-нибудь удобной и при семействѣ еще не очень многочисленномъ, нужно профессору въ годъ до 5,000 р., и что для пониженія бюджета расходовъ до 3,000 р., какъ подробно показано въ мнѣніи профессора Горлова, профессору необходимо обречь себя на лишенія весьма чувствительныя. По этому, если въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ, нужно отказаться отъ мысли сдѣлать положеніе профессора вполнѣ обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, назначивъ ему, при высшемъ окладѣ, 5,000 р. содержанія, то, съ другой стороны, въ видахъ обезпеченія университета преподавателями вполнѣ достойными и въ полномъ комплектѣ, нельзя ограничивать его оклада только 3,000 р., не вполнѣ достаточными для жизни сколько-нибудь удобной. А потому, кажется, необходимо будетъ принять среднее изъ этихъ двухъ чиселъ: 4,000 р., что предполагаетъ увеличеніе содержанія профессора почти въ $2\frac{1}{2}$ раза, — слѣдовательно, почти въ той же степени, какъ это было сдѣлано въ 1835 году, когда вмѣсто 2,000 р. асс. назначено было 5,000 р., и въ степени, быть можетъ, меньшей той, въ которой вздорожали съ

тѣхъ поръ, среднимъ числомъ, всѣ предметы жизненныхъ потребностей. При окладѣ ординарнаго профессора въ 4,000 р., по вышеприведенному разсчету, оклады прочихъ преподавателей, въ круглыхъ числахъ, должны быть такіе:

Экстраординарному профессору 2,600 р., старшему доценту 2,000 р., младшему доценту и лектору по 1,300 р.

Это выведено нами было собственно для Петербурга. Переходя къ штатамъ другихъ университетовъ, мы должны рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли назначить во всѣхъ университетахъ однообразные оклады или нѣтъ? Всѣ, касавшіеся этого предмета, единогласно признаютъ необходимость уравненія окладовъ во всѣхъ университетахъ, и въ подтвержденіе этого мнѣнія совѣтъ Казанскаго университета приводитъ такія соображенія:

«Нельзя не замѣтить, что назначеніе преподавателямъ въ провинціальныхъ университетахъ окладовъ, по крайней мѣрѣ, равныхъ со столичными, необходимо для поднятія первыхъ. Столицы сами по себѣ представляютъ матеріальныя и нравственныя выгоды, вслѣдствіе которыхъ ихъ университеты всегда будутъ богаче преподавателями. Назначеніе послѣднимъ въ столицѣ бо̀льшихъ окладовъ будетъ увеличивать нарушеніе равновѣсія, въ ущербъ университетовъ провинціальныхъ.» Принимая это во вниманіе, нельзя не признать необходимости вышепоказанные оклады преподавателей оставить безъ измѣненія для всѣхъ университетовъ.

До сихъ поръ, говоря о содержаніи преподавателей въ университетѣ, мы не обращали вниманія на то, сколько будетъ ему выдаваться въ видѣ *жалованья* и сколько въ видѣ *столовыхъ* и *квартирныхъ*; такъ какъ собственно для преподавателя, состоящаго на службѣ только въ университетѣ, все равно, подъ какимъ бы наименованіемъ ни выдавались ему деньги, необходимыя для его существованія. Но отъ этого, главнымъ образомъ, зависитъ размѣръ его пенсіона, такъ какъ въ пенсіонъ обращается только *жалованье*. По этому, рѣшеніе того, какую часть профессорскаго оклада выдавать въ видѣ *жалованья* и какую въ видѣ *столовыхъ* и *квартирныхъ*, зависитъ отъ опредѣленія, какую именно часть оклада профессора слѣдуетъ оставлять ему въ пенсіонъ по выслугѣ полнаго срока. Принимая въ соображеніе, что для занятія каѳедры въ университетѣ требуются и особенныя

способности, и особенное приготовленіе; что человѣкъ, вступившій на это поприще, открекается навсегда отъ другихъ, а между тѣмъ, черезъ 25 лѣтъ самой добросовѣстной и полезной службы, онъ, бо̀льшею частію, увольняется, и нерѣдко отъ того только, что самъ же успѣлъ приготовить себѣ достойнаго преемника, мы приходимъ къ убѣжденію, что, увольняя подъ конецъ жизни такого человѣка, въ матеріальномъ положеніи его не слѣдуетъ дѣлать значительнаго стѣсненія, какъ это было бы при назначеніи ему пенсіона, значительно меньшаго противъ получаемаго имъ на службѣ содержанія. На основаніи этого, мы полагаемъ, что по крайней мѣрѣ $^3/_4$ полнаго его оклада должны выдаваться ему въ видѣ жалованья, а затѣмъ остальная четверть можетъ выдаваться подъ названіемъ *столовыхъ* и *квартирныхъ*, изъ которыхъ первыя, согласно съ предлагаемыми окладами совѣтомъ Казанскаго университета, приблизительно можно принять вполтора противъ послѣднихъ. По этому разсчету и дѣлая необходимыя округленія въ числахъ, мы составили слѣдующую таблицу содержанія преподавателей университетовъ:

	Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.
	руб.	руб.	руб.	руб.
Ординарному профессору.	3,000	600	400	4,000
Экстраординарному профессору. . . .	2,000	350	250	2,600
Старшему доценту	1,500	300	200	2,000
Младшему доценту и лектору	1,000	175	125	1,300

Что касается до прибавочнаго жалованья ректору, проректору, декану, членамъ правленія, секретарямъ факультетета, а также жалованья библіотекарю, помощнику его, синдику (если онъ будетъ), казначею, бухгалтеру, экзекутору и секретарю совѣта, то относительно этого въ замѣчаніяхъ предлагаются различныя числа, вообще болѣе или менѣе близкія между собою. Какъ среднее этихъ предположеній, съ нѣкоторыми необходимыми округленіями чиселъ, можетъ представить слѣдующая таблица, которая, по нашему мнѣнію, и должна быть принята при назначеніи содержанія вышепоименованнымъ лицамъ:

	Прибавочнаго жалованья:
	руб.
Ректору .	1,500
Проректору.	1,000
Декану. .	500
Члену правленія	300
Секретарю факультета	200

Жалованье при казенной квартирѣ:

	руб.
Синдику	1,200
Секретарю совѣта	900
Казначею	800
Бухгалтеру	800
Библіотекарю	1,500
Помощникамъ библіотекаря по	1,000
Экзекутору	700
Прозектору	1,200
Лаборанту	1,000

Наконецъ, относительно содержанія прочихъ лицъ, состоящихъ при университетахъ, и суммъ на ихъ различныя учрежденія, я полагаю принять безъ измѣненія мнѣнія совѣтовъ, такъ какъ они одни имѣютъ всѣ нужныя данныя для безошибочнаго заключенія объ этихъ предметахъ.

IV. Объ обязанностяхъ университетскихъ преподавателей.

(Гл. 4, отд. III, §§ 84, 85 и 86).

Испр. долж. адъюнкта Ришельевскаго лицея **Георгіевскаго.**

По проекту общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, преподаватели обязаны: 1) излагать порученный имъ предметъ, согласно съ современнымъ требованіемъ науки, употребляя на это до 8 часовъ въ недѣлю, если того потребуетъ отъ нихъ совѣтъ; 2) руководить другими способами студентовъ въ изученіи ихъ предмета, и 3) исполнять возлагаемыя на нихъ начальствомъ порученія.

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе замѣченная, между прочимъ, профессоромъ Кавелинымъ (I, 90) неопредѣленность выраженія: «преподаватели», такъ какъ оно обнимаетъ собою, по § 70, и приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ, на которыхъ по справедливости нельзя возлагать уставомъ тѣхъ же обязанностей, что и на штатныхъ профессоровъ, и отъ которыхъ можно требовать только того, къ чему они добровольно обязались предъ своими слушателями и факультетомъ. Впрочемъ, по мнѣнію гг. Совѣтова, Менделѣева и Пузыревскаго (I, 204), и приватъ-доценты не должны читать менѣе 2 лекцій въ недѣлю — ограниченіе, которое кажется намъ излишнимъ и которое могло бы быть, по нашему мнѣнію, съ пользою замѣнено другимъ, а именно: что къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцентовъ допускаются только тѣ, которые имѣютъ въ виду прочесть не одну или нѣсколько

лекцій, а читать свой предметъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго семестра.

Противъ обязанности каждаго преподавателя излагать свой предметъ, согласно съ современнымъ требованіемъ науки, никто не сдѣлалъ возраженій, за исключеніемъ архимандрита Саввы и профессоровъ Московской духовной академіи: Делицына, Горскаго и Кудрявцева-Платонова (I, 462), которые, съ одной стороны, опасаются отъ этого постановленія стѣсненій для свободы тѣхъ преподавателей, которые захотѣли бы идти далѣе даннаго состоянія науки, а съ другой — считаютъ нужнымъ предотвратить злоупотребленія и тою свободою, какая будто бы предоставляется преподавателямъ означеннымъ требованіемъ. Такимъ образомъ, они предлагаютъ вмѣнить преподавателямъ въ обязанность «излагать порученный имъ предметъ, согласно съ современными требованіями науки, въ какой мѣрѣ они не противорѣчатъ истинамъ христіанской религіи и основаніямъ нравственности и общественнаго порядка.» Дополненіе это кажется намъ не только совершенно излишнимъ, — такъ какъ истины христіанской религіи и основанія нравственности и общественнаго порядка и безъ того уже достаточно охраняются общими законоположеніями Россійской Имперіи, которыя простираются столько же на преподавателей, какъ и на всѣхъ гражданъ, — но даже и вреднымъ, такъ какъ оно можетъ подать поводъ думать, будто бы истины христіанской религіи и основанія нравственности и общественнаго порядка несовмѣстны со многими результатами современной науки.

Въ отношеніи къ числу часовъ, какое еженедѣльно обязанъ преподаватель употреблять на изложеніе своего предмета, предложены два главныя измѣненія: одно направлено вообще противъ какого бы то ни было точнаго опредѣленія въ этомъ отношеніи, на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ можно положиться на добрую волю самихъ преподавателей, руководимую контролемъ факультета, совѣта и общественнаго мнѣнія*), и что всякое такое опредѣленіе повело бы къ тому, что никто изъ преподавателей не сталъ бы читать болѣе положеннаго уставомъ числа часовъ, тогда какъ изложеніе нѣкоторыхъ предметовъ требуетъ бо̀льшаго времени, и сверхъ того затрудняло бы со-

*) Таково въ сущности мнѣніе г. Ивановскаго I, 73.

вѣтъ всякій разъ, когда бы преподаваніе какого-либо основнаго предмета, прерванное за временнымъ отсутствіемъ, болѣзнію или смертію одного профессора, пришлось поручать другому *). Второе изъ предложенныхъ измѣненій клонится только къ уменьшенію числа часовъ противъ опредѣленнаго проектомъ устава, при чемъ большинство *совѣта Московскаго университета* (I, 257), *совѣтъ университета Казанскаго* (I, 395) и гг. Совѣтовъ, Менделѣевъ и Пузыревскій (I, 204) сошлись между собою въ назначеніи штатнымъ профессорамъ 6 вмѣсто 8 обязательныхъ часовъ въ недѣлю; г. же Спасовичъ (I, 183) утверждаетъ, ссылаясь на опытъ, что профессоръ не въ состояніи приготовить болѣе 3 новыхъ лекцій въ недѣлю, но что эти 3 могутъ стóить старыхъ 12, и предлагаетъ отмѣнить вовсе § 85, опредѣляющій число обязательныхъ для профессора лекцій, тогда какъ г. Пироговъ совѣтуетъ только измѣнить его слѣдующимъ образомъ: «каждый преподаватель обязанъ посвящать чтенію теоретическихъ или практическихъ лекцій столько времени, сколько факультетъ и совѣтъ признаютъ необходимымъ для полнаго и современнаго преподаванія предмета». Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства этого дѣла и взвѣшивая силу приведенныхъ доводовъ, мы съ свой стороны предложили бы: 1) не опредѣлять въ уставѣ обязательнаго для штатныхъ преподавателей числа лекцій въ недѣлю, а предоставить назначеніе этого числа факультетамъ и совѣтамъ, по соглашенію съ самими преподавателями, и 2) внести въ уставъ нормальное число лекцій, а именно: на основаніи большинства мнѣній, по 6 въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы штатные профессоры, читающіе, по собственному желанію, дополнительные курсы и, по опредѣленію совѣта, курсы по другой каѳедрѣ, получали въ первомъ случаѣ гонораріи, а во второмъ — казенное вознагражденіе только за лекціи свыше нормальнаго числа.

Всѣ согласны въ томъ, что обязанность университетскихъ преподавателей не ограничивается только лекціями, и что они должны, сверхъ того, и другими способами руководить студентовъ въ изученіи предметовъ своей каѳедры; но, за исключеніемъ гг. Совѣтова, Менделѣева и Пузыревскаго (I, 205) и г. Гусева (I, 453), никто не счелъ нужнымъ точнѣе опредѣлить, въ чемъ могутъ или должны заключаться эти *другіе*

*) Мнѣнія г. Пирогова I, 16 и г. Делянова I, 227.

способы. Первые изъ названныхъ лицъ ограничиваютъ эти способы назначенiемъ со стороны каждаго преподавателя одного часа въ недѣлю для студентовъ, желающихъ воспользоваться спецiальными совѣтами своихъ наставниковъ. Этого, намъ кажется, было бы недостаточно. Г. Гусевъ идетъ въ этомъ отношенiи далѣе, и считаетъ «правильныя, практическiя занятiя профессоровъ со студентами по каждому главному предмету, извѣстныя въ Германiи подъ названiемъ семинарiй», необходимыми для развитiя въ студентахъ серьезнаго научнаго направленiя, съ чѣмъ, камъ намъ кажется, слѣдуетъ согласиться. Но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что выборъ способовъ руководста студентовъ къ изученiю той или другой науки долженъ быть предоставленъ самимъ преподавателемъ, съ тѣмъ. чтобы объ особыхъ своихъ занятiяхъ со студентами они обязаны были отдавать отчетъ факультетскимъ собранiямъ.

По поводу высказанной въ проектѣ устава обязанности преподавателей исполнять возлагаемыя на нихъ начальствомъ порученiя обнаружилось почти всеобщее опасенiе, чтобы эти порученiя не оказались какъ-нибудь несовмѣстными съ профессорскимъ званiемъ, съ учеными занятiями и обязанностями, при чемъ *совѣтъ Московскаго университета* (I, 257) предлагаетъ вовсе опустить этотъ пунктъ, замѣнивши его обязанностью преподавателей «присутствовать въ засѣданiяхъ совѣта, факультета и правленiя, сообразно съ назначенiемъ каждаго», какъ изложено было въ уставѣ 1835 г.; *совѣтъ Казанскаго университета* (I, 395) замѣняетъ порученiя начальства порученiями совѣта или факультета, такъ какъ порученiя могутъ быть возложены на преподавателей не иначе, какъ при посредствѣ факультета и совѣта; *совѣтъ Харьковскаго университета* (I, 305) ограничиваетъ эти порученiя такими, которыя соотвѣтствовали бы званiю и занятiямъ преподавателей; *совѣтъ университета Кiевскаго* (I, 39) говоритъ только объ ученыхъ порученiяхъ; гг. Сомовъ (I, 124) и Шнейдеръ (II, 99) указываютъ только на необходимость точнѣйшаго опредѣленiя характера этихъ порученiй, и наконецъ, *совѣтъ Ришельевскаго лицея* (II, 60) предлагаетъ такую редакцiю: «профессоръ исполняетъ порученiя, находящiяся въ связи съ его учеными занятiями, по предложенiю совѣта; начальственныя же порученiя возлагаются на него (или, лучше было бы сказать: исполняются имъ) только съ собственнаго его согласiя, не въ ущербъ однако его преподавательскимъ обязан-

ностямъ.» Эта редакція, по своей обстоятельности, кажется намъ наиболѣе удовлетворительною. Не худо, чтобы и посторонніія вѣдомства почаще обращались къ совѣту и помощи ученыхъ спеціалистовъ, которыми обладаютъ наши университеты, зная напередъ и на основаніи самаго устава, что они имѣютъ на то нѣкоторое право.

Въ § 86 проекта, опредѣляющемъ, на какихъ условіяхъ профессоръ можетъ временно занимать двѣ каѳедры, только вопросъ о вознагражденіи его въ такомъ случаѣ подвергся обсужденію, именно со стороны совѣтовъ университетовъ Московскаго и Харьковскаго и попечителя Харьковскаго учебнаго округа г. Левшина. Всѣмъ извѣстно, какъ часто и какъ многія каѳедры въ послѣднее время оставались вакантными и какъ рѣдко и неохотно брались занимать ихъ временно тѣ профессоры, къ которымъ обращались съ такого рода предложеніями совѣты и факультеты. Причина заключалась въ несоразмѣрности вознагражденія труду преподаванія новаго предмета, ввѣряемаго при томъ на болѣе или менѣе короткій срокъ времени. Проектъ устава не устраняетъ этой причины, такъ какъ предоставляетъ вознагражденіе благоусмотрѣнію совѣта, ограничивая его только назначеніемъ мѣры, свыше которой не должно простираться вознагражденіе. А между тѣмъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, весьма полезно было бы устранить причины, препятствующія профессорамъ, способнымъ хорошо преподавать и другіе предметы, занимать временно близко-родственныя имъ каѳедры; во всякомъ случаѣ, лучше ввѣрить временно преподаваніе какого-либо предмета и не совершенному въ немъ спеціалисту, чѣмъ спѣшить замѣщеніемъ каѳедры на цѣлыя 25 лѣтъ безъ предварительнаго достаточнаго удостовѣренія къ совершенной способности вновь избираемаго лица. Во вниманіи къ такому, не совсѣмъ нормальному положенію дѣлъ, которое можетъ однакожь еще продлиться, нельзя не сочувствовать видамъ, которыми руководился *совѣтъ Московскаго университета* (I, 258), предлагая прямо, безъ дальнѣйшаго опредѣленія совѣта, вознаграждать профессора за вторую каѳедру изъ присвоеннаго ей оклада половиною самому ему производимаго жалованья. Предложеніе *совѣта Харьковскаго университета* (I, 305) кажется намъ еще цѣлесообразнѣе: на основаніи его, въ крайнихъ случаяхъ, преподаватель могъ бы занимать двѣ каѳедры на неопредѣленное время, получая за вторую каѳедру вознагражденіе, равняю-

щееся полному окладу его жалованья, если факультетъ засвидѣтельствуетъ, что порученный ему предметъ преподанъ въ надлежащей полнотѣ. Возраженіе г. Левшина (I, 384), будто бы такимъ образомъ «профессоръ сталъ бы отклонять претендентовъ отъ занятія этой каѳедры изъ желанія удержать за собою лишній годъ или два второй полный окладъ,» основано, какъ намъ кажется, на крайнемъ недовѣріи къ нравственнымъ качествамъ не отдѣльныхъ только профессоровъ, но и цѣлыхъ факультетскихъ собраній и университетскихъ совѣтовъ, и на незнаніи, до какой степени, во всякомъ случаѣ, трудно одному преподавателю управляться съ двумя особыми предметами. Мы почли бы болѣе справедливымъ ввести въ предложеніе Харьковскаго университета только то ограниченіе, которое указано было въ нашей первой докладной запискѣ относительно поступленія въ пользу штатныхъ преподавателей гонорарія за дополнительные ихъ курсы, т. е. что вознагражденіе за вторую каѳедру производится по сравнительному разсчету дѣйствительнаго числа лекцій, читаемыхъ профессоромъ по обѣимъ каѳедрамъ, съ нормальнымъ ихъ числомъ, тогда какъ гонорарій за лекціи по второй каѳедрѣ можетъ весь поступать въ пользу преподавателя.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній, послѣдніе три §§ отдѣленія о преподавателяхъ могли бы быть изложены слѣдующимъ образомъ:

§ 84. *Штатные* преподаватели обязаны: излагать порученный имъ предметъ, согласно съ современнымъ требованіемъ науки, руководить другими способами студентовъ въ его изученіи, *отдавая подробный о томъ отчетъ факультетскимъ собраніямъ*, и исполнять *находящіяся въ связи съ ихъ учеными занятіями порученія факультета и совѣта; порученія же начальствъ, какъ своего, такъ и другихъ вѣдомствъ, принимаются ими не иначе, какъ добровольно и не въ ущербъ ихъ преподавательскимъ обязанностямъ.*

Примѣч. Обязанности привать-доцентовъ опредѣляются добровольнымъ ихъ соглашеніемъ съ факультетскими собраніями и съ ихъ слушателями.

§ 85. Штатные преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета *столько* часовъ въ недѣлю, *сколько, на основаніи представленныхъ ими соображеній и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, назначитъ имъ факультетъ, съ утвержденія совѣта. Нормальнымъ числомъ часовъ, для опредѣленія*

мѣры вознагражденія штатныхъ преподавателей за дополнительные курсы и за возложенное на нихъ чтеніе предметовъ по другой каѳедрѣ, постановляется 6 *часовъ въ недѣлю.*

Примѣч. Приватъ-доценты допускаются къ преподаванію не иначе, какъ на все продолженіе семестра.

За тѣмъ долженъ слѣдовать новый параграфъ, напечатанный въ Журналѣ засѣданія ученаго комитета № 5, стр. 5.

§ 86. Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ, и при томъ *на неопредѣленное* время. За вторую каѳедру изъ присвоеннаго ей оклада онъ получаетъ часть производимаго ему самому жалованья, опредѣляемую совѣтомъ, въ соразмѣрности съ тѣмъ числомъ лекцій, которыя онъ читаетъ свыше шести. Сверхъ того, гонораріи по этой второй каѳедрѣ обращается въ его пользу.

Примѣч. При 7 лекціяхъ въ недѣлю по обѣимъ каѳедрамъ профессоръ получаетъ, сверхъ своего жалованья, еще $1/6$ послѣдняго, при 8—$1/3$ при 9—$1/2$, и т. д.

Къ № 10.

I. О ректорѣ и деканахъ.

(Гл. IV, отд. II, §§ 61—69).

Проф. Гельсингфорскаго унив. **Барановскаго**.

Многочисленныя замѣчанія разныхъ критиковъ на это отдѣленіе проекта общаго устава Русскихъ университетовъ относятся: одни — къ вопросу о срокахъ службы ректора и декановъ, другія — къ вопросу о ихъ правахъ и обязанностяхъ. Всѣ единогласно одобряютъ, что ректоръ избирается совѣтомъ, а деканъ — факультетскимъ собраніемъ. Также всѣ согласны въ томъ, чтобы утвержденіе въ должности ректора совершалось Высочайшимъ приказомъ. А кому утверждать выборъ декана? Объ этомъ говорятъ немногіе и своимъ молчаніемъ какъ бы подтверждаютъ мнѣніе проекта; за то всѣ, обратившіе свое вниманіе на этотъ предметъ, выражаютъ мысль, обстоятельно изложенную въ 8-мъ пунктѣ замѣчаній г. сенатора Ребиндера, который говоритъ слѣдующее (I, 60):

«§ 69 предоставляетъ избраніе декановъ подлежащимъ факультетамъ, а утвержденіе — министру. Правило это взято въ цѣлости изъ нынѣшняго устава; но, по моему мнѣнію, внесеніе его въ послѣдній съ отступленіемъ отъ порядка, коимъ избирались деканы по уставамъ университетовъ 1804 года, не оправдывается никакими соображеніями. Безъ всякаго сомнѣнія, члены факультета суть прямые и настоящіе судьи въ дѣлѣ выбора декана; но, съ другой стороны, право одобренія такого выбора должно принадлежать совѣту университета, который есть истинный блюститель общихъ пользъ и судья всѣхъ нуждъ

и потребностей университета. Такъ какъ въ совѣтѣ стекаются всѣ дѣла университета безъ изъятія, и если отъ него зависитъ окончательный выборъ профессоровъ и другихъ преподавателей, то удобно ли производить выборъ декановъ помимо совѣта»?

О самомъ способѣ избранія какъ ректора, такъ и декановъ упоминаетъ въ своихъ замѣчаніяхъ только N. N. (II, 472 и 473), разсматривая § 32 проекта устава. Хотя вопросъ о способѣ избранія и долженъ быть рѣшенъ этимъ параграфомъ; но да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ и отъ себя. Баллотированіе шарами употребительно въ Россіи во многихъ случаяхъ, и потому къ нему привыкли и не поражаются его недостатками; но мнѣ кажется рѣшительно гораздо лучшимъ способъ избранія, употребительный въ Александровскомъ университетѣ, именно — закрытыми записками. Каждый избиратель пишетъ три имени; предсѣдатель избирательнаго собранія, получивши всѣ записки и раскрывая каждую, читаетъ ее громко; чье имя встрѣтится наибольшее число разъ, тотъ—при избраніи ректора—избранъ въ ректоры; получившій за тѣмъ наибольшее число голосовъ избранъ въ проректоры, а слѣдующій по немъ — въ кандидаты, т. е. въ случаѣ, еслибы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ одинъ изъ первыхъ двухъ избранныхъ не могъ исполнять своей должности, то есть ему готовая замѣна, причемъ проректоръ замѣняетъ ректора, а кандидатъ — проректора. У кандидата нѣтъ никакихъ особенныхъ обязанностей, а проректоръ — непремѣнный членъ университетскаго правленія—и только. Такимъ образомъ должность проректора въ Александровскомъ университетѣ существенно отлична отъ должности проректора, сопоставляемой въ проектѣ съ должностью инспектора студентовъ. Если принять тѣ основанія для университетскаго управленія, какія выскажутся ниже, при разсужденіи о дѣятельности ректора и декановъ, то нѣтъ надобности ни въ инспекторѣ студентовъ, ни въ соотвѣтственномъ ему проректорѣ; по этому я считаю полезнымъ ввести у насъ не только испытанно лучшій способъ избранія ректора и декановъ — закрытыми записками, а не баллотированіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и должности проректора и продекана въ этомъ смыслѣ, согласномъ со значеніемъ самыхъ словъ: проректоръ, продеканъ.

Что касается до сроковъ исправленія должности какъ ректора, такъ и декановъ, то рѣшительное большинство мнѣній—въ

пользу двухлѣтняго срока, именно девятеро [1]) полагаютъ двухлѣтній срокъ, двое [2]) — трехлѣтній, одинъ [3]) — годичный и трое [4]) — четырехлѣтній, согласно съ проектомъ устава. Противъ слишкомъ продолжительнаго времени служенія въ должности ректора приводится то, что занятіе этой должности отвлекаетъ отъ профессорства, отъ занятія наукою. Признавая это замѣчаніе основательнымъ, нельзя не желать, чтобы соблюденіе его не лишало университеты болѣе продолжительной дѣятельности людей особенно способныхъ къ администраціи. Дозволеніе избирать въ одну и ту же должность нѣсколько разъ сряду однихъ и тѣхъ же лицъ, конечно, открываетъ эту возможность; но мнѣ кажется и необходимымъ и справедливымъ постановить еще слѣдующія два правила:

1) Опредѣляя выслугу пенсіи, считать каждый годъ службы въ должности ректора или декана за полтора года дѣйствительной службы.

2) Профессорамъ, прослужившимъ полный срокъ для полученія пенсіи, дозволить: a) совмѣстно съ новымъ профессоромъ, преподавать его науку; b) присутствовать когда ему угодно и въ университетскомъ совѣтѣ и въ факультетскомъ собраніи, при чемъ совѣту и факультету предоставляется рѣшать — сохраняетъ ли и надолго ли такой заслуженный профессоръ право рѣшительнаго голоса? c) безусловно сохранить за нимъ право избранія и въ ректоры и въ деканы. Мнѣ кажется, ни для кого не можетъ быть обидно: выслуживъ пенсію и получая ее, оставаясь притомъ на службѣ, видѣть возлѣ себя и начало дѣятельности своего преемника по наукѣ; а для университета очень выгодно — и благовременно получать профессоровъ и пользоваться административными способностями лицъ, заслужившихъ общее уваженіе и довѣріе. Добавочное содержаніе и ректору и деканамъ представляетъ одинаковую сумму въ сложеніи какъ съ жалованьемъ профессора, такъ и съ его полной пенсіей; слѣдовательно, заслуженный профессоръ, занимая по избранію какую-нибудь административную должность, будетъ матеріально обезпеченъ также, какъ и дѣйствительный профес-

[1]) Ч. I., стр. 10, 95, 104, 108, 113, 163, 168, 174, 190.
[2]) Ч. I, стр. 34, 200.
[3]) Ч. I, стр. 301.
[4]) Ч. I, стр. 382; ч. II, стр. 133, 150.

соръ, занимающій ту же должность; а между тѣмъ заслуженному профессору гораздо удобнѣе сосредоточиться на одной административной дѣятельности, уступая свою каѳедру достойному преемнику и не имѣя въ виду обязанности — со временемъ возвратиться къ ней. Въ замѣнъ же выгодъ, предоставляемыхъ дѣйствительному профессору первымъ изъ предлагаемыхъ правилъ, вмѣнить университетскому совѣту и попечителю округа въ обязанность: при окончаніи каждаго служебнаго срока избирательной должности, ходатайствовать у министра о назначеніи заслуженному профессору приличнаго вознагражденія за исправленіе той должности. Самою естественною наградою въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, было бы увеличеніе ежегодной пенсіи въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ для каждаго случая особо.

Сужденіе критиковъ проекта о правахъ и обязанностяхъ ректора и декановъ доказываютъ, что проектъ устава, въ этомъ отношеніи, не полонъ и отчасти содержитъ такія постановленія, точное исполненіе которыхъ невозможно для одного человѣка; таково напримѣръ наблюденіе ректора, «чтобы университетское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности». Г. Пироговъ предлагаетъ ректору наблюдать, «чтобы университетское преподаваніе соотвѣтствовало современнымъ и существеннымъ требованіямъ каждой науки»; но, сознавая, что ректоръ не въ состояніи исполнить эту обязанность, возлагаетъ ее и на всѣхъ декановъ. Преосвященный Антоній требуетъ отъ ректора наблюденія, «чтобы университетское преподаваніе шло въ хорошемъ и полезномъ направленіи и не принимало направленія вреднаго и враждебнаго для правительства, для религіи и нравственности». Большая часть возражателей г. Пирогову находятъ, что предлагаемая имъ задача ректору и деканамъ также неисполнима, какъ и предлагаемая проектомъ устава. Дѣйствительно, нельзя не признать этой истины; но тутъ жалѣть не о чемъ: опредѣливши вполнѣ обязанность ректора, увидимъ, что ему много дѣла и безъ инспекціи за товарищами-преподавателями; а главное — при надлежащемъ устройствѣ университета, въ подобной инспекціи нѣтъ и надобности, и безъ нея достигаются цѣли — не только предложенная проектомъ, г. Пироговымъ и преосв. Антоніемъ, но и всякая благая цѣль, какую можно придумать. Наблюденіе какъ ректора, такъ и декановъ, за преподаваніемъ профессоровъ совершенно излишне и неумѣстно въ университетѣ, если въ немъ: 1) званіе профессора дается только лицамъ

того достойнымъ; 2) если всѣмъ и каждому предоставляется право посѣщать университетскія лекціи какъ даровыя, такъ и оплачиваемыя гонораріемъ, и отзываться объ нихъ внѣ аудиторіи не только изустно, но и печатно; 3) если преподавателямъ университета ставится въ обязанность — о каждомъ сколько-нибудь значительномъ обвиненіи, которое становится общеизвѣстнымъ самому обвиняемому, заявлять по принадлежности — въ факультетскомъ собраніи, или въ университетскомъ совѣтѣ, представляя притомъ непремѣнно и свои объясненія, а факультетское собраніе или университетскій совѣтъ обязаны въ такомъ случаѣ объявлять и, если нужно, печатать свой приговоръ. Мнѣ такой надзоръ кажется самымъ дѣйствительнымъ, потому что гораздо легче *всѣ* могутъ усмотрѣть за однимъ, нежели *одинъ* за всѣми; а въ предлагаемомъ здѣсь порядкѣ — все на свѣту, каждое слово слышно. Такое положеніе, вполнѣ достойное университетовъ, каждаго будетъ побуждать къ внимательности относительно самого себя, и удерживать отъ необдуманнаго слова.

Снимая такимъ образомъ съ ректора и декановъ неисполнимую обязанность, мы бы желали прибавить имъ одну, которая, хотя и совсѣмъ не упоминается въ разсматриваемомъ здѣсь второмъ отдѣленіи четвертой главы проекта однакожь, по моему убѣжденію, должна считаться одною изъ самыхъ существенныхъ обязанностей какъ ректора, такъ и декановъ. Въ объясненіе *этой* обязанности, естественно, входитъ и то мое замѣчаніе, которое я имѣлъ честь высказать въ засѣданіи Ученаго Комитета, по выслушаніи записки г. профессора Спасовича (Журн. № 6, стр. 5).

Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ устава г. Стасюлевичъ говоритъ (II, 109) о необходимости создать академическую жизнь; о томъ же говорятъ: «Современная лѣтопись Русскаго вѣстника» (317), г. Н. Л. (369), Дмитріевъ (428) и обстоятельнѣе всѣхъ — Цункъ (457, 458, 461). То̀, что̀ въ этихъ замѣткахъ выражается въ видѣ желанія, или доказывается какъ необходимое, существуетъ въ Императорскомъ Александровскомъ университетѣ какъ живая дѣйствительность, польза которой утверждается многолѣтнимъ опытомъ, сознается и высоко цѣнится и общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ. Правда, такое положеніе тамъ выработалось медленнымъ развитіемъ; у насъ же, оно, разомъ вызываемое къ жизни, можетъ принять по разнымъ университетамъ свои мѣстныя отличія; но уставъ не

долженъ противиться такому естественному развитію, а долженъ только способствовать ему, опредѣливши одни главныя, существенныя основанія.

По нашимъ понятіямъ, университетъ состоитъ изъ всѣхъ преподавателей и изъ всѣхъ постоянныхъ слушателей; даже болѣе: окончаніе университетскаго курса ученія, выдержаніе экзамена, пріобрѣтеніе степени — все это не отдѣляетъ бывшаго слушателя отъ университета, если онъ самъ, продолжая заниматься наукою, не оставляетъ университета, или если не будетъ признанъ недостойнымъ состоять при немъ. Разумѣется, въ дѣйствительности, изъ окончившихъ курсъ молодыхъ людей остаются при университетѣ только тѣ, которые посвящаютъ себя ученой, или учебной дѣятельности, или же готовятся къ экзаменамъ на высшія ученыя степени. Постоянное нахожденіе между студентами такихъ болѣе зрѣлыхъ умовъ дѣйствуетъ благотворно на молодежъ и составляетъ естественное соединительное звено между профессорами и студентами; а при такой связи между ними, университетская жизнь, направляемая надлежащимъ образомъ, не можетъ принимать того безпокойнаго характера, который пугаетъ многихъ и вооружаетъ ихъ противъ унивреситетовъ вообще.

Университетъ состоитъ изъ преподавателей и слушателей; послѣдніе дѣлятся на студентовъ и не студентовъ. Студентами называются молодые люди, доказавшіе посредствомъ экзаменовъ, что имѣютъ общее образованіе и, слѣдовательно, право экзаменоваться прямо на ученую степень и притомъ объявившіе о своемъ намѣреніи состоять при университетѣ для изученія наукъ, для своего дальнѣйшаго умственнаго образованія. Всѣ студенты, также какъ и преподаватели, принадлежатъ къ разнымъ факультетамъ университета; вольные слушатели, допускаемые закономъ къ слушанію лекцій, могутъ быть допускаемы къ прочимъ проявленіямъ университетской жизни не иначе, какъ съ согласія того университетскаго общества, къ которому они желаютъ принадлежать — будетъ ли то факультетъ, или особое ученое общество, учрежденное при университетѣ.

Кромѣ засѣданій университетскаго совѣта, собирающагося по приглашенію ректора, и кромѣ факультетскихъ собраній, собирающихся по приглашенію декана, необходимо установить факультетскія и дозволить университетскія *сходки*.

Каждый факультетъ, въ полномъ составѣ его преподавателей и слушателей, собирается каждую недѣлю въ опредѣленный день и часъ, въ опредѣленномъ помѣщеніи, подъ предсѣдательствомъ декана, или продекана, — для разсужденій о вопросахъ своей факультетской жизни, каковы: изложенія тѣхъ, или другихъ положеній науки; чтеніе сочиненій, предполагаемыхъ для печати; разсужденія и упражненія педагогическія, а также — разсужденія о библіотекѣ факультета, о пособіи нуждающимся товарищамъ, о собраніи средствъ на факультетскіе расходы и объ ихъ правильномъ употребленіи; выборы факультетскихъ должностныхъ лицъ—*куратора* и библіотекаря; допущеніе новыхъ лицъ къ присутствію на сходкахъ; судъ надъ товарищами за проступки нестолько важные, чтобы необходимо было доводить ихъ до общаго университетскаго суда и т. д. Уже изъ этого бѣглаго перечисленія предметовъ для факультетскихъ сходокъ можно видѣть, что подобные сходки должны быть для бо̀льшей части привлекательны и непрѣменно выразятъ благотворное вліяніе на духъ университетской молодежи. При существованіи этихъ сходокъ, при взаимномъ надзорѣ товарищей другъ за другомъ, при подчиненіи всего факультета декану и всего университета — ректору, при существованіи университетскаго суда, смѣло можно выказать полное довѣріе къ молодымъ людямъ, живущимъ не въ закрытыхъ стѣнахъ конгрегаціи, а среди общества, въ мірѣ, и собирающимся только во имя науки, съ должнымъ уваженіемъ и къ закону, и къ своимъ преподавателямъ, и къ товарищамъ, и къ цѣлому обществу, съ любовію къ университету. Такое общество взрослыхъ учащихся не нуждается въ особенномъ надзорѣ спеціальнаго надзирателя, ка̀къ бы его ни называли—инспекторомъ, оберъ-педелемъ, или проректоромъ. Надо предоставить совѣтамъ отдѣльныхъ университетовъ составить положеніе для своихъ факультетскихъ сходокъ, а этимъ сходкамъ — право по усмотрѣнію назначать плату за исполненіе должностей факультетскаго куратора и библіотекаря. Кураторъ, избираемый всѣми членами факультета, обязанъ не только присутствовать на всѣхъ сходкахъ своего факультета и вести имъ протоколъ, но и вообще вѣдаетъ всѣ дѣла по факультетскимъ сходкамъ, какъ отвѣтственное лице и передъ своими избирателями и передъ своимъ деканомъ, вообще передъ факультетомъ. Факультетская библіотека состоитъ преимущественно изъ учебныхъ пособій по фа-

культетскимъ наукамъ и изъ книгъ, выдаваемыхъ студентамъ для временнаго пользованія.

На факультетскія собранія и на факультетскія сходки было бы очень кстати возложить завѣдываніе стипендіями студентовъ, т. е. предоставлять въ ихъ распоряженіе какъ штатныя суммы, отпускаемыя на этотъ предметъ, такъ и всѣ суммы, какія факультетъ будетъ для той же цѣли собирать изъ опредѣленныхъ ли взносовъ, или изъ добровольныхъ пожертвованій, или за публичныя лекціи, концерты и т. п. Въ опредѣленные сроки деканы должны ежегодно предоставлять университетскому совѣту добровольный отчетъ о стипендіяхъ и пособіяхъ, выданныхъ факультетомъ въ теченіе прошедшаго года и предназначенныхъ на будущій годъ. Кромѣ того, разумѣется, могутъ быть стипендіи и пособія, назначаемыя университетскимъ совѣтомъ.

Независимо отъ факультетскихъ сходокъ, могутъ быть случаи, когда необходимо общее университетское собраніе, общая сходка преподавателей и студентовъ всѣхъ факультетовъ. Для такихъ собраній не только необходимо согласіе ректора, но онъ долженъ непремѣнно въ нихъ участвовать, также какъ и проректоръ, всѣ деканы съ продеканами, всѣ кураторы и правитель университетской канцеляріи. Какъ подобныя университетскія сходки могутъ случаться рѣдко и только въ случаѣ надобности, то ректоръ университета обязанъ о назначеніи подобной сходки увѣдомлять попечителя округа, извѣщая его не только о времени и мѣстѣ, но и цѣли собранія. Попечителю же предоставляется право—не только самому присутствовать на сходкѣ, но и приглашать туда до пяти особъ по собственному усмотрѣнію; но ни попечитель, ни приглашенные имъ гости не участвуютъ своимъ голосомъ въ засѣданіи университетской сходки.

Факультетскія библіотеки, естественно, находятся въ помѣщеніи, назначенномъ для факультетскихъ сходокъ. Студентамъ дозволяется приходить туда для чтенія періодическихъ изданій, выписываемыхъ факультетами; въ часы, когда нѣтъ сходокъ, тутъ могутъ встрѣчаться студенты разныхъ факультетовъ также, какъ они встрѣчаются и въ университетскихъ залахъ вообще; но въ такихъ случаяхъ, т. е. внѣ времени, положеннаго для сходокъ, должно оставлять студентовъ безъ всякаго надъ ними надзора: къ молодымъ людямъ, занимающимся наукою, должно имѣть довѣрія, по крайней мѣрѣ столько же, какъ во-

обще къ людямъ. При такомъ устройствѣ университетской жизни, скорѣе всего можетъ выработаться серьезное стремленіе къ занятію науками и время студенчества будетъ хорошимъ приготовленіемъ къ жизненной дѣятельности.

На основаніи этихъ соображеній и принимая во вниманіе замѣчанія на параграфы проекта устава о ректорѣ и деканахъ *), я предлагаю слѣдующую редакцію II-го отдѣленія IV главы проекта:

§ 1. Ректоръ избирается совѣтомъ на два года изъ ординарныхъ или заслуженныхъ профессоровъ университета и утверждается въ званіи Высочайшимъ приказомъ.

§ 2. Какъ представитель университета, ректоръ сносится съ другими властями и вѣдомствами, хранитъ большую университетскую печать, вскрываетъ поступающія въ университетъ бумаги. Правитель и секретари университетской канцеляріи непосредственно подчинены ректору.

§ 3. Ректоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ собранія университетскаго совѣта, университетскаго правленія и университетскихъ сходокъ и предсѣдательствуетъ въ нихъ, а также присутствуетъ въ университетскомъ судѣ.

§ 4 (66). Вмѣстѣ съ однимъ изъ декановъ, по принадлежности, ректоръ подписываетъ выдаваемые отъ университета дипломы.

*) Замѣчанія эти распредѣляются по параграфамъ проекта слѣдующимъ образомъ:

На § 61: ч. I, стр. 10, 34, 95, 104, 108, 113, 163, 168, 174, 190, 200 301, 382; ч. II, стр. 133, 150.

» » 62: ч. I, стр. 11, 80, 108, 113, 163, 168, 174, 190, 201, 301, 382, 393; ч. II, стр. 33, 45, 68, 98, 324, 437, 463.

» » 63: ч. I, стр. 80, 104, 108, 113, 147, 163, 168, 174, 190, 202, 253, 393; ч. II, стр. 33, 134, 404, 477.

» » 64: ч. I, стр. 11; ч. II, стр. 58, 133.

» » 65: ч. I, стр. 202, 302.

» » 66: ч. I, стр. 302, 382.

» » 67: ч. I, стр. 108, 113, 168, 174, 190, 202, 241, 253, 303, 382, ч. II, стр. 46, 58.

» » 68: ч. I, стр. 174, 254, 382, 394; ч. II, стр. 133.

» » 69: ч. I, стр. 11, 34, 60, 80, 95, 104, 108, 113, 164, 168, 174, 190, 202, 251, 254, 303, 382, 391, 394; ч. II, стр. 68, 133, 150, 404, 428—430, 477.

§ 5. Ректоръ опредѣляетъ и увольняетъ чиновниковъ университетской канцеляріи, кромѣ правителя, избираемаго совѣтомъ; даетъ преподавателямъ отпуски: на вакаціонное время, или на короткія сроки — до двухъ недѣль — собственною властію, въ прочихъ случаяхъ — съ разрѣшенія совѣта.

§ 6. Зависящимъ отъ него чиновникамъ, а также студентамъ и вольнослушателямъ ректоръ въ правѣ дѣлать выговоры; о неисправности, или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей сообщаетъ по принадлежности университетскому совѣту, или факультетскому собранію. Объ отличныхъ же представляетъ начальству, ходатайствуя о ихъ награжденіи.

§ 7. Въ случаѣ болѣзни, или отлучки ректора, должность его исправляетъ проректоръ, избираемый и утверждаемый одновременно съ ректоромъ и обязанный присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ университетскаго правленія.

§ 8. Деканы избираются своими факультетами на два года изъ профессоровъ и утверждаются университетскимъ совѣтомъ. сзываютъ факультетскія собранія и предсѣдательствуютъ въ нихъ, предсѣдательствуютъ на еженедѣльныхъ сходкахъ, наблюдаютъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ какъ въ собраніяхъ, такъ и на сходкахъ, завѣдываютъ пріемомъ и выпускомъ студентовъ и выдачею законныхъ свидѣтельствъ. Въ случаѣ болѣзни, или отлучки декана, должность его исправляетъ продеканъ, избираемый и утверждаемый вмѣстѣ съ деканомъ.

§ 9. Какъ ректоръ, такъ и деканы пользуются добавочнымъ окладомъ по штату; время же служенія въ должности ректора или декана считается одинъ годъ за полтора. И ректоръ и деканы въ правѣ уступать часть своихъ лекцій, а также обязанность экзаменатора кому-нибудь изъ младшихъ преподавателей. Такая уступка дѣлается съ согласія факультетскаго собранія и университетскаго совѣта, которыя опредѣляютъ мѣру денежнаго вознагражденія за такой викаріатъ.

При этой редакціи удержанъ безъ перемѣны только одинъ § проекта, именно 66-й; два совершенно исключены, именно 64 и 67. Въ 64 § говорится: «ректоръ, по усмотрѣнію надобности, можетъ предсѣдательствовать въ факультетскихъ собраніяхъ.» Но какъ подобной надобности усмотрѣть невозможно, то этотъ § падаетъ самъ собою. Совѣтъ Ришельевскаго лицея требуетъ отмѣны этого §, на томъ основаніи, что «предсѣдательство въ факультетскихъ собраніяхъ предоставлено дека-

намъ, и слѣдовательно ректоръ на предсѣдательство въ этихъ собраніяхъ не долженъ имѣть права». Почти всѣ двѣнадцать замѣчаній на § 67 предоставляютъ только поправки въ его редакціи (ч. I, стр. 108, 113, 168, 174, 190, 201, 253 и 303), нѣкоторыя требуютъ отъ него бо̀льшей точности, опредѣлительности (ч. II, стр. 58), немногіе считаютъ его излишнимъ (ч. I, стр. 147, 241 и 382). Я полагаю, что, при точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей ректора, не остается такихъ безотлагательныхъ случаевъ, когда бы ректору могло понадобиться превышать свою власть, по § 67; ректору надо предоставить такую полноту власти, чтобы онъ могъ, не превышая ее, дѣлать все необходимое для пользы университета, ввѣреннаго его управленію. Остальные шесть §§ проекта: 61, 62, 63, 65, 68 и 69 болѣе или менѣе измѣнены и пополнены и одинъ параграфъ (послѣдній) прибавленъ новый.

II. О стипендіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

(Гл. V, отд. III, §§ 112 — 114).

Испр. должн. экстраорд. проф. С.-Петербургскаго унив. **Андреевскаго**.

Въ проектѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, относительно стипендій и единовременныхъ пособій *), предложены слѣдующія начала:

1) Различаются стипеніи штатныя отъ стипендій нештатныхъ и единовременныхъ пособій тѣмъ: а) что первыя, штатныя стипендіи, назначаются изъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ для этой цѣли государственнымъ казначействомъ, а вторыя, нештатныя стипендіи и единовременныя пособія, назна-

*) *Главы V, Отд. III, стр. 112.* «Отличные по способностямъ и успѣхамъ недостаточные студенты могутъ получать стипендіи въ столичныхъ университетахъ до 250 р., а въ прочихъ — до 200 р. въ годъ, изъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ для сей цѣли государственнымъ казначействомъ. Окончившіе курсъ наукъ стипендіаты обязаны, если потребуетъ начальство, прослужить по назначенію правительства время, равное тому, въ теченіе коего они пользовались стипендіями».

Ст. 113. «Стипендіатъ, неоказывающій успѣховъ въ наукахъ или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи, съ разрѣшенія попечителя, лишается права на дальнѣйшее полученіе стипендіи, и если совѣтъ признаетъ нужнымъ, увольняется изъ университета безъ возвращенія полученныхъ имъ стипендій».

Ст. 114. «Кромѣ стипендій штатныхъ, университетамъ предоставляется производить студентамъ стипендіи и единовременныя пособія изъ суммъ сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ. Правила относительно размѣра и научныхъ основаній для выдачи такихъ стипендій и пособій составляются университетскимъ совѣтомъ и утверждаются попечителемъ».

чаются изъ суммъ сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ; б) что первыя, штатныя стипендіи, должны быть назначаемы на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ (ст. 112), а вторыя, нештатныя стипендіи и единовременныя пособія, назначаются на основаніи правилъ, составляемыхъ университетскимъ совѣтомъ и утверждаемыхъ попечителемъ; в) что для штатныхъ стипендій опредѣленъ въ уставѣ размѣръ, выше котораго онѣ не могутъ быть назначаемы (250 р. въ столичныхъ и 200 р. въ прочихъ университетахъ), а для нештатныхъ и единовременныхъ пособій размѣръ уставомъ не опредѣляется, и г) что послѣдствіемъ полученія штатныхъ стипендій являются опредѣленныя въ уставѣ обязанности стипендіатовъ (обязанность стипендіата, если потребуетъ начальство, прослужить по назначенію правительства время, равное тому, въ теченіе коего онъ пользовался стипендіею), а для нештатныхъ стипендій и единовременныхъ пособій подобнаго послѣдствія не указывается.

2) Основаніями для назначенія штатныхъ стипендій признаны: отличія студента по способностямъ и успѣхамъ и недостаточность.

3) Основаніями для лишенія стипендіата назначенной ему штатной стипендіи признаются: неоказаніе успѣховъ въ наукахъ и неодобрительное поведеніе.

4) Лишеніе стипендіата штатной стипендіи можетъ явиться только съ разрѣшенія попечителя.

5) Въ случаѣ исключенія штатнаго стипендіата изъ университета, съ стипендіата не взыскивается полученная имъ стипендія.

При сравненіи этихъ началъ съ прежними университетскими уставами 1804 г. и 1835 г., оказывается, что такое раздѣленіе стипендій на штатныя и нештатныя явилось вслѣдствіе существовавшихъ въ прежнихъ уставахъ *) постановленій о казеннокошт-

*) Въ университетскихъ уставахъ 1804 г., кромѣ постановленій о содержаніи казеннокоштныхъ студентовъ (гл. XI, о инспекторѣ и казенныхъ студентахъ), помѣщена (въ гл. I) такая статья:

«Университетъ не откажетъ способствовать желанію благотворителей просвѣщенія, которые назначили или впредь назначить могутъ содержаніе для неимущихъ студентовъ. Таковые воспитанники отличаются име-

ныхъ студентахъ, содержавщихся въ университетѣ на счетъ казны и дававшихъ вслѣдствіе того обязательство прослужить опредѣленное число лѣтъ правительству; когда содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ въ самомъ университетѣ начали замѣнять выдачею имъ опредѣленныхъ стипендій, то при этомъ удержаны были начала обязательныхъ отношеній получающаго такое пособіе студента къ правительству. Коммиссія, составившая проектъ, положила эти начала въ основаніе постановленій о стипендіяхъ, и потому нашла нужнымъ сдѣлать такое различіе между стипендіями штатными и нештатными и единовременными пособіями.

Въ замѣчаніяхъ на проектъ, кромѣ указаній неточности редакціи статей, заключающихъ въ себѣ постановленія о стипендіяхъ, особенно ст. 113, въ которой выраженіе, «съ разрѣшенія попечителя», многіе находятъ необходимымъ замѣнить «по опредѣленію совѣта *)», помѣщены слѣдующія возраженія:

1) Совѣтъ Императорскаго университета св. Владиміра и профессоръ Сомовъ находятъ необходимымъ уничтожить постановленное въ ст. 112 проекта требованіе обязательной службы въ теченіе опредѣленныхъ лѣтъ отъ окончившаго курсъ студента, получавшаго штатную стипендію. Совѣтъ университета св. Владиміра замѣчаетъ (т. I, стр. 41), что обязательная служба привлекаетъ въ стипендіаты не лучшихъ студентовъ, а такихъ, которые или по крайней нуждѣ должны сдѣлать выборъ между стипендіею, соединенною съ обязательною службою, и оставленіемъ университета, или же которые раз-

немъ ихъ благотворителей, доколѣ на содержаніи ихъ пребываютъ, и университетъ употребитъ всѣ способы, отъ него зависящіе, для изъявленія должной блатворителямъ признательности предъ лицомъ общества». (См. 1-е П. С. З. №№ 21498, 21499 и 21500). Въ уставѣ 26 іюля 1835 г. постановленія о казеннокоштныхъ студентахъ изложены въ главѣ VIII, въ положеніи о педагогическомъ институтѣ при университетѣ. (2-е П. С. З. № 8337).

*) Т. I, стр. 114 (профессора Чубинова), 169, 191 (профессоровъ Хвольсона и Патканова), 81 (профессора Каземъ-Бека), 85 (Кавелина), 109 (профессора Березина), 164 (профессора Навроцкаго), 309 (совѣта Харьковскаго университета). Только одно мнѣніе, г. Левшина, попечителя Харьковскаго учебнаго округа, защищаетъ редакцію проекта, требуя предоставить попечителю утвержденіе назначенія и лишенія стипендіи.

считываютъ на то, что правительство обязано будетъ ихъ пристроить по окончаніи курса. Сверхъ сего, нѣтъ никакого сомнѣнія, что перспектива обязательной службы заставляетъ многихъ, даже способныхъ стипендіатовъ, смотрѣть на свои занятія, какъ на ремесло, потому что въ будущемъ для нихъ серьезная научная дѣятельность, по большей части, невозможна. Основываясь на прежнемъ опытѣ, слѣдуетъ замѣтить, что обязательная служба окончившихъ курсъ не только на медицинскомъ факультетѣ, но и на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ обращалась нерѣдко во вредъ правительству. Стипендіаты не всегда оказывались способными преподавателями, и, принужденные нѣсколько лѣтъ преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ, оставались потомъ 25 лѣтъ учителями и часто довольно плохими. За тѣмъ, нѣтъ никакого основанія опасаться, что безъ казеннокоштныхъ студентовъ многія мѣста останутся незанятыми. При огромномъ числѣ бѣдныхъ людей, ищущихъ въ университетахъ образованія, эти опасенія совершенно напрасны, и сколько совѣту извѣстно, правительство само иногда затруднялось въ пріисканіи мѣстъ для стипендіатовъ. Но если имѣть въ виду и потребности службы, то несравненно полезнѣе, вмѣсто постояннаго казеннокоштнаго содержанія, получающаго характеръ жалованья, назначать стипендіи ежегодныя тѣмъ недостаточнымъ студентамъ, которые извѣстны факультетамъ своими занятіями, и раздавать ихъ достойнѣйшимъ соискателямъ, не налагая на нихъ никакихъ обязанностей. При этой системѣ, стипендіи будутъ доставаться возможно бо̀льшему числу лицъ и, составляя поощреніе для людей, ищущихъ серьезнаго образованія, а не казенныхъ мѣстъ, послужатъ лучшимъ средствомъ для замѣщенія послѣднихъ даровитыми бѣдными людьми, которымъ дана будетъ возможность окончить университетское образованіе.»

Г. профессоръ Сомовъ, вполнѣ раздѣляя это справедливое мнѣніе Кіевскаго университета, считаетъ долгомъ въ своемъ замѣчаніи (I, 125) указать на одно обстоятельство, изъ котораго видно, что Государь Императоръ не одобряетъ обязательной службы. На докладѣ министра финансовъ, 23 іюня 1861 года, о преобразованіи института горныхъ инженеровъ, Государь Императоръ собственноручно изволилъ написать: «обязательный срокъ службы вовсе отмѣнить».

Гг. академикъ Струве, инспекторъ училищъ Санктпетер-

бургскаго учебнаго округа Михельсонъ и членъ ученаго комитета Шнейдеръ, не возражая противъ принципа обязательной службы стипендіатовъ, находятъ необходимымъ высказать въ ст. 112 опредѣлительнѣе условія этой обязательной службы. (I, 423; II, 47, 100).

2) Слѣдующія замѣчанія представлены противъ означенныхъ въ ст. 112 основаній, по которымъ можетъ быть назначаема штатная стипендія. Совѣтъ лицея кн. Безбородко [1]), совѣтъ Ришельевскаго лицея [2]), директоръ Московской второй гимназіи г. Авиловъ [3]) и преосвященный Антоній [4]), епископъ Смоленскій, находятъ, что, кромѣ отличія по способностямъ и успѣхамъ и недостаточности, въ ст. 112 должно быть высказано, какъ необходимое условіе для права полученія стипендіи, нравственность и поведеніе студента. Преосвященный Антоній замѣчаетъ, «что хотя въ ст. 113 проекта и сказано, «что стипендіатъ, неоказавшій успѣховъ въ наукахъ, или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи, лишается права на дальнѣйшее полученіе стипендіи», но здѣсь только мимоходомъ упомянуто о поведеніи студентовъ и о томъ, что на него обращается нѣкоторое вниманіе, и оно замѣчается. Но, во-первыхъ, для одобрительнаго поведенія указывается корыстная цѣль, и оно представляется такимъ образомъ нужнымъ и не безразличнымъ для учащихся только, поколику они могутъ нуждаться въ стипендіи. Во-вторыхъ, кто будетъ замѣчать неодобрительное поведеніе стипендіатовъ? Внѣ университета студенты изъемлются отъ всякаго надзора своего начальства и предоставляются полиціи. Значитъ, полиція должна замѣчать за стипендіатами и давать свидѣтельства о ихъ поведеніи.» Едва ли можно согласиться съ этимъ замѣчаніемъ преосвященнаго Антонія: условіе нравственности или поведенія нельзя такъ положительно ставить въ уставѣ, какъ условіе успѣховъ или недостаточности; относительно нравственности можетъ быть поставленно опредѣленіе только такого рода, что безнравственность или дурное поведеніе, сдѣлавшіяся извѣстными, служатъ препятствіемъ для полученія стипендіи.

Г. профессоръ Благовѣщенскій (II, 123), замѣчая, что изъ двухъ главныхъ основаній — хорошихъ успѣховъ и бѣдности, по которымъ ст. 112 указываетъ назначать стипен-

[1]) T II, стр. 2. [2]) Ibid., стр. 62. [3]) Ibid., стр. 43. [4]) Ibid., стр. 439.

діи, нужно отдавать преимущество хорошимъ успѣхамъ передъ бѣдностію, затрогиваетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ могутъ быть обнаруживаемы отличныя способности и успѣхи студента и рѣшаетъ его примѣненіемъ предложенныхъ имъ началъ изданія ученыхъ записокъ при университетѣ. «Само собою разумѣется», говоритъ г. Благовѣщенскій, «что отличными по способностямъ и успѣхамъ студентами, о которыхъ идетъ рѣчь въ 112 §, должны быть признаваемы авторы дѣльныхъ статей, одобренныхъ факультетомъ къ печатанію въ «ученыхъ запискахъ», и молодые люди, удостоенные золотыхъ и серебряныхъ медалей, такъ какъ случается иногда, что онѣ присуждаются студентамъ III и даже II курса. Вотъ кому должны быть назначаемы высшія стипендіи, упоминаемыя въ означенномъ §, а никакъ не тому, кто, вмѣсто настоящихъ правъ для полученія пособія отъ казны, предъявляетъ только свидѣтельство о бѣдности. На университетъ отнюдь не должно смотрѣть, какъ на учрежденіе филантропическое, хотя, съ другой стороны, само собою разумѣется, что, при назначеніи гонорарія и стипендій, должно будетъ обращать вниманіе и на бѣдность получающихъ эти пособія. Университетъ и общество не могутъ равнодушно смотрѣть, какъ молодой талантъ и честное стремленіе къ самообразованію гибнутъ въ борьбѣ съ неотвратимою нуждою».

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Благовѣщенскаго, что бѣдность не можетъ быть главнымъ правомъ ищущаго стипендіи, что напротивъ способности и успѣхи студента должны прежде всего обращать на себя вниманіе при назначеніи ему стипендіи, не могу раздѣлять мнѣнія г. Благовѣщенскаго, что высшія стипендіи могутъ быть предоставляемы только тѣмъ изъ студентовъ, статьи которыхъ будутъ признаны достойными для помѣщенія въ ученыхъ запискахъ: даже еслибы изданіе ученыхъ записокъ и привилось успѣшно, то все могутъ случиться отличные по способностямъ и успѣхамъ студенты, которые, хотя и не помѣстятъ ни одной статьи въ ученыхъ запискахъ, но сдѣлаются извѣстными по своимъ свѣдѣніямъ и занятіямъ факультету и пріобрѣтутъ тѣмъ право на полученіе и высшей стипендіи.

3) Относительно порядка назначенія стипендій, кромѣ замѣчаній большинства лицъ, что окончательное присужденіе стипендій есть дѣло совѣта, гг. Голстунскій (I, 175), Совѣтовъ, Пузыревскій и Менделѣевъ (I, 200) указываютъ,

что дѣлать представленія о стипендіяхъ и другихъ пособіяхъ студентамъ должно быть предоставлено факультетамъ.

4) Относительно опредѣляемаго въ ст. 112 размѣра стипендій г. профессоръ Кавелинъ весьма справедливо замѣчаетъ, что опредѣлять его въ уставѣ не слѣдуетъ, а нужно предоставить ближайшему усмотрѣнію университетовъ (I, 93).

5) Относительно лишенія студента стипендіи въ случаѣ его слабыхъ успѣховъ или неодобрительнаго поведенія, большинство дѣлавшихъ замѣчанія (I, 114, 169, 191) находятъ предоставить рѣшеніе этого не попечителю, какъ предложено въ § 113 проекта, а совѣту университета, и при этомъ гг. Чубиновъ (I, 114), Хвольсонъ (I, 169), Паткановъ (I, 191) вполнѣ согласны съ предлагаемымъ въ 113 ст. постановленіемъ, что если совѣтъ признаетъ нужнымъ уволить стипендіата изъ университета, то онъ увольняется безъ возвращенія полученныхъ имъ стипендій, а г. Могилянскій находитъ необходимымъ при этомъ опредѣлить, должны ли возвратить полученныя отъ университета стипендіи тѣ стипендіаты, которые оставляютъ университетъ до окончанія курса не по причинѣ исключенія ихъ изъ университета, а по собственному желанію; онъ находитъ нужнымъ (II, стр. 62) указать законныя причины оставленія университета, а отъ не представившихъ такихъ причинъ требовать возвращенія полученныхъ стипендій. Г. Мурзакевичъ предлагаетъ § 113, по вопросу о лишеніи стипендій, добавить тѣмъ, что стипендіатъ, не оказавшій успѣховъ въ наукахъ въ теченіе двухъ лѣтъ, долженъ быть лишенъ стипендіи, на томъ основаніи, что, при множествѣ бѣдныхъ и способныхъ студентовъ, продолженіе стипендіи долѣе этого срока будетъ несправедливо (II, 69).

Наконецъ 6) совѣтъ Императорскаго Московскаго университета предлагаетъ къ постановленіямъ о стипендіяхъ прибавить новый §, съ основательностію предположенія котораго нельзя не согласиться:

«Для подготовленія молодыхъ людей къ занятію профессорскихъ каѳедръ, отпускается достаточная, означенная въ штатѣ сумма. Часть ея опредѣляется на стипендіи молодымъ людямъ, оставляемымъ при университетѣ на годъ или на два, а другая часть — на содержаніе молодыхъ людей за границею».

Изъ совокупнаго разсмотрѣнія этихъ замѣчаній можно выве-

сти слѣдующія начала, на которыхъ должны быть основаны въ уставѣ постановленія о стипендіяхъ:

1) Съ назначеніемъ стипендіи не соединять обязательности будущей службы стипендіата, и вслѣдствіе того уничтожить различіе между штатными и нештатными стипендіями, по отношенію къ ихъ послѣдствіямъ.

2) Основаніями для назначенія стипендій и единовременныхъ пособій принять успѣшное занятіе науками и недостаточность вмѣстѣ съ отсутствіемъ обстоятельствъ, удостовѣряющихъ о безнравственности или дурномъ поведеніи; способы, посредствомъ которыхъ можетъ быть получено удостовѣреніе объ успѣшныхъ занятіяхъ науками или о недостаточности студента, не должны быть опредѣляемы въ уставѣ, но предоставлены самимъ университетамъ.

3) Разборы стипендій и сроки ихъ полученія не должны быть опредѣляемы въ уставѣ, но предоставлены опредѣленію самихъ университетовъ.

4) Назначеніе стипендій и единовременныхъ пособій и внимание ихъ должно быть предоставлено исключительно факультетамъ, и утвержденіе назначенныхъ или отнятыхъ факультетами стипендій совѣту университета.

5) Принять предлагаемое Московскимъ университетомъ постановленіе объ особыхъ стипендіяхъ для подготовленія молодыхъ людей къ занятію профессорскихъ должностей.

Такимъ образомъ три §§ проекта, составляющіе 3-е отдѣленіе его V главы, могутъ быть изложены слѣдующимъ образомъ:

§ 112. *Изъ штатныхъ суммъ, отпускаемыхъ университету гасударственнымъ казначействомъ на стипендіи, а также изъ сбора за слушаніе лекцій и другихъ принадлежащихъ университетамъ суммъ, студентамъ недостаточнымъ и съ успѣхомъ занимающимся науками могутъ быть назначаемы, по представленію факультетовъ и съ утвержденія совѣта университета, единовременныя пособія и стипендіи, въ такихъ размѣрахъ и на такіе сроки, какъ найдетъ возможнымъ совѣтъ. Студенту можетъ быть прекращена назначенная ему стипендія, въ случаѣ его слабыхъ успѣховъ, уничтожившейся недостаточности или неодобрительнаго поведенія,—равнымъ образомъ, по представленію факультетовъ и съ утвержденія совѣта.*

§ 113. *Получаемая студентомъ стипендія не связана ни съ какою обязательною, по окончаніи имъ университетскаго курса, службою.*

§ 114. *Кромѣ суммы на стипендіи студентамъ, изъ государственнаго казначейства отпускается университету, означенная въ его штатѣ, сумма на подготовленіе молодыхъ людей къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Часть ея опредѣляется совѣтомъ университета на стипендіи окончившимъ университетскій курсъ и оставляемымъ при университетѣ на годъ или на два года, а другая часть — на содержаніе молодыхъ ученыхъ за границею.*

III. О преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ.

А. Поповицкаго.

17-й параграфъ проекта общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, касающійся преподаванія въ нихъ богословскихъ наукъ, изложенъ слѣдующимъ образомъ:

«Для догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи опредѣляется особая, не принадлежащая ни къ какому факультету, каѳедра для всѣхъ вообще студентовъ православнаго исповѣданія, и другая такая же каѳедра для студентовъ Римско-католическаго исповѣданія, если окажется въ томъ надобность. Профессоръ православнаго богословія преподаетъ и церковное законовѣдѣніе студентамъ юридическаго факультета.»

Параграфъ этотъ вызвалъ со стороны совѣтовъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній и отдѣльныхъ лицъ замѣчанія, касающіяся: во-первыхъ, необходимости преподаванія богословскихъ наукъ въ университетахъ; во-вторыхъ, распредѣленія богословскихъ каѳедръ по факультетамъ, объема богословскихъ программъ и количества преподавателей, нужныхъ для прочтенія въ университетѣ означенныхъ въ проектѣ богословскихъ наукъ.

I.

Замѣчанія, касающіяся необходимости преподаванія богословскихъ наукъ въ университетахъ, подраздѣляются слѣдующимъ образомъ: а) дни рѣшительно отвергаютъ необходимость

преподаванія догматическаго и нравственнаго богословія въ университетахъ; б) другіе допускаютъ преподаваніе этихъ наукъ только для желающихъ; в) третьи, наконецъ, требуютъ обязательнаго слушанія богословія со стороны всѣхъ студентовъ университетовъ. Что касается до церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, то преподаваніе этихъ двухъ наукъ признается необходимымъ всѣми, высказавшими свои мысли по поводу 17 параграфа проекта, за исключеніемъ только совѣта Харьковскаго университета, который и посѣщеніе лекцій по церковной исторіи дѣлаетъ также необязательнымъ.

1) Профессоры Березинъ (ч. I. стр. 107), Чубиновъ (стр. 111), Навроцкій (стр. 162) и адъюнктъ Паткановъ (стр. 188) отвергаютъ необходимость преподаванія богословія догматическаго и нравственнаго въ университетахъ, не объясняя основаній такого мнѣнія.

Профессоръ Кавелинъ (стр. 89) думаетъ, что едва ли нужно преподавать догматическое и нравственное богословіе въ университетахъ, такъ какъ эти предметы съ достаточною полнотою и подробностію проходятся въ гимназіяхъ.

Г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа Деляновъ (стр. 224—225) полагаетъ, что каѳедра богословія не нужна въ университетахъ потому, что молодые люди, вступающіе въ университеты, не готовятся къ духовному сану и знаютъ догматы своей вѣры на столько, на сколько это необходимо для людей, не принадлежащихъ къ духовному званію. Изъ программъ гимназическихъ явствуетъ, что всѣ эти предметы требуются въ объемѣ довольно обширномъ, и затѣмъ нѣтъ, кажется, никакой надобности требовать отъ людей свѣтскихъ познаній болѣе подробныхъ по этой части.

Г. членъ главнаго правленія училищъ Гаевскій (стр. 66) говоритъ только, что надобно обратить ближайшее вниманіе на вопросъ: нужно ли преподавать въ университетѣ догматическое богословіе? преподаваніе же нравственнаго богословія онъ считаетъ необходимымъ.

Профессоръ Лапшинъ (стр. 331) полагаетъ свѣдѣнія въ законѣ Божіемъ, пріобрѣтенныя молодыми людьми до поступленія въ университетъ въ гимназіяхъ, достаточными, чтобы не заботиться болѣе о такомъ предметѣ, познанія въ которомъ и заботливость предшествовавшаго ученія упрочили въ душѣ основныя истины христіанской религіи и поселили нрав-

ственныя убѣжденія, удовлетворяющія требованіямъ и совѣсти и общественныхъ отношеній.

2) Противъ обязательнаго слушанія богословскихъ лекцій въ университетахъ высказываются: г. членъ главнаго правленія училищъ Пироговъ и совѣты Харьковскаго университета и Ришельевскаго лицея.

Г. Пироговъ (стр. 6—7) думаетъ, что «обязательное преподаваніе богословія для всѣхъ не только не предохранитъ учащихся отъ матеріализма и безвѣрія, но и не послужитъ къ распространенію между ними благочестія: это дѣло задушевныхъ и теплыхъ убѣжденій, внушенныхъ съ колыбели, или вызванныхъ изъ души превратностями жизни, а не дѣло науки. Молодые люди, обязанные формально посѣщать лекціи богословія, вносятъ въ изученіе этого предмета то же критическое направленіе и тотъ же скептицизмъ, которые необходимы при занятіи другими науками. Прямое же слѣдствіе анализа и скептицизма, внесенное въ поверхностное занятіе богословіемъ, есть безвѣріе». По этому г. Пироговъ думаетъ, что богословіе должно преподаваться въ университетахъ, неимѣющихъ богословскаго факультета, только какъ вспомогательная наука, или лучше, вмѣсто богословія, должны излагаться въ историко-филологическомъ факультетѣ исторія церкви, а въ юридическомъ каноническое право; недостатокъ же богословскихъ факультетовъ должны замѣнить для насъ семинаріи и духовныя академіи, гдѣ богословіе должно излагаться для посвященныхъ въ полномъ объемѣ.

Совѣтъ Харьковскаго университета приводитъ другія основанія необязательнаго посѣщенія богословскихъ лекцій университетскими слушателями. По его мнѣнію: 1) отдѣлы догматическаго и нравственнаго богословія, а также и церковной исторіи, преподаются въ достаточно-полномъ и законченномъ видѣ въ гимназіяхъ, частныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ и особенно въ семинаріяхъ. 2) Чтеніе въ университетѣ этихъ отдѣловъ богословія въ большемъ объемѣ невозможно: потому что въ этомъ случаѣ отъ студентовъ университета потребовалось бы столько же или и болѣе времени на занятіе богословіемъ, нежели на всѣ другіе предметы университетскаго образованія вмѣстѣ, а какъ программы для преподаванія богословія въ университетахъ, утвержденныя высшимъ духов-

нымъ начальствомъ, слишкомъ обширны, то выполненіе этихъ программъ не можетъ быть соглашено съ потребностями, условіями и характеромъ университетскаго образованія, отчего является необходимость преподавать эти предметы въ такомъ же сжатомъ видѣ, въ какомъ они излагаются въ гимназіяхъ. 3) Существенное содержаніе церковной исторіи входитъ въ преподаваніе Русской исторіи и исторіи Русской литературы; отъ этого нерѣдко происходитъ, что съ трехъ каѳедръ преподается одно и то же, съ различныхъ точекъ зрѣнія. 4) Церковное законодательство должно быть отдѣлено въ юридическій факультетъ, гдѣ оно должно войти въ составъ особой каѳедры каноническаго права. Всѣ эти соображенія приводятъ совѣтъ Харьковскаго университета къ необходимости необязательнаго посѣщенія богословскихъ лекцій студентами университетовъ.

Совѣтъ Ришельевскаго лицея (ч. II, стр. 54) говоритъ, что богословіе, какъ предметъ общаго образованія, не можетъ входить въ составъ курсовъ, распредѣляемыхъ по отдѣламъ факультетовъ; какъ предметъ спеціальный, онъ можетъ найти достойное мѣсто только въ богословскомъ факультетѣ; поэтому если и оставить его въ составѣ университетскихъ курсовъ, то какъ предметъ необязательный, слушаемый только желающими.

3) Необходимость и обязательность преподаванія богословскихъ наукъ въ университетахъ защищаютъ слѣдующія учрежденія и лица:

Совѣтъ Московскаго университета (ч. I, стр. 245 — 247) требуетъ особой каѳедры догматическаго и нравственнаго богословія для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ; другая такая же каѳедра можетъ быть учреждена для студентовъ Римско-католическаго исповѣданія, если окажется въ томъ надобность. Кромѣ того, совѣтъ этого университета считаетъ необходимымъ и преподаваніе церковной исторій и церковнаго законовѣдѣнія, и образуетъ изъ нихъ двѣ отдѣльныя каѳедры: первую — въ историко-филологическомъ факультетѣ, такъ какъ церковная исторія есть важный предметъ для историческаго курса и требуетъ спеціальнаго преподавателя; а вторую — въ юридическомъ факультетѣ, такъ какъ каноническое право или церковное законовѣдѣніе есть предметъ не только богословскій, но и юридическій, притомъ весьма важный для историко-юридическихъ и политическихъ наукъ и тре-

буетъ особаго преподавателя съ спеціальнымъ юридическимъ приготовленіемъ.

Профессоръ Добротворскій (ч. I, стр. 344—345) считаетъ необязательное посѣщеніе богословскихъ лекцій равносильнымъ совершенной отмѣнѣ богословія, и необходимость преподаванія этого предмета въ университетахъ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Примѣръ иностранныхъ университетовъ, гдѣ богословіе не преподается внѣ богословскихъ факультетовъ, не обязателенъ для нашихъ университетовъ: тамъ свои нужды, условливающія своеобразныя явленія. 2) Гимназическое богословское образованіе, какъ элементарное, не можетъ считаться достаточнымъ для современно-образованнаго человѣка. 3) Необходимость высшаго курса богословскаго образованія не дѣлаетъ обязательнымъ для университетскихъ слушателей полнаго богословскаго-факультетскаго или академическаго курса: здѣсь имѣется въ виду подробное, ученое развитіе наукъ богословскихъ, тогда какъ въ университетѣ достаточно научной обработки только однихъ общихъ и существенныхъ пунктовъ въ христіанствѣ. 4) Такое преподаваніе необходимо для университетскихъ слушателей потому, что оно въ связи съ духовными потребностями сознательно развивающагося человѣка; оно уже важно и въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ вопросъ о воспитаніи, преподаваніи и образованіи въ учебныхъ заведеніяхъ.

Г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа Левшинъ (ч. I, стр. 376) не согласенъ съ мнѣніемъ совѣта Харьковскаго университета о необязательности богословской каѳедры: въ 1-хъ, потому, что преподаваніе гимназическое и университетское различны уже по способу научнаго изложенія, примѣняемаго къ возрасту учащихся; во-2-хъ, потому, что каждая наука, признаваемая необходимою для высшаго образованія молодыхъ людей, должна быть обязательна, особенно же наука, составляющая вездѣ коренное основаніе нравственнаго образованія.

Ректоръ и профессоры Московской духовной академіи (ч. I, стр. 462) требуютъ обязательнаго слушанія богословскихъ наукъ въ университетѣ, въ виду религіозно-нравственнаго воспитанія, необходимаго въ университетахъ, кромѣ общаго научнаго образованія.

Авторъ статьи: «*О преподаваніи богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ*», напечатанной въ «Православномъ Обозрѣ-

ніи», требуетъ расширенія круга богословскихъ наукъ въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ видахъ прочнаго и серіознаго образованія въ нашемъ обществѣ (ч. II, стр. 76), въ видахъ сближенія съ народомъ, который подъ образованіемъ всегда разумѣетъ, по преимуществу, религіозное просвѣщеніе (стр. 83) и въ которомъ религія составляетъ самую глубокую, коренную стихію жизни (стр. 84); наконецъ прочное знакомство съ религіею, по мнѣнію «Православнаго Обозрѣнія», необходимо даже для невѣрующихъ, для людей, которые считаютъ нужнымъ въ цѣляхъ просвѣщенія искоренять въ народѣ понятія, внушенныя ему церковію: для того, чтобы взяться съ умѣньемъ за искорененіе этихъ понятій, нужно ознакомиться съ ними (стр. 85).

Г. N. N. требуетъ (ч. II, стр. 469) обязательнаго преподаванія богословія и церковной исторіи для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія; въ противномъ случаѣ, по мнѣнію его, гораздо полезнѣе и цѣлесообразнѣе не назначать каѳедры богословія въ университетахъ.

Наконецъ духовенство Кіевской епархіи (ч. II, стр. 515) считаетъ изученіе религіи преимущественно нужнымъ для юношей, потому что только утвержденіе религіи въ наукахъ и сердцахъ можетъ обуздать пылкія страсти и установить прямое христіанское направленіе силъ душевныхъ, и только основательное изученіе истинъ богословскихъ даетъ возможность различать опасности невѣрія и ересей и знать для себя и для другихъ, на какихъ основаніяхъ зиждется вѣра правая.

II.

Относительно объема богословскихъ программъ въ университетахъ, распредѣленія богословскихъ наукъ по факультетамъ и количества преподавателей этихъ наукъ, въ замѣчаніяхъ на проектъ университетскаго устава высказаны слѣдующія мнѣнія:

Совѣтъ университета св. Владиміра (ч. I, стр. 30) согласенъ съ распредѣленіемъ богословскихъ предметовъ, изложеннымъ въ проектѣ, и съ возложеніемъ преподаванія ихъ на одного профессора.

Профессоръ Андреевскій (ч. I стр. 142) указываетъ на различіе, существующее между церковнымъ и каноническимъ правомъ. Церковное право есть систематическое ученіе о тѣхъ положительныхъ законахъ, истекающихъ отъ верховной государственной власти, которыми опредѣляются права и обязанности гражданъ, какъ членовъ той или другой церкви, того или другаго исповѣданія, допускаемаго въ государствѣ; каноническое же право есть систематическое ученіе о законахъ, истекающихъ отъ церковной власти того или другаго исповѣданія по принадлежности, и внутреннихъ дѣлахъ церкви и объ отношеніяхъ исповѣдующихъ религію къ церкви. Вслѣдствіе этого различія, профессору православнаго богословія можетъ быть ввѣрено преподаваніе только каноническаго права и только православной церкви, а церковное право должно быть преподаваемо профессоромъ-юристомъ на томъ же основаніи, какъ преподаются и другія юридическія науки.

Профессоръ Добротворскій (ч. I, стр. 342) находитъ, что существующія въ настоящее время программы для преподаванія богословія слишкомъ обширны и неудобны для университетскаго образованія, по весьма малому количеству времени, опредѣленнаго для преподаванія богословскихъ наукъ; кромѣ того, со многими изъ предметовъ, обозначенныхъ въ этихъ программахъ, университетскіе слушатели достаточно знакомы изъ гимназическихъ курсовъ. Поэтому, профессоръ Добротворскій считаетъ необходимымъ изъ круга богословскихъ наукъ избирать для чтенія только общіе и важнѣйшіе пункты. Для преподаванія богословія полезно было бы имѣть доцента изъ магистровъ богословія, безъ обязательства непремѣнно быть священникомъ. Онъ замѣнялъ бы профессора въ случаѣ болѣзни и т. п., и устранялъ бы затрудненія въ выборѣ ему преемника, при замѣщеніи вакантной каѳедры.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета (ч. I, стр. 343—344) согласенъ съ мнѣніемъ профессора Добротворскаго относительно чрезвычайной обширности богословскихъ программъ для университетскаго преподаванія и проситъ совѣтъ ходатайствовать о предоставленіи профессору составлять свою программу, соотвѣтственно съ характеромъ университетскаго образованія. Но съ мнѣніемъ о назначеніи особаго доцента по предмету богословія факультетъ не согла-

сенъ, тѣмъ болѣе, что въ юридическомъ факультетѣ образовалась отдѣльная каѳедра каноническаго права.

Съ этимъ мнѣніемъ историко-филологическаго факультета согласенъ и г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа Левшинъ (ч. I, стр. 376).

Преосвященный Макарій (ч. I, стр. 457—459) приводитъ и развиваетъ тѣ же мысли, какія высказаны профессоромъ Добротворскимъ, т. е., съ одной стороны, онъ считаетъ настоящія университетскія программы по предмету богословія слишкомъ обширными, и вслѣдствіе этого совѣтуетъ излагать университетскимъ слушателямъ только важнѣйшіе пункты христіанскаго вѣроученія и нравственности (первые съ опроверженіемъ мнѣній вольнодумцевъ), а также останавливаться съ подробностію только на важнѣйшихъ эпохахъ церковной исторіи и сдѣлать выборъ въ предметахъ церковнаго законовѣдѣнія; съ другой стороны, онъ находитъ полезнымъ дать въ помощь профессору богословія доцента изъ лучшихъ магистровъ богословія, что̀, между прочимъ, дало бы возможность и профессору и доценту давать богословскія лекціи, достойныя университетской каѳедры, и возбуждало бы въ обоихъ благородное соревнованіе къ усовершенствованію своихъ лекцій.

Преосвященный Антоній (ч. II., стр. 436) считаетъ необходимымъ, въ помощь профессору богословія, назначить адъюнкта, на котораго возложить преподаваніе, напр., церковной исторіи, такъ какъ одному преподавать всѣ эти науки удовлетворительно и вести ихъ въ параллели съ другими науками невозможно; назначеніе одного профессора для четырехъ наукъ имѣетъ, по мнѣнію преосвященнаго Антонія, видъ нѣкотораго пренебреженія къ богословской каѳедрѣ.

Профессоръ Павловскій (ч. II, стр. 66), находя весьма труднымъ одному профессору преподавать четыре науки, предлагаетъ раздѣлить ихъ между двумя преподавателями: на одного возложить преподаваніе догматическаго и нравственнаго богословія, а на другаго—преподаваніе церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. Для избѣжанія же увеличенія расходовъ по содержанію университетовъ, вслѣдствіе раздѣленія каѳедры богословія, профессоръ Павловскій предлагаетъ окладъ ординарнаго профессора раздѣлить на двѣ равныя части между обоими преподавателями, что̀ будетъ достаточнымъ вознагражденіемъ

для обоихъ, такъ какъ профессоръ догматическаго и нравственнаго богословія будетъ въ то же время и настоятелемъ университетской церкви (конечно, не безмездно), и профессоръ церковной исторіи и законовѣдѣнія будетъ соединять съ этою должностію обязанности приходскаго священника (также не безмездно).

Совѣтъ *Московскаго университета* (ч. I, стр. 245—247) требуетъ, какъ сказано выше, трехъ отдѣльныхъ каѳедръ богословскихъ наукъ, съ особыми для каждой преподавателями: каѳедры догматичеткаго и нравственнаго богословія для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ; каѳедры всеобщей церковной исторіи и исторіи Русской церкви для историко-филологическаго факультета и каѳедры каноническаго права для факультета юридическаго.

Съ этимъ требованіемъ согласенъ и авторъ статьи: *О преподаваніи богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ* (ч. II, стр. 89—90) съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто догматики (о нравственномъ богословіи авторъ не упоминаетъ вовсе), которая, по мнѣнію автора, должна преподаваться въ 6 и 7 классахъ гимназіи, на богословской каѳедрѣ въ университетѣ прежде всего слѣдовало бы читать *экзегетику*, какъ изслѣдованіе источниковъ богословія (Библіи); за тѣмъ *символику*, науку, занимающуюся сравнительнымъ изученіемъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и наконецъ *апологетику* христіанства, новую науку, возникшую въ Германіи, въ виду современныхъ общественныхъ потребностей.

Ректоръ и профессоры Московской духовной академіи (ч. I, стр. 463) также думаютъ, что общее богословіе или общая христіанская апологетика была бы полезна для бòльшаго распространенія и утвержденія христіанскаго образованія, въ виду усиливающагося не только въ наукѣ, но и въ обществѣ распространенія поверхностныхъ, антирелигіозныхъ мнѣній. Для этой науки могли бы быть сокращены размѣры догматическаго и нравственнаго богословія, если нельзя удѣлить для нея особыхъ часовъ.

Духовенство Кіевской епархіи (ч. II, ст. 519—520) полагаетъ: 1) преподавать положенныя проектомъ науки богословскія въ возможно полномъ объемѣ; 2) на изученіе ихъ употреблять на каждую цѣлый годъ, т. е. полагать одинъ годъ для церковной исторіи, другой—для догматикя, третій—для нрав-

ственнаго богословія; 3) читать богословіе по 4 и по 5 уроковъ въ недѣлю, церковную исторію—по 3 и по 4 урока, церковное законовѣдѣніе—по 2 и по 3 урока; 4) вмѣсто церковной исторіи ветхаго завѣта, прочитать руководство къ чтенію св. писанія и объяснить нѣсколько главъ изъ ветхаго и новаго завѣта; 5) преподать ученіе о богослуженіи.

Г. Гречъ (ч. II, стр. 129—130) находитъ необходимымъ, при преподаваніи каноническаго права, изложить также права и законы другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ Россіи, такъ какъ эти права и законы входятъ въ судебныя и административныя дѣла.

Наконецъ, нѣкоторыми высказано мнѣніе о необходимости учрежденія при университетахъ богословскаго факультета, который служилъ бы лучшимъ средствомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній въ области богословія. Таковы мнѣнія профессора Лапшина (ч. I, стр. 331), совѣта Ришельевскаго лицея (ч. II, стр. 54) и г. Мильчевскаго (стр. 149—150).

Бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа, г. Могилянскій (ч. II, стр. 54) считаетъ съ своей стороны открытіе богословскихъ факультетовъ при всѣхъ университетахъ безполезнымъ, но думаетъ, что было бы прилично учредить одинъ такой факультетъ въ Кіевѣ, какъ колыбели христіанства въ Россіи.

Доказательства, приводимыя противъ необходимости преподаванія богословія въ университетахъ, распадаются на два отдѣла: 1) гимназическое преподаваніе богословскихъ наукъ достаточно для знакомства съ ними; 2) болѣе подробное и полное знаніе ихъ не необходимо для лицъ свѣтскихъ.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ этихъ мнѣній согласиться нельзя. Гимназическія программы закона Божія, ограничивающіяся преподаваніемъ пространнаго катихизиса, фактической исторіи и краткой литургики, составлены въ виду особыхъ потребностей образованія, сообразныхъ съ возрастомъ и развитіемъ учащихся. Гимназическіе воспитанники, рѣдко имѣющіе болѣе 17 лѣтъ при окончаніи курса, по самому возрасту своему, не въ состояніи понимать широкаго научнаго развитія ре-

лигіозныхъ истинъ; поэтому все гимназическое образованіе, по отношенію къ богословскимъ наукамъ, точно также, какъ и ко всѣмъ прочимъ, по необходимости должно быть приготовительное, элементарное; а элементарнаго знанія какой бы то ни было науки, для молодыхъ людей, ищущихъ полнаго, прочнаго образованія, не достаточно. Съ другой стороны, образованіе вообще, если молодые люди желаютъ достигнуть его въ той полнотѣ, какая для нихъ доступна, должно быть одинаково и для лицъ свѣтскихъ, и для лицъ духовныхъ. Особыя потребности духовнаго званія дѣлаютъ только необходимымъ ученое изложеніе *всего состава* богословскихъ наукъ, тогда какъ для университетскихъ слушателей, по требованію проекта, считается достаточнымъ изучить только извѣстную часть богословія. Изъ этого ограниченія, однакожь, вовсе не слѣдуетъ, что лица свѣтскія должны остановиться на элементарномъ курсѣ закона Божія, по гимназической программѣ, и что при вступленіи въ университетъ они должны покончить навсегда съ изученіемъ одной изъ наукъ этой программы, не безъ основанія преподаваемой въ приготовительномъ учебномъ заведеніи. Свѣтскія лица могутъ слушать только *извѣстную часть богословія*, но часть эта должна быть изложена имъ со всей глубиной; ей должно быть дано все развитіе, какого требуютъ нужды высшаго, университетскаго образованія.

Необязательность слушанія богословскихъ лекцій въ университетахъ доказывается въ замѣчаніяхъ также достаточною полнотою гимназическихъ программъ. Къ этому присовокупляется еще то обстоятельство, что университетскія программы богословія, по своей обширности, не могутъ быть выполнены, какъ слѣдуетъ, отчего является необходимость преподавать богословіе въ такомъ же сжатомъ видѣ, какъ и въ гимназіяхъ, а г. Пироговъ присовокупляетъ, что поверхностное и обязательное преподаваніе этой науки ведетъ къ безвѣрію.

На это нельзя не замѣтить прежде всего, что странно предлагать университетскимъ слушателямъ такое же поверхностное изложеніе науки, какое они слышали въ гимназіи, хотя бы и въ необязательномъ видѣ; какая цѣль можетъ соединяться съ необязательнымъ слушаніемъ того же самаго, что университетскіе студенты уже слышали въ гимназіи? Не ясно ли, что такое слушаніе не принесетъ имъ ни малѣйшей пользы и будетъ только напрасною тратою драгоцѣннаго времени? Слѣдова-

тельно, если обширность богословскихъ программъ поневолѣ заставляетъ преподавать богословіе такъ же коротко, какъ оно преподавалось въ гимназіи, то вмѣсто того, чтобы удерживать короткіе, элементарные уроки богословія въ университетѣ, придавъ имъ только пышное титло богословской каѳедры, не лучше-ли совсѣмъ уничтожить ихъ, или поискать средствъ поставить ихъ въ бо̀льшую совмѣстность съ потребностями высшаго образованія? Что же касается до безвѣрія, которое, по мнѣнію г. Пирогова, можетъ возникнуть въ молодыхъ умахъ вслѣдствіе поверхностнаго преподаванія этой науки, то очевидно, что и изъ этой посылки должно сдѣлать выводъ, противоположный сдѣланному г. Пироговымъ. Если поверхностное и обязательное слушаніе богословія влечетъ за собою безвѣріе въ молодыхъ умахъ, вносящихъ критическое направленіе и скептицизмъ въ изученіе всякой науки, то прямое требо̀ваніе здравой логики должно заключаться въ томъ, чтобы богословіе было введено въ кругъ университетскихъ предметовъ не какъ «вспомогательная каѳедра», но какъ предметъ самостоятельный, требующій точнаго *наукообразнаго* развитія, чтобы богословіе преподавалось въ университетахъ съ той глубиной, какая требуется и отъ всѣхъ другихъ наукъ университетскаго курса. А необязательный decorum богословской каѳедры можетъ ли служить противоядіемъ безвѣрія?

Необходимость преподаванія богословія въ университетахъ доказывается въ замѣчаніяхъ на проектъ университетскаго устава, большею частію, весьма разумными основаніями, съ которыми нельзя не согласиться.

Первое мѣсто въ ряду статей, говорящихъ въ пользу удержанія въ университетахъ богословской каѳедры, принадлежитъ автору статьи, напечатанной въ «Православномъ Обозрѣніи». Основанія его мнѣній такъ прочны, выводы такъ послѣдовательны и разумны, что, при разрѣшеніи вопроса о преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ, ихъ не обинуясь можно принять въ соображеніе, и смѣло отбросить основанія, приводимыя другими защитниками религіознаго преподаванія въ университетахъ.

Многіе считаютъ богословскую каѳедру необходимою въ университетахъ, какъ средство противъ страстныхъ порывовъ, нераздѣльныхъ съ пылкою, кипучею натурою молодыхъ людей. Обуздывая страсти юношей, богословіе даетъ, по мнѣнію этихъ

апологетовъ религіознаго образованія, превосходное средство къ установленію христіанскаго направленія силъ душевныхъ (Кіевское духовенство), обезпечиваетъ общественную нравственность, ведетъ къ утвержденію порядка и спокойствія въ обществѣ, искореняетъ вредныя начала въ направленіи молодаго поколѣнія, и тому подобное.

«Православное Обозрѣніе» не раздѣляетъ такого воззрѣнія на пользу религіознаго образованія, и дѣйствительно нельзя не согласиться, что существованіе богословской каѳедры въ университетахъ съ такимъ аскетическимъ направленіемъ и съ такими практическими цѣлями подрываетъ окончательно авторитетъ богословской науки въ глазахъ молодаго поколѣнія и заставляетъ его смотрѣть подозрительно на науку, изъ которой хотятъ сдѣлать какого-то докучливаго наставника, или, что̀ еще хуже, полицейскаго агента. Религіозное образованіе нужно во всякомъ обществѣ, и въ нашемъ въ особенности, но по совершенно другимъ причинамъ.

Можетъ ли общество, стремящееся къ самосознанію и полному развитію всѣхъ своихъ силъ, назвать себя вполнѣ образованнымъ, если оно оставляетъ безъ вниманія одну изъ важнѣйшихъ отраслей человѣческаго знанія? Религія во всѣ времена составляла важнѣйшую и существеннѣйшую потребность человѣческой мысли. Желая отдать себѣ отчетъ въ явленіяхъ окружающей природы, проникая въ глубину своей собственной души, человѣкъ всегда находилъ себѣ единственный исходъ для разрѣшенія осаждавшихъ его со всѣхъ сторонъ недоумѣній въ религіозномъ знаніи. Съ другой стороны, вся настоящая цивилизація рѣзко отличается отъ цивилизаціи древнихъ народовъ и важнѣйшими своими началами одолжена христіанству, которое провело рѣзкую черту между древнимъ и новымъ міромъ и породило множество замѣчательнѣйшихъ явленій въ человѣчествѣ. Наконецъ, если мы обратимся къ Русскому народу, мы найдемъ, что и здѣсь религія всегда составляла коренную стихію народной жизни. Если же такъ, то человѣкъ, стремящійся къ полному развитію своего знанія, желающій достигнуть прочнаго образованія, можетъ ли пренебрегать изученіемъ одного изъ величайшихъ фактовъ человѣческаго сознанія, одного изъ замѣчательнѣйшихъ явленій исторической жизни народовъ? За тѣмъ, можетъ ли пренебрегать этимъ изученіемъ общество, сочувствующее народу, стремящееся къ сближенію съ нимъ,

заботящееся о его образованіи, о возвышеніи уровня его нравственнаго развитія, и откажется ли оно, въ своемъ стремленіи къ этой цѣли, отъ изученія существенной стихіи жизни народной?

Наконецъ въ каждомъ обществѣ во всѣ времена являлись люди, оспаривавшіе *разумность* религіозныхъ убѣжденій, рѣзко нападавшіе на всякое проявленіе религіозной мысли, клеймившіе всякое религіозное ученіе вообще, и въ частности ученіе христіанское названіемъ схоластической безсмыслицы, жалкаго предразсудка, безъисходнаго обскурантизма. Люди съ такими убѣжденіями были вездѣ, и, конечно, есть и будутъ и въ нашемъ обществѣ. Но всѣ ли они оспаривали христіанскую истину съ знаніемъ дѣла? Не было ли, нѣтъ ли и не будетъ ли между ними лицъ, которыя будутъ отвергать всякую религію, не составивъ о ней надлежащихъ понятій, чуждые всякаго серіознаго взгляда, основаннаго на научномъ анализѣ? Для такихъ скептиковъ все же нужно основательно ознакомиться съ тѣмъ, на что они смотрятъ такъ подозрительно и что готовы отвергать; религіозное образованіе, знаніе дѣла оказывается необходимымъ и здѣсь. А все это не приводитъ ли насъ неизбѣжно къ заключенію, что, *въ видахъ распространенія полнаго*, *всесторонняго*, *прочнаго образованія въ нашемъ обществѣ*, необходимо знакомство, но не поверхностное, а глубокое, научное знакомство съ религіею?

Этой полноты образованія ищутъ и молодые люди, поступающіе въ университетъ. Элементарнаго образованія, получаемаго въ гимназіи, недостаточно для современно развитаго человѣка; молодые люди чувствуютъ это, и вотъ они вступаютъ въ университетскую аудиторію, чтобы здѣсь найти наукообразное, примѣненное къ новымъ ихъ потребностямъ, изложеніе и развитіе тѣхъ знаній, которыя они получили въ гимназіи. Нравственныя силы молодыхъ людей пробуждаются; въ умѣ одинъ за однимъ поднимаются тысячи вопросовъ; у однихъ является вѣра въ разумность религіозныхъ истинъ, у другихъ зараждается спектицизмъ, мысль о безплодности пріобрѣтенныхъ въ гимназіи свѣдѣній по закону Божію. Справедливо ли же было бы давать имъ отвѣтъ на одни вопросы и оставлять безъ разрѣшенія другіе? Разумно ли и цѣлесообразно ли сообщать научное развитіе одной части пріобрѣтенныхъ знаній и пренебрегать развитіемъ другой? Необходимость серіознаго, прочнаго

образованія въ обществѣ и здѣсь говоритъ, что надобно дѣйствовать иначе; что надобно удовлетворять нравственнымъ потребностямъ сознательно развивающагося человѣка, а не задерживать ихъ, не противодѣйствовать имъ.

Въ доказательство того, что научно-религіозное образованіе не представляетъ никакой несовмѣстности съ общимъ свѣтскимъ образованіемъ, мы можемъ указать на примѣръ запада. Не поражаетъ ли тамъ, во-первыхъ, безчисленное множество ученыхъ богословскихъ трудовъ, написанныхъ въ пользу христіанства и его соціальнаго значенія, людьми свѣтскими; во-вторыхъ, тотъ фактъ, что уровень общаго свѣтскаго образованія тамъ гораздо выше нашего? Отчего это происходитъ, если не оттого, что на западѣ люди истинно-просвѣщенные образованы всесторонне, что научно религіозное образованіе тамъ шире нашего и что оно глубоко проникло въ сознаніе ученыхъ? Если же такъ, то, при скудости у насъ притоковъ общаго, цивилизующаго образованія, требовать закрытія каѳедры религіи въ университетахъ, не значитъ ли лишать наше мыслящее общество одного изъ важнѣйшихъ средствъ къ научно-религіозному образованію? Если у насъ нѣтъ и не было изъ свѣтскихъ людей ни Шатобріановъ, ни Брогли, ни де-Фаллу, ни Риттеровъ, ни Бетманъ-Гольвеговъ и проч. и проч., то это именно потому, что религіозное просвѣщеніе далеко не разлито у насъ въ образованной части общества. И такъ, при скудости у насъ сколько-нибудь углубленнаго общаго знанія религіи, каѳедра религіозной науки въ университетахъ не дѣлается ли насущною потребностію нашего общества и нашихъ ученыхъ, если они хотятъ быть не только *учеными спеціалистами*, но и *образованными людьми?*

Что же нужно для удовлетворенія этой потребности? Какія отрасли богословской науки слѣдуетъ преподавать университетскимъ слушателямъ? Наилучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ упомянутой статьѣ «Православнаго Обозрѣнія», и въ замѣчаніяхъ, высказанныхъ преподавателями Московской духовной академіи.

И авторъ статьи «Православнаго Обозрѣнія», и профессоры Московской духодной академіи совѣтуютъ, вмѣсто догматическаго и нравственнаго богословія, преподавать въ университетѣ *общее богословіе или общую христіанскую апологетику*, т. е. такую науку, въ которой излагается ученіе о религіи и Откровеніи во-

обще и о христіанской религіи въ частности, съ изслѣдованіемъ самыхъ источниковъ богословія: Библіи (экзегетика) и церковнаго преданія. Эта часть богословскихъ наукъ гораздо умѣстнѣе, нежели догматическое и нравственное богословіе, въ университетахъ, именно потому, что совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ свѣтскаго высшаго учебнаго заведенія, гдѣ нѣтъ надобности входить въ наукообразное изложеніе частныхъ истинъ вѣры и дѣятельности христіанской, а слѣдуетъ систематически изложить общія, такъ сказать, философско-богословскія понятія о религіи и притомъ, по преимуществу, съ ея стороны соціальной. Что же касается богословія догматическаго и богословія нравственнаго, имѣющихъ цѣлію познаніе отдѣльныхъ догматовъ и правилъ христіанства, то лучше излагать ихъ въ гимназіяхъ (они, впрочемъ, и входятъ здѣсь въ составъ ученія въ православномъ катихизисѣ), какъ въ заведеніяхъ приготовительныхъ, въ которыхъ долженъ закладываться фундаментъ религіозно-нравственнаго воспитанія, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ зависящаго отъ разныхъ житейскихъ обстоятельствъ, но никакъ не отъ школы. Что касается до символики,—науки, занимающейся сравнительнымъ изученіемъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и которую «Православное Обозрѣніе» также совѣтуетъ преподавать въ университетахъ, то нѣтъ надобности излагать эту науку отдѣльно, ибо она въ главныхъ своихъ чертахъ входитъ въ общую апологетику, и именно въ ту часть ея, въ которой защищается православіе Русской церкви.

Духовенство Кіевской епархіи полагаетъ необходимымъ преподавать въ университетахъ и другія отрасли богословской науки, каковы руководство къ чтенію св. писанія и ученіе о богослуженіи; но изъ того, что мы сказали выше о потребностяхъ университетскаго образованія, очевидно, что требованія Кіевскаго духовенства слишкомъ неумѣренны и дышутъ религіозною исключительностію.

Исторія церкви, по мнѣнію совѣта Московскаго университета и автора статьи «Православнаго Обозрѣнія», должна составлять отдѣльную каѳедру въ историко-филологическомъ факультетѣ. Требованіе это весьма справедливо, такъ какъ исторія церкви имѣетъ большею частію весьма близкое соотношеніе съ общею исторіею гражданскихъ обществъ и важна для филологовъ, которые не могутъ, при разборѣ памятниковъ слова, не

обращаться къ изученію исторической жизни, изъ которой они сложились.

Что касается до церковнаго законовѣдѣнія, то всѣ согласны съ тѣмъ, что эта наука должна составлять отдѣльную каѳедру юридическаго факультета. Мнѣніе это говоритъ само за себя и нѣтъ надобности развивать его. Можно только прибавить здѣсь, что мнѣніе г. Греча о томъ, что, при преподаваніи каноническаго права, слѣдуетъ излагать также права и законы другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ Россіи, весьма основательно, потому что каждому юристу нерѣдко бываетъ надобность обращаться къ этимъ законамъ во многихъ случаяхъ судебнаго и административнаго разбирательства правъ иновѣрцевъ, живущихъ въ предѣлахъ нашего отечества.

Слѣдуетъ ли общее богословіе, составляющее особую каѳедру для всѣхъ вообще университетскихъ слушателей, сдѣлать обязательнымъ? Изъ тѣхъ замѣчаній, которыя сдѣланы выше на мнѣнія о необязательности богословской каѳедры, ясно, что эта необязательность не можетъ имѣть мѣста въ университетахъ. Необязательность богословскихъ лекцій для университетскихъ слушателей могла бы еще основываться на той свободѣ, которая составляетъ неотъемлемое право всякой науки; въ этомъ смыслѣ, необязательность богословскихъ курсовъ сняла бы съ университетскаго образованія принудительный и школьный характеръ. Но всякая реформа въ этомъ отношеніи, какъ выражается г. Дмитріевъ (ч. II, стр. 431), была бы въ настоящую пору безполезна. «Необязательное посѣщеніе лекцій можетъ быть важно тамъ, гдѣ есть конкурренція между преподавателями и гдѣ студенты могутъ готовиться къ экзамену и не по лекціямъ. У насъ, при бѣдности ученой литературы, лекціи составляютъ единственное пособіе для приготовленія къ экзамену, а потому на практикѣ, для большинства студентовъ, посѣщеніе ихъ остается обязательнымъ, хотя бы законъ и не требовалъ этого». Это замѣчаніе вполнѣ прилагается и къ каѳедрѣ общаго богословія.

Въ какомъ объемѣ должно преподаваться богословіе въ университетахъ? Всѣ согласны съ чрезмѣрною обширностію богословскихъ программъ, утвержденныхъ высшимъ духовнымъ начальствомъ для университетовъ, въ сравненіи съ временемъ, назначеннымъ для ихъ прочтенія. Слѣдствіемъ этой обширности является то, что богословіе читается въ университетахъ

въ сжатомъ видѣ или поверхностно, отчего богословская каѳедра становится ниже всѣхъ другихъ каѳедръ и не удовлетворяетъ требованіямъ университетскаго образованія. Чтобы устранить это неудобство, одни предлагаютъ читать только извѣстные пункты, главныя и основныя истины по каждой богословской наукѣ; другіе совѣтуютъ раздѣлить богословскую каѳедру между нѣсколькими преподавателями; третьи наконецъ предлагаютъ назначить больше времени для прочтенія всѣхъ отдѣловъ богословской науки, нежели сколько назначено для этого нынѣ дѣйствующими постановленіями.

Съ мнѣніемъ о выборѣ для прочтенія въ университетѣ извѣстныхъ пунктовъ каждой изъ богословскихъ наукъ, введенныхъ въ кругъ университетскаго преподаванія, согласиться нельзя. Каждая наука предполагаетъ систему, собраніе началъ и фактовъ, стоящихъ въ нераздѣльной связи между собою, систему, въ которой одни начала выводятся изъ другихъ, въ которой извѣстные факты, явленія данной эпохи составляютъ результатъ прежде возникшихъ явленій, послѣдствіе раньше выработанныхъ фактовъ. Слѣдовательно, отбросивъ систему, это первое условіе, этотъ палладіумъ всякой науки, мы уничтожимъ самую науку, мы представимъ только одинъ сборъ принциповъ и фактовъ, безъ начала и конца, безъ разумныхъ основаній, безъ надлежащихъ выводовъ; мы выставимъ какую-то нестройную массу явленій, которыя пройдутъ передъ глазами зрителей, какъ въ калейдоскопѣ, которыя сложатся и разъединятся такъ или иначе, Богъ знаетъ почему. Подобнаго изложенія какой-бы то ни было науки нельзя предлагать слушателямъ, которые ищутъ не отрывковъ изъ науки, а самую науку, въ ея стройномъ, послѣдовательномъ и наукообразномъ представленіи.

Гораздо основательнѣе мысль тѣхъ, которые предлагаютъ раздѣлить богословскія науки между нѣсколькими преподавателями. Мысль профессора Павловскаго—раздѣлить богословскую каѳедру между настоятелемъ университетской церкви и однимъ изъ священниковъ приходскихъ не можетъ, впрочемъ, быть принята потому, что приходской священникъ, имѣющій свои весьма сложныя обязанности по приходу, не въ состояніи заниматься серьезною, научною разработкою предмета, который могъ бы ему быть порученъ по самой простой причинѣ; это по недостатку времени, по матеріальной невозможности сосредоточить всѣ свои силы, все свое вниманіе на разработкѣ какой-ли-

бо отрасли богословія; наконецъ и потому, что очень нерѣдко пастырскія обязанности въ приходѣ могутъ воспрепятствовать ему быть точнымъ въ исполненіи обязанностей профессорскихъ.

Самою практическою, самою приложимою къ дѣлу мыслію является мысль о назначеніи трехъ отдѣльныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ въ университетахъ. Если одинъ профессоръ будетъ преподавать университетскимъ слушателямъ богословіе, а прочіе (которые не обязаны быть священниками), одинъ — церковную исторію, другой—церковное законовѣдѣніе, тогда богословскія лекціи будутъ, по справедливому выраженію преосвященнаго Макарія, достойны университетской каѳедры и всякій видъ пренебреженія къ богословской каѳедрѣ, котораго опасается преосвященный Антоній, будетъ устраненъ.

Назначеніе отдѣльныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ важно какъ по отношенію къ общему богословію и церковной исторіи, такъ въ особенности по отношенію къ церковному законовѣдѣнію. Богословіе и церковная исторія—предметы весьма обширные, требующіе глубокой эрудиціи со стороны преподающихъ эти науки, и постояннаго наблюденія за развитіемъ ихъ на западѣ и у насъ, чтобы преподаваніе ихъ шло всегда въ уровень съ современными требованіями науки. Но церковное законовѣдѣніе—предметъ и богословскій и юридическій вмѣстѣ, по этому онъ необходимо требуетъ со стороны преподавателя извѣстной юридической подготовки, невозможной для профессора богословія—священника. Преподавателемъ этой науки долженъ быть одинъ изъ лучшихъ магистровъ богословія, нарочно приготовленный для каѳедры церковнаго законовѣдѣнія сначала посѣщеніемъ курсовъ юридическаго факультета, а потомъ по усмотрѣнію университетскаго начальства и путешествіемъ за границу, для посѣщенія лекцій лучшихъ Европейскихъ профессоровъ права. (Профессоръ церковной исторіи также долженъ быть изъ магистровъ богословія).

Профессоръ Андреевскій предлагаетъ раздѣлить каѳедру церковнаго законовѣдѣнія между двумя профессорами, на основаніи различія, существующаго между церковнымъ правомъ и правомъ каноническимъ. Но такое раздѣленіе не можетъ имѣть мѣста ни въ какомъ случаѣ. Церковное и каноническое право составляютъ двѣ отдѣльныя части одной и той же науки—церковнаго законовѣдѣнія. Каноническое право есть внутреннее право церкви, церковное право есть внѣшнее ея право. Но это

внѣшнее право есть ничто иное, какъ развитіе, истолкованіе и приложеніе къ частнымъ случаямъ и внѣшнему положенію церкви тѣхъ первоначальныхъ правъ ея, которыя вытекаютъ изъ самаго существа и цѣли бытія церкви, и находятся слѣдовательно въ неразрывной связи съ внутреннимъ ея правомъ. Ввѣрить преподаваніе этихъ двухъ частей церковнаго законовѣдѣнія двумъ отдѣльнымъ профессорамъ значило бы раздвоить науку, лишить ее свойственнаго каждой наукѣ единства, и дать самимъ преподавателямъ случай утомлять слушателей безполезными, а еще чаще вредными для науки повтореніями.

Что касается до увеличенія числа часовъ, требуемаго духовенствомъ Кіевской епархіи, для прочтенія богословскихъ предметовъ въ университетѣ, то нѣтъ никакого основанія лишать совѣтъ одного изъ его правъ, указанныхъ въ параграфѣ 35 проекта. Совѣту ближе должны быть извѣстны и объемъ каждой науки и время, необходимое для успѣшнаго ея преподаванія, такъ какъ въ числѣ его обязанностей заключается и сужденіе о мѣрахъ для усовершенствованія преподаванія наукъ въ университетѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о предложеніи открыть при университетахъ богословскій факультетъ. Предложеніе это имѣетъ мало основанія, особенно въ Россіи, гдѣ всякому, желающему изучить богословскія науки во всей ихъ полнотѣ и ученомъ развитіи, есть полная возможность посѣщать богословскіе курсы въ духовныхъ академіяхъ. Эти послѣднія могутъ вполнѣ удовлетворить всякаго, ищущаго серьознаго научно-религіознаго образованія.

Г. Могилянскій, не раздѣляя мнѣнія о необходимости имѣть богословскій факультетъ при каждомъ университетѣ, считаетъ приличнымъ учредить одинъ богословскій факультетъ въ Кіевѣ, какъ колыбели христіанства въ Россіи. Но какое отношеніе можетъ быть между этимъ факультетомъ и колыбелью христіанства? Развѣ религіозное образованіе ограничивается тѣмъ или другимъ мѣстомъ? развѣ о немъ, какъ и объ образованіи вообще, можно сказать, что оно нужно здѣсь, и не нужно тамъ? Что-нибудь одно: или богословскій факультетъ нуженъ; тогда его слѣдуетъ учредить при всѣхъ университетахъ; или онъ не нуженъ; тогда безъ него можетъ обойтись и Кіевскій университетъ, точно также, какъ всякій другой.

Принимая въ соображеніе все, сказанное выше, 17-й параграфъ университетскаго проекта можно выразить такъ:

«*Для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ опредѣляется особая каѳедра общаго богословія, или общей христіанской апологетики. Другая такая же каѳедра можетъ быть учреждена для студентовъ Римско-католическаго исповѣданія, если окажется въ томъ надобность.*

Примѣчаніе. Профессоръ богословія лично причисляется къ историко-филологическому факультету.

Кромѣ того, согласно съ мнѣніемъ совѣта Московскаго университета и автора статьи «*О преподаваніи богословскихъ наукъ въ университетахъ*» при исчисленіи каѳедръ и наукъ по факультетамъ историко-филологическому и юридическому, слѣдуетъ дополнить параграфы 12 и 14 такъ:

Параграфъ 12.

«14. *Всеобщая церковная исторія и исторія Русской церкви*».

Параграфъ 14.

«14. *Церковное законовѣдѣніе* (*православное*), *съ сравнительнымъ изученіемъ церковныхъ правъ и законовъ иновѣрцевъ, обитающихъ въ Россіи*».

Къ № 11.

I. О составѣ юридическаго факультета.

(Гл. II, отд. 1, § 14).

Преподавателя С. Петербургскаго университета **Панова.**

Въ статьѣ 14 проекта общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ исчислены каѳедры и науки, входящія въ составъ юридическаго факультета.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ своду замѣчаній, сдѣланныхъ разными мѣстами и лицами на эту статью проекта, намъ кажется необходимымъ сдѣлать слѣдующія два поясненія къ настоящей запискѣ: 1) такъ какъ, по силѣ 2-го пункта 26-й статьи исправленной редакціи проекта *), факультетскимъ собраніямъ предоставляется «распредѣленіе факультетскихъ наукъ и порядка ихъ преподаванія», а 4-мъ пунктомъ статьи 35 совѣту университета дается право соединять, раздѣлять каѳедры и замѣнять однѣ изъ нихъ другими; то на этомъ основаніи и цифра исчисленныхъ нами ниже каѳедръ и наукъ не должна быть принимаема за неподвижную и неизмѣнную для факультета: она можетъ и будетъ подвергаться измѣненіямъ, смотря по нуждамъ и пользамъ науки, а нерѣдко также и вслѣдствіе личнаго состава факультета въ извѣстный моментъ. Потому по-

*) См. Приложенія къ журналамъ засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Россійскихъ университетовъ. Приложеніе къ № 2, стр. 37. По проекту же это былъ пунктъ 1, ст. 26.

именованныя здѣсь нами каѳедры, въ общей сложности ихъ, представляются только какъ бы очеркомъ того приблизительно полнаго состава наукъ юридическаго факультета, который желателенъ въ настоящее время для нашихъ университетовъ. Въ отношеніи финансовомъ, цифра этихъ каѳедръ могла бы служить основаніемъ для отпуска штатной суммы изъ государственнаго казначейства на юридическій факультетъ. 2) Подраздѣленіе нѣкоторыхъ каѳедръ на отдѣльныя науки *), которое встрѣчается въ настоящемъ сводѣ замѣчаній, имѣетъ цѣлію указать въ общихъ чертахъ на главное содержаніе этихъ каѳедръ, которое составляетъ обязательный предметъ для лекцій каждаго преподавателя, занимающаго отдѣльную каѳедру, по принадлежности, если только факультетъ не назначаетъ особаго преподавателя для какой-либо науки, входящей въ составъ извѣстной каѳедры.

Въ статьѣ 14 проекта сказано:

Въ юридическомъ факуьтетѣ полагаются слѣдующія каѳедры и науки:

1) *Энциклопедія законовѣдѣнія:*

а) Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.

б) Исторія философіи права.

На эту каѳедру проекта сдѣлано три замѣчанія:

Совѣтъ университета св. Владиміра (ч. I, стр. 27 и 28) полагаетъ: во-1-хъ, соединить съ преподаваніемъ энциклопедіи и преподаваніе исторіи иностранныхъ законодательствъ (для которой по проекту назначается особая каѳедра), на томъ основаніи, что такое соединеніе будетъ болѣе согласно съ цѣлію преподаванія и развитіемъ слушателей, которые, будучи обыкновенно студентами 1-го курса, пріобрѣтутъ отъ слушанія исторіи иностранныхъ законодательствъ болѣе твердыя основанія для дальнѣйшаго изученія права, чѣмъ отъ исторіи философіи права. Во-2-хъ, для философіи права учредить особую каѳедру, въ составъ которой должна входить не

*) Раздѣленіе сихъ послѣднихъ на части, по нашему мнѣнію, не должно входить въ университетскій уставъ. Оно составляетъ предметъ факультетскаго собранія. (См. прилож. къ № 2 Журн. учен. ком., § 26, пунктъ 5.)

только исторія философіи права, но и система этой науки, такъ какъ преподаваніе одной только исторіи философіи права будетъ не полезно и во многихъ отношеніяхъ неудобно.

Мы не можемъ согласиться ни съ первымъ, ни со вторымъ предложеніемъ совѣта университета св. Владиміра и полагаемъ соединить съ каѳедрою энциклопедіи — исторію философіи права, какъ это сдѣлано въ проектѣ и какъ это было, сколько намъ извѣстно, въ С. Петербургскомъ университетѣ, до послѣдняго времени, на томъ основаніи, что, по нашему мнѣнію, преподаваніе системы философіи права, при основательномъ изложеніи исторіи этой науки, можетъ и не составлять существенной необходимости для университетскихъ слушателей, и въ преподаваніи одной только исторіи философіи права мы не видимъ тѣхъ неудобствъ и безполезности, о которыхъ замѣчаетъ совѣтъ университета св. Владиміра, но которыхъ онъ не развиваетъ въ подробности. Что касается до соединенія преподаванія исторіи иностранныхъ законодательствъ съ энциклопедіею, то на это мы согласиться не можемъ, по тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены здѣсь ниже.

Совѣтъ Московскаго университета (ч. I, стр. 245) раздѣляетъ каѳедру энциклопедіи законовѣдѣніи: а) на юридическую энциклопедію и б) на исторію философіи права; но не приводитъ основанія, почему онъ не соглашается съ редакціею проекта. Намъ кажется, что редакція проекта болѣе полно выражаетъ тотъ объемъ энциклопедіи, который она желаетъ дать этой наукѣ, чѣмъ названіе *юридическая* энциклопедія. При настоящей важности изученія политическихъ наукъ для юриста, лекціи энциклопедіи должны знакомить учащихся съ этими науками подробнѣе, чѣмъ то опредѣлялось по университетскому уставу 1835 года, по которому «энциклопедія или общее обозрѣніе системы законовѣдѣнія» составляла одну каѳедру съ «Россійскими государственными законами» (т. е. съ «Русскимъ государственнымъ правомъ» по пункту 5 ст. 14 проекта, подразд. в.). Вотъ почему, какъ намъ кажется, и составители проекта, вполнѣ сознавая всю важность, какую имѣетъ въ настоящее время изученіе политическихъ наукъ для юриста, вводятъ въ энциклопедію, какъ бы въ видѣ особеннаго подраздѣленія, энциклопедію политическихъ наукъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета (ч. I, ст. 288), относительно этой каѳедры проекта, дѣлаетъ одно только не-

значительное замѣчаніе, предлагая назвать энциклопедію законовѣдѣнія энциклопедіею *правовѣдѣнія.* Хотя существо, а не названіе предмета составляетъ главное въ дѣлѣ науки, но нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться съ тѣмъ, что правильнѣе будетъ назвать энциклопедію законовѣдѣнія энциклопедіею правовѣдѣнія, такъ какъ эта наука имѣетъ цѣлію ознакомить учащихся съ общими философскими понятіями *о правѣ*, а не только *о законѣ* *).

На основаніи этихъ мнѣній и соображеній мы предлагаемъ 1-й пунктъ 14 ст. проекта наименовать такъ:

Энциклопедія *правовѣдѣнія*:

а) Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.

б) Исторія философіи права.

2. ***Исторія иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.***

Изъ шести замѣчаній, сдѣланныхъ на эту каѳедру проекта, четыре въ пользу учрежденія въ юридическомъ факультетѣ отдѣльной каѳедры подъ такимъ названіемъ **) и два противъ этого учрежденія ***). Такъ ***совѣтъ Московскаго университета*** (I, 245) и г. профессоръ Утинъ (I, 132) предлагаютъ точнѣе опредѣлить названіе этой каѳедры, наименовавъ ее «исторіею ***важнѣйшихъ*** или ***главныхъ*** иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ», а г. профессоръ Лешковъ замѣчаетъ, что «обозрѣніе иностранныхъ законодательствъ» должно преподаваться въ предѣлахъ, установленныхъ факультетомъ, желая, вѣроятно, этими предѣлами выразить ту же мысль, какая высказана совѣтомъ Московскаго университета и г. профессоромъ Утинымъ. *Совѣтъ Харьковскаго* университета съ исторіею иностранныхъ законодательствъ полагаетъ соединить и исторію правовѣдѣнія.

*) Названіе «энциклопедія правовѣдѣнія», на этомъ же основаніи, должно предпочесть названію «энциклопедія *права*», предлагаемому совѣтомъ Кіевскаго университета (ч. I, стр. 27) и г. профессоромъ Лешковымъ (ч. II, стр. 395): потому что въ настоящемъ случаѣ слово *правовѣдѣніе* точнѣе опредѣляетъ предметъ науки энциклопедіи, чѣмъ болѣе отвлеченное слово *право.*

**) Мнѣнія совѣта Московскаго университета, совѣта Харьковскаго университета, г. профессора Утина и г. профессора Лешкова.

***) Мнѣнія совѣта университета св. Владиміра и г. члена ученаго комитета Шнейдера.

Совѣтъ университета св. Владиміра, не считая необходимымъ имѣть въ юридическомъ факультетѣ отдѣльную каѳедру для исторіи законодательствъ древнихъ и новыхъ, предлагаетъ соединить эту науку съ каѳерою энциклопедіи, на томъ основаніи, что энциклопедія обыкновенно излагается студентамъ I-го курса, а потому «юридическій факультетъ находитъ болѣе согласнымъ съ цѣлію преподаванія и развитіемъ слушателей соединить эту науку съ исторіей законодательствъ древнихъ и новыхъ» (ч. I, стр. 27—28). Принимая во вниманіе, что курсовыя испытанія, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ ними и самые курсы предполагается отмѣнить *), намъ остается сказать только, что, по нашему мнѣнію, невозможно соединять съ энциклопедіею правовѣдѣнія такой обширный предметъ, какой составляетъ исторія иностранныхъ законодательствъ (даже только важнѣйшихъ): потому что основательное ея изложеніе потребуетъ отъ преподавателя многихъ лекцій въ недѣлю, которыя онъ долженъ будетъ удѣлять этой наукѣ въ ущербъ преподаванію энциклопедіи; если же ограничиться только поверхностнымъ изложеніемъ исторіи иностранныхъ законодательствъ, то такое преподаваніе не принесетъ никакой почти пользы учащимся, между тѣмъ какъ основательное знаніе этой науки для юриста необходимо и оно дѣлается особенно полезнымъ для него, если въ преподаваніе будетъ введенъ сравнительный методъ изложенія.

Членъ ученаго комитета г. Шнейдеръ не допускаетъ необходимости имѣть въ юридическомъ факультетѣ отдѣльную каѳедру для исторіи иностранныхъ законодательствъ по слѣдующимъ основаніямъ: «если», говоритъ онъ, «исторію важнѣйшихъ законодательствъ хотятъ проходить только въ самомъ краткомъ видѣ, то всего лучше отнести ее къ лекціямъ энциклопедіи. Если же она должна быть излагаема подробно, напримѣръ, такъ, какъ маркизъ Пасторе въ своей Histoire de la législation, (1817—37, въ 11 томахъ) изложилъ законодательства одной части древнихъ народовъ, то потребовалось бы по крайней мѣрѣ 10-лѣтнее преподаваніе, чтобы дойти только до исторіи законодательствъ новѣйшихъ народовъ, для изложенія которой, при

*) См. «Сводъ замѣчаній о лекціяхъ, задачахъ и испытаніяхъ», г. Бауера, въ приложеніяхъ къ № 4 Журн. ученаго комитета по проекту устава Россійскихъ университетовъ.

болѣе обильныхъ противъ древнихъ вѣковъ источникахъ, понадобилось бы отъ 20 до 30 лѣтъ. Къ этому присоединяется еще важный вопросъ: имѣютъ ли студенты тѣ обширныя познанія въ языкахъ и исторіи, кои необходимы для изученія самыхъ источниковъ, такъ какъ безъ обращенія къ симъ послѣднимъ всякое ученіе было бы только призракомъ и значило бы не болѣе, какъ jurare in verba magistri? Далѣе спрашивается: нашлись ли бы самые профессора съ такими познаніями? Едва ли даже въ какомъ-либо Германскомъ университетѣ. Наконецъ, изученіе подобнаго предмета въ сущности не принесетъ учащимся никакой дѣйствительной пользы, а напротивъ того повредитъ имъ, ибо отниметъ много драгоцѣннаго времени, которое они должны бы были посвятить другимъ немалочисленнымъ необходимымъ предметамъ юридическаго образованія». ч. II, стр. 96—7).

Выше мы уже замѣтили, что, по нашему мнѣнію, нельзя соединять преподаваніе исторіи иностранныхъ законодательствъ съ преподаваніемъ энциклопедіи, если не желать сдѣлать лекціи одного изъ этихъ предметовъ крайне поверхностными и недостаточными для университетскихъ слушателей. Что касается до того довода г. Шнейдера, что потребуется не менѣе 10 лѣтъ для подробнаго преподаванія исторіи законодательствъ древнихъ народовъ, и отъ 20 до 30 лѣтъ для такого же изложенія исторіи законодательствъ новѣйшихъ народовъ, то въ этомъ отношеніи намъ кажется, что г. Шнейдеръ смѣшиваетъ то обширное и всестороннее изученіе предмета, со всѣми его мельчайшими подробностями, которое долженъ въ имѣть виду спеціалистъ-ученый, по предмету его тѣсной спеціальности, съ тѣмъ знаніемъ, которое обязанъ преподать своимъ слушателямъ профессоръ, чтобы возбудить въ нихъ духъ научности, развить способность воспринимаиія науки, и тѣмъ сдѣлать ихъ способными къ научной самодѣятельности. Далѣе мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ замѣчаніемъ г. Шнейдера, что будто бы для студентовъ необходимы обширныя познанія въ языкахъ и исторіи, такъ какъ, при изученіи исторіи иностранныхъ законодательствъ, имъ необходимо обращаться къ изученію источниковъ ея, безъ чего всякое ученіе, по его мнѣнію, было бы только призракомъ. Намъ кажется, что хотя знаніе иностранныхъ языковъ въ такомъ дѣлѣ, каково изученіе исторіи иностранныхъ законодательствъ, и очень важно; но тѣмъ

не менѣе нельзя отрицать существенной пользы для большинства университетскихъ слушателей юридическаго факультета отъ знакомства съ исторіею иностранныхъ законодательствъ и тогда, когда знаніе иностранныхъ языковъ у нихъ оказывается недостаточнымъ. Недостаточное знаніе этихъ языковъ еще болѣе указываетъ, по нашему мнѣнію, на необходимость прослушать курсъ исторіи иностранныхъ законодательствъ вышеупомянутымъ лицамъ, такъ какъ имъ нѣтъ возможности изучать эту науку по источникамъ, а между тѣмъ она является необходимою для юриста. Знаніе иностранныхъ языковъ вообще облегчаетъ трудъ изученія многихъ предметовъ; однако недостатокъ языкознанія не служитъ еще непреодолимымъ препятствіемъ къ изученію ихъ. Многіе изъ этихъ предметовъ входятъ въ кругъ общаго образованія, и при изученіи ихъ не полагается непремѣннымъ условіемъ знаніе того или другаго иностраннаго языка. Такъ напр. можно не знать по-Англійски, по-Итальянски, и въ то же время быть достаточно знакомымъ съ исторіей литературы того и другаго народа. Что касается до знанія исторіи (политической), то, по нашему мнѣнію, тѣ свѣдѣнія въ этомъ предметѣ, которыя имѣютъ кончившіе курсъ въ нашихъ гимназіяхъ или выдержавшіе тамъ испытаніе въ предметахъ полнаго гимназическаго курса, могутъ считаться достаточными для того, чтобы изученіе исторіи иностранныхъ законодательствъ для такихъ лицъ не было terra incognita по отношенію къ поличической судьбѣ тѣхъ государствъ и народовъ, съ исторіею законодательства которыхъ имъ приходится знакомиться.

Наконецъ мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ замѣчаніемъ г. Шнейдера, что едва ли найдутся не только у насъ, но даже и въ какомъ-нибудь Германскомъ университетѣ, профессоры съ тѣми обширными свѣдѣніями, которыя необходимы для преподаванія исторіи иностранныхъ законодательствъ: такъ какъ, допустивъ подобное предположеніе, пришлось бы отрицать не только возможность успѣшнаго преподаванія историческихъ и юридическихъ наукъ, но и вообще возможность этихъ наукъ идти впередъ, совершенствоваться.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній и соображеній по нимъ, мы считаемъ необходимымъ удержать помѣщенную въ проектѣ каѳедру исторіи иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ,—предметъ, который уже по уставу 1804

бо отрасли богословія; наконецъ и потому, что очень нерѣдко пастырскія обязанности въ приходѣ могутъ воспрепятствовать ему быть точнымъ въ исполненіи обязанностей профессорскихъ.

Самою практическою, самою приложимою къ дѣлу мыслію является мысль о назначеніи трехъ отдѣльныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ въ университетахъ. Если одинъ профессоръ будетъ преподавать университетскимъ слушателямъ богословіе, а прочіе (которые не обязаны быть священниками), одинъ — церковную исторію, другой—церковное законовѣдѣніе, тогда богословскія лекціи будутъ, по справедливому выраженію преосвященнаго Макарія, достойны университетской каѳедры и всякій видъ пренебреженія къ богословской каѳедрѣ, котораго опасается преосвященный Антоній, будетъ устраненъ.

Назначеніе отдѣльныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ важно какъ по отношенію къ общему богословію и церковной исторіи, такъ въ особенности по отношенію къ церковному законовѣдѣнію. Богословіе и церковная исторія—предметы весьма обширные, требующіе глубокой эрудиціи со стороны преподающихъ эти науки, и постояннаго наблюденія за развитіемъ ихъ на западѣ и у насъ, чтобы преподаваніе ихъ шло всегда въ уровень съ современными требованіями науки. Но церковное законовѣдѣніе—предметъ и богословскій и юридическій вмѣстѣ, поэтому онъ необходимо требуетъ со стороны преподавателя извѣстной юридической подготовки, невозможной для профессора богословія—священника. Преподавателемъ этой науки долженъ быть одинъ изъ лучшихъ магистровъ богословія, нарочно приготовленный для каѳедры церковнаго законовѣдѣнія сначала посѣщеніемъ курсовъ юридическаго факультета, а потомъ по усмотрѣнію университетскаго начальства и путешествіемъ за границу, для посѣщенія лекцій лучшихъ Европейскихъ профессоровъ права. (Профессоръ церковной исторіи также долженъ быть изъ магистровъ богословія).

Профессоръ Андреевскій предлагаетъ раздѣлить каѳедру церковнаго законовѣдѣнія между двумя профессорами, на основаніи различія, существующаго между церковнымъ правомъ и правомъ каноническимъ. Но такое раздѣленіе не можетъ имѣть мѣста ни въ какомъ случаѣ. Церковное и каноническое право составляютъ двѣ отдѣльныя части одной и той же науки—церковнаго законовѣдѣнія. Каноническое право есть внутреннее право церкви, церковное право есть внѣшнее ея право. Но это

внѣшнее право есть ничто иное, какъ развитіе, истолкованіе и приложеніе къ частнымъ случаямъ и внѣшнему положенію церкви тѣхъ первоначальныхъ правъ ея, которыя вытекаютъ изъ самаго существа и цѣли бытія церкви, и находятся слѣдовательно въ неразрывной связи съ внутреннимъ ея правомъ. Ввѣрить преподаваніе этихъ двухъ частей церковнаго законовѣдѣнія двумъ отдѣльнымъ профессорамъ значило бы раздвоить науку, лишить ее свойственнаго каждой наукѣ единства, и дать самимъ преподавателямъ случай утомлять слушателей безполезными, а еще чаще вредными для науки повтореніями.

Что касается до увеличенія числа часовъ, требуемаго духовенствомъ Кіевской епархіи, для прочтенія богословскихъ предметовъ въ университетѣ, то нѣтъ никакого основанія лишать совѣтъ одного изъ его правъ, указанныхъ въ параграфѣ 35 проекта. Совѣту ближе должны быть извѣстны и объемъ каждой науки и время, необходимое для успѣшнаго ея преподаванія, такъ какъ въ числѣ его обязанностей заключается и сужденіе о мѣрахъ для усовершенствованія преподаванія наукъ въ университетѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о предложеніи открыть при университетахъ богословскій факультетъ. Предложеніе это имѣетъ мало основанія, особенно въ Россіи, гдѣ всякому, желающему изучить богословскія науки во всей ихъ полнотѣ и ученомъ развитіи, есть полная возможность посѣщать богословскіе курсы въ духовныхъ академіяхъ. Эти послѣднія могутъ вполнѣ удовлетворить всякаго, ищущаго серьознаго научно-религіознаго образованія.

Г. Могилянскій, не раздѣляя мнѣнія о необходимости имѣть богословскій факультетъ при каждомъ университетѣ, считаетъ приличнымъ учредить одинъ богословскій факультетъ въ Кіевѣ, какъ колыбели христіанства въ Россіи. Но какое отношеніе можетъ быть между этимъ факультетомъ и колыбелью христіанства? Развѣ религіозное образованіе ограничивается тѣмъ или другимъ мѣстомъ? развѣ о немъ, какъ и объ образованіи вообще, можно сказать, что оно нужно здѣсь, и не нужно тамъ? Что-нибудь одно: или богословскій факультетъ нуженъ; тогда его слѣдуетъ учредить при всѣхъ университетахъ; или онъ не нуженъ; тогда безъ него можетъ обойтись и Кіевскій университетъ, точно также, какъ всякій другой.

Принимая въ соображенiе все, сказанное выше, 17-й параграфъ университетскаго проекта можно выразить такъ:

«Для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ опредѣляется особая каѳедра общаго богословія, или общей христіанской апологетики. Другая такая же каѳедра можетъ быть учреждена для студентовъ Римско-католическаго исповѣданія, если окажется въ томъ надобность.

Примѣчаніе. Профессоръ богословія лично причисляется къ историко-филологическому факультету.

Кромѣ того, согласно съ мнѣніемъ совѣта Московскаго университета и автора статьи «*О преподаванiи богословскихъ наукъ въ университетахъ*» при исчисленiи каѳедръ и наукъ по факультетамъ историко-филологическому и юридическому, слѣдуетъ дополнить параграфы 12 и 14 такъ:

Параграфъ 12.

«14. *Всеобщая церковная исторія и исторія Русской церкви*».

Параграфъ 14.

«14. *Церковное законовѣдѣніе (православное), съ сравнительнымъ изученіемъ церковныхъ правъ и законовъ иновѣрцевъ, обитающихъ въ Россіи*».

Къ № 11.

I. О составѣ юридическаго факультета.

(Гл. II, отд. 1, § 14).

Преподавателя С. Петербургскаго университета **Панова.**

Въ статьѣ 14 проекта общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ исчислены каѳедры и науки, входящія въ составъ юридическаго факультета.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ своду замѣчаній, сдѣланныхъ разными мѣстами и лицами на эту статью проекта, намъ кажется необходимымъ сдѣлать слѣдующія два поясненія къ настоящей запискѣ: 1) такъ какъ, по силѣ 2-го пункта 26-й статьи исправленной редакціи проекта *), факультетскимъ собраніямъ предоставляется «распредѣленіе факультетскихъ наукъ и порядка ихъ преподаванія», а 4-мъ пунктомъ статьи 35 совѣту университета дается право соединять, раздѣлять каѳедры и замѣнять однѣ изъ нихъ другими; то на этомъ основаніи и цифра исчисленныхъ нами ниже каѳедръ и наукъ не должна быть принимаема за неподвижную и неизмѣнную для факультета: она можетъ и будетъ подвергаться измѣненіямъ, смотря по нуждамъ и пользамъ науки, а нерѣдко также и влѣдствіе личнаго состава факультета въ извѣстный моментъ. Потому по-

*) См. Приложенія къ журналамъ засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Россійскихъ университетовъ. Приложеніе къ № 2, стр. 37. По проекту же это былъ пунктъ 1, ст. 26.

именованныя здѣсь нами каѳедры, въ общей сложности ихъ, представляются только какъ бы очеркомъ того приблизительно полнаго состава наукъ юридическаго факультета, который желателенъ въ настоящее время для нашихъ университетовъ. Въ отношеніи финансовомъ, цифра этихъ каѳедръ могла бы служить основаніемъ для отпуска штатной суммы изъ государственнаго казначейства на юридическій факультетъ. 2) Подраздѣленіе нѣкоторыхъ каѳедръ на отдѣльныя науки *), которое встрѣчается въ настоящемъ сводѣ замѣчаній, имѣетъ цѣлію указать въ общихъ чертахъ на главное содержаніе этихъ каѳедръ, которое составляетъ обязательный предметъ для лекцій каждаго преподавателя, занимающаго отдѣльную каѳедру, по принадлежности, если только факультетъ не назначаетъ особаго преподавателя для какой-либо науки, входящей въ составъ извѣстной каѳедры.

Въ статьѣ 14 проекта сказано:

Въ юридическомъ факуьтетѣ полагаются слѣдующія каѳедры и науки:

1) *Энциклопедія законовѣдѣнія:*

а) Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.

б) Исторія философіи права.

На эту каѳедру проекта сдѣлано три замѣчанія:

Совѣтъ университета св. Владиміра (ч. I, стр. 27 и 28) полагаетъ: во-1-хъ, соединить съ преподаваніемъ энциклопедіи и преподаваніе исторіи иностранныхъ законодательствъ (для которой по проекту назначается особая каѳедра), на томъ основаніи, что такое соединеніе будетъ болѣе согласно съ цѣлію преподаванія и развитіемъ слушателей, которые, будучи обыкновенно студентами 1-го курса, пріобрѣтутъ отъ слушанія исторіи иностранныхъ законодательствъ болѣе твердыя основанія для дальнѣйшаго изученія права, чѣмъ отъ исторіи философіи права. Во-2-хъ, для философіи права учредить особую каѳедру, въ составъ которой должна входить не

*) Раздѣленіе сихъ послѣднихъ на части, по нашему мнѣнію, не должно входить въ университетскій уставъ. Оно составляетъ предметъ факультетскаго собранія. (См. прилож. къ № 2 Журн. учен. ком., § 26, пунктъ 5.)

только исторія философіи права, но и система этой науки, такъ какъ преподаваніе одной только исторіи философіи права будетъ не полезно и во многихъ отношеніяхъ неудобно.

Мы не можемъ согласиться ни съ первымъ, ни со вторымъ предложеніемъ совѣта университета св. Владиміра и полагаемъ соединить съ каѳедрою энциклопедіи — исторію философіи права, какъ это сдѣлано въ проектѣ и какъ это было, сколько намъ извѣстно, въ С. Петербургскомъ университетѣ, до послѣдняго времени, на томъ основаніи, что, по нашему мнѣнію, преподаваніе системы философіи права, при основательномъ изложеніи исторіи этой науки, можетъ и не составлять существенной необходимости для университетскихъ слушателей, и въ преподаваніи одной только исторіи философіи права мы не видимъ тѣхъ неудобствъ и безполезности, о которыхъ замѣчаетъ совѣтъ университета св. Владиміра, но которыхъ онъ не развиваетъ въ подробности. Что касается до соединенія преподаванія исторіи иностранныхъ законодательствъ съ энциклопедіею, то на это мы согласиться не можемъ, по тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены здѣсь ниже.

Совѣтъ Московскаго университета (ч. I, стр. 245) раздѣляетъ каѳедру энциклопедіи законовѣдѣніи: а) на юридическую энциклопедію и б) на исторію философіи права; но не приводитъ основанія, почему онъ не соглашается съ редакціею проекта. Намъ кажется, что редакція проекта болѣе полно выражаетъ тотъ объемъ энциклопедіи, который она желаетъ дать этой наукѣ, чѣмъ названіе *юридическая* энциклопедія. При настоящей важности изученія политическихъ наукъ для юриста, лекціи энциклопедіи должны знакомить учащихся съ этими науками подробнѣе, чѣмъ то опредѣлялось по университетскому уставу 1835 года, по которому «энциклопедія или общее обозрѣніе системы законовѣдѣнія» составляла одну каѳедру съ «Россійскими государственными законами» (т. е. съ «Русскимъ государственнымъ правомъ» по пункту 5 ст. 14 проекта, подразд. в.). Вотъ почему, какъ намъ кажется, и составители проекта, вполнѣ сознавая всю важность, какую имѣетъ въ настоящее время изученіе политическихъ наукъ для юриста, вводятъ въ энциклопедію, какъ бы въ видѣ особеннаго подраздѣленія, энциклопедію политическихъ наукъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета (ч. I, ст. 288), относительно этой каѳедры проекта, дѣлаетъ одно только не-

значительное замѣчаніе, предлагая назвать энциклопедію законовѣдѣнія энциклопедіею *правовѣдѣнія.* Хотя существо, а не названіе предмета составляетъ главное въ дѣлѣ науки, но нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться съ тѣмъ, что правильнѣе будетъ назвать энциклопедію законовѣдѣнія энциклопедіею правовѣдѣнія, такъ какъ эта наука имѣетъ цѣлію ознакомить учащихся съ общими философскими понятіями *о правѣ*, а не только *о законѣ* *).

На основаніи этихъ мнѣній и соображеній мы предлагаемъ 1-й пунктъ 14 ст. проекта наименовать такъ:

Энциклопедія *правовѣдѣнія*:

а) Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.

б) Исторія философіи права.

2. ***Исторія иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.***

Изъ шести замѣчаній, сдѣланныхъ на эту каѳедру проекта, четыре въ пользу учрежденія въ юридическомъ факультетѣ отдѣльной каѳедры подъ такимъ названіемъ **) и два противъ этого учрежденія ***). Такъ ***совѣтъ Московскаго университета*** (I, 245) и г. профессоръ Утинъ (I, 132) предлагаютъ точнѣе опредѣлить названіе этой каѳедры, наименовавъ ее «исторіею ***важнѣйшихъ*** или ***главныхъ*** иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ», а г. профессоръ Лешковъ замѣчаетъ, что «обозрѣніе иностранныхъ законодательствъ» должно преподаваться въ предѣлахъ, установленныхъ факультетомъ, желая, вѣроятно, этими предѣлами выразить ту же мысль, какая высказана совѣтомъ Московскаго университета и г. профессоромъ Утинымъ. *Совѣтъ Харьковскаго* университета съ исторіею иностранныхъ законодательствъ полагаетъ соединить и исторію правовѣдѣнія.

*) Названіе «энциклопедія правовѣдѣнія», на этомъ же основаніи, должно предпочесть названію «энциклопедія *права*», предлагаемому совѣтомъ Кіевскаго университета (ч. I, стр. 27) и г. профессоромъ Лешковымъ (ч. II, стр. 395): потому что въ настоящемъ случаѣ слово *правовѣдѣніе* точнѣе опредѣляетъ предметъ науки энциклопедіи, чѣмъ болѣе отвлеченное слово *право*.

**) Мнѣнія совѣта Московскаго университета, совѣта Харьковскаго университета, г. профессора Утина и г. профессора Лешкова.

***) Мнѣнія совѣта университета св. Владиміра и г. члена ученаго комитета Шнейдера.

Совѣтъ университета св. Владиміра, не считая необходимымъ имѣть въ юридическомъ факультетѣ отдѣльную каѳедру для исторіи законодательствъ древнихъ и новыхъ, предлагаетъ соединить эту науку съ каѳерою энциклопедіи, на томъ основаніи, что энциклопедія обыкновенно излагается студентамъ I-го курса, а потому «юридическій факультетъ находитъ болѣе согласнымъ съ цѣлію преподаванія и развитіемъ слушателей соединить эту науку съ исторіей законодательствъ древнихъ и новыхъ» (ч. I, стр. 27—28). Принимая во вниманіе, что курсовыя испытанія, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ ними и самые курсы предполагается отмѣнить *), намъ остается сказать только, что, по нашему мнѣнію, невозможно соединять съ энциклопедіею правовѣдѣнія такой обширный предметъ, какой составляетъ исторія иностранныхъ законодательствъ (даже только важнѣйшихъ): потому что основательное ея изложеніе потребуетъ отъ преподавателя многихъ лекцій въ недѣлю, которыя онъ долженъ будетъ удѣлять этой наукѣ въ ущербъ преподаванію энциклопедіи; если же ограничиться только поверхностнымъ изложеніемъ исторіи иностранныхъ законодательствъ, то такое преподаваніе не принесетъ никакой почти пользы учащимся, между тѣмъ какъ основательное знаніе этой науки для юриста необходимо и оно дѣлается особенно полезнымъ для него, если въ преподаваніе будетъ введенъ сравнительный методъ изложенія.

Членъ ученаго комитета г. Шнейдеръ не допускаетъ необходимости имѣть въ юридическомъ факультетѣ отдѣльную каѳедру для исторіи иностранныхъ законодательствъ по слѣдующимъ основаніямъ: «если», говоритъ онъ, «исторію важнѣйшихъ законодательствъ хотятъ проходить только въ самомъ краткомъ видѣ, то всего лучше отнести ее къ лекціямъ энциклопедіи. Если же она должна быть излагаема подробно, напримѣръ, такъ, какъ маркизъ Пасторе въ своей Histoire de la législation, (1817—37, въ 11 томахъ) изложилъ законодательства одной части древнихъ народовъ, то потребовалось бы по крайней мѣрѣ 10-лѣтнее преподаваніе, чтобы дойти только до исторіи законодательствъ новѣйшихъ народовъ, для изложенія которой, при

*) См. «Сводъ замѣчаній о лекціяхъ, задачахъ и испытаніяхъ», г. Бауера, въ приложеніяхъ къ № 4 Журн. ученаго комитета по проекту устава Россійскихъ университетовъ.

болѣе обильныхъ противъ древнихъ вѣковъ источникахъ, понадобилось бы отъ 20 до 30 лѣтъ. Къ этому присоединяется еще важный вопросъ: имѣютъ ли студенты тѣ обширныя познанія въ языкахъ и исторіи, кои необходимы для изученія самыхъ источниковъ, такъ какъ безъ обращенія къ симъ послѣднимъ всякое ученіе было бы только призракомъ и значило бы не болѣе, какъ jurare in verba magistri? Далѣе спрашивается: нашлись ли бы самые профессора съ такими познаніями? Едва ли даже въ какомъ-либо Германскомъ университетѣ. Наконецъ, изученіе подобнаго предмета въ сущности не принесетъ учащимся никакой дѣйствительной пользы, а напротивъ того повредитъ имъ, ибо отниметъ много драгоцѣннаго времени, которое они должны бы были посвятить другимъ немалочисленнымъ необходимымъ предметамъ юридическаго образованія». ч. II, стр. 96—7).

Выше мы уже замѣтили, что, по нашему мнѣнію, нельзя соединять преподаваніе исторіи иностранныхъ законодательствъ съ преподаваніемъ энциклопедіи, если не желать сдѣлать лекціи одного изъ этихъ предметовъ крайне поверхностными и недостаточными для университетскихъ слушателей. Что касается до того довода г. Шнейдера, что потребуется не менѣе 10 лѣтъ для подробнаго преподаванія исторіи законодательствъ древнихъ народовъ, и отъ 20 до 30 лѣтъ для такого же изложенія исторіи законодательствъ новѣйшихъ народовъ, то въ этомъ отношеніи намъ кажется, что г. Шнейдеръ смѣшиваетъ то обширное и всестороннее изученіе предмета, со всѣми его мельчайшими подробностями, которое долженъ въ имѣть виду спеціалистъ-ученый, по предмету его тѣсной спеціальности, съ тѣмъ знаніемъ, которое обязанъ преподать своимъ слушателямъ профессоръ, чтобы возбудить въ нихъ духъ научности, развить способность воспринимanія науки, и тѣмъ сдѣлать ихъ способными къ научной самодѣятельности. Далѣе мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ замѣчаніемъ г. Шнейдера, что будто бы для студентовъ необходимы обширныя познанія въ языкахъ и исторіи, такъ какъ, при изученіи исторіи иностранныхъ законодательствъ, имъ необходимо обращаться къ изученію источниковъ ея, безъ чего всякое ученіе, по его мнѣнію, было бы только призракомъ. Намъ кажется, что хотя знаніе иностранныхъ языковъ въ такомъ дѣлѣ, каково изученіе исторіи иностранныхъ законодательствъ, и очень важно; но тѣмъ

не менѣе нельзя отрицать существенной пользы для большинства университетскихъ слушателей юридическаго факультета отъ знакомства съ исторіею иностранныхъ законодательствъ и тогда, когда знаніе иностранныхъ языковъ у нихъ оказывается недостаточнымъ. Недостаточное знаніе этихъ языковъ еще болѣе указываетъ, по нашему мнѣнію, на необходимость прослушать курсъ исторіи иностранныхъ законодательствъ вышеупомянутымъ лицамъ, такъ какъ имъ нѣтъ возможности изучать эту науку по источникамъ, а между тѣмъ она является необходимою для юриста. Знаніе иностранныхъ языковъ вообще облегчаетъ трудъ изученія многихъ предметовъ; однако недостатокъ языкознанія не служитъ еще непреодолимымъ препятствіемъ къ изученію ихъ. Многіе изъ этихъ предметовъ входятъ въ кругъ общаго образованія, и при изученіи ихъ не полагается непремѣннымъ условіемъ знаніе того или другаго иностраннаго языка. Такъ напр. можно не знать по-Англійски, по-Итальянски, и въ то же время быть достаточно знакомымъ съ исторіей литературы того и другаго народа. Что касается до знанія исторіи (политической), то, по нашему мнѣнію, тѣ свѣдѣнія въ этомъ предметѣ, которыя имѣютъ кончившіе курсъ въ нашихъ гимназіяхъ или выдержавшіе тамъ испытаніе въ предметахъ полнаго гимназическаго курса, могутъ считаться достаточными для того, чтобы изученіе исторіи иностранныхъ законодательствъ для такихъ лицъ не было terra incognita по отношенію къ поличической судьбѣ тѣхъ государствъ и народовъ, съ исторіею законодательства которыхъ имъ приходится знакомиться.

Наконецъ мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ замѣчаніемъ г. Шнейдера, что едва ли найдутся не только у насъ, но даже и въ какомъ-нибудь Германскомъ университетѣ, профессоры съ тѣми обширными свѣдѣніями, которыя необходимы для преподаванія исторіи иностранныхъ законодательствъ: такъ какъ, допустивъ подобное предположеніе, пришлось бы отрицать не только возможность успѣшнаго преподаванія историческихъ и юридическихъ наукъ, но и вообще возможность этихъ наукъ идти впередъ, совершенствоваться.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній и соображеній по нимъ, мы считаемъ необходимымъ удержать помѣщенную въ проектѣ каѳедру исторіи иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ,—предметъ, который уже по уставу 1804

года имѣлъ особаго профессора въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и назывался правомъ «знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ». Названіе, которое мы предлагаемъ дать этой каѳедрѣ, есть слѣдующее:

«Исторія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ».

3) *Исторія Русскаго права и другихъ Славянскихъ законодательствъ и обзоръ мѣстныхъ законовъ въ Россіи.*

Объ этой каѳедрѣ высказано четыре замѣчанія:

Г. профессоръ Спасовичъ не согласенъ на соединеніе мѣстныхъ законовъ съ каѳедрою Русскаго права и другихъ Славянскихъ законодательствъ (ч. I, стр. 184); *совѣтъ Московскаго университета* предлагаетъ отдѣлить отъ этой каѳедры обзоръ мѣстныхъ законовъ и поручить его особому преподавателю (ч. I, стр. 246); членъ ученаго комитета г. Шнейдеръ предлагаетъ для мѣстныхъ законовъ учредить особую каѳедру (ч. II, стр. 97); г. профессоръ Андреевскій, указывая на то, что содержаніе какъ исторіи Русскаго права въ отдѣльности, такъ и исторіи Славянскихъ законодательствъ, очень обширно, и что преподаватель, если онъ будетъ излагать оба предмета, непремѣнно сосредоточитъ «все свое вниманіе на исторіи Русскаго права и не будетъ имѣть возможности подвергнуть самостоятельному анализу исторію другихъ Славянскихъ законодательствъ», — предлагаетъ настоящую каѳедру проекта раздѣлить на двѣ каѳедры: одну—для исторіи Русскаго права, при изложеніи котораго преподаватель, по самой необходимости, будетъ дѣлать и обзоръ мѣстныхъ законовъ; другую — для исторіи Славянскихъ законодательствъ (ч. I, стр. 141).

Мы раздѣляемъ вполнѣ мнѣніе г. профессора Андреевскаго, тѣмъ болѣе, что, на основаніи 2 пун. ст. 26 исправленной редакціи проекта *), факультетъ будетъ имѣть возможность, если найдетъ то нужнымъ, предоставить отдѣльному преподавателю изложеніе мѣстныхъ законовъ; учреждать же въ настоящее время въ нашихъ университетахъ особую каѳедру для

*) Приложенія къ журналу ученаго комитета по проекту общаго устава Россійскихъ университетовъ, приложеніе къ № 2, стр. 37.

мѣстныхъ законовъ Россійской имперіи намъ кажется излишнимъ, по отсутствію существенной важности для университетскихъ слушателей отъ обширнаго изученія этого предмета и по недостатку еще самостоятельной ученой обработки его. Для мѣстныхъ законовъ могутъ быть учреждаемы отдѣльныя каѳедры въ тѣхъ изъ Россійскихъ университетовъ, которые, сверхъ общей для всѣхъ университетовъ цѣли, должны еще удовлетворять и нѣкоторымъ особеннымъ мѣстнымъ потребностямъ; но вводить въ общій университетскій уставъ особую каѳедру для мѣстныхъ законовъ намъ кажется излишнимъ.

Поэтому мы полагаемъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ здѣсь мнѣній и соображеній, раздѣлить вышеозначенный 3-й пунктъ статьи 14-й проекта на двѣ каѳедры и означить ихъ такъ:

История Русскаго права.

Исторія Славянскихъ законодательствъ.

4) *Римское право.*

а) Исторія Римскаго права.

б) Догматика Римскаго гражданскаго права.

в) Византійское право.

Относительно подраздѣленія этой каѳедры высказали мнѣніе: попечитель Кіевскаго учебнаго округа г. Витте (ч. I, стр. 436) и членъ ученаго комитета г. Шнейдеръ (ч. II, стр. 97). Оба они отвергаютъ необходимость вводить Византійское право въ каѳедру Римскаго права, на томъ основаніи, что наши университетскіе слушатели большею частію не имѣютъ въ древне-Греческомъ языкѣ достаточныхъ свѣдѣній для того, чтобы, изучая Византійское право, какъ отдѣльную науку, обращаться къ ея источникамъ, безъ чего всякое основательное знаніе, по ихъ мнѣнію, невозможно. Руководствуясь этимъ мотивомъ, г. Витте предлагаетъ излагать ходъ развитія Византійскаго права въ лекціяхъ исторіи иностранныхъ законодательствъ съ большею противъ другихъ законодательствъ подробностію, а г. Шнейдеръ — предоставить изученіе Византійскаго права частнымъ занятіямъ каждаго учащагося.

Выше мы уже высказали наше мнѣніе о томъ, что недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ въ университетскихъ слушателяхъ не можетъ еще служить безусловнымъ

препятствіемъ для изученія права; а потому и теперь мы предлагаемъ удержать каѳедру Римскаго права въ томъ ея составѣ (т. е. со всѣми тремя подраздѣленіями), какой она имѣетъ по проекту, именно:

Римское право:

а) Исторія Римскаго права.

б) Догматика Римскаго гражданскаго права.

в) Византійское право:

5) *Государственное право.*

а) Общее государственное право.

б) Государственное право важнѣйшихъ державъ.

в) Русское государственное право: законы основные, государственныя учрежденія и законы о состояніяхъ.

На эту каѳедру проекта сдѣлано 4 замѣчанія, изъ которыхъ три относятся къ первому ея подраздѣленію и одно—ко второму.

Г. профессоръ Спасовичъ указываетъ на неопредѣленность названія «общее государственное право» (ч. I, стр. 184), которое г. профессоръ Ивановскій предлагаетъ замѣнить названіемъ «теорія государственнаго права» (ч. I, стр. 70), а г. профессоръ Утинъ (ч. I, стр. 132) подъ общимъ государственнымъ правомъ здѣсь разумѣетъ «исторію философскихъ ученій о государствѣ», съ чѣмъ, какъ намъ кажется, нельзя согласиться, потому что подъ *общимъ* государственнымъ правомъ составители проекта разумѣли, вѣроятно, философскую науку о государственномъ правѣ, которую Германскіе ученые обыкновенно называютъ «allgemeines Staatsrecht». Наука эта излагаетъ въ системѣ тѣ общія философскія начала о государственномъ правѣ, которыя выработались и выяснились мыслителями по настоящее время и которыя могутъ быть примѣнимы къ государству вообще. Въ этомъ отношеніи, слово «allgemeines Staatsrecht» какъ бы противопоставляется слову «besonderes Staatsrecht», какъ государственному праву извѣстнаго, опредѣленнаго государства. Теорія государственнаго права, по нашему мнѣнію, можетъ имѣть свою исторію, какъ имѣетъ ее всякая философская наука о правѣ. *Совѣтъ Московскаго университета* предлагаетъ для государственнаго права важнѣйшихъ иностранныхъ державъ *) учредить особую каѳедру, по примѣру суще-

*) Мы предлагаемъ въ замѣну слова «державъ», которое употреблено въ проектѣ, слово «государствъ», потому что это послѣднее въ настоящемъ случаѣ опредѣлительнѣе.

ствующей въ настоящее время такой каѳедры въ Московскомъ университетѣ (ч. I, стр. 245—246), къ чему мы не видимъ достаточнаго основанія, тѣмъ болѣе, что по силѣ 2 п. 26 ст. исправленной редакціи проекта, факультету всегда будетъ предоставлено право поручать преподаваніе извѣстнаго предмета, входящаго въ составъ той или другой каѳедры, отдѣльному лицу, не учреждая для того особой каѳедры. Сверхъ того, при томъ составѣ каѳедры государственнаго права, который она имѣетъ по проекту, представляется возможнымъ сравнительный методъ изложенія этой науки, столь желательной въ настоящее время по своей существенной пользѣ, тогда какъ этотъ методъ, при отдѣленіи государственнаго права важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ въ особую самостоятельную каѳедру, окажется почти невозможнымъ или во всякомъ случаѣ излишнимъ.

Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній и соображеній, мы предлагаемъ дать этой каѳедрѣ проекта слѣдующее названіе:

Государственное право:

а) Теорія государственнаго права.

б) Государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ *государствъ*.

в) Русское государственное право *).

6. *Гражданское право:*

а) Имущественное право.

б) Семейственное право.

в) Межевые законы.

Совѣтъ Московскаго университета (ч. I, стр. 246) и г. профессоръ Лешковъ (ч. II, стр. 395) предлагаютъ назвать эту каѳедру *Русскимъ* гражданскимъ правомъ.

Намъ кажется, что относительно названія этой каѳедры необходимо удержать редакцію ея по проекту, такъ какъ ею выражается мысль — не ограничивать преподаванія гражданскаго права однимъ Русскимъ гражданскимъ правомъ **).

*) Подраздѣленія опущены на основаніи сдѣланнаго нами выше замѣчанія.

**) Совѣтъ Московскаго университета, предлагая назвать гражданское право — *Русскимъ* гражданскимъ правомъ, не держится того же относительно уголовнаго права, и называя это послѣднее, какъ отдѣльную каѳедру, «уголовнымъ правомъ», подраздѣляетъ его на теорію уголовнаго права и на Русское уголовное право (ч. I, стр. 246).

На этомъ основаніи, мы полагаемъ настоящую каѳедру назвать такъ:

Гражданское право *).

7. *Гражданское судоустройство и судопроизводство.*

Относительно этой каѳедры только *совѣтъ Московскаго университета* сдѣлалъ замѣчанія, предлагая назвать ее каѳедрою *Русскаго* гражданскаго судопроизводства и судоустройства (ч. I, стр. 246); но мы не можемъ согласиться съ этимъ по той же причинѣ, по которой не можемъ назвать каѳедру гражданскаго права — каѳедрою *Русскаго* гражданскаго права.

По причинѣ той тѣсной связи, которая существуетъ между гражданскимъ правомъ и гражданскимъ судопроизводствомъ, нѣтъ основанія, какъ намъ кажется, учреждать для сего послѣдняго особую каѳедру, тѣмъ болѣе, что, по силѣ пункта 2 ст. 26 исправленной редакціи проекта, факультету предоставляется право назначать отдѣльныхъ преподавателей для извѣстныхъ наукъ или частей ихъ, не учреждая для того особыхъ каѳедръ.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, мы считаемъ необходимымъ соединить съ каѳедрою гражданскаго права гражданское судоустройство и судопроизводство (составляющее по пункту 7 ст. 14 проекта самостоятельную каѳедру) и дополненную редакцію 6 пун. ст. 14 пр. выразить такъ:

«Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство».

Затѣмъ пунктъ 7 ст. 14 проекта исключается.

8. *Уголовное и полицейское право*:

а) Уголовное право.

б) Полицейское право.

в) Уголовное судопроизводство.

На эту каѳедру проекта сдѣлано шесть замѣчаній **), изъ нихъ: во-1-хъ, всѣ согласны въ томъ, что полицейское право должно быть устранено изъ каѳедры уголовнаго права; во-2-хъ,

*) Подраздѣленія этой каѳедры опускаются.

**) Мнѣнія совѣта Московскаго университета (ч. I, стр. 246); совѣта Одесскаго лицея (ч. II, стр. 53); г. члена ученаго комитета Шнейдера (ч. II, стр. 97); г. профес. Спасовича (ч. I, стр. 184); г. попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа Делянова (ч. I. стр. 223) и г. профес. Андреевскаго (ч. I, стр. 139—140).

три мнѣнія въ пользу того, чтобы уголовное судопроизводство составляло отдѣльную отъ уголовнаго права каѳедру *).

1) Г. попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа Делянов, указывая на неправильное совмѣщеніе полицейскаго права въ одну каѳедру съ правомъ уголовнымъ, замѣчаетъ, что «едва ли можно найти какое-либо научное къ этому основаніе», а г. профессоръ Андреевскій, мотивируя необходимость отдѣленія полицейскаго права отъ уголовнаго, говоритъ, что полицейское право имѣетъ мало общаго съ уголовнымъ, «такъ какъ теорія каждаго изъ этихъ правъ черпаетъ свои начала не изъ одного общаго источника, но изъ различныхъ. Уголовное право есть наука о преступленіяхъ и наказаніяхъ, а полицейское право, или какъ оно у насъ обыкновенно называется, наука о законахъ государственнаго благоустройства и благочинія, есть наука о безопасности и благосостояніи гражданъ.» Такъ какъ «опасности для гражданъ могутъ быть двоякія: или зависящія отъ злой воли человѣка, или вовсе независящія отъ воли человѣка», и какъ первыя составляютъ предметъ предупредительной полиціи, то, вѣроятно, продолжаетъ г. профессоръ Андреевскій, «составители проекта хотѣли сказать уголовное право, съ присоединеніемъ къ нему законовъ предупредительной полиціи, на томъ же основаніи, какъ въ общемъ уставѣ Россійскихъ университетовъ 1835 г. сказано: законы уголовные и полицейскіе.» Такое существенное различіе между полицейскимъ и уголовнымъ правомъ, наглядно выставленное г. профессоромъ Андреевскимъ, ясно доказываетъ, по нашему мнѣнію, необходимость исключенія полицейскаго права изъ каѳедры права уголовнаго.

2) *Совѣтъ Московскаго университета* полагаетъ необходимымъ учредить особую каѳедру для уголовнаго судопроизводства, по причинѣ обширности этого предмета и потому еще, что въ проектѣ для гражданскаго судопроизводства назначена отдѣльная каѳедра; а *совѣтъ Одесскаго лицея* замѣчаетъ, что «одной каѳедры для *уголовнаго права* мало, тѣмъ болѣе, что самый проектъ назначаетъ двѣ для гражданскаго: уголовный процесъ и практическія занятія непремѣнно требуютъ особой каѳедры.»

*) Мнѣнія совѣта Московскаго университета, совѣта Одесскаго лицея и г. Шнейдера.

Эти мотивы, какъ намъ кажется, не могутъ служить достастаточнымъ основаніемъ для учрежденія самостоятельной каѳедры по уголовному судопроизводству, тѣмъ болѣе, что, на основаніи 2 пун. 26 ст. исправл. редакц. пр., факультету предоставляется право назначать отдѣльныхъ преподавателей для извѣстныхъ наукъ или частей ихъ, не учреждая для того особыхъ каѳедръ, и та тѣсная связь, которая существуетъ между гражданскимъ правомъ и гражданскимъ судопроизводствомъ, соединяетъ также уголовное судопроизводство съ уголовнымъ правомъ въ одно цѣлое.

Руководствуясь всѣми этими замѣчаніями и соображеніями, мы предлагаемъ пун. 8 ст. 14 проекта поименовать такъ:

«Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство» *).

9) *Хозяйственная политика и законы благоустройства.*

Неопредѣленность такого названія этой каѳедры вызвала со стороны критиковъ проекта рядъ замѣчаній, изъ которыхъ замѣчаніе г. профессора Андреевскаго вполнѣ разрѣшаетъ настоящій вопросъ. Раздѣляя полицейское право на ученіе о безопасности и ученіе о благосостояніи (о чемъ сказано нами выше) и указывая составныя части того и другаго, г. профессоръ Андреевскій объясняетъ, что теорія второй части законовъ благоустройства, какъ «философское ученіе о правительственныхъ мѣрахъ для доставленія народу матеріальнаго благосостоянія, именно о заботахъ относительно развитія земледѣльческой, мануфактурно-ремесленной и торговой промышлености, и составляетъ хозяйственную политику, которая въ проектѣ возведена на степень самостоятельной каѳедры и такимъ образомъ оторвана отъ другихъ частей, вмѣстѣ съ которыми должна составлять (какъ это было и до сихъ поръ) самостоятельную каѳедру полицейскаго права или законовъ государственнаго благостройства и благочинія **).

На основаніи этого замѣчанія г. профессора Андреевскаго могутъ быть объяснены прочія замѣчанія на 9 пун. 14 ст. проекта. Такъ, по мнѣнію г. Шнейдера (ч. II, стр. 97)

*) Подраздѣленія этой каѳедры опускаются на основаніи нашего замѣчанія, помѣщеннаго выше.

**) Ч. I, стр. 140 — 141.

хозяйственная политика, непосредственно основанная на началахъ политической экономіи, должна быть соединена съ сею послѣднею и отнесена въ юридическій факультетъ. *Законы* же *благоустройства* слѣдуетъ отнести къ полицейскому праву, которое, по его мнѣнію, должно составлять отдѣльную каѳедру. Г. Гречъ (ч.II, стр. 129) предлагаетъ законы благоустройства назвать *законами полицейскими*, такъ какъ это, по его мнѣнію, было бы опредѣлительнѣе; относительно хозяйственной политики онъ дѣлаетъ такой вопросъ: «чѣмъ она отличается отъ политической экономіи, преподаваемой въ факультетѣ историко-филологическомъ»? Г. профессоръ Лешковъ желаетъ измѣнить названіе 9 пунк. 14 ст. проекта въ «общественное право или законы благоустройства» (ч. II, стр. 395), а совѣтъ Московскаго университета даетъ этой каѳедрѣ названіе: «законы благоустройства и благочинія» (ч. I, стр. 246).

Съ замѣчаніемъ г. Шнейдера мы не можемъ согласиться въ томъ отношеніи, что хозяйственную политику слѣдуетъ соединить съ политической экономіей: такъ какъ, по нашему мнѣнію, въ этой послѣдней наукѣ первая разумѣется сама собою, какъ изъ одна составныхъ частей политической экономіи; въ преподаваніи же полицейскаго права хозяйственная политика занимаетъ самостоятельное мѣсто, потому что здѣсь она не заключаетъ въ себѣ голыхъ философскихъ началъ по отношенію къ народному хозяйству, но въ примѣненіи къ тѣмъ положительнымъ законамъ, которые основаны на ея философскихъ началахъ, поставленныхъ въ связи съ потребностями народа даннаго государства и цѣлымъ законодательствомъ страны.

То, что мы сейчасъ замѣтили о сродствѣ хозяйственной политики, какъ съ политической экономіей, такъ и съ полицейскимъ правомъ, можетъ объяснить и вопросъ г. Греча: чѣмъ отличается хозяйственная политика отъ политической экономіи? Второе его замѣчаніе, что опредѣлительнѣе было бы «законы благоустройства» назвать *законами полицейскими*, также не можетъ быть нами принято, такъ какъ законы благоустройства *принадлежатъ* къ полицейскимъ законамъ и составляютъ *часть* сихъ послѣднихъ. Желаніе г. профессора Лешкова—назвать 9 пун. 14 ст. проекта «общественное право или законы благоустройства» вводитъ въ юридическій факультетъ не цѣлую науку полицейскаго права, а только часть ея, такъ какъ подъ законами благоустройства разумѣется только ученіе о благососто-

яніи, слѣдовательно, ученіе о безопасности (законы благочинія) въ нее вовсе не включено. Наконецъ, что касается до предложенія совѣта Московскаго университета назвать 9 пун. 14 ст. проекта каѳедрою *законовъ благоустройства и благочинія*, — наименованіе, которое имѣла эта каѳедра въ университетскомъ уставѣ 1835 года, то его можно бы было принять; но тогда, для сохраненія последовательности, и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ 14 ст. проекта пришлось бы употреблять слово «законы» вмѣсто «право», какъ, напримѣръ, государственные, гражданскіе, уголовные законы и т. д.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы полагаемъ 9 п. 14 ст. проета назвать такъ:

Полицейское право:

а) Ученіе о безопасности (законы благочинія).

б) Ученіе о благосостояніи (законы благоустройства).

10) *Наука и законы о финансахъ*:

а) Законы о финансахъ.

б) Законы о государственныхъ повинностяхъ.

Совѣтъ Московскаго университета предлагаетъ назвать эту каѳедру *наукою о финансахъ* (ч. I, стр246); г. профессоръ Лешковъ — финансовымъ правомъ (ч. II, стр. 395); г. Шнейдеръ — отмѣнить подраздѣленіе, такъ какъ, по справедливому его замѣчанію, такое подраздѣленіе «не только не логично, но и вообще не научно» (ч. II, стр. 97).

Что касается до нашего мнѣнія, то мы предлагаемъ назвать эту каѳедру проекта *финансовымъ правомъ*, подраздѣливъ его на 1) *теорію финансовъ* и на 2) *Русское финансовое право*: такъ какъ названіе «наука о финансахъ», предлагаемое совѣтомъ Московскаго университета, не заключаетъ въ себѣ той полноты понятія, какая соединяется съ понятіемъ «финансовое право». Наука о финансахъ есть философія финансоваго права, которое въ отношеніи къ данному государству или народу (какъ это имѣетъ въ виду проектъ) имѣетъ догматическую и историческую части, для изложенія финансовыхъ законовъ этого народа и ученой ихъ обработки у него. Съ предложеніемъ г. Шнейдера—уничтожить только подраздѣленія этой каѳедры проекта (слѣдовательно, удержать однако ея названіе) — мы согласиться не можемъ, потому что для полнаго изложенія предмета недостаточно только философскаго и догматическаго метода, но необ-

ходимъ и методъ историческій. Вотъ почему названіе *финансовое право*, какъ такое названіе, которое даетъ болѣе полное понятіе о предметѣ, мы предпочитаемъ наименованію *наука и законы о финансахъ*.

Такимъ образомъ настоящую каѳедру проекта мы полагаемъ назвать и подраздѣлить такъ:

Финансовое право:

а) Теорія финансовъ.

б) Русское финансовое право.

11) *Международное право и дипломація.*

Профессоръ Лешковъ называетъ это право *народнымъ правомъ* (ч. II, стр. 395); но намъ кажется, что такое названіе нисколько не указываетъ на существо того предмета, который хотятъ имъ обозначить, и своею неопредѣленностію можетъ дать поводъ къ неточному уразумѣнію этого предмета, тогда какъ названіе *международное право* само собою указываетъ на то, что это есть право, имѣющее силу и дѣйствіе между различными народами или государствами *).

На этомъ основаніи, мы удерживаемъ редакцію этой каѳедры по проекту и полагаемъ пун. 11 ст. 14 проекта назвать:

Международное право и дипломація.

Къ 14 ст. проекта прибавлены два примѣчанія, изъ которыхъ въ первомъ сказано:

Торговое право преподается или отдѣльно или въ связи съ законами гражданскими и законами благоустройства.

Относительно этого примѣчанія г. Шнейдеръ высказалъ мнѣніе, что «торговое право необходимо должно быть преподаваемо, какъ отдѣльный предметъ» (ч. II, стр. 98).

Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Мы полагаемъ, что торговое право не есть самостоятельный предметъ, потому что теорія его входитъ въ составъ гражданскаго права; но какъ особенности торговыхъ законовъ довольно обширны, то преподаваніе этого предмета полезно поручить отдѣльному лицу, не вводя однако особенной каѳедры для торговаго права.

*) Посему это право можно бы было также назвать *междугосударственнымъ*.

На основаніи этого соображенія, мы предлагаемъ измѣнить редакцію 1-го примѣч. къ 14 ст. проекта и выразить ее такъ:

Для преподаванія торговаго права опредѣляется отдѣльный преподаватель.

Во второмъ примѣчаніи къ 14 ст. проекта сказано:

Юридическая практика входитъ въ составъ вышеупомянутыхъ каѳедръ по принадлежности, но можетъ быть поручаема и отдѣльному преподавателю.

Относительно этого примѣчанія высказалъ мнѣніе попечитель Кіевскаго учебнаго округа г. Витте (ч. I, стр. 436—7), который отрицаетъ необходимость вводить въ юридическій факультетъ преподаваніе юридической практики на томъ основаніи, что она не составляетъ задачи юридическаго факультета и есть плодъ сознательной дѣятельности юриста въ сферѣ судебной. «Задача юридическаго факультета, говоритъ г. Витте, быть представителемъ юридической науки, вселить въ слушателяхъ любовь и уваженіе къ ней, и тѣмъ оградить будущихъ юристовъ-практиковъ отъ пагубныхъ сѣтей, которыми приказная рутина такъ легко опутываетъ судей, не имѣющихъ при себѣ единственнаго дѣйствительнаго противуядія въ основательномъ теоретическомъ образованіи».

Мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ г. Витте на этотъ предметъ; мы думаемъ, что было бы хорошо, еслибы преподаватели гражданскаго и уголовнаго права и судопроизводства могли ознакомить своихъ слушателей съ практическою стороною предмета; но это нужно только *предоставить* имъ, а не дѣлать для нихъ обязательнымъ; вводить же особаго преподавателя для юридической практики намъ кажется мало обѣщающею роскошью, на которую можетъ рѣшиться факультетъ, если будетъ располагать лишними денежными средствами: такъ какъ практическій преподаватель станетъ ограничиваться передачею существующихъ формъ и обрядовъ дѣлопроизводства, и условіе этой передачи слушателями будетъ большею частію страдательное, между тѣмъ какъ юристъ, пріобрѣвшій въ университетѣ теоретическія начала, будетъ въ состояніи усвоить себѣ юридическую практику собственною самостоятельною дѣятельностію на поприщѣ судебномъ въ весьма короткое время.

На этомъ основаніи, мы предлагаемъ слѣдующую редакцію 2-го примѣч. къ 14 ст. проекта:

Юридическая практика можетъ быть поручаема отдѣльному преподавателю.

Въ ст. 17 проекта между прочимъ сказано:

Профессоръ православнаго богословія преподаетъ и церковное законовѣдѣніе студентамъ юридическаго факультета.

Прежде всего намъ кажется необходимымъ выяснить понятіе о церковномъ правѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ замѣчаній, относящихся къ этой части ст. 14 проекта, оно смѣшивается съ понятіемъ о каноническомъ правѣ. Различіе церковнаго права отъ каноническаго выяснено въ замѣчаніи г. профессора Андреевскаго (ч. I, ст. 142), въ которомъ каждое изъ этихъ правъ получаетъ характеръ самостоятельной науки, въ томъ видѣ, какъ она понимается современными Германскими юристами. Мы согласны съ г. профессоромъ Андреевскимъ, который опредѣляетъ церковное и каноническое право такъ: «церковное право есть систематическое ученіе о тѣхъ положительныхъ законахъ, истекающихъ отъ верховной государственной власти, которыми опредѣляются права и обязанности гражданъ, какъ членовъ той или другой церкви, того или другаго исповѣданія, допускаемаго въ государствѣ; каноническое же право есть систематическое ученіе о законахъ, истекающихъ отъ церковной власти того или другаго исповѣданія, по принадлежности, о внутреннихъ дѣлахъ церкви и объ отношеніяхъ исповѣдующихъ религію къ церкви».

Въ замѣчаніяхъ на проектъ мы находимъ рядъ мнѣній, въ которыхъ высказывается мысль, что церковное право должно составлять самостоятельную каѳедру *), и только преосвященный Макарій, епископъ Харьковскій, руководствуясь статьею 17-ою проекта и видя возможность сдѣлать лекціи профессора богословія (когда онъ не будетъ имѣть себѣ въ помощь одного доцента) обширными, основательными, профессорскими, если

*) Мнѣнія: г. профессора Андреевскаго, совѣта Московскаго университета, попечителя Харьковскаго университета, попечителя Харьковскаго учебнаго округа г. Левшина, г. Павловскаго, автора статьи «О преподаваніи богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ», и г. профессора Лешкова (ч I, стр. 142, 246, 289; 375—6; ч. II, стр. 66, 89, 395; еще г. Греча (ч. II, стр. 129—130).

ему предоставить право излагать не полный курсъ, а только главныя и основныя истины поручаемыхъ его преподаванію наукъ *), замѣчаетъ: «*о церковномъ законовѣдѣніи* не говоримъ: тамъ легко сдѣлать выборъ предметовъ и сократить, сообразно съ цѣлію преподаванія этой науки въ университетахъ». (ч. I, стр. 457—8).

Мы, напротивъ, думаемъ, что какъ для юриста необходимо полное изученіе гражданскаго, уголовнаго, государственнаго права и др., а не отрывочное знаніе извѣстныхъ частей того или другаго, такъ и церковное право юристъ необходимо долженъ изучить въ полномъ его составѣ, а не въ извлеченіяхъ, какъ это предлагаетъ преосвященный Макарій.

Мотивируя необходимость учрежденія въ юридическомъ факультетѣ особой каѳедры для церковнаго права, совѣтъ Московскаго университета, совѣтъ Харьковскаго университета **) и г. профессоръ Андреевскій указываютъ главнымъ образомъ на юридическій характеръ церковнаго законодательства и на важность церковнаго права для историко-юридическихъ и политическихъ наукъ, и потому непремѣннымъ условіемъ для успѣшнаго преподаванія церковнаго права въ университетѣ ставятъ необходимость имѣть на этой каѳедрѣ профессора-юриста ***); тогда какъ гг. Павловскій и авторъ статьи «О преподаваніи богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ» полагаютъ ввѣрить преподаваніе церковнаго права священнослужителю, при чемъ авторъ вышеупомянутой статьи, замѣчая, что Мо-

*) По 17 ст. проекта на профессора православнаго богословія возлагается преподаваніе: догматическаго и нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія.

**) Совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ предлагаютъ учредить въ юридическомъ факультетѣ каѳедру *каноническаго* права (въ обширномъ смыслѣ), въ составъ котораго, такимъ образомъ, входитъ и церковное право. По нашему мнѣнію, эти двѣ науки не должны быть смѣшиваемы, такъ какъ онѣ почерпаютъ свое содержаніе изъ различныхъ источниковъ. Источникомъ для церковнаго права служитъ верховная государственная власть, источникомъ же каноническаго права — власть церковная. По этому преподаваніе послѣдняго предмета, какъ намъ кажется (см. ниже), можетъ быть поручено священнослужителю.

***) Эта послѣдняя мысль высказана не совѣтомъ Харьковскаго университета, а попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа г. Левшинымъ, въ его замѣчаніи на мнѣніе совѣта Харьковскаго университета.

сковскій университетъ призналъ необходимымъ для юридическаго факультета учредить особую каѳедру каноническаго права, которое требуетъ преподавателя со специальнымъ юридическимъ приготовленіемъ, говоритъ: «да, каноническое право (мы сказали бы *церковное законовѣдѣніе;* этотъ терминъ гораздо точнѣе обозначаетъ широкое содержаніе науки) есть предметъ не только богословскій, но и юридическій, однако, *по существенному своему элементу, оно есть предметъ богословскій.* Потому *преподаватель его непремѣнно долженъ имѣть специальное богословское образованіе* съ нѣкоторымъ юридическимъ приготовленіемъ, главнымъ образомъ, по части Греко-Римскаго права».

Намъ кажется, что преподавателемъ церковнаго права *непремѣнно* долженъ быть ученый юристъ, для того, чтобы въ разработку церковнаго права, предмета важнаго и необходимаго для юриста, внести юридическій методъ изслѣдованія науки. Требовать спеціально-юридическаго образованія отъ нашихъ духовныхъ невозможно; *нѣкоторое же юридическое приготовленіе*, о которомъ говоритъ авторъ вышеупомянутой статьи, не только не можетъ удовлетворять вышесказанной нами цѣли, но еще болѣе повредитъ существу преподаванія.

Такимъ образомъ намъ кажется необходимымъ учрежденіе въ юридическомъ факультетѣ особой каѳедры *церковнаго права*, преподаваніе котораго должно быть поручаемо профессору-юристу и обнимать собою постановленія Русскаго законодательства (свѣтскаго), относительно всѣхъ вѣроисповѣданій въ государствѣ.

Что касается до каноническаго права*), то его мы полагали бы ввести для слушателей православнаго исповѣданія и поручить преподаваніе этого предмета профессору православнаго богословія. Поэтому окончаніе 17 ст. проекта мы полагаемъ изложить такъ:

«Профессоръ православнаго богословія преподаетъ и *каноническое право православной церкви слушателямъ юридическаго факультета, православнаго исповѣданія*».

—

*) Мнѣнія: тайнаго совѣтника Пирогова, г. профессора Андреевскаго, совѣта Московскаго университета, совѣта Харьковскаго университета, г. профессора Горлова и г. Греча (ч. I, стр. 7, 142, 246,289, 479; ч. II, стр. 129—130).

Сверхъ того, еще слѣдующія замѣчанія на проектъ относятся къ разсматриваемому нами предмету:

1) *Совѣтъ Московскаго университета* (ч. I, стр. 246) и попечитель Кіевскаго учебнаго округа г. Витте (ч. I, стр. 437) указываютъ на необходимость преподаванія въ юридическомъ факультетѣ судебной медицины и медицинской полиціи, а г. Шнейдеръ — на преподаваніе судебной медицины (ч. II, стр. 98). Г. Витте замѣчаетъ, что курсы судебной медицины и медицинской полиціи должны быть преподаны «въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ врачебная наука, въ примѣненіи къ судопроизводству и къ государственному благоустройству, нужна юристу и доступна слушателю, не посвященному въ тайны естествовѣдѣнія».

Мы съ своей стороны замѣтимъ, что знаніе судебной медицины оказывается необходимымъ для юриста при производствѣ уголовныхъ слѣдствій: потому что въ этихъ случаяхъ закономъ возлагается на слѣдователя-юриста обязанность предлагать вопросы врачу, находящемуся при слѣдствіи, относительно предмета этого слѣдствія. Чтобы эти вопросы были правильны, они должны быть предлагаемы лицомъ, знающимъ судебную медицину. Сверхъ того, знаніемъ судебной медицины слѣдователю-юристу доставляется возможность въ достаточной степени контролировать правильность отвѣтовъ врача на тѣ вопросы, которые первый предлагаетъ сему послѣднему относительно предмета слѣдствія. На такомъ же основаніи, знаніе медицинской полиціи дѣлается необходимымъ для юриста, какъ скоро ему приходится примѣнять на практикѣ тѣ многообразныя начала полицейскаго права, которыя предписываются наукою и законодательствомъ для обширной полицейской дѣятельности.

На этомъ основаніи и согласно съ вышеприведенными мнѣніями, мы предлагаемъ ввести въ юридическій факультетъ преподаваніе *судебной медицины и медицинской полиціи*.

Примѣчаніе. Это преподаваніе тѣмъ болѣе необходио для С.-Петербургскаго университета, что въ немъ нѣтъ медицинскаго факультета.

2) Десятою каѳедрою историко-филологическаго факультета по проекту поставлена: *политическая экономія и статистика* (см. 12 ст. 10 пун. проекта).

На эту каѳедру послѣдовалъ рядъ замѣчаній, въ которыхъ указывается необходимость имѣть въ юридическомъ факульте-

тѣ (а не въ историко-филологическомъ, какъ это сдѣлано въ проектѣ) самостоятельную каѳедру политической экономіи *).

На основаніи этихъ замѣчаній, мы считаемъ необходимымъ ввести въ юридическій факультетъ особую каѳедру *политической экономіи*, а изъ историко-филологическаго факультета эту каѳедру исключить (см. ст. 12 пун. 10 проекта).

Впрочемъ, слушаніе лекцій по предмету политической экономіи должно быть предоставлено студентамъ историко-филологическаго факультета.

Что касается до статистики, то мы вовсе исключаемъ ее изъ перечня наукъ юридическаго факультета, такъ какъ статистика не есть самостоятельная наука, а только извѣстный методъ изученія фактовъ, примѣнимый ко всѣмъ наукамъ вообще, какъ это справедливо высказалъ профессоръ Спасовичъ (ч. I, стр. 184), а также это было заявлено и въ засѣданіи ученаго комитета 11 сего сентября гг. Ивановскимъ, Андреевскимъ, Спасовичемъ и Калиновскимъ, по поводу предложенія г. Георгіевскаго внести вмѣстѣ съ политическою экономіею и статистику въ число предметовъ юридическаго факультета.

3) Членъ ученаго комитета г. Шнейдеръ предлагаетъ, въ видѣ примѣчанія къ ст. 14 проекта, постановить, «что отдѣльныя части Русскаго права должны быть излагаемы подлежащими преподавателями не только догматически, но и исторически» (ч. II. стр. 98).

Намъ кажется излишнимъ вносить въ университетскій уставъ такое примѣчаніе, такъ какъ само собою разумѣется, что каждую юридическую науку въ настоящее время можно преподавать только при соединеніи трехъ методовъ изложенія: философскаго, догматическаго и историческаго.

—

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы полагаемъ, что ст. 14 проекта должна имѣть слѣдующую редакцію:

Въ юридическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія каѳедры и науки:

*) Мнѣнія: гг. Ивановскаго, Утина, Андреевскаго, Спасовича, Тулова, Шнейдера и совѣта Казанскаго университета (ч. I, стр. 70, 131, 132, 141, 142, 184, 445, 389; ч. II, стр. 97).

1) Энциклопедія *правовѣдѣнія*:
 а) Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.
 б) Исторія философіи права.
2) Исторія *важнѣйшихъ* иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ.
3) Исторія Русскаго права.
4) Исторія Славянскихъ законодательствъ.
5) Римское право:
 а) Исторія Римскаго права.
 б) Догматика Римскаго гражданскаго права.
 в) Византійское право.
6) Государственное право:
 а) *Теорія государственнаго права.*
 б) Государственное право важнѣйшихъ *иностранныхъ государствъ.*
 в) Русское государственное право.
7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство.
8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство.
9) *Полицейское право:*
 а) *Ученіе о безопасности* (*законы благочинія*).
 б) *Законы о благосостояніи* (*законы благоустройства*).
10) *Финансовое право:*
 а) *Теорія финансовъ.*
 б) *Русское финансовое право.*
11) Международное право.
12) Церковное право.
13) Политическая экономія.

Примѣчаніе 1. Для преподаванія торговаго права, а также для преподаванія судебной медицины и медицинской полиціи, опредѣляются отдѣльные преподаватели.

Примѣчаніе 2. Юридическая практика можетъ быть поручаема отдѣльному преподавателю.

Примѣчаніе 3. Профессоръ православнаго богословія преподаетъ каноническое право православной церкви слушателямъ юридическаго факультета, православнаго вѣроисповѣданія.

За тѣмъ: а) Примѣчанія 1 и 2 къ § 14 и пунктъ 10 § 12 проекта исключаются. б) Конецъ § 17 проекта, начиная со словъ: «профессоръ православнаго богословія»... измѣняется и получаетъ такую редакцію, какую онъ имѣетъ здѣсь въ примѣчаніи 3.

II. О продолжительности университетскаго курса.

(Гл. II, отд. I, § 22).

Магистра **Бауера**.

Къ числу вопросовъ о внѣшнемъ устройствѣ университетскаго преподаванія и о средствахъ къ болѣе успѣшному изложенію различныхъ отраслей наукъ относится, безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ о продолжительности академическаго курса и о выгодахъ дѣленія его на семестры,—вопросъ, который въ проектѣ устава обойденъ молчаніемъ или, по крайней мѣрѣ, выраженъ весьма неясно.

Параграфъ 22-й проекта даетъ поводъ думать, что составители имѣли въ виду семестральное дѣленіе; въ противномъ случаѣ, не было бы причины упоминать о рождественскихъ вакаціяхъ, тогда какъ не упомянуто о пасхальныхъ.

По этому необходимо сперва рѣшить вопросъ: надлежитъ ли вообще дѣлить академическій годъ на полугодія, или разсматривать все время преподаванія, какъ продолженіе одного цѣлаго; другими словами, должно ли преподаваніе отдѣльныхъ отраслей науки заканчиваться вмѣстѣ съ концомъ семестра, или только съ концомъ академическаго года?

Если дѣленіе семестральное будетъ признано выгоднымъ и полезнымъ для университетскаго преподаванія, то необходимо будетъ измѣнить редакцію 22-го параграфа; въ противномъ случаѣ, надобно будетъ упомянуть и о другихъ болѣе продолжительныхъ праздникахъ.

Объ этомъ вопросѣ высказали свое мнѣніе весьма не многіе изъ гг. рецензентовъ проекта устава, но всѣ они

признаютъ необходимость семестральнаго дѣленія, хотя, впрочемъ, и не приводятъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія.

(Гг. Совѣтовъ, Пузыревскій, Менделѣевъ (I, 205), совѣтъ лицея князя Безбородко (II, 18), докторъ философіи Цункъ (II, 462), члены совѣта Казанскаго университета: профессоры Бутлеровъ, Больцани и Яновичъ. I, 407).

Г. членъ главнаго правленія училищъ Пироговъ одинъ только высказалъ свое мнѣніе о выгодѣ и пользѣ семестральнаго дѣленія для успѣшнаго университетскаго преподаванія:

«Судя по § 22, говоритъ онъ (I, 8), можно бы полагать, что наконецъ въ нашихъ университетахъ вводится семестральное раздѣленіе курса, общепринятое въ цѣлой почти Европѣ. Но между тѣмъ, въ проектѣ устава нигдѣ это не выражено. Выгоды семестральнаго раздѣленія очевидны, потому что преподаваніе многихъ предметовъ и многихъ отраслей наукъ можетъ быть удобно закончено въ теченіе одного семестра. Если же, не смотря на это, раздѣленіе семестральное не принимается проектомъ, то для чего же тогда назначать вакаціи два раза въ годъ?»

Хотя мнѣніе г. Пирогова объ удобствѣ семестральнаго дѣленія для нѣкоторыхъ отраслей наукъ совершенно справедливо, но нельзя, однако, согласиться съ нимъ, чтобы для одного этого удобства былъ измѣненъ вкоренившійся у насъ обычай, находящійся, кромѣ того, въ тѣсной связи съ внѣшней организаціей нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Семестральное дѣленіе курса, существующее въ Германскихъ университетахъ, обусловлено, съ одной стороны, подобнымъ же распредѣленіемъ преподаванія въ гимназіяхъ и школахъ, а съ другой — совершенно исключительнымъ положеніемъ университетовъ въ отношеніи къ учащейся молодежи. Въ Нѣмецкихъ гимназіяхъ выпускныя испытанія производятся два раза въ годъ и съ ними совпадаетъ также и пріемъ въ университеты. Къ тому же молодой человѣкъ въ Германіи почти никогда не оканчиваетъ своего образованія въ одномъ университетѣ. Пробывъ два или три года, напр., въ Берлинѣ, онъ, въ теченіе остальныхъ 2 или 3 лѣтъ, странствуетъ по другимъ университетамъ, слушая нѣсколько лекцій по своему спеціальному предмету у того или другаго профессора, извѣстнаго своею

ученою дѣятельностью. При такихъ условіяхъ, семестральное дѣленіе весьма выгодно для студента: онъ имѣетъ возможность въ одинъ семестръ прослушать часть науки и ознакомиться со взглядомъ профессора на нее. Во Франціи не существуетъ семестральнаго дѣленія. Лекціи начинаются тамъ обыкновенно 1-го ноября и продолжаются до іюля мѣсяца, прерываемыя весьма немногими праздниками. Выпускныя испытанія въ коллегіяхъ и лицеяхъ происходятъ также только одинъ разъ въ годъ. Изъ этого видно, что дѣленіе на полугодія въ нѣкоторыхъ университетахъ западной Европы есть не столько средство къ болѣе успѣшному преподаванію, сколько слѣдствіе тамошней организаціи среднихъ учебныхъ заведеній, и что дѣленіе это есть, слѣдовательно, мѣстное условіе, вкоренившееся обычаемъ. Переносить его къ намъ только потому, что существуетъ оно въ Германіи, кажется, нѣтъ достаточной причины. Съ этимъ въ связи—совершенное преобразованіе системы преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ,—преобразованіе, вызванное не необходимостью, которое едва ли принесетъ какую-нибудь существенную пользу.

Если, какъ говоритъ г. Пироговъ, нѣкоторыя отрасли наукъ могутъ быть весьма удобно закончены въ одинъ семестръ, то преподаватель, желающій прочитать какую-нибудь отдѣльную часть въ четыре мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы заняться въ теченіе остальныхъ четырехъ мѣсяцевъ изложеніемъ инаго какого-либо отдѣла, безъ всякаго сомнѣнія, не встрѣтитъ въ этомъ отношеніи никакого препятствія со стороны факультета, тѣмъ болѣе, что и плата за слушаніе лекцій взимается уже и нынѣ только лишь за полгода впередъ.

Касательно продолжительности вакаціоннаго времени совѣтъ Ришельевскаго лицея признаетъ необходимымъ принять въ соображеніе мѣстныя и климатическія условія.

«По условіямъ здѣшней мѣстности, сказано въ отзывѣ совѣта, слѣдовало бы сократить зимнія вакаціи, установивъ ихъ отъ 24 декабря по 1 января включительно, а увеличить соотвѣтственно вакаціи лѣтнія, назначивъ ихъ отъ 1 іюня по 15 августа, если не по 1 сентября, по причинѣ невыносимыхъ жаровъ, которыми сопровождается въ здѣшнемъ краѣ постоянно августъ мѣсяцъ» (II, 55).

Гг. Совѣтовъ, Пузыревскій и Менделѣевъ предлагаютъ назначить для лѣтнихъ вакацій время отъ 15 мая до 15 августа,

а для зимнихъ — отъ 15 декабря до 15 января (I, 198.) Г. Мурзакевичъ (II, 68) предлагаетъ сократить вообще вакаціи, положенныя въ 22 параграфѣ, на томъ основаніи, что, за исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней, едва ли придется 200 учебныхъ дней въ году. Г. Могилянскій (II, 55) полагаетъ необходимымъ, чтобы профессоры преподавали не менѣе 26 полныхъ недѣль въ году, когда бы то ни было, зимою или лѣтомъ.

Что касается вакацій, то, по моему мнѣнію, онѣ имѣютъ не одинаковое значеніе въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для дѣтей въ эпоху развитія физическихъ силъ, слишкомъ продолжительное, усидчивое занятіе вредно для здоровья ихъ; необходимъ отдыхъ и отдыхъ частый, но не продолжительный.

Совершенно иное дѣло въ университетѣ. Для учащаго и учащагося сословія вакаціи должны быть не столько временемъ отдыха, сколько временемъ, назначеннымъ для приготовленія себя къ новой дѣятельности, для употребленія его къ самостоятельному труду и самостоятельнымъ занятіямъ. Преподаватели во время вакацій имѣютъ возможность приготовиться добросовѣстно къ слѣдующему академическому году, обдумать и начертать планъ преподаванія, предпринять путешествіе съ ученою цѣлью или сосредоточить всю дѣятельность свою на отдѣлку ученаго сочиненія. Съ другой стороны, и молодымъ людямъ во время вакацій представляется возможность спеціально заняться тѣмъ или другимъ вопросомъ, и до сихъ поръ студенты во время каникулъ обыкновенно писали свои ученыя разсужденія. Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что въ университетѣ гораздо выгоднѣе и полезнѣе для преподавателей и для студентовъ, если вакаціи будутъ назначены одинъ только разъ въ годъ на болѣе продолжительное время.

Опредѣливъ, слѣдовательно, на лѣтнія вакаціи три мѣсяца и мѣсяцъ на рождественскіе, пасхальные и другіе праздники, академическій годъ будетъ состоять изъ 32 недѣль, т. е. около 200 учебныхъ дней, чѣмъ согласовано будетъ желаніе всѣхъ гг. рецензентовъ.

Если, по какимъ-либо климатическимъ или мѣстнымъ условіямъ, какъ напр. въ Одессѣ, выгоднѣе начинать и оканчивать курсъ одною или двумя недѣлями позже сравнительно съ дру-

гими университетами, то это, мнѣ кажется, можетъ всегда быть приведено въ исполненіе по соглашенію членовъ совѣта между собою.

Посему, на основаніи вышеприведенныхъ причинъ, я предлагаю выразить § 22 проекта устава слѣдующимъ образомъ:

Академическій годъ продолжается отъ 15 августа до 15 мая.

Что же касается рождественскихъ, пасхальныхъ и другихъ праздничныхъ дней, то вопросъ объ нихъ не можетъ быть разрѣшенъ уставомъ, а долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, признаютъ нужнымъ возбудить вопросъ объ уменьшеніи числа табельныхъ дней, прерывающихъ преподаваніе и препятствующихъ успѣшному изложенію наукъ.

III. О правахъ и преимуществахъ университетовъ.

(Гл. IX, §§ 140—167).

Ст. сов. **Сахарова**.

Гл. IX—«о правахъ и преимуществахъ университетовъ» раздѣлена точно такъ же въ проектѣ новаго устава, какъ и въ уставѣ 1835 г., на три отдѣленія:

1) Права, собственно университетамъ принадлежащія.
2) Преимущества служащихъ при университетѣ.
3) О пенсіяхъ и пособіяхъ за службу при университетѣ.

Отдѣленіе I.

Права, собственно университетамъ принадлежащія.

Разсмотрѣвъ I отдѣленіе настоящей главы и сравнивъ его съ уставомъ 1835 г., я нахожу, что внѣшній порядокъ статей, ихъ содержаніе и самая ихъ редакція совершенно одинаковы съ уставомъ 1835 года. Въ доказательство чего, для наглядности, приводятся здѣсь параллельно статьи обоихъ уставовъ:

Статьи 1835 г., вполнѣ соотвѣтствующія статьямъ новаго устава:

116—120	140—144 (въ послѣдней статьѣ небольшое измѣненіе въ редакціи).
121—125	145—149 } (149 и 150 ст. проекта измѣнены только въ редакціи.
126 —	— 150 }

Статья 151, вновь проектированная, предоставляетъ новое право университету, не существовавшее по уставу 1835 г. Ею предоставляется университетамъ пріобрѣтать всякое имущество на правѣ полной собственности.

Противу статей излагаемаго отдѣленія сдѣлали замѣчанія:

Г. Мурзакевичъ (ч. II, стр. 69).

§ 140. Университеты имѣютъ собственныя, большую и малую, печати съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью Императорскаго (такого-то) университета.

По мнѣнію г. Мурзакевича, слѣдуетъ здѣсь предпослать то почетное право, которое изложено въ ст. 2-й.

Въ статьѣ же 2-й говорится: «всѣ университеты состоятъ подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, и потому носятъ имя Императорскихъ.

Въ статьѣ 144 сказано: университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ ученаго содержанія сочиненій, ими или ихъ преподавателями издаваемыхъ. Цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

Противу этой статьи замѣтили:

Совѣты Ришельевскаго лицея (ч. II, стр. 65) и Харьковскаго университета (ч. I, стр. 311), г. Левшинъ (ibid. стр. 358) и г. Пыпинъ (ibid стр. 154). Они желаютъ болѣе обстоятельнаго и широкаго опредѣленія университетской цензуры. Совѣтъ Ришельевскаго лицея полагаетъ, что было бы полезно установить какъ общее право университовъ — право на изданіе энциклопедическаго журнала или газеты (не ученыхъ записокъ только). Это было бы, по мнѣнію его, немаловажною помощью къ обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія и расширило бы ихъ образовательное вліяніе. «Находящееся въ этой статьѣ правило, говоритъ Пыпинъ, существовало и прежде, но рѣдко примѣнялось на дѣлѣ: факультетъ брался обыкновенно цензуровать только оффиціальныя сочиненія профессоровъ, напримѣръ тѣ, которыя предназначаются для «актовъ» университета, и тѣ диссертаціи студентовъ, которыя издаются на счетъ университета. Желательно, продолжаетъ онъ, чтобы профессоръ, печатая научное изслѣдованіе, могъ ограничиваться одной цензурой университета, которая, конечно, при хорошемъ составѣ факуль-

тета, всего лучше можетъ разсмотрѣть сочиненіе, приводящее въ недоумѣніе обыкновенныхъ цензоровъ, по причинѣ непонимапія предметовъ непривычной для нихъ науки». Совѣтъ Харьковскаго университета полагаетъ включить въ статью слова: «и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій», а г. Левшинъ простираетъ это право даже на «учено-литературные сборники».

По мнѣнію моему, нѣтъ раціональныхъ причинъ не допустить требуемаго этими лицами расширенія университетской цензуры. На этомъ основаніи, я полагалъ бы изложить 144 статью такъ:

«Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій или переводовъ, ихъ преподавателями періодически или одновременно издаваемыхъ» и т. д., какъ въ статьѣ.

Въ ст. 147 проекта устава сказано: «университетскія зданія освобождаются отъ квартирной повинности какъ постоемъ, такъ и деньгами».

Статью эту университетъ св. Владиміра (ч. I, стр. 44) предлагаетъ дополнить словами: «а равно и отъ денежныхъ городскихъ сборовъ», потому что наложеніе на университетъ 1% сбора за мостовыя потребовало бы, на основаніи дѣйствующихъ постановленій о семъ сборѣ въ Кіевѣ, нѣсколько тысячъ рублей добавки къ университетскому бюджету изъ государственнаго казначейства.

По мнѣнію моему, такое дополненіе не будетъ лишнимъ, ибо выгоды, доставляемыя университетами городамъ, въ которыхъ они находятся, по крайней мѣрѣ, на долгое еще время, будутъ превышать ничтожныя пожертвованія городскаго населенія. Уставы же не пишутся на вѣчныя времена. А потому къ этой статьѣ слѣдовало бы прибавить слова: «а равно и отъ денежныхъ городскихъ сборовъ».

Въ ст. 151 сказано:

«Университетамъ предоставляется пріобрѣтать всякое имущество на правѣ полной собственности».

Г. Шнейдеръ (ч. II, стр. 102) дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе къ ст. 151: «всякое имущество» — этого никакъ нельзя сказать.

Замѣчаніе справедливое; слѣдуетъ сказать: «университетамъ предоставляется пріобрѣтать на правѣ полной собственности всѣ свободныя, движимыя и недвижимыя имущества».

По соображеніи приведенныхъ противу проекта новаго устава замѣчаній первое отдѣленіе IX главы должно быть, по мнѣнію моему, изложено такъ:

Отд. I. *Права, собственно университетамъ принадлежащія.*

§ 140. Университеты имѣютъ собственныя, большую и малую, печати съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: Императорскаго такого-то университета.

§ 141. Университеты входятъ съ представленіями только къ своему начальству, со всѣми же прочими мѣстами и лицами сносятся отношеніями.

§ 142. Университеты свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ за отправляемыя по дѣламъ ихъ письма и посылки, когда оныя вѣсомъ не болѣе пуда.

§ 143. Университеты свободны отъ употребленія гербовой бумаги и отъ платежа крѣпостныхъ и иныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ и вообще по всѣмъ, касающимся до нихъ, дѣламъ.

§ 144. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и переводовъ, ими или ихъ преподавателями періодически или одновременнно издаваемыхъ; цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

§ 145. Университетамъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ-за границы всякаго рода учебныя пособія. Кипы и ящики съ сими вещами, адресованные въ университеты, въ пограничныхъ таможняхъ не вскрываются, а только пломбируются. Они свидѣтельствуются въ университетахъ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника.

§ 146. Книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя университетами изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію комитетовъ цензуры иностранной.

§ 147. Университетскія зданія освобождаются отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ городскихъ сборовъ.

§ 148. Университеты могутъ издавать періодическія изданія (газеты или журналы) и имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки.

§ 149. Университетамъ, при коихъ состоитъ медицинскій факультетъ, позволяется содержать аптеки.

§ 150. Если преподаватель и вообще чиновникъ университета на службѣ умретъ, не оставивъ наслѣдниковъ и не сдѣлавъ о своемъ имуществѣ надлежащаго распоряженія, то университетъ обязанъ сообщить о томъ мѣстному губернскому правленію, для вызова родственниковъ покойнаго, и буде, въ постановленный законами срокъ, наслѣдниковъ не окажется, оставшееся послѣ умершаго имущество обращается въ собственность университета.

§ 151. Университетамъ предоставляется пріобрѣтать на правѣ полной собственности всѣ свободныя, движимыя и недвижимыя, имущества.

Отдѣленіе II.

Преимущества служащихъ при университетахъ лицъ.

Статьи устава 1835 г.:	Статьи проекта устава:
127.	152. Редакція статьи правильнѣе противу устава 1835 г. и при томъ въ новомъ уставѣ введены новыя званія — доценты, приватъ-доценты и астрономы-наблюдатели.
128 одинакова съ	158. Въ примѣчаніи измѣнена редакція.
129.	159.
130. Преимущества, присвоенныя ученымъ степенямъ по службѣ, принадлежатъ только тѣмъ лицамъ, кои возвышены въ сіи степени Россійскими университетами.	Этой статьи нѣтъ въ новомъ уставѣ.

131.	153. Измѣнена въ редакціи и смыслѣ: инспекторъ поставленъ въ VI, а по уставу 1835 г. — въ VII классѣ, синдикъ въ VII, а по уставу 1835 г. — въ VIII классѣ.	
132 одинакова съ	155.	
133.	160. Редакція статьи правильнѣе противу устава 1835 г.	
134.	161.	
135.	162.	
Наемные домы, лично занимаемые профессорами, освобождаются отъ постоя, кромѣ тѣхъ городовъ, о коихъ существуетъ особое на сей конецъ Высочайшее повелѣніе.	Этого нѣтъ въ проектѣ устава.	Собственные домы профессоровъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ, астрономовъ-наблюдателей и лекторовъ, если они сами постоянно живутъ въ нихъ, освобождаются отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами.

136 одинакова съ 163, съ небольшимъ измѣненіемъ въ редакціи; сумма выписываемыхъ изъ-за границы вещей: въ уставѣ 1835 г.—3000 р. асс., а въ проектѣ—900 р. сер.

137 одинакова съ	164. Только въ проектѣ прибавлены новыя статьи:
	154. Практическіе преподаватели восточныхъ языковъ утверждаются въ чинѣ XII кл. по выслугѣ 4 лѣтъ въ семъ званіи, со старшинствомъ со дня опредѣленія въ оное.
	156. Прочіе служащіе при университетѣ пользуются преимуществами, изъясненными въ Св. Зак. изд. 1857 г. т. 3 уст. о службѣ по опред. отъ прав. На основаніи сего же устава, всѣ вообще университетскіе чиновники носятъ мундиръ, должности каждаго присвоенный.
	Прим. Проректоръ, доколѣ состоитъ въ сей должности, носитъ мундиръ V, а доценты и приватъ-доценты—VII разряда.

157. Профессоры, доценты, приватъ-доценты, лекторы, прозекторы и ихъ помощники, астрономы-наблюдатели, лаборанты и практическіе преподаватели восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ производятся тремя чинами выше присвоеннаго ихъ должностямъ класса.

Постараемся сгруппировать замѣчанія критиковъ проекта.

Раздѣленіе преподавателей университета на профессоровъ ординарныхъ, экстраординарныхъ, доцентовъ и проч. вообще не одобряется въ замѣчаніяхъ на проектъ устава.

Такое раздѣленіе, говоритъ г. Пироговъ (ч. I, стр. 11), слишкомъ многосложно и не имѣетъ никакой научной или практической цѣли. Къ чему это увеличеніе степеней противъ существующаго устава, замѣчаетъ профессоръ Ивановскій (ibid. стр. 72); онъ полагаетъ, что званіе младшаго доцента должно быть уничтожено. Въ такомъ же смыслѣ высказались гг. Кавелинъ и Мильчевскій.

По мнѣнію моему, раздѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ необходимо оставить для различенія окладовъ содержанія. Если финансовыя обстоятельства дозволятъ, то, вѣроятно, останется только два званія: профессоровъ и доцентовъ. Что же касается до уничтоженія чиновныхъ различій, то эти различія должны быть удержаны какъ *временная* только мѣра, до уничтоженія чиновъ по всему гражданскому вѣдомству.

Въ отношеніи присвоенія классовъ ученымъ степенямъ, званіямъ и должностямъ критики проекта дѣлятся на двѣ категоріи: одни требуютъ повышенія этихъ классовъ, а другіе совершенной ихъ отмѣны.

Къ первымъ принадлежатъ: гг. Васильевъ (ч. I, стр. 105), Березинъ (ibid. стр. 109) и совѣты университетовъ: Московскаго (ibid. стр. 266), Харьковскаго (ibid. стр. 313), Казанскаго (ibid. стр. 399), лицея князя Безбородко (ч. II, стр. 65), гг. Могилянскій (ibid.), Мурзакевичъ (ibid. стр. 69), Шестаковъ (ibid. стр. 33) и Левшинъ (ч. I, стр. 388). Всѣ они домогаются повышенія въ классѣ должностныхъ лицъ на томъ основаніи, что уставомъ общеобразовательныхъ заведеній предоставлены сравнительно болѣе обширныя служебныя права служащимъ

въ гимназіяхъ. Пока чины и классы имѣютъ значеніе въ государствѣ, говоритъ г. Васильевъ, профессоръ не можетъ отъ нихъ отказаться. Не забудемъ, что профессорское званіе есть конечное для лица, посвятившаго себя университету; на другой службѣ есть всегда въ виду повышеніе». Нельзя съ этимъ мнѣніемъ не согласиться, а потому классы университетскихъ должностей могли бы быть отнесены: ректора — къ IV классу, проректора и ординарныхъ профессоровъ — къ V, экстраординарныхъ—къ VI, доцентовъ—къ VII и сравнительно съ этими должностями должно повысить и прочихъ чиновниковъ университета.

Слѣдующія лица заявили свои мнѣнія о пользѣ отмѣны предоставленія классовъ ученымъ степенямъ: гг. Деляновъ, Стасюлевичъ, Костомаровъ и Утинъ.

Г. Деляновъ (т. I, стр. 219): «Въ связи съ учеными степенями состоитъ и вопросъ о присвоеніи ученымъ степенямъ классныхъ чиновъ. По мнѣнію моему, дабы въ университеты поступали единственно люди, ищущіе образованія, а не привилегій, слѣдовало бы уничтожить присвоеніе классовъ ученымъ степенямъ. Достаточно предоставить университетскимъ аттестатамъ одну, такъ сказать привилегію: право, удостоенному ученой степени, поступать въ гражданскую службу, не смотря на происхожденіе. Это право совершенно раціональное, ограничивать его значило бы лишать государство услуги со стороны людей способныхъ и пріобрѣвшихъ познанія».

Г. Стасюлевичъ (ч. II, стр. 111): «Университетъ, какъ сословіе, имѣетъ свои степени, независимо отъ чиновъ военныхъ или гражданскихъ; членовъ университетскаго сословія одинаково странно называть полковниками, какъ и статскими совѣтниками, юнкерами, какъ и коллежскими регистраторами. Члены университетскаго сословія, по своему труду и значенію въ научной дѣятельности, раздѣляются на докторовъ, магистровъ и кандидатовъ, которые выбираются по экзамену изъ числа старшихъ студентовъ, желающихъ посвятить себя ученой карьерѣ».

Г. Костомаровъ (ibid. стр. 232): «Ученая степень, положимъ кандидата, есть рекомендація отъ университета: 1) въ томъ, что получившій ее принадлежитъ въ кругу образованныхъ людей вообще; 2) что онъ посвящалъ себя

изученію такого-то отдѣла наукъ. При поступленіи на службу, первое будетъ давать ему преимущество предъ тѣми, которые, по своей предварительной жизни, не могли имѣть времени и средствъ быть въ такой степени образованными (напр. хотя предъ окончившими курсъ въ гимназіи) и равное мѣсто наряду съ тѣми, которые прошли или то же университетское или другое поприще, но такое, гдѣ бы они могли получить достаточное образованіе. Второе, при полученіи какой-нибудь служебной должности, будетъ давать ему преимущество, коль скоро эта должность требуетъ такого рода познаній, которыя входили въ кругъ наукъ, ими изученныхъ въ университетѣ. Но неосновательно и нежелательно, чтобы кандидатъ получалъ должности только потому, что эти должности состоятъ въ X классѣ».

Г. Утинъ (ч. I, стр. 135): «Ученыя степени не потеряютъ въ своемъ достоинствѣ оттого, что онѣ не будутъ давать правъ на чины, а выиграютъ. Университетъ слѣдуетъ основать на началахъ, признанныхъ уже своевременными и разумными, хотя бы эти начала и противорѣчили въ чемъ-нибудь такимъ учрежденіямъ и частямъ законодательства, которыя необходимо должны быть также отмѣнены и которыя не подверглись еще реформѣ только потому, что нельзя отъ правительства требовать, чтобы оно за все разомъ бралось».

Противу этихъ доводовъ ничего сказать нельзя. Если инціатива уничтоженія чиновъ по ученымъ степенямъ должна идти отъ университета, какъ это и должно быть, то вмѣсто *мнимыхъ* правъ окончившимъ университетскій курсъ слѣдуетъ предоставить дѣйствительныя права, а именно статью 158 изложить такъ:

Лица, окончившія курсъ наукъ въ университетѣ изъ лицъ свободнаго состоянія, пользуются правами личнаго дворянства.

Впрочемъ, до окончательнаго уничтоженія чиновъ по всему гражданскому вѣдомству, они должны быть удержаны какъ мѣра временная.

Нѣсколько отлично отъ вышеизложенныхъ мнѣній — мнѣніе г. Голстунскаго; онъ говоритъ (ч. I, стр. 175): «Желательно бы было, чтобы удостоенные ученыхъ степеней имѣли преимущества при поступленіи на всѣ гражданскія должности».

По моему мнѣнію, слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь одно: или уничтожить присвоеніе классовъ ученымъ степенямъ или оста-

вить въ силѣ это постанвленіе: ибо здѣсь не принято во вниманіе самовоспитаніе или самообразованіе, которое во всѣхъ отрасляхъ гражданской или общественной дѣятельности весьма часто выдвигаетъ людей достойныхъ занимать первыя ступени въ государствѣ. Слѣдовательно, предоставлять преимущества только удостоеннымъ ученыхъ степеней, при поступленіи въ гражданскую службу, значило бы узаконить въ нашемъ отечествѣ китаизмъ.

Разсмотримъ теперь замѣчанія противу отдѣльныхъ статей проекта:

На статью 152:

Профессоръ Шнейдеръ (ч. II, стр. 102) полагаетъ, что доцентовъ слѣдуетъ поставить выше лекторовъ.

По мнѣнію моему, доцентъ или преподаватель науки долженъ стоять всегда выше преподавателя новѣйшаго языка.

Въ статьѣ 160 проекта сказано:

«Если преподаватель или чиновникъ университета будетъ арестованъ не по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то немедленно препровождается съ изъясненіемъ проступка его къ ректору» и т. д.

Статья эта, по мнѣнію моему, за изданіемъ новаго устава о судопроизводствѣ, не можетъ имѣть мѣста.

На статьи 160 и 161:

Совѣтъ Казанскаго университета предполагаетъ включить (ч. I, стр. 399) между 160 и 161 §§ новый §: «Профессоры университета имѣютъ свободный входъ, съ вѣдома завѣдывающихъ, во всѣ библіотеки и архивы учебныхъ заведеній или присутственныхъ мѣстъ и право пользоваться въ нихъ на мѣстѣ всѣми книгами и рукописями. Право, имъ даруемое, было бы чрезвычайно полезнымъ для разработки научныхъ вопросовъ по наукамъ историческимъ и юридическимъ».

Этотъ § слѣдуетъ включить въ проектъ, ибо предоставляемое имъ преподавателямъ въ университетѣ право принесетъ несомнѣнно огромную пользу наукѣ и просвѣщенію.

На статью 161:

Г. статсъ-секретарь Комовскій (ч. I, стр. 456) возражаетъ: «По смыслу этой статьи ясно, что профессоры могутъ выписывать для себя всѣ, и даже непозволительнаго содержанія книги,

брошюры, рукописи, — только не доставлять ихъ для чтенія посторонним лицамъ. А студенты въ отношеніи къ профессору — посторонния лица или нѣтъ? Если нѣтъ, то такое широкое право не откроетъ ли путей къ злоупотребленіямъ? Не будутъ ли совращаться молодые умы разнаго рода возмутительными книгами и рукописями, къ чтенію коихъ приманитъ ихъ легкость выписыванія чрезъ снисходительнаго профессора. Кажется, нѣкоторыя ограниченія, въ этомъ отношеніи, необходимы.»

По моему мнѣнію, нельзя допустить даже мысли, чтобы профессоръ могъ сообщать брошюры означеннаго здѣсь содержанія студентамъ, а потому ограниченіе въ этомъ отношеніи включать въ проектъ устава неудобно.

На статью 162:

Совѣтъ университета св. Владиміра (ч. I, стр. 44 и 45), въ случаѣ, еслибы при пересмотрѣ уставовъ о повинностяхъ, осталась за преподавателями университета, владѣющими домами, льгота отъ квартирной повинности, полагаетъ просить о сохраненіи текста пункта 8 ст. 202 Св. Зак. изд. 1842 г., на томъ основаніи, что поводъ къ льготѣ отъ постойной повинности имѣетъ одинаковое значеніе для профессоровъ, какъ имѣющихъ собственные дома, такъ и нанимающихъ квартиры.

По моему мнѣнію правильнѣе было бы увеличить содержаніе преподавателей въ университетѣ, нежели просить о сохраненіи означенной здѣсь привилегіи: ибо такая привилегія противорѣчитъ общимъ финансовымъ началамъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, второе отдѣленіе IX главы проекта слѣдуетъ изложить въ такомъ видѣ:

Отд. 2. *Преимущества служащихъ при университетахъ.*

§ 152. Ректоръ, проректоръ, деканы и ординарные профессоры, доколѣ состоятъ въ сихъ должностяхъ, считаются: первый — въ IV классѣ, а вторые — въ V, если выше чиновъ не имѣютъ, экстраординарные профессоры — въ VI, приватъ-доценты, астрономы-наблюдатели, ученые аптекари и прозекторы — въ VIII, лекторы — въ IX классѣ и, по предъявленіи данныхъ имъ отъ университетскаго совѣта свидѣтельствъ, получаютъ изъ герольдіи патенты на чины, симъ классамъ соотвѣтствующіе.

§ 153. Практическіе преподаватели восточныхъ языковъ утверждаются въ чинѣ XII класса по выслугѣ четырехъ лѣтъ въ семъ званіи, со старшинствомъ со дня опредѣленія въ оное.

§ 154. Учители искусствъ, кромѣ учителя рисованія, не считаются въ государственной службѣ, но доколѣ остаются въ должностяхъ, пользуются преимуществами классныхъ чиновниковъ.

§ 155. Прочіе служащіе при университетахъ пользуются преимуществами, изъясненными въ Сводѣ Законовъ (изд. 1857 г.). Т. 3. *Уст. о служб. по опред. отъ прав.* На основаніи сего же устава, всѣ вообще университетскіе чиновники имѣютъ право носить мундиры, присвоенные тѣмъ классамъ, въ которыхъ они состоятъ.

Примѣчаніе. Проректоръ, доколѣ состоитъ въ сей должности, носитъ мундиръ V, а доценты и приватъ-доценты—VII разряда.

§ 156. Профессоры, приватъ-доценты, лекторы, прозекторы и ихъ помощники, астрономы-наблюдатели, ученые аптекари, лаборанты и практическіе преподаватели восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ производятся тремя чинами выше присвоеннаго ихъ должностямъ класса.

§ 157. Удостоенные ученыхъ степеней утверждаются при вступленіи въ гражданскую службу въ слѣдующихъ классахъ: докторъ — въ VIII, магистръ — въ IX, кандидатъ въ — X.

Примѣчаніе. Ученыя степени и званія по медицинской и фармацевтической части подчиняются общимъ по сей части постановленіямъ.

§ 158. Профессоры и вообще преподаватели въ университетѣ имѣютъ свободный входъ, съ вѣдома завѣдывающихъ, во всѣ библіотеки и архивы учебныхъ заведеній или присутственныхъ мѣстъ и право пользоваться въ нихъ на мѣстѣ всѣми книгами и рукописями.

§ 159. Предметы, поименованные въ §§ 145 и 146, а равно инструменты и другія учебныя пособія, выписываемыя профессорами изъ-за границы, для собственнаго употребленія, пропускаются чрезъ таможни безпошлинно, на основаніи §§ 145 и 146.

§ 160. Собственные домы профессоровъ, приватъ-доцентовъ, астрономовъ-наблюдателей и лекторовъ, если они сами постоянно живутъ въ нихъ, освобождаются отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами.

§ 161. Приглашаемые изъ чужихъ краевъ преподаватели имѣютъ право, при первомъ въѣздѣ въ Россію, привозить съ собою или выписывать послѣ того, въ теченіе года, разныя вещи и пожитки безпошлинно, на сумму *девятисотъ* руб. пошлины. Въ сію сумму не включаются пошлины съ такихъ, привезенныхъ самими преподавателями, вещей, которыя подлежатъ безпошлинному пропуску при въѣзжающихъ изъ-за границы пассажирахъ, равно какъ съ учебныхъ пособій, состоящихъ въ книгахъ, инструментахъ, географическихъ картахъ и проч., которыя, безъ всякаго ограниченія, позволяется какъ вызываемымъ въ университеты ученымъ иностранцамъ, такъ и возвращающимся въ отечество Русскимъ преподавателямъ университетовъ и вообще путешествующимъ въ чужихъ краяхъ на счетъ правительства воспитанникамъ университетовъ, привозить въ государство безпрепятственно и безъ пошлинъ.

§ 162. Преподаватели изъ иностранцевъ, по увольненіи отъ службы при университетахъ, имѣютъ право выѣзжать во всякое время за границу безъ платежа пошлинъ за вывозимое ими собственное имущество.

Отдѣленіе III.

О пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ за службу при университетахъ.

Постановленія, сюда относящіяся, суть слѣдующія: уставъ университетовъ 1804 года, уставъ 1835 г. и Высочайшій указъ 6 ноября 1852 года.

По уставу 1804 г. ноября 5 (Утвердительная грамота Императорскаго Московскаго университета. Полн. собр. зак. ст. 21, 502):

Пунктъ 18. Всякой профессоръ и адъюнктъ, безпорочно и усердно въ званіи своемъ 25 лѣтъ прослужившій, будетъ почтенъ именемъ заслуженнаго; и ежели пожелаетъ оставить свое мѣсто, годовой его окладъ обращается въ пенсію по смерть изъ суммы университетской, которою можетъ пользоваться, жительствуя гдѣ заблагоразсудитъ, въ государствѣ или внѣ онаго. Равнымъ образомъ, ежели дѣйствительно служащій профессоръ, или адъюнктъ, или учитель университета, по засвидѣтельствованію университетскаго совѣта, окажется одержимъ неизлечимою болѣзнію, отъемлющею силы исправлять свою дол-

жность, то имѣетъ получать половину годовой пенсіи; но за отличныя достоинства и оказанныя заслуги, по особенному одобренію университета, опредѣляется въ пенсію полное жалованье. Въ семъ послѣднемъ случаѣ министръ, по представленію попечителя, испрашиваетъ Нашего утвержденія.

Пунктъ 19. Вдовы профессоровъ, адъюнктовъ и учителей и малолѣтныя ихъ дѣти имѣютъ получать единовременно годовое жалованье умершихъ, или сверхъ того и пенсію. Право на полученіе пенсіи опредѣляется слѣдующимъ образомъ: если профессоръ, адъюнктъ или учитель усердно прослужитъ при университетѣ въ своемъ званіи отъ 5 до 15 лѣтъ, оставя по себѣ жену или дѣтей малолѣтнихъ, сверхъ единовременной выдачи годоваго оклада, назначается вдовѣ съ дѣтьми пятая онаго доля. Если же профессоры, адъюнкты и учители, прослуживъ въ университетѣ болѣе 15 лѣтъ, скончаютъ жизнь свою, таковыхъ женамъ съ дѣтьми, сверхъ единовременной выдачи годоваго жалованья, обращается въ пенсію четвертая онаго доля. Женамъ и дѣтямъ умершимъ профессоровъ, адъюнктовъ и учителей, не выслужившихъ 5 лѣтъ, выдается единожды полное годовое жалованье, развѣ отличныя достоинства и заслуги умершаго обратятъ на его семейство особливое вниманіе университета; въ такомъ случаѣ совѣтъ чрезъ попечителя представляетъ министру народнаго просвѣщенія о награжденіи онаго пенсіею, соразмѣрною заслугамъ умершаго, которая однакожь не должна превышать пятой части годоваго оклада.

По уставу 1835 года:

Пунктъ 138. Ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ, въ томъ числѣ и профессору богословія, адъюнктамъ и лекторамъ, за двадцать пять лѣтъ безпорочной и усердной службы, обращается въ пенсію, при увольненіи ихъ, полный окладъ ихъ жалованья.

139. Заслуженные профессоры, при занятіи вновь каѳедры или по вступленіи въ другой родъ службы, сохраняютъ пенсію, сверхъ жалованья по занимаемой ими должности. Съ окончательнымъ увольненіемъ ихъ впослѣдствіи, они не могутъ требовать новыхъ пенсій, а должны довольствоваться прежнею. Впрочемъ, еслибъ слѣдовавшая имъ, по новому ихъ служенію, пенсія превосходила назначенную отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ такомъ случаѣ можетъ быть опредѣлена имъ

сія большая пенсія, съ прекращеніемъ въ то же время прежней меньшей.

140. Профессору, адъюнкту или лектору, который, прослуживъ десять лѣтъ въ университетѣ, подвергнется неизлечимой болѣзни, отъемлющей силы къ исполненію должности, опредѣляется въ пожизненную пенсію половина годоваго оклада жалованья, за пятнадцатилѣтнюю службу при тѣхъ же обстоятельствахъ — три четверти, а за двадцатилѣтнее служеніе — полный окладъ.

141. Вдовѣ и всѣмъ вообще дѣтямъ профессора, адъюнкта или лектора, прослужившаго менѣе пяти лѣтъ и умершаго на службѣ, выдается единовременно по окладу годоваго жалованья покойнаго, той и другимъ особо.

142. Если профессоръ, адъюнктъ или лекторъ, прослуживъ усердно при университетѣ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ, умретъ на службѣ и оставитъ вдову и малолѣтныхъ дѣтей, то сверхъ вышеозначенной единовременной выдачи, назначается въ пенсію, особо вдовѣ и дѣтямъ его по пятой части, а за свыше двадцатилѣтнюю службу по четвертой части годоваго жалованья умершаго.

143. Если профессоръ, адъюнктъ или лекторъ, уволенный съ пенсіею, оставитъ вдову и дѣтей, въ такомъ случаѣ семейство его пользуется одинаковою пенсіею со вдовою и дѣтьми умершаго на службѣ профессора, адъюнкта или лектора, смотря по числу лѣтъ оной.

144. Если профессоръ, адъюнктъ или лекторъ, получивъ уже увольненіе отъ университета съ пенсіею, вступитъ въ бракъ, то оставшаяся по немъ вдова и прижитыя съ нею дѣти не имѣютъ права на пенсію.

Противу послѣдняго устава послѣдовали слѣдующія существенныя измѣненія по указу 1852 г., внесенныя въ т. III Св. Зак. изданія 1857 г.

Ст. 490. Прослужившіе безпорочно въ учебной службѣ министерства народнаго просвѣщенія 20 лѣтъ и болѣе до 25 лѣтъ получаютъ при отставкѣ въ пенсію — половинный, прослужившіе же 25 лѣтъ и болѣе — полный окладъ ихъ жалованья (сравн. § 2 указа 1852 г.).

Ст. 509. Семейству, которому назначена пенсія, запрещено выдавать сверхъ того пособіе единовременно (ср. § 9 указа 1852 г.).

Ст. 512. Семействамъ лицъ, кои выслужили сроки къ полученію пенсіи, оныя производятся по общему пансіонному уставу, т. е. вдовѣ производится половина пенсіи, а дѣтямъ части остальной половины.

«Продолжительный 25-лѣтній срокъ, говоритъ г. Пироговъ, (ч. I, стр. 15), назначенный для выслуги профессорамъ пенсіи, и вѣроятность, или, лучше, достовѣрность, и по прошествіи 25 лѣтъ, еще и еще разъ быть вновь избраннымъ, производятъ застой, отсталость и препятствуетъ сильно введенію въ нашихъ университетахъ новыхъ и свѣжихъ силъ, столь необходимому для успѣха наукъ. А чтобы вывести, сколько возможно, отсталость въ наукѣ при нашихъ университетахъ, чтобы удержать научную дѣятельность преподавателей въ постоянномъ прогресѣ, нужны мѣры болѣе энергическія. Я знаю только одну: это переоцѣнка ихъ научныхъ заслугъ на половинѣ совершеннаго ими учебнаго поприща. Законъ долженъ былъ бы требовать отъ профессоровъ, по прошествіи первыхъ $12\frac{1}{2}$ — 13 лѣтъ ихъ служенія при университетѣ, «фактическихъ доказательствъ» ихъ научно-учебной дѣятельности, посредствомъ открытія конкурса. Еслибы финансовыя соображенія не препятствовали прослужившимъ при университетѣ $12\frac{1}{2}$ лѣтъ назначать $\frac{1}{2}$ пенсіи, какъ это было прежде, университеты должны были бы, по прошествіи этого времени, объявлять каѳедру вакантною, и открывать публичный конкурсъ. Конечно, и при этомъ способѣ, многіе изъ преподавателей остались бы на своихъ мѣстахъ, потому что они всегда имѣли бы болѣе шансовъ выдержать конкурсъ, чѣмъ другіе, молодые конкуренты; но при этомъ все-таки открылась бы возможность общественному мнѣнію лучше оцѣнить ихъ заслуги, а другимъ, младшимъ конкурентамъ открылась бы возможность показать и свои достоинства; и сверхъ того каждый преподаватель, имѣя въ виду, что на половинѣ его учебнаго поприща ему предстоитъ переоцѣнка его заслугъ, принужденъ былъ бы не вдаваться въ апатію и не отставать отъ науки, какъ это случается теперь, при полной увѣренности, что 25 лѣтъ его каѳедра останется непремѣнно за нимъ. На конкурсѣ можно было бы требовать серьезныхъ и самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ и доказательствъ того, что преподаватель въ теченіе $12\frac{1}{2}$ лѣтъ въ состояніи былъ образовать хотя одного кандидата, способнаго выступить на учебное поприще и занять мѣсто доцента при университетѣ».

Противу мнѣнія г. Пирогова возражаетъ Русскій профессоръ (ч. II, ст. 143): «Доселѣ дѣйствующій уставъ полагалъ, что 25-лѣтнимъ срокомъ службы профессора гарантируются интересы науки,при ослабленіи преподавательскихъ силъ профессора. г. Пироговъ имѣетъ ту неоспоримую заслугу, что указалъ на невѣрность этого принципа. Но нельзя согласиться съ остальными его разсужденіями. Опытъ доказалъ, говоритъ г. Пироговъ, что большая часть преподавателей отстаетъ отъ современности уже послѣ половины служебнаго срока. Спрашивается, гдѣ опытъ это доказалъ? Только развѣ въ Россіи, но никакъ не въ чужихъ краяхъ. Стало быть, причинъ этого горестнаго явленія надо искать въ нашей университетской жизни. Онѣ суть: 1) дурные выборы отсталою коллегіею или министерствомъ; 2) высылка людей за границу едва ли не по набору, безъ всякихъ ручательствъ за ихъ преданность наукѣ и способность къ преподаванію; 3) нежеланіе дѣльныхъ людей посвятить себя ученой карьерѣ, по малости содержанія; 4) отсутствіе конкуренціи и гонараровъ; 5) жизнь Русскихъ профессоровъ, которые если не захотятъ или не съумѣютъ находить въ ущербъ наукѣ, постороннія доходныя занятія, будутъ лишены даже возможности удержать себя на современномъ уровнѣ науки, образованія, возможности жить между образованными людьми и воспитывать своихъ дѣтей не хуже, чѣмъ они воспитывались сами. Русскому профессору (исключая, развѣ, геніальныхъ людей) приходится выбирать—быть мученикомъ или игнорантомъ; но послѣднимъ, до извѣстной степени, будетъ даже (особенно въ провинціи) благородный труженикъ науки, отъ недостатка въ ученыхъ пособіяхъ, отъ недостатка въ книгахъ и живительномъ обмѣнѣ мыслей. Стало быть, отсталость по бѣдности есть неминуемая судьба его, хотя бы онъ весь предался наукѣ и ею только дышалъ. Сверхъ того, онъ заваленъ засѣданіями, испытаніями, комитетами, презентаціями, такъ что, при самой лучшей волѣ, онъ непремѣнно долженъ отстать отъ Европейской науки. Между тѣмъ г. Пироговъ говоритъ, что человѣкъ съ извѣстнымъ именемъ не станетъ подвергаться конкурсу. Стало быть, дѣльные профессора, люди съ именемъ, вѣрно скорѣе откажутся отъ мѣстъ своихъ, нежели подвергнутся новому конкурсу, или же никто не захочетъ быть профессоромъ, тѣмъ болѣе, если $1/2$ пенсіона будетъ не болѣе нынѣшняго и не сохра-

нится при полученіи, впослѣдствіи, профессоромъ другихъ должностей, сверхъ жалованья.

«Требовать отъ профессора образованія хотя одного доцента, значитъ поставить его въ алтернативу — или не быть снова избраннымъ, если онъ такого не образуетъ, или состязаться съ собственнымъ ученикомъ и подвергаться опасности быть побѣжденнымъ! Вѣдь это рафинированная жестокость. Я думаю, что не найдется ни одного человѣка, желающаго посвятить всѣ свои силы и всю жизнь какой-нибудь отвлеченной наукѣ (напр. философіи, Греческой словесности, физіологіи, анатоміи и зоологіи), который рѣшился бы принять каѳедру при такихъ унизительныхъ условіяхъ, еслибы даже содержаніе и полупенсіонъ были значительны. По моему мнѣнію, чѣмъ меньше ежегодное содержаніе профессора, тѣмъ болѣе его положеніе должно быть не шаткое, но продолжительное и надежное, и Русскіе профессоры будутъ годны на каѳедрахъ долѣе, чѣмъ на $12^1/_2$ лѣтъ, если имъ дадите свободу времени, свободу отъ пустыхъ занятій, средства и пособія профессорамъ заграничнымъ, если сдѣлаете возможнымъ выбирать для каѳедръ лучшихъ людей страны, словомъ, если сдѣлаете положеніе профессора сообразнымъ и его трудамъ и дарованіямъ. Но при всемъ томъ нельзя ручаться непремѣнно за 25-лѣтнюю продолжительность профессорскихъ качествъ, и поэтому, а равно и по другимъ причинамъ, необходимо созданіе стороннихъ, частныхъ преподавателей (доцентовъ)». По моему убѣжденію, говоритъ г. Цункъ, конкурсъ есть вообще несостоятельный опытъ испытанія, а на занятія каѳедръ и подавно».

О возстановленіи прежняго пенсіоннаго устава заявилъ мнѣніе г. профессоръ Ивановскій (ч. I., стр. 76). Новыя постановленія, бо́льшею частію въ невыгоду профессоровъ и ихъ семействъ, примѣняются къ лицамъ, состоявшимъ уже на службѣ до ихъ изданія, хотя законъ и не долженъ бы былъ имѣть обратнаго дѣйствія. Отъ этихъ постановленій пострадали преимущественно вдовы, которымъ, вмѣсто полной пенсіи, выслуженной ихъ мужьями, опредѣляется только половина». Того же мнѣнія и профессоры Савичъ (ibid. стр. 119) и Соколовъ (ibid. стр. 330). Профессора: Каземъ-Бекъ (ibid. стр. 81), Навроцкій (ibid. стр. 164), Мухлинскій (ibid. стр. 95), Голстунскій (ibid. стр. 175) и Березинъ (ibid. стр. 109)—полагаютъ назначать за выслугу 15 лѣтъ одну треть

пенсіи, за выслугу 20 лѣтъ — половину и за выслугу 25 — полный окладъ жалованья. Вдовы и дѣти, по ихъ мнѣнію, должны получать полный окладъ жалованья мужа и отца. При этомъ г. Каземъ-Бекъ полагаетъ назначить прибавки: прослужившимъ 30 и болѣе лѣтъ по 5 долей, 35 — по 10 и т. д.

Гг. Хвольсонъ (ibid. стр. 169), Чубиновъ (ibid. стр. 115) и Паткановъ (ibid. стр. 192) нѣсколько повышаютъ пенсіи, а именно: прослужившіе 15 лѣтъ должны, по ихъ мнѣнію, получать $\frac{1}{2}$, 20 лѣтъ — $\frac{2}{3}$ и 25 лѣтъ — полный окладъ жалованья. Вдовы и дѣти — полный окладъ мужа и отца.

Гг. попечители учебныхъ округовъ: Московскаго (ibid. стр. 243) и Харьковскаго (ibid. стр. 388) распространяютъ права учебной службы: первый — на библіотекаря и хранителя музея, а послѣдній — и на всѣхъ остальныхъ чиновниковъ университета; Г. Могилянскій же (ч. II, стр. 65) — на помощника попечителя и чиновниковъ учебнаго округа.

Сверхъ того, ходатайствуютъ о возстановленіи прежняго пенсіоннаго устава совѣты университетовъ: Московскаго (ч. I, стр. 266), Харьковскаго (ibid. стр. 314), Казанскаго (ibid. стр. 399) и св. Владиміра (ibid. стр. 45), гг. Левшинъ (ibid. стр. 388), и Могилянскій (ч. II, стр. 65) и совѣтъ Ришельевскаго лицея (ibid. стр. 65).

Притомъ совѣтъ Московскаго университета находитъ желательнымъ, чтобы университетамъ даровано было право, какимъ пользуются преподаватели медико-хирургической академіи съ 1861 г. Право это заключается въ слѣдующемъ: «время, проведенное преподавателями медико-хирургической академіи въ чужихъ краяхъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, зачитается имъ въ дѣйствительную службу по академіи, какъ на полученіе пенсій, такъ и на производство въ чины; но зачетъ сей допускается въ такомъ только случаѣ, когда преподаватели академіи прослужили уже или прослужатъ въ академіи или въ одномъ изъ высшихъ заведеній по медицинской части двойной срокъ противъ того времени, которое допускается къ зачету.

Примѣчаніе. Преподавателямъ академіи, путешествующимъ за границею съ ученою цѣлью на собственный счетъ, зачитается въ дѣйствительную службу не болѣе 3 лѣтъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета полагаетъ, кромѣ того, назначить преподавателямъ, прослужившимъ при университетѣ

извѣстное число лѣтъ, прибавку къ получаемому ими содержанію, какъ это принято въ нашемъ отечествѣ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, напр. морскому и военно-учебному, для удержанія на службѣ способныхъ.

Въ статьѣ 167 сказано: «Всѣ прочія за тѣмъ лица, состоящія на службѣ при университетѣ, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ, изъясненнымъ въ ст. 1—243 того же тома и устава».

Эту статью *совѣтъ Харьковскаго университета* (ч. I, стр. 314) полагаетъ измѣнить такъ: «Всѣ прочія за тѣмъ лица, состоящія на службѣ при университетѣ, получаютъ пенсію и единовременныя пособія по правиламъ, существующимъ для чиновниковъ вѣдомства опекунскаго совѣта и по учрежденіямъ Императрицы Маріи». Положеніе свое совѣтъ мотивируетъ такъ: «Имѣя въ виду замкнутость карьеры административныхъ чиновниковъ при университетѣ, пользу службы при занятіи низшихъ и всѣхъ канцелярскихъ должностей опытными и привязанными къ мѣсту своего служенія лицами, чего нельзя достигнуть безъ предоставленія имъ нѣкоторыхъ выгодъ, по справедливости долженствующихъ быть наградою за долговременную и полезную службу по выходѣ въ отставку и безъ обезпеченія въ старости, — совѣтъ полагаетъ необходимымъ постановить, чтобы они были подведены въ правахъ на выслугу пенсіи подъ правила, существующія для чиновниковъ вѣдомства опекунскихъ совѣтовъ и по учрежденіямъ Императрицы Маріи». Означеннымъ въ этой статьѣ лицамъ нѣтъ основанія, по моему мнѣнію, предоставлять права учрежденій Императрицы Маріи: ибо служба ихъ обыкновенная—гражданская, не требующая ни особенныхъ усилій, ни особенной дѣятельности.

Сверхъ этихъ преимуществъ, профессоры Чубиновъ (ibid. стр. 115), Каземъ-Бекъ, (ibid. стр. 80), Навроцкій (ibid. стр. 164), Хвольсонъ (ibid стр. 169), адъюнктъ Паткановъ (ibid. стр. 192) полагаютъ оставить въ силѣ слѣдующее правило: «лица, получившія *по ст. 65, при отставкѣ пенсіи*, сохраняютъ право удерживать ихъ и при занятіи другихъ должностей».

Поводомъ къ ходатайству объ увеличеніи пенсій, по мнѣніямъ, въ настоящей запискѣ приведеннымъ, служитъ то обстоятельство, что это увеличеніе: 1) будетъ однимъ самыхъ дѣ-

ныхъ средствъ къ привлеченію желающихъ посвятить себя ученому поприщу; 2) дастъ возможность лицамъ, слабѣющимъ силами, ранѣе уступать свое мѣсто болѣе свѣжему преемнику; 3) оградитъ съ матеріальной стороны тѣхъ, которые, какъ нерѣдко встрѣчается, будучи наиболѣе усердными и прилежными въ занятіяхъ, рано теряютъ здоровье, тѣмъ болѣе, что средняя жизнь въ ученой службѣ гораздо короче, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ занятій. Есть наконецъ должности, какъ напримѣръ, лаборантовъ, прозекторовъ и т. п., которыя, по самому роду ихъ дѣятельности, пагубно дѣйствуютъ на организмъ, и срокъ пребыванія въ оныхъ болѣе 15 лѣтъ едва ли возможенъ.

«Чтобъ поставить профессоровъ, говоритъ г. Кавелинъ, въ ихъ надлежащую колею, чтобъ вывести ихъ изъ теперешняго не нормальнаго положенія, имѣющаго вредное вліяніе на наши университеты, прежде всего необходимо значительно увеличить ихъ содержаніе, возстановить прежній пенсіонный уставъ по учебной части, дѣйствовавшій до 6 ноября 1852 г., но въ то же время лишить ихъ права на чины и всѣ другія служебныя отличія. Профессура есть своего рода монашескій обѣтъ, который допускаетъ своего рода отличія и почести, но совсѣмъ инаго свойства, чѣмъ тѣ, которыя принадлежатъ по праву органамъ бюрократіи».

Нельзя не согласиться съ приведенными здѣсь доводами и убѣжденіями о необходимости возстановленія правъ на пенсіи по прежнему уставу, особенно если эмеритальная касса, предположенная по министерству народнаго просвѣщенія, не будетъ образована. На этомъ основаніи, я полагалъ бы изложить отдѣленіе III главы IX слѣдующимъ образомъ:

Отд. 3. *О пенсіяхъ и пособіяхъ за службу при университетахъ.*

§ 163. Профессорамъ, доцентамъ, лекторамъ, практическимъ преподавателямъ восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ, астрономамъ-наблюдателямъ, прозекторамъ, ихъ помощникамъ, ученымъ аптекарямъ, лаборантамъ, инспекторамъ, чиновникамъ по студентскимъ дѣламъ, библіотекарямъ и ихъ помощникамъ, хранителямъ кабинетовъ и музеевъ или консерваторамъ, за 25-лѣтнюю безпорочную службу, обращается въ пенсію, при увольненіи ихъ, полный окладъ жалованья.

Примѣч. 1. Время, проведенное преподавателями въ чужихъ краяхъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, зачитается имъ въ дѣйствительную службу, какъ на полученіе пенсій, такъ и на производство въ чины; но зачетъ сей допускается въ такомъ только случаѣ, когда преподаватели прослужили уже или прослужатъ въ университетѣ двойной срокъ, противъ того времени, которое допускается къ зачету. Преподавателямъ, путешествующимъ за границею съ ученою цѣлью на собственный счетъ, зачитается въ дѣйствительную службу не болѣе 3-хъ лѣтъ.

Примѣч. 2. Служба приватъ-доцентовъ, въ случаѣ поступленія ихъ на одну изъ показанныхъ здѣсь должностей, при исчисленіи срока выслуги пенсіи, причитается и къ сей послѣдней должности.

§ 164. Заслуженные профессоры, при занятіи вновь каѳедры или по вступленіи въ другой родъ службы, сохраняютъ пенсію, сверхъ жалованья, по занимаемой ими должности. Съ окончательнымъ увольненіемъ ихъ впослѣдствіи, они не могутъ требовать новыхъ пенсій, а должны довольствоваться прежнею. Впрочемъ, еслибы слѣдовавшая имъ, по новому ихъ служенію, пенсія превосходила назначенную отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ такомъ случаѣ можетъ быть опредѣлена имъ сія бо̀льшая пенсія, съ прекращеніемъ въ то же время прежней меньшей.

§ 165. Если кто-либо изъ поименованныхъ въ ст. 163 лицъ, прослуживъ 10 лѣтъ въ университетѣ, подвергнется неизлечимой болѣзни, отъемлющей силы къ исполненію должности, то ему опредѣляется въ пожизненную пенсію полугодовой окладъ жалованья, за 15-лѣтнюю службу при тѣхъ же обстоятельствахъ— $^3/_4$, а за 20-лѣтнее служеніе—полный окладъ.

§ 166. Вдовѣ и всѣмъ вообще дѣтямъ, поименованныхъ въ § 163 лицъ, прослужившихъ менѣе 5 лѣтъ и умершихъ на службѣ, выдается единовременно по годовому окладу жалованья покойнаго, той и другимъ особо.

§ 167. Если кто-либо изъ поименованныхъ въ § 163 лицъ, прослуживъ усердно при университетѣ отъ 15 до 25 лѣтъ, умретъ на службѣ и оставитъ вдову и малолѣтныхъ дѣтей, то, сверхъ вышеозначенной единовременной выдачи, назначается, въ пенсію вдовѣ и дѣтямъ нераздѣльно, за выслугу 15 лѣтъ — $^1/_3$, 20 лѣтъ — $^2/_3$ и 25 лѣтъ — полный окладъ жалованья покойнаго.

§ 168. Если кто-либо изъ поименованныхъ въ § 163 лицъ, уволенный съ пенсіею, оставитъ вдову и дѣтей, въ такомъ слу-

чаѣ семейство его пользуется одинаковою пенсіею со вдовою и дѣтьми умершаго на службѣ.

§ 169. Пенсіи и единовременныя выдачи назначаются вообще изъ суммъ государственнаго казначейства по штатнымъ окладамъ, за исключеніемъ прибавочнаго жалованья, получаемаго нѣкоторыми лицами за исполненіе особыхъ при университетѣ должностей.

§ 170. Пользующіеся, за службу при университетѣ, пенсіею пользуются оною пребывая и за границею.

§ 171. Пенсія прекращается: 1) уволенному по неизлечимой болѣзни, когда онъ опредѣлится на службу въ Россіи или въ чужихъ краяхъ, ибо сіе будетъ доказательствомъ выздоровленія его, или, по крайней мѣрѣ, полученнаго имъ значительнаго облегченія; 2) вдовѣ, когда она вступитъ въ законный бракъ, и 3) дѣтямъ, когда послѣднему въ семействѣ исполнится 21 годъ или когда и прежде сего дочери вступятъ въ замужство, а сыновья будутъ опредѣлены въ учебныя заведенія на казенное содержаніе или службу.

§ 172. Ординаторы и ихъ помощники, ассистенты и фельдшера при клиникахъ, врачи и фельдшера при больницахъ для студентовъ, аптекари, ихъ помощники и ученики, повивальныя бабки и ихъ помощницы при акушерныхъ клиникахъ пользуются правами на пенсію и единовременныя пособія, изложенными въ ст. 755 — 79 т. III Св. Зак. изд. 1857 г.

§ 173. Всѣ прочія за тѣмъ лица, состоящія на службѣ при университетахъ, получаютъ пенсію и единовременныя пособія по правиламъ, изъясненнымъ въ ст. 1—243 того же тома и устава.

Примѣчаніе. Изъ учителей искусствъ право на пенсіи и пособія по университетскому уставу предоставляется только учителямъ рисованія и черченія при университетахъ и учителю восточной каллиграфіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Къ № 12.

I. О значеніи каѳедры всеобщей литературы.

Ордин. проф. С.-Петербургскаго унив. **Благовѣщенскаго.**

Въ числѣ улучшеній, которыя предположены въ проектѣ устава университетовъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ преподаваніе всеобщей исторіи литературы.

Какъ предметъ общаго образованія, литература имѣетъ столь же обширный интересъ, какъ исторія; она принадлежитъ къ числу тѣхъ отраслей знанія, знакомство съ коими обязательно для человѣка образованнаго.

Что же дѣлаетъ университетъ, чтобы дать желающимъ возможность пріобрѣсть знаніе этого предмета и вѣрно оріентироваться въ массѣ неизвѣстныхъ фактовъ, представляемыхъ общею исторіею литературы.

Какъ извѣстно, лекторамъ иностранныхъ языковъ поручается въ университетахъ читать и исторію литературы преподаваемаго языка; но извѣстно также, что это преподаваніе почти никогда не бываетъ удовлетворительно: во-1-хъ, каждый изъ нихъ читаетъ свой курсъ обыкновенно на Французскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ (за незнаніемъ Русскаго), къ чему огромное большинство слушателей бываетъ совершенно не приготовлено; курсы посѣщаются немногими любителями, которые обыкновенно желаютъ только имѣть практику для Французскихъ и Нѣмецкихъ разговоровъ; во-2-хъ, каждый лекторъ читаетъ по своему взгляду, или, лучше сказать, по извѣстной рутинѣ, вовсе не идущей къ потребностямъ и нуждамъ Русскаго

слушателя: рѣдкій Французъ, даже между знаменитѣйшими профессорами, свободенъ отъ общаго Французскаго предразсудка въ пользу старой псевдоклассической литературы; Итальянецъ одушевленъ подобнымъ исключительнымъ взглядомъ на Данта; Нѣмецъ все движеніе человѣческой мысли заключаетъ въ своей одной литературѣ; въ-3-хъ, эти новѣйшія литературы, представляющія такъ много общаго въ своихъ міровыхъ явленіяхъ, передаются въ отдѣльныхъ разсказахъ, не имѣющихъ между собою никакой живой связи, между тѣмъ какъ истинный ихъ смыслъ становится наиболѣе осязателенъ въ общей картинѣ цѣлаго умственнаго движенія, составляющаго такъ-называемую Европейскую цивилизацію *).

Излишне распространяться о томъ, какой обширный интересъ можетъ представить изложеніе всеобщей литературы, въ особенности же Европейской, для насъ самой близкой и родственной; это было бы необходимымъ дополненіемъ къ всеобщей политической исторіи. Объясненіе литературы есть объясненіе внутренней жизни народа, склада его ума, его нравственнаго характера, свойствъ его эстетическаго творчества. Исторія литературы столь же вѣрно, какъ и исторія политическая, указываетъ роль народовъ въ смѣнѣ цивилизацій, но указываетъ не внѣшними событіями, а фактами умственной и эстетической производительности народа, выражающими весь запасъ нравственныхъ силъ, который приносится въ міръ каждымъ народомъ, какъ вкладъ въ общее развитіе человѣчества. Это значеніе занятій всеобщею литературою не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій; оно понятно само по себѣ. Въ частности, для университетскаго слушателя, изученіе всеобщей исторіи литературы было бы въ высшей степени полезно, какъ одно изъ тѣхъ изученій, которыя наиболѣе расширяютъ его умственный горизонтъ, проводя передъ нимъ разнообразную картину, освѣщенную однимъ общимъ взглядомъ, и потому тѣмъ болѣе доступную его воспріимчивости.

*) Европейскія литературы представляютъ много совершенно параллельныхъ явленій: въ средніе вѣка — саги и легенды, схоластика; въ эпоху возрожденія — развитіе псевдоклассической теоріи, романтизмъ, были общимъ жизненнымъ явленіемъ рѣшительно во всѣхъ литературахъ Европы, и само собою разумѣется, что сравнительное изученіе такихъ фактовъ литературнаго развитія пріобрѣтаетъ несравненно болѣе обширный смыслъ, чѣмъ разбросанная и частная ихъ исторія.

Наконецъ, введеніе курса всеобщей литературы имѣетъ большую важность и для изученія собственно-Русской литературы. Эта послѣдняя, и въ древнемъ и въ новомъ своемъ періодѣ, была въ тѣсной связи съ литературами Европы, сначала съ Византійской, потомъ схолостической Латинской и Польской, за тѣмъ съ Французской и Нѣмецкой, которыя производили весьма дѣйствительное вліяніе на цѣлый характеръ ея развитія, особенно въ XVIII столѣтии. Многіе факты ея новой исторіи могутъ быть объясняемы только параллельно съ современными имъ явленіями литературъ иностранныхъ, и только подобное изложеніе предмета даетъ возможность опредѣлить съ точностію ходъ Русскаго образованія, указать его заимствованныя начала и выдѣлить черты самостоятельныя.

Введеніе каѳедры всеобщей исторіи литературы встрѣчаетъ обыкновенно возраженія, состоящія въ томъ, что нѣтъ возможности найти спеціалиста, который могъ бы взять на себя выполненіе столь огромной задачи, какъ изученіе всѣхъ литературъ. Но на это можно возразить, что такой спеціалистъ найдется тамъ же, гдѣ находятся люди, читающіе всеобщую политическую исторію, предметъ еще болѣе неисчерпаемый, въ который самая исторія литературы входитъ, какъ составная часть. Само собою разумѣется, что одному ученому не возможно совмѣстить въ себѣ совершенно равное знаніе всѣхъ существующихъ въ мірѣ литературъ, точно также какъ не можетъ одинъ и тотъ же историкъ въ одинаковой степени знать чтеніе Египетскихъ іероглифовъ или гвоздеобразной грамоты и составъ Англійской конституціи; но нельзя отвергать возможности энциклопедическаго знанія исторіи, особенно въ томъ болѣе или менѣе популярномъ объемѣ, какой требуется для университетскихъ слушателей; надобно замѣтить при этомъ, что главнѣйшая часть предмета т. е. изложеніе новыхъ Европейскихъ литературъ: Французской, Нѣмецкой, Англійской и Итальянской, не представляетъ и этой невозможности; знаніе этихъ четырехъ языковъ весьма возможно и въ одномъ человѣкѣ.

Можетъ быть, скажутъ, что подобныя каѳедры не существуютъ и въ иностранныхъ университетахъ. Но потребности нашихъ университетовъ не всегда можно измѣрять Нѣмецкими и Французскими учрежденіями. Нѣмецкій студентъ легко можетъ обходиться безъ такой каѳедры, потому что у него подъ руками богатая литература, въ которой онъ найдетъ всѣ воз-

можныя пособія и по этой части. Мы же не имѣемъ ничего цѣлаго и сноснаго для исторіи Европейскихъ литературъ, и знакомство съ иностранными литературами у нашихъ студентовъ, какъ извѣстно по опыту, начинается довольно поздно, и безъ посторонняго указанія молодой человѣкъ впадаетъ сначала въ ошибки, прежде чѣмъ найдетъ истинную дорогу, а часто и совсѣмъ остается на ложномъ пути, вѣря въ отжившіе авторитеты и запоздавшія теоріи.

Если въ иностранныхъ университетахъ и нѣтъ особой каѳедры для всеобщей исторіи литературы, то они имѣютъ превосходныхъ спеціалистовъ по иностраннымъ литературамъ. Сколько Нѣмецкихъ ученыхъ, имѣющихъ авторитетъ въ Англійской, Итальянской, даже Французской литературѣ! Лучшія новѣйшія изслѣдованія о Шекспирѣ и Дантѣ принадлежатъ Нѣмецкимъ профессорамъ; Французскіе факультеты имѣли въ высшей степени замѣчательныхъ профессоровъ сравнительнаго изученія литературы: изъ множества ихъ вспомнимъ только Вильмена, Форіеля, Кине. У насъ, именно бѣдность Русской литературы по этой части налагаетъ на университеты обязанность восполнить недостатокъ, весьма чувствительный въ нашемъ общемъ образованіи, и самымъ разумнымъ средствомъ для этого остается учрежденіе каѳедры, съ которой предметъ излагался бы въ стройной цѣлости, профессоромъ, знающимъ и потребности Русскихъ слушателей, и важнѣйшія стороны предмета въ ихъ связи съ исторіею литературы отечественной.

Предметъ подобныхъ чтеній долженъ быть доступенъ студентамъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ, но преимущественно для филологическаго факультета чувствуется настоятельная потребность въ изложеніи предмета, который во всемъ объемѣ историко-филологическаго изученія можетъ быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ и развивающихъ вкусъ.

II. О необходимости преподаванія статистики, какъ особой науки.

Испр. должн. адъюнкта Ришельевскаго лицея **Георгіевскаго.**

Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, въ составленномъ имъ проектѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, предлагаетъ между прочимъ не только перенести каѳедру политической экономіи изъ историко-филологическаго факультета въ юридическій, что̀ совершенно основательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣлить отъ нея статистику, присоединивши послѣднюю къ каѳедрѣ географіи, вновь учреждаемой въ факультетѣ историко-филологическомъ.

Такое соединеніе статистики съ географіею, будучи несогласно съ тѣмъ важнымъ и вполнѣ самостоятельнымъ значеніемъ, какое имѣютъ обѣ эти науки въ настоящее время, представляетъ значительныя практическія неудобства. Разсматривать статистику, какъ составную только часть географіи, которая заодно съ нею и можетъ быть излагаема, значило бы возвратиться къ воззрѣніямъ Ахенвалля и Шлецера и пренебречь всѣми успѣхами, какими эти науки обязаны трудамъ Дюфо, Кетле, Моро-де-Жоннеса, Книса, Гайна, Портера и др. съ одной стороны, и великаго Карла Риттера съ другой. Такое включеніе статистики въ географію лишило бы преподавателя возможности излагать географію, какъ анатомію и физіологію земного шара и отдѣльныхъ частей и странъ его въ постоянномъ взаимнодѣйствіи съ населявшими и населяющими ихъ племенами и народами, и обратило бы его вниманіе и значительную часть его времени на изображеніе современнаго состоянія государствъ и народовъ, и съ другой стороны, оно лишило бы его возможности ознакомить своихъ слушателей съ

общими научными основаніями статистики, устранило бы при ея изложеніи сравнительный методъ и обрекло бы преподавателя на сообщеніе однихъ численныхъ данныхъ за новѣйшее время, безъ всякаго изслѣдованія тѣхъ законовъ, которые управляютъ общественными явленіями, подлежащими точному вычисленію. Поручить же одному и тому же лицу преподаваніе и географіи и статистики, какъ двухъ отдѣльныхъ наукъ, также неудобно. Во-первыхъ, онѣ относятся къ совершенно-различнымъ сферамъ знанія: географія—къ неизмѣннымъ даннымъ природы, статистика же—къ подлежащимъ безпрерывному колебанію и измѣненію общественнымъ явленіямъ, и слѣдуютъ совершенно различнымъ методамъ: географія — описательной, статистика же — методѣ вычисленій; вслѣдствіе чего, отличный знатокъ географіи можетъ быть очень мало свѣдущимъ въ статистикѣ и наоборотъ. Во-вторыхъ, по чрезвычайной обширности и трудности этой новой науки — географіи, такъ близко соприкасающейся съ науками естественными и съ исторіею, невозможно на ея преподавателя возлагать изложеніе еще другой самостоятельной и мало родственной съ нею науки — статистики. Еслибы и оказалась впослѣдствіи возможность расширить кругъ учебной дѣятельности профессора географіи, то не иначе, какъ вмѣненіемъ ему въ обязанность преподавать отдѣльно чрезвычайно обширную и почти уже самостоятельную, хотя и очень близко-родственную науку — этнографію, которая имѣетъ особенную важность для историко-филологическаго факультета. Въ-третьихъ, присоединеніе статистики къ каѳедрѣ географіи фактически, на первыхъ порахъ, совершенно уничтожаетъ преподаваніе этой важной въ настоящее время науки, такъ какъ вновь учреждаемая въ нашихъ университетахъ каѳедра географіи долгое еще время будетъ оставаться вакантною.

Всѣ эти неудобства исчезаютъ [illegible]ою, если статистика останется въ соеди[illegible]тической экономіи, какъ это б[illegible] науки ближайше родств[illegible]метомъ: политичес[illegible]ъ законовъ, управ[illegible], которыя возникаютъ [illegible]ворeнію своихъ потребно[illegible]ыхъ причинъ и законовъ, ко[illegible]величину и взаимное соотно-

шеніе подлежащихъ точному вычисленію
ственной жизни народовъ. Въ тѣхъ
по недостатку достовѣрныхъ и точныхъ
тельные періоды времени, наименѣе
разомъ, какъ напримѣръ, въ отдѣлѣ
народовъ, статистика почти даже
экономіею, доставляя ей, съ одной
работанныя данныя, а съ другой —
уже добытые его выводы:
родству между ними, невозможно
литической экономіи, который
тистикѣ, и наоборотъ. Точно также
чтобы студентъ, не знающій
съ большою пользою слушать курсъ
обѣ эти науки, по близкому
ности, чѣмъ географія съ
рены одному преподавателю.

Изъ сказаннаго уже университетомъ,
номія, какъ это основательно то съ нею
должна быть перенесена въ Но въ уче-
вмѣстѣ должна войти въ что статистика
номъ комитетѣ высказано сравнительно, она
вовсе не есть наука въ университетскихъ пред-
вовсе должна быть уничтожить само-
метовъ, — мнѣніе, уничтожило ея и
стоятельнаго существованія совершенствоваться то
не помѣшало ей Людеромъ
же самое мнѣніе, Предоставляя противни-
еще въ 1812 г. науки, оспаривать мнѣ-
камъ статистики, этой науки, мы сознаем-
нія ученой литературѣ зана-
ся отрицанія статисти-
особый, точно опредѣ-
предметъ, свою
Въ пользу препода-
и на юридическо-
ея содержаніе. Раз-
составляютъ пре-
а собираніе ста-

р-
ла
ко-
пп-
ить
аря
къ,
угу
асти
, что
оста-
— что
которую
ука моло-
зработаны
ніямъ науч-
Бернулли,
къ д'Эпина,
зрѣ возможно-
разрозненныя
дѣйствіе этихъ
бщества (сред-
вліяніемъ не-
ой жизни и по-
то нарушаю-
ременную за-
на и публи-

теріаловъ, для котораго статистика излагаетъ научныя основанія такъ же, какъ и для разработки ихъ и для организаціи статистическихъ работъ — собираніе статистическихъ матеріаловъ составляетъ весьма важную и почти основную отрасль государственной администраціи, которая притомъ соприкасается со многими правами и обязанностями гражданъ. Далѣе, на измѣненіе въ общественныхъ явленіяхъ оказываетъ сильное вліяніе не одна только природа вещей, но и положительные законы и правительственныя мѣры, излагаемыя между прочимъ съ юридической каѳедры полицейскаго права. Такимъ образомъ статистика, изслѣдующая какъ естественный порядокъ въ развитіи и измѣненіяхъ общественныхъ явленій и силъ, такъ и мѣру вліянія на нихъ положительныхъ законовъ и административныхъ дѣйствій, является чрезвычайно важнымъ дополненіемъ спеціально-юридическаго образованія, особенно же по отдѣлу наукъ политическихъ и административныхъ. Что же касается до свойственной этой наукѣ методы вычисленій, то, за весьма немногими исключеніями, встрѣчающимися въ статистикѣ народонаселенія, эти вычисленія такъ просты, что для производства ихъ слишкомъ достаточно знанія гимназическаго курса математики.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, имѣю честь предложить слѣдующія измѣненія въ §§ 14 и 16: въ § 14 соединить *географію съ этнографіей*, а въ § 16 — политическую экономію со статистикой.

III. О преподаваніи статистики въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ.

Преподавателя С. Петербургскаго унив. **Бушена.**

Нѣтъ сомнѣнія, что статистика нынѣ окончательно вышла изъ состоянія эклектическаго университетскаго курса, находившаго свое оправданіе не въ законченности научной дисциплины, а только въ практической пользѣ. Она перестала быть методомъ, какъ многіе полагаютъ и до сихъ поръ, и, благодаря трудамъ такихъ дѣятелей, каковы Кетле, Фаллати Іонакъ, вполнѣ стала наукою, которой объемъ, цѣль и значеніе въ кругу другихъ наукъ вполнѣ опредѣлены. Правда, что не всѣ части этой *младшей изъ наукъ* одинаково разработаны; правда, что нѣкоторыя даже едва затронуты, а другія продолжаютъ оставаться не тронутыми; но это доказываетъ только одно — что статистика не успѣла еще пріобрѣсть ту полноту, которую пріобрѣли уже другія науки, и что она именно есть наука молодая. За то тѣ части ея, для которыхъ собраны и разработаны матеріалы, вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ научной дисциплины, что̀ вполнѣ доказывается трудами Бернулли, Кетле, Ваппеуса, Энгеля, Дитерици, Маркъ д'Эпина, Баумгауэра и многихъ другихъ. Пополнить, по мѣрѣ возможности, собранныя до сихъ поръ данныя, соединить разрозненныя части въ одну систему, опредѣлить совокупное дѣйствіе этихъ фактовъ на внутреннее развитіе гражданскаго общества (средняго человѣка), измѣняющееся подъ очереднымъ вліяніемъ непремѣнныхъ, естественныхъ условій человѣческой жизни и порядковъ жизни общественной, то охраняющихъ, то нарушающихъ порядокъ естественный, — составляетъ современную задачу статистики, которой научная важность признана и публи-

кою (многочисленныя статистическія общества и ассосіаціи) и правительствами (болѣе 80 спеціальныхъ и центральныхъ статистическихъ учрежденій въ одной Европѣ, не считая провинціальныхъ и мѣстныхъ органовъ) и почти всѣми учеными, спеціалистами и неспеціалистами (конгресы, международныя изданія въ Англіи, Бельгіи, каѳедры почти во всѣхъ университетахъ). Все это вмѣстѣ достаточно доказываетъ, что пора и въ Россіи, наконецъ, обратить вниманіе на статистику, преподаваніе которой до сихъ поръ считалось дѣломъ второстепеннымъ и придаточнымъ и именно было лишено всякой научной полноты и системы.

Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы въ настоящее время кто-нибудь, мало-мальски знакомый со статистикою, могъ отвергать необходимость чтенія ея въ университетахъ, и потому остается развѣ только указать на внѣшнія условія, необходимыя для достиженія наибольшаго удобства и пользы ея преподаванія.

Статистику необходимо читать отдѣльнымъ предметомъ (и слѣдовательно назначить для нея отдѣльную каѳедру) по слѣдующимъ причинамъ:

1) Читать статистику по частямъ, вмѣстѣ съ другими предметами, какъ полагаютъ многіе, значитъ — не читать статистики совсѣмъ. Говорятъ, что всякій профессоръ и безъ того читаетъ статистику своей части, напр. при уголовномъ правѣ читается уголовная статистика, при торговомъ правѣ—торговая и проч. Не оспаривая нисколько этого предположенія, которое исполняется только отчасти, нужно однако же замѣтить, что, при всемъ стараніи гг. профессоровъ, этимъ способомъ сообщается слушателямъ только часть статистическихъ свѣдѣній, да и то весьма коротко и неполно. Изъ подобныхъ отрывковъ никогда не можетъ сложиться понятіе науки, точно такъ же, какъ изъ историческихъ свѣдѣній, читаемыхъ почти при всѣхъ наукахъ, никогда не слагается полнаго и яснаго пониманія политической исторіи, необходимость чтенія которой однако же не оспариваютъ.

2) Читать статистику отдѣльно отъ всѣхъ другихъ предметовъ необходимо и по причинѣ обширности самаго предмета. Изученіе статистики и приготовленіе матеріала отъ преподава- ...уетъ спеціальнаго приготовленія и болѣе труда, чѣмъ

какая-либо другая наука, и потому хорошаго чтенія можно ожидать только отъ человѣка, исключительно посвятившаго себя этому дѣлу.

3) Уже на основаніи вышесказаннаго, соединеніе статистики съ географіею будетъ совершенно не логично. Еще яснѣе обнаружится это, если вникнуть въ сущность географіи и статистики. Оба предмета, какъ науки, не имѣютъ ничего между собою общаго. Географія имѣетъ дѣло съ земнымъ шаромъ, его поверхностію и физическими условіями ея; статистика—только съ государственнымъ и общественнымъ бытомъ. Географія принадлежитъ къ наукамъ естественнымъ и можетъ быть читаема съ успѣхомъ только натуралистомъ, какими были Берхгаусъ, Риттеръ, Гумбольдтъ, создавшіе ее въ научномъ видѣ; статистика есть наука политическая. Смѣшивать обѣ эти науки вмѣстѣ могутъ только люди, судящіе объ нихъ по гимназическому курсу политической географіи, въ которомъ, ради удобства и практичности преподаванія, соединены краткія свѣдѣнія изъ обоихъ предметовъ, но въ которомъ нѣтъ и помину о научной дисциплинѣ. Повтореніе этой олла-потриды въ университетскомъ курсѣ было бы не только безполезно и неумѣстно, но и вредно, потому что исключало бы изъ преподаванія двѣ полныя самостоятельныя науки и ставило бы на мѣсто ихъ какую-то элементарную смѣсь. Чтеніе обоихъ предметовъ однимъ и тѣмъ же лицемъ рѣшительно невозможно и соединеніе обоихъ предметовъ непремѣнно поведетъ къ тому, что одинъ изъ нихъ совсѣмъ не будетъ читаться или читаться крайне дурно. Не такова цѣль устава университетовъ.

Опредѣливъ для статистики необходимость отдѣльной каѳедры, должно еще сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ ея въ ряду прочихъ каѳедръ.

Мѣсто каѳедры статистики безспорно въ юридическомъ факультетѣ, въ разрядѣ административныхъ наукъ, и именно послѣдующимъ причинамъ:

1) Статистика имѣетъ прямую и непосредственную связь съ государственными науками (Staatswissenschaften) и, въ особенности, съ политическою экономіею и съ государственнымъ правомъ. Слѣдовательно, мѣсто ея вмѣстѣ съ этими науками, а не съ Римскою и Греческою словесностію. Даже съ исторіею статистика имѣетъ менѣе общаго, чѣмъ съ предметами государственными.

2) Статистика для студентовъ административнаго разряда полагается главнымъ или факультетскимъ предметомъ: слѣдовательно и преподаватель ея долженъ имѣть голосъ въ факультетѣ, въ которомъ предметъ его считается главнымъ.

3) Статистика необходима нынѣ особенно для государственной службы, что вполнѣ доказывается современными требованіями правительственныхъ реформъ. Правительство учредило центральный статистическій комитетъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; имѣетъ комитеты и отдѣленія при министерствахъ: военномъ и государственныхъ имуществъ; хлопочетъ объ основаніи подобныхъ учрежденій при министерствѣ финансовъ и главномъ управленіи путей сообщенія; учредило до 70 губернскихъ, областныхъ и городскихъ комитетовъ и вездѣ требуетъ для занятія мѣстъ секретарей и дѣлопроизводителей, людей знакомыхъ съ наукою и ея требованіями. Приготовленіе молодыхъ людей къ этимъ должностямъ прямо принадлежитъ университетамъ, и конечно административному разряду, а не филологическому факультету, который заботится о классическомъ, ученомъ и учебномъ образованіи, а не о спеціально-административномъ.

4) Профессоръ статистики долженъ самъ быть юристъ, или администраторъ, такъ какъ для него основательное знаніе предметовъ административныхъ необходимо, а знаніе Греческой, Римской и иныхъ словесностей совершенно безполезно.

На основаніи всего вышесказаннаго я полагаю, что новый уставъ долженъ озаботиться о перенесеніи статистики изъ филологическаго факультета въ юридическій (разрядъ административныхъ наукъ) и объ отдѣленіи чтенія ея отъ чтенія другихъ предметовъ. Все это будетъ достигнуто учрежденіемъ для статистики особой каѳедры въ юридическомъ факультетѣ.

IV. Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

Директора медицин. департ. минист. внутр. дѣлъ **Пеликана**.

Въ проектѣ ни слова не сказано, будутъ ли преподаваемы на медицинскомъ факультетѣ науки естественныя (физика, химія, зоологія съ сравнительной анатоміей, ботаника, минералогія и геогнозія); вѣроятно тутъ подразумѣвается нынѣ существующій порядокъ, т. е. слушаніе медицинскими студентами большей части этихъ предметовъ вмѣстѣ со студентами физико-математическаго факультета. Но такой порядокъ не можетъ быть вполнѣ одобренъ, потому что для медиковъ, кромѣ общихъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, необходимы еще спеціальныя знанія по примѣненію этихъ наукъ къ врачебнымъ цѣлямъ. По этому нынѣ существующій порядокъ можетъ быть терпимъ лишь въ видахъ экономіи. Во всякомъ однакожь случаѣ, желательно было бы, чтобы по возможности хотя нѣкоторые предметы, напр. химія и ботаника, были преподаваемы въ примѣненіи къ медицинѣ. Что касается до распредѣленія предметовъ по собственно медицинскимъ каѳедрамъ, то слѣдовало бы, по моему мнѣнію, сдѣлать оное болѣе соотвѣтственнымъ современному состоянію врачебныхъ наукъ; такъ, вмѣсто: 1) Анатомія: а) Частная и общая б) Микроскопическая, лучше бы эту каѳедру раздѣлить на двѣ, присоединивъ къ нимъ и эмбріологію. Это было бы тѣмъ болѣе послѣдовательно, что *общая анатомія* уже сама по себѣ есть также микроскопическая, и поэтому отдѣлить послѣднюю отъ первой, какъ самостоятельную часть, нѣтъ никакого основанія. По моему мнѣнію, каѳедра анатоміи должна бы раздвоиться на: а) анатомію описательную и практическую (занятія студентовъ на трупахъ)

общими научными основаніями статистики, устранило бы при ея изложеніи сравнительный методъ и обрекло бы преподавателя на сообщеніе однихъ численныхъ данныхъ за новѣйшее время, безъ всякаго изслѣдованія тѣхъ законовъ, которые управляютъ общественными явленіями, подлежащими точному вычисленію. Поручить же одному и тому же лицу преподаваніе и географіи и статистики, какъ двухъ отдѣльныхъ наукъ, также неудобно. Во-первыхъ, онѣ относятся къ совершенно-различнымъ сферамъ знанія: географія—къ неизмѣннымъ даннымъ природы, статистика же—къ подлежащимъ безпрерывному колебанію и измѣненію общественнымъ явленіямъ, и слѣдуютъ совершенно различнымъ методамъ: географія — описательной, статистика же — методѣ вычисленій; вслѣдствіе чего, отличный знатокъ географіи можетъ быть очень мало свѣдущимъ въ статистикѣ и наоборотъ. Во-вторыхъ, по чрезвычайной обширности и трудности этой новой науки — географіи, такъ близко соприкасающейся съ науками естественными и съ исторіею, невозможно на ея преподавателя возлагать изложеніе еще другой самостоятельной и мало родственной съ нею науки — статистики. Еслибы и оказалась впослѣдствіи возможность расширить кругъ учебной дѣятельности профессора географіи, то не иначе, какъ вмѣненіемъ ему въ обязанность преподавать отдѣльно чрезвычайно обширную и почти уже самостоятельную, хотя и очень близко-родственную науку — этнографію, которая имѣетъ особенную важность для историко-филологическаго факультета. Въ-третьихъ, присоединеніе статистики къ каѳедрѣ географіи фактически, на первыхъ порахъ, совершенно уничтожаетъ преподаваніе этой важной въ настоящее время науки, такъ какъ вновь учреждаемая въ нашихъ университетахъ каѳедра географіи долгое еще время будетъ оставаться вакантною.

Всѣ эти неудобства исчезаютъ сами собою, если статистика останется въ соединеніи съ каѳедрою политической экономіи, какъ это было по уставу 1835 года. Обѣ эти науки ближайше родственны между собою, имѣя своимъ предметомъ: политическая экономія—изслѣдованіе естественныхъ законовъ, управляющихъ тѣми общественными явленіями, которыя возникаютъ изъ общаго стремленія къ удовлетворенію своихъ потребностей, а статистика — изслѣдованіе тѣхъ причинъ и законовъ, которые опредѣляютъ и измѣняютъ величину и взаимное соотно-

шеніе подлежащихъ точному вычисленію силъ и явленій общественной жизни народовъ. Въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя, по недостатку достовѣрныхъ и точныхъ данныхъ за продолжительные періоды времени, наименѣе обработаны научнымъ образомъ, какъ напримѣръ, въ отдѣлѣ о промышленой жизни народовъ, статистика почти даже совпадаетъ съ политическою экономіею, доставляя ей, съ одной стороны, точныя и уже разработанныя данныя, а съ другой — подтверждая или же измѣняя уже добытые его выводы: во всякомъ случаѣ, по близкому родству между ними, невозможно представить себѣ знатока политической экономіи, который мало былъ бы свѣдущъ въ статистикѣ, и наоборотъ. Точно также невозможно предположить, чтобы студентъ, не знающій политической экономіи, могъ съ большою пользою слушать курсъ статистики. Притомъ же обѣ эти науки, по близкому родству и по меньшей ихъ обширности, чѣмъ географія съ этнографіей, легко могутъ быть ввѣрены одному преподавателю.

Изъ сказаннаго уже очевидно, что если политическая экономія, какъ это основательно принято ученымъ комитетомъ, должна быть перенесена въ юридическій факультетъ, то съ нею вмѣстѣ должна войти въ составъ его и статистика. Но въ ученомъ комитетѣ высказано было мнѣніе о томъ, что статистика вовсе не есть наука въ строгомъ смыслѣ, и что, слѣдовательно, она вовсе должна быть исключена изъ числа университетскихъ предметовъ, — мнѣніе, которое никакъ не можетъ уничтожить самостоятельнаго существованія этой науки, какъ не уничтожило ея и не помѣшало ей чрезвычайно развиться и усовершенствоваться то же самое мнѣніе, съ воплемъ отчаянія высказанное Людеромъ еще въ 1812 г. (если не ошибаемся). Предоставляя противникамъ статистики, какъ самостоятельной науки, оспаривать мнѣнія названныхъ выше представителей этой науки, мы сознаемся только въ томъ, что въ новѣйшей ученой литературѣ западной Европы намъ не случалось встрѣчать отрицанія статистики, какъ отдѣльной науки, имѣющей свой особый, точно опредѣленный, хотя и чрезвычайно обширный предметъ, свою особую задачу и свойственный ей методъ. Въ пользу преподаванія статистики, какъ отдѣльной науки, и на юридическомъ именно факультетѣ, говоритъ самое ея содержаніе. Различныя отрасли государственной администраціи составляютъ предметъ изученія на юридическомъ факультетѣ, а собираніе статистическихъ ма-

теріаловъ, для котораго статистика излагаетъ научныя основанія такъ же, какъ и для разработки ихъ и для организаціи статистическихъ работъ — собираніе статистическихъ матеріаловъ составляетъ весьма важную и почти основную отрасль государственной администраціи, которая притомъ соприкасается со многими правами и обязанностями гражданъ. Далѣе, на измѣненіе въ общественныхъ явленіяхъ оказываетъ сильное вліяніе не одна только природа вещей, но и положительные законы и правительственныя мѣры, излагаемыя между прочимъ съ юридической каѳедры полицейскаго права. Такимъ образомъ статистика, изслѣдующая какъ естественный порядокъ въ развитіи и измѣненіяхъ общественныхъ явленій и силъ, такъ и мѣру вліянія на нихъ положительныхъ законовъ и административныхъ дѣйствій, является чрезвычайно важнымъ дополненіемъ спеціально-юридическаго образованія, особенно же по отдѣлу наукъ политическихъ и административныхъ. Что же касается до свойственной этой наукѣ методы вычисленій, то, за весьма немногими исключеніями, встрѣчающимися въ статистикѣ народонаселенія, эти вычисленія такъ просты, что для производства ихъ слишкомъ достаточно знанія гимназическаго курса математики.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, имѣю честь предложить слѣдующія измѣненія въ §§ 14 и 16: въ § 14 соединить *географію съ этнографіей*, а въ § 16 — политическую экономію со статистикой.

III. О преподаваніи статистики въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ.

Преподавателя С. Петербургскаго унив. **Бушена.**

Нѣтъ сомнѣнія, что статистика нынѣ окончательно вышла изъ состоянія эклектическаго университетскаго курса, находившаго свое оправданіе не въ законченности научной дисциплины, а только въ практической пользѣ. Она перестала быть методомъ, какъ многіе полагаютъ и до сихъ поръ, и, благодаря трудамъ такихъ дѣятелей, каковы Кетле, Фаллати Іонакъ, вполнѣ стала наукою, которой объемъ, цѣль и значеніе въ кругу другихъ наукъ вполнѣ опредѣлены. Правда, что не всѣ части этой *младшей изъ наукъ* одинаково разработаны; правда, что нѣкоторыя даже едва затронуты, а другія продолжаютъ оставаться не тронутыми; но это доказываетъ только одно — что статистика не успѣла еще пріобрѣсть ту полноту, которую пріобрѣли уже другія науки, и что она именно есть наука молодая. За то тѣ части ея, для которыхъ собраны и разработаны матеріалы, вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ научной дисциплины, что̀ вполнѣ доказывается трудами Бернулли, Кетле, Ваппеуса, Энгеля, Дитерици, Маркъ д'Эпина, Баумгауэра и многихъ другихъ. Пополнить, по мѣрѣ возможности, собранныя до сихъ поръ данныя, соединить разрозненныя части въ одну систему, опредѣлить совокупное дѣйствіе этихъ фактовъ на внутреннее развитіе гражданскаго общества (средняго человѣка), измѣняющееся подъ очереднымъ вліяніемъ непремѣнныхъ, естественныхъ условій человѣческой жизни и порядковъ жизни общественной, то охраняющихъ, то нарушающихъ порядокъ естественный, — составляетъ современную задачу статистики, которой научная важность признана и публи-

кою (многочисленныя статистическія общества и ассосіаціи) и правительствами (болѣе 80 спеціальныхъ и центральныхъ статистическихъ учрежденій въ одной Европѣ, не считая провинціальныхъ и мѣстныхъ органовъ) и почти всѣми учеными, спеціалистами и неспеціалистами (конгресы, международныя изданія въ Англіи, Бельгіи, каѳедры почти во всѣхъ университетахъ). Все это вмѣстѣ достаточно доказываетъ, что пора и въ Россіи, наконецъ, обратить вниманіе на статистику, преподаваніе которой до сихъ поръ считалось дѣломъ второстепеннымъ и придаточнымъ и именно было лишено всякой научной полноты и системы.

Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы въ настоящее время кто-нибудь, мало-мальски знакомый со статистикою, могъ отвергать необходимость чтенія ея въ университетахъ, и потому остается развѣ только указать на внѣшнія условія, необходимыя для достиженія наибольшаго удобства и пользы ея преподаванія.

Статистику необходимо читать отдѣльнымъ предметомъ (и слѣдовательно назначить для нея отдѣльную каѳедру) по слѣдующимъ причинамъ:

1) Читать статистику по частямъ, вмѣстѣ съ другими предметами, какъ полагаютъ многіе, значитъ — не читать статистики совсѣмъ. Говорятъ, что всякій профессоръ и безъ того читаетъ статистику своей части, напр. при уголовномъ правѣ читается уголовная статистика, при торговомъ правѣ—торговая и проч. Не оспаривая нисколько этого предположенія, которое исполняется только отчасти, нужно однако же замѣтить, что, при всемъ стараніи гг. профессоровъ, этимъ способомъ сообщается слушателямъ только часть статистическихъ свѣдѣній, да и то весьма коротко и неполно. Изъ подобныхъ отрывковъ никогда не можетъ сложиться понятіе науки, точно такъ же, какъ изъ историческихъ свѣдѣній, читаемыхъ почти при всѣхъ наукахъ, никогда не слагается полнаго и яснаго пониманія политической исторіи, необходимость чтенія которой однако же не оспариваютъ.

2) Читать статистику отдѣльно отъ всѣхъ другихъ предметовъ необходимо и по причинѣ обширности самаго предмета. Изученіе статистики и приготовленіе матеріала отъ преподавателя требуетъ спеціальнаго приготовленія и болѣе труда, чѣмъ

какая-либо другая наука, и потому хорошаго чтенія можно ожидать только отъ человѣка, исключительно посвятившаго себя этому дѣлу.

3) Уже на основаніи вышесказаннаго, соединеніе статистики съ географіею будетъ совершенно не логично. Еще яснѣе обнаружится это, если вникнуть въ сущность географіи и статистики. Оба предмета, какъ науки, не имѣютъ ничего между собою общаго. Географія имѣетъ дѣло съ земнымъ шаромъ, его поверхностію и физическими условіями ея; статистика—только съ государственнымъ и общественнымъ бытомъ. Географія принадлежитъ къ наукамъ естественнымъ и можетъ быть читаема съ успѣхомъ только натуралистомъ, какими были Берхгаусъ, Риттеръ, Гумбольдтъ, создавшіе ее въ научномъ видѣ; статистика есть наука политическая. Смѣшивать обѣ эти науки вмѣстѣ могутъ только люди, судящіе объ нихъ по гимназическому курсу политической географіи, въ которомъ, ради удобства и практичности преподаванія, соединены краткія свѣдѣнія изъ обоихъ предметовъ, но въ которомъ нѣтъ и помину о научной дисциплинѣ. Повтореніе этой олла-потриды въ университетскомъ курсѣ было бы не только безполезно и неумѣстно, но и вредно, потому что исключало бы изъ преподаванія двѣ полныя самостоятельныя науки и ставило бы на мѣсто ихъ какую-то элементарную смѣсь. Чтеніе обоихъ предметовъ однимъ и тѣмъ же лицемъ рѣшительно невозможно и соединеніе обоихъ предметовъ непремѣнно поведетъ къ тому, что одинъ изъ нихъ совсѣмъ не будетъ читаться или читаться крайне дурно. Не такова цѣль устава университетовъ.

Опредѣливъ для статистики необходимость отдѣльной каѳедры, должно еще сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ ея въ ряду прочихъ каѳедръ.

Мѣсто каѳедры статистики безспорно въ юридическомъ факультетѣ, въ разрядѣ административныхъ наукъ, и именно послѣдующимъ причинамъ:

1) Статистика имѣетъ прямую и непосредственную связь съ государственными науками (Staatswissenschaften) и, въ особенности, съ политическою экономіею и съ государственнымъ правомъ. Слѣдовательно, мѣсто ея вмѣстѣ съ этими науками, а не съ Римскою и Греческою словесностію. Даже съ исторіею статистика имѣетъ менѣе общаго, чѣмъ съ предметами государственными.

2) Статистика для студентовъ административнаго разряда полагается главнымъ или факультетскимъ предметомъ: слѣдовательно и преподаватель ея долженъ имѣть голосъ въ факультетѣ, въ которомъ предметъ его считается главнымъ.

3) Статистика необходима нынѣ особенно для государственной службы, что вполнѣ доказывается современными требованіями правительственныхъ реформъ. Правительство учредило центральный статистическій комитетъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; имѣетъ комитеты и отдѣленія при министерствахъ: военномъ и государственныхъ имуществъ; хлопочетъ объ основаніи подобныхъ учрежденій при министерствѣ финансовъ и главномъ управленіи путей сообщенія; учредило до 70 губернскихъ, областныхъ и городскихъ комитетовъ и вездѣ требуетъ для занятія мѣстъ секретарей и дѣлопроизводителей, людей знакомыхъ съ наукою и ея требованіями. Приготовленіе молодыхъ людей къ этимъ должностямъ прямо принадлежитъ университетамъ, и конечно административному разряду, а не филологическому факультету, который заботится о классическомъ, ученомъ и учебномъ образованіи, а не о спеціально-административномъ.

4) Профессоръ статистики долженъ самъ быть юристъ, или администраторъ, такъ какъ для него основательное знаніе предметовъ административныхъ необходимо, а знаніе Греческой, Римской и иныхъ словесностей совершенно безполезно.

На основаніи всего вышесказаннаго я полагаю, что новый уставъ долженъ озаботиться о перенесеніи статистики изъ филологическаго факультета въ юридическій (разрядъ административныхъ наукъ) и объ отдѣленіи чтенія ея отъ чтенія другихъ предметовъ. Все это будетъ достигнуто учрежденіемъ для статистики особой каѳедры въ юридическомъ факультетѣ.

IV. Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

Директора медицин. департ. минист. внутр. дѣлъ **Пеликана**.

Въ проектѣ ни слова не сказано, будутъ ли преподаваемы на медицинскомъ факультетѣ науки естественныя (физика, химія, зоологія съ сравнительной анатоміей, ботаника, минералогія и геогнозія); вѣроятно тутъ подразумѣвается нынѣ существующій порядокъ, т. е. слушаніе медицинскими студентами большей части этихъ предметовъ вмѣстѣ со студентами физико-математическаго факультета. Но такой порядокъ не можетъ быть вполнѣ одобренъ, потому что для медиковъ, кромѣ общихъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, необходимы еще спеціальныя знанія по примѣненію этихъ наукъ къ врачебнымъ цѣлямъ. По этому нынѣ существующій порядокъ можетъ быть терпимъ лишь въ видахъ экономіи. Во всякомъ однакожь случаѣ, желательно было бы, чтобы по возможности хотя нѣкоторые предметы, напр. химія и ботаника, были преподаваемы въ примѣненіи къ медицинѣ. Что касается до распредѣленія предметовъ по собственно медицинскимъ каѳедрамъ, то слѣдовало бы, по моему мнѣнію, сдѣлать оное болѣе соотвѣтственнымъ современному состоянію врачебныхъ наукъ; такъ, вмѣсто: 1) Анатомія: а) Частная и общая б) Микроскопическая, лучше бы эту каѳедру раздѣлить на двѣ, присоединивъ къ нимъ и эмбріологію. Это было бы тѣмъ болѣе послѣдовательно, что *общая анатомія* уже сама по себѣ есть также микроскопическая, и поэтому отдѣлить послѣднюю отъ первой, какъ самостоятельную часть, нѣтъ никакого основанія. По моему мнѣнію, каѳедра анатоміи должна бы раздвоиться на: а) анатомію описательную и практическую (занятія студентовъ на трупахъ)

и б) гистологію съ исторіей развитія (эмбріологіей). Для этой послѣдней части б) слѣдовало бы имѣть особаго профессора.

2) Физіологія должна быть преподаваема съ опытами надъ животными и другими демонстраціями, о чемъ непремѣнно должно быть упомянуто въ проектѣ, такъ что мѣсто эмбріологіи, которая отойдетъ къ каѳедрѣ анатоміи, займетъ: б) физіологія опытная (экспериментальная).

3) Третью каѳедру (патологію) я полагалъ бы назвать просто «патологической анатоміей»: такъ какъ, въ настоящее время, общая патологія, преподаваемая отдѣльно, не имѣетъ никакого интереса для учащихся. Вообще слѣдовало бы въ медицинскомъ факультетѣ избѣгать какъ можно больше особыхъ каѳедръ теоретическаго преподаванія предметовъ, посвящая бо̀льшую часть времени преподаваніямъ демонстративнымъ, опытамъ, клиническимъ наблюденіямъ и проч. Это, по крайней мѣрѣ, путь, коему слѣдуютъ въ большей части Германскихъ университетовъ и вполнѣ примѣнимый къ нашимъ медицинскимъ факультетамъ, ограниченнымъ, существующими штатами, въ числѣ преподавателей.

4) Четвертая каѳедра «общая терапія и формакологія» слишкомъ сложна; раздѣленіе ея на столько разнородныхъ предметовъ совершенно излишне. По моему мнѣнію, ее слѣдовало бы назвать просто «фармакологія» съ присоединеніемъ къ ней, подобно каѳедрѣ физіологіи, опытовъ надъ животными и демонстрацій, назвавъ эту часть «опытная фармакологія». Общая терапія входитъ сама собою въ общую часть фармакологіи; рецептуру давно бы пора перестать называть отдѣльной наукой: она частію входитъ въ составъ фармакологіи, частію же относится къ каѳедрѣ фармаціи. Токсикологію слѣдуетъ отнести къ каѳедрѣ судебной медицины, діэтетику можно бы не читать вовсе; гигіена же должна бы, по всей справедливости, составить отдѣльную каѳедру.

6) Частная терапія съ психіатріей и теоретическая хирургія, какъ отдѣльныя каѳедры, не должны бы, по вышеизъясненной причинѣ (п. 3), существовать отдѣльно; полагать можно достаточнымъ имѣть лишь особенныя клиники: а) терапевтическую, б) психіатрическую и в) хирургическую, съ тѣмъ, чтобы профессоры излагали предметъ свой въ этихъ клиникахъ, преимущественно при постели больныхъ, отдѣляя, по своему усмотрѣнію, извѣстныя части предмета для теоретиче-

скаго преподаванія; а для слушателей, желающихъ познакомиться ближе съ полной теоріей науки и съ разными ея частностями, можно бы имѣть при каждой изъ этихъ каѳедръ одного или нѣсколькихъ доцентовъ.

7) Не вижу причины, почему при каѳедрѣ терапевтической клиники упоминается особо о семіотикѣ? Не лучше ли сказать, что при всѣхъ клиническихъ каѳедрахъ преподаются, при постели больныхъ и въ особо устроенныхъ лабораторіяхъ, всѣ способы изслѣдованія болѣзней (физическій, химическій, микроскопическій и проч.).

10) Оперативная хирургія безъ клиники не должна бы, по вышесказаннымъ причинамъ, составлять самостоятельной каѳедры. По этому ее слѣдуетъ назвать «хирургической клиникой», съ тѣмъ, чтобы теоретическое и демонстративное преподаваніе операцій на трупахъ, ученія о повязкахъ (переломахъ и вывихахъ) и хирургической анатоміи могло быть поручаемо доцентамъ по успотрѣнію профессора.

11) Подобно этому и каѳедра акушерства и женскихъ болѣзней должна составить клинику, съ тѣмъ, чтобы теоретическое преподаваніе науки или нѣкоторой ея части и упражненія на фантомѣ, по усмотрѣнію профессора, могли быть поручаемы доцентамъ. Но во всякомъ случаѣ «дѣтскія болѣзни» или, правильнѣе, «клиника дѣтскихъ болѣзней» должна составлять совершенно самостоятельную, отдѣльную каѳедру, подобно клиникамъ офталмологической и психіатрической.

12) Судебная медицина, какъ одна изъ важнѣйшихъ наукъ, особливо для врачей гражданскаго вѣдомства, требующая многосторонних и разнообразнѣйшихъ способовъ практическаго, демонстративнаго и опытнаго преподаванія, соединена въ проектѣ съ множествомъ другихъ постороннихъ предметовъ, напр. энциклопедіею и исторіею медицины, ученіемъ объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и проч. Въ настоящее время, при предстоящемъ у насъ преобразованіи въ судопроизводствѣ и судоустройствѣ, врачи-эксперты получатъ особенное назначеніе, дѣйствія ихъ не будутъ ограничиваться освидѣтельствованіемъ разныхъ лицъ и предметовъ и бумажной перепиской, какъ это дѣлалось до сихъ поръ: они, какъ свидѣтели, обязаны будутъ, сверхъ этого, *«говорить въ судахъ»*. Слѣдовательно, для полнаго достиженія тѣхъ благихъ цѣлей, которыя имѣетъ высшее правительство при этой важной государственной реформѣ, — необ-

ходимо расширить, какъ можно болѣе, университетское преподаваніе судебной медицины. По этимъ уваженіямъ:

Каѳедра судебной медицины съ токсикологіей должна быть совершенно отдѣльная. Она должна также, по примѣру физіологіи и фармакологіи, включать въ себѣ часть опытную и демонстративную, также и практическую, какъ-то: вскрытіе мертвыхъ тѣлъ по правиламъ науки и клиническія изслѣдованія различныхъ судебно-медицинскихъ случаевъ. По этой причинѣ, при каѳедрѣ судебной медицины должно непремѣнно состоять нѣсколько доцентовъ для спеціальнаго преподаванія входящихъ въ составъ ея предметовъ (токсикологіи, микроскопическихъ изслѣдованій подозрительныхъ пятенъ, судебно-медицинскихъ вскрытій и проч.).

Что же касается до прочихъ предметовъ, соединенныхъ въ проектѣ съ этой каѳедрой, то преподаваніе ихъ можетъ быть поручаемо доцентамъ другихъ каѳедръ, какъ-то: медицинской полиціи—доценту каѳедры гигіены, ветеринарной полиціи и ученія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ—особому преподавателю-ветеринару, а энциклопедіи и исторіи медицины — кому-нибудь изъ доцентовъ, по выбору медицинскаго факультета, или даже вовсе оставить этотъ предметъ безъ преподаванія, что̀ не составитъ большаго лишенія для слушателей.

Кромѣ высказанной мною выше необходимости, прибавить каѳедры: гигіены (общественной и частной) и клиники дѣтскихъ болѣзней; слѣдуетъ полагать также не безполезнымъ учрежденіе каѳедры физіологической и патологической химіи, какъ науки, получившей въ послѣднее время особенное для всякаго образованнаго врача значеніе, по своимъ практическимъ примѣненіямъ къ изученію здороваго и больнаго организма.

Къ этимъ замѣчаніямъ моимъ о порядкѣ распредѣленія по медицинскому факультету предметовъ преподаванія нужнымъ еще считаю присовокупить слѣдующія:

При разсмотрѣніи обязанностей, лежащихъ на факультетахъ и совѣтѣ университетскомъ, мнѣ казалось, что первымъ не предоставлено достаточно самостоятельности при обсужденіи вопросовъ ихъ спеціальности. Не знаю, на сколько это мое замѣчаніе можетъ относиться ко всѣмъ факультетамъ вообще, но что касается до медицинскаго, то я позволю себѣ заявить по собственному опыту, что разсужденіе о такихъ предметахъ, какъ напримѣръ о выборѣ преподавателей, о соединеніи, раздѣленіи

каѳедръ и замѣнѣ однѣхъ изъ нихъ другими, о распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія, сужденія о сочиненіяхъ и т. п. должны бы окончательно рѣшаться въ медицинскомъ факультетѣ. Такимъ путемъ устранилась бы всякая мысль о вмѣшательствѣ въ дѣла факультетскія посторонняго специальной наукѣ элемента со стороны преподавателей другихъ факультетовъ, незнакомыхъ съ предметомъ врачебной науки, и медицинскій факультетъ получилъ бы ту степень автономіи, безъ которой немыслимо нормальное развитіе его внутренней, интеллектуальной жизни.

Ст. 54. Не лучше ли эту статью измѣнить такъ: попечитель, по своему усмотрѣнію, можетъ присутствовать въ совѣтѣ и предсѣдательствовать въ правленіи?

Ст. 64. Не вижу никакой особенной пользы въ томъ, чтобы ректоръ, изъ профессоровъ другихъ факультетовъ, имѣлъ право предсѣдательствовать въ медицинскомъ.

Ст. 70. Званіе младшаго доцента кажется излишне, при существованіи приватъ-доцентовъ.

Ст. 77. Здѣсь слѣдовало бы опредѣлительнѣе сказать о конкурсѣ, т. е. въ чемъ онъ будетъ состоять, такъ какъ предметъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и въ прежнемъ университетскомъ уставѣ и въ уставѣ Императорской медико-хирургической академіи онъ выраженъ не совсѣмъ опредѣлительно.

Ст. 78. Назначеніе профессоровъ по одному усмотрѣнію министра, безъ предварительнаго обсужденія достоинствъ ихъ въ соотвѣтственныхъ факультетахъ, не представляетъ еще болѣе ручательства въ успѣшномъ выборѣ.

Ст. 81. Преподаватель, выслужившій 25 и за тѣмъ 5 лѣтъ по новому выбору, не долженъ послѣ того вовсе быть предлагаемъ на слѣдующее пятилѣтіе. Правило это имѣетъ особенное значеніе для медицинскаго факультета, гдѣ отъ всѣхъ почти профессоровъ, кромѣ знанія предмета, требуется еще нѣкоторая ловкость и тонкость внѣшнихъ чувствъ въ практическомъ преподаваніи (производствѣ демонстрацій, клиническихъ изслѣдованій, хирургическихъ операцій и т. п.)

Ст. 84. Слѣдовало бы сказать опредѣлительнѣе объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на профессоровъ начальствомъ, во избѣжаніе могущихъ встрѣчаться въ этомъ отношеніи недоразумѣній.

Ст. 85. Сколько каждому изъ преподавателей приходится читать лекцій и по скольку часовъ въ недѣлю — всего лучше предоставить взаимному ихъ соглашенію, въ факультетскихъ собраніяхъ, въ началѣ каждаго учебнаго года, при составленіи росписанія лекцій.

Ст. 110. Не видно причины, почему бы не освобождать по бѣдности и постороннихъ лицъ, желающихъ слушать университетскія лекціи.

Ст. 112. Обязательную службу со стороны стипендіатовъ слѣдовало бы отмѣнить вовсе, выдавая стипендіи, безъ всякаго условія съ учащимися, лишь бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ и притомъ отличающимся своими успѣхами въ наукахъ и трудолюбіемъ. На это могутъ, конечно, возразить, что служебныя мѣста, преимущественно въ отдаленныхъ губерніяхъ, куда обыкновенно и предназначаются казенные воспитанники, пансіонеры и стипендіаты, по окончаніи ими университетскаго курса, могутъ оставаться долгое время не занятыми. Но на это можно замѣтить, что на попеченіе начальства, къ коему относится замѣщеніе такихъ мѣстъ, должна быть возложена заботливость объ улучшеніи матеріальнаго быта и служебныхъ преимуществъ лицъ, на такія мѣста предназначаемыхъ. Это, кажется, вѣрнѣйшій и справедливѣйшій способъ для привлеченія молодыхъ людей на службу въ мѣстности отдаленныя и во многихъ отношеніяхъ почитающіяся невыгодными.

Ст. 116. Не признается ли возможнымъ, кромѣ выдачи медалей за сочиненія, назначать также денежныя преміи, напр. въ размѣрѣ годовой стипендіи?

Ст. 128. *Примѣчаніе.* Постановленія о порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней и званій по медицинскому факультету (ст. 437—514 т. XIII учр. врач.) требуютъ въ настоящее время тщательнаго пересмотра. Для сего необходимо было бы составить особую коммиссію изъ членовъ медицинскаго совѣта и профессоровъ медицинскаго факультета и медико-хирургической академіи, по сношенію министерства внутреннихъ дѣлъ съ министерствами народнаго просвѣщенія и военнымъ. На эту коммиссію можно бы возложить, въ то же время, разсмотрѣніе и другихъ вопросовъ, касающихся до медицинскихъ факультетовъ, представляющихъ по своему характеру и различнымъ практическимъ цѣлямъ, какъ бы особенное спеціальное и своеобразное учебное заведеніе.

Ст. 149. Слѣдовало бы опредѣлительнѣе сказать — съ правомъ или безъ права вольной продажи аптеки эти учреждаются при университетахъ; если съ правомъ вольной продажи, то они могутъ быть разрѣшаемы только по сношенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и на основаніи ст. 240 т. XIII-го *Учрежд. врач.*

V. Нѣкоторыя замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

Президента Императорской медико-хирургической академіи **Дубовицкаго**.

Разсмотрѣвъ проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, считаю излишнимъ повторять тѣ замѣчанія на оный, которыя уже сдѣланы, полагая, что, при окончательномъ составленіи новаго устава для Россійскихъ университетовъ, будетъ обращено надлежащее вниманіе на сдѣланныя уже замѣчанія, и дѣльныя изъ нихъ послужатъ, конечно, къ совершенной переработкѣ этого проекта. По этому считаю умѣстнымъ ограничиться изложеніемъ взгляда моего о предметахъ весьма существенныхъ, но которые, какъ мнѣ кажется, не имѣлись въ виду, при составленіи проекта устава, и на которые не было еще обращено вниманія въ напечатанныхъ вмѣстѣ съ этимъ проектомъ замѣчаніяхъ.

Университеты Россійскіе составлены и устроены болѣе или менѣе по образцу Германскихъ университетовъ. Въ настоящее время одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ нашихъ университетовъ — это не надлежащая самостоятельность факультетовъ, такъ что весь ученый ходъ университетской жизни и все управленіе лежитъ на совѣтѣ университетскомъ, состоящемъ изъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ. Въ совѣтѣ этомъ все рѣшается большинствомъ голосовъ, а большинство голосовъ составляется почти всегда изъ профессоровъ болѣе или менѣе чуждыхъ той науки, о которой идетъ рѣчь. Въ прежнее время, когда въ нашихъ университетахъ науки преподавались почти элементарно, — что̀ не могло быть иначе при томъ ограни-

ченномъ числѣ профессоровъ, которое было назначено для каждаго факультета, — соединеніе этого небольшаго числа профессоровъ въ одно коллегіальное учрежденіе, подъ названіемъ совѣта, было не только полезно, но даже необходимо: потому что факультеты, отдѣльно взятые, были такъ малы, что не могли составлять коллегіальныхъ самостоятельныхъ учрежденій. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что иногда затруднялись назначить декана изъ профессоровъ факультета, и должны были назначать декана изъ другаго факультета, — случай, бывшій въ Казани; слѣдовательно необходимость заставляла дѣлать изъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ одно общее собраніе совѣта, и поручить ему вѣдѣніе всѣми учеными дѣлами университета на томъ основаніи, что ученые люди болѣе способны, правильнѣе судить о наукахъ для нихъ совершенно неизвѣстныхъ, нежели люди, совершенно чуждые среды этой. Въ настоящее же время науки развились въ такой мѣрѣ и требуютъ столькихъ представителей въ университетахъ, что можно сказать, что необходимо дать полную и надлежащую самостоятельность факультетамъ; при этомъ только условіи можетъ развиться и самостоятельная научная жизнь каждаго факультета. Факультеты сами должны рѣшать всѣ дѣла, доличнаго состава ихъ относящіяся; возведеніе въ ученыя степени, избраніе профессоровъ, доцентовъ и вооще всѣхъ преподавателей должно быть дѣломъ факультетскимъ. Въ настоящемъ положеніи дѣла случится нерѣдко, что избирается преподавателемъ не тотъ ученый, котораго факультетъ находитъ того достойнымъ, а напротивъ того лицо, признаваемое факультетомъ совершенно неудовлетворяющимъ своему назначенію: потому что избраніе въ совѣтѣ есть чисто дѣло случая, ибо большинство лицъ совѣта чуждо предмета, для котораго избирается преподаватель; здѣсь математика заставляютъ рѣшать о достоинствѣ оріенталиста, медика — о достоинствѣ астронома, и такъ далѣе. Также всѣ дѣла собственно спеціальныя должны лежать на самихъ факультетахъ; сужденіе о сочиненіяхъ, о переводахъ, попеченіе объ ученыхъ средствахъ, кабинетахъ и собраніяхъ, коротко, всѣ дѣла, относящіяся непосредственно къ научной сторонѣ разныхъ предметовъ, должны составлять обязанность факультетовъ. Даже самыя матеріальныя средства должны быть назначены отдѣльно для каждаго факультета. При такихъ только условіяхъ, именно когда каждый факультетъ будетъ са-

мостоятеленъ тѣмъ, что самъ будетъ рѣшать свои дѣла ученыя, и тѣмъ, что будетъ имѣть средства къ удовлетворенію научныхъ своихъ потребностей, тогда только разовьется самостоятельная жизнь въ факультетахъ.

Въ совѣтѣ же или общемъ собраніи факультетовъ должны обсуживаться и рѣшаться не спеціальныя факультетскія дѣла, но дѣла, касающіяся всего университета.

Послѣ этого замѣчанія объ общемъ составѣ университетовъ перейду къ изложенію взгляда моего на то положеніе, которое дано въ проектѣ новаго устава собственно медицинскому факультету. На этотъ факультетъ обращено такъ мало вниманія и потребности его упущены до такой степени изъ вида, что настоящее положеніе медицинскаго факультета гораздо лучше, нежели то, которое предположено по этому проекту. Составителямъ его до того чужды всѣ потребности этого факультета, что они не знаютъ даже современнаго его состоянія, не знаютъ того, что сдѣлано было для этого факультета со времи изданія теперь дѣйствующаго устава университетовъ. Такіе люди могли ли составить что-либо дѣльное для этого факультета, между тѣмъ какъ, можетъ быть, ни одинъ факультетъ не нуждается теперь въ столькихъ улучшеніяхъ, какъ медицинскій факультетъ. Не видно, какъ говорится въ объяснительной запискѣ, чтобы сдѣланы были въ проектѣ устава измѣненія, сообразно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки и съ требованіями просвѣщенія. Трудно найти примѣненіе на дѣлѣ этой фразы, заключающейся въ пояснительной запискѣ; по крайней мѣрѣ, мои изысканія по этой, по моему мнѣнію, самой существенной части дѣла, не повели ни къ какимъ результатамъ, и съ сожалѣніемъ я убѣдился, что научная сторона предмета со всѣми ея потребностями осталась по медицинскому факультету даже нетронутою,—говорю по медицинскому факультету, потому что недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ говорить о другихъ факультетахъ; старались опредѣлить значеніе университетовъ, назначеніе ихъ, положеніе студентовъ, обязанности ихъ и пр., коротко, занимались преимущественно какою-то регламентаціею, которою предполагали достигнуть порядка въ университетахъ, но не вижу, чтобы старались поставить университеты на ту высокую степень, которая соотвѣтствовала бы современному научному положенію.

Когда появился уставъ университетскій въ 1835 году, онъ

удовлетворялъ въ то время потребностямъ медицинскихъ факультетовъ, но съ тѣхъ поръ произошло значительное, скажу болѣе, совершенное измѣненіе въ медицинѣ. По мѣрѣ развитія и усовершенствованія вообще естествовѣдѣнія, и самая медицина, какъ часть этого естествовѣдѣнія, усовершенствовалась, умозрительность и теоретизированіе стали постоянно уступать мѣсто точнымъ и положительнымъ наблюденіямъ, основаннымъ на законахъ физическихъ и химическихъ. Это самое направленіе доказало совершенную неправильность и узкость прежняго воззрѣнія, когда естественные предметы считались вспомогательными предметами при изученіи медицины; оно доказало, что естествовѣдѣніе должно быть истинною основою медицины. Теперь всѣ многочисленные предметы, входящіе въ область изученія медицины, отъ перваго до послѣдняго, представляются для врача предметами существенными, слѣдовательно требующими полнаго и основательнаго ихъ изученія. Прежде считалось весьма достаточнымъ для врача имѣть только понятія о нѣкоторыхъ, именно такъ-называвшихся вспомогательныхъ предметахъ, и потому ограничивались однимъ теоретическимъ ихъ изложеніемъ, съ самыми ничтожными демонстраціями. Такъ-называемые существенные медицинскіе предметы преподавались также болѣе теоретически; исключеніе изъ этого составляло клиническое изученіе болѣзней, и отчасти анатомія; физіологія, патологія, судебная медицина, фармакологія и прочія медицинскія науки читались только учащимся. Теперь же недостаточно профессору изложить предметъ съ каѳедры, должно его демонстрировать всѣмъ слушающимъ, и сверхъ того должно дать возможность всѣмъ учащимся, подъ наблюденіемъ и руководствомъ профессора, заниматься практическими упражненіями въ изучаемомъ ими предметѣ. Познанія учащихся медицинѣ тогда только будутъ основательны и дѣльны, когда профессоръ покажетъ имъ все то, что онъ имъ излагалъ, и наконецъ, когда онъ самъ собственнымъ практическимъ упражненіемъ, подъ руководствомъ профессора, усвоитъ себѣ этотъ предметъ. Слѣдовательно въ медицинскомъ факультетѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ должно быть троякое: теоретическое, демонстративное и практическое. Такое многосложное и трудное преподаваніе неизбѣжно требуетъ: во-первыхъ, достаточное число преподающаго персонала, и, во-вторыхъ, доставленіе всѣхъ способовъ для надлежащихъ демон-

страцій и для практическихъ занятій учащихся. Въ новомъ проектѣ не обращено ни малѣйшаго вниманія на удовлетвореніе этихъ двухъ потребностей, не назначенъ надлежащій персоналъ и ничего не сдѣлано для того, чтобы доставить всѣ нужныя средства для должнаго изученія всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ медицинскаго факультета. Безъ удовлетворенія же этихъ двухъ потребностей, уставъ для медицинскаго факультета и новый будетъ совершенно отсталымъ и несовременнымъ.

Когда въ Россіи введется дѣльное, правильное и полное изученіе медицины, то, конечно, окажется, что теперешній пятилѣтній срокъ недостаточенъ для изученія ея; и точно такъ, какъ при сдѣланныхъ улучшеніяхъ, послѣдовавшихъ по изданіи устава университетскаго въ 1835 году, найдено было нужнымъ бывшій до того времени четырехлѣтній курсъ увеличить однимъ годомъ, такъ и теперь найдется необходимость теперешній пятилѣтній курсъ превратить въ шестилѣтній, по слѣдующимъ причинамъ. До сего времени назначено два года для изученія неправильно такъ-называемыхъ вспомогательныхъ и приготовительныхъ предметовъ, а именно: анатоміи, физіологіи, фармаціи, физики, химіи, минералогіи, ботаники, зоологіи и сравнительной анатоміи. Дѣйствительно, достаточно было двухъ лѣтъ, чтобы прослушать эти предметы и заняться упражненіями по части анатоміи дескриптивной; но такое ученіе теперь недостаточно. Самыя упражненія анатомическія должны быть развиты болѣе прежняго и многостороннѣе; кромѣ упражненій въ преподаваніи, должно изучить практически микроскопическое строеніе частей, а для этого нужно умѣть владѣть микроскопомъ и приготовлять микроскопическіе препараты. Нужно заниматься практическимъ изученіемъ химіи вообще, въ частности анатомической химіи, и въ особенности химіи во всѣхъ тѣхъ примѣненіяхъ, которыя могутъ быть нужны врачу. Если врачъ не фармацевтъ, и не обязанъ самъ приготовлять лекарства, то не менѣе того онъ долженъ имѣть основательное понятіе и о фармаціи, которое не пріобрѣтается безъ практическихъ занятій. Практическія занятія нужны ему для изученія физіологіи, и наконецъ при изученіи ботаники, зоологіи, сравнительной анатоміи и минералогіи. Очевидно, что для всего этого двухъ лѣтъ недостаточно; первый годъ слѣдуетъ посвятить одному слушанію предметовъ, второй годъ слѣдуетъ продолжать слушать лекціи и начать практиче-

скія упражненія, третій же годъ долженъ быть посвященъ исключительно практическимъ занятіямъ.

Если развитіе наукъ и современное направленіе медицины требуютъ увеличенія курса медицинскаго на одинъ годъ, то я полагаю совершенно справедливымъ дать надлежащія права студентамъ медицинскимъ, которые пройдутъ такой приготовительный курсъ, прежде нежели они перейдутъ къ ученію чисто-медицинскихъ предметовъ. Я полагалъ бы справедливымъ, раздѣливъ медицинскій факультетъ на два отдѣленія, первое изъ нихъ назвать *естественнымъ отдѣленіемъ* медицинскаго факультета, а второе, назначенное для теоретическаго и практическаго изученія чисто-медицинскихъ наукъ, заключающее въ себѣ также трехгодичный курсъ, назвать *медицинскимъ отдѣленіемъ* медицинскаго факультета. Я считаю совершенно справедливымъ студентамъ медицинскимъ, которые кончатъ съ успѣхомъ курсъ въ естественномъ отдѣленіи медицинскаго факультета и выдержатъ удовлетворительно экзаменъ, давать званіе дѣйствительныхъ студентовъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые сверхъ того представятъ по предметамъ этого отдѣленія дѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, заслуживающія вниманіе ученаго свѣта, давать степень кандидатовъ этихъ отдѣленій со всѣми правами, присвоенными дѣйствительнымъ студентамъ и кандидатамъ другихъ факультетовъ. Если взять въ соображеніе число наукъ, входящихъ въ составъ естественнаго отдѣленія медицинскаго факультета, и степень познаній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, которыя должно требовать отъ прошедшихъ въ немъ курсъ, и сравнить съ тѣмъ, что требуется въ отдѣленіяхъ другихъ факультетовъ, то, конечно, нельзя не признать справедливымъ дарованіе имъ вышесказанныхъ мною правъ, тѣмъ болѣе, что общая масса учащихся въ немъ получила бы только званіе дѣйствительнаго студента, даваемое въ другихъ факультетахъ студентамъ, оказавшимъ только удовлетворительные успѣхи; степень же кандидата естественнаго отдѣленія медицинскаго факультета будетъ получаться, по моему предположенію, гораздо рѣже, нежели во всѣхъ другихъ факультетахъ: потому что несравненно легче написать диссертацію, какъ это требуется отъ студентовъ другихъ факультетовъ, нежели представить самостоятельный трудъ, который обратилъ бы на себя вниманіе ученаго свѣта.

На изученіе чисто-медицинскихъ предметовъ достаточно

теперь назначеннаго трехгодичнаго курса; но, по моему мнѣнію, слѣдуетъ и въ университетахъ принять измѣненіе, введенное уже въ Императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи, состоящее въ томъ, чтобы этотъ трехгодичный курсъ посвящать на одно только ученіе, и вмѣсто производства экзаменовъ практическихъ во второй половинѣ послѣдняго годичнаго курса, какъ это дѣлается въ университетахъ и прежде дѣлалось въ академіи, производить экзамены окончившимъ полный медицинскій курсъ послѣ каникулъ. Экзамены на медицинскія степени весьма многосложны; кромѣ словесныхъ экзаменовъ, требуются экзамены практическіе и демонстративные. Эти послѣдніе экзамены производились и въ академіи во второй половинѣ послѣдняго годичнаго курса; но опытъ показалъ, что держаніе этихъ экзаменовъ препятствуетъ надлежащему слѣдованію курсовъ и ученію: по этому въ недавнее время, согласно желанію самихъ учащихся, въ академіи отложено производство экзаменовъ послѣ каникулъ; экзамены, начинающіеся въ сентябрѣ, кончаются въ декабрѣ.

Если я нахожу нужнымъ увеличить на одинъ годъ курсъ естественнаго отдѣленія медицинскаго факультета, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность учащимся, по окончаніи его, пріобрѣтать званіе дѣйствительнаго студента и даже степень кандидата, то съ другой стороны я нахожу необходимымъ прекратить теперь допускаемое право держанія экзамена прямо на степень доктора медицины студентамъ, кончающимъ курсъ ученія. По правиламъ экзаменаціоннымъ требовать должно отъ ищущихъ званія доктора познаній гораздо обширнѣйшихъ, нежели отъ лекаря, и при томъ представленія неоспоримыхъ доказательствъ его учености. Если только выполнять эти правила, то почти никто изъ кончающихъ вурсъ не получитъ прямо степени доктора; если же ослабить требованіе противъ существующихъ на то правилъ, то, независимо отъ того, что такой образъ дѣйствій будетъ несправедливъ, степень доктора медицины въ Россіи потеряетъ всякое значеніе и не будетъ стоять въ уровнѣ съ докторами другихъ факультетовъ. По этому я полагаю, что при окончаніи курса медицинскаго дѣйствительныхъ студентовъ и кандидатовъ естественнаго медицинскаго факультета слѣдуетъ допускать только къ экзамену на степень лекаря, назвавъ эту степень магистромъ медицины, и сравнявъ ее съ правами магистровъ другихъ фа-

культетовъ. Къ экзамену же на степень доктора медицины слѣдуетъ допускать только лекарей или магистровъ медицины, по прошествіи извѣстнаго опредѣленнаго срока со времени полученія степени лекаря или магистра медицины.

На фармацевтическую часть не обращено никакого вниманія въ проектѣ, между тѣмъ какъ эта часть въ Россіи, по моему мнѣнію, требуетъ радикальной реформы. Теперь существуетъ три степени фармацевтическихъ, именно степени: аптекарскаго помощника, провизора и магистра фармаціи. Въ полученіи ихъ соблюдается постепенность, такъ что нельзя получить высшей степени, не имѣя низшей. Разсмотримъ теперь коротко, что требуется для полученія означенныхъ степеней. Къ испытанію для полученія степени аптекарскаго помощника допускаются аптекарскіе ученики, пробывшіе въ аптекѣ учениками не менѣе трехъ и не болѣе пяти лѣтъ; притомъ поступающіе учениками въ аптеку должны имѣть свидѣтельство отъ директора гимназіи или отъ того учебнаго заведенія, гдѣ обучались, что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ предметахъ, которые преподаются въ первыхъ трехъ классахъ гимназіи. Этимъ ограничиваются всѣ требованія отъ ищущихъ степени аптекарскаго помощника, который, въ случаѣ желанія получить степень провизора, долженъ представить свидѣтельство, во-первыхъ, въ томъ, что онъ прослужилъ помощникомъ три года, и во-вторыхъ свидѣтельство, что выслушалъ во врачебно-учебномъ заведеніи полный курсъ наукъ, въ которыхъ имѣетъ быть эказаменуемъ; наконецъ степень магистра фармаціи, высшая по этой части, получается провизорами послѣ экзамена и написанія и защищенія магистерской диссертаціи. Изъ этого видно, что первоначальное общее образованіе фармацевтовъ ограничивается знаніемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ первыхъ трехъ классахъ гимназіи, и такимъ людямъ полуобразованнымъ, а на самомъ дѣлѣ необразованнымъ, открытъ доступъ ко всѣмъ фармацевтическимъ степенямъ; хороши же магистры съ такою предварительною подготовкою. Собственно же фармацевтическое образованіе въ Россіи стоитъ совершенно въ уровнѣ съ этими недостаточными требованіями общаго предварительнаго образованія. Все фармацевтическое образованіе ограничивается требованіемъ прослушанія курса наукъ, въ которыхъ фармацевты подвергаются экзамену; практически же изучаютъ фармацевты эту часть во всѣхъ аптекахъ, и такъ аптеки, и казенныя и част-

ныя, составляютъ практическія школы для изученія фармаціи. Этихъ словъ достаточно, чтобы показать, во-первыхъ, что отъ фармацевтовъ не требуется надлежащаго общаго образованія, и, во-вторыхъ, что до сего времени въ Россіи совершенно не существуетъ надлежащаго фармацевтическаго образованія, и, не смотря на эти важные и существенные недостатки, новый проектъ со всѣми замѣчаніями его, сопровождающими и наполнившими два печатные тома, не коснулся, даже не упомянулъ объ этой важной части.

Я полагаю необходимымъ по фармацевтической части ввести слѣдующія реформы.

Во-первыхъ, должно произвесть совершенное измѣненіе въ фармацевтическихъ степеняхъ, именно должно оставить только двѣ фармацевтическія степени, вмѣсто степени провизора, степень кандидата фармаціи и степень магистра фармаціи; при чѣмъ слѣдуетъ требовать, чтобы посвящающіе себя фармацевтической части имѣли то самое предварительное общее образованіе, которое требуется отъ всѣхъ поступающихъ въ университетъ, или отъ ищущихъ въ университетахъ ученыхъ степеней. Степень же аптекарскаго помощника въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, должна быть совершенно уничтожена, какъ званіе, не заслуживающее носить названіе ученой степени и притомъ совершенно безполезное, лишнее и даже вредное, составляющее только первую ступень вхожденія невѣжеству въ іерархію фармацевтическую. Если признано будетъ нужнымъ и полезнымъ, въ практическомъ отношеніи, оставить этихъ аптекарскихъ помощниковъ, то ихъ должно сравнять съ фельдшерами и не давать имъ никакого дальнѣйшаго хода; такой аптекарскій помощникъ, какъ работникъ, нѣсколько болѣе развитый, будетъ полезенъ въ аптекѣ одинаково, какъ полезенъ фельдшеръ въ госпиталѣ, но ни общее образованіе его, ни спеціальное фармацевтическое не стоятъ выше фельдшерскихъ знаній.

Во-вторыхъ, должно положить, что аптекою можетъ завѣдывать только магистръ фармаціи, помощникомъ же аптекаря можетъ быть только кандидатъ фармаціи.

Въ-третьихъ, нужно опредѣлить, что получать званіе магистра фармаціи могутъ только кандидаты фармаціи, которые, прослуживъ въ аптекѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ аптекарскими помощниками со степенью кандидатовъ фармаціи, выдержатъ

установленный для полученія магистра фармаціи экзамена, и напишутъ и защитятъ публично дессертацію.

Въ-четвертыхъ, степень кандидата фармаціи должны получать только тѣ молодые люди, которые, по окончаніи предварительнаго полнаго гимназическаго образованія, пройдутъ въ университетахъ или въ медико-хирургической академіи полный фармацевтическій курсъ.

Въ-пятыхъ, полный курсъ фармацевтическаго ученія по настоящее время совершенно недостаточенъ и потому, что даже можно требовать простаго только прослушанія предметовъ, изъ которыхъ подвергается экзамену ищущій теперь званія провизора. Все, что говорено было объ образованіи медицинскомъ, относится къ фармацевтическому образованію, именно ученіе во всѣхъ предметахъ, входящихъ въ составъ этой части, должно быть теоретическое, демонстративное и практическое; слѣдовательно долженъ быть для сего надлежащій персоналъ и всѣ нужные для этого ученія способы и средства. Ботаникѣ, минералогіи, зоологіи, физики и химіи студенты фармацевтическіе должны учиться вмѣстѣ съ медицинскими, равно и фармаціи; но фармакологія для фармацевтовъ и нѣкоторые другіе предметы, знаніе коихъ имъ нужно, должны имъ читаться отдѣльно. Сверхъ того, фармацевтическіе студенты, во-первыхъ, должны изучать практически фармацію въ аптекахъ, которыя должны быть образцовыми при всѣхъ университетахъ, и служа для приготовленія лекарствъ для клиникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть школами для практическаго образованія фармацевтическихъ студентовъ, и, во-вторыхъ, должны быть устроены въ университетахъ особенныя фармацевтическія лабораторіи со всѣми средствами и способами для практическихъ работъ, изученій и усовершенствованій по этой части, и въ этихъ-то лабораторіяхъ студенты фармацевтическіе должны пріобрѣтать полныя практическія и научныя познанія по своей части. Сверхъ того, отъ фармацевтическихъ студентовъ должно требовать еще бо̀льшихъ практическихъ занятій по химіи, нежели отъ медицинскихъ студентовъ. Чтобы изучить основательно, и теоретически и практически, всѣ предметы, входящіе въ составъ фармацевтическаго курса, нужно для этого, по моему мнѣнію, четыре года. По этому самому въ новомъ уставѣ университетскомъ надо удовлетворить и потребностямъ этой части, и положить совершенно новое и полное основаніе фармацевтическому образова-

нію; при чемъ нужно имѣть въ виду всѣ современныя потребности научныя и отчасти взять за образецъ Фармацевтическую Парижскую школу, гдѣ, по моему мнѣнію, всего лучше сообщается теперь Фармацевтическое образованіе.

Въ-шестыхъ, я нахожу совершенно справедливымъ дѣлать кандидатами Фармаціи людей образованныхъ, которые пройдутъ здѣсь изложенный полный курсъ Фармацевтическій, и которые, выдержавъ совершенно удовлетворительно экзаменъ, для того назначенный, докажутъ полныя и теоретическія и практическія познанія по всѣмъ предметамъ этого курса. Такіе кандидаты должны быть сравнены въ правахъ съ кандидатами прочихъ Факультетовъ, точно такъ, какъ магистры Фармаціи должны быть сравнены съ магистрами другихъ Факультетовъ; возвышая требованія, нужно возвысить и права. Впрочемъ, если во всѣхъ Факультетахъ сохранено будетъ званіе дѣйствительнаго студента, то можно допустить, чтобы и Фармацевтическіе студенты, по окончаніи полнаго курса, получали или степень кандидата Фармаціи или званіе дѣйствительнаго студента, смотря по степени ихъ познаній, и опредѣливъ притомъ положительно, что̀ должно требовать для удостоенія того или другаго званія. Само собою разумѣется, что, въ такомъ случаѣ, дѣйствительный студентъ Фармаціи, желающій получить степень магистра, долженъ удовлетворить предварительно положеннымъ для этого требованіямъ, — получить сперва степень кандидата Фармаціи, послѣ чего и должно ему предоставляться право на принятыхъ основаніяхъ степени магистра Фармаціи.

Могутъ возразить на мои предположенія, что вышеизложенныя требованія отъ Фармацевтовъ слишкомъ велики, такъ что не найдется желающихъ посвящать себя этой части; на это отвѣчу, что такъ какъ часть Фармацевтическая, столь важна, что находится нужнымъ существованіе Фармацевтическихъ ученыхъ степеней, то необходимо, чтобы образованіе Фармацевтическое было вполнѣ удовлетворительно, и чтобы степени эти получались только людьми образованными. Если принять предлагаемыя мною правила и положенія для Фармацевтовъ, то не должно полагать, что будетъ недостатокъ въ лицахъ, желающихъ посвятить себя Фармацевтической части; будетъ всегда достаточное число желающихъ избрать ее, потому что, получая ученыя степени, молодые люди вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ удобныя средства къ существованію своему; вся разница бу-

детъ состоять въ томъ только, что будутъ посвящать себя этой части люди съ лучшимъ образованіемъ въ сравненіи съ людьми, посвящающими себя теперь этой части, а въ этомъ, конечно, будетъ существенная выгода для этой части. Теперь же часть эта такъ унижена, что трудно даже людямъ хорошо образованнымъ рѣшаться посвятить себя ей; какой порядочный, образованный молодой человѣкъ захочетъ подвергнуться унизительному ходу ученія, какой долженъ пройти учащійся фармаціи? По нынѣшнимъ правиламъ, тотъ только можетъ избрать ее, кого захочетъ принять какой-либо аптекарь въ свою аптеку въ качествѣ аптекарскаго ученика, а положеніе такихъ учениковъ въ аптекѣ самое жалкое и унизительное, и въ этомъ-то положеніи долженъ оставаться молодой человѣкъ ученикомъ отъ трехъ до пяти лѣтъ. Наконецъ, теперь поступленіе въ ученіе фармацевтическое зависитъ совершенно отъ произвола аптекарей; тотъ только можетъ начать фармацевтическое ученіе, кого захотятъ къ тому допустить аптекаря: слѣдовательно вся фармацевтическая часть отдана въ совершенную монополію аптекарямъ, составляющимъ нѣкоторымъ образомъ замкнутое сословіе, въ которое нельзя вступать иначе, какъ съ согласія членовъ этого самаго сословія. Не знаю, полезно ли сохранить такую аптекарскую монополію.

Едва ли кто-нибудь въ состояніи оспаривать мое мнѣніе, состоящее въ томъ, что какъ медицинское, такъ и фармацевтическое ученіе должно быть теоретическое, демонстративное и практическое. Для такого же образованія необходимъ довольно значительный учено-учебный персоналъ и должны быть устроены и даны всѣ средства для практическихъ занятій всѣхъ учащихся. Такое устройство медицинскаго факультета потребуетъ значительнаго увеличенія расходовъ на содержаніе ихъ; но можно ли останавливаться передъ какими бы то ни было издержками въ такомъ важномъ дѣлѣ. По моему мнѣнію, скорѣе можно допустить уменьшеніе въ Россіи числа медицинскихъ факультетовъ, нежели, подъ предлогомъ недостатка средствъ, оставлять факультеты въ неудовлетворительномъ состояніи; гораздо лучше, чтобъ было меньше медицинскихъ факультетовъ въ Россіи, но чтобъ эти факультеты имѣли полное свое развитіе и снабжены были всѣми нужными средствами для полнаго научнаго практическаго изученія медицины и фармаціи, нежели имѣть большое число факультетовъ медицинскихъ, но

не соотвѣтствующихъ современнымъ научнымъ требованiямъ.

Говоря о медицинскомъ факультетѣ не могу не коснуться отчасти другаго факультета, имѣющаго прямую связь съ медицинскимъ, именно естественнаго факультета. Въ немъ ученiе должно быть также троякое: теоретическое, демонстративное и практическое; только при такомъ направленiи ученiя естественныхъ наукъ оно можетъ быть истинно полезнымъ и основательнымъ. Въ естественномъ отдѣленiи физико-математическаго факультета, и въ естественномъ отдѣленiи медицинскаго факультета, многiе предметы, даже большая часть ихъ, представляются общими для учащихся въ обоихъ факультетахъ, именно: химiя, физика, минералогiя, ботаника и сравнительная анотомiя; по этому преподаванiе этихъ предметовъ можетъ быть общимъ для учащихся естественнымъ предметамъ, какъ въ физико-математическомъ, такъ и въ медицинскомъ факультетѣ; слѣдовательно издержка, употребляемая на доставленiе способовъ и средствъ къ практическому изученiю естественныхъ предметовъ, существенно необходима и полезна для двухъ факультетовъ, преподаванiе же естественныхъ предметовъ безъ практическаго изученiя ихъ мало полезно и болѣе или менѣе безплодно. Относительно естественныхъ факультетовъ долженъ сказать то же самое, что я сказалъ о медицинскомъ факультетѣ: гораздо полезнѣе для Россiи имѣть ихъ меньшее число, но хорошо развитыхъ и снабженныхъ всѣми нужными средствами, нежели имѣть большее число естественныхъ факультетовъ, но въ которыхъ не представится никакой возможности изучить основательно ни одну естественную науку.

Краткость времени и занятiя мои не дозволяютъ мнѣ войти въ болѣе подробное разсмотрѣнiе новаго проекта устава Россiйскихъ университетовъ; но скажу вообще, что желательно, чтобы и во всѣхъ другихъ факультетахъ развита была болѣе научная сторона дѣла. Не говорю я объ обязанностяхъ попечителей учебныхъ округовъ и объ ихъ отношенiяхъ къ университетамъ по сказанной причинѣ, но выражу при этомъ только желанiе, чтобы въ главѣ управленiя университетами всегда стояли люди, вполнѣ сочувствующiе дѣлу просвѣщенiя въ Россiи, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знакомые со всѣми потребностями ученой части.

Наконецъ скажу, что, можетъ быть, взглядъ мой на развитіе ученой части въ медицинскомъ факультетѣ отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ общепринятаго воззрѣнія; но пора намъ перестать идти путемъ подражаній, и настало уже то время, когда развитіе наше во всѣхъ частяхъ можетъ быть самостоятельнымъ и современнымъ, а только при самостоятельномъ и современномъ развитіи Россійскихъ университетовъ они могутъ на самомъ дѣлѣ совершенно возродиться, и сдѣлаться истинно полезными государственными учрежденіями, имѣющими цѣлію доставленіе всѣхъ средствъ для полнаго и высшаго образованія по всѣмъ различнымъ научнымъ отраслямъ.

VI. О составѣ юридическаго факультета.

Члена ученаго комитета **Шнейдера.**

I. Приступая къ своду различныхъ мнѣній о составѣ юридическаго факультета, я прежде всего нахожу нелишнимъ обратить вниманіе на то, что проектъ, допуская раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, самъ не обозначаетъ ихъ, а предоставляетъ это усмотрѣнію каждаго университета (§ 9). Не говоря уже о томъ, что предметъ такой важности, какъ раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, по справедливому замѣчанію г. Гаевскаго (I, 66), Ребиндера (I, 57), Левшина (I, 374) и другихъ, не можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію однихъ университетовъ, необозначеніе въ самомъ проектѣ отдѣленій отнимаетъ нынѣ, при обсужденіи его, возможность, по крайней мѣрѣ относительно юридическаго факультета, опредѣлить въ точности всѣ долженствующія войти въ составъ его каѳедры. Отсюда открывается необходимость: или ввести въ самый проектъ раздѣленіе на отдѣленія, или же, при исчисленіи факультетскихъ предметовъ, пояснить, что впослѣдствіи, при образованіи отдѣленій, могутъ быть учреждены и другія, не положенныя по уставу каѳедры. *)

Послѣ сего предварительнаго замѣчанія, обращаюсь къ разсмотрѣнію 14 ст. проекта, опредѣляющей составъ юридиче-

*) Вѣроятно, какъ полагаетъ и г. Ивановскій (I, 70), юридическій факультетъ будетъ раздѣленъ на два отдѣленія: юридическое и административное. При этомъ случаѣ замѣчу, что въ Тюбингенскомъ университетѣ существуетъ, независимо отъ юридическаго факультета, самостоятельный *административный* факультетъ (Staatswirthschaftliche Facultät), составляющій особое преимущество это университета предъ другими въ Германіи (см. *Klüpfel*, Geschichte der Universität Tübingen, 1849, стр. 458 — 478).

скаго факультета, и къ оцѣнкѣ высказанныхъ по этой статьѣ различныхъ мнѣній, съ тѣмъ, чтобы вывести изъ нихъ заключеніе о томъ, какіе предметы преподаванія необходимы въ означенномъ факультетѣ, будетъ ли онъ раздѣленъ на отдѣленія или нѣтъ.

II. Въ п. 1 и 2 § 14 сказано:

1) *Энциклопедія законовѣдѣнія:*

а) *Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ.*

б) *Исторія философіи права.*

2) *Исторія законодательствъ древнихъ и новыхъ.*

Выраженіе «*энциклопедія законовѣдѣнія*», сохраняемое только совѣтомъ Московскаго университета (I, 245), необходимо замѣнить названіемъ: «*энциклопедія права*» (совѣтъ университета св. Владиміра I, 25) или «*правовѣдѣнія*» (совѣтъ Харьковскаго университета I, 288 и 289) или «*юридическая энциклопедія*», потому что предметъ этой каѳедры составляетъ не одно только законовѣдѣніе, а вообще правовѣдѣніе.

Совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ (I, 245 и 288) принимаютъ вышеозначенное подраздѣленіе этой каѳедры, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первый отдѣлъ названъ совѣтомъ Московскаго университета «юридическою *энциклопедіею*», совѣтъ же университета св. Владиміра (I, 27) предлагаетъ первыя двѣ каѳеды § 14 обозначить слѣдующимъ образомъ:

1) Энциклопедія права и исторія законодательствъ древнихъ и новыхъ.

2) Исторія и система философіи права; въ поясненіе же такого измѣненія приводитъ слѣдующія соображенія: «1) Каѳедра энциклопедіи законовѣдѣнія раздѣлена въ проектѣ на энциклопедію юридическихъ и политическихъ наукъ и исторію философіи права. Имѣя въ виду, что энциклопедія права обыкновенно излагается студентамъ 1-го курса, юридическій факультетъ находитъ болѣе согласнымъ съ цѣлью преподаванія и развитіемъ слушателей, соединить эту науку съ исторіей иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ. Эта послѣдняя наука будетъ доступнѣе для слушателей и дастъ имъ болѣе твердыя основанія для дальнѣйшаго изученія права, нежели исторія философіи права. 2) Исторія философіи права сама по себѣ есть только одна часть философской науки о правѣ. Другая часть ея — система философіи права — столько же важна, сколько исторія. О преподаваніи системы философіи права ничего не

сказано въ проектѣ. Энциклопедія права не можетъ замѣнить этой науки, потому что, имѣя предъ собой слушателей, совершенно незнакомыхъ съ юридическими науками, ограничивается только общими понятіями о правѣ и наукѣ его. Но преподаваніе одной исторіи философіи права, безъ системы ея, будетъ не полезно и во многихъ отношеніяхъ неудобно. Поэтому юридическій факультетъ считаетъ необходимымъ прибавить къ исторіи философіи права и систему ея, назначивъ для этого особую каѳедру. Исторія и система философіи права съ большею пользою можетъ быть преподаваема студентамъ послѣдняго курса, уже знакомымъ съ положительными отдѣлами большей части юридическихъ наукъ.»

Желаніе совѣта университета св. Владиміра, чтобы сверхъ исторіи философіи права преподавалось и самая система, т. е. такъ-называемое естественное право, по различнымъ причинамъ, кажется, останется, пока только pium desiderium. Впрочемъ, если исторія философіи права будетъ излагаема въ послѣднемъ курсѣ, какъ это совершенно справедливо требуется совѣтомъ, то студенту уже не трудно будетъ самому извлечь себѣ изъ этихъ лекцій систему, которая сохранитъ его отъ многихъ важныхъ заблужденій. Соединеніе же, по мнѣнію того же совѣта, второй поименованной въ проектѣ каѳедры съ юридическою энциклопедіею, весьма раціонально: ибо въ университетѣ можетъ быть читанъ, конечно, одинъ лишь обзоръ и то весьма краткій, исторіи важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ законодательствъ, въ томъ видѣ, какъ мы находимъ его напримѣръ въ сочиненіи Неволена и въ новѣйшихъ руководствахъ энциклопедіи Аренса и Варнкенига. Но что для этого предмета отнюдь не слѣдуетъ назначать особой каѳедры, объ этомъ я высказалъ уже подробно мнѣніе (II, 96) и съ нимъ соглашается въ сущности и г. Утинъ, замѣчая (I, 132, п. 3), что «вторую въ порядкѣ каѳедру лучше назвать исторіею главныхъ или важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, потому что каѳедра эта *посвящена исторической части энциклопедіи*, и, по обширности предмета, можетъ быть только *историческимъ обозрѣніемъ* главнѣйшихъ законодательствъ.»

На основанія всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, я полагалъ бы первою каѳедрою въ юридическомъ факультетѣ назначить энциклопедію правовѣдѣнія, съ раздѣленіемъ ея на три отдѣла:

1) Общая часть.
2) Обзоръ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, и
3) Исторія философіи права.

III. *Третья* каѳедра по проекту назначена для «*исторіи Русскаго права и другихъ Славянскихъ законодательствъ и обзора мѣстныхъ законовъ въ Россіи.*»

Здѣсь прежде всего замѣчу (II, 97) въ словахъ «Русскаго права и другихъ Славянскихъ законодательствъ» неправильное соединеніе двухъ совершенно различныхъ понятій: *права* и *законодательства*.

По мнѣнію г. Андреевскаго (I, 141), «нельзя сдѣлать предметомъ одной каѳедры такіе громадные вопросы, а необходимо раздѣлить эту каѳедру на двѣ: исторіи Русскаго права, преподаватель которой, по самой необходимости (?), будетъ дѣлать и обзоръ мѣстныхъ законовъ, а исторія Славянскихъ законодательствъ должна составить особую самостоятельную каѳедру; иначе эта важная часть—исторія Славянскихъ законодательствъ, никогда не получитъ самостоятельной разработки; въ случаѣ соединенія ея съ исторіею Русскаго права, преподаватель принужденъ будетъ все свое вниманіе сосредоточить на исторіи Русскаго права и не будетъ имѣть возможности подвергнуть самостоятельному анализу исторію Славянскихъ законодательствъ.»

Соглашаясь съ г. Андреевскимъ на счетъ отдѣленія исторіи Славянскихъ законодательствъ отъ необходимой для исторіи Русскаго права каѳедры, я полагалъ бы отдѣлить отъ нея и обзоръ мѣстныхъ законовъ (*), назначивъ для послѣднихъ самостоятельную каѳедру, съ тѣмъ, конечно, чтобы преподаваніе ихъ ограничивалась однимъ лишь обозрѣніемъ, такъ какъ подробное изложеніе ихъ, не составляя необходимаго условія для образованія Русскаго юриста вообще, въ то же время, по обширности предмета, потребовало бы со стороны учащихся слишкомъ продолжительныхъ занятій, въ ущербъ занятіямъ ихъ по другимъ болѣе важнымъ отдѣламъ правовѣдѣнія. Но, съ другой стороны, признавая, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ особыя законодательства, нельзя обойтись безъ основательнаго знакомства съ ними и что сіе послѣднее, относительно нѣкото-

*) Г. Спасовичъ (I, 184) также возражаетъ противъ присоединенія мѣстныхъ законовъ къ исторіи Русскаго права.

рыхъ изъ нихъ, получившихъ наибольшее развитіе, не можетъ быть пріобрѣтено на лекціяхъ, назначенныхъ для одного лишь обозрѣнія всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи мѣстныхъ законовъ, я полагалъ бы весьма полезнымъ, въ мѣстныхъ или смежныхъ съ ними университетахъ учредить, по принадлежности, особыя каѳедры для вышеозначенныхъ законодательствъ. Мысль эту сознаетъ и самый проектъ относительно Дерптскаго университета, сохраняя въ немъ существующую каѳедру мѣстнаго права Остзейскаго края (I, 34, къ § 14). На томъ же основаніи слѣдовало бы открыть въ Харьковскомъ или Кіевскомъ университетѣ каѳедру для мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, въ Одессѣ — каѳедры для законовъ Бессарабской области и Кавказскаго и Закавказскаго края.

Что же касается *исторіи Русскаго права*, то необходимо пояснить въ проектѣ: 1) что каждый преподаватель отдѣльной части сего права долженъ излагать ее не только догматически, но и исторически, каковой способъ преподаванія нынѣ общеупотребителемъ въ Германскихъ университетахъ и особенно у насъ принесетъ существенную пользу, и 2) что если за симъ для исторіи Русскаго права учреждается еще особая каѳедра, то цѣль ея должна состоять въ возможно полномъ изложеніи *внѣшней*, при одномъ лишь обозрѣніи *внутренней* исторіи права.

Наконецъ, что касается *исторіи Славянскихъ законодательствъ*, то, по моему мнѣнію, при всей пользѣ, которую можетъ принести для науки Русскаго права изученіе сего предмета, для него не должна быть учреждаема отдѣльная каѳедра, на томъ же основаніи, какъ, напримѣръ, и въ университетахъ многочисленныхъ странъ, населенныхъ Германскимъ племенемъ, не полагается каѳедръ для исторіи всѣхъ *Германскихъ* законодательствъ. Въ частности, относительно исторіи Славянскихъ законодательствъ, нельзя не принять въ соображеніе, что изъ нихъ, по вліянію на развитіе Русскаго права, особенно важнымъ для Русскаго юриста представляется одно только Литовское, съ исторіею котораго студентъ будетъ имѣть случай познакомиться на лекціяхъ мѣстныхъ законовъ, и именно Черниговской и Полтавской губерній, особенно если для сихъ послѣднихъ законовъ будетъ основна, какъ мною изложено выше, самостоятельная каѳедра въ одномъ изъ нашихъ южныхъ университетовъ. Противъ же выраженнаго г. Андреевскимъ опасенія (I, 141),

что исторія Славянскихъ законодательствъ, безъ образованія отдѣльной для нея каѳедры, не получитъ самостоятельной разработки, замѣчу лишь, вообще, что университетское преподаваніе не есть единственное средство для того, чтобы вызвать самостоятельную разработку той или другой науки.

IV. *Четвертая* каѳедра — «*Римское право*» раздѣлена въ проектѣ на три отдѣленія:

а) *Исторія Римскаго права.*

б) *Догматика Римскаго гражданскаго права*, и

в) *Византійское право.*

По моему мнѣнію (II, 97), преподаваніе Римскаго права слѣдовало бы подраздѣлить на изложеніе: а) внѣшней исторіи Римскаго права и б) догматики и внутренней исторіи Римскаго гражданскаго права. Что касается Византійскаго права, то, по замѣчанію г. Витте (I, 436), съ которымъ и я согласенъ (II, 97), предметъ этотъ: при незнакомствѣ нашихъ студентовъ съ Греческимъ языкомъ, не долженъ быть включенъ, какъ самостоятельная наука, въ курсъ юридическаго факультета, но лучше излагать ходъ развитія Византійскаго права на лекціяхъ исторіи иностранныхъ законодательствъ (отнесенной къ энциклопедіи правовѣдѣнія) съ большею противъ другихъ подробностью, въ виду значительнаго вліянія, которое это право имѣло на нѣкоторыя отрасли нашего отечественнаго законодательства. Къ сему присовокупляю еще съ своей стороны, что студенты будутъ имѣть случай познакомиться съ настоящимъ предметомъ и на лекціяхъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Бессарабской области.

V. *Пятая* каѳедра — *государственнаго права* имѣетъ по проекту три подраздѣленія:

а) Обще государственное право.

б) Государственное право важнѣйшихъ державъ.

в) Русское государственное право: законы основные, государственныя учрежденія *) и законы о состояніяхъ.

Противъ введенія этихъ предметовъ въ юридическій факультетъ по части государственнаго права никто не возражаетъ; только совѣтъ Московскаго университета (I, 245) полагаетъ для государственнаго права важнѣйшихъ *иностранныхъ* державъ назначить особую каѳедру, а гг. Ивановскій (I, 70),

*) Въ проекѣ сказано: «государственное учрежденіе».

Утинъ (I, 132) и **Спасовичъ** (I, 184) не одобряютъ выраженія: «обще государственное право», съ предложеніемъ первымъ изъ нихъ названія: «теорія государственнаго права». Кромѣ того г. **Утинъ** (тамъ же), вмѣсто «государственныя учрежденія», считаетъ болѣе правильнымъ сказать: «государственныя *и губернскія* учрежденія».

Я же съ своей стороны полагалъ бы сократить начертанное въ проектѣ подраздѣленіе государственнаго права, съ тѣмъ только, чтобы вторая часть его была названа государственнымъ правомъ важнѣйшихъ *иностранныхъ* державъ; что же касается названія «общее государственное право», то и оно можетъ быть удержано, если вспомнимъ, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей по этому предмету, прежде Мюнхенскій, нынѣ Гейдельбергскій профессоръ **Блунчли**, извѣстному своему сочиненію, появившемуся въ 1857 г. уже вторымъ изданіемъ, далъ заглавіе: «Allgemeines Staatsrecht». Наконецъ исчисленіе въ уставѣ отдѣльныхъ частей Русскаго государственнаго права, по моему мнѣнію лишнее, а исчисленіе, сдѣланное въ проектѣ, — неполно, ибо пропущены законы о службѣ гражданской.

VI. *Гражданское право* (6 каѳедра въ проектѣ) раздѣлена на:

а) Имущественное право.

б) Семейственное право.

в) Межевые законы.

Поименованные въ 3-мъ пунктѣ законы, по самому содержанію ихъ, кажется, приличнѣе отнести къ каѳедрѣ гражданскаго судопроизводства, какъ это опредѣлено въ уставѣ 1835 г., а остающееся засимъ подраздѣленіе гражданскаго права на имущественное и семейственное слѣдовало бы отмѣнить, потому что раздѣленіе это не единственно употребительное и вообще не представляется никакой необходимости въ обозначеніи составныхъ частей гражданскаго права. Наконецъ, противъ предложенія совѣта Московскаго университета (I, 246) назвать настоящую каѳедру каѳедрою *Русскаго* гражданскаго права, замѣчу, что прибавленіе слова: «Русское» можетъ стѣснить тѣхъ, кои пожелали бы излагать и теорію гражданскаго права. То же самое замѣчаніе относится и къ слѣдующей по проекту каѳедрѣ *гражданскаго судоустройства и судопроизводства*, къ которой, какъ выше сказано, должны быть присоединены и межевые законы.

VII. Въ 8 и 9 пунктахъ § 14 проекта исчислены слѣдующіе предметы:

8) *Уголовное и полицейское право:*

а) *Уголовное право.*

б) *Полицейское право.*

в) *Уголовное судопроизводство.*

9) *Хозяйственная политика и законы благоустройства.*

Противъ такого смѣшенія самыхъ разнородныхъ предметовъ возражаютъ гг. Спасовичъ (I, 184), Деляновъ (I, 223), совѣтъ Московскаго университета (I, 246), Гречъ (II, 129), составитель сего свода (II, 97) и всѣхъ подробнѣе г. Андреевскій (I, 139), между тѣмъ какъ совѣты университетовъ св. Владиміра (I, 27), Харьковскаго (I, 289) и Казанскаго (I, 389), не обращая на это обстоятельство никакого вниманія, соглашаются вполнѣ съ проектомъ.

Г. Андреевскій совершенно справедливо говоритъ (I, 140): «уголовное право есть наука о преступленіяхъ и наказаніяхъ, а полицейское право, или, какъ оно у насъ обыкновенно называется, науки о законахъ государственнаго благоустройства и благочинія, есть наука о безопасности и благосостояніи гражданъ. Опасности для гражданъ могутъ быть двояки: или зависящія отъ злой воли человѣка, или вовсе не зависящія отъ воли человѣка; мѣры предупрежденія и удаленія перваго рода опасностей разсматриваются въ ученіи о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что до сихъ поръ (уставомъ 1835) было связано съ каѳедрою уголовнаго права; ученіе объ удаленіи и предупрежденіи опасностей втораго рода, т. е. о законахъ благочинія, составляетъ первую часть полицейскаго права—*полицію безопасности*, которая и заключаетъ въ себѣ ученіе: о достаточномъ количествѣ народонаселенія (популаціонистика), о предупрежденіи и излеченіи болѣзней (медицинская полиція), о обезпеченіи народнаго продовольствія и объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ. Вторая часть полицейскаго права—*полиція благосостоянія*, заключающая въ себѣ ученіе о законахъ государственнаго благоустройства, раздѣляется въ свою очередь на двѣ части: 1) ученіе о правительственныхъ мѣрахъ для доставленія народу духовнаго благосостоянія, именно о заботахъ для доставленія народу развитія религіознаго, нравственнаго, эстетическаго и умственнаго; 2) ученіе о правительственныхъ мѣрахъ для доставленія народу матеріальнаго благосостоянія,

именно о заботахъ относительно развитія земледѣльческой, мануфактурно-ремесленной и торговой промышлености; теорія этой частицы составляетъ хозяйственную политику, которая въ проектѣ возведена на степень самостоятельной каѳедры и такимъ образомъ оторвана отъ другихъ частей, вмѣстѣ съ которыми должна составлять (какъ это было и до сихъ поръ) самостоятельную каѳедру полицейскаго права, или законовъ государственнаго благоустройства и благочинія».

За симъ г. Андреевскій въ ст. 14 проекта, въ п. 8, полагаетъ поставить:

8) Уголовное право:

а) Общая и особенная часть уголовнаго права.

б) Уголовное судопроизводство.

а въ пунктѣ 9:

9) Полицейское право:

а) Ученіе о безопасности (законы благочинія).

б) Ученіе о благосостояніи (законы благоустройства)

Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ г. Андреевскаго относительно совершеннаго отдѣленія уголовнаго права отъ полицейскаго, я полагалъ бы однако: 1) согласно съ совѣтами Московскаго университета (I, 246) и Ришельевскаго лицея (II, 54) и прежде уже высказаннымъ мною мнѣніемъ (II, 95), по примѣру гражданскаго судопроизводства, назначить самостоятельную каѳедру и для уголовнаго судопроизводства, назвавъ ее: *уголовнымъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ;* 2) раздѣлить уголовное право, отчасти также по мнѣнію совѣта Московскаго университета, на теорію и исторію уголовнаго права и Русское уголовное право и 3) каѳедру полицейскаго права оставить безъ всякихъ подраздѣленій.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, п. 8 и 9 должны быть изложены въ слѣдующемъ видѣ:

8) Уголовное право:

а) Теорія и исторія уголовнаго права.

б) Русское уголовное право.

9) Уголовное судоустройство и судопроизводство.

10) Полицейское право.

VIII. 10-я каѳедра названа въ проектѣ «*наука и законы о финансахъ*» и раздѣлена на: а) *законы о финансахъ* и б) *законы о государственныхъ повинностяхъ.* Противъ такого совершенно ненаучнаго раздѣленія сдѣлано мною возраженіе (II, 97); вообще

же я того мнѣнія, что въ уставѣ лучше обойтись безъ всякаго раздѣленія этой каѳедры, давъ ей только болѣе правильное название: «*наука о финансахъ и финансовое право*» а не просто «наука о финансахъ», какъ предлагаетъ совѣтъ Московскаго университета (I, 246).

IX. Въ примѣчаніи 1 къ § 14 проекта сказано: «торговое право преподается или отдѣльно или въ связи съ законами гражданскими и законами благоустройства». Мнѣ кажется (II, 98), что для столь обширнаго предмета необходимо назначить особую каѳедру.

X. Въ примѣчаніи 2 къ тому же § *юридическая практика* отнесена къ составу исчисленныхъ въ немъ каѳедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется ее поручить и отдѣльному преподавателю.

Противъ этого весьма справедливо замѣчаетъ г. Витте (I, 436), что «юридическую практику не слѣдуетъ включать въ составъ Факультетскаго курса, такъ какъ она не можетъ быть предметомъ ни преподаванія, ни изученія въ стѣнахъ университета. Она есть плодъ сознательной дѣятельности юриста въ сферѣ судебной, и потому обученіе юридической практикѣ въ университетахъ столько же несбыточно, сколько преподаваніе искусства вести внутреннюю или внѣшнюю политику какого-нибудь государства. Призваніе юридическаго Факультета — быть истиннымъ представителемъ юридической науки, вселить въ слушателяхъ любовь и уваженіе къ ней, и тѣмъ оградить будущихъ юристовъ-практиковъ отъ пагубныхъ сѣтей, которыми приказная рутина такъ легко опутываетъ судей, неимѣющихъ при себѣ единственнаго дѣйствительнаго противуядія въ основательномъ теоретическомъ образованіи. Потому юридическій Факультетъ не долженъ принимать на себя обязанности, которой онъ не въ состояніи выполнить, и осуществленіе которой отнюдь не его задача».

Съ этимъ, кажется, нельзя не согласиться и посему юридическую практику слѣдовало бы исключить изъ предметовъ преподаванія въ юридическомъ Факультетѣ. Вмѣсто этой практики, по моему мнѣнію, гораздо полезнѣе ввести по части Русскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ *экзегетическія лекціи*, которыя я считаю даже необходимыми, по важности ихъ какъ для образованія Русскаго юриста, такъ и вообще для ученой разработки тѣхъ законовъ. Къ этимъ лекціямъ, съ большею поль-

зою для юридическаго образованія, можно было бы присоединить и экзегетическія лекціи по части Римскаго права.

XI. Въ § 17 проекта сказано: «профессоръ православнаго богословія преподаетъ и церковное законовѣдѣніе студентамъ юридическаго факультета», а между тѣмъ послѣдній предметъ не включенъ въ § 14, гдѣ перечисляются всѣ каѳедры юридическаго факультета. На это обратили вниманіе совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ (I, 246 и 259), гг. Андреевскій (I, 142), Левшинъ (I, 375), Гречъ (II, 129) и составитель сего свода (II, 98). Совѣты Московскаго и Харьковскаго университетовъ и г. Гречъ полагаютъ: включить въ этотъ факультетъ каѳедру «каноническаго права», замѣчая — первый (I, 246): что оно, «какъ предметъ не только богословскій, но и юридическій, при томъ весьма важный для историко-юридическихъ и политическихъ наукъ, требуетъ особаго преподавателя, съ спеціальнымъ юридическимъ приготовленіемъ»; а второй, т. е. совѣтъ Харьковскаго университета (I, 289), что «каѳедра эта существенно необходима, потому что церковное право считается одною изъ составныхъ частей правовѣдѣнія и оттого должно быть излагаемо съ юридической точки зрѣнія и, для полноты предмета, обнимать не только постановленія православной церкви, но и законы Римско-Католической и Лютеранской церквей. Г. Левшинъ (I,375) говоритъ: что если *церковное право* «должно быть преподаваемо въ видѣ отдѣльной юридической науки, обнимающей постановленія, относящіяся до православной церкви и другихъ христіанскихъ исповѣданій, то для преподаванія такой науки должно быть избираемо лицо, которое получило бы университетское юридическое образованіе...» Г-же Андреевскій, останавливаясь на выраженіи проекта въ § 17: «*церковное законовѣдѣніе*», замѣчаетъ: во-1-хъ, что это названіе должно быть разъяснено, такъ какъ ни въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ до сихъ поръ точно не опредѣлялось. Существуетъ различіе между *церковнымъ* и *каноническимъ* правомъ. *Церковное право* есть систематическое ученіе о тѣхъ положительныхъ законахъ, истекающихъ отъ верховной государственной власти, которыми опредѣляются права и обязанности гражданъ, какъ членовъ той или другой церкви, того или другаго исповѣданія, допускаемаго въ государствѣ; *каноническое* же *право* есть систематическое ученіе о законахъ, истекающихъ отъ церковной власти того или другаго исповѣда-

нія, по принадлежности, о внутреннихъ дѣлахъ и объ отношеніяхъ исповѣдующихъ религію къ церкви; эти два понятія часто смѣшиваются; и во-2-хъ, что, безъ сомнѣнія, въ юридическомъ факультетѣ должны быть преподаваемы какъ каноническое право, такъ и церковное. Профессору православнаго богословія можетъ быть ввѣрено преподаваніе только каноническаго права и только православной церкви, а церковное право должно быть преподаваемо профессоромъ-юристомъ, на томъ же основаніи, какъ преподаются и другія юридическія науки».

И такъ, по мнѣнію г. Андреевскаго, въ каждомъ университетѣ должны быть учреждены двѣ отдѣльныя каѳедры: одна для церковнаго, а другая для каноническаго права. Съ этимъ однако едва ли можно согласиться, если внимательно сообразить то, что обыкновенно понимается въ системѣ юридическихъ наукъ подъ названіемъ *церковнаго права*. Къ составу сего послѣдняго знаменитѣйшіе писатели по этой части *) относятъ, сверхъ другихъ, не подходящихъ подъ выше приведенныя опредѣленія г. Андреевскаго **), и всѣ предметы, распредѣленные имъ между правами церковнымъ и каноническимъ. Не лучше ли и намъ послѣ этого довольствоваться для каждаго изъ нашихъ университетовъ одною каѳедрою «*церковнаго права*, съ тѣмъ, чтобы оно преподавалось профессоромъ-юристомъ православнаго исповѣданія и въ такомъ случаѣ было предметомъ обязательнымъ только для лицъ того же исповѣданія?

XII. Каѳедра *политической экономіи* отнесена по проекту къ историко-филологическому, а не къ юридическому факультету, и при томъ соединена со статистикою (§ 14, п. 10). Противъ этого возражаютъ совѣтъ Казанскаго университета (I, 389), гг. Ивановскій (I, 70), Утинъ (I, 131), Андреевскій (I, 141), Спасовичъ (I, 184), Туловъ (I,445) и составитель сей записки (II, 96 и 97). Всѣ согласны въ томъ, что политическую экономію слѣдуетъ перенести въ юридическій факультетъ. Въ семъ отношеніи справедливо замѣчаетъ г. Утинъ (I, 132), что

*) Напримѣръ *C. F. Eichhorn*, Grundsätze des Kirchenrechts; *F. Walter*, Lehrbuch des Kirchenrechts (12. Auflage, Bonn 1856); *A. L. Richter*, Lehrbuch des Kirchenrechts.

**) Не подходятъ наприм. законы, опредѣляющіе отношенія той или другой церкви къ государству; отношенія ея къ другимъ церквамъ; взаимныя отношенія членовъ ея между собою и др.

«въ настоящее время, когда юридическій факультетъ вездѣ получаетъ все болѣе и болѣе значеніе факультета, сосредоточивающаго въ себѣ всѣ отрасли общественной науки, и политической экономіи приличнѣе стоять рядомъ съ гражданскимъ или финансовымъ правомъ, чѣмъ съ Славянскою филологіею или археологіею и исторіею искусствъ», и г. Андреевскій (I, 141), что «политико-юридическія науки почерпаютъ въ политической экономіи свои путеводныя начала: нельзя понять ни гражданскаго, ни полицейскаго, ни финансоваго, ни государственнаго права, не узнавъ предварительно политической экономіи: отсюда же видно, что нельзя быть экономистомъ безъ основательныхъ познаній въ историко-юридическихъ наукахъ. Потому не нужно долго анализировать отношеніе между политическою экономіею и политико-юридическими науками, чтобы убѣдиться, что каѳедрѣ политической экономіи законное мѣсто можетъ принадлежать только въ юридическомъ факультетѣ».

Но, соглашаясь на счетъ принадлежности этой каѳедры къ юридическому факультету, не всѣ однако выражаются ясно относительно статистики. Совѣтъ Казанскаго университета (I, 389) и г. Туловъ (I,445) оставляютъ ее въ связи съ политическою экономіею, г. Спасовичъ (I, 184) спрашиваетъ: «почему послѣдняя соединена со статистикою — предметомъ, который едва ли можетъ считаться самостоятельною наукою и есть не болѣе какъ особый методъ изученія фактовъ, примѣнимый ко всѣмъ вообще наукамъ», а г. Ивановскій (I, 70) полагаетъ статистику и географію (для которой назначена въ историко-филологическомъ факультетѣ особая каѳедра, § 11, п. 9), какъ предметы сродные, соединить въ одну каѳедру; другую же оставить для одной политической экономіи и обѣ эти каѳедры отнести къ юридическому факультету, въ особенности въ предположеніи, что нынѣшнее административное отдѣленіе будетъ сохранено».

Изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній видно, что политическая экономія должна быть отнесена къ юридическому факультету. Что же касается статистики, то преподаваніе ея въ томъ смыслѣ, какъ она обыкновенно понимается по отношенію къ политико-юридическимъ наукамъ *), по моему мнѣнію, отнюдь не лишнее въ юридическомъ факультетѣ, и посему я полагалъ бы

*) Ср. *Fr. Bülau*, Encіklopädie der Staatswissenschaften. Leipzig, 1856, стр. 250—267.

или оставить ее присоединенною къ каѳедрѣ политической экономіи, или учредить для нея, т. е. статистики, самостоятельную каѳедру, независимо отъ географіи, которая, какъ мнѣ кажется, вовсе не должна входить въ курсъ юридическаго факультета.

XIII. Наконецъ совѣтъ Московскаго университета (I, 246), г. Витте (I, 437) и составитель настоящей записки (II, 98) указываютъ на необходимость введенія въ юридическій факультетъ преподаванія и *судебной медицины*, которую первые два соединяютъ съ медицинскою полиціею. Г. Витте говоритъ: «такъ какъ въ С. Петербургскомъ университетѣ нѣтъ медицинскаго факультета, на которомъ юристы могли бы слушать судебную медицину и медицинскую полицію, то я полагалъ бы нужнымъ для слушателей юридическаго факультета открыть при здѣшнемъ университетѣ особые курсы этихъ наукъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ врачебная наука, въ примѣненіи къ судопроизводству и къ государственному благоустройству, нужна юристу и доступна слушателю, не посвященному въ тайны естествовѣдѣнія. Въ университетахъ же, гдѣ есть медицинскіе факультеты, я полагалъ бы полезнымъ, сверхъ каѳедръ судебной медицины и медицинской полиціи для медиковъ, открыть особые курсы этихъ наукъ для юристовъ въ вышеупомянутомъ объемѣ».

Выше приведено мною весьма справедливое мнѣніе г. Андреевскаго относительно частей, долженствующихъ войти въ составъ каѳедры полицейскаго права; въ числѣ ихъ упомянуто и о медицинской полиціи. Согласно съ симъ предметъ этотъ уже не слѣдуетъ присоединять къ каѳедрѣ судебной медицины. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что судебная медицина, равно необходимая какъ для юриста, такъ и для медика, должна быть преподаваема первому совершенно иначе, чѣмъ послѣднему, по незнакомству одного съ медициною, а другаго съ правовѣдѣніемъ, я полагалъ бы учредить въ юридическомъ факультетѣ, собственно для юристовъ, самостоятельную каѳедру по этому предмету, независимо отъ таковой же каѳедры, полагаемой по § 15 проекта въ медицинскомъ факультетѣ.

XIV. На основаніи всего вышеизложеннаго, я полагалъ бы § 14 проекта изложить слѣдующимъ образомъ:

§ 14. Въ юридическомъ факультетѣ преподаются слѣдующіе предметы:

1) Энциклопедія правовѣдѣнія:

а) Общая часть.

б) Обзоръ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ.

в) Исторія философіи права.

2) Римское право:

а) Внѣшняя исторія Римскаго права.

б) Догматика и внутренняя исторія Римскаго права.

3) Исторія Русскаго права.

4) Обзоръ мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи.

5) Государственное право:

а) Общее государственное право.

б) Государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ державъ.

в) Русское государственное право.

6) Гражданское право.

7) Гражданское судоустройство и судопроизводство.

8) Уголовное право:

а) Теорія и исторія уголовнаго права.

б) Русское уголовное право.

9) Уголовное судоустройство и судопроизводство.

10) Полицейское право.

11) Торговое право.

12) Наука о финансахъ и финансовое право.

13) Международное право и дипломація.

14) Церковное право.

15) Политическая экономія и статистика.

16) Судебная медицина.

Примѣчанія: *1*) Исторія Византійскаго права излагается на лекціяхъ исторіи иностранныхъ законодательствъ съ большею противъ другихъ подробностью.

2) Каждая отдѣльная часть дѣйствующаго въ Россіи права излагается подлежащими преподавателями не только догматически, но и исторически; по каѳедрѣ же исторіи Русскаго права обращается особое вниманіе на внѣшнюю его исторію.

3) Сверхъ поименованной въ п. 4 каѳедры, учреждаются: въ университетахъ Харьковскомъ и св. Владиміра — отдѣльная каѳедра для мѣстныхъ законовъ Черниговской и Полтавской губерній, а въ Одесскомъ — такая же каѳедра для мѣстныхъ законовъ Бессарабской области и Кавказскаго и Закавказскаго края.

4) По части Римскаго права и Русскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ назначаются особыя экзегетическія лекціи.

5) Каѳедра церковнаго права поручается лицу, принадлежащему къ православному исповѣданію и получившему юридическое образованіе. Предметъ этотъ обязателенъ только для слушателей означеннаго исповѣданія.

6) Каѳедра судебной медицины учреждается въ юридическомъ факультетѣ, независимо отъ каѳедры по тому же предмету, входящей въ составъ факультета медицинскаго.

VII. О значеніи каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ для Русскихъ университетовъ.

Бывшаго проф. С. Петербургскаго унив. **Утина**.

Въ 1859 г., съ разрѣшенія бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, учреждена была въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедра исторіи иностранныхъ законодательствъ. Каѳедру эту коммиссія, составлявшая проектъ общаго устава Россійскихъ университетовъ, включила въ число штатныхъ каѳедръ юридическаго факультета. Въ замѣчаніяхъ на проектъ, совѣтъ Московскаго и совѣтъ Харьковскаго университетовъ, коснувшись состава юридическаго факультета, одинаково высказались въ пользу такой каѳедры. Изъ критиковъ проекта только членъ ученаго комитета, бывшій профессоръ Римскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шнейдеръ, высказался противъ учрежденія особой самостоятельной каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ, и самую мысль объ учрежденіи ея онъ назвалъ поверхностной. Хотя это мнѣніе является совершенно одинокимъ въ замѣчаніяхъ на проектъ, и потому едва ли требовало бы обширнаго обсужденія; но такъ какъ въ означенномъ мнѣніи—приводимомъ ниже во всей его полнотѣ—повторены, какъ намъ это извѣстно изъ подлиннаго дѣла, главные доводы, высказанные нѣкоторыми противниками этой каѳедры, при самомъ учрежденіи ея, въ юридическомъ факультетѣ и отчасти въ совѣтѣ С.-Петербургскаго университета, то мнѣніе это заслуживаетъ подробнаго разбора. Имѣвъ честь занимать эту учрежденную впервые въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедру исторіи иностранныхъ законодательствъ,

считаю полезнымъ, согласно выраженному г. председателемъ желанію, точнѣе мотивировать значеніе ея для нашего юридическаго образованія.

Неоходимость особой каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ обусловливается прежде всего самыми потребностями юридическаго образованія въ Россіи. Это образованіе имѣло и будетъ имѣть преимущественно теоретическій характеръ. Только благодаря этому теоретическому характеру образованія, юридическіе факультеты наши будутъ оказывать, какъ до сихъ поръ оказывали, свое благотворное вліяніе на общественную среду. Вѣкъ нашей легальной юриспруденціи, юриспруденціи указовъ, вѣкъ Горюшкиныхъ старыхъ и новыхъ, безвозвратно прошелъ. И чѣмъ болѣе будетъ возвышаться нашъ юридическій бытъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ чувствовать нужду не въ однихъ только дѣльцахъ и не въ одномъ усвоеніи канцелярскихъ формъ и обрядовъ, но и въ юристахъ, соединяющихъ знаніе отечественнаго законодательства съ хорошимъ общимъ юридическимъ образованіемъ. Только изъ нихъ выходятъ со временемъ дѣльные судьи и адвокаты, способные слуги государству. Судебныя реформы, уничтожая пропасть, до сихъ поръ существовавшую между требованіями науки права и судебной сферой, придадутъ еще бо̀льшую цѣну нашему научному юридическому образованію, если только обстоятельства позволятъ ему сколько-нибудь окрѣпнуть. Благодаря этому теоретическому направленію, которому слѣдовало, особенно въ послѣднее время, наше юридическое образованіе, студенты въ университетахъ знакомились не только съ фактическимъ содержаніемъ нашего законодательства, но и съ тѣми формами, понятіями и явленіями юридическаго быта, которыя успѣли выработаться у другихъ, болѣе образованныхъ народовъ. И до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, студенты нашихъ университетовъ знакомились въ юридическихъ аудиторіяхъ съ тѣми началами публичнаго и независимаго суда, которыя провозглашены теперь правительствомъ. Но эти начала, какъ не имѣвшія своей опоры въ окружающей дѣйствительности, хотя принимались, какъ требованія лучшаго, съ большимъ интересомъ, однакожь лишены были той жизненной наглядности, которую они пріобрѣтутъ теперь. Такимъ образомъ, улучшеніе нашего юридическаго быта придастъ еще большее значеніе научной дѣятельности юридическихъ факультетовъ.

При теоретическомъ направленіи нашего юридическаго образованія, весьма естественно получаютъ у насъ особую важность всѣ тѣ отрасли науки, которыя, не имѣя въ виду лишь дѣйствующаго законодательства, преслѣдуютъ одну общеобразовательную цѣль. Къ числу такихъ отраслей юридической науки относятся, между прочимъ, энциклопедія права и исторія иностранныхъ законодательствъ. Энциклопедія права имѣетъ своей задачей развить элементарныя понятія о правѣ, показать, какъ оно коренится въ общежительной природѣ человѣка, охарактеризовать его основныя черты, показать отношеніе права къ нравственности, опредѣлить его источники, остановиться при этомъ въ особенности на ученіи о законѣ и, разсмотрѣвъ въ отдѣльности тѣ отрасли права и законодательства, изъ которыхъ слагается юридическая система извѣстнаго народа, изслѣдовать всѣ тѣ жизненныя условія, которыя имѣютъ благотворное или вредное вліяніе на юридическое развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, энциклопедія обязана показать и самые способы или методы изученія права. Это одна часть энциклопедіи. Другая, гораздо обширнѣйшая часть ея, имѣетъ своимъ предметомъ исторію философіи права и должна показать постепенное развитіе тѣхъ теоретическихъ воззрѣній на право и на государство, которыя заключаются въ философскихъ системахъ древняго и новаго міра. Это вторая часть энциклопедіи. Но чтобы ученіе о правѣ получило окончательную полноту, — полноту, требуемую высшимъ университетскимъ образованіемъ,—энциклопедія должна бы включить въ свой составъ еще одну весьма важную и обширную науку, которая имѣетъ своей задачей изслѣдовать постепенное развитіе началъ права въ дѣйствительности, въ исторіи. Это и составляетъ задачу исторіи иностранныхъ законодательствъ, которая, по обширности своей, должна быть выдѣлена изъ энциклопедіи, имѣющей уже въ исторіи философскихъ системъ права до того обширную область, что овладѣніе ею возможно только при полномъ сосредоточеніи на ней всѣхъ силъ преподавателя. Въ соединеніи съ энциклопедіей и въ особенности со входящей въ составъ ея исторіей философіи права, исторія законодательствъ не можетъ быть излагаема съ какою-нибудь пользой для университетскаго образованія. Конечно, въ учебникахъ энциклопедіи всѣ указанныя теперь отрасли науки права соединяются, въ сжатомъ видѣ, вмѣстѣ; но тѣ требованія, которыя имѣетъ въ виду учебникъ, совершен-

но неудовлетворительны для объема университетскаго преподаванія. Такое соединеніе имѣло бы только результатомъ крайне поверхностное изложеніе какъ исторіи философіи права, такъ и исторіи законодательствъ. Вмѣсто курса, достойнаго называться университетскимъ, существовали бы, рядомъ съ элементарными понятіями о правѣ, входящими въ составъ 1-й части энциклопедіи, только отрывки изъ исторіи философіи права и отрывки изъ исторіи законодательствъ. Между тѣмъ ни что не приноситъ такого вреда, какъ именно отрывочность философскихъ понятій. Вырывая изъ той и другой науки только отдѣльныя явленія, профессоръ, разумѣется, не далъ бы никакого серьезнаго понятія и объ исторіи законодательствъ. Но особенно вредно было бы нарушеніе того естественнаго и постепеннаго развитія философскихъ идей о правѣ и о государствѣ, которое существовало въ дѣйствительности и о которомъ профессоръ, имѣющій еще предъ собою изложеніе цѣлой, хотя бы и до крайности сокращенной исторіи законодательствъ, не могъ бы дать никакого серьезнаго понятія. Жертвовать же совершенно, въ пользу исторіи философіи права, исторіей законодательствъ также нельзя, потому что тогда въ умахъ слушателей останутся одни крайне отвлеченныя и идеальныя понятія о правѣ и государствѣ. Такія понятія, не имѣя своего дополненія въ конкретныхъ, дѣйствительныхъ институтахъ права, выставляемыхъ въ такомъ богатствѣ и разнообразіи законодательствами историческихъ народовъ, по необходимости должны бы остаться совершенно безплодными. Исторія законодательствъ, между прочимъ и потому въ особенности важна, что служитъ конкретнымъ и реальнымъ подтвержденіемъ самыхъ существенныхъ, самыхъ коренныхъ признаковъ права. Энциклопедія, выходя изъ идеи права, учитъ, напримѣръ, что право не есть что-либо случайное и произвольное, но коренится въ требованіяхъ человѣческой природы, а исторія законодательствъ, хотя другимъ путемъ, необходимо приводитъ къ убѣжденію въ *универсальности* основныхъ юридическихъ понятій и учрежденій у всѣхъ историческихъ народовъ. Энциклопедія учитъ, что право въ то же время есть произведеніе *національности* и всѣхъ тѣхъ экономическихъ и нравственныхъ условій, въ которыя поставлена народная жизнь, а исторія законодательствъ показываетъ, какой мощный отпечатокъ всѣ эти условія наложили на юридическій бытъ историческихъ наро-

довъ. Наконецъ *органическая природа* всѣхъ институтовъ права, составляющихъ юридическую систему народа, предполагаетъ необходимую зависимость и соотвѣтствіе между ними, а это опять находитъ полное свое подтвержденіе въ исторіи законодательствъ.

Ограничить юридическое образованіе однимъ какимъ-либо положительнымъ законодательствомъ также нельзя. Натуралистъ, изучающій то или другое царство природы, не можетъ ограничиваться однимъ какимъ-либо родомъ или видомъ существъ, а долженъ имѣть понятіе о всѣхъ родахъ и видахъ явленій, принадлежащихъ къ изучаемому царству. Такое ограниченіе возможно уже только впослѣдствіи, при избраніи извѣстной спеціальности для самостоятельной ученой разработки. Точно также и юристъ во время университетскаго курса не можетъ оставаться при знакомствѣ съ однимъ какимъ-либо иностраннымъ законодательствомъ. Такъ Римское право имѣетъ у насъ не практическое, какъ въ Германіи, а одно общеобразовательное значеніе. И, безъ всякаго сомнѣнія, каѳедра, посвященная спеціально Римскому праву, у насъ, какъ вездѣ, представляется одною изъ самыхъ важныхъ. Но, съ другой точки зрѣнія, само Римское право является лишь звѣномъ въ цѣлой исторіи законодательствъ и, какъ оно ни важно, но не могло бы вознаградить за совершенное незнакомство съ тѣми законодательствами, которыя ему предшествовали, и съ тѣми, которыя, проникшись духомъ его, слѣдовали за нимъ и имѣли самостоятельное историческое развитіе. По всѣмъ этимъ основаніямъ, лишь обозрѣніе всеобщей исторіи законодательствъ можетъ дать намъ понятіе о существѣ юридическихъ учрежденій.

Эту истину, между прочимъ, чувствовалъ у насъ Неволинъ въ своей. Энциклопедіи законовѣдѣнія. Хотя этотъ трудъ его не можетъ служить для насъ въ настоящее время авторитетомъ, но важно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что Неволинъ посвятилъ цѣлый второй томъ своего обширнаго сочиненія именно исторіи иностранныхъ, или, какъ онъ назвалъ ихъ, положительныхъ законодательствъ. Къ сожалѣнію, Неволинъ сосредоточился преимущественно на обозрѣніи древнихъ законодательствъ—обстоятельства времени, какъ увѣряютъ, были тому причиною — и изложилъ исторію юридическаго развитія въ Германіи, Франціи и Англіи, такъ же сжато, какъ онъ изло-

жилъ подробно законодательство Китая, Индіи и другихъ восточныхъ и не восточныхъ народовъ древняго міра.

Впрочемъ, если мысль о необходимости для нашихъ университетовъ особой каѳедры иностранныхъ законодательствъ яснѣе сознана только въ послѣднее время, то она вообще не нова въ Россіи. Въ университетскомъ уставѣ 1804 г., столь замѣчательномъ по духу своему и направленію, названъ въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, соотвѣтствовавшемъ юридическому факультету, *профессоръ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ.* Каѳедра его названа особо отъ каѳедры правъ естественнаго, политическаго и народнаго, совмѣщавшей въ себѣ тогдашнюю философію права и тогдашнее государственное право. Въ уставѣ 1835 г. мы уже не находимъ каѳедры правъ древнихъ и новыхъ народовъ. Не зная мотивовъ, которыми руководствовались редакторы этого устава, трудно, конечно, вполнѣ достовѣрно сказать, почему эта важная каѳедра была исключена изъ состава юридическихъ факультетовъ. Здѣсь возможны одни только предположенія; но, принимая въ соображенія обстоятельства тогдашняго времени, вѣроятнѣе другихъ кажется то предположеніе, что въ 1835 г. изученіе Русскаго законодательства представлялось почти исключительной задачей юридическихъ факультетовъ. Само собой разумѣется, что изученіе отечественнаго законодательства всегда и во всякое время должно стоять на главномъ планѣ, но, независимо отъ этого, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ 1830 г. издано было «Полное собраніе законовъ», а въ 1832 г. появился «Сводъ законовъ». Огромный законодательный успѣхъ, который заключался въ этомъ фактѣ, весьма естественно долженъ былъ повести къ мысли о необходимости для юридическихъ факультетовъ прежде всего заняться изученіемъ и разработкой отечественнаго права. Эта разработка дѣйствительно началась, но оставалась очень долгое время исключительно въ области древняго Русскаго права. Покровительство, оказываемое въ министерство графа Уварова историческому направленію въ изученіи Русскаго права, хотя привело у насъ главнымъ образомъ только къ изслѣдованіямъ древне-Русскаго права, было въ согласіи и съ господствовавшей въ то время исторической школой права въ Германіи, въ которой посылаемые за границу Русскіе юристы поручались руководству главы этой школы, Савиньи. Однимъ же изъ глав-

ныхъ требованій этой школы было историческое изслѣдованіе дѣйствующаго права, въ которомъ она всегда видѣла органическое явленіе.

Здѣсь не мѣсто изображать заслуги и грѣхи этой школы, ея сосредоточеніе преимущественно на Римскомъ, какъ на дѣйствующемъ въ Германіи правѣ, и ея постепенную смѣну на самой родинѣ другимъ, болѣе многостороннимъ и плодотворнымъ направленіемъ. Здѣсь достаточно только замѣтить, что черезъ-чуръ исключительное слѣдованіе ея методу не могло бы привести у насъ ни въ какомъ случаѣ къ результатамъ, подобнымъ тѣмъ, которые эта школа имѣла на родинѣ, даже еслибы ея методъ пустилъ у насъ болѣе глубокіе корни. Дѣйствительно, въ обще-юридическомъ образованіи запада, въ его предшествующихъ юридическихъ школахъ, въ его философіи и наконецъ въ томъ духовномъ родствѣ, которое замѣчается въ государственномъ и юридическомъ развитіи всѣхъ западно-Европейскихъ народовъ, заключалась для западнаго юриста та охрана противъ односторонностей школы Савиньи, которой не существовало для Русскаго юриста. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, изъ исторической школы въ Германіи вышли не только цѣлыя библіотеки исторій и системъ Римскаго права, какъ дѣйствующаго въ Германіи, но и весьма замѣчательные труды по исторіи права всѣхъ другихъ Европейскихъ народовъ. (Такъ, наприм., исторія Нѣмецкаго права Эйхгорна, исторія Англійскаго права Филипса, исторія Французскаго права Варнкёнига, исторія Шведскаго права Розенвинге и т. д.). У насъ, напротивъ, сосредоточеніе на историческихъ изслѣдованіяхъ отечественнаго законодательства, при слабости обще-юридическаго образованія, необходимо должно было повести къ бѣдности въ юридическихъ идеяхъ, которыхъ, конечно, не могли дать ни древніе источники Русскаго законодательства, ни древне-Русскія государственныя учрежденія. Какъ бы то ни было, у насъ, благодаря уставу 1835 г., упустили изъ виду иностранныя законодательства и знакомство съ ними въ университетахъ ограничивалось или обозрѣніемъ въ энциклопедіи законодательствъ Китая и Индіи, или же преимущественно только Нѣмецкими изслѣдованіями о древне-Германскихъ и Скандинавскихъ законахъ, необходимыхъ намъ при изученіи Варяжскаго вопроса и Русской правды, — область, въ которой мы

подвизались съ особенною любовію, хотя и не всегда съ соотвѣтствующимъ любви успѣхомъ.

Между тѣмъ изслѣдованія въ исторіи законодательствъ дѣлали значительные успѣхи на западѣ. И если профессоръ знатнѣйшихъ правъ древнихъ и новыхъ народовъ могъ въ 1804 г. имѣть въ своемъ распоряженіи главнымъ образомъ только «духъ законовъ» Монтескье, почерпнутый изъ всѣхъ извѣстныхъ въ 18-мъ вѣкѣ памятниковъ законодательства, то въ томъ самомъ 1835 г., въ которомъ изданъ уставъ, исключившій иностранныя законодательства изъ круга университетскаго преподаванія, появился послѣдній томъ классическаго сочиненія Ганса, о наслѣдствѣ въ его всемірно-историческомъ значеніи,— трудъ, положившій такое прочное основаніе сравнительному изученію законодательствъ. Еще гораздо прежде начала выходитъ громадная, хотя и въ высшей степени не критическая исторія законодательства (Histoire de la législation) маркиза Пасторе. Съ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ начали появляться труды Лабуле, занявшаго послѣ Лерминье каѳедру сравнительнаго законодательства въ Парижскомъ Collège de France. Съ того времени обозрѣнія исторіи законодательствъ стали занимать все больше мѣста въ юридическихъ энциклопедіяхъ и этой исторіи стали посвящаться обширные отдѣлы, какъ напримѣръ, въ энциклопедіяхъ Эшбаха (Introduction à l'étude du droit), Варнкёнига, Аренса, Пютера. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна энциклопедія Пютера, появившаяся въ 1846 г., такъ какъ въ ней обозрѣніе исторіи законодательствъ стоитъ на главномъ планѣ, и она была бы еще болѣе замѣчательна, еслибы не страдала формализмомъ и терминологіей Гегелевской школы. Изъ другихъ энциклопедій права важна въ этомъ же отношеніи энциклопедія Варнкёнига, по обилію содержащихся въ ней указаній на источники и литературу древнихъ и новыхъ законодательствъ. Но гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ своей энциклопедіи, Варнкёнигъ доказываетъ возможность и необходимость сравнительной исторіи законодательствъ, какъ особой науки, въ одной критической статьѣ, написанной по поводу сочиненій Роиһаёг'а и Гобино, въ 1856 г., три года спустя послѣ выхода его энциклопедіи. Статья эта помѣщена въ томъ самомъ, спеціально-посвященномъ иностраннымъ законодательствамъ, журналѣ (Zeitschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft des Auslandes), который почти

въ теченіе 30 лѣтъ слѣдилъ за всѣми измѣненіями въ законодательствѣ Европейскихъ государствъ. И если мы въ этомъ бѣгломъ обозрѣніи сочиненій и матеріаловъ, посвященныхъ или всеобщей исторіи законодательствъ, или спеціально-сравнительному ихъ изученію, упомянемъ еще о чисто-научныхъ трудахъ Унгера, Фольграфа, Мейера, Амари и о громадномъ трудѣ по сравнительному изученію новѣйшихъ гражданскихъ кодексовъ, Saint-Joseph'а, то убѣдимся, что существуетъ цѣлая наука, которая хотя стоитъ въ близкой связи съ энциклопедіей права, но въ интересѣ какъ энциклопедіи, такъ и собственномъ этой науки, должна имѣть особаго представителя въ университетѣ. Существованіе такой каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ на юридическомъ факультетѣ не освободитъ, конечно, профессора гражданскаго, или уголовнаго, или государственнаго права отъ обязанности пользоваться сравнительнымъ методомъ, который есть послѣднее слово науки. Но странно было бы думать, что ссылки, которыя дѣлаются этими отдѣльными профессорами на иностранныя учрежденія, могутъ замѣнить особую каѳедру исторіи иностранныхъ законодательствъ. Такое мнѣніе можетъ возникнуть только вслѣдствіе смѣшенія сравнительнаго метода, которымъ въ настоящее время должно пользоваться всякое юридическое преподаваніе, и самостоятельной каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ, для которой этотъ сравнительный методъ, разумѣется, еще болѣе обязателенъ, чѣмъ для всѣхъ другихъ наукъ права. Только то знаніе имѣетъ цѣну, которое является въ связи и представляетъ какое-нибудь единство. По этому безъ каѳедры, посвященной спеціально иностраннымъ законодательствамъ, отдѣльныя свѣдѣнія, сообщаемыя другими профессорами объ иностранныхъ учрежденіяхъ, имѣли бы совершенно отрывочный и случайный характеръ. Кромѣ того, сравненіе законодательствъ хотя весьма важно для такой каѳедры, но не есть единственная ея цѣль, такъ какъ она должна прежде всего познакомить съ самымъ историческимъ ходомъ развитія важнѣйшихъ законодательствъ.

Разсмотримъ теперь тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ особой каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ. Г. Шнейдеръ дѣлаетъ по поводу этой каѳе-

дры слѣдующее замѣчаніе на проэктъ: «Если исторію важнѣйшихъ законодательствъ хотятъ проходить только въ самомъ краткомъ видѣ, то всего лучше отнести ее къ лекціямъ энциклопедіи. Если же она должна быть излагаема подробно, напримѣръ такъ, какъ маркизъ Пасторе въ своей Histoire de la législation, 1817 — 1837, въ 11 томахъ изложилъ законодательства одной части древнихъ народовъ, то потребовалось бы покрайней мѣрѣ 10-лѣтнее преподаваніе, чтобы дойти только до исторіи законодательствъ новѣйшихъ народовъ, для изложенія которой, при болѣе обильныхъ противъ древнихъ вѣковъ источникахъ, понадобилось бы отъ 20 до 30 лѣтъ». Это мнѣніе съ самого начала впадаетъ въ крайности: или исторія иностранныхъ законодательствъ должна читаться въ самомъ краткомъ видѣ, или же она должна читаться съ такой подробностію, съ какою излагалъ ее Пасторе въ своемъ сочиненіи. Не говоря уже о томъ, что вообще крайне странно ссылаться на Пасторе, слѣдуетъ замѣтить, что существуетъ еще третья весьма существенная возможность, которую упустилъ изъ виду почтенный критикъ. А именно: исторія иностранныхъ законодательствъ должна читаться ни въ самомъ краткомъ видѣ, ни съ совершенно-излишней подробностію или вѣрнѣе мелочностію П а с т о р е, а въ томъ объемѣ, въ которомъ читаются обыкновенно всѣ науки въ университетѣ. Справедливо то, что какъ нельзя обязывать профессора всеобщей исторіи, чтобы онъ въ своемъ курсѣ прошелъ всю исторію отъ сотворенія міра до нашихъ дней, то точно также нельзя требовать и отъ профессора исторіи иностранныхъ законодательствъ, чтобы онъ въ своемъ курсѣ прошелъ всѣ законодательства всѣхъ временъ и народовъ. По этому и совѣтъ Московскаго университета, и мы сами въ замѣчаніяхъ нашихъ на проектъ одинаково предложили точнѣе обозначить задачу этой каѳедры названіемъ ея исторіи *важнѣйшихъ* законодательствъ. Кромѣ того, по убѣжденію нашему, которому мы и старались слѣдовать при преподаваніи этой науки въ С. Петербургскомъ университетѣ, профессоръ исторіи законодательствъ долженъ читать два курса. Одинъ общій, въ которомъ было бы представлено обозрѣніе самого хода развитія и преемственности различныхъ законодательствъ, съ указаніемъ на тѣ именно стороны каждаго законодательства, которыя представляются особенно важными съ общеисторической точки зрѣнія. Этому кур-

су должно предшествовать довольно пространное введеніе, въ которомъ должны быть указаны и критически разобраны литературныя пособія при изученіи исторіи законодательствъ вообще и нѣкоторыхъ законодательствъ въ особенности. Другой курсъ долженъ быть болѣе спеціальный, долженъ ограничиваться однимъ какимъ-либо родомъ учрежденій и въ немъ то главнымъ образомъ должно быть сдѣлано употребленіе изъ сравнительнаго метода.

Возвращаясь къ мнѣнію г. Шнейдера, нельзя поистинѣ не удивляться ссылкѣ его на сочиненіе маркиза Пасторе. Боже избави профессора исторіи иностранныхъ законодательствъ когда-нибудь слѣдовать въ лекціяхъ маркизу Пасторе! Онъ бы загубилъ и себя и своихъ слушателей, хотя послѣдняя опасность меньше первой, такъ какъ въ такомъ случаѣ его аудиторія была бы навѣрное пуста. Выше уже было замѣчено, что сочиненіе Пасторе Histoire de la législation совершенно не критическое. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вкратцѣ обозначить его содержаніе. Порвый томъ его посвященъ законодательству Ассирінъ, Вавилонянъ, Сирійцевъ и Финикіянъ, т. е. именно тѣмъ народамъ, съ которыхъ не слѣдуетъ начинать, и которые имѣютъ интересъ для изучающихъ библейскую исторію, но не иностранныя законодательства. 2-й томъ весь посвященъ законодательству Египтянъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, встрѣчающіяся у Геродота и Діодора, о законахъ Египтинъ, могутъ конечно послужить матеріаломъ, при обзорѣ восточныхъ законодательствъ, для двухъ-трехъ лекцій, но небольше. Томы 3 и 4 посвящены законодательству Еврейскаго народа, но, имѣя въ распоряженіи такое сочиненіе, какъ напримѣръ Сальвадора Histoire des Institutions de Moïse, едва ли будетъ какая польза обращаться къ Пасторе. Въ 5-мъ томѣ около 200 страницъ посвящены устройству и законамъ острова Крита, хотя, конечно, если въ введеніи къ законодательству Греціи касаться острова Крита, то нѣсколько страницъ, посвященныхъ ему Аристотелемъ въ «политикѣ», будутъ совершенно достаточнымъ источникомъ. Въ 5-мъ же томѣ начинается изложеніе устройства и законовъ Спарты, при чемъ, какъ и вездѣ, предшествуетъ длинное повѣствованіе о временахъ совершенно баснословныхъ. Въ 6-мъ и 7-мъ томѣ продолжается изложеніе Спартанскихъ и Аѳинскихъ законовъ и, изъ всего сочиненіе, эти два тома могутъ быть названы еще сколько-нибудь пригоднымъ матері-

аломъ. 8-й томъ посвященъ государственному устройству и законамъ отдѣльныхъ Греческихъ племенъ Пелопонеса. Здѣсь подъ громкимъ названіемъ législation des Argiens, Corinthiens, Arcadiens etc. распускается въ огромномъ разглагольствованіи какое-нибудь отдѣльное, отрывочное свѣдѣніе, которое встрѣчается у какого-нибудь Греческаго писателя, все равно, поэтъ ли это, историкъ или философъ и относится ли самое свѣдѣніе къ миѳологіи, религіи или политическому быту. 9-й томъ трактуетъ о législation des îles connues sous le nom de Cyclades. Въ этомъ же томѣ авторъ переходитъ къ изложенію законодательства Греческихъ государствъ въ малой Азіи и затѣмъ Персидской монархіи. Обращеніе послѣ Греціи снова на востокъ служитъ достаточнымъ образчикомъ системы автора. 10-й томъ посвященъ законамъ Карѳагена и тѣхъ Греческихъ колоній, которыя учредились въ Италіи. Наконецъ 11-й и послѣдній томъ посвященъ законамъ Сициліи въ древнѣйшее время и Этрусковъ. Очевидно, что юридическаго очень мало во всей этой пресловутой Histoire de la législation, и для насъ совершенно не понятно, какъ г. Шнейдеръ, бывшій самъ профессоромъ не Римскихъ древностей, а Римскаго права, могъ сослаться на нее и, значитъ, придавать ей очень серьезное значеніе. Въ каждой наукѣ есть громадные труды, предпринятые по совершенно ложному плану, служащіе памятниками ложной и безплодной эрудиціи, но на нихъ никто не ссылается. Эта мнимая исторія законодательства могла бы имѣть много, что значеніе археологіи законодательства, еслибы труды, подобные Германскимъ юридическимъ древностямъ Якова Гримма, не пріучили насъ къ совершенно другимъ требованіямъ, чѣмъ тѣ, которымъ удовлетворяетъ Пасторе. Эта Histoire de la législation своего рода Телемахида, хотя она и потребовала отъ автора такого же 20-лѣтняго труда, какого стоилъ Монтескье его относительно не объемистый духъ законовъ. Что сказалъ бы профессоръ Римскаго права, еслибы стали доказывать невозможность особой каѳедры Римскаго права на томъ основаніи, что изложеніе системы этого права, съ каѳедры, съ тою подробностію, съ какою она изложена въ 45 томахъ Глюкова Pandecten Commentar. совершенно невозможно. Разница была бы только та, что огромное сочиненіе Глюка и его продолжателей имѣетъ научное достоинство и обращаться къ нему иногда приходится, между тѣмъ, какъ исторія законодательствъ Па-

сторе лишена этого достоинства. Не удивительно по этому, напримѣръ, что Эмерико Амари, въ своей Critica di una scienza delle legislazioni comparate, вышедшей въ 1854, сочиненіе, въ которомъ дѣлается попытка установить методъ и объемъ науки сравнительнаго законодательства и въ которомъ авторъ не пропускаетъ рѣшительно ни одного ученаго труда, имѣвшаго какое-нибудь, хотя и отдаленное, отношеніе къ исторіи законодательствъ, — обошелъ Пасторе совершеннымъ молчаніемъ, какъ будто его сочиненія не существовало для науки.

Приведемъ еще послѣднія возраженія противъ особой каѳедры исторіи иностранныхъ законодательствъ: «Къ этому присоединяется, говоритъ г. Шнейдеръ, еще важный вопросъ: имѣютъ ли студенты тѣ обширныя познанія въ языкахъ и исторіи, кои необходимы для изученія самыхъ источниковъ, такъ какъ безъ обращенія къ симъ послѣднимъ всякое ученіе было бы только призракомъ и значило бы не болѣе, какъ jurare in verba magistri? Далѣе спрашивается: нашлись ли бы самые профессоры съ такими познаніями? Едва ли даже въ какомъ-либо Германскомъ университетѣ. Наконецъ изученіе подобнаго предмета въ сущности не принесетъ учащимся никакой дѣйствительной пользы, а напротивъ того повредитъ имъ, ибо отниметъ много драгоцѣннаго времени, которое они должны бы были посвятить другимъ немалочисленнымъ необходимымъ предметамъ юридическаго образованія».

Самая система возраженій здѣсь та же, что и прежде. Она состоитъ въ томъ, чтобы выставить невозможныя или по крайней мѣрѣ преувеличенныя требованія и вывести затѣмъ, что уже очень не трудно, невозможность ихъ выполненія. Не задаваясь подобными требованіями, замѣтимъ, что именно потому, что въ студентахъ нельзя предполагать такихъ обширныхъ свѣдѣній въ языкахъ и исторіи, чтобы они сами изучали исторію иностранныхъ законодательствъ по источникамъ, и должна существовать въ университетѣ особая каѳедра для обозрѣнія важнѣйшихъ законодательствъ. Относительно источниковъ мы позволимъ себѣ также замѣтить, что не только по исторіи иностранныхъ законодательствъ, но даже спеціально по Римскому праву, гдѣ обращеніе къ источникамъ весьма возможно и крайне желательно для юриста, — студенты у насъ почти исключительно руководствуются лекціями профессора. По крайней мѣрѣ предполагать, что у студентовъ Русскихъ университетовъ

имѣется Corpus juris, было бы, какъ намъ достовѣрно извѣстно изъ опыта, слишкомъ смѣлой гипотезой. Между тѣмъ рѣдкій студентъ юристъ не только въ Германіи, но даже въ Дерптскомъ университетѣ, не считаетъ своей обязанностію, въ теченіе первыхъ же семестровъ, пріобрѣсти Corpus juris и болѣе или менѣе съ нимъ справляться. Очевидно, что наше университетское преподаваніе поставлено и въ ученомъ отношеніи въ другія, менѣе выгодныя условія, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ Германіи, и мѣрять все на ея аршинъ намъ не приходится. По этому и тѣ условія, которыя ставились бы въ Германіи для профессора иностранныхъ законодательствъ, оказались бы у насъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, слишкомъ недосягаемыми. Но то же самое должно сказать и о замѣщеніи всѣхъ другихъ каѳедръ, не исключая въ особенности и каѳедры Римскаго права, такъ что и въ этомъ отношеніи каѳедра исторіи иностранныхъ законодательствъ не находится въ черезъ чуръ исключительномъ положеніи, хотя справедливо то, что, по обширности своего объема, богатству историческаго матеріала и совершенному недостатку, даже въ Европейскихъ литературахъ, полныхъ руководствъ и курсовъ по этой части, каѳедра эта всегда будетъ одною изъ самыхъ трудныхъ на юридическомъ факультетѣ. Вопросъ, почему эта каѳедра, существующая во Франціи, не существуетъ въ Нѣмецкихъ университетахъ, объясняется тѣмъ, что въ Германіи, уже вслѣдствіе особенностей ея юридическаго быта и приноровленія ея факультетовъ къ требованіямъ этого быта, и безъ особой каѳедры иностранныхъ законодательствъ пріобрѣтается знакомство со многими законодательствами, но только другимъ путемъ. Возьмемъ для примѣра юридическій факультетъ любаго Прусскаго университета. Въ немъ, кромѣ общеобразовательныхъ юридическихъ предметовъ, читается въ весьма обширномъ объемѣ Римское право, читается исторія Германскаго права, обще-Германское частное право, гражданское Прусское право, гражданское Французское право (вслѣдствіе дѣйствія его въ Прирейнскихъ провинціяхъ), читаются сравнительные курсы, какъ по гражданскому, такъ и уголовному праву, другихъ Нѣмецкихъ законодательствъ; въ рѣдкомъ изъ Нѣмецкихъ университетовъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, не назначаются еще особые, большею частію публичные курсы для знакомства съ Англійскимъ государственнымъ устройствомъ

и Англійскими учрежденіями (такъ по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ). Очевидно въ такомъ случаѣ, что, не смотря на всю специальность факультетскихъ предметовъ, студентъ, вслѣдствіе многочисленности и разнообразія ихъ, пріобрѣтаетъ довольно обширный кругозоръ.

Наконецъ, позволю себѣ высказать еще то мнѣніе, что особая каѳедра иностранныхъ законодательствъ у насъ крайне необходима именно въ настоящее время. По всѣмъ частямъ государственной жизни и законодательства совершаются реформы. Судебная реформа необходимо, раньше или позже, повлечетъ за собой пересмотръ дѣйствующаго гражданскаго и уголовнаго законодательства. При каждой такой реформѣ, самый первый вопросъ, съ которымъ постоянно приходится встрѣчаться, это тотъ: какое законодательное начало дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи въ другихъ болѣе цивилизованныхъ странахъ? Мы находимся въ необходимости многое еще заимствовать и согласовать съ требованіями нашего быта. Будемъ же по крайней мѣрѣ знать, какъ исторически образовались и какое значеніе имѣютъ на родной ихъ почвѣ тѣ начала законодательства, воспользоваться которыми мы считаемъ полезнымъ при служеніи нашей родинѣ. Правильному же знакомству съ этими началами должна именно служить исторія иностранныхъ законодательствъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Peter Greiner - Buchbinderei
Lindwurmstr. 74
Tel. (089) 776 476
8000 München 2

Peter Greiner - Buchbinderei
Lindwurmstr. 74
Tel. (089) 776 476
8000 München 2

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Žurnaly zasědanij učenago komiteta Glavnago Pravlenija Učilišč po proektu obščago ustava imperatorskich rossijskich universitetov

Sanktpeterburg 1862

H.lit.p. 619 g
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10737266-6